

Владимир Мединский

О русском рабстве, грязи и “тюрьме народов”

Мифы о России

Annotation

Россия никогда не имела демократической традиции и поэтому не может существовать без «сильной руки». Вся ее история: от князя Святослава до Суворова и Жукова, от щита над воротами Царьграда до казаков в Париже, советских танков в Вене и ракет на Кубе — это история непрекращающейся военной экспансии военно-бюрократического государства.

Сожжены и вырезаны Новгород и Казань, украден у татар Крым, разделена и обезглавлена Польша, закабалены свободолюбивые народы Кавказа, царскими колониальными войсками покорены независимые ханства Средней Азии. Везде Империя насаждала свои порядки, свою единственно верную «православную» веру, свой чиновничий аппарат. Так крошечная мононациональная Московия превратилась в гигантскую «тюрьму народов» почти в $\frac{1}{6}$ суши.

При этом отсутствие европейской культуры быта породило в крестьянской стране ту ужасающую антисанитарию, неряшливость и вековую грязь, избавиться от которой Россия не в состоянии по сей день...

Так вот, все вышесказанное, по мнению автора, — ложь. В этой книге, второй в серии «Мифов о России», он доказывает совершенно обратное.

Читайте. Думайте. Спорьте.

- [Владимир Мединский](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть V](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Особенности национального водопровода](#)
 - [Без водопровода](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Баня — не только чистота](#)
 - [Русская баня](#)
 - [Славянский дух Банник](#)
 - [Праздник Ивана Купалы](#)
 - [Слово арабам](#)
 - [«Повреждение нравов» Европы](#)
 - [Глава 3](#)

- [Европейские города-душегубки](#)
- [Неизбежные последствия](#)
- [Города XVI-XVIII веков](#)
- [Чудный Версаль](#)
- [Короли среди куч мусора и нечистот](#)
- [Города Руси](#)
- [О прелести парфюмерии](#)
- [Глава 4](#)
 - [Об эпидемиях](#)
 - [Динамика роста населения](#)
 - [Об идеалах красоты](#)
 - [Истребление красивых женщин](#)
- [Глава 5](#)
 - [Города современной Европы](#)
 - [Гигиена современной Европы](#)
 - [У кого лучше генетика?](#)
 - [Что поддерживает стереотип?](#)
- [Часть VI](#)
 - [Глава 1 Истоки мифа](#)
 - [Сначала был тезис о тюрьме...](#)
 - [Джинн вылетел из бутылки](#)
 - [Классики марксизма о колониальном строе](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Владыки мира](#)
 - [Кое-что о работоторговле](#)
 - [Очищение земли](#)
 - [А в Российской империи?](#)
 - [Во всех цивилизованных странах](#)
 - [Шамиль и Наполеон](#)
 - [Симпатичное свойство всех империй](#)
 - [Континентальные империи](#)
 - [Революционные колонизаторы](#)
 - [В континентальных империях](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Татарский вопрос](#)
 - [Многонациональное Московское государство](#)
 - [Многонациональные татарские ханства](#)
 - [Про взятие Казанского ханства](#)

- [Империя ли это?](#)
 - [Российская империя — империя ли?](#)
 - [Проблема самоуправления](#)
 - [Парадоксальная аналогия](#)
 - [При советской власти](#)
 - [Индия](#)
- [Глава 4](#)
 - [Побег в «тюрьму народов»](#)
 - [Пришедшие в Империю](#)
 - [Ушедшие из Империи](#)
 - [Реалии истории и пропаганда](#)
- [Часть VII](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Древняя Русь — полное отсутствие мифа](#)
 - [Русь — вечная жертва нашествий](#)
 - [Самые «любимые» соседи с юга](#)
 - [«Любимые» соседи с запада](#)
 - [Важная закономерность русской истории](#)
 - [Еще более важная закономерность истории](#)
 - [Закономерность историографии](#)
 - [Глава 2 Рождение мифа](#)
 - [«Оршанская пропаганда»](#)
 - [Ливонская война](#)
 - [Московия Романовых — вместе с остальной Европой](#)
 - [Новые шаги нового мифа](#)
 - [Семилетняя война](#)
 - [Полузабытая слава](#)
 - [Разделы Польши](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Политическая демагогия Наполеона](#)
 - [Наполеон и церковь](#)
 - [Пропаганда в действии](#)
 - [На равных](#)
 - [Как Бонапарт породил миф о русской угрозе](#)
 - [Мифы и реальность войны 1812 года](#)
 - [Антирусская пропаганда Наполеона](#)
 - [Результаты пропаганды в действии](#)
 - [Были ли русские бонапартистами?](#)

- [Упущенные возможности](#)
 - [Русская армия в самом сердце Европы](#)
- [Глава 4](#)
 - [Кое-что о «польской карте»](#)
 - [Восстание или война?](#)
- [Глава 5](#)
 - [Рождение Новой России](#)
 - [Проблема Северного Кавказа](#)
 - [Начало Кавказской войны](#)
 - [На западе и севере](#)
 - [На востоке](#)
 - [Империя против империй](#)
- [Глава 6 Самая плохая империя](#)
 - [Эпоха колониализма](#)
 - [Англия, Россия, пропаганда и колониализм](#)
 - [Причина — соперничество](#)
 - [Кавказ](#)
 - [Средняя Азия](#)
 - [Столкновения в Центральной Азии](#)
 - [Крымская война](#)
 - [Прибалтика и Север](#)
 - [Столкновения на Тихом океане](#)
 - [Русско-турецкая война 1877–1878 годов](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Выводы](#)
- [Часть VIII](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Из тьмы веков](#)
 - [Или все-таки монархия? \(Современное отступление\)](#)
 - [Непосредственная демократия в городах](#)
 - [Магдебургское городское право](#)
 - [Сословно-представительная демократия](#)
 - [Генеральные штаты](#)
 - [Парламент](#)
 - [Демократия или плутократия?](#)
 - [Светоч Великой демократии](#)
 - [«Флорида»](#)

- [Демократия... за 300 миллионов](#)
- [Так что же такое демократия?!](#)
- [Глава 2](#)
 - [Изначальное положение дел](#)
 - [Княжеская власть и дружина](#)
 - [Не первый наследник, а род!](#)
 - [Формула Любечского съезда](#)
 - [Необходимое отступление](#)
 - [Грамоты Ярослава](#)
 - [Переворот в пользу вече](#)
 - [Последние полтора века](#)
 - [Господин Великий Новгород](#)
 - [О демократии в Новгороде](#)
 - [Повседневное управление](#)
 - [Псков — особый пригород Новгорода](#)
 - [Господин Великий Псков](#)
 - [Господство закона](#)
 - [Грамота — массовая и демократичная](#)
 - [Находка](#)
 - [О чем писали новгородцы?](#)
 -
 - [Массовая грамотность](#)
 - [Книжное учение](#)
 - [Образование и демократия](#)
 - [Наказанный самодержец](#)
 - [Когда кончился вечевой строй?](#)
- [Глава 3](#)
 - [Пространства огромной страны](#)
 - [Демократия на местах. Община и большаки](#)
 - [Демократия на местах. Губные целовальники](#)
 - [Свободные крестьяне Московии](#)
 - [Крепостные крестьяне Московии](#)
 - [Посадские люди](#)
 - [Нетяглое население](#)
 - [Бюрократия](#)
 - [Аристократический принцип](#)
 - [Земские соборы — наши Генеральные штаты](#)
 - [Общественная мобильность](#)
 - [Земские соборы: от «Общественной палаты» к «Съезду»](#)

[народных денугатов», или Как избирали Романовых](#)

- [Подведем итоги](#)

- [Глава 4](#)

- [Страшный удар по русской демократии](#)

- [А все-таки демократия!](#)

- [Попытка дворянской конституции](#)

- [Подкуп дворянства](#)

- [Проект раскрепощения](#)

-

- [Корпоративная демократия дворян](#)

- [Самоуправление городов](#)

- [Генеральные штаты Екатерины II](#)

- [В «пяти минутах» от Конституции](#)

- [Николай I «Палкин» и его «вертикаль власти»](#)

- [Земская демократия](#)

- [Манифест 5 октября](#)

- [Государственная Дума](#)

- [Временное правительство](#)

- [Учредительное собрание](#)

- [Выводы](#)

- [Глава 5 Демократия в СССР](#)

- [Возможно ли?!](#)

- [Сущность советского строя](#)

- [Социальная защищенность](#)

- [Социальная мобильность](#)

- [Помнить хорошее](#)

- [Приложения](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)

- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)

- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)

- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)

- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)

- [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
 - [327](#)
 - [328](#)
 - [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
 - [349](#)
 - [350](#)
 - [351](#)
 - [352](#)
 - [353](#)
 - [354](#)
 - [355](#)
 - [356](#)
 - [357](#)
 - [358](#)
 - [359](#)
 - [360](#)
-

Владимир Мединский

О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов»

Этот народ находит более удовольствия в рабстве, нежели в свободе.

С. Герберштейн, XVI век

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.*

М. Лермонтов, XIX век

*Проблема России — это россияне.
Главный враг России — это мы сами, наше
многовековое рабство, лицемерие,
чинопочитание — потомки крепостных, люди
с рабским самосознанием...*

Б. Немцов «Исповедь бунтаря», XXI век

Введение

Глубокоуважаемый Читатель!

Перед Вами вторая книга из задуманной серии «Мифы о России». В одну книгу, увы, все мифы не уместятся. За века их накопилось столько, что хватит на целую библиотеку.

В первой книге речь шла о происхождении черных мифов о России. Самых ходких и самых зловредных... но, конечно, не обо всех. Далеко не обо всех. Было подробно разобрано, насколько соответствуют действительности мифы о кровавости и жестокости русской истории, о русской лени, о запойном русском пьянстве.

Это была непростая работа, ведь мифы о жестокости русских правителей, о низкой цене жизни и крови в нашей стране, об историческом пьянстве русских, о нашем неумении и нежелании работать так вошли в сознание, что уже и возражать трудно. Не всегда и поймешь, где миф, а где сама действительность.

Например, «всемирно известно», что российская история от Ивана Грозного до Сталина самая кровавая, а русские как встанут поутру — тут же, не успев натянуть штаны, засаживают стакан с сивухой.

Самым наглядным стало сравнение положения дел в России и в Европе... Как только начнешь ОБЪЕКТИВНО, В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ сопоставлять факты — и сразу оказывается, что живем мы не в «черной дыре» истории, а в стране сравнительно благополучной, в стране, которая выглядит еще очень даже неплохо на фоне остальных. Даже в области пьянства, многие страны и пьют больше, и с более тяжелыми последствиями.

В первую книгу не вошел миф о русской грязи. А ведь этот миф более яркий, чем миф о пьянстве. Полезно, поучительно, даже весело сравнить русскую цивилизацию с ее непременным атрибутом — баней и заросшие жуткой грязью города средневековой Европы, ярко встающие со страниц исследований историков, а порой и беллетристических романов (взять хотя бы нашумевшего «Парфюмера»).

Изучение традиций в области «гигиены и санитарии» в России и Европе стало частью второй книги серии. Надеюсь, это получилось и, правда, веселое исследование. Я ведь не обязан всегда писать самым серьезным слогом — особенно если речь идет не о пытках и убийствах, а о блохоловках на увешанных брильянтами дамских платьях в Версале

(отнюдь не на сарафанах русских красавиц) и о коридорах в Лувре, превращенных в уборные. Впрочем, не буду пересказывать книгу.

Но разве миф о русской угрозе миру, о постоянной русской агрессии не влияет на наше отношение к самим себе и к этому миру? Он не менее опасен для нашего самосознания. А в политике играет даже более значительную роль, чем «бытовые» мифы — о русской лени, пьянстве и грязи. Что мы ленивые и вечно пьяные «руссиш швайн» — об этом пусть балагурят розовощекие немецкие солдатики в многочисленных «кино о войне». Это не опасно. А вот что мы страшно агрессивные и все время пытаемся кого-то завоевать — тут уже результат совсем иной. Это — руководство к действию правящим мировым элитам. Это — ментальная опора при принятии всех антироссийских «ястребиных» решений: французский десант — в Крым (Наполеон III: «Упредим агрессию русских в Средиземноморье!»), «Першинги» и «крылатые ракеты» — в Европу: «Остановим продвижение коммунистов!» (Рейган), систему ПРО — в Чехию и Польшу: «Хватит Путину зазнаваться!» (Дж. Буш-мл.).

«Русские идут!» — это не просто миф, это идеологический лейтмотив всей антироссийской внешней политики наших геостратегических партнеров-конкурентов, начиная с XVII века и по сегодняшний день.

А рядом с ним живет и его родной брат: миф о России — «тюрьме народов». Как он родился, какую совесть надо иметь для его распространения — это особый вопрос. Но миф существует и «доказывает» всему миру, зачем русские постоянно хотят завоевать все страны и народы. Видимо, чтобы посадить их в свою «тюрьму народов» и постепенно в ней уморить. Ведь, согласно этому мифу, все нерусские в многонациональной России — это покоренные силой оружия, исчезающие с лица земли полурабы, подавленные «империей зла».

Этот черный миф действительно пугает, и не только слабонервных барышень. Каждый раз, когда наши милые соседи или сносят памятник воину-освободителю в Таллинне, или находят «русское военное НЛО» в воздушном пространстве Грузии, этот миф извлекается из нафталина и заботливо проветривается. Его моментально вспоминают, как только политика России перестает устраивать Запад или становится важно поддержать очередного сателлита-«союзника» «империи добра» — США.

Завершает книгу анализ мифа об извечной русской авторитарности и неспособности к демократии и самоуправлению.

Опять же «все знают» не только о постоянных попытках «русского медведя» расширить свою берлогу до границ ойкумены, но и о том, что в том русском берложке царстве демократии нет и никогда не было. А были

только самодержцы с неограниченной никем властью, свирепые бояре, которые мордовали, кого хотели, и творившие дикий произвол чиновники, управлявшие Россией, как Бог на душу и проситель в карман положит.

Наверное, современным читателям покажется диким утверждение, что реальной демократии в России нередко было не меньше, а во многие периоды истории и побольше, чем в Европе. А ведь это факт легко доказуемый. Широчайшее распространение местного народного самоуправления сделало Россию страной вольного духа. Страной, в которой до 1917 года на душу населения приходилось в 6–7, порой даже в 20 раз меньше чиновников, чем в Британии и во Франции.

Не в королевствах Европы, а на Руси царь мог бить рука об руку с представителями народа на площади у дворца. Не в светоче демократии США, с их «американской мечтой» и полностью отмененным только в 1870 году рабством,^[1] а в России простолюдин даже в эпоху крепостного права вполне мог сделать блестящую карьеру. В США много говорили о чистильщиках сапог, которые могут стать миллионерами и президентами. Только вот показать миллионера, который начинал бы чистильщиком сапог, пока что никому не удавалось. А в России сын сельского священника становился всесильным министром-реформатором, сын крестьянина — Патриархом и официально (!) — вторым Государем Всея Руси, а бывший крепостной — архитектором Казанского Собора.

Даже избирательное право на Руси имело преимущество перед западным. Неограниченная монархия? Да, только мы забыли, что поначалу русских царей выбирали. Причем выбирали Земские соборы, более демократичные по составу, чем британский парламент того времени. Не верится? Мне тоже первое время не верилось. Но факты, факты...

Убежден, и надеюсь донести это до читателя: Россия имеет все основания для того, чтобы гордиться своей историей и ее деятелями. Будет у нас гордость за Отечество, осмысленное отношение к ее истории, уважение к самим себе — будет и современная, промышленно развитая, богатая и славная во всех отношениях и прославленная во всем мире Россия. А чтобы утвердилась законная гордость, необходимо развенчать и обезвредить черные исторические мифы, как обезвреживают мину, вынимая из нее запал.

Нет, не будет и не может быть у россиян гордости за свою страну, пока большинство населения верит, что мы родились в стране, где демократией отродясь не пахло, вся история которой — пустые и бессмысленные имперские амбиции, угрозы соседям, насилие над народами, запойное пьянство, непролазная грязь, лень и тупость.

Россия — грязная, ленивая, жестокая, вечно пьяная?

Ее населяют люди, не умеющие работать и почистить собственные зубы?

Русская история — ошибка, патологическое отклонение от «гуманистически ориентированной» истории других народов?

Нам так долго говорили об этом, что мы почти поверили в такой образ самих себя. Если будем верить и дальше, России конец, потому что жить в такой стране и растить в ней своих детей и вправду совершенно невозможно.

К счастью, все это — не более, чем МИФЫ!

МИФЫ, придуманные нашими врагами.

И подхваченные нами так, что мы сами становимся врагами самим себе. У нас заминированное сознание.

Идеологическая мина, сидящая внутри тебя, опаснее любой бомбежки извне.

Мифы опаснее нашествия Наполеона и плана «Ост» Гитлера. Наполеона изгнали за 6 месяцев. С Гитлером справились за 4 года. Очень напряженных, очень страшных года, но справились полностью и окончательно.

А вот с неверием в самих себя не можем справиться уже которое столетие.

Обвинения в авторитарности и в неуважении к личности человека, недоразвитости личности в России в XVII, XVIII, XIX веках легко переходят в обвинения в нарушении прав человека в XX и в XXI...

На самом деле никакой книги не хватит для анализа всех мифов. Да куда всех! Для описания даже самых основных, самых зловещих и опасных.

Рассказ о мифах русской истории мы продолжим в следующих изданиях. Поговорим о так называемой «извечной» русской отсталости от «стран передового мира» — в первую очередь об отсталости технической.

Ведь стоит посмотреть, в чем и когда «отставала» Россия, от кого — и это будет ударом по многим представлениям современных «либералов» в самой России.

Поговорим о мифе про «бесконечное» долготерпение и рабскую покорность русских, о «загадочной русской душе» и «непостижимом русском пути», особом и исключительном. Поговорим и о «русском воровстве», — ведь в России, «как известно», все всегда воровали и никто не работал. Вот мы и посмотрим факты, проверим их соответствие МИФАМ О РОССИИ.

Схема территориальной экспансии России

- На конец царствования Ивана III.
- На конец царствования Александра I.
- Наибольшая площадь России по совокупности территориальных приобретений.
- Сфера российского влияния.

Схема сокращения зоны нашего влияния
после распада СССР

- 1985 год. СССР и союзные страны.
- 1991 год. СССР.
- Россия сегодня.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ВНЕШНЕОТНОШЕНИЯ"
Москва, Россия
ISBN 5-274-00119-9
9 780527 400119
11 329 Р.

Часть V

Миф о русской грязи

Обычное для России — пренебрежение к отхожему месту.

А. П. Чехов «Путешествие на остров Сахалин»

Свинья везде грязь найдет.

Русская народная пословица

Глава 1

Откуда взялся миф?

Прощай, немытая Россия.

М. Ю. Лермонтов

Эти строки известного стихотворения, рожденные поэтом в первой половине XIX века перед отъездом в ссылку на Кавказ, стали одним из аргументов и художественной метафорой «мифотворцев» в пользу подтверждения тезиса о грязи и неопрятности русских.

Как всегда в таких случаях не учитываются ни обстоятельства написания стихов, ни кому именно адресовал автор слово — «немытая». Если заняться «скучным» анализом, быстро выясняется: оскорбительно-дерзкое, экспрессивное это определение лирический герой относит скорее к вполне конкретной, «официальной» России. То есть никак не ко всему русскому народу, а только к тем, кто обвинил и сослал поэта.

Но, как и водится, в этом никто не стал разбираться. И строки, в которых поэт признается в любви к Родине, проникновенно пишет о своих переживаниях патриота, у нас практически не цитируются. А определение «немытая Россия» было подхвачено и приклеено ярлыком ко всем русским, ко всей России. Теперь это «сильный» аргумент в пользу традиционной русской нечистоплотности. «Вот видите? Даже патриот Лермонтов так полагал!»

Объяснить этот «выверт логики» можно исключительно упорным желанием видеть Россию непременно грязной, нечистоплотной страной. Причина в конечном счете — в логике нашего «подкинутого сословия». Еще реформы Петра заставили «прогрессивное» дворянство считать, что Запад культурнее и чище России, а мы — отсталые и немытые.

Ю. Лермонтов. Акварель Е. Тренера.

«Прощай, немытая Россия...» — бросил в сердцах молодой офицер Лермонтов, уезжая из столицы на Кавказ. И мы до сих пор соглашаемся: «Да, мы такие, мужичье сиволапое, борода во щах, грязь под ногтями...»

Довершил начатое век XIX, насыщенный «освободительными» движениями и революционными организациями, основными героями которых был вовсе не народ, а дворяне, разночинцы, интеллигенты. Сознание интеллигентов было так же раздвоено, как и сознание дворян, но еще больше отягощено комплексами, истерическим стремлением примирить разные стороны своего бытия. Одна из важнейших особенностей нравственно мятущегося русского интеллигента — поиск и «обличение» собственных пороков. Примерно в таком стиле: «Конечно, я скверный, я гадкий, но «зато» я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием». Волна «обличающих» самих себя статей, литературных произведений и мемуаров поднялась в конце XVIII века и достигла апогея в середине — конце XIX века. Эта линия самокритики и

самообличения очень хорошо видна во всех культовых произведениях того времени — от «Путешествия из Петербурга в Москву»^[2] и трудов Новикова до произведений Чернышевского,^[3] Герцена,^[4] Чаадаева.

При моде на самобичевание, конечно, досталось не одним отдельным интеллигентам, а России в целом.

Адам Олеарий у дипломат и путешественник.

Русские бани потрясли его до глубины души. В этом он, как и многие другие приезжие иностранцы, увидел, впрочем, не тягу русских к чистоплотности, а некий национальный мазохизм. Это же надо: самому залезть в такую жару, позволять себя хлестать там какими-то розгами, а потом прыгать в снег, а то и в прорубь! Явно русские столь жестокосердным образом изгоняют из себя Дьявола.

Дворянский историк Н. М. Карамзин упрекал Петра I в потере

национального чувства, в стремлении насильственным путем сделать из России «вторую Голландию». Народолюбцы же обвиняли царя скорее в противоположном: по их мнению, он еще «мало» сломал в России, делая ее «второй Голландией» недостаточно жестоко и стремительно.

Народолюбцы же обвиняли царя скорее в противоположном: по их мнению, он еще «мало» сломал в России, делая ее «второй Голландией».

Среди прочих обвинений звучало и обвинение в «вековой» русской грязи. Итак, что есть Россия? Деревня. Лапотник-мужик. Что есть мужик? Грязь, вонь, вши. Спят вповалку, не раздеваясь на полу. Совокупляются в грязи в общей и единственной комнате в деревенской избе. Сальные волосы, всклоченные бороды. Дырявая рубаха, подпоясанная веревкой, да рваные лапти. Зубов нет. Из рта — вонь. Дети — засранцы — спят на полу вперемешку со скотом. Вот вам — Святая Русь! Все: «прощай, немытая Россия», губ бай, май лав, гуд бай!..

Якобы, только реформы Петра и вытащили дикую Россию из пучин азиатской грязи. Чтобы подтвердить свои суждения, народолюбцы щедро черпали высказывания из книг Олеария, Маржерета, Флетчера, Герберштейна... Кого угодно. Как правило, заезжие мемуаристы XVI–XVII веков представляли противоречивые, взаимоисключающие описания образа жизни и быта русских. «Приходилось» с кровью выдирать из них то, что ложилось в теорию. Олеарий описывает страну, в которой на каждом шагу стоят бани, мыться в них — народный обычай, и люди любят горячую воду и березовые веники. Впрочем, об этом писали практически все путешественники, даже трудно выделить какие-то особенные цитаты.

Писали иноземцы и о том, как к мосткам летом, к прорубям зимой сходятся женщины стирать.

Кстати, ни одного описания грязного русского или русского в грязной одежде нет. Ни у Маржерета, ни у Олеария, ни даже у ярого русофоба Штадена.

Это, конечно, остается без внимания. Но вот у Олеария мелькнуло: мол, близ Москвы, на самом въезде в город — свалка. Ага! Получен нужный аргумент! И авторитет Олеария уже работает на нехитрую идею — про грязную, заваленную нечистотами Россию.

Этот миф оказался настолько глубоко внедренным, что даже тогда, когда русский путешественник сталкивался с особенностями европейской «гигиены», у него, русского, не возникало соблазна уличить европейцев в нечистоплотности. В книгах, написанных русскими о Западе, есть много просто устрашающих описаний антисанитарии и грязи. Но нигде вы не найдете ни одного обобщения и сомнения по поводу чистоплотности

европейцев.

В свое время меня поразило описание, сделанное русским эмигрантом Борисом Завадским. Пять лет провел он в Северной Америке, с 1927 по 1932 год. Работал там и грузчиком, и поломойкой, слесарем, механиком, пекарем, и в числе прочего — ковбоем. Итак, конец рабочего дня...

«Джек вынес ведро, табуретку, большой таз, мыло и полотенце. Первый из подросевших ковбоев насосом... накачал ведро воды, напился из него, наполнил таз, основательно вымыл в тазу руки и затем этой же, уже грязно-серой водой умыл свое пыльное лицо и вспотевшую шею. За ним подошел второй, потом сразу трое. Умывались все вместе, не меняя воду, вытирались общим мокрым и серым полотенцем. После ковбоев умылся Джек.

— Ну что же ты? — обратился он ко мне, приглашая последовать общему примеру.

Я выплеснул грязную воду, ополоснул таз, и, наполнив его свежей водой, умылся. Взгляды окружающих, тяжелые и насмешливые, как бы говорили презрительно: «Эх ты, чистюля!»». ^[5]

Спать парню приходится, положив носовой платок на серую от грязи наволочку, не раздеваясь: тут так полагается. Стоит ли тратить время на то, чтобы снимать и надевать одежду? Во сне парень видел ковбоев, «умывающихся черной водой из грязного таза». Утром он достал зубную щетку и пасту, мыло и полотенце, пошел умываться и чистить зубы.

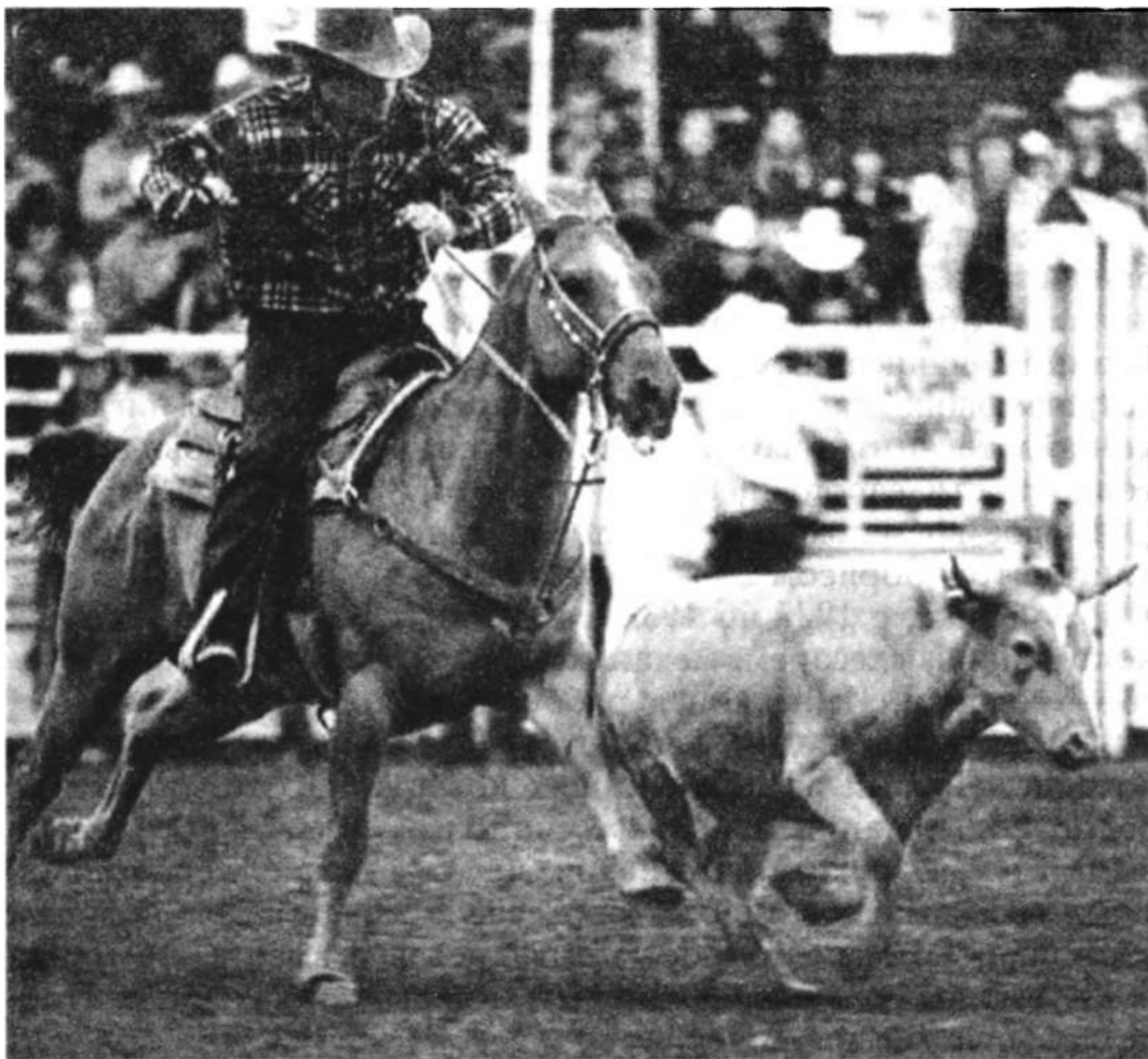
«Хозяин смотрел на меня неодобрительно. Будто я занимался колдовством.

— Ты чего это до работы умываться вздумал?...Все равно сейчас вымажешься.

— А я тогда еще раз умоюсь.

— Вздумал! Это у нас не принято! Еще зубы чистить — подумаешь, лорд какой». ^[6]

Представляю, какие далеко идущие выводы сделал бы иностранец, наблюдая такого рода сцены в России. И как долго его цитировали бы, в том числе, сами русские. А вот у Завадского нет ни малейших попыток анализа и обобщения. И никто в Америке не цитирует его книгу, повторяя: «Видите! Видите, какая она грязная, эта наша дикая страна, отсталая от России — образца чистоплотности!»

Рodeo.

Cowboys («коровьи мальчики») были совсем не такими молодцами, как обычно изображаются в вестернах. Достаточно отметить, что примерно половина ковбоев были... неграми и индейцами. Этого «Коламбия пикчерс» точно «не представляет»

Особенности национального водопровода

Каждого русского путешественника, приезжающего в Лондон уже XXI века, до сих пор удивляет одна особенность, если не сказать, странность

британской повседневной культуры. Это ванная комната и... два крана. Краны — отдельно для горячей и отдельно для холодной воды. Затыкаешь слив пробкой. Наполняешь раковину. И умываешься. В грязной непроточной воде. В точности, как американские ковбои в 1920-х.

Советский дипломат и писатель В. Овчинников описывает, что «поскольку плескаться в умывальнике, как это делают англичане даже в гостиницах, поездах и общественных туалетах, я так и не полюбил, мне приходилось после бритья ополаскивать лицо теплой водой из кружки».^[7]

У самих британцев сложилось просто очаровательное объяснение, почему в России нет таких пробок... Оказывается, все дело в тяжелой нашей истории: война, революция, снова война... Ясное дело, сразу всего необходимого не напасешься. К тому же, по мнению англичан, отсутствие пробок — еще одно свидетельство русского разгильдяйства! Не умеют русские экономить, ведь вода — это деньги! Да и вообще, не мыслят «экономически». Вон сколько зазря утекает воды, пока этот русский умывается. И что тяжело потрясает душу британца: почему же в России есть пробки для ванны, но нет пробок для раковины?! Впрочем, и ванная у британцев по нашим понятиям своеобразная — в ней отсутствует душ. Да, и кран в умывальнике, по-прежнему, без смесителя!

Кстати, британцы «не имеют обыкновения и окатываться водой после ванны, а прямо в мыльной пене начинают вытираться. Но еще труднее свыкнуться с тем, что этот обычай распространяется и на мытье посуды». Попросту говоря, посуду окунают в воду с жидким мылом, проводят по ней щеткой и ставят сушиться. «Именно так и только так моют бокалы и кружки, тарелки и вилки во всех английских пабах и ресторанах».^[8]

Обычаи англичан не кажутся россиянину, говоря мягко, верхом гигиены. Невольно думаешь — не подцепить бы чего в стране, где посуду моют так небрежно, а ванну не моют и даже не ополаскивают.

Но Всеволод Овчинников объясняет: мол, просто обычаи у нас разные и все тут. Ну, не моются британцы под струей воды, не принято у них это. А ведь у него много оснований говорить о неряшливости, нечистоплотности британцев! Какие выводы можно было бы сделать! Но деликатный писатель не рассказывает британцам об их традиционной грязи, о скверной традиции, нарушающей все правила гигиены. А британцы не используют книгу В. Овчинникова, чтобы демонстрировать друг другу, какие они плохие.

Однако из сказанного вовсе не вытекает, что Россия менее чистоплотна, чем Англия. Уж простите, но это Англия менее чистоплотна,

чем Россия. Но вот отношение к самим себе и друг к другу в этих странах различное. Жаль, что мы не заимствовали его у англичан.

Кстати, вспоминаю как в совсем недалеком 1987 году мне довелось побывать в социалистической Чехословакии. Недалеком 1987-м... Прошло лишь 20 лет, но молодежь уже и не знает, что было такое государство — социалистическая Чехословакия — первая страна, попытавшаяся провести «перестройку», «обновление и гласность» в рамках отдельно взятой социалистической страны. Мы вспоминали об этом в первой книге — о так называемом «социализме с чехословацким лицом». Конечно, тогда, летом 1987 года уровень жизни в Праге, выбор продуктов и особенно «пива и напитков, изготовленных на его основе»^[9] нас, студентов МГИМО, приятно удивлял.

Что и говорить, вкус чешского «Козела» или «Будвара» несколько контрастировал с «амбре» желтой мутноватой жидкости, именуемой ««Жигулевское» в розлив», которую мы иногда могли себе позволить в ближайшей к нашему институту на юго-западе Москвы пивнушке под «народным» названием «Ракушка».^[10] Однако, речь не об этом. Чехи пиво делать умеют: вкусно, недорого и закуска легкая, хорошая — всякие там «тычинки» да «брамборки».^[11]

К тому, что пиво в Чехии лучше московского, мы тогда, в 1987 году, привыкли быстро. А вот к тому, как в «Золотой Праге» моют пивные кружки, привыкнуть не могли долго. Дело в том, что в «классической» чешской пивной их... вообще не мыли. Порядок был такой: грязные кружки, с пеной и остатками пива официант ставит на стойку бара. Там — две раковины, наполненные водой из-под крана. Слив в обеих закрыт пробкой. Бармен, схватив по 2–3 кружки в каждую руку, ловко черпает ими явно уже не первой свежести воду из одной раковины, выливает ополоски обратно, а потом также «ополаскивает» кружки во второй раковине, где вода, как ему представляется, уже чистая. После этого в эти кружки сразу же наливается пиво для новых посетителей. На фоне этой «посудомоечной» процедуры, даже наша автоматическая «кружкомойка»^[12] в околоинститутской пивной казалась нам верхом гигиены.

Без водопровода

Где-то прочитал, что в 40 % домов Британии водопровода нет и сегодня. А в 40 % тех, где есть водопровод, нет ванной комнаты. Думаю, преувеличение. Однако факт, что процедура умывания во многих

британских домах и сегодня часто такая, как она описана у Агаты Кристи: цветной фаянсовый кувшин и тазик, наполняемый водой.^[13] Хочешь умыться? Наливай воду в тазик из кувшина и умывайся!

Понятно, что старинный русский рукомойник с проточной водой гораздо гигиеничнее, чем английские тазик с кувшином и раковина с пробкой. Наверное, европейцы и сами понимают, что от такого умывания толку не так уж много. По крайней мере, 82 % мужчин в современной Великобритании считают, что личная гигиена не стоит того, чтобы тратить на нее время.

В общем, при желании как раз русские могли бы многократно обвинить европейцев в пренебрежении правилами гигиены и объявить Европу нечистоплотной и грязной. Но мы этого не делаем, говорим разве что о различных традициях.

Зато свидетельствами и обвинениями в грязи в адрес русских едва ли не с XV века наполнены все записки о путешествиях в Россию.

Глава 2

Древние предания об образе жизни и гигиене

Хочешь улучшить настроение? Помой голову.

Индусская поговорка.

Баня — не только чистота

Сама баня и обычай мыться в ней древнее любого из современных народов. Бани были у жителей Древнего Востока, и часто омовение связывалось у них с ритуальной, религиозной чистотой. Если ты чист телесно, то значит чист и мыслями, намерениями, душой. Умылся, постирался — готов общаться с высшими силами. Наверное, тут сказывается еще древняя народная традиция изменять свое внутреннее состояние. Ведь по поверию, пока умываешься, вместе с водой стекают вчерашние мысли и душевные состояния, дурное настроение и хлопоты. Переключаешься, взбадриваешься, испытываешь приятное чувство здорового тела и притока энергии.

Вот на Древнем Востоке и считали, что перед общением с богами надо было привести сначала в порядок тело и одежду. Страшным невежеством было бы предстать грязным перед лицом божества или обожествляемого царя.

Так же относились к воде, чистоте, умыванию и мытью в Индии, в Китае, в Японии, в Древней Греции и Древнем Риме. И в Библии, и в Махабхарате, и в стихах Гомера описывается, как почетному гостю моют ноги и как именно действовал Древний обычай.

Кстати, обычно, чем важнее, чем почтеннее был гость, тем более сановитый человек моет ноги гостя в тазике. Очень почтенному гостю омывает ноги сам хозяин дома.

Никогда и нигде чистота не была только чистотой тела самой по себе. Нигде и никогда не была баня только способом помыться и смыть грязь. Всегда и везде чистота была способом гармонизировать свое бытие, стать уютнее богам, приблизиться к совершенству. Гармония души и движение к божественному не мыслились без гармонии тела и без движения к собственному совершенству.

Русская баня

То, что мы называем русской баней, на самом деле намного старше русского народа. Еще Геродот в V веке до н. э. говорит о жителях степей Причерноморья, что «они льют воду на камни и парятся в хижинах».^[14] Древний историк писал о «скифах-пахарях» — земледельцах, которые подчинялись скифским вождям, но жили сами по себе, старинным земледельческим укладом. Не только литераторы-романтики,^[15] но и многие ученые сегодня видят в них предков славян.

Задолго до этого времени общие предки славян и германцев уже знали баню, — бани, в которых раскаляли камни, археологи находят в поселениях, возраст которых — 2–3 тысячи лет до н. э. Вероятно, такая баня с печью-каменкой была не только местом, где наводили телесную чистоту, но и своеобразным первобытным храмом. А березовые веники, которыми хлещут себя и друг друга в парилке, прямо происходят от веников, которые заготавливали скотоводы в зоне лесов — чтобы кормить скот в зимнюю бескормицу. Наши предки хлестались, делая себя чистыми, готовыми к общению с богами, теми самыми вениками, которые шли потом на корм корове — самому большому и самому ценному животному в хозяйстве.

Баня — это не только чистота. Это и гармонизация самих себя. Это и оздоровление, профилактика болезней. Баня — это и терапия, и массаж, и прогрев. Очень показательное повеление князя Владимира строить бани как «заведения для немогущих», то есть для больных.

По легенде, в бане вылечился строитель Софии Новгородской «мастер Петр». Немолод был, заболел во время строительства и испугался, что не успеет закончить храм. Но в парной бане исцелился и завершил великий проект.

По разным преданиям в I веке баней славяне встретили Андрея Первозванного, пришедшего на Русь Апостола. Если это и легенда, то очень характерная.

Славянский дух Банник

Наше славянское отношение к бане было типично для многих народов мира, но у нас бане придают даже более важное, истинно религиозное значение.

Любопытный факт: нигде, ни в одном из регионов мира, не было

специального божества чистоты. Даже у римлян, которые очень любили теплые бани, термы, и сделали их своего рода клубом. В термах встречались друзья, пировали компании, справлялись праздники. Термы были местом общения, где в ходе общей «тусовки» создавались и рушились репутации, договаривались о сделках, собирали дружины, обменивались мнениями... Очень может быть, наши предки точно так же собирались в банях или сразу после бани, с той же целью. Если это так, то и обычай общего застолья после бани, обычай собирать своего рода «банные клубы» очень древнего происхождения.

Но, повторяю, особого божества, эдакого Термника, у римлян не было. А у славян такой божок был. Поверья русских и белорусов восходят к славянским мифам, отражающим духовное восприятие народа и его материальную культуру. В этих поверьях мы находим описание маленького, тощего нагого старика, облепленного листьями от веника. Этот старичок — Банник.

Видимо, баня сделалась настолько важным элементом культуры предков, что это потребовало создания особого языческого божества. Банник, дух бани, жил в народном сознании до XX века. Баннику ставили блюдце с молочком, его просили «пустить в баню, не прогневаться», с ним старались поддерживать такие же хорошие отношения, как с домовым.

Ведь в жизни крестьян баня всегда занимала очень важное место. В ней не только мылись и парились, знахари в ней лечили людей от простуды, вывихов и разных других болезней, там часто принимались роды.

С баней и Банником также связан оригинальный свадебный обряд: мать невесты выпекает особый хлеб-банник и посыпает его солью. Этим хлебом-банником благословляют молодых к венцу. Хлеб вместе с жареной птицей и двумя столовыми приборами зашивают в скатерть. На следующий день сваха распускает скатерть к выходу молодых из бани. Молодые обязательно должны отведать хлеб-банник.

К Баннику обращались в святочные вечера, когда девушки гадали о своей судьбе. В полночь девушки приходили к бане, чтобы узнать о своем суженом.

Для русских создание семьи, рождение детей — символ чистоты. Поэтому и связаны эти ритуалы с баней и духом Банником.

Праздник Ивана Купалы

До наших дней дошел праздник языческих времен: Ивана Купалы.

Предки в этот день, в частности, шли на реку и как можно дольше не вылезали из воды.^[16]

Древнее значение имени божества Купалы (кипеть, вскипать) постепенно забылось, оно стало ассоциироваться со словом «купаться», поскольку смысл этого праздника — массовое купание-очищение.

Прослеживается и связь Ивана Купалы с брачными обычаями. В этот день славяне-язычники искали себе жен и «умыкали их у вод». Попросту говоря, имитировали похищение. Но до этого мылись в реке, радуясь теплу и долгим летним дням.

В Христианской Руси этот праздник сохранился и стал праздником Иоанна Крестителя. Как известно, языческие праздники и божества порицались христианством. Однако привычку славян мыться, купаться невозможно было уничтожить. Невозможно было упразднить и этот ритуал. Вот только девиц уже, конечно, во время праздника не «умыкали».

Слово арабам

На древнем мусульманском востоке придавали огромное значение чистоте тела. Тем интереснее свидетельство авторитетных в этом плане арабов: «Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них что-то вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. На другой день, после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И все они поклоняются огню. Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету.

Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. У них много городов и живут они привольно».^[17]

Соблюдают чистоту своих одежд... В устах образованных арабов это звучит намного большим комплиментом, чем скажи это средневековые европейцы.

«Повреждение нравов» Европы

Среди народов, для которых чистота и мытье были священны,

исключением предстаем не мы, а как раз европейцы. Сами европейские ученые склонны связывать это с вырубкой лесов. Период с XI по XIV век официально именуется в учебниках «временем Великой Распашки». В это время в Европе вырубали и превратили в поля и луга так много лесов, что наступил своего рода «энергетический кризис». Топливо стало дорогое, и тогда европейцы почти перестали купаться в банях — большинству населения это сделалось не по карману.

Тогда же европейцы полюбили «быструю еду», пресловутый «фаст фуд» — такие блюда, которые не надо долго варить и жарить, тратя драгоценные дрова.

Несомненно, «энергетический кризис» в Европе был, нет слов. Но европейские историки лукавят, сводя к его последствиям весь «грязный» период европейской истории.

Во-первых, не везде и не во всей Европе вырубали леса. В Германии и в Скандинавии леса шумели еще в XVII-XIX веках. А бань уже почти не стало, в том числе и на этих территориях.

Во-вторых, и в других странах: Франции, Англии и Центральной Европы XII-XIII веков оставались большие массивы леса... Робин Гуд жил в огромном Шервудском лесу, и никакой Ноттингемский шериф не мог его там поймать.

В-третьих, по мере исчезновения лесов, европейцы все больше стали топить печи углем. Добыча угля стала важной частью экономики Британии и стран Северной Европы. Уголь был экономически доступен. Если молено было отапливать углем жилища и готовить на нем пищу, что мешало протопить раз в неделю углем баню? А ведь не топили, это же факт.

Анна Ярославна королева Франции.

Скульптурное изображение.

Дочь Ярослава Мудрого рассматривала брак с королем Франции как ссылку к дикарям. Ведь ее супруг даже не умел... читать! Но, как говорится, «жениться по любви не может ни один, ни один король».

В-четвертых, «грязный период» в Европе начался до Великой Распашки. По сути, со времени падения Западной Римской империи в 476

году европейцы моются все меньше и меньше. Лесов еще много, дрова используются для печного отопления во всей Европе... А гигиена из Европы все уходит и уходит. Во Франции XI века киевская княжна Анна, ставшая французской королевой, а после смерти мужа женой графа Рауля Валуа, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте. Правда, приучить к умыванию своего сына Филиппа, будущего французского короля, она так и не смогла, ведь все окружение принца, кроме его мамы, считало мытье делом совершенно никчемным. Примерно как американские ковбои.

В-пятых, и конец «грязного» периода тоже совпадает по срокам не с Великой Распашкой, а с известными в истории культурными переменами.

Европа практически не мылась тысячу лет с V по XIV века! Этот факт отмечают многие историки.

И если бы не крестовые походы, то не мылась бы еще больше. Крестоносцы поразили и арабов, и византийцев тем, как от них разило. Запад предстал для Востока синонимом дикости, грязи и варварства, да он и был этим варварством.

Здесь речь не только о гигиене. Первую тысячу лет европейской истории (до самой эпохи Возрождения) ближневосточные арабы, испанские мавры да константинопольские греки учили «цивилизованных европейцев» медицине, математике, астрономии, философии, богословию и далее мытью в бане.

Вернувшиеся в Европу с Переднего Востока пилигримы было попытались внедрить подсмотренный обычай мыться в бане. Это было своего рода возвратом к цивилизации. Но тут бани уже официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы. Почему разврата — нетрудно предположить. Почему в банях увидели источник заразы, понять труднее.^[18] Но, во всяком случае, общественные бани окончательно исчезли в Европе, и вовсе не только из-за массовой вырубki лесов.

И обеспеченные горожане, и уж тем более аристократия, жившая в своих поместьях, могла бы мыться и при росте цен на топливо. Но мытье было объявлено грехом! В результате этих странных решений сначала банное удовольствие под давлением «просвещенной» католической церкви стало недоступным горожанам, а потом от привычки мыться отказалась и аристократия. Гигиена в нынешнем понимании появилась в Европе лишь в самом конце XIX века. Для миллионов людей — слишком поздно.

Видимо, дело все же не в ухудшении экологической ситуации, а в каких-то важных изменениях в культуре. Сначала в Европе не сделали

чистоту и баню чем-то священным, как во всем мире, и особенно на Руси. Вы не найдете, как уже говорилось, ни в одном западном предании или народном эпосе персонажа, хотя бы отдаленно «отвечающего» за чистоту или «помывку».

То, что наличие бань прямо связано с культурой, а не с лесами, показывает и такой факт: после ополчания богатыми лесами Галиции и Волыни бани исчезли и там.

После великого переселения Руси на Северо-Восток в XI–XII веках вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией из Малой Руси ушло многое. Русский язык превратился там в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о Стольном Киев-граде, а о ксендзах и хитрых крестьянах (типично польские сказки).

Русские былины и сказки еще в начале XX века можно было слышать в Архангельских и Вологодских деревнях, за тысячи километров от Киева. Там были бани и было отношение к баням не только как к источнику физической чистоты.

Леса шумели и в Малой Руси, на Галиции и в Волыни. Но вместе с русской культурой ушли и бани.

Глава 3

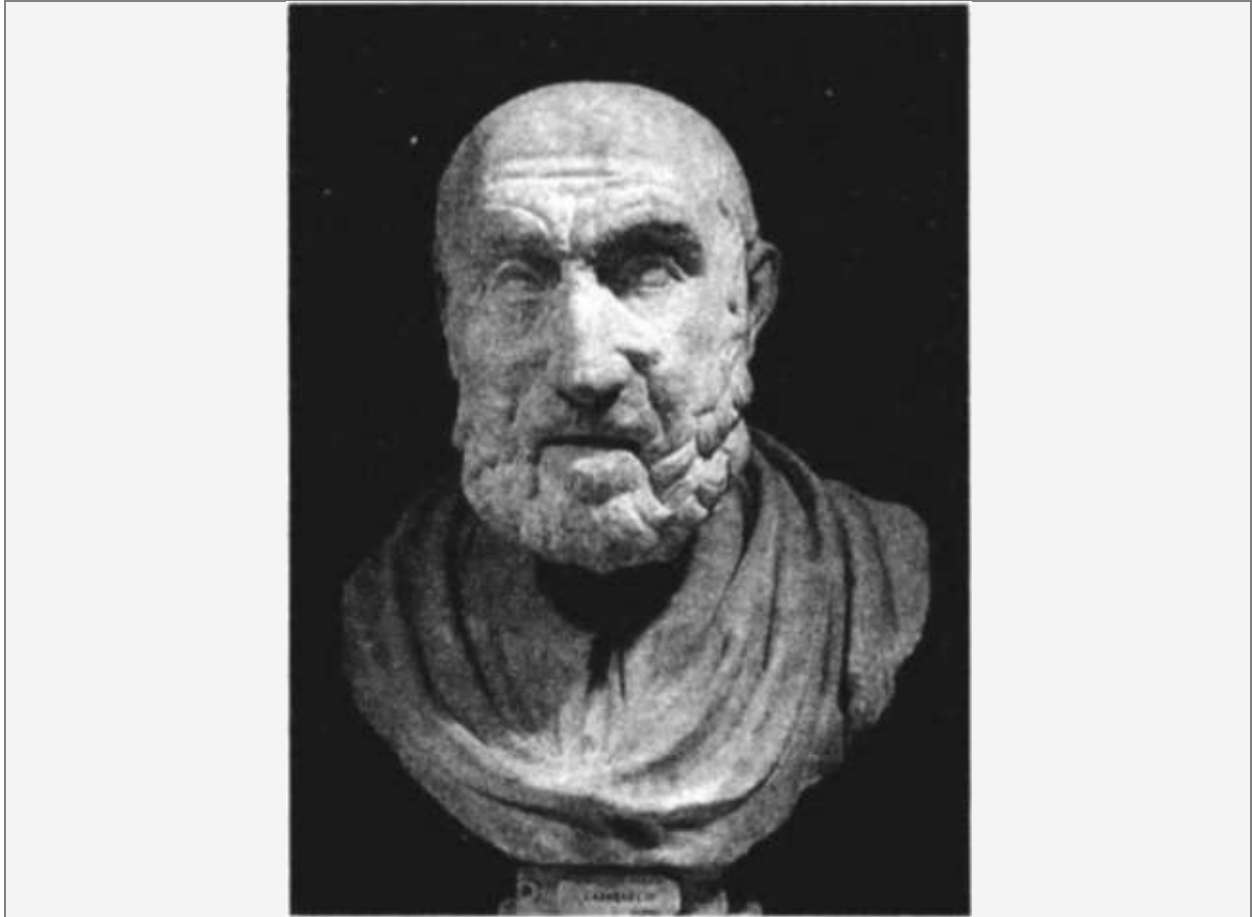
Быт и образ жизни Западной Европы и России

Европейские города-душегубки

Невозможно представить нигде в России такого количества нечистоты, какое легко видеть на любой из окраин Города-Светоча.^[19] У нас хотя бы прикопали, но французы совершенно равнодушны к зловонию.

В. Ф. Ходасевич «Письма к Н. Берберовой»

Во всех черных мифах о России можно найти много забавного. Но этот миф, о русской грязи, пожалуй, самый сюрреалистичный. Потому что он был сочинен едва ли не самой нечистоплотной цивилизацией за всю историю Земли. В античное время было не так... Религия греков и римлян не препятствовала гигиене, и античные врачи, знаменитые Гиппократ и Антисфен, Кастор, Полукс и Цельсий придавали мытью большое оздоровительное значение.

Гиппократ.

Великий врач рекомендовал горячую воду и пар как целебное средство от многих хворей. Увы, его рекомендации были забыты средневековыми европейцами.

Античные города строились в здоровых местностях. Отводя место для нового города, римляне интересовались, долго ли живут люди в этой местности, какими болезнями болеют и от чего умирают. Города строили просторными, с таким расчетом, чтобы ветер их продувал, чтобы легко можно было подать нужное количество воды и чтобы городу было куда расти.

Собственно изначально Рим был построен правильно — недалеко от моря, в устье Тибра, на холмах.^{[\[20\]](#)} И стратегически выгодно, и, так сказать, экологически оправданно. Однако спустя несколько столетий, чудовищная перенаселенность Рима (более 1 млн. чел. во время Цезарей, притом, дома

выше 2-х этажей были редкостью — представьте себе скученность населения) вызвала, по сути, коммунальную катастрофу. Собственно, история повторяется, и современная Москва, стянув на себя все возможные административно-ведомственные функции, штаб-квартиры, корпорации и учреждения культуры, разросшись до невероятных размеров, когда никто не возьмется подсчитать реальное население столицы,^[21] и столкнувшись с коллапсом транспортным, стремительно приближается и к случившемуся в Древнем Риме коллапсу коммунальному. 2000 лет назад римлянам удалось (по меркам того времени, конечно) справиться с катастрофой: появившиеся акведуки, прообраз водопровода, сливные ямы, система прорытых канав для смыва нечистот и, главное, попытки системной фундаментальной застройки центра Рима — все это сделало миллионный город относительно приемлемым для жизни. Будем лелеять надежду, что Москва тоже сможет как-то совладать со своей капиталистическо-гормональной болезнью роста. Или же болезнь городского гипофиза погубит и Москву, и москвичей. Впрочем, богатые римляне и тогда все же предпочитали селиться на загородных виллах, оставляя центральный Рим на самосъедение плебсу. Кесарям — Рублевку, слесарям — Бирюлево-Собаچه или какие-нибудь Паскудниги. Времена меняются, нравы — нет... О темпора, о морес, понимаешь.

Кризис Римской империи положил конец «экологическим» городам без стен. Уже в конце античности города оцетинились стенами и башнями — в империю вторгались варвары. К VI-VII векам все воевали со всеми, города втягивались внутрь собственных стен. Население все больше скучивалось за этими стенами, культурные навыки утрачивались.

Города же Средней Азии, Переднего Востока, Китая, Руси, Индии все же оставались более просторными, в них прокладывалась канализация и проводился водопровод.

Но трудно представить себе, в какой нездоровой среде жило все городское население Европы к XI-XII векам. Дополнительной причиной стесненности и нищеты стало развитие капитализма.

Внутри городских стен изначально было не так много места. Тысячи жителей оказывались скучены внутри пространства в 2-5, самое большее в 10 гектаров. У некоторых, правда, были собственные дома с садами и огородами, но большинство людей ютились на головах друг у друга, по несколько человек в каждой комнатке.

Водопровод? Если он и был, то чаще всего тот, что остался от римлян. И каждая хозяйка сама ходила за водой к городскому фонтану. Отличный способ разносить инфекции, между прочим! На севере Европы, где

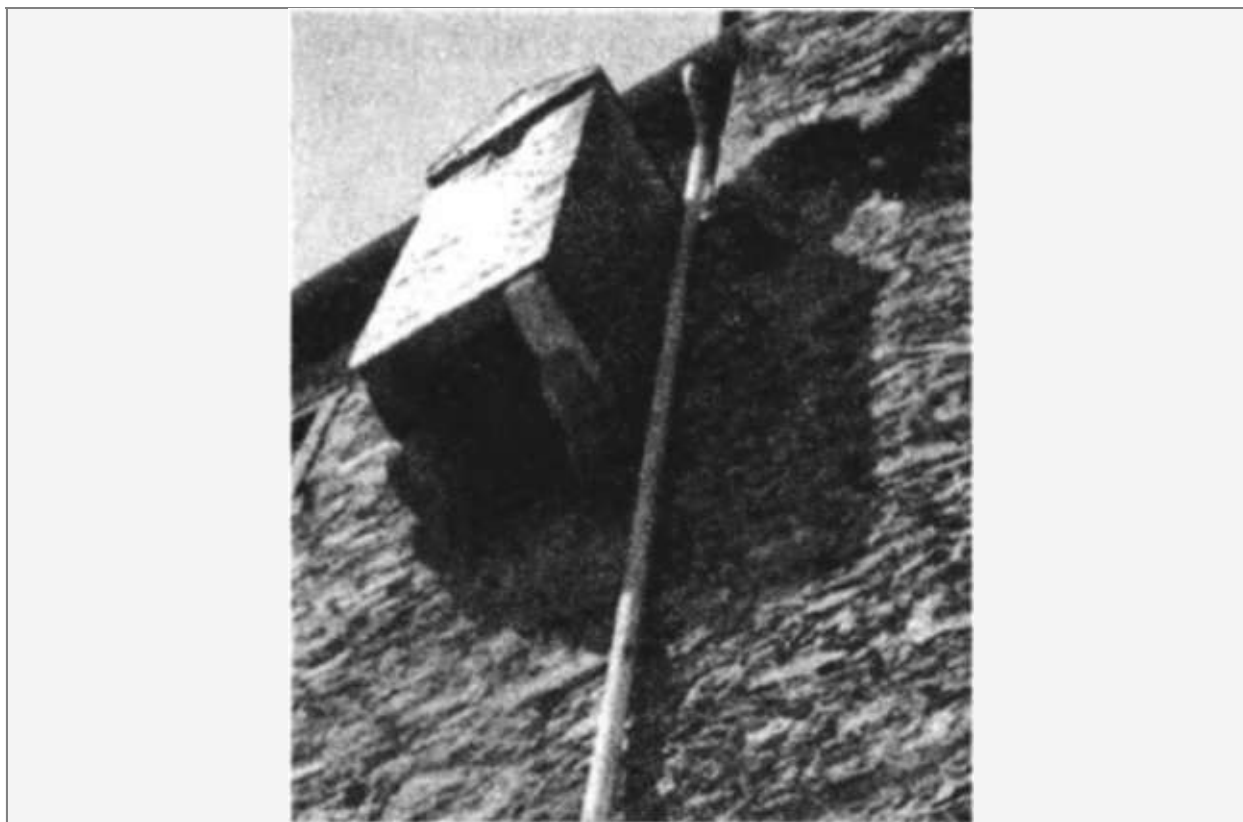
римляне не построили городов, воду брали прямо из реки или из колодцев. Уже гигиеничнее, но в колодезную воду тоже попадали «отходы жизнедеятельности».

Канализации не было вообще. Никакой. Ночная ваза — изобретение европейцев, и возникло оттого, что в городе не было канализации, а в домах — уборных. Совсем. Никаких. Люди использовали горшки, а потом выливали их содержимое прямо на улицу. Туда же хозяйки выплескивали все кухонные помои и остатки еды. Крытых канав, как в Риме, не копали. Содержимое горшков вместе с помоями стекало «ароматными» ручейками по мостовой, пропитывало землю, фильтровалось в ту же воду, которую использовали для питья.

Каждый хозяин отвечал только за собственное жилье, а чистота мест общего пользования — дворов, улиц и площадей, никого не волновала. Муниципалитеты богатых городов нанимали иногда бригады чистильщиков, но сами же жители сопротивлялись: не хотели платить.

Средневековые путешественники многократно отмечали, что приближение большого города они сначала чувствовали по нестерпимому запаху вони и лишь потом начинали видеть его стены.

Рыцарские замки были ничем не лучше. Маленькие, невероятно тесные, они, конечно, являлись защитой от нападения, но и в них не было ни канализации, ни водопровода.

Эркер-туалет в замке Марксбург (Германия).

Это — навесной туалет в европейском замке. Кроме шуток, свидетельствует об удивительной чистоплотности его хозяев: большинство замков обходилось без этих «глупостей». Главное — не пройти случайно под этим сооружением в неподходящий момент.

Слово «альков» наверняка известно читателю, но не все знают, откуда оно пошло. Только в XVI веке альковым стали называть покои знатной дамы. Целую комнату, а то и несколько. Первоначально слово означало нишу в стене залы рыцарского замка. В нишу ставилась кровать, над которой натягивался балдахин: не подумайте — не от moskitov, а чтобы конденсат не капал с каменного потолка. На кровати — перина. В алькове не было окон, и его НИКОГДА не проветривали. Перину никогда не перебирали, не просушивали, не мыли и не чистили. В алькове водилось столько клопов, вшей и прочих насекомых, что арабам, прибывшим ко двору Карла Великого, показалось: перины шевелятся.

Горожане жили ничем не лучше. Маленькие окна никогда не открывались, дома никогда не проветривали. Бань не было. Помыться горожанин мог только в реке, если она была. Постирать одежду было негде и не в чем.

Наши эстеты просто млеют от узких улочек, придающих некий шарм и изящество европейским городам. Да, эти улочки красивы, изящны. Но это — в наше время, когда город чистый, дома помыты и готовы к созерцанию туристами. А жить в этих домах и в средневековых условиях мало кто согласился бы.

Неизбежные последствия

В 1930 году в Бордо решили отпраздновать очередную годовщину города, одевшись в рыцарские латы из музея. И оказалось — латы малы для современных французов. Было это, подчеркну, в 1930 году, до начала акселерации, и французы к тому же — народ не крупный. Но рост рыцаря XIV века обычно не превышал 160 см. Только самые крупные латы соответствовали размерам человека ростом в 165 см, а таких было очень мало.

После неудавшегося праздничного шествия в Европе начали изучать этот вопрос... Выяснили: люди галльских племен до римского завоевания имели средний рост порядка 168–170 см. В Римское время рост не изменился. Но с VII–VIII веков рост француза резко уменьшился. Особенно уменьшился рост горожанина — до 155 см. Чуть крупнее оставались крестьяне. Рыцари были еще покрупнее и посильнее, попадались здоровяки и в 165 см ростом.

Одной из причин уменьшения роста населения был голод. Еды постоянно не хватало, рыцари были крупнее и сильнее, потому что постоянно ели мясо и вообще меньше голодали.

Общим местом в медиевистике стало то, что количество людей в средневековой Европе постоянно превышало возможность их прокорма. Главное чувство, которое испытывал небогатый европеец того времени, — это чувство голода. Любому общественному потрясению, как правило, предшествовал неурожай. Семь подряд голодных лет — и сотни тысяч верующих устремились в первый крестовый поход.

Социолог Питирим Сорокин еще в 1922 году писал, что «какие бы ярлыки не наклеивались на мотивы войны», в конечном счете войны ведутся за выживание, за пищевые ресурсы. Вся история Европы — это

непрерывная череда войн. В условиях ограниченных ресурсов шло простое сокращение числа едоков.

У исследователя Александра Горянина есть любопытное наблюдение: «Не подлежит сомнению еще один интегральный способ оценки прошлого — не знаю, писал ли кто-либо об этом раньше. Тот факт, что китайская кухня признала съедобным практически все, вплоть до личинок насекомых, говорит очень ясно: в этой стране голодали много и подолгу. То же относится и к кухне французской. Только солидный опыт голодных лет мог заставить найти что-то привлекательное в лягушках, улитках, в протухших яйцах, подгнившем мясе, сырной плесени. В русской кухне нет ничего похожего. В голод едали, как и везде, всякое, но не настолько долго, чтобы свыкнуться. Черную икру в России веками скармливали свиньям, пока французы не открыли нам глаза».

Ну, свиней, жрущих черную икру, мы, пожалуй, оставим на совести исследователя. У нас, конечно, тоже бывали голодные годы, но лес-то кормил. Николай Костомаров отмечал, что охота в России, в отличие от западноевропейских стран, никогда не была привилегией высших классов, ею занимались и самые простые люди. И река кормила. С питанием на Руси несомненно было лучше.

Русская природа кормила свой народ. Рыба, грибы и ягоды на протяжении почти всей нашей истории были неправдоподобно, с точки зрения иностранцев, дешевы (поговорка «дешевле грибов» возникла в русской среде). Бескрайние леса буквально кишели зверем и птицей, в связи с чем путешествующим иностранцам Русь представлялась «огромным зверинцем».

Второй причиной низкого роста у европейцев было антисанитарное состояние среды обитания. В России считают каменное жилье более дорогим и потому более престижным. У нас строили из дерева, а в Европе — из камня! Они богаче! Эти люди не учитывают, что камень пригоден для жизни, только пока в здании хорошо топят. Если топка плохая, в каменном здании все время сыро. Не зря же конденсат все время капал с потолков замка, заставляя натягивать балдахины над альковами.

Европейцы с рождения до смерти жили в сыром холоде каменных городов и замков. Они ели однообразную пищу, в составе которой не хватало овощей и фруктов. Спали на сырых, грязных перинах вповалку по несколько человек. Грязь пропитывала все вокруг, а гниющие отходы и фекалии громоздились сразу за порогом.

Раскопки кладбищ европейского Средневековья показывают: европейцы не только сделали меньше, большая часть населения страдала

самыми разнообразными заболеваниями. Не все болезни можно диагностировать по костям, но всевозможные артриты, остеохондрозы, искривления позвоночника, подагры, рахитизм, уродливые изменения пропорций человеческого тела антропологи могут определить именно по скелетным останкам.

Да и жили недолго. Детская смертность в городах была совершенно фантастическая — до 90 % родившихся умирало до 5 лет. Города все время пополнялись людом из деревень. Будь иначе, города Европы давно бы обезлюдели. Даже в начале XX века, в 1902 году Джек Лондон справедливо писал: «Рабочий, чей отец и дед родились в Лондоне, такая редкость, что его и не отыщешь».^[22]

Прошедшие горнило детской смертности тоже оказывались недолговечны: только 10 % населения Парижа XIV–XV веков доживало до 45 лет.

Города XVI–XVIII веков

Может быть, все эти ужасы так и остались в мрачном Средневековье? Нет... И в Новое время города Европы, даже Лондон, Милан или Париж оставались средневековыми городами с узкими улочками, без канализации и водопровода. Перенаселенная каменная пустыня, без садов и парков внутри городского контура.

Описания Парижа в нашумевшем романе Анны и Сергея Голон просто пугают,^[23] не говоря уже о Бальзаке и Золя («Чрево Парижа»). В России не было и нет настолько отвратительного, грязного, опасного для жизни города.

Еще более смачное описание Города-Светоча, главного города Европы, Парижа, предстает со страниц книги Зюскинда.^[24]

Таким видится ему Париж «галантного» XVIII века:

«Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни — порченным углем и бараньим жиром; непрветриваемые комнаты воняли затхлой пылью, спальни — жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной

одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов — луковым супом, а от тел, если они уже не были достаточно молоды, старым сыром, кислым молоком и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Крестьянин вонял, как и священник, ученик ремесленника — как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, королева, как старая коза, зимой и летом...

И, разумеется, в Париже стояла самая большая вонь, ибо Париж был самым большим городом Франции. А в самом Париже было такое место между улицами О-Фер и Ферронри под названием Кладбище невинных, где стояла совсем уж адская вонь. Восемьсот лет подряд сюда доставляли покойников из Отель-Дьё и близлежащих приходов, восемьсот лет подряд сюда на тачках дюжинами свозили трупы и вываливали в длинные ямы, восемьсот лет подряд их укладывали слоями, скелетик к скелетику, в семейные склепы и братские могилы. И лишь позже, накануне Французской революции, после того как некоторые из могил угрожающе обвалились и вонь переполненного кладбища побудила жителей предместья не только к протестам, но и к настоящим бунтам, кладбище было наконец закрыто и разорено, миллионы костей и черепов сброшены в катакомбы Монмартра, а на этом месте сооружен рынок».

А вот так представляется автору появление на свет его «героя»:

«И вот здесь, в самом вонючем месте всего королевства, 17 июля 1738 года был произведен на свет Жан-Батист Гренуй. Это произошло в один из самых жарких дней года. Жара как свинец лежала над кладбищем, выдавливая в соседние переулки чад разложения, пропахший смесью гнилых арбузов и жженого рога. Мать Гренуя, когда начались схватки, стояла у рыбной лавки на улице О-Фер и чистила белянок, которых перед этим вынула из ведра. Рыба, якобы только утром выуженная из Сены, воняла уже так сильно, что ее запах перекрывал запах трупов. Однако мать Гренуя не воспринимала ни рыбного, ни трупного запаха, так как ее обоняние было в высшей степени нечувствительно к запахам, а кроме того, у нее болело нутро, и боль убивала всякую чувствительность к раздражителям извне. Ей хотелось одного — чтобы эта боль прекратилась и омерзительные роды как можно быстрее остались позади. Рожала она в пятый раз. Со всеми предыдущими она справилась здесь у рыбной лавки,

все дети родились мертвыми или полумертвыми, ибо кровавая плоть, вылезшая тогда из нее, не намного отличалась от рыбных потрохов, уже лежавших перед ней, да и жила не намного дольше, и вечером все вместе сгребали лопатой и увозили на тачке к кладбищу или вниз к реке. Так должно было произойти и сегодня, мать Гренуя... была еще молодой женщиной (ей как раз исполнилось двадцать пять), и еще довольно миловидной, и еще сохранила почти все зубы во рту и еще немного волос на голове, и кроме подагры, сифилиса и легких головокружений ничем серьезным не болела, и еще надеялась жить долго, может быть, пять или десять лет, и, может быть, даже когда-нибудь выйти замуж и родить настоящих детей в качестве уважаемой супруги овдовевшего ремесленника...». [\[25\]](#)

Самое удивительное — это потомки таких вот Гренуев теперь рассказывают о всегда грязной, нечистоплотной России.

Чудный Версаль

С XIV века резиденцией французских королей был замок в центре Парижа, Лувр. В 1546–1574 годах архитектор П. Леско построил на месте прежнего замка новую королевскую резиденцию.

Париж разрастался, и в 1627 году (по другим данным, в 1624 году), когда в краснокаменном Кремле правил молодой царь Михаил Романов, его французский коллега, король Людовик XIII купил деревушку Версаль, чтобы можно было охотиться и просто пожить на свежем воздухе вдалеке от города.

Деревушка Версаль, Версай (Versailles), впервые упоминается в документах XI века. При Людовике на Версальском холме построили охотничий замок, специально для короля. Король все чаще жил в Версале, а не в Париже, и в 1631–1634 годах архитектор Ф. Леруа перестроил и расширил это здание.

Людовик XIV (1638–1715) тоже любил Версаль больше Парижа. К тому же после восстания Фронды Париж стал казаться королям слишком опасным. С тех пор Версаль стал официальной резиденцией короля-Солнца — главной резиденцией французских королей.

Короли хотели, чтобы их резиденция была достойна их колоссальной власти и отражала бы место, которое Франция заняла в мире. Все счета, связанные со строительством дворца, сохранились до нашего времени. Мы знаем, что расходы составили 25 725 836 ливров. В 1 ливре насчитывали

409 г. серебра, и получается — Версаль стоил порядка 10 500 тонн серебра.

Как перевести в современные деньги эту стоимость? Если исходить из современных цен на серебро, то это 2,6 млрд евро. Если исходить из относительной покупательной стоимости ливра, то получаем сумму уже в 37 млрд евро. Если соотнести государственный бюджет современной Франции и Франции XVII века, то получится: в наше время эти расходы эквивалентны затратам 260 млрд евро.

Впрочем, эти деньги тратились постепенно, в течение 50 лет.

С 1661 года началось грандиозное строительство. Лучшие умы Франции, всей Европы создавали это новое чудо света, Большой Версальский дворец: Луи Лево (1612–1670) — «первый архитектор короля», Шарль Лебрен (1619–1690) — «первый живописец короля», Андре Ленотр (1613–1700) — «первый королевский садовник».

Только в 1710 году колоссальный (550 метров по фасаду) дворец перестали строить и перестраивать. Дворец в стиле барокко и классицизма выходит в регулярный парк площадью 6600 гектаров. Парк, с подстриженными деревьями, с более чем 500 статуй, с 80 беседками, гротами и фонтанами, — сам по себе произведение искусства.

А в этом парке на месте деревушки Трианон выстроены дворцы: Большой Трианон Ж. А. Мансара, законченный в 1688 г., и Малый Трианон, выстроенный Ж. Габриэлем в 1660-е гг. А по периметру парка вырастали сооружения для учреждений, дворцы знати.

Весь фасад дворца со стороны парка занимает Зеркальная галерея или галерея Людовика XIV. Считается, что своими картинами, зеркалами и колоннами эта галерея производит потрясающее впечатление.

Впрочем, так полагается думать обо всем Версальском дворце. Туристов водят осматривать Королевские апартаменты, где парадные комнаты-«салоны» на втором этаже главного корпуса окнами выходят в парк.

Самые известные и роскошные — салон Меркурия (Гермеса) — спальня короля и салон Аполлона — Тронный зал, где под балдахином стоял трон из литого серебра высотой 2,6 м.

А есть еще салон Войны — большой кабинет короля. Комната отдыха короля, Часовой кабинет, Собачий кабинет, Столовая, Внутренний кабинет короля, Задний кабинет короля, Комната Золотой посуды, Библиотека короля, Фарфоровый зал, Бильярдная, Игральный салон.

Все это громадные залы, с невероятным, избыточным богатством, расписанные лучшими живописцами, с богатой и пышной лепниной, с прекрасными статуями и вычурной, роскошной мебелью. Чтобы создать

Версаль, трудились три поколения лучших живописцев, скульпторов, мебельщиков.

Конечно, не для одной королевской четы делалось все это. В Версале постоянно жило от 60 до 100 тысяч человек. Далеко не все так уж рвались жить в Версале. Обязанность дворян жить в королевской резиденции было мерой предосторожности со стороны Людовика XIV. Так дворяне были на глазах, под присмотром. Король обеспечивал себе таким образом полный контроль над деятельностью аристократии.

Но многие и хотели попасть в Версаль: только при дворе было возможно получить чины или государственные посты.

Обитавшие в Версале дворяне танцевали в Зеркальной галерее — зале для балов, торжественных мероприятий. Высота Зеркальной галереи — 12,5 м, длина — 73 м, ширина — 10,5 м.

Они видели Дворянский салон — зал для приемов иностранных послов, Зал королевской гвардии, Первый вестибюль или салон «Большой прибор» — зал, в котором король ужинал, здесь проходили и встречи с подданными.

Г. Риго «Людовик XIV».

Одна из причин, по которой королевский двор при Людовике XIV так легко перебрался из Лувра в Версаль, — Лувр был чудовищно загажен.

Дворяне «тусовались» и пили вино в салонах Геркулеса, Изобилия, в кабинете Редкостей, салоне Венеры, салоне Дианы, салоне Марса. Они слушали концерты в Королевской капелле Сен-Луи и Королевской опере. Они были приобщены ко всей показной роскоши Версаля, перегруженной деталями, золотом, драгоценными сортами дерева. Дворцово-парковый комплекс Версаля на полтора века стал важнейшим городом Европы. В России по образцу Версаля построен дворцово-парковый комплекс в Петергофе. Все остальные дворцово-парковые комплексы Петербурга несут на себе печать менее откровенного подражания Версалю. Но есть в этих русских подражаниях некая особенность, отличающая их и от самого

Версаля, и от его европейских подобий.

Во-первых, на строительстве Версаля тоже экономили, и не слабо. За экономией лично следил знаменитый министр финансов Жан-Баптист Кольбер. Купцы получали подряды на поставку материалов и ведение работ. Если они выходили за пределы тендера, эти расходы не оплачивались.

Купцы не могли экономить на качестве поставляемых материалов, но экономили, как могли, на оплате и на питании рабочих. Чтобы получалось дешевле, в мирное время к работам привлекали солдат. Число умерших во время строительства Версаля называют разное, но маловероятно, что меньше 6000 человек.

Мимоходом сравним: при возведении Петербурга за всю эпоху Петра, с 1703 по 1725 годы, умерло не более 4 тысяч рабочих. Молва стократ преувеличила эти цифры, и в историю вошел очередной мрачный русский миф — о Петербурге — «городе на костях». Но это миф, в котором концы не сходятся с концами.

А вот Версаль в гораздо большей степени, чем Петербург — город на костях. Только об этом мало писали, и уж конечно, такие подробности никогда специально не афишировали. В историю вошло: Украшение Мира! Пример для Европы! Но это так, между прочим, ведь миф о кровавости русской истории нас тоже интересует. Но главная особенность Версаля даже не в этом, — Версаль очень плохо построен. Плохо и без учета того, как будут жить 90 % его обитателей. В Версале не работали многие каминьеры, не закрывались окна, и жить во дворце зимой было крайне неуютно и попросту холодно.

Жизнь большинства постояльцев Версаля была лишена особых удобств. Дворяне, за исключением близких родственников королевской семьи или владельцев собственных дворцов, жили в каморках. Комнаты у них в большинстве случаев были узкие, сырые и неудобные. Такая типичная гостиница «две звезды».

Но у дворян хотя бы были собственные кровати! Прислуга же спала чаще всего на полу. Не раздеваясь, а только прикрывшись ветошью вместо одеяла. Рай для короля и кучки титулованной знати оборачивался чистилищем для большинства дворян и адом для всех простолюдинов.

Вот в этом и состоит первое принципиальное отличие Версаля от его русских подражаний: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусматривались более-менее человеческие условия жизни для всех, в том числе и для крепостной прислуги. Не говоря уж о придворных.

Вторая особенность Версаля в том, что в нем была только одна ванная комната — лично для короля. Ни для каких других лиц ни ванных комнат, ни бань предусмотрено не было. Совсем.

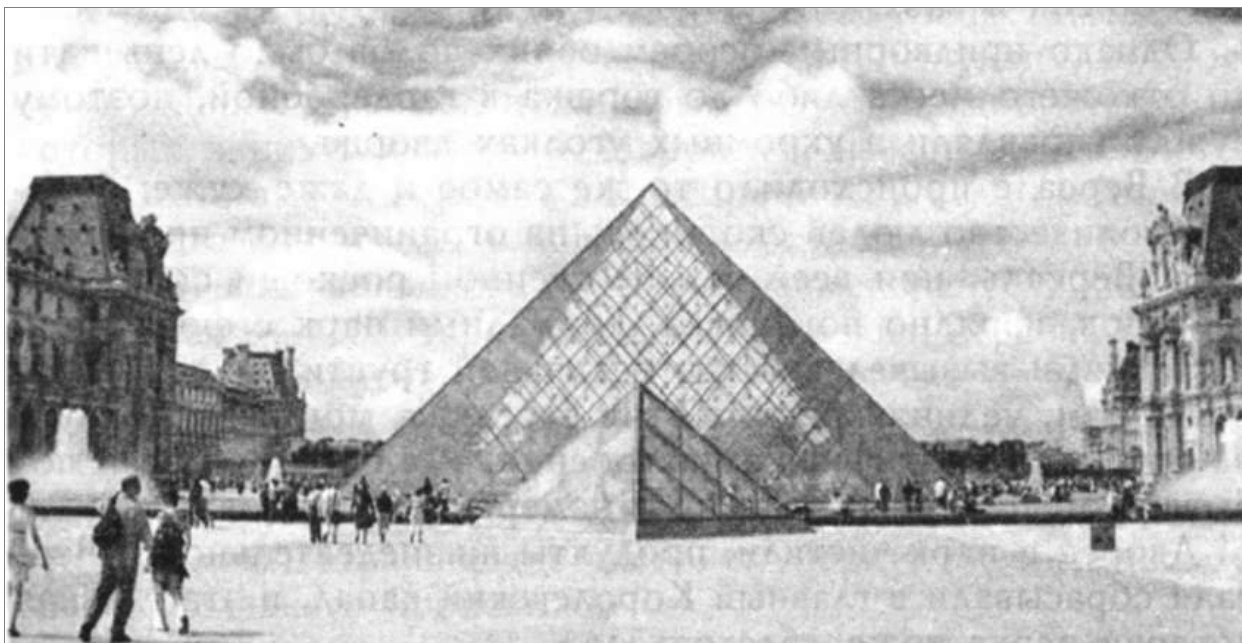
А уборных в Версале вообще не было, даже персонального сортира для короля. Как же быть?! Очень просто — пользоваться ночными горшками... Впрочем, почему именно горшками? Использовались и блюда, и тарелки, и вазы. Почти забытый словесный уродец «ночная ваза» — именно об этом. А выливать ночные горшки куда?! Куда угодно. Ведь ни уборных, ни канализации со стоком, ни ям-отстойников в Версале не было.

В этом и второе принципиальное отличие Версаля от его русских подражаний: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусмотрены были ванные комнаты, бани, уборные. И придворные, и прислуга регулярно ходили в баню, а дворцовые покои не было нужды чистить от груд экскрементов.

Короли среди куч мусора и нечистот

Действительно, странно представить себе придворных Екатерины или Александра I, которые вынуждены устраивать свидания или спешить на прием к монарху, лавируя между куч фекалий или кухонных отбросов. Странно, потому что ничего подобного и не было в России.

Но в отличие от «диких и грязных» русских, европейцы с такими проблемами сталкивались. Ведь не только в Версале — уборных не было в замках и дворцах всей французской аристократии. Говорят, в том числе по этой причине европейские монархи и высшая знать обладали не менее чем десятком замков и дворцов.

Пирамида Лувра.

Пирамиду, как знаем мы все из «Кода да Винчи», соорудили совсем недавно, чтобы дать наводку искателям сокровищ тамплиеров. Туалеты в Лувре тоже, кстати, появились не так давно.

Ведь как выходили из положения хозяин замка, его семья, придворные и гости? А очень просто... Они уединялись в укромных закоулках замка, на балконах или под лестницами, а то и отгибали прикрывавший лестницу ковер. А сделав свое дело, пришили ковер на место.

За считанные недели замок или дворец приходил в такое состояние, что жить в нем становилось невозможно. И двор переезжал в другой замок, а слуги начинали чистить оставленный и как можно шире открывали все ворота, двери и окна — проветривать.

Одна из причин, по которой королевский двор так легко перебрался из Лувра в Версаль, — Лувр был чудовищно загажен.

Французские авторы как о само собой разумеющемся пишут, что «еще в XVI в. кучи человеческих экскрементов можно было найти на балконах Лувра».^[26]

В королевских дворцах в гардеробных всегда стоял стул с дыркой, а также набор ночных горшков, соответствующих делу мисок и ваз...

Однако придворным особам обоих полов было лень идти до отхожего места либо до горшка в гардеробной, поэтому нужду справляли в укромных уголках дворца.

В Версале происходило то же самое и даже хуже: большее количество людей скопилось на ограниченном пространстве. Версаль, при всей величественной роскоши своих интерьеров, изрядно пованивал. Громадный парк с фонтанами и статуями вызывал чувство величавой грусти, но у кавалеров и дам, уединявшихся в этих беседках, могли возникнуть не совсем романтические настроения — в беседке могли побывать до них, и отнюдь не с намерениями целоваться.

Дворец и парк чистили, продукты жизнедеятельности Версаля сбрасывали в главный Королевский канал, и эта главная артерия парка тоже «благоухала».

Первая генеральная уборка Парижа от подобного сорта отходов человеческой жизнедеятельности была произведена в XVII веке. Это событие явилось в глазах парижан таким торжественным случаем, что по его поводу была выбита медаль.

По поводу чистки Версаля медали выбить не довелось: вплоть до Французской революции 1789–1793 годов балконы и укромные комнаты, беседки, гроты и заросли парка служили отхожими местами для обитателей чудного города Версаля, образца для подражания Европы.

Города Руси

В городах России тоже не выбивали медалей в честь их генеральных уборок, но по совершенно другим причинам, чем в Версале: у нас убирали постоянно. Одной из причин чистоты в городах был общинный образ жизни. В Европе хозяин отвечал, как уже говорилось, только за свою собственность, а по улице пускай течет река нечистот.

На Руси люди жили общинами-подворьями, миром. Это значит, улицы были «общими». Поэтому никто, как в Париже, не мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом — частная собственность, а на остальное наплевать!

К тому же русские по-другому относились к чистоте. В каждой усадьбе была баня и уборная: «нужный чулан», попросту «нужник». Ямы под нужниками регулярно чистили люди, которых нанимали общины. Например, известно, что чистка таких ям и вывоз фекалий в Новгороде XIV века предпринималась два раза в год: в апреле и в октябре.

В XVII веке появилось шутовское наименование у лиц этой профессии — «золотари». Ведь содержимое выгребных ям — это «ночное золото». Золотари выгребают его по ночам, зарабатывая на нем деньги.

Слова «золотарь», «нужник» очень старые, это бытовые исконные слова русского языка. Тогда как в европейских языках слова, отражающие чистоту, уборку, вывоз нечистот, совсем недавнего происхождения.

Средневековые русские города меньше были привязаны к линии крепостных стен. Во-первых, не было войны всех против всех. Во-вторых, деревянные стены легче и дешевле переносить.

Дома не только в деревнях, но и в городах Руси не лепились друг к другу, а стояли широко. Возле домов были просторные, проветриваемые дворы. Описаний сохранилось мало, в них просто не было необходимости. Вот одно из них, сделанное на Московском подворье профессиональным археологом:

«По направлѣнію къ Никольскимъ воротамъ слѣдовало подворье Симонова монастыря съ церковью Введенія, которая была построена еще въ 1458 г. и съ полатою. Затемъ слѣдовалъ переулокъ, шириною въ 2 саж., выходявшій отъ Житницкой улицы на Никольскую. Симоновское подворье занимало съ своей стороны всю линію переулка противъ церкви подворья. Мѣстность церкви Входа въ Іерусалимъ простиралась вдоль по улицѣ на 25 саж., Длина его дворовой земли занимала 12 саж., ширина 4 саж. Къ самому алтарю церкви примыкалъ заборомъ дворъ попа Благовѣщенскаго собора Алексѣя, въ длину по направлѣнію улицы 16 саж., поперекъ 10 саж. и отъ Рождественскаго подворья 13 саж. Остальное пространство по улицѣ, приближаясь къ Никольскимъ воротамъ».^[27]

Это письменный источник. Археологических же источников очень много для всего Средневековья, изданы многочисленные карты, схемы, таблицы иллюстраций.^[28]

Тем более, хорошо известны и планы городов России XVIII и XIX веков, сколько земли приходилось на усадьбы и как усадьбы организовывались. Ключевский отмечал, что в Москве «при каждом доме был обширный двор (с баней) и сад» и ее жители не знали недостатка в воде: во дворах были колодцы.

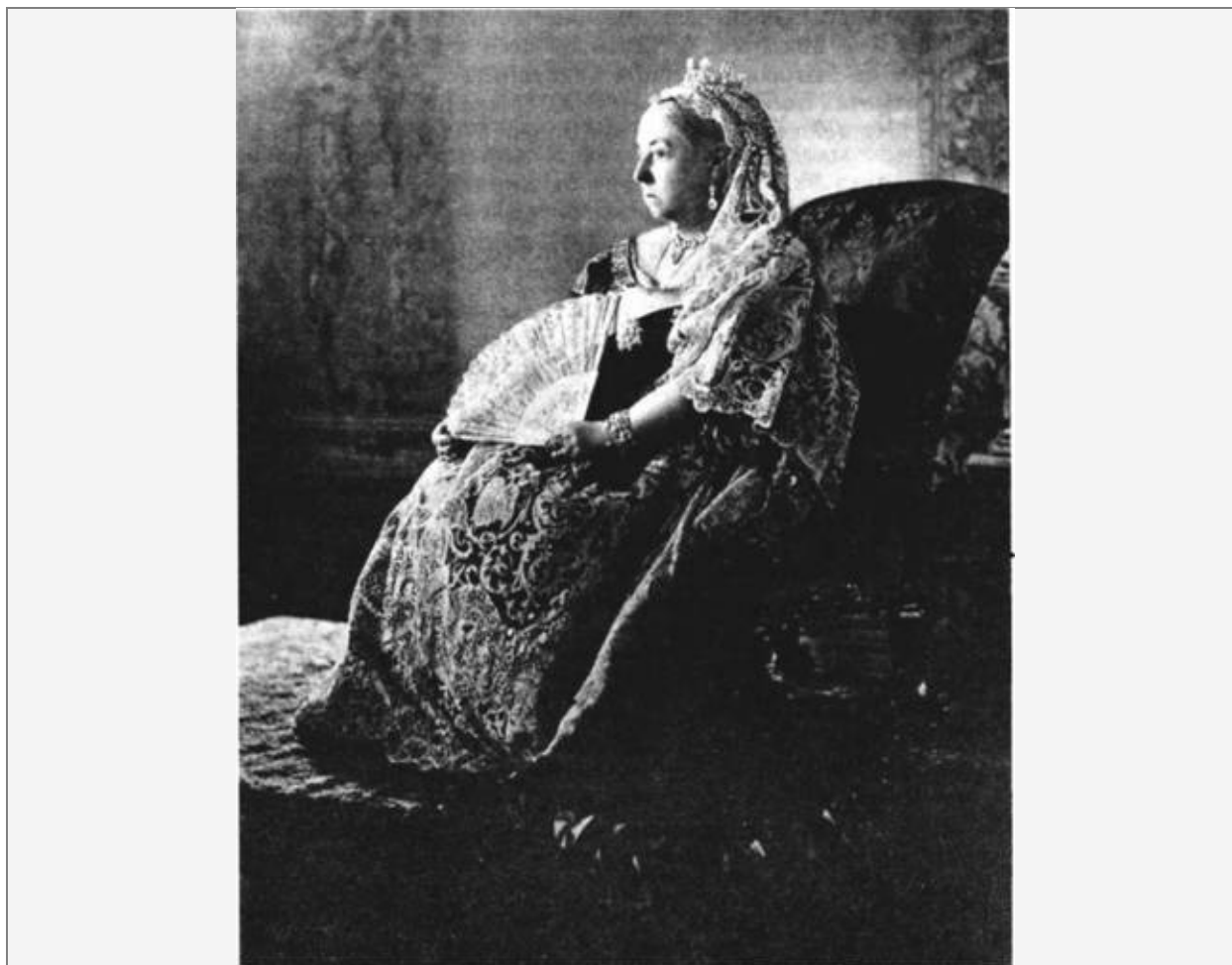
Иностранцы XVI и XVIII веков, приезжающие в Россию, подчеркивали чистоту и аккуратность русских городов.

Уже в XIX веке британец М. Уоллерс, описывая российские города, отмечает: «Улицы широки и прямы. Дома или деревянные или каменные, но большей частью одноэтажные и отделяются один от другого большими дворами».^[29]

Дом тоже полагалось убирать и чистить, как правило, к каждому празднику. Есть такой православный праздник, сохранившийся на Руси с языческих времен и дошедший до наших дней — святки. Во время святок по обряду люди рядились в разных персонажей народной мифологии, в том числе и в животных. Поведение ряженных сводилось к нескольким стереотипным действиям. Одно из них — обрядовое очищения дома (обметали углы дома или обливали присутствующих водой) или проверяли соблюдение хозяевами дома норм обрядового поведения (подметено ли в доме в определенные дни, убраны ли орудия ткачества, приготовлены ли к празднику обрядовые блюда и т. п.).

Единственный город в России, который был мерзок и вонюч, не на площадях, конечно, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город — Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлел Достоевский в «Преступлении и наказании», но это уже было в XIX веке. И не случайно это как раз тот город, который стал образом «русской Европы».

Личная гигиена?

Королева Виктория в 1897 г.

Символ целой эпохи Британского могущества. Была родственницей практически всех значимых европейских монархов, включая, кстати, и нашего Николая II. В нашем сознании викторианская Англия ассоциируется в первую очередь с артистами Василием Ливановым, Виталием Соломиным, а также собакой Баскервилей.

Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века удивлялся русской чистоплотности. И в XIX веке при Александре II английский военный атташе Уэллслей все еще очень удивлялся еженедельному мытью русских. Видимо, и при королеве Виктории, в «золотой век» Британии, это все еще было на бытовом уровне в диковинку.

Как отмечал Теофиль Готье: «Под своим рубищем русский мужик чист

телом, в отличие от моделей Риберы и Мурильо»

О прелести парфюмерии

Не было у наших предков и других диковинок, которыми отличалась Европа. В «культурной» Европе XVII века на стол специально ставили блюдца, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в России блюдце не ставили, но не по скудоумию, а просто, потому что надобности не было.

В России писались книжки о «куртуазном обхождении» в дворянском кругу. Но в них не было советов не обращать внимания, если на лицо дамы во время свидания выползет вошь. Мол, невелика беда, с вошью дама и сама справится. Вот если клоп — тут надо помочь даме, снять и раздавить клопа.

Избавившись от бань, Европа изобрела блохоловки, чесалки для спин и, наконец, одеколон, который, однако, боролся не с грязью, а с запахом. Но и одеколон не мог заглушить запах немытых тел.

Вся современная парфюмерия обязана своей популярностью своеобразным гигиеническим привычкам средневековых европейцев. Изначально одеколон, или Кёльнская вода представлялась как чудодейственный эликсир, средство от всех болезней. Так, во время эпидемии оспы, в Берлине изготовители Eau de Cologne к каждому флакончику прилагали вот такую инструкцию:

«Эта чудодейственная вода является средством против яда, предохраняет от чумы. Она лечит желтуху, катар, обмороки, колики, боль в животе, боку, груди, исцеляет от ожогов, является прекрасным средством от зубной боли, придает силы женщинам при родах, способствует откашливанию, а также ослабляет звон в ушах, и, наконец, придает красоту, так как это косметическое средство делает кожу гладкой и наделяет ее прекрасным цветом».

В воспоминаниях Екатерины Великой есть упоминание, что мать в детстве не раз заставляла ее целовать подола платьев знатных посетительниц. И что пахли эти подола чем угодно, в том числе и духами. Но только не свежей стиркой... Не удивительно! Духи и одеколон и применяли тогда для того, чтобы отбивать дурные запахи.

Глава 4

О здоровье физическом и не только

*Надо, надо умываться
По утрам и вечерам!
А нечистым трубочистам
Стыд и срам!
Стыд и срам!*

К. Чуковский

Об эпидемиях

Трудно поспорить с тем, что гигиена, чистота имеют колоссальное оздоровительное значение. Иммунная сопротивляемость болезням у русских была необычайно высокой, в том числе и благодаря традиции устраивать еженедельные, а то и чаще банные дни.

История подтверждает: эпидемии в России возникали намного реже, чем в Европе. И приходили чаще всего из нее же. До XI века Россия не знала ничего о серьезных болезнях. Европу же с VI века каждое столетие сотрясали страшные эпидемии.

Историки Европы говаривали порой, что опаснее врагов бывали для норманнов трупы этих врагов: ^[30] в скоплении тел часто начиналась чума. В 842 году норманны прервали осаду Парижа и в панике отступили: начавшаяся болезнь пугала их больше, чем рыцарская конница.

Тогда эпидемия до Руси не дошла. Только в XI веке, через пять лет после того как вся Европа была заражена горячкой, или «антоновым огнем», первая серьезная эпидемия была зарегистрирована в России. Событие было настолько экстраординарным, настолько поразило русичей, что нашло отражение во всех без исключения летописях. Поскольку эпидемия имела место только в западных областях Руси, она, несомненно, была занесена туда из Европы.

В последующие годы чума распространилась на всю территорию России.

В XIV веке глобальная эпидемия чумы, известная под названием

«Черная Смерть» началась с того, что татарская орда ворвалась в Крым и осадила крепость Кафу (нынешнюю Феодосию), принадлежащую генуэзцам. Три года татары не могли взять город. На третий год осады в их лагере вспыхнула чума... Предприимчивые татары с помощью метательных машин стали перебрасывать через крепостную стену трупы своих умерших.

Генуэзцы спешно погрузились на корабли и бежали на родину. Но часть из них уже была инфицирована... Так в середине XIV века чума появилась сначала в Италии, затем перекинулась на Францию и Испанию, затем на Англию и Ирландию. Далее она охватила Германию, Скандинавию, Исландию, даже Гренландию. Всего заболели две трети европейцев, половина из которых, 25 миллионов человек, умерли. Из-за «Черной смерти» Англии и Франции пришлось даже прервать свою Столетнюю войну.

Никаких реальных способов сопротивляться чуме у тогдашних европейцев не было. Как-то в самой что ни на есть европейской здравнице Карловы Вары я наткнулся на мемориальный «чумной столб». Заинтересовался. Оказалось, что во многих старинных европейских городах установлены производящие удручающее впечатление колонны с барельефами — чумные столбы, которые поставлены в память о требованиях горожан предотвратить эпидемию чумы.

«Чума в Марселе». 1720. Фрагмент картины неизвестного художника.

Чума шла в Европе бок о бок с чудовищной грязью и антисанитарией в городах.

Та страшная чума XIV века добралась и до России. У нас «Черная смерть» впервые появилась в Пскове, который имел самые оживленные торговые связи с Западной Европой, где чумабушевала уже три года. Опять Европа стала разносчиком смертельной болезни. Новгородская летопись приводит важное свидетельство: «...И по всем градом и страном бысть мор велик и страшен. Не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бе мертвые в градах и селех, в домех и у церквей».^[31]

Впрочем, неоднократно упоминаемый нами Александр Горянин утверждает, что, по западноевропейским источникам, чума, «обойдя всю Западную и Центральную Европу, достигнув самых отдаленных мест, остановилась где-то в Польше». Не «где-то», а на границе Великого княжества Литовского (чье население состояло на 90 % из русских, в связи с чем его называют еще Литовской Русью), то есть на границе распространения бани. А еще точнее — на стыке отсутствия и наличия гигиены.

По мнению исследователя, пострадали некоторые русские города, посещаемые иностранцами (в первую очередь Новгород), но размах бедствия был для русских несопоставим с тем, что пережили их западные соседи. Даже самые тяжкие чумные моры нашей истории — особенно в 1603, 1655 и 1770 годах — не стали причиной демографического кризиса для страны.

Шведский дипломат Петрей Эрлезунда отмечал в своем труде о Московском государстве, что «моровая язва» чаще появляется на его границах, чем во внутренних областях».

По свидетельству английского врача Сэмюэля Коллинса, прожившего в России девять лет, когда в 1655 году в Смоленске появилась эта самая язва, «все были изумлены, тем более что никто не помнил ничего подобного».

В дальнейшем чума вновь эпизодами появлялась в России в ее западных областях. И всякий раз этому предшествовали вспышки болезни на территории Европы.

Да и о венерических заболеваниях Россия узнала только в XV веке и тоже от европейцев-итальянцев. Итальянцы в большом количестве

появились в России как раз в XV веке. Много их было, например, в строительной бригаде Аристотеля Фиорованти, возводившего Успенский собор в Кремле. От них, любвеобильных итальянских «шабашников», как считается, и «познакомились» впервые москвички с сифилисом, или как его тогда называли в Москве — «латинской болячкой».

Такое сомнительное наследие итальянский Ренессанс завещал молодой России.

Динамика роста населения

Вообще-то здоровье народа можно определить вполне объективно — по росту численности населения. Поскольку никакой контрацепции ни в одной стране не было и в помине, а рождаемость традиционно была высокой практически везде, следовательно, показатель увеличения численности населения и коэффициент превышения рождаемости над смертностью наглядно демонстрирует состояние качества жизни народов и то, как обстояло дело с эпидемиями и болезнями.

Легко заметить, что Россия не уступала европейским странам в качестве жизни. А скорее всего, заметно их превосходила. Если сегодня быстрый рост населения отличает самые неблагополучные страны, то тогда все обстояло наоборот.

Судите сами: со времен римского императора Августа, когда в нынешней Западной Европе жило примерно 26 миллионов человек, до конца XV столетия (т. е. за 1500 лет) ее население едва удвоилось. А за три века с 1500 по 1800 год — как раз в этот период наблюдался особенно высокий интерес у путешественников к России и к этому времени относятся многие мемуары об образе жизни русских — в Англии население выросло вдвое, в Германии, у которой, кстати, не было заморских колоний, — на 170 %, а в России — в три раза! С 15 до 45 миллионов.^[32] И это еще не все.

Системный учет населения в России начался с 1897 года, — тогда провели первую перепись населения. В этом году в России жило 126 411 736 «душ обоего пола».^[33]

Таким образом, получается, что за XIX век, с 1800 по 1897 год, численность населения Франции выросла в 1,8 раза, Британии — в 1,6 раза, а России — еще в 2,6 раза, с 45 до 126 миллионов человек. Быстрее, чем в России, росло население только в США, куда въезжало огромное число эмигрантов.

С 1897 до 1913 года динамика населения показывала прирост со скоростью от 2075,5 тысячи до 2754,5 тысячи человек в год. К 1913 году в Российской империи жило уже 135 миллионов человек.^[34] По некоторым источникам более 140 миллионов человек. Это означает, что с момента, когда Россия закончила экстенсивное расширение своей территории, более того, лишилась Аляски и ряда «островков» в Калифорнии, за 25–30 лет царствования Александра III и Николая II (до 1913 г.) население Империи исключительно за счет превышения рождаемости над смертностью выросло на треть (!).

Практически на 40 миллионов человек. Вдумайтесь в эту цифру! Именно эти темпы роста, и населения, и экономики, давали возможность совершенно обоснованно утверждать русским ученым начала XX века, что при сохранении территории население России к 1950 году составит не менее 300 миллионов человек, а ВВП (внутренний валовый продукт) уже к 1930 году будет крупнейшим в мире.^[35] Тогда как в Британии — 47 миллионов, во Франции — 43,4 миллиона.

В 1500 году численность населения России была ниже, чем во всех странах Европы. Между 1700 и 1800 годами наступил примерный паритет. В течение XIX века Россия стала самой населенной страной. А ведь численность населения и болезни — верный показатель санитарной и гигиенической действительности.

Об идеалах красоты

Тяжелые условия «грязной» жизни Европы породили идеалы красоты, которые трудно считать здоровыми. Как нельзя лучше исследовал и описал взаимосвязь здорового и нездорового идеалов красоты известный советский писатель Иван Ефремов:

Э.Мунк «Крик». 1893.

Картина Мунка «Крик» — один из столпов современной европейской культуры. Но если к ней внимательно присмотреться, то у героя знаменитого полотна найдешь все признаки вырождения

«...В истории человечества было немало периодов, когда здоровые идеалы красоты временно заменялись нездоровыми. Подчеркиваю: я имею в виду только здоровый идеал, канон, называйте его как хотите, — в природе никакого иного быть не могло. Да и во всех культурах в эпоху их наибольшего расцвета и благоденствия идеалом красоты было здоровое, может быть, с нашей современной точки зрения, и чересчур здоровое тело. Таковы, например, женщины, которых породили матриархатные общества Крита и протоиндийской, дравиндийской цивилизации, древняя и средневековая Индия. Интересно, что у нас в Европе в средние века

художники, впервые изображавшие обнаженное тело, писали женщин-рахитичек с резко выраженными признаками этой болезни: вытянуто-высоких, узкобедрых, малогрудых, с отвислыми животами и выпуклыми лбами. И немудрено — им служили моделями запертые в феодальных городах женщины, почти не видевшие солнца, лишенные достаточного количества витаминов в пище. Поредение волос и частое облысение, отодвигание назад границы волос на лбу даже вызвало моду, продержавшуюся более двух столетий. Стараясь походить на самую рахитичную городскую аристократию, женщины выбривали себе волосы надо лбом. Они все одинаковы, эти патологические, трагические фигуры Ев, «святых» Ариадн и богинь пятнадцатого века на картинах Ван-Эйка, Бурдиньона, Ван-Геса, де Лимбурга, Мемлинга, Иеронима Боша, Дюрера, Луки Кранаха, Николая Дейтша и многих других. Ранние итальянцы, вроде Джотто и Беллини, писали своих красавиц в кавычках с таких же моделей, и даже великий Сандро Боттичелли взял моделью своей Венеры типичную горожанку — рахитичную и туберкулезную. Позднее итальянцы обратились к моделям, происходившим из сельских или приморских здоровых местностей, и результаты вам известны лучше, чем мне. Интересно, что печать ослабления здоровья в городских условиях жизни лежит уже на некоторых фигурах позднейших римских фресок — те же, более слабые в солнечном климате следы рахита, нехватки витаминов, отсутствия физической работы.

Насколько глубоко непонимание истинно прекрасного, можно видеть в известном стихотворении Дмитрия Кедрина «Красота»: «Эти гордые лбы винчианских мадонн я встречал не однажды у русских крестьянок...» Загипнотизированный авторитетом великих мастеров Возрождения, наш поэт считает выпуклые, рахитичные лбы «гордыми». Находя их у заморенных работой и голодом русских женщин прошлого, что, в общем-то, вполне естественно для плохих условий жизни, он проводит знак равенства между мадоннами и ими. А по-нашему, врачебному, чем меньше будет таких «мадонн», тем лучше.

В нашем веке начинается возвращение к этим канонам — ярко выраженные рахитички составляют темы живописаний Мюнха, Матисса, Пикассо, Ван-Донгена и иже с ними. Мода современности ведет к признанию красоты в удлиненном, как бы вытянутом теле человека, особенно женщины, — явно городском, хрупком, слабом, не приспособленном к физической работе, успешному деторождению и обладающем малыми резервами сил. И опять появляются «гордые» рахитичные лбы, непомерно высокие от отступающих назад жидковатых

волос, некрасиво выпуклые, с вдавленной под лоб переносицей. И опять идеальный женский рост в 157–160 сантиметров сменяется «городским» в 170–175, как бы специально для контраста со странами, где у бедно живущих народов «экономный» женский рост в среднем около 150 сантиметров». [\[36\]](#)

Раз уж мы коснулись современности, вспомним и идеал нынешних творцов моды: чтобы рост был не ниже 175 см, «ноги от зубов», чтобы тощая, с маленькой грудью. Сейчас уже вышла из моды легендарная «Твигги» («веточка») — совершенно безгрудая, изможденно-тощая, с тонкими ручками подростка. А между тем сотни девушек умерли от голода и недоедания, чтобы уподобиться своему идеалу.

Но ведь и кукольный образ Барби не намного полезнее. И тот образ «красоты», который навязывается телевизором, бесконечными конкурсами красоты и выборами «мисс-чего-то-там», давно получившими в народе название «конкурс мисок».

Действительно, утверждается идеал женщины мало жизнеспособной, не энергичной — такая ни домашнего хозяйства не потянет, ни собственной карьеры не сделает, разве что с колоссальным трудом. «Идеал» — плоскоживотый и узкобедрый — то есть мало способный к рождению детей.

Истребление красивых женщин

Не забудем, что генофонд Европы был чудовищно обеднен инквизицией. Общее число ведьм, сожженных инквизицией с XIII по XIX век, называют разное: от «всего» миллиона до «целых» 15 миллионов. [\[37\]](#) Даже «всего миллион» — это невероятно много при тогдашнем малолюдстве. А ведь убивали в первую очередь тех, кто красивее и интереснее. Опять обратимся к Ивану Ефремову:

«...Страшный мир европейского позднего Средневековья, словно отрезанный от всей просторной и прекрасной земли, тонувшей во мгле отравленного злобой, страхом, подозрениями религиозного тумана. Тесные города, где в ужасной скученности и грязи жило стиснутое крепостными стенами рахитичное население, променявшее чистый воздух полей на нездоровую безопасность. Но в полях обитатели небольших деревень тоже жили под вечным страхом грабежей, внезапных поборов, голода от частых неурожаев. Запуганные люди находились в жестоких клещах военных феодалов и отцов церкви, более мстительных, изворотливых и

дальновидных, чем владетельные сеньоры. Непрерывные угрозы всяческих кар за непослушание и вольнодумство сыпались от власти светской и духовной на головы, склонявшиеся в покорности. Ужасные муки ада, придуманные больным воображением, сонмы чертей и злых духов незримо витали над психикой легковверных и невежественных народов, давя ее неснимаемым бременем.

Как психологу, Гирину была совершенно ясна неизбежность возникновения массовых психических заболеваний. Деспотизм воспитания семьи и церкви превращал детей в фанатиков-параноиков. Плохая, нищая жизнь в условиях постоянного запугивания вызывала истерические психозы, то есть расщепление сознания и подсознания, когда человек в моменты подавления сознательного в психике мог совершать самые нелепые поступки, воображать себя кем угодно, приобретал нечувствительность к боли, был одержим галлюцинациями. Необыкновенное число паралитиков было среди мужчин. Психические параличи... были попыткой бессознательного спасения от окружающей гнусной обстановки. Но еще тяжелее была участь женщин. Вообще более склонные к истерии, чем мужчины, вследствие неснимаемой ответственности за детей, за семью, женщины еще больше страдали от плохих условий жизни. Беспощадная мстительность бога и церкви, невозможность избежать греха в бедности давили на и без того угнетенную психику, нарушая нормальное равновесие и взаимодействие между сознательной и подсознательной сторонами мышления.

Я. Аюкейн «Сожжение ведьм и колдунов».

Гравюра.

Эта волна безумия каким-то чудом мало затронула Московию и Россию. Наверное потому, что мы не склонны были объявлять ведьмой каждую простолюдинку, собирающую в лесу целебные травы или моющуюся чаще одного раза в полгода.

Заболевания разными формами истерии неминуемо вели несчастных женщин к гибели. Церковь и темная верующая масса всегда считали женщину существом низшим, греховным и опасным — прямое наследие древнееврейской религии с ее учением о первородном грехе и проклятии Евы. Кострами и пытками церковь пыталась искоренить ею же самой порожденную болезнь. Чем страшнее действовала инквизиция, тем больше множились массовые психозы, рос страх перед ведьмами в мутной атмосфере чудовищных слухов, сплетен и доносов... Чем умнее и красивее была женщина, тем больше было у нее шансов погибнуть в страшных церковных застенках, ибо красота и ум всегда привлекают внимание, всегда выделяются и падают жертвой злобы, вызываемой ими в низких душах доносчиков и палачей...»^[38]

Европейская инквизиция истребляла красоту во всех ее проявлениях: в произведениях искусства даже матушку-природу и то пыталась изуродовать. А вот «дикая и грязная» Россия отношение к красоте культивировала: в обрядах, в отношениях к канонам женской красоты — во всем природная естественность считалась наиболее красивой, чем уродливые европейские заимствования. Поэтому и в современной Европе наши женщины титулованы как самые красивые. За что огромная благодарность нашим предкам!

Глава 5

О чистоте в современном мире

*Да здравствует
мыло душистое
И полотенце пушистое.*

К. Чуковским

Города современной Европы

Говоря о «российской немытости», часто имеют в виду мусор на улицах, грязные лифты и слово из трех букв на заборах. О виде наших городов и поселений в прошлом уже говорилось выше. Что касается настоящего, то действительно, есть места на земном шаре, где подобных явлений крайне мало. Это — маленькие городки Германии, Италии или Англии. Но в Англии есть свой Ливерпуль, в Италии — довольно дурнопахнущая Венеция, не говоря уже о Неаполе.

В больших городах Европы есть кварталы, охраняемые специальными людьми. В них очень чисто, приятно пахнет. Но стоит выйти за пределы этого «почти рая», и у вас будут совершенно другие впечатления. Центр Парижа красив, чист, хорошо вымыт, всегда толпы туристов и множество уютных кафешек. Но отойдите на несколько кварталов от Эйфелевой башни... Кривые улочки, кучи мусора, ругань, зловоние. В Брюсселе приемлем для человеческого взгляда центр, все остальное — это мрачные каменные джунгли, разбитые стекла, изрисованные стены, горы мусора, грязи. И то же самое в любом крупном западном городе.

Поскольку мне посчастливилось побывать во многих странах, не могу не удержаться от рассказа о личных наблюдениях. Да, впрочем, что рассказывать, многие у нас сейчас имеют возможность поехать по миру и многое сравнить. Понять, что лондонский Ист Энд будет куда грязнее нашего московского Бирюлево. Что, попав в арабские кварталы Парижа, вамстанет страшно не просто за чистоту своих туфель, но и как минимум за кошелек. Воскресная прогулка по Неаполю повергла меня в шок. Ну, я предполагал, что итальянцы, особенно южные, вроде как не совсем прямые наследники Октавиана, Брута и Марка Аврелия... Но, чтобы СОВСЕМ не

убирать мусор в выходной день на центральных улицах крупнейшего туристического города... Объяснить, наверное, можно тем... ну, что у них, например, была какая-то очередная «итальянская забастовка».

Америка? Говоря про Америку, нужно помнить о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. До сих пор храню в архиве свою фотографию в центре Нью-Йорка на груде мусора высотой в человеческий рост... прямо под гордой вывеской «Broadway».

Если уж мы говорим о грязи в городах, то давайте вспомним и о фавелах всех городов Южной Америки,^[39] о восточных гетто, получивших название «бидонвиль», то есть «город из бидонов». Дома в бидонвиях строятся из старых ящиков, из бочек из-под горючего и разве что не из картонных коробок. В Китае и Египте есть места, где нищие тысячами живут на кладбищах и в катакомбах.

Автор на Бродвее (центр Манхэттена, Нью-Йорк).

Московскую мэрию можно и нужно критиковать, но таких куч мусора на Тверской вы не увидите никогда.

Если проанализировать положение дел объективно, российские города предстают, конечно, если не самими благополучными на планете, то уж, по крайней мере, в числе самых благополучных.

Гигиена современной Европы

Еще в XIX веке немцев приходилось уговаривать и чуть ли не заставлять мыться. Солдату в Прусской армии вручали трусы и два кисета: с табаком и с зубным порошком. Армия учила носить белье, умываться и чистить зубы. Но еще в 1883 году на всю Германию было 223 бани.

Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью и в наши дни. Но, конечно же, сейчас на Западе есть и ванны, и души, и биде, и джакузи в огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие достижения «культуры».

Но даже в XX веке Европа вовсе не лидирует перед Россией в чистоплотности.

Потому что в России и в советские времена культ чистоты и гигиены поддерживался с особой настойчивостью. На государственном уровне.

Строки из стихотворения Маяковского про мальчика, который любит мыло и зубной порошок воспитывали не одно поколение советских детей. Кто не знает «Мойдодыра» К.Чуковского? А ведь это — пропаганда здорового образа жизни, ориентированная на детей.

Кто из советских людей не видел плаката «Мойте руки перед едой»? Такие плакаты висели и в школьных столовых, и в поликлинике, и только что не в ресторанах. И сегодня ведь парня, который не умывается, будут считать в лучшем случае непонятным, а то и неприятным чудяком.

Что касается бань, то до сих пор это любимая народная традиция. Даже урбанизированные городские жители выбирают на дачи или к старикам в деревни, где баня есть обязательно если не у себя, то у друзей или соседей. Уж не говоря о том, что и городские общие бани не пустуют,

предпочитаясь некоторыми домашней ванной и душевой.^[40] Врочем, нам далеко до бывшего роскошества предков. Посол английской королевы Елизаветы Джильс Флетчер оставил такое свидетельство о русских XVI столетия: «Они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств».

Воспитание чистоплотности у нас начинается с детства, с «Мойдодыра» и со стихов Маяковского.

У кого лучше генетика?

Многие из Русских доживают до 80, 100, 120 лет, и только в старости знакомы с болезнями.

Якоб Маржерет «Состояние Российской державы...»

Многие [русские] доживают до глубокой старости, не испытав никогда и никакой болезни. Там можно видеть сохранивших всю силу семидесятилетних стариков, с такой крепостью в мускулистых руках, что выносят работу вовсе не под силу нашим молодым людям.

Авгупин фон Мейернкрз «Путешествие в Московию»

Не самая лучшая традиция русских девушек — выходить охотно замуж за иностранцев. Но ведь вопрос — а почему иностранцы так охотно женятся на русских? Одна причина очевидна: русские женщины хозяйственны, заботливы, преданны семье. Вторая не так заметна, но и она тоже есть: наши предки, благодаря своей чистоплотности в том числе, оставили нам в наследство прекрасные гены и здоровье.^[41]

В наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это — основа здоровья. О том, что наши предки были крепкими физически и доживали до ста лет, свидетельствуют документы XIV–XVII вв.

Россия XVII–XVIII веков славилась своими долгожителями. Много их и сегодня. Но при такой генетике продолжительность жизни россиян в последние десятилетия крайне низка и отстает от многих развитых стран. По данным Госкомстата, в начале XXI века мужчины в России живут в среднем 59 лет, женщины — 72 года. Тогда как в США мужчины живут в

среднем 73 года а женщины — 79 лет. Однако в современной России это проблема не гигиены, а совершенно других факторов. Об этом, впрочем, лучше подробно поговорить отдельно.

Что поддерживает стереотип?

Возникает естественный вопрос: почему же так глубоко укоренился стереотип чистенькой, аккуратной Европы и нечистоплотной России? Разница — в отношении к своему культурному и историческому наследию. В конечном счете — к самим себе.

В Европейском кинематографе вы крайне редко найдете реалистические картины улиц и предместий. Образ «прекрасной Европы» культивируется всеми средствами как художественного, так и документального кинематографа. Поддерживается этот образ и всеми СМИ.

Возьмите любой фильм, где показывается Париж — будь то художественный фильм или документальный. Никогда в нем не покажут город таким, как он есть. В самом лучшем случае, если только изображают Париж глубокого прошлого.^[42] Париж во всех фильмах обязательно выглядеть чистым, прилизанным, как переводная картинка.

Мы поступаем наоборот: с особым рвением везде показываем, обнажаем наши кучи мусора. Просто неймется нам без этих куч, в том числе, в художественных и документальных фильмах. Даже если и никакой необходимости вроде бы нет, обязательно мы их покажем! В результате Париж во французских фильмах выглядит лучше, чем есть на самом деле. А Москва даже в одном из лучших наших кинофильмов «Москва слезам не верит» выглядит хуже, чем она есть: грязнее, захламеннее, провинциальнее. Я еще раз вспомню фильм «Окно в Париж», где образ России не просто искажен — он карикатурно ужасен.

Так же нелепа грязная Россия в «Алтын-толобасе» Б. Акунина, где два поколения Ван Дорнов — Фандориных, в XVII и в XX веках, начинают цивилизовывать эту нечистоплотную и вороватую страну.

Тем самым у любого критика Франции не оказывается аргументов. А любой возможный критик России получает их с избытком — от нас же самих. Мы сами позволяем зарубежным «мифотворцам» создавать карикатурные образы «типичного русского пейзажа». Мы с благоговением продолжаем оглядываться на Запад и соглашаться с тезисом о «более культурной и цивилизованной Европе».

Мало что изменилось с тех времен, когда классик подметил эту нашу отвратительную особенность — склонность к идеализации всего иностранного:

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;

Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил... [\[43\]](#)

Век от века мы отворачиваемся от своего родного и начинаем верить в то, что мы погрязли... в грязи ли, в невежестве ли... — не важно. Важно то, что отрицание родного и идеализация чужого — искажает национальное самосознание, порождает чувство безнадежности, неверия в свои собственные силы, исторической бесперспективности «немытой России».

Часть VI

**Миф о царской России — «тюрьме
народов»,
или Немного о «национальном вопросе»**

Глава 1 Истоки мифа

Сначала был тезис о тюрьме...

О том, что царская, точнее имперская многонациональная Россия была «тюрьмой народов», разве что глухой не слышал. Эту глупость повторяли и повторяют так часто, что она запоминается и становится уже как бы фактом без доказательств, в силу самого повторения, априори, так сказать.

В Интернете я насчитал несколько сотен текстов, где сочетание слов «тюрьма народов» упоминалось в связи с Россией или СССР. Народ спорит, в основном, был ли «тюрьмой народов СССР» или же такой тюрьмой по национальному признаку была именно царская Россия. Мнения представлены самые разные, имеет место в том числе и такое, что «тюрьмой народов» были и Российская империя, и СССР.

Какая мол разница, везде присутствовали и «великодержавный шовинизм» «титulyной нации»,^[44] и повсеместное угнетение «колонизированных» народов.

Те, кто немного знают историю русского средневековья, добавляют: мол, все эти «гей-славяне», уйдя с исторической родины — Днепра на северо-восток, сначала колонизировали «исконно финно-угорские» земли (Москва-Владимир-Новгород), а потом разлились широкой московитской лавой, пожирая и подминая под себя несчастных угров, пермяков, татар, башкир, якутов, калмыков, народы Сибири и Севера, затем — поляков, финнов, крымчаков, кавказцев и жителей Средней Азии.

Скажут, что мол «колонизаторская политика царизма» отличалась от колониальной политики, скажем, Британской империи лишь тем, что англичане несли «свет на штыках своих винтовок» по морю, на кораблях своего непобедимого флота, а русские «чудо-богатыри» — посуху. Такое у нас было географическое положение. Благоприятное. Пешочком дошли от Берлина до Камчатки. Еще переехали на русских санках через Берингов пролив на Аляску и спустились фортами-колониями вниз, аж до Калифорнии. И не будь моря-окияна (Тихого, в смысле) и связанных с этим трудностей с поддержанием коммуникаций русской метрополии с русскими «американскими» колониями, так и засели бы там навсегда. Ох, натерпелись бы тогда от русского разбойника-козака местные индейцы, ох наплакались бы горячими слезами.

Побежали бы на восток, через Гранд каньон — в благородную

демократическую Новую Англию, где демократически и на рыночных началах^[45] строили свои отношения с местным населением англо-французские колонисты.

А еще народ спорит, кто ввел в публицистику эту мрачную метафору «Россия — тюрьма народов».

Большинство уверены, что это Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» впервые назвал «тюрьмой народов» Россию. Как часто бывает, многих этот факт устраивает. Ленин для них — неопровержимый первоисточник всего. Наше все. Прямо как Пушкин.

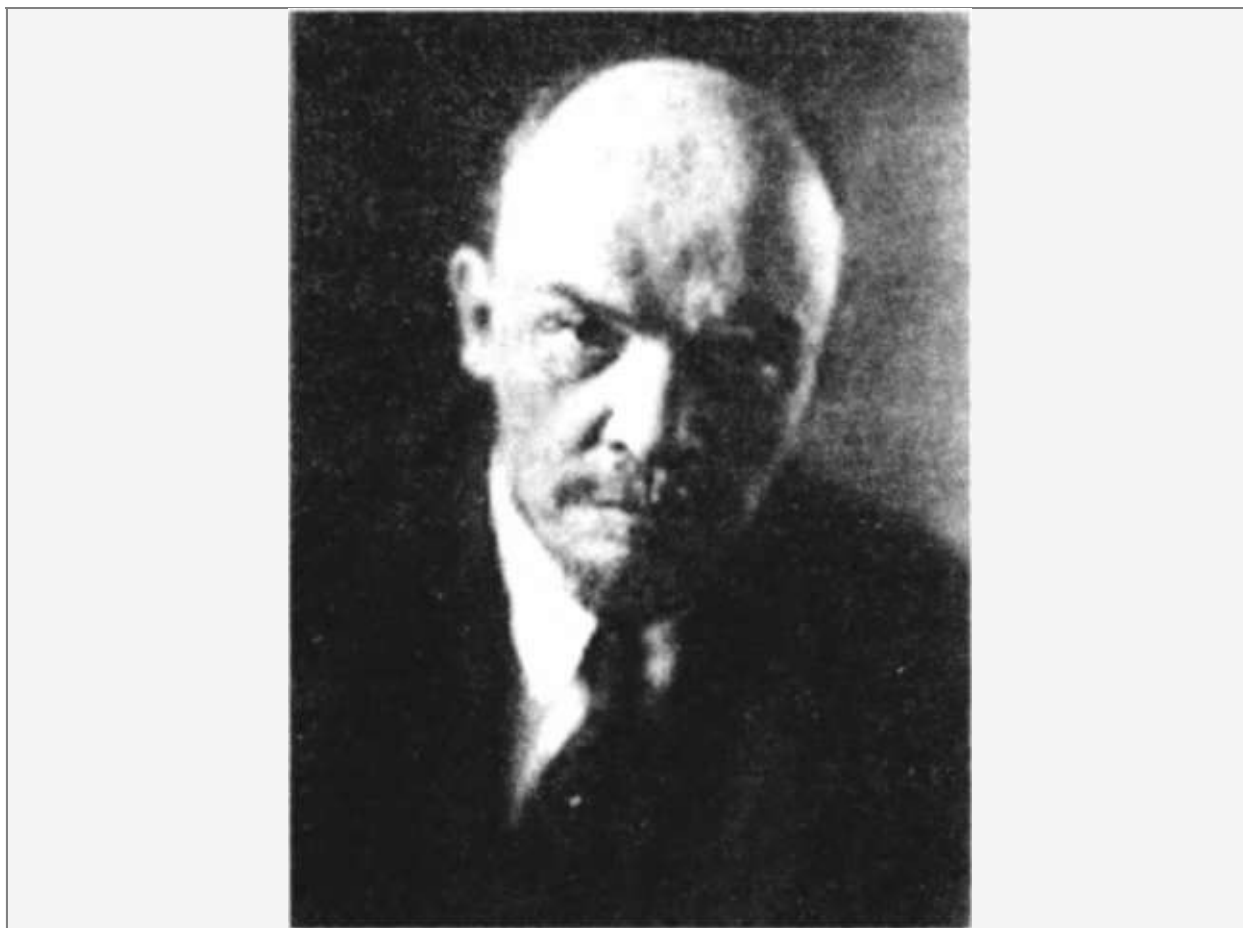
Что ж, Ленин действительно написал такую статью, опубликовав ее в декабре 1914 года в газете «Социал-демократ».^[46] Однако в ней слов про тюрьму народов не было. Ленин использовал это определение примерно в это же время, но в другой статье: «К вопросу о национальной политике». Собственно говоря, это даже не статья, а рукопись, к тому же сохранившаяся не полностью.

Рукопись «К вопросу о национальной политике» является наброском речи, с которой должен был выступить в IV Государственной думе большевистский депутат Г. И. Петровский. Впрочем, произнести эту речь ему так и не удалось в связи с изгнанием из Думы левых депутатов 22 апреля (5 мая) 1914 года. Рукопись проекта речи сохранилась не полностью.

В этот период В. И. Ленин «неформально» руководил большевистской фракцией IV Государственной думы. При пересечении границы империи Ульянову грозил арест, поэтому роль «серого кардинала» фракции он исполнял то из Цюриха, то из Лондона.

Ленин направлял деятельность депутатов-большевиков, регулярно переписывался и встречался с ними, давал им советы по любому поводу, и, как видите, даже составлял тезисы выступлений. Чтобы народные избранники не «пороли», как говорится, излишней отсебятины.

Тогда же он написал «Избирательную платформу РСДРП», «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов», «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства». Рукопись «К вопросу о национальной политике» — в ряду прочих.

В. И. Ленин.

Владимир Ильич удачно перефразировал Маркса, который, в свою очередь, позаимствовал яркий образ у Астольфа де Кюстина. Так появился штамп «Россия — тюрьма народов».

Тем, кто рассуждает о «тюрьме народов», обычно невдомек, что впервые назвал Россию «тюрьмой» французский писатель и путешественник маркиз Астольф де Кюстин (1790 — 1857).

Книга Астольфа де Кюстина, «Россия в 1839 году» впервые увидела свет в Париже в 1843 году. На русский язык ее не переводили до XX века, но французским языком в царской России владело все дворянство (даже лучше, чем родным русским) и все образованные люди того времени (куда как совершеннее, чем в наше время — английским). После прочтения этого опуса, российский читатель «вдруг» узнал много любопытного о своей стране. Оказалось, что «сколь ни необъятна эта империя, она не что иное,

как тюрьма, ключ от которой хранится у императора».^[47] Вот и получается, что поскольку у Николая I хранятся ключи от тюрьмы, то кто он? Правильно! Он — «тюремщик одной шестой земного шара».

После этой книги наша интеллигенция «прозрела» и с упоением начала повторять почти готовые афоризмы: «Россия — тюрьма», «Император — тюремщик России». Не участвовать в легком интеллектуальном диссидентстве было, конечно же, очень неинтеллигентно. Благодаря частому повторению и постоянному цитированию, образ России как «тюрьмы» вошел в русский язык в качестве метафоры.

При этом де Кюстин вообще ничего не говорил о межнациональных отношениях. Тем более, он не осуждал угнетения нерусских народов империи, да, похоже, и ничего не знал как раз о таком положении. Если учесть, что маркиз просто с упоением хватался за любую, даже самую незначительную возможность сказать о России хоть какую-нибудь гадость, это очень характерно. Если уж Кюстин ничего не сказал о национальной политике Российской империи, значит, действительно не нашел, к чему прицепиться. А мужчина он был въедливый.

Удивительно, но к самому русскому народу — в смысле к простонародью, маркиз относится очень неплохо.

«Национальное для общества, — не устают повторять он, — то же, что природное для местности; существуют первобытная краса, сила и безыскусность, которые ничто не может заменить».^[48] Может, и тут дело не столько в политике, сколько в... скажем так — в чисто физических характеристиках народа?»

То-то он с откровенным восторгом описывает именно ВНЕШНОСТЬ крестьян. Не культуру, не психологию, не поведение — ничего этого, не зная русского языка, он не ведает. Но с удовольствием описывает «античные» профили крестьян, их мускулистые тела и «восточную негу» крестьянок.

Говоря о «России — тюрьме», Кюстин имел в виду не национальное угнетение, а подчиненное, по его мнению, униженное положение всех народов и сословий, всех вообще людей, находящихся под властью российского императора. Он говорил об отсутствии в России гражданского общества и независимого общественного мнения, способного противостоять воле монарха. О колоссальной власти Николая, которая по своей необъятности приближалась к власти турецкого султана или персидского шаха.

Кюстину, как никому другому, удалось создать яркий и по-своему публицистически талантливый образ гигантской империи страха, — страны, где человек беззащитен перед государственной машиной. «Российская империя, — пишет он, — это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведенное в ранг нормального состояния общества».

Астольф де Кюстин.

«Вся Россия — тюрьма, — писал французский аристократ, — ключи от которой лежат у императора». Николай I, «как честный офицер», был столь потрясен неблагодарностью француза, что не нашел ничего лучшего, чем запретить его книги о России. Этим сильно добавил ему популярности в кругах отечественной интеллигенции.

Через всю книгу проходит страх перед Сибирью, хотя, признается он, «и сама Сибирь — та же Россия, только еще страшнее».^[49]

С пафосом, достойным Радищева, Некрасова или Чернышевского, он описывает положение крепостных крестьян, всеобщее бесправие и откровенную полицейскую слежку. «В России, — говорит Кюстин,^[50] — я стал демократом».

После него про «Россию как громадную тюрьму» говорили и Герцен, и другие «борцы за народное дело». Примерно в тех же выражениях высказывался о России и русских, что любопытно, и один из самых известных русофобов XIX века — сам господин Карл Маркс.

Вполне в духе Кюстина писал о русских Н. Г. Чернышевский: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы».^[51] Роман Чернышевского «Пролог» давно и безнадежно забыт. Но что характерно, эту фразу о «рабах» вспоминают регулярно.

При всей «очевидности» факта: «Россия — тюрьма народов», — никто до В.И.Ленина с такой истовостью не убеждал соотечественников в том, что все они живут не в государстве, а в тюрьме. По крайней мере, стоило Ленину это произнести, и тут же десятки тысяч, даже сотни тысяч голосов стали цитировать именно Владимира Ильича.

Джинн вылетел из бутылки

Ленин был очень конкретен. Он говорил именно о национальной политике царизма, имея в виду как раз угнетение нерусских народов в России.

По его мнению, тирания царизма по отношению к этим народам делает нерусских подданных все более революционными: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной... мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы... «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»».^[52]

И пошло! Про «тюрьму народов» большевики стали говорить не в переносном смысле слова. Вся дальнейшая национальная политика — это истовое рвение «освободить из этой тюрьмы заключенных», т. е. огромное количество национальных этносов. Вернее, все национальные образования, от самых малочисленных. Причем обычно ценой одного, самого многочисленного этноса — русских.

Все это были не просто слова. Подкладка у тезиса — самая кровавая. Тезис накладывался на терроризм сепаратистов. Летом 1905 года во главе

боевой организации Польской социалистической партии встал Юзеф Пилсудский, и начался террор против представителей российской администрации. Было совершено покушение на варшавского генерал-губернатора, последовали убийства полицейских. Журнал «Эксперт» писал, ^[53] что еще перед русско-японской войной, а именно в мае 1904 года, Пилсудский ездил в Токио с предложением сформировать польский легион для японской армии, организовать шпионскую службу и диверсионные отряды для взрыва мостов в Сибири. Взамен просил у японцев оружие, снаряжение, деньги и гарантии, что при заключении мирного договора с Россией Япония потребует предоставления Польше независимости.

В Финляндии сепаратистами был убит^[54] генерал-губернатор Бобриков.

В Закавказье при подстрекательстве «революционеров» кавказской национальности (это если кому не икается называть этим «овеванным романтикой» словом банальных бандитов, убийц и воров-«экспроприаторов», самый известный из которых впоследствии возьмет себе звучный «русский» партийный псевдоним — СТАЛИН) с началом войны состоялся ряд манифестаций с требованиями независимости от России.

Все эти зерна дадут обильный урожай в 1917 году.

В советское время слова о «тюрьме народов» и в кавычки брали не всегда. Цитировать статьи и книги, где всячески обыгрывается эта словесная форма, молено долго. Лучше я приведу обширную цитату из очень типичного произведения.

«Россия являлась не только страной помещичье-капиталистической эксплуатации, но и страной национального гнета, тюрьмой народов. Все нерусские национальности подвергались в ней дискриминации, находились в условиях угнетения, бесправия и нищеты. Национальные окраины почти не имели никакой промышленности. Культура народов подвергалась всяческому гонениям и притеснениям. Условия жизни народных масс были крайне тяжелыми.

Царское правительство умышленно проводило политику вражды и розни между народами, политику шовинизма. В осуществлении этой политики заодно с русскими помещиками и капиталистами участвовали баи, манапы, беки и другие реакционные силы угнетенных национальностей...

Буржуазно-помещичья тюрьма народов была ненавистна и нерусским национальностям и основным массам русского народа. Национальное

угнетение, по образному выражению В. И. Ленина, представляло собой палку о двух концах: одним она была поработанные народы, другим — русский народ». [\[55\]](#)

Иосиф Сталин.

Сложно сказать, при нем в мире нас больше все-таки уважали или боялись?

В материалах для партийной учебы рассказ о царизме, как «тюрьме народов» выражен еще проще и попрямолнейней:

«III. Царская Россия — тюрьма народов:

а) царская политика разжигания национальной вражды (еврейские погромы, татаро-армянская резня в Закавказье);

б) преследование языков нерусских народностей, политика насильственного их «обрусения»». [\[56\]](#)

Здесь студент уже не рассуждает и не думает, а просто отвечает на вопрос: как именно царизм организовывал обрусение нерусских народов

империи и как «царские сатрапы» организовывали «татаро-армянскую резню» в Закавказье.

Удивительное дело: но тут полностью сходились оценки официальной советской идеологии и 90 % так называемых диссидентов. Некий Шрагин писал в своей самиздатовской статье: «Была ли Россия «жандармом Европы»? — А разве нет? Была ли она «тюрьмой народов» — у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? — Факт».^[57]

Различие в государственной и диссидентской оценках, конечно, существовали. Например, официальная советская историография никогда не называла «тюрьмой народов» СССР. А в диссидентской литературе «тюрьмой народов» именовали и СССР. Какая разница, мол, что царские сатрапы, что большевистские.

**Немецкий плакат времен Великой Отечественной войны
«Кавказ будет свободным».**

Нацистская пропаганда наивно полагала, что потомки Шамиля спят и видят, как сбросить «русских порабощителей» и водрузить над «Свободным Кавказом» имперский штандарт III Рейха.

Десятки лет такого воспитания и дали как результат сотни и тысячи упоминаний «тюрьмы народов» в современном Интернете, с одним существенным добавлением: теперь называть «тюрьмой народов» и СССР сделалось «идеологически» безопасно. И даже правильно. Кто виноват в Чечне? Сами виноваты! Коммунисты и комиссары — в первую очередь. Притесняли малые народы, унижали, переселяли в вагонах-теплушках за ночь целые народы в Сибирь и Казахстан, в общем душили-душили — вот он, ответный взрыв национализма! Знакомые рассуждения?

Да, не одни русские говорят о «тюрьме народов». Впору «перестройки» про зловещую «тюрьму народов» заголосили во всех республиках, националисты и демократы всех оттенков. До сих пор успокоиться не могут...

Определение понравилось и за границей, его стали применять задолго до падения советской власти.

«Даже если признать, что *La Russie en 1839* (имеется в виду книга де Кюстина — В. М.) была не очень хорошей книгой о России в 1839 г., — пишет бывший посол США в России Джордж Кеннан, — мы сталкиваемся с поразительным фактом: она оказалась прекрасной, едва ли не вообще лучшей книгой о России эпохи Иосифа Сталина и неплохой книгой о России эпохи Брежнева и Косыгина».^[58] А раз Россия при Брежнев не отличается от России времен Николая I, значит и она тоже — «тюрьма народов».

Дж. Кеннан был в числе тех, кто считал: помочь освободиться «плененным народам», заключенным в камеры тюрьмы, — благое дело!

Уинстон Черчилль тоже полагал, что помочь народам СССР освободиться — самый лучший способ борьбы с советской властью. Он шутил порой, что «СССР — не тюрьма народов. Это коммунальная квартира народов».^[59] Надо просто расселить эту квартиру.

Уинстон Черчилль.

Как-то уже в совсем преклонном возрасте, будучи на заслуженном отдыхе, Черчилль гостил на яхте одного американского «олигарха». Гостей на палубе было много, и, развалившись в кресле с сигарой, сэр Уинстон поманил пальцем какого-то молодого стюарда в белом пиджаке и распорядился сбегать на кухню за шампанским. «Слушаюсь, сэр!», — юноша, не задумываясь, молнией метнулся за бутылкой. Через несколько лет «стюард» (его звали Джон Кеннеди) станет Президентом США.

Упоминали «тюрьму народов» и Збигнев Бжезинский в своих речах, и Ричард Пайпс.^[60] Западные аналитики были уверены, что «СССР, вне всякого сомнения, не новое государство, а территориальное расширение Российской республики».^[61]

И что, имея дело с СССР, мир сталкивается с новым видом колониализма.^[62]

Конечно же, и в бывших национальных республиках, а ныне независимых государствах, не обошлось без байки про «тюрьму народов». Представление о русском колониализме лучше всего помогают обосновать претензии на независимость и «доказать», какие хорошие люди живут именно в этой республике и какие плохие русские «пришельцы». [\[63\]](#)

Классики марксизма о колониальном строе

Самое же интересное в этой истории то, что представление о России — тюрьме народов, действительно можно вывести из творений классиков марксизма. Но совсем другое представление, чем было у Ленина. И вообще Маркс и Ленин совершенно по-разному видели судьбу народов, покоренных колониальными державами. С точки зрения основоположников марксизма, до мировой революции не может идти и речи об освобождении колониально зависимых стран. Страны эти «неисторические», отсталые, в них нет ни «нормальной» буржуазии, ни «качественного» сформировавшегося пролетариата. Только когда в Европе, в «центре мира», восстанет пролетариат и начнет строить счастливое коммунистическое далеко, он сможет освободить и эти неисторические неевропейские народы, помочь им преодолеть историческую отсталость. Если читатель думает, что я преувеличиваю, я отсылаю его к статьям Карла Маркса и Фридриха Энгельса, посвященным колониализму. [\[64\]](#)

Для Маркса и Энгельса не было и не могло быть никакого особенного развития, никаких особых исторических путей, отличных от путей развития стран Европы. Если в России что-то происходит не так, как в Европе, значит, происходит хуже, чем в Европе. Значит, Россия — отсталая, и в ней просто еще что-то недоразвито, еще не стало «так, как надо».

Большевики с Лениным во главе воспринимали Россию вполне в духе Карла Маркса: не как особый культурный мир, не как уникальную семью народов, а как постороенную по англосаксонскому образцу колониальную «тюрьму народов». Для них это была колониальная империя окраинного европейского народа — русских, захвативших и подчинивших себе множество других, прежде всего азиатских народов. Именно так характеризовал Россию В. И. Ленин в своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов». Ни о каких отличиях России от остальных колониальных империй речи в ней не идет.

Но и Ленин, и другие большевики быстро поняли, какой громадный потенциал кроется в «национально-освободительном движении». Уже в

ходе Гражданской войны 1918 — 1920 годов они сумели блестяще разыграть крапленую национальную карту, искусственно стимулируя «центробежные силы», разогревая воображение местных национальных элит, всячески разжигая стремление этих элит выйти из состава Российской империи и, соответственно, безраздельно завладеть властью и — ГЛАВНОЕ?! — собственностью на «своих территориях».

Белые последовательно хотели восстановления империи^[65] и потому все время вступали в конфликт с новыми национальными государствами. Даже, если новые правительства стран, входивших в Российскую империю, предлагали им помощь, белые зачастую отказывались от совместных действий против большевиков.

Например, Маннергейм был готов силами финской армии нанести удар на красный Петроград. В случае успеха, независимая Финляндия могла рассчитывать на то, что в будущем громадная Россия будет ее союзником. А могучий сосед-союзник очень нужен такой небольшой стране как Финляндия. Иными словами, в случае, если белые, как сделал Ленин, тоже признают независимость Финляндии, Маннергейм готов сотрудничать с белой армией.

Но Колчак в ответ на предложение Маннергейма отвечает крайне уклончиво. Бывший министр иностранных дел Временного правительства Сазонов, находясь в это время в Париже, запрещает Юденичу вести с Маннергеймом переговоры. Другое — генерал А. И. Деникин, всегда вежливый и толерантный, на этот раз всерьез заявляет, что повесит первым, конечно, Ленина и его сообщников, но вторыми-то будут именно члены правительства независимой Финляндии. Разумеется, после этого финны на Петроград не пошли.

И Эстония не стала воевать с большевиками после того, как белые отказались признать ее независимость. Более того, потом Эстония начинает переговоры с большевиками.

На Северном Кавказе Деникин вынужден был держать особые войска, чтобы сдерживать постоянный натиск горских народов, а большевики опирались именно на местное горское население. Подробнее об этом — чуть ниже.

Только поляки из всех народов бывшей Российской империи одинаково воевали и с белыми, и с красными. Деникин считал, что это именно поляки помешали ему взять Москву: они начали наступление в самый решающий момент «московской операции», в октябре 1919 года, и тем самым подкосили наступление белых.^[66]

А потом Польша начала войну и с большевиками...

Серьезные ученые давно обратили внимание на то, что победа красных в Гражданской войне объясняется, кроме других причин, и ленинской национальной политикой. На Западе иногда даже говорят что «гениальность Ленина в том, что он уловил размах этой тяги к освобождению». Он бросил «наряду с маленькой армией русских рабочих... в революционные битвы неисчислимое множество народов, жаждущих освобождения».^[67]

Однако гениальность — гениальностью, а появление национальных республик, похоже, было случайностью. Во всяком случае, процесс их возникновения шел стихийно, так как «классический» марксизм никакой вразумительной теории национализма не выдвинул.

«Это была ленинская импровизация, — считает профессор Георгий Дерлугьян. — Осенью 1918 года добровольческая армия Деникина громила красных на Кубани и Тереке. Их остатки укрылись в горах Кавказа, где Киров и Орджоникидзе вступили в незаурядный диспут с исламскими авторитетами чеченцев и ингушей. В результате сравнения учений Маркса и Мухаммеда появилась удивительная фетва, признавшая дело большевиков равным джихаду за справедливость. Когда Деникину оставалась всего сотня верст до Москвы, в тыл ему ударили «красно-зеленые» партизаны Кавказа, а также украинские повстанцы Нестора Махно. Точно так же переход башкирских отрядов к большевикам подрвал наступление атамана Дутова, латышские стрелки остановили Колчака, армянские дашнаки-маузеристы обороняли Бакинскую коммуны от турок и азербайджанских мусаватистов, абхазские «киаразовцы» помогли справиться с грузинскими меньшевиками».^[68]

Историк Терри Мартин описывает СССР как «империю нацкадров». Партноменклатура де-факто централизовала государство, в то время как национальные республики де-юре делали его федеративным. Своего рода компромисс центра и периферии. Впоследствии СССР был вынужден щедро раздавать возможности для самореализации национальных элит, и благодаря этому сдерживался сепаратизм. В конце концов эта самореализация слилась с сепаратизмом.

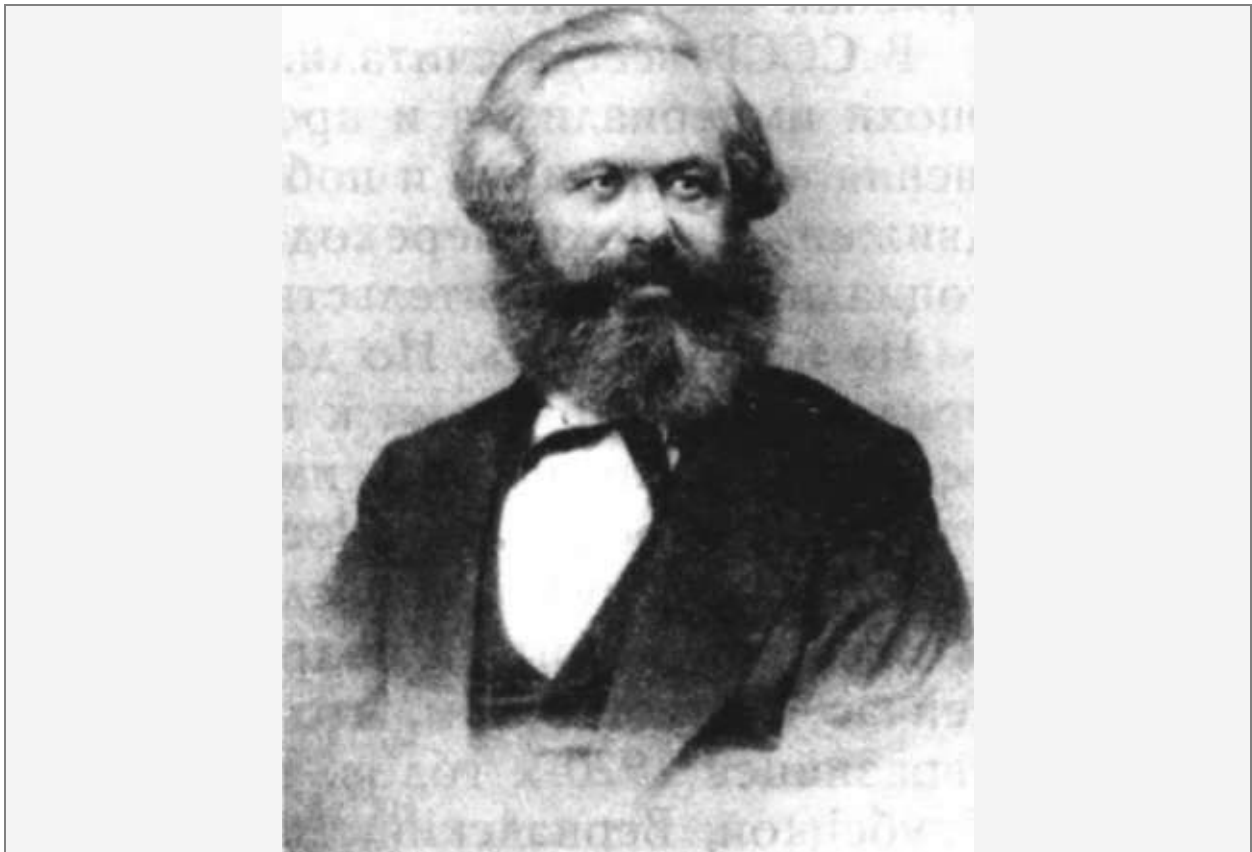
В первые годы советской власти очень откровенно говорили о «колониальной революции» — то есть об «освободительной борьбе» нерусских народов.^[69] На первый взгляд, Ленин просто продолжает идеи Маркса, воплощает их в жизнь: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего Востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы

забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»». [\[70\]](#)

Но это только на первый взгляд. По Марксу, пролетарская революция должна освободить колониальные народы.

По Ленину колониальные народы освобождаются сами, совершая колониальную революцию. Различие в этих двух «подходах» огромно!

Этот поворот от подготовки мировой революции в Европе к революционной агитации в Азии отлично увидели все, кто только хотел. Писал об этом и Герберт Уэллс... [\[71\]](#)

Карл Маркс. 1867 г.

Мало кто знает, что великий бунтарь, экономист и философ страдал настолько тяжелой формой геморроя, что половину «Капитала» был вынужден написать... стоя за конторкой. Вот откуда проистекает иногда лютая классовая ненависть.

Воистину, Ленин намного больший реалист, чем Карл Маркс! Ленин видел, что Россия чем-то разительно отличается от европейских империй. В ней что-то «не так», как в Европе. Маркс видеть этого не желал, всякое своеобразие России категорически отрицал. Россия для Маркса была не «другая», отличная от Европы, а просто «плохая», неправильная недоразвитая.

Русских Маркс не любил и считал народом «неисторическим». Даже история средневековой Руси ему активно неприятна. Ивана Калиту Маркс оценивал как «смесь татарского заплочных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа». ^[72] Таких образных оценок у него не «удостоился» ни один король или герцог Запада, а среди них были личности совершенно жуткие.

Применительно к истории XIX века Маркс всерьез утверждал, что «ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью», и призывал к решительному террору по отношению к славянским народам. Во время революции 1848 года он призывал немецких и австрийских милитаристов «растоптать нежные цветки славянской независимости». Ведь: «Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в австрийских славянских землях, и никакие фразы, никакие указания на неопределенное будущее этих земель не возбранят нам считать врагами наших врагов». ^[73]

Маркс последовательно полагал цивилизацию Запада, ее исторический путь образцом, которому должны следовать все остальные страны и народы. Своеобразие этих цивилизаций воспринималось им как досадные отклонения от «нормы» или «атавизмы», мешающие «нормальному» развитию, или как признак отсталости.

В СССР всегда считали, что ленинизм — это «...марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества». ^[74]

Не буду спорить. Но добавлю, что ленинизм — это еще и приложение марксизма к государству, которое только очень условно можно назвать империей.

Попытку осмыслить Россию не как империю, а как другое по смыслу государство сделали уже в XX веке евразийцы. Можно ознакомиться подробно с их идеологией, для нас же сейчас главное в том, что ученые, принадлежащие к школе евразийцев 1920-х годов, прежде всего историки

Савицкий, Трубецкой, Вернадский, Алексеев и другие, писали: «Россия представляет собой особый мир... Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии». ^[75]

Для евразийцев Россия состоялась как подлинная «семья народов», соединяющая народы, разные по вероисповеданию и происхождению, но близкие по культуре — от быта до политических традиций, по своей исторической судьбе.

На наш взгляд, евразийство интересно именно как попытка увидеть Россию как многонациональное государство, но не империю. А если и империю, то «не такую», как империи Европы.

Мы беремся показать эти отличия без какой-либо экзотической идеологии.

Глава 2

Западные колониальные империи

Владыки мира

Европейские колониальные империи выросли из эпохи Великих Географических открытий XVI-XVII веков. Уже название эпохи — сугубо евроцентрическое. Кто открывал-то мир? Европейцы. Для кого? Для себя, разумеется. У остальных народов мира могло быть совсем другое мнение о том, кто кого открывал и нужно ли было это делать.

В 1971 году вождь племени сиу Стоячий Бык прилетел на пассажирском самолете в Геную, спустился по трапу в полном боевом облачении вождя племени и торжественно объявил, что он...открывает Италию. Почему это кажется странным? Колумб ведь «открыл» Америку, в которой жили в то время 22 миллиона человек!

Приключения путешественников и завоевателей тех времен, испанских конкистадоров, французских дворян-офицеров и английских поселенцев-квакеров, конечно, увлекательны и интересны. Но мы до сих пор забываем: эти люди завоевывали независимые государства и поработщали народы, которые вовсе не просили их о такого рода «услуге».

Не будем отрицать, что европейцы были технически более «передовыми», чем неевропейские народы: у них были океанские корабли, огнестрельное оружие. Они знали навигационные инструменты и карты, о которых даже в древних цивилизованных Китае, Индии и Японии не имели понятия. У европейцев было развито фабричное производство, более совершенная организация экономики и общества в целом. Все так. Но ведь истиной является и то, что ни в Америку, ни в Азию, ни в Африку их не приглашали, и поделиться своими умениями не звал никто.

Да они и не делились своими достижениями...

Они их использовали.

Не успев «открыть» весь мир, европейцы уже в XVI-XVII веках начали им распоряжаться, как какой-то кладовой или складом. Для начала Испания и Португалия завоевали, ограбили и разрушили до основания государства Америки. В горных районах Южной Америки они завели основанные на рабском труде серебряные рудники, в которых мало кто выдерживал больше трех лет. В приморских районах создали гигантские

поместья — латифундии, а из лесов начали вывозить ценные сорта деревьев.

Кое-что о работорговле

Кстати, работорговля — очень яркий пример того, как европейцы переделывали и эксплуатировали мир. Они изменили население целых материков. Работорговцы обезлюдили Африку, чтобы населить Америку. Населить неграми-рабами. А для того чтобы населить Америку неграми, ее тоже сперва «обезлюдили». Индейцев первобытных племен истребляли просто для того, чтобы «освободить» от них богатую тропическую землю. Кроме того, отметим, любой пятиклассник, знакомый с историей США хотя бы по Клинту Иствуду и Гойко Митичу,^[76] авторитетно подтвердит: индейцы Америки мало подходили для «практических» нужд белых колонизаторов. Во-первых, «захватить» их в рабство было делом проблематичным. Небезопасным, мягко скажем. Но и захватив, толку от индейцев как рабов-работников было не Бог весть сколько. На плантациях индейцы умирали тысячами, работали в неволе из рук вон плохо, «размножались» и того хуже. Эксплуатировать их практичные европейцы посчитали невыгодным. И тогда «пришлось» начать ввоз негров-рабов из Африки.

Собственно говоря, рабами в Европе торговали всегда. Лион и Рим известны как центры работорговли в XIV-XV веках: европейских рабов вывозили в восточные страны, в первую очередь в Египет и в Турцию. Много рабов требовалось тогда на гребных судах. Развитие парусного флота сократило спрос на рабов на галерах. Вследствие этого работорговля на время стала невыгодной и почти прекратилась...

Но в это время появился спрос на большое количество рабов в Америке. Во всей Европе не хватило бы неисправных должников, чтобы этот спрос удовлетворить... И здесь очень кстати, «по соседству» оказалась Африка.

В 1522 году впервые на кораблях были доставлены из Африки негры-рабы на плантации в Бразилию. Немного, буквально несколько десятков. Опыт удался: негры были привычны к тропическому климату, выносливы и трудолюбивы.

За XVII-XVIII века, основные века работорговли, из Африки вывезли примерно 15 миллионов рабов, 10 миллионов из них — мужчины, уже готовые работники. По данным ученых на эти 15 миллионов прибывших

приходится не менее 5 миллионов умерших в пути, так как везли рабов в специальных кораблях, чтобы «напихать» их в трюм побольше. Небольшие парусные корабли того времени ухитрялись перевозить за один рейс по 200–300, далее по 500 рабов. Как говорили сами работорговцы, «негр не должен занимать в трюме места больше, чем он будет занимать в гробу». Он и не занимал.

Плавучий гробик под тропическим солнцем сильно нагревался. Воды и пищи было очень мало — их тоже экономили изо всех сил. Рабов и не думали выводить из трюма для отправления нужды. По утрам, когда рабовладельческий корабль открывал свои люки, из трюма поднималось зловонное облако. Оно висело над кораблем, пока ветер не относил марево.

Невольничий корабль в открытом море определяли по исходящему от него зловонию и по надстроенному укрепленному мостику — для того, чтобы было где отсидеться и отстреляться в случае бунта рабов.

Немало невольничьих кораблей пропали без вести, — опасное было занятие, водить в открытом море корабль, битком-набитый отчаявшимися людьми.

Но находиться на таком корабле в роли раба, конечно, было еще опаснее. Мало того, что условия жизни были ужасны, негры ко всему прочему вообще не понимали, что с ними происходит. Они оказывались в совершенно чужом для них враждебном и непонятном мире, с непостижимыми законами. А в конце «путешествия» их ждал другой материк и адский подневольный труд на плантациях.

В Америке рабов сначала подкармливали, лечили, а потом уже продавали. Впрочем, некоторые старались купить рабов побыстрее — стоимость раба повышалась по мере того, как он отдыхал от «путешествия».

В Африке же шла полномасштабная охота на рабов. Европейцы подкупали вождей, чтобы они продавали своих подданных, или устраивали войны, захватывая подданных своих соседей. Вся западная Африка на протяжении трех столетий превратилась в поле охоты на рабов.

По самым оптимистическим данным, на каждого захваченного и доставленного к западному побережью Африки раба приходилось еще по 5 убитых, умерших в дороге, искалеченных и заболевших. Примерно 75 миллионов покойников...

Называют и еще более страшные цифры. По мнению ряда африканских ученых, «черный континент» потерял не менее 100 миллионов человек.

Зато какие деньги «крутились» в торговле рабами! Сотни, если не

тысячи кораблей специализировались на торговле «черным деревом». Впереди были англичане, они вывезли в 4 раза больше рабов, чем все остальные, вместе взятые страны.

Именно в эти, XVI-XVIII века в Европе процветал расизм. Естественно, нечеловеческое отношение к человеку нуждается в оправдании, в каком-то логическом объяснении. Если негры — не люди или неполноценные люди, обращение с ними хоть в какой-то мере закономерно. Потому и называли негров «штуками черного дерева» или просто «стволами». Даже не «головами», как животных.

Впрочем, и индейцев не хотели признавать людьми. Ведь в Библии ничего не сказано о жителях «нового Света»! Значит, они не потомки Адама и Евы. Это — некие человекоподобные животные. Их вполне допустимо убивать, насиловать, кастрировать, продавать. Что и делалось.

«Венский конгресс». Гравюра Ж. Годфруа по рисунку Ж. Б. Изабе.

Венский конгресс 1815 г., как полагают некоторые историки, — пик мирового величия Российской империи.

Работоторговлю начали запрещать только в XIX веке, и инициатором этого запрета стала Россия. Рассуждая о «рабском» характере русских, о привычке русских к жестокости и самым страшным формам подавления человеческого достоинства, европейцы как-то плохо помнят об этом. Жаль... Не вредно им будет напомнить.

Ведь именно русские на Венском конгрессе подняли вопрос о работоторговле. Не так уж много они видели и знали о ней, — разве что во время международных экспедиций могли наблюдать работоторговлю и труд рабов на плантациях. Но, видимо, эти сцены произвели на них достаточно сильное впечатление. А свидетельства очевидцев произвели достаточно впечатление на высшую знать, участников Венского конгресса. И то правда, расистских «теорий» на Руси не было.

В 1814 году Парижский мирный договор ограничивает торговлю рабами. Заметьте — не рабовладение, только охоту на рабов. Декларация о запрещении торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса 1815 года.

С самого начала было очевидно, что купцы, в первую очередь английские, будут игнорировать и обходить международные постановления. Россия предложила создать международную морскую полицию. Это предложение было отклонено Ахенским конгрессом 1818 года. Из чего уже видно — европейцы не собирались принимать против торговли рабами реальные меры и тратить на их осуществление силы и деньги.

То есть что-то, конечно, постепенно сдвигалось. В XIX и начале XX века заключено более 50 двусторонних и многосторонних договоров, запрещающих рабство. Самый серьезный из них был Договор Пяти 1841 года, запрещающий ввоз из Африки в Америку негров. Договорились Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Россия.

Договор не действовал потому, что Франция отказалась его ратифицировать. Одна из причин, по которой Палата представителей Франции не ратифицировала договор, — в Российской империи угнетают поляков и там есть крепостное право.

К этому времени относится действие двух известных читателю литературных произведений. Одно из них — «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна.^[77] В этом довольно мрачном романе работоторговля осуждается совершенно бескомпромиссно впервые в истории всей

европейской литературы.

Вторая книга: это «Максимка» Станюковича. О том, как русский фрегат, осуществляющий морской досмотр, ловит в открытом океане английское работорговое судно. Англичане выбрасывают за борт свой ценный груз. Русское судно подбирает в океане единственного спасшегося: арапчонка лет 10. Русские моряки спасают ребенка, «арапчонок» (т. е. негритенок) Максимка становится юнгой русского флота.^[78] Рассказ написан на вполне жизненном материале: корабли русского флота действительно несли боевую вахту в Атлантике, перехватывали суда работорговцев.^[79] А работорговцы выбрасывали за борт свой «товар», чтобы не платить крупных штрафов. Приятно думать, что некоторые русские капитаны по кодексу дворянской чести считали работорговцев пиратами, и если ловили их, тут же вешали на реях.

Вот только русских сторожевых кораблей было мало, а могучая морская держава Британия своих судов не присылала: не считала нужным заниматься такой «чепухой». Ну, вот и попробуйте понять логику обвинений России в жестокости, рабском характере народа, в пренебрежении международными договорами и еще много в чем.

С работорговлей в конце концов покончили, но намного позже, чем в России с крепостным правом. Торговать рабами, перевозя их через океан, перестали после подписания Договора Англии и США от 7 апреля 1862 года. Уже тогда говорили, что английские купцы не остались внакладе: вложили денежки в рабов на Юге США... Ввозить новых перестали, оставшиеся резко пошли вверх в цене. А что? Какая-никакая, а коммерция.

Окончательно пресекли работорговлю только в 1890 году, когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии Африке. К тому времени и в США, и в Бразилии, и в Перу рабов уже освободили, хотя бы формально.

Очищение земли

Америка — самая большая территория, многие земли которой европейцам «пришлось» «очистить» от прежнего населения. Первобытные племена не хотели отдавать свою землю. Индейцы собирали дикорастущие растения и охотились на диких животных там, где колонизаторы хотели пасти скот и распахивать землю. Туземцы органически были не способны понять, зачем выращивать на ферме зверей, которых можно легко и в изобилии наловить в лесу и в степи, и какой смысл закапывать в землю

съедобное уже сегодня зерно. Они не могли землей распорядиться «как надо»: как считали нужным колонизаторы, но как не умели туземцы. Кроме того, примитивное хозяйство туземцев само по себе мешало колонизаторам-владельцам земельных угодий, так как индейцы, увидев любой созревший хлеб, сразу начинали собирать его: вон сколько еды привалило. Или охотились на коров и овец, невероятно раздражая владельцев стад.

Свои же охотничьи хозяйства индейцы оберегали. Они не имели ничего против охоты белых на птиц или их рыбной ловли... Но убивать оленей или бизонов не позволяли: это была их еда.

Европейцы пытались «приспособить» индейцев для работы на плантациях, сделать из них батраков на фермах... Но такую работу умели выполнять только люди из исторически земледельческих племен. Охотники попросту на нее не способны. И даже земледельцы часто не понимали, зачем работать не на самого себя, а на кого-то другого?

Поначалу колонизаторы уничтожили племена гуанчей, живших на Канарских островах. Жители «Островов вечной весны» не знали огнестрельного оружия, не умели воевать и вообще были совершенно не готовы к тому, что кто-то может совершать насилия... На своих тихих островах в Атлантике они не вели войн, а земли всем хватало.

Канарские острова были важны как перевалочная база для кораблей из Испании, земля на Канарах плодородная, а климат позволяет разводить примерно те же культуры, что и в Испании. Переселенцы из Европы попросту сгоняли гуанчей с их земли, а хлеб, виноград и оливки вывозили в Европу или продавали экипажам кораблей. На Острога Вечной Весны пришел голод. Первые захваты на Канарах испанцы произвели в 1402 году. К 1600 году из 20 тысяч гуанчей осталось не более 2 тысяч. Они забыли свой язык, утратили свою письменность и полностью смешались с испанцами.

В XVI веке испанцы полностью истребили население всех островов Карибского моря: около 100 тысяч человек. Истребили вполне сознательно, чтобы захватить их теплую, плодородную землю.

В Южной и Центральной Америке «пришлось» истребить или загнать в горы до 2 млн индейцев с той же целью: очень уж хорошими землями владели богопротивные дикари. В 1806 году Александр Гумбольдт, по легенде, изучал языки трех индейских племен... с помощью попугаев. Умные птицы знали слова на языках исчезнувшего народа.

Англосаксы вели себя ничем не лучше испанцев. На территории будущих США в 1700 году жило до полутора миллионов индейцев. К 1900

году их осталось порядка 100 тыс. человек, но из самых плодородных и богатых земель их вытеснили. В США в XIX веке «открыли» еще один «естественный» способ «освобождения» земли от дикарей: индейцы не имели иммунитета против многих европейских болезней. Даже невинный грипп, от которого европейцы разве что чихали и кашляли, для индейцев становился опаснее, чем в Европе чума. Заражать индейцев опасными болезнями было удобнее и экономически выгоднее, чем «всаживать» в них пули: нет расхода свинца и пороха. В XVIII и XIX веках американцы, бывало, разбрасывали возле индейских стойбищ одеяла, которыми укрывались умершие от оспы, от желтой лихорадки, от чахотки. Действовало. Эпидемии косили индейцев, а их земли доставались европейцам.

В 1840-е годы острова Тихого океана практически обезлюдили из-за завезенных туда болезней. Европейцы на этот раз вроде и не были виноваты... Они несли заболевания не нарочно... но ведь и не лечили заболевших. На «райском» Таити с 1840 по 1900 год население уменьшилось со 100 тысяч до 28 тысяч. На Маркизских островах — со 100 тысяч до...5 тысяч.^[80]

В Южной Африке переселенцы истребили племена бушменов. На них охотились, как на диких зверей, убивая вплоть до младенца на руках матери и беременных женщин. Из 100 тысяч «дикарей» осталось в лучшем случае 10 тысяч, оттесненных в самые бесплодные пустыни.

В Новой Зеландии местные полинезийцы — племена маори, сократились в численности в 8 раз с 1850 по 1900 год. Они сопротивлялись захвату их угодий, нападали на экипажи китобойных судов: не позволяли европейским китобоям истреблять китов и тюленей — их привычную пищу. Препятствие внедрения цивилизации было устранено путем организации голода и прямого военного истребления.

В Австралии аборигены исчезли на большей части материка. Их осталось не более 20 тысяч из примерно 500 тысяч. Переселенцы из Европы просто не считали их людьми: голые какие-то, жрут червей и личинок, не знают никакой цивилизации... К тому же австралийцы ели коров и овец, нанося убыток владельцам стад. Убивать их было для поселенцев молодецкой забавой в духе охоты на крупного зверя: лицо горит, риск пьянит и ничто не мешает радоваться лсизни.

К югу от Австралии расположен остров Тасмания. Его умеренный влажный климат похож на климат юга Британии. С 1803 года на остров хлынули переселенцы: разводили овец, распахивали землю, разводили яблоневые сады. Переселенцев очень огорчало, что на острове живут еще

какие-то дикие черные: то ли люди, то ли животные...

Тасманийцы — быть может единственное общество, сохранившееся к началу европейской колонизации на стадии развития, соответствующей позднему палеолиту. Они проникли на остров еще в эпоху Великого Оледенения. Позже, когда уровень мирового океана поднялся, тасманийцы оказались в изоляции и жили почти так же, как их предки 15 и 10 тысяч лет назад: охотились на диких животных, собирали водоросли, моллюсков, грибы, ягоды, коренья, птичьи яйца. Пищу тасманийцы пекли или жарили на кострах, потому что не знали даже самой примитивной керамики.

Жилищем им служили крайне примитивные шалаши и хижины. Каменные орудия — на уровне тех, что бытовали в Европе 50–60 тысяч лет назад. Наконечники копий тасманийцы обжигали на костре, вырезали из корней дубинки. Обычно они ходили голыми. Больные, детишки, женщины иногда кутались в плохо обработанные шкуры, и только.

В общем, это был крайне примитивный народ, еще более отсталый, чем австралийцы. Белым поселенцам мешали тасманийцы и сумчатые волки, которых в Австралии вытеснили одичавшие собаки динго. И тех и других поселенцы отстреливали и травили ядами: оставляли туши овец, отравленные стрихнином.

Австралийские аборигены.

Австралия для англичан — это Магадан и Сахалин для

русских. Место каторги, нередко политической. Правда, на коренных жителей Дальнего Востока России никогда не охотились как на животных. Австралийским аборигенам повезло меньше.

Трудно поверить, но есть свидетельства, что поселенцы иногда...ели убитых аборигенов. До такой степени не считали их человеческими существами. Невероятно, но об этом пишет свидетель — британец Клайв Тернбулл в своей книге «Черная война: перемещение аборигенов Тасмании».^[81]

В 1830 году поселенцы окончательно решили тасманийский вопрос. «Черная война» — военная операция по истреблению аборигенов была скорее похожа на охоту на диких животных. В один прекрасный день поселенцы разделились на две группы и с противоположных сторон острова стали сгонять аборигенов к центру острова. По пути следования англосаксы стреляли из ружей во всех тасманийцев и всех сумчатых волков. К вечеру этого дня было убито около 4 тысяч сумчатых волков и примерно 6 тысяч тасманийцев. В одном лагере «дикарей» заметили: в дупле огромного дерева кто-то еще шевелился. Вроде, все взрослые уже мертвы, — наверное, забрались туда дети.

Цивилизованные собственники, оберегавшие свои стада, заложили в дупло пороховой заряд, и рванули...

Они оказались правы — среди обломков дерева валялось шесть обгорелых трупиков детей от 3 до 10 лет. Одна девочка лет 6 еще дышала. Ее совсем было собирались добить ножами, да один предприимчивый поселенец сообразил: это же последняя оставшаяся в живых тасманийка! Давайте подарим это существо губернатору колонии Новый Южный Уэльс! Идея понравилась. Девочку вылечили и подарили...

Конец хороший: губернатор удочерил ребенка и воспитал ее вместе со своими тремя дочерьми. Словно назло для расистов Лала Рук, или Труганини, оказалась очень способной. Дочери губернатора талантами не отличались. Одна из них даже грамоте не научилась: не помогли ни порки, ни внушения. И, как пишут, не раз губернатор говаривал, глядя на неразумных дочерей: «Заменить бы вас на тасманиек...»

Позже в глубинах острова еще находили недобитых тасманийцев. То 63 человека, то 42, то 28. Всех «найденных» ссылали на остров Флиндерс в Бассовом проливе. К 1860 году их осталось 11 человек.

В 1869 году на берегу Устричной бухты, близ Хобарта, умер Уилльям Лэнни, последний тасманиец, а спустя семь лет, в 1876 году, в возрасте

примерно 70 лет, скончалась и та самая выжившая в дупле Труганини, которую обычно называют последней тасманийкой. До последних дней своей жизни она помнила услышанные в детстве песни своего народа. С ее смертью была перевернута последняя, трагическая страница истории этого народа.

Европейские колонизаторы изменили мир до полной неузнаваемости. Они поработили все народы, эксплуатация которых могла быть им выгодна. Они истребили или попытались истребить все народы, которые не обещали им доходов или мешали их получать.

А в Российской империи?

В этом отношении интересно сравнить западные колонии с Российской империей... Мы ведь тоже сталкивались с аборигенами в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке. Но нигде во владениях Российской империи туземное население не исчезало полностью, как гуанчи на Канарских островах, не сокращалось за полвека в 20 раз, как численность полинезийцев на «райских» Маркизских островах.

Нганасане на севере Сибири — реликтовый народ, сохранивший культуру отдаленного прошлого: первопоселенцев тундры, живших 7–9 тысяч лет назад. Орудия чукчей, их массивные скребла из камня напоминали орудия древних (50–70 тысяч лет назад), а жилища-яранги ассоциируются с жилищами, которые строили их предки из костей мамонта.^[82]

В общем, было бы желание — и мы могли бы «освободить» немалые пространства земли, чтобы «привнести на нее цивилизацию».

Но вот чего не было, того не было. Нигде и никогда русские не вели «черной войны» на уничтожение и не ели трупы уничтоженных, считая их животными. Ни одно, даже самое «отсталое» племя, оказавшееся на нашей территории, не прекратило своего существования. Более того, достаточно взять цифры, свидетельствующие о численности всех племен, всех «малых народов» России, чтобы увидеть — численность их постоянно росла.

Порой общественные деятели и чиновники колониальной администрации били тревогу: спиваются эвенки. Бессовестные спиртоносы проносят к ним водку, несмотря на запреты! Столкновение с цивилизацией опасно для народов Амура: они перестают охотиться, а выпрашивают подавание у казаков!

Под влиянием постоянных сетований у общественности возникала

иллюзия, что малые народы находятся на грани уничтожения. Так думали, кстати, уже в царской России. В СССР полагалось считать, что при советской власти численность коренных народов Сибири и Севера начала расти, а в царское время она снижалась. Но это неверно. Достаточно взять цифры из энциклопедии «Народы России», и все станет ясно.^[83]

Потому что в царской России о малых народах, как ни странно, заботились. Правительство запрещало ввозить на их территорию спирт. Оно аннулировало все сделки, которое заключал инородец под влиянием выпивки.

Губернатор Енисейского края Крафт (кстати, поляк с примесью немецкой крови) в 1904 году неофициально советовал полиции стрелять на поражение, если увидят в тайге спиртоноса. Он вовсе не поддерживал деляг, спаивавших северян. Вот в США торговля водкой для индейцев было делом обычным и воспринималось, как нормальнейшая сфера бизнеса.

Нати Бумпо у Купера — фигура сугубо экзотическая. Эдакий «благородный дикарь» в меховой бандане с перьями, который громко говорит «вуф!» и размахивает томагавком.

А образ Дерсу Узала у Арсеньева выписан уважительно и любовно. Старый «дикарь» стал другом «белого» первопроходца. И никого у нас это не удивляло.

Подражая Куперу и его «последнему из могикан», А.Фадеев назвал свой роман «Последний из удэге».^[84] Но какая разница между судьбой могикан и удэгейцев!

К 1826 году, когда вышел «Последний из могикан», это племя действительно исчезло после нескольких переселений, истреблений и предательств со стороны колонизаторов. Даже участие в Войне за независимость на стороне США не спасло племя: стоило окончиться войне, как его окончательно истребили и заставили уйти в непроходимые канадские леса, смешаться с другими племенами.

Подражание подражанием, а вот численность удэгейцев под властью России росла. В 1860-е годы, когда с ними начались постоянные контакты русских, удэгейцев было около 1300 человек. В 1897 году — 1690, в 1926–1357, в 1959–1444, в 1970–1469, в 1979–1551, в 1989–3 ОН.^[85]

Удэгейцы даже выиграли от контактов с русскими. Как свидетельствует современный справочник, «с 60-х годов XIX в., после вхождения юга Дальнего Востока в состав России, усилились контакты удэгейцев с русскими, носившие в начале экономический характер. С течением времени, влияние русской культуры привело к частичному

изменению образа жизни (переход на оседлость), экономического уклада (распространение огородничества и животноводства), многих элементов материальной культуры. Большая самобытность духовной культуры удэгейцев может быть объяснена тем обстоятельством, что в местах их расселения не было ни церквей, ни школ». ^[86]

Получается, могикине от общества американцев проиграли. Удэгейцы от общества русских только выиграли. И все остальные народы — только выиграли. Русским туземцы никогда не мешали, напротив, сосуществовали с туземцами мирно. Удивительная закономерность.

Во всех цивилизованных странах

Но поговорим о самой колониальной системе — системе ограбления больших цивилизованных народов, имевших к XVII-XVIII векам свои сложные экономики, общественные системы и государства. Они накопили богатства, вызывавшие соблазн их отнять, они умели выполнять труд, приносящий прибыль при вложении капитала.

Колониальная система Запада выросла из ограбления остального мира путем работорговли, продажи зеркал и бус за золото и слоновую кость, «очищения» территорий от коренного населения. Колонии за морем — это то же ограбление, только более «цивилизованное» — более постепенное, но и более глубокое.

В XVII-XVIII веках европейские державы, в первую очередь Англия и Франция, становятся центрами громадных империй. Эти империи Франции и Англии даже масштабнее Российской — это империи в мировом масштабе.

Все империи западных европейцев — заморские. Франция и Англия одновременно развиваются как национальные государства. А где-то там, за морями, лежат страны дикие и заведомо некультурные; лежат там, где «кончаются десять заповедей».

Укоры Российской империи за империализм исходит именно из «всех цивилизованных стран», особенно от Франции и Англии. Именно в этих странах Российскую империю обличают за реакционность, тупость, жестокость, склонность к насилию даже больше, чем в странах германского мира.

Но весь парадокс в том, что есть большая разница между империями этих стран и Российской, — и не в пользу западных империй. Потому что грубости, доходящей до садизма жестокости в истории западных империй

было побольше, чем в Российской. Не потому, что наши люди поголовно — чистое золото, а в Европе живут одни негодяи. Причина в том, что у населения Франции и Англии не было никакой связи с завоеванными странами и их народами. Исторически не было никаких контактов ни у французов с неграми в Африке, ни у британцев с индусами. Чувство единства, как говорят, «на нуле».

Россияне воевали с людьми, с которыми были связаны не первое поколение. С теми, кого они хорошо знали. Все мусульмане, включая чечен и адыгейцев, были для русских «татарами», что прекрасно видно из произведений Льва Толстого. А татар знали, и относились к ним безо всякой расовой или национальной враждебности. Много инородцев, в том числе и мусульман, служили в русской армии. Не известно ни одного восстания нерусских частей против Российской империи. Выделяю особо — ни одного!

А вот крупнейшее военное восстание в истории Британских вооруженных сил (1857–1958 гг.) так и называется — восстание сипаев. Сипай — это туземный солдат британских войск в Индии. Восстали те, кого британцы сами вооружили и обучили на свою голову. Любопытен факт, послуживший поводом, искрой для восстания. Накануне восстания в сипайские части поступили на вооружения новые капсульные ружья, где для смазки использовался животный жир. При этом самым ужасным для сипаев было то, что приходилось перед зарядкой надкусывать патрон, также смазанный этим жиром. Всем известно, корова — священное животное в индуизме. Использовать мясо и жир коровы в пищу — страшный грех.^[87]

Более того, так как в состав смазки входил и свиной жир, то это приводило в негодование также и сипаев-мусульман. Свинья — грязное животное, и прикоснувшийся к нему будет осквернен. Таким удивительным образом, служащие «вперемешку» в туземных частях индусы-индуисты и индусы-мусульмане^[88] оказались по одну сторону баррикады. Недовольство нарастало, но военная британская администрация упрямо игнорировала надвигающуюся опасность. Сипаи истолковали непреклонность англичан однозначно: их религиозные чувства сознательно унижаются высокомерными белыми.

Естественно, это было лишь поводом. Причины следует искать глубже, во всей истории британского покорения Индии.

Восстали индусы, которых «однополчане» и «соратники» много лет обкрадывали, оскорбляли, унижали, поносили, презирали. Сипаи были

жестоки с британцами, в том числе с женщинами и детьми — это факт. Но как назвать поведение британской армии и британского командования, которые давили слонами целые деревни, официально провозгласив тактику «массового террора», а вождей пленных сипаев, сдавшихся под честное слово британского вице-короля Индии,^[89] расстреляли, привязав спиной к стволам пушек.

Этот способ казни был откровенно направлен на религиозное унижение индусов. Ведь по индусским представлениям, душа умершего воплощается вновь и продолжает жить в другом образе.^[90]

***В. Верещагин «Подавление индийского восстания
англичанами».***

Англичане подвергли вождей восставших сипаев столь необычному виду казни совершенно сознательно. Ведь по представлениям индусов, «разорванные в клочья» (буквально!) плоть и душа уже не могут возродиться к новой жизни.

Главное условие бессмертия души — погребение тела (или праха, поэтому «правильное» сожжение тоже подходит) в «целостном» виде, в одном месте.

Картина Василия Васильевича Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами» широко известна в России. Она была выставлена в Лондоне в 1887 году и вызвала бешеный протест, газетные баталии, чуть ли не судебный процесс. Что характерно — никто не отрицал самого факта, отраженного в мрачной картине. Не было и обещанного судебного процесса, были только угрозы им.

Тогда законопослушные, цивилизованные британцы... украли картину. Эта картина В. В. Верещагина бесследно исчезла, и где находится подлинник, до сих пор не известно. Хорошо, что копий сделано было много, и картина осталась в числе известнейших полотен Верещагина. Право же, она того заслуживает.

Но тут интересно обратить внимание на психологию британцев, которая проявилась в этой, не отрицаемой ими самими истории... Вице-король Индии дает слово, и... легчайшим образом отказывается от него. Любой из российских генерал-губернаторов не стал бы нарушать слово уже просто из уважения к самому себе. Видимо, вице-король Индии настолько пренебрежительно относился к сипаям, что нарушение слова для него ничего не значило. Не чувствовал он никаких угрызений совести.

Завоевали для себя Индию люди, уже прошедшие школу работорговли. Уже несколько поколений угнетавшие и грабившие народы мира и привыкавшие все больше жить за их счет. Наконец, они — убежденные расисты. Может быть, самое большое отличие России от других стран Европы именно в этом: россиянин, русский человек никогда не считал «инородца» принципиально хуже себя. Он не делал далеко идущих выводов из «крови и почвы», из принадлежности азиатов к другой, неевропейской культуре.

Сипаев расстреливали в 1858 году. Расстреливали не просто туземцев, а однопольчан, недавних военнослужащих Британской империи, которых сами же вооружали и тренировали, вместе с которыми воевали в Китае, на Бирме, в Афганистане, в Крыму против России.

Почти одновременно, в 1859 году, русские войска взяли столицу Шамиля Гуниб, а сам Шамиль сдался в плен. Чеченцы не были подданными Российской империи, а были завоеванным народом. Тем более не были военнослужащими России. И, тем не менее, ни штурм Гуниба, ни оккупация Чечни не повлекли за собой подобных жестокостей. Если упомянуть о слове, данном иноверцу и инородцу, то у Толстого в его «Хаджи-Мурате» получается так, что именно из-за нарушения... вернее, из-за невозможности россиян выполнить данные ими обещания и погибает Хаджи-Мурат. И выглядит он намного симпатичнее, привлекательнее тех,

кто его «подставил». Боевой офицер Толстой, воевавший с чеченцами, признает их достоинство, их честь, относится к ним очень уважительно.

Завоевав Чечню, Российская империя запретила набеги, торговлю рабами и кровную месть. Но этим ограничивалось ее вмешательство в жизнь завоеванного народа. Империя не мстила. Более того, она давала полную возможность «встроиться» в жизнь империи: служить в ее армии, например. Чеченец пользовался теми же правами, что и любой другой подданный. Он мог поселиться в Петербурге, учить детей в тех же гимназиях, что и русские или, скажем, армяне и казанские татары. На самых общих основаниях он мог поехать за границу, получив российский паспорт, накапливать богатства, сделать карьеру.

У Толстого вообще нет идеализации реальности, есть спокойное принятие действительности такой, как она есть. Пушкин говорил о «силе вещей». В силу «силы вещей» Кавказ должен был войти в состав Российской империи. Но от этого народы Кавказа не становятся хуже или лучше.

И с «бунтовщиком», идущим против «силы вещей» надо поступать по справедливости: надо помнить, что он тоже человеческое существо.

Взяв Шамиля в плен, его поселили вместе с семьей в почетном плену в Калуге, и там он жил до 1870 года. В Калуге Шамиль вел весьма светскую жизнь. К нему вполне можно было прийти в гости. Шамиль хорошо говорил по-русски, им и его личностью многие живо интересовались. Власти следили, чтобы Шамиль не сбежал, но никому не приходило в голову унижить его, оскорбить, тем более — казнить за ведение войны против России. Более того, в распоряжении Шамиля была свита, слуги.

Имам Шамиль.

Шамиля не убили ракетой, не отравили суши и не взорвали в машине. Сдавшись в русский плен, он мирно доживал свой век в доме в Калуге в окружении своих родных. Государь разрешил ему совершить хадж. Шамиль умер по дороге в Мекку.

Кто-то пустил слух: якобы Шамиль — это и пропавший писатель и вольнодумец Марлинский. Мол, Марлинский убежал и стал Шамилем. Это «заставило Оболенского вглядываться в него пристально и, наконец, убедиться, что сходства нет».^{[\[91\]](#)}

Слух, конечно, забавнейший. Исчезнувшего без вести Бестужева-Марлинского где только не «находили». «Видели» его и в составе английских войск в Индии, и муллой в Каире, и мюридом на Кавказе... Ни один слух так и не подтвердился, но вот русские ухитрились «опознать» Марлинского в Шамиле... Забавная история, вполне сравнимая с гоголевской историей про то, как Чичиков «оказался» то ли беглым разбойником капитаном Копейкиным, то ли скрывающимся в глубине России Наполеоном...

Но ведь и такой нелепейший слух характерен. Британские офицеры тоже ведь, случалось, пропадали без вести. Знаменитый разведчик Ходсон был убит во время сражения с сипаями на Ганге, и его труп никогда не был найден. Да и «убит» ли он? Кто-то видел, как Ходсон с криком «черт побери» схватился за грудь и рухнул в воду с лодки. Кто-то — как его зарезали кинжалом. Кто-то рассказывал, как Ходсон отстреливался из пистолета, заходя в воду все глубже... Обилие слухов доказывает только одно: все эти истории недостоверны. Но ведь никому во всей Британии и в голову не пришло бы «найти» Ходсона, начавшего новую жизнь под видом туземного раджи или любого из его придворных, воинов или родственников...

Головы у британцев устроены как-то иначе, чем у русских. Есть вещи, которые им никогда не могут прийти в эти самые головы. Например, все тот же Шамиль в 1870 году решил совершить священный хадж мусульманина в Мекку и Медину. Российская империя выпустила своего страшнейшего врага. Выпустила вполне официально, с соблюдением всех нужных форм и заполнением бюрократических документов. На том же основании, на котором «выпускали» вообще любого подданного Российской империи мусульманского вероисповедания. Он умер во время этого хаджа, в марте 1871 года. Умер вовсе не от руки тайного агента, а от старости. Прах его покоится в священных для мусульманина местах, и пусть покоится в мире до скончания времен.

Шамиль и Наполеон

Между прочим, в Европе существует прямая аналогия судьбы Шамиля... Она может показаться невероятной, но вот факт: с потерпевшим поражение Наполеоном европейцы поступили точно так же, как русские поступили с Шамилем. Действительно, Наполеона отстранили от власти и отправили на остров Эльба. Там он жил со своим двором, не терпя нужды

решительно ни в чем. Если бы Наполеон не решился бежать из почетной ссылки и не попытался бы вернуть себе престол Императора, как знать, может быть, он бы так и прожил всю жизнь на теплом средиземноморском острове.

Со временем Наполеон стал бы величайшей мировой историей! Корреспонденты тех лет брали бы у него интервью, рассказывали бы самые невероятные слухи. Наполеона посещали бы знатные и богатые люди, чтобы посмотреть на такую достопримечательность и побеседовать с великим человеком, когда-то поставившим «на уши» всю Европу.

В общем, он мог бы жить на острове Эльбе в точности так, как Шамиль жил в Калуге.

Однако в европейских империях никому не пришло бы в голову с такой честью содержать плененного индейского вождя, африканского царька и даже владыку Индии или Индокитая. Во время восстания сипаев тот самый Ходсон собственноручно расстрелял последних представителей династии Великих Моголов. Сипаи поднимали их на щит, как знамя восстания. Они хотели выбить из страны англичан и вернуться к прежнему правлению, к власти прежней династии. Поэтому практичные британцы опасались, что Великие Моголы могут стать символом независимой Индии.

Европейцы могли быть благородными «со своими», то есть с другими европейцами. Но не с народами колониальных империй. А в России с народами колониальных империй обращались так же благородно, как европейцы друг с другом.

Симпатичное свойство всех империй

Среднестатистические британцы всегда были немного расистами.

Такими милыми и незлобными (в мирное время) расистами.

Покорение мира — тяжелый, изнурительный труд. Нелегко нести «бремя белого человека» (говоря словами гениального пиита британской колонизаторской экспансии Редьярда Киплинга^[92]) в нецивилизованный мир. Жизнь вносила свои коррективы, и в современной Индии живут примерно 3 миллиона «англо-индийцев» — потомков законных и незаконных браков англичан и шотландцев с индусскими женщинами. «Местные жены» стали обычнейшим явлением и во французских колониях.

Но вот что характерно: потомков таких смешанных браков принимали раньше в самое лучшее общество... в колониях. Но не в метрополии. До середины XX века англо-индус оставался человеком второго сорта. Такое

отношение почувствовал на своей шкуре даже такой талантливый и по заслугам известный человек, как Джордж Оруэлл, автор переведенных на многие языки книг-антиутопий «1984» и «Скотный двор».^[93]

В России не было ничего подобного ни в один из периодов ее истории. В Московии главным «фактором успеха» являлось вероисповедание. Важно было быть православным, а к какой этнической группе ты относишься, не имело никакого значения. Например, крещеный татарин мог достигнуть любых карьерных высот. Борис Годунов, татарский царевич на русском престоле, вызывал разного рода сомнения потому, что власть его была нелегитимна, и его сильно подозревали в убийстве сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия.

Но если бы он был немного поудачливее,^[94] сумел бы утвердиться на троне и провести свои реформы, возможно сегодня мы бы относились к нему так же, как многие воспринимают Петра Великого. Ни малейшей неприязни к нему из-за его «татарских» корней не существовало никогда ни в каких слоях общества. Да и вообще чуть ли не треть русской аристократии татарского происхождения. В том числе великий историк Карамзин... Кара-Мурза, «черный князь», если угодно.

Не меньше русской аристократии вышло из Великого княжества Литовского и Русского, а большинство этих выходцев были, если и не поляками, то с большой примесью польской крови. Что не помешало князьям Глинским и Чарторыйским встать у русского престола, потеснив великорусскую знать.

Если рассматривать в качестве примера императорский период нашей истории, то начнем с того, что сама царская династия вовсе не «чисто русская» по крови.

Все последующие поколения императоров и самодержцев всероссийских женились строго на немецких княжнах... И становились все менее русскими, «онемечивались». Со временем, на престоле сидели практически чистокровные немцы. Им это не мешало быть русскими царями, а русскому народу не мешало принимать их именно в этом качестве.

Русская аристократия?... Маркиз де Кюстин описал прелюбопытнейший эпизод...

На придворном балу, когда маркиз рассматривал гостей, к нему подошел император Николай I.

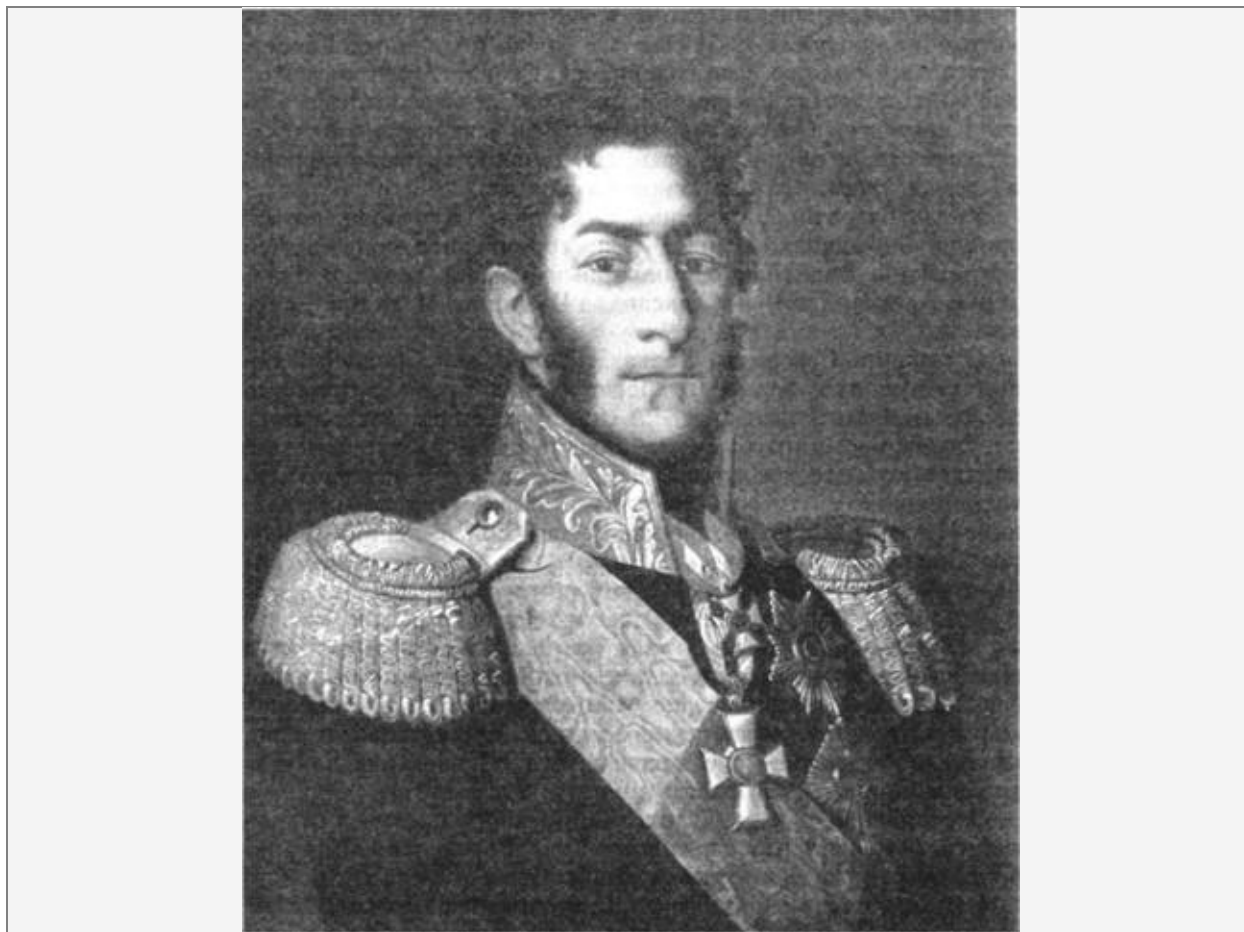
«— Вы думаете, что все это — русские?

— Конечно, Ваше Величество...

— А вот и нет! Это — татарин. Это — немец. Это — поляк. Это — грузин, а вон там стоят еврей и молдаванин.

— Но тогда кто же здесь русские, Ваше Величество?!

— А вот все вместе они русские!»

«П. И. Багратион». Неизвестный художник.

Герой, красавец, «наш ответ Мюрату». Бессмертный символ русско-грузинского союза и дружбы народов.

Но в Британской империи африканская и индусская знать, султаны и эмиры мусульманского мира никогда не стояли у трона. Сикхи и гуркхи в Индии составили огромный процент солдат колониальных войск. Но нельзя сказать, что и англичане, и сикхи, и гуркхи, все вместе — британцы. Ни сикхи, ни англичане так не чувствовали, и королева Виктория,

властвовавшая с 1848 по 1902 год, никогда бы ничего подобного не произнесла.

Какие бы страны ни входили в Российскую империю, их население сразу же получало все права подданных России. О татарах и поляках уже говорилось. Стоило Армении и Грузии войти в состав России, их крестьяне получили права русских крестьян, а горожане вливались в мещанство и купечество на самых общих основаниях. Дворянство тоже получило те же права, что и русское дворянство.

Князь Багратион, соратник Суворова и Кутузова, погибший на Бородинском поле, — из грузинского рода князей Багратиани. Виднейший придворный деятель времени правления Александра II и Александра III Лорис-Меликов — армянин.

С горцами Северного Кавказа и народами Средней Азии получилось еще более интересно: у них права дворянства получила вся местная знать. А князем у горцев мог считаться уже тот, у кого было небольшое стадо. У туркмен в «знать» входили все воины. Все, кто хоть раз участвовал в военном походе, то есть до третьей части мужского населения. И всем дали права дворян Российской империи! Своего рода дискриминация русских — у нас-то для получения дворянства предстояло очень и очень потрудиться.

Калмыки, башкиры, татары были внесены в реестр казачьих войск. Государство наделяло их наделами, гарантировало им права на землю и пастбища, что особенно важно было для башкиров. Для инородцев не было ограничений при поступлении в гимназии, кадетские корпуса. Существовали даже квоты «наоборот» — т. е. привилегии в образовании получали «новопринятые» в состав империи туземцы.

Это приводило к тому, что многие инородцы сами становились функционерами и чиновниками Российской империи, проводниками ее политики и строителями империи.

Одним из таких был Чокан Чингисович Валиханов — потомок сына Чингис-хана, Джучи. Этот чингизид был внуком Вали — последнего независимого хана Средней орды. Мохаммед-Ханафия, больше известный под кличкой Чокан, родился в семье русского подданного Чингиса Валиева — полковника русской службы и управителя Кушкумурунского округа.

Чокан Валиханов окончил Омский кадетский корпус, и если он чем-то отличался от русских сверстников, так это внешностью и знанием восточных языков. Эти отличия нисколько не мешали ему, а скорее открывали новые интереснейшие возможности, для русских сверстников закрытые.

Чокан Валиханов вел уникальные исследования в Центральной Азии, в

городе Кашгаре, тогда напрочь закрытом для европейцев. Но он побывал в Кашгарии вовсе не в роли офицера русской армии, а как «купец Алимбай»: Чокана выдали за сына жителя Кашгара, который в 1830-е годы выехал в Россию и умер в Саратове.

Кроме того, что этот удивительный человек был исследователем, он выполнял еще одну очень важную миссию, он был разведчиком. Соответствующая внешность и знание языков помогли «купцу Алимбаю» блестяще выполнить свою миссию и с честью вернуться в Российскую империю.^[95]

4 мая 1860 года в квартире Русского географического общества близ Певческого моста действительный член общества Чокан Чингисович Валиханов сделал сообщение о своем путешествии в Кашгар. Его слушал петербургский ученый мир. Географы, этнографы, естественники, историки, востоковеды...

За штабс-ротмистром Валихановым упрочилась слава отважного путешественника, открывшего европейской науке тайны Средней Азии. Он вошел в круг помощников Петра Петровича Семенова, вычитывал и сверял издававшиеся на русском языке труды Риттера. В военно-ученом комитете он руководил подготовкой карт Средней Азии и Туркестана.

Позже Чокан Валиханов старался как можно больше европеизировать Казахстан. В 1862 году он был выбран на должность старшего султана Атбасарского округа, летом 1863 года принял участие в работе комиссии, проводившей в Казахстане судебную реформу.

Консервативная знать не раз «прокатывала» его на выборах. Жаль, что умер он очень рано, от чахотки. Судя по всему, сделать он мог намного больше, чем успел.

Еще одна фантастическая карьера «инородца» и при том русского профессора и офицера русской секретной службы — Гомочжаба Цэбэковича Цибикова, этнического бурята, а также русского интеллигента, профессора Санкт-Петербургского университета. Будущий ученый родился в кочевье, в забайкальских степях и до двенадцати лет не говорил по-русски. Отец привез его в Иркутск... в мешке: мальчик не хотел учиться, не хотел уезжать из кочевья. Учиться русскому языку и всем премудростям все равно пришлось, и чем больше он учился, тем больше ему это нравилось.

Гомочжаб Цибиков окончил гимназию в Иркутске, потом университет в Петербурге... Стал профессором, свободно владел немецким и французским. Гомочжаб Цэбэкович Цибиков был первым европейским ученым, который удостоился чести посетить священный город буддистов Лхассу — столицу Тибета.

Тибетское правительство категорически не допускало в свою страну европейцев, китайцы помогали тибетскому правительству оставаться в жесткой изоляции.

Англичане засылали под видом паломников-буддистов своих шпионов с юга — индусов... Но индусы не имели европейского образования и исследователями были никудышными. Например, они не умели фотографировать, да и о том, что такое «миля», «азимут» и «масштаб», имели очень уж примерное представление.

Цибиков же привез описания и фотографии столицы Тибета, а также такие сведения о дорогах, расстояниях и расположении городов и крепостей, каких еще никто не привозил. Строго говоря, Цибиков выполнял разведывательные поручения Российской империи. Но его разведывательная деятельность принесла немало пользы не только Российскому государству. На основе собранных материалов Цибиков написал блестящую книгу, которую издают и читают до сих пор.^[96]

Индусские же разведчики, которые работали на англичан, работали не ради науки, и, если и писали что, то лишь отчеты для своего начальства из «Интеллидгент сервис».

Приведены всего два примера, но ярко показывают: представители «завоеванных» народов действительно получали те же права, что и русские. Право получать образование, устраивать хозяйственную жизнь и уж конечно служить на гражданской и военной службе, получая награды и чины наравне с русскими. Причем, не отказываясь ни от своей веры, ни от традиций своего народа.

Континентальные империи

Иногда, сравнивая и оправдывая жестокость европейцев в колониях, приводят один, но «веский» аргумент: европейские колонии — заокеанские. Колонии, мол, у европейцев лежали за морями, в этом все дело... Мол, пока доплывет добропорядочный британец до Индии, совсем огрубеет и обозлится. И запивает там на чужбине свою тоску о старушке Англии литрами джина, и одно доступно ему развлечение в редкие выходные — охота на «ноусэров» и прочую «туземную живность»...

Посмотрим же на империи континентальные. Первый же пример — наши соседи, австрийцы. Только Австрийская империя мало чем отличалась от «классических» колониальных империй Запада. В Австрийской (с 1848 года — Австро-Венгерской) империи австрийские

немцы властвовали над венграми и славянами. Методы властвования примерно такие же, как и в «заморских» империях, с тем же отношением к завоеванному. Стоило начаться революции 1848 года, в которой венгры пытались создать собственное государство, стоило полякам подняться на вооруженную борьбу, и тут же в немецкой прессе появились «исследования» о том, что славяне — народы неисторические. Эти народы «ввели» в историю только немцы, а славяне оказались неблагодарным народом. Писали о них примерно так же, как в британской прессе о сипаях.

Подобное отношение разделяли и Карл Маркс, и Фридрих Энгельс. Они, правда, «классово» поддерживали венгерскую революцию 1848 года...

Но, с точки зрения К. Маркса, в Австрийской империи только немцы, венгры и, может быть, еще поляки — носители исторического прогресса. «Миссия всех других крупных и мелких племен заключается... в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И потому они теперь контрреволюционны». «Все эти маленькие тупо-упрямые национальности будут сброшены, устранены революцией с исторической дороги».^[97]

Вопли Карла Маркса о «славянской сволочи» и о чехах, которые «окажутся первыми жертвами угнетения со стороны революции», активно поддерживал и Ф.Энгельс. По мнению Энгельса, историческая миссия западных славян — «дело конченное». «Их завоевание совершилось в интересах цивилизации... Разве же это было преступление со стороны немцев и венгров, что они объединили в великой империи эти бессильные, расслабленные мелкие народишки и позволили им участвовать в историческом развитии, которое иначе оставалось бы им чуждым».^[98] Одно хорошо — сказано коротко и ясно.

На события в Австрии (Австро-Венгрии), на вооруженную борьбу славян, на сравнение Австрии и Российской империи распространялось обычное отношение европейцев: положительное к европейским империям, резко негативное — к Российской империи.^[99]

Судите сами: польские земли с 1815 и до 1914 года поделены между Австрией, Пруссией и Россией. Восстания против Пруссии практически никогда и не прекращались: прусское правительство методично заселяло польские земли немцами.

Политика России в Польше была гораздо либеральнее, чем австрийская. Тем не менее, против Российской империи поляки восстали в 1830 году, против Австрии — в 1846 и 1848 гг. Оба восстания были подавлены.

Но в Российской империи не ссравливали между собой подданных разных народов. Между тем австрийское правительство объявило, что, если украинцы поддержат в этом восстании Вену, то им позволят открыть школы и издание книг на национальном языке. Помещики и на Волыни, и в Белоруссии в основном были этнические поляки. Крестьяне-украинцы вовсе не чувствовали с ними особой общности и готовы были выступить против помещиков-поляков на стороне австрийского правительства.

Можно привести много примеров того, что политика России была даже благоприятнее для поляков. И национализма у нас меньше, и русский и польский языки относятся к одной языковой семье — славянской, что делает поляков и русских намного ближе, чем, например, поляков и немцев.

Естественно, что в самой Польше поляк мог делать какую угодно карьеру, владея только польским языком. Но, если он владел русским или немецким, то мог стать сколь угодно крупным чиновником в Петербурге и во всей Российской империи. Приводить примеры поляков-генералов, генерал-губернаторов, ученых и чиновников можно долго... Прозвучат сотни имен, включая Пржевальского, Достоевского, Войцеховского, Чарторыйского, Горбовского, Ягужинского, Семевского, Крафта, Василевского, Коханьского, Милорадовича, Потемкина, Дубенского, Тухачевского, Глунку... Нет, всех невозможно перечислить.

Однако во многих польских книгах по истории, даже в учебниках, восстания 1830–1831 гг. и 1846 года описываются и объясняются по-разному. Несмотря на то, что масштаб событий примерно одинаков — убитых поляков около 10 тысяч в 1831 и около 12 тысяч в 1846 году. Но восстание 1830–1831 годов называли русско-польской войной, в которой бунт «хороших» поляков был подавлен «плохими» русскими. Восстание же поляков против австрийцев в 1846 году — мелкий конфликт между почти родными людьми — европейцами. Ну, что-то не до конца поняли те и другие. Бывает...

Ведущий специалист по истории России профессор истории Лондонской школы экономики Доминик Ливен — один из немногих на Западе, для кого научная истина весит больше, чем пропагандистские клише. Вот его трезвый взгляд: «В то время империи были единственным способом существования великих держав. Представление о том, что, если бы Россия в XIX веке вдруг решила оставить свои балтийские или польские владения, она бы превратилась в прекрасную небольшую демократию, совершенно неверно. Если бы это произошло, то Россией управлял бы кто-нибудь другой — это ведь был век империализма. В XIX веке не было другой альтернативы, кроме как поддерживать

геополитически мощную империю».^[100]

В одной из кофеен в центре Кракова далее висит большой портрет Франца-Иосифа: своего рода благодарная память. Но, когда я спросил: почему бы не повесить портрет Николая I, это вызвало улыбку. Мои слова были восприняты как шутка.

Революционные колонизаторы

Европейские народы, покоренные другими европейцами, могли подниматься на вооруженную борьбу... но очень часто оказывалось, что их идеал — вовсе не национальное государство, не восстановление поправленной справедливости, а создание своей собственной империи. Такой, в которой завоеванные народы окажутся в таком же бедственном положении, в котором недавно был сам европейский народ.

Маленький народ буров возник в Южной Африке из потомков переселенцев из Европы. Протестанты, главным образом выходцы из современных Голландии и Бельгии, бежали за море от католиков, спасаясь от угрозы физического истребления. Сплотились в небольшой народ, создали свой язык, который так и называется «африканским» — африкаанс. Они храбро сражались с англичанами в англо-бурскую войну 1899–1902 годов.

В России начала XX века буры воспринимались как жертвы агрессии. Мальчишки бежали в Африку, чтобы сражаться на стороне буров против поработителей. Поэты посвящали песни этим событиям так, словно это их страна в опасности:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне!^[101]

Около 800 русских людей поехали в Африку воевать за свободу бурской республики Трансвааль. Более 100 из них не вернулись обратно, погибнув от пуль британцев или тяжелого, непривычного для них климата.

Но мы как-то совсем забываем, что ведь буры были даже большими расистами и более злыми колонизаторами, чем англичане. Британский путешественник Давид Ливингстон (1813–1873) приходил в ужас от жестокости буров по отношению к неграм. «Невозможно понять, — писал он, — как, осыпав ласками собственных жен и детей, эти люди проявляют

такую жестокость к африканским женщинам и детишкам».^[102]

Народы Латинской империи (точнее латиноамериканцы — потомки первой-второй очереди испанских и португальских колонизаторов) освободились от метрополии Мадрида и Лиссабона и как бы заодно освободили и местных туземцев. И тут же установили еще более жестокий режим угнетения туземных индейских народов.

Жители США поднялись на войну с Англией и победили. В 1783 году английские войска эвакуировались из Америки. Военный оркестр провожал их песней: «Все перевернулось вверх ногами». Свобода! Независимость!

...Но по отношению к индейцам «новые американцы» действовали еще более жестоко, чем англичане. Многие страницы истории войн (теперь уже гражданских) с индейцами таковы, что их просто страшно читать.

В Канаде индейцы долго, до XX века, жили в бескрайних лесах Севера. Европейцы почти не заходили в эти места. Но и с этими индейцами правительство Канады вело самую настоящую войну. Трудно поверить, но вплоть до 30-х гг. XX века там велись настоящие военные действия: карабины и пулеметы против луков и стрел.

Подробности этой войны хорошо описал в своей книге Станислав Суплатович (или Сат-Ок, или «Длинное перо»). Он — сын польской революционерки Станиславы Суплатович, бежавшей из царской ссылки через Чукотку, затем через замерзший Берингов пролив на Аляску. Умиравшую в лесах женщину нашли индейцы племени шеванезов. Они вылечили ее, и дама вышла замуж за вождя племени Леоо-карко-оно-маа (Высокого Орла).

В 1936 году Станислава с одним из своих сыновей вернулась в Польшу. Станислав Суплатович, Сат-Ок, навсегда остался в Польше и написал несколько книг о своем индейском детстве. В его книге описаны нападения правительственных войск на индейские племена, гибель людей от почти незнакомого им огнестрельного оружия, разрушения, горе, кровь.^[103]

Австралийцы — потомки англичан, большей частью преступников, каторжников,^[104] превратились в совершенно чудовищных колонизаторов, чья жестокость ужасала самих британцев.

Австралийский писатель Алан Маршалл описывает, как сказал одному австралийскому поселенцу, что хочет достать несколько черепов коренных жителей Австралии. Тот кивнул, и вскоре Маршалл с ужасом увидел, что его гостеприимный хозяин седлает коня, к седлу которого приторочена длинноствольная винтовка.

«— Вы куда?!

— Сами же говорили, что вам нужны черепа... За черепами».

Алан Маршалл с трудом уговорил поселенца не убивать аборигенов. А дело было уже в 1944 году.^[105]

На русский язык переведена и книга австралийского аборигена, который и в 1960-е годы, в расцвет в Европе и Америке либеральных свобод, с трудом получил права полноценного австралийского гражданина.^[106]

В континентальных империях

Точно так же вели себя европейцы и в континентальных империях. В 1846 году Краковское восстание поляков не было поддержано крестьянством: большинство помещиков в Галиции были поляки, крестьяне же в основном — русины (украинцы). Правительство Австрийской империи освободило крепостных, которые воспринимали поляков как жестоких угнетателей. Поэтому простые крестьяне совсем не хотели освобождения Галиции, независимого польского государства — для них слишком очевидно, какова будет их собственная судьба в таком государстве.

Украинцы не без оснований подозревали, что в мононациональном польском государстве их положение станет намного хуже, чем в многоплеменной Австрийской империи. И они оказались правы! Польша 1918–1939 годов действительно установила режим угнетения православных, намного более жестокий, чем австрийский...

И в 1830–1831 годах, и в 1863 году поляки восставали, требуя вернуть им Речь Посполитую, то есть вернуть Польше украинские и белорусские земли. Они хотели освободиться от власти Австрийской, Прусской и Российской империй, чтобы тут же создать свою собственную.

Венгерские повстанцы 1848–1849 годов отчаянно воюют за свое национальное государство. Но они же воюют и против попыток самоопределения словаков, сербов и чехов.

Временное правительство Венгрии во главе со знаменитым революционером-журналистом Аайошем Кошутом объявляет Австрийского императора низложенным как короля Венгрии и самовольно определяет границы будущего венгерского государства. Но славяне вовсе не хотят жить в венгерском государстве. И тогда вновь созданное венгерское правительство поднимает войска и артиллерию. Деревни словаков и сербов

разоряются и сжигаются дотла. Были случаи, когда людей расстреливали за незнание венгерского языка или отказ пропеть строки венгерского гимна.

Все эти примеры доказывают: Российская империя создавалась на совершенно иных принципах, чем европейские колониальные империи. У нас просто нет необходимого термина, чтобы дать другое название этому многонациональному государству... Предки с легкой руки Петра Алексеевича Романова называли его империей. Современные ученые пытаются иногда придать значение научного термина слову «держава» или «общность», чтобы на уровне слов отделить такие разные по сути государственные образования. Но пока никакой другой термин не прижился, не стал общепринятым. Однако будем иметь в виду, что по сути — это совершенно разные империи.

Вот как упоминавшийся выше современный британский историк Доминик Ливен объясняет то, что в XIX веке у нас не происходило подъема национальных движений и национализма в отличие от всей остальной Европы: «Свою роль играл интегрирующий фактор империи. Российская империя была русской по характеру. Император и ядро элиты были русскими. Однако империя была открыта для представителей других народов как изнутри страны, так и из-за ее пределов. В начале XIX века Российская империя была очень космополитичной. Лишь к концу века внутри России начинается давление на российского императора стать более русским по характеру».

Глава 3

Российская империя: особенности освоения территорий

Российская империя расширялась, согласно логике неизбежного расширения, по равнине, где остановиться значило погибнуть. Равно так же не может остановиться ямщик в степи ни летней ночью — загрызут волки, ни зимней — заметет пурга, застудит русский мороз. В условиях бескрайних и малонаселенных равнин только в движении может существовать и развиваться русская птица-тройка.

Приход руссов, славян, впрочем, никогда не означал вытеснения коренного народа. Обычно он знаменовал лишь переход к более тесному, полуродственному соседству. Это был как бы переход от соседских отношений рядом стоящих деревень к жизни в одном селе, одном миру. По городским понятиям — снос старых перегородок между квартирами и начало жизни одним, общим хозяйством. Правда, заметим, в этом шумном и многоязыком коммунальном доме все-таки на кухне всегда авторитетно заправляла хозяйка из метрополии, она же и была ответственным квартиросъемщиком.

В общей квартире по-соседски могли и всерьез повздорить. Могли перебить посуду. Но на улицу, в мороз, в «огороженные резервации»^[107] никого по крайней мере не выгоняли.

Если шла славянская экспансия в XI-XIII веках от Днепра на северо-восток, к Ярославлю, будущей Москве, затем к Архангельску, то это лишь означало, что отныне на одной и той же территории в самом тесном соседстве стали жить рядом славянские и финно-угорские племена. Некоторые племенные союзы Древней Руси «официально» включали в себя племена и славян, и финно-угров — например, вятичей.

С тюркоязычными половцами киевляне заключали союзы, торговали и точно так же массово, как и с финно-уграми,^[108] вступали в браки. Известно, что против «объединенных монгол», когда состоялась известная битва при реке Калке, русичи выступили вследствие того, что были связаны договором и родственными связями с половцами: половецкий хан Котян был тестем русского князя Мстислава Удалого.

Если народ входил в состав Руси, внутренняя жизнь такого народа вообще мало менялась. Никто не препятствовал традициям и образу жизни

этого народа.

Впрочем, Древняя Русь обычно и не становится объектом для создания черных мифов о России.

Далеко идущие выводы о присоединении земель других народов к Руси (т. е. «русской колонизации» и «порабощении великороссами свободных народов Урала, Сибири, Дальнего Востока, Севера и т. д.) делаются с века XVI-го.

Очень часто в этой связи упоминают в качестве первого яркого примера завоевание Казанского ханства.

По мнению одного из крупнейших западных специалистов по истории России, профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса, Россия не только со страшной жестокостью завоевала Казанское ханство, подавив национально-освободительное движение татар, но и навсегда пресекла всякую возможность самостоятельного культурного развития поволжских татар в целом. В частности, Пайпс ссылается на русские поговорки типа «незванный гость хуже татарина» и доказывает — создали их исконные, страшные враги татарского народа.

Впрочем, и в истории России, и в сочинение мифов о нашей истории монгольское нашествие, Золотая Орда, Казанское ханство, Северный Кавказ сплелись в такой тесный клубок проблем, что придется поговорить о нем особо.

Татарский вопрос

О том, что представляло собой монгольское нашествие на Русь, упомянутый выше Ричард Пайпс придерживается очень своеобразного мнения. Он считает, что монголы были в культурном отношении намного выше русских.

Тем, кто хочет более детально познакомиться с этой проблемой, Р. Пайпс рекомендует монографию, написанную немецким историком Шпулером.^[109] Вообще-то книгу Шпулера смело можно назвать дешевой попыткой реванша за проигранную Вторую мировую войну. Автор приводит множество данных о том, что достижения Золотой Орды в области управления, налоговой политики, военной организации, торговли и транспорта значительно превосходили успехи русских в этих областях к тому времени. Всему-то, абсолютно всему учились русские у монголов, вот как!

Р. Пайпс.

Талантливый историк и ученый, взявшийся доказать «изначальную порочность» всего русского уклада государственности. В СССР считался агентом ЦРУ и «злым антисоветчиком». Вчитавшись в его труды, приходишь к мысли, что иногда бойцы советского идеологического фронта были не так уж далеки от истины.

Уровень аргументации смехотворный, основная масса сведений об эпохе попросту игнорируется. Но «зато» появляется еще один способ пересмотреть историю, и тоже во вред «национальной гордости великороссов». Ни от одной такой возможности Ричард Пайпс никогда не отказывался.

Впрочем, у Пайпса есть и еще один аргумент, на этот раз собственного изготовления. «Однако для меня решающим, — пишет Пайпс, — остается другой аргумент: в то время как в Китае и Иране, также покоренными монголами, завоеватели быстро ассимилировались и потеряли свои национальные отличительные особенности, в России этого не произошло.

Отсутствие славянизации «монголов» в России, в то время как в Китае они «китаизировались», а в Иране «иранизировались», указывает на их более высокий (! — В. М.) культурный уровень в сравнении с русскими, поскольку, как правило, народы с более высоким культурным уровнем не ассимилируются среди народов с более низкой культурой. Как полагают этимологи, в связях типа монголо-русских влияние обладает направленностью от монголов к русским, а не наоборот».

В общем, монголы на Руси не ассимилировались, а вот русские от

монголов переняли так много, что и после выхода России из-под власти татар порядки в России остались татарские. Другого-то было не дано.

Бредни Пайпса и Шпулера — прекрасный пример того, как отрицаются или извращаются факты в угоду надуманной схеме.

Сочиняя монголов-культуртрегеров, Пайпс то ли делает вид, что не знает, то ли игнорирует многочисленные факты запустения русских земель, передвижения Руси на северо-восток с разоренного и почти полностью вырубленного юга. Он не замечает и того, что хозяйство Руси после монголов примитивизировалось. Исследования академика Рыбакова показали, что после монголов уменьшилось число ремесленных специализаций, исчезли многие изделия ремесленников Древней Руси, требовавшие особо высокой квалификации.^[110]

Ну а политика вывоза ремесленников из всех захваченных стран в Монголию или в столицу Золотой Орды, Сарай, описана очень подробно. И что за ней стоит, хорошо известно: отсутствие у монголов собственного ремесленного посада.^[111]

Выдумывая, будто татары никогда не ассимилировались на Руси, Пайпс особенно сильно подставляется. До третьей части и феодальной аристократии, и вообще ярких, известных людей Руси XIV-XV веков — татарского происхождения. Перечислять семьи и роды не имеет смысла, тем более что, рассказывая о Казанском ханстве, мы невольно столкнемся с ними. Назовем пока такого известного в России святого, как Пафнутий, основателя Боровского монастыря. Сведения о нем есть в таком доступном всем источнике, как Православный календарь за 2007 год.

«Преподобный Пафнутий Боровский родился в 1394 году в селе Кудинове, недалеко от Боровска, при крещении был назван Парфением. Его отец Иоанн был сыном крестившегося татарина-баскака Мартина, мать Парфения носила имя Фотиния. 20-ти лет Парфений оставил родительский дом и в 1414 году принял постриг с именем Пафнутий в Покровском монастыре на Высоком от настоятеля Маркелла».

Итак, русский православный святой — внук баскака, оставившего орду и прижившегося на Руси. Где Вы, господин Пайпс?

Точно так же и евразийцы, рассказывая сказочки о русско-степной и особенно русско-татарской идиллии, вынужденно игнорируют факты. Уже о половцах и печенегах в летописях Древней Руси упоминали, как о «поганных» и о «горе степном». В «Слове о полку Игореве» сказано:

Вновь узнала Русь, похолодев,
Топот половецкого набега.

«О каком-то культурном взаимодействии Руси и татарщины можно говорить, опять-таки лишь закрыв глаза на длинный ряд красноречивых свидетельств... что русское национальное самосознание выросло не на почве тяготения к татарщине, а прямо наоборот, на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины, как от чужеродного тела в русской жизни. Это чувство объединяло всех русских людей от простой деревенской женщины, пугавшей своего ребенка «злым татаринком», до монаха-летописца, именовавшего татар не иначе как «безбожными агарянами», и до любого из князей, неизменно заканчивавшего все свои правительственные грамоты выражением на то, что Бог «переменит Орду».

Куликовская битва, завоевание Казанского ханства воспринимались народным сознанием как великие акты национально-религиозного значения. И вот всю эту подлинную историческую действительность нам хотят подменить какой-то трогательной русско-татарской идиллией!». [\[112\]](#)

К сказанному можно добавить еще одно: никакой другой народ не воспринимался в народном сознании страшнее и хуже, чем татары. Причем речь идет явно не о казанских татарах, даже не о крымских татарах, «прославленных» страшными набегами и уводом в рабство людей. По тексту фольклорных песен очень хорошо видно, что речь идет именно о татарах — сборщиках дани, баскаках, чиновниках Золотой Орды:

Нет дани — он коня возьмет;
Нет коня — татарин дитя возьмет,
Нет дитя — он жену возьмет.
Нет жены — самого головой возьмет. [\[113\]](#)

Эта «веселая» песня — одна из многих. Но ни шведский «потоп» XVII века, ни века противостояния с Литвой и Польшей, ни две мировые войны с германцами, ни набеги варягов не впечатались так жутко в народное русское сознание. Нет в народной памяти ни поляка, ни немца, ни шведа — такого же беспощадного «сосальщика» дани, насильника, убийцы.

В дореволюционной истории ни выход к Балтике в начале XVIII века, ни взятие Варшавы в 1795 году, ни взятие Берлина в середине XVIII в. или Парижа в 1813 году никогда не поднимались на Руси до такого уровня значимости, как взятие Казани или Крыма. Эта победа возводилась в ранг

религиозной победы над «погаными», борьбы сил добра и зла.

Таковы факты.

Завоевывая Казанское ханство, русские продолжали войну с Золотой Ордой. Вот только проявлялось это вовсе не в особой жестокости. Скорее в особой популярности этой войны, в готовности жертвовать чем угодно для того, чтобы решить вековой спор.

Многонациональное Московское государство

Начнем с того, что Московское царство, Казанское и Сибирское ханства вовсе не были мононациональными государствами. Казанцы и «сибирцы» боролись вовсе не за национальную независимость. В Средние века не только в восточной, но и в Западной Европе вообще не знали идей национального государства и суверенитета нации. Эти идеи были порождены лишь эпохой Просвещения и Французской революцией 1789–1793 годов.

После возникновения Монгольской империи и ее провинции на Севере Евразии — Джучиева улуса (Золотой Орды) русские, башкиры, ногайцы, татары вошли в состав одного государства. Большинство из них было завоевано монголами. Порой завоевателям оказывали ожесточенное сопротивление: болгары и башкиры на Урале много лет не давали пройти монгольским отрядам.

В ханской столице — сначала в Сарае-бату, затем в Сарае-берке встречались русские, татарские и башкирские аристократы, русские и татарские мастера бок о бок работали в мастерских монгольских городов, поставляя ко двору хана украшения, утварь. Русские и башкирские воины также участвовали в завоевательных походах монгол по приказу хана. Например, во время войны против арабов, которая закончилась взятием Багдада.

С другой стороны, и в Московии татарские и монгольские княжны, принимая православие, становились женами русских князей и даже царей. Московский князь Юрий (Георгий) Данилович, брат знаменитого Ивана I Калиты и внук Александра Невского был женат на родной сестре тогдашнего ордынского хана Узбека Кончаке (в крещении — Агафье). Мать Иоанна Грозного — Елена Глинская была из рода обрусевших крещеных татар, осевших в Литве.

Современные ученые считают, что пятую часть словарного запаса русского языка составляют слова тюркского происхождения.

Этнический состав Московского царства, Казанского ханства, Сибирского царства и других позволяет говорить о них как о многонациональных государствах, совершенно не похожих на европейские государства. На Руси в эпоху Московского царства жило множество совершенно «российских» татар, служа верой и правдой русскому царю и зачастую занимая высокие государственные должности. Крещеный татарский царевич Петр Ибрагимович руководил обороной Москвы в одну из войн между Казанью и Москвой. Саин Булат (в крещении Симеон Бекбулатович) женился на княжне Мстиславской и в течение одного года, 1557-го, даже царствовал в Москве (когда царь Иван Грозный удалился в свой опричный удел).

Шах-Али — царь Касимовского татарского царства, существовавшего на правах автономии в границах Руси, княжил на Мещере (в московскую эпоху остававшегося мусульманским краем). Он вместе с Иваном Грозным участвовал во взятии «своей» татарской Казани, а во время Ливонской войны руководил Московскими войсками вместе с двумя другими служилыми татарскими князьями — Абдуллой и Тохтамышем.

И. Серов «Иван Грозный любит Василисой Мелентьевой»

Во время похода Ивана Грозного на Полоцк осенью 1562 г. при царе были два бывших казанских царевича — Ядигар (в крещении Симеон Касаевич) и Утямиш (в крещении Александр Сафагиреевич).

Царь Иван IV Грозный осознавал себя одним из последних православных государей, царем Святой Руси, поощряя переход в православие татар, равно как и других народов. Но он никогда не ставил перед собой цель искоренить ислам на землях Московского царства. Известны слова тогдашнего русского посла в Турции Новосильцева, сказанные султану Селиму и прямо свидетельствующие об этом: «Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожики, князья Ногайские в Романове, все они свободно и торжественно славят

Магомета в своих мечетях...»^[114]

Многонациональные татарские ханства

В других государствах ситуация обстояла схожим образом. В Казанском царстве кроме татар жили марийцы, мордва, удмурты, чувашаи, а также часть башкирского народа. Сибирское царство населяли кроме татар манси, пермяки, ханты. В Ногайской Орде кроме самих ногайцев жили разные народы — от башкир до предков нынешних каракалпаков. Более или менее однородным по этническому составу, то есть в основном татарским, можно считать Астраханское царство, но оно было и самым малочисленным, располагалось в бесплодных солончаковых степях и не обладало реальным суверенитетом, находясь в зависимости от Крыма.

Между этими государствами были, разумеется, и конфликты, но были и периоды мира. В XV-XVI веках Московское княжество и Крымское ханство выступали как союзники в борьбе с остатками Орды, а затем и с литовцами. Были целые периоды в истории Казанского или Астраханского ханств, когда у власти там находились «прорусские партии».

Про взятие Казанского ханства

В московское время взятие Казани было для русских Богом данным, давно желанным событием. День взятия Казани сделался религиозным праздником. В этот день московский царь вступил в Москву «на ослиати», уподобляясь Христу, въезжающему в Иерусалим.

В имперскую эпоху присоединение Казанского ханства трактовали более корректно и с позиций светской науки. Русские за два века сделали и поспокойнее, не стремясь любой ценой подчеркнуть свою религиозную правоту, да и поцивилизованнее. Настало время более объективного осмысления событий. В «Истории государства Российского» Карамзина нашлось место для самокритики: для описания резни, учиненной стрельцами во взятой Казани.

Ну а в первый период советской власти, как мы уже отмечали, изучающим историю студентам и рабфаковцам полагалось считать, что до 1917 года, до социалистической революции русские были по сути такими же колонизаторами, как британцы в Индии.

До конца 1930-х годов даже само слово «Русь» считалось в определенной мере... как бы помягче сказать... контрреволюционным.

Уделять «слишком» много внимания русской истории, русскому языку, русской культуре, вообще всему русскому было чем-то очень подозрительным. Русский народ ведь, «как известно» был народом-завоевателем и нещадно эксплуатировал другие, завоеванные им народы.

В книгах, издававшихся в то время, обязательно подчеркивалось: «завоеванные» народы и народности были как правило, «хорошие», а русские колонизаторы — очень «плохие». Даже местные национальные элиты, султаны, ханы, эмиры и их придворные, совершеннейшие тираны по отношению к подвластным им народам, превращались ранне-большевистскими историками и публицистами чуть ли не в народных мстителей и заступников.

В книге академика А. П. Окладникова, посвященной присоединению Бурятии к России,^[115] живописуются зверства русских «карателей и колонизаторов». У него однозначно буряты — хорошие, а завоевавшие их казаки — преступники и убийцы. То же самое в книгах того времени о присоединении Грузии, Средней Азии или Северного Кавказа.

О завоевании Казанского ханства писали тоже примерно в таком же стиле. Например, так расставляет нравственные оценки историк М. Худяков, в книге которого русские из войска царя Грозного изображены кровавыми преступниками, мясниками, перед которыми бледнеют отборные эсэсовцы. А противостоявшие им казанцы выглядят благородными борцами за независимость.^[116]

Но если до середины 1930-х годов «русский имперский колониализм» рассматривался в советской историографии как абсолютное зло, то затем уже он превращался в зло относительное. При Сталине полагалось отмечать и «положительные стороны» присоединения народов и стран к Российской империи (говорилось, разумеется, — «к России»).

В 80–90-е гг. XX века, в эпоху «парада суверенитетов» и «распада советской империи» многие вернулись к позиции Худякова и Окладникова образца ранних 1930-х гг.

Татарские националисты до сих пор цитируют эти книги. Они и до 1985 года говорили о «тюрьме народов», но тогда еще применительно к царской России. Теперь они и СССР объявляли тоже «тюрьмой народов», закрывая глаза на те многочисленные блага, которые принесла Советская власть «иногородцам» Российской империи. Только теперь Ленин вышел из моды, и они перестали ссылаться на него, не указывая больше источник цитаты.

Реалии же говорят вот о чем: во-первых, не было в XVI веке никакого

такого народа — казанские татары. Была казанская империя. Самая настоящая империя, осколок Золотой Орды. Правили в ней ханы-чингизиды, родственники ханов Средней Азии и Сибири. Примерно 10–15 % их подданных называли себя татарами и считали себя в этом государстве завоевателями. А народы Поволжья: тюркоязычные башкиры и ногайцы и финно-угорские народы (мордва, марийцы, чувашаи) вовсе не считали себя татарами — они были подданными татарских ханов.

Не успела пасть Казань, как подданные ее империи добровольно присоединились к Московскому княжеству, присягнули на верность «белому царю».

Часть ногайцев также подписали с Москвой мирный договор в том же 1557 году, что и башкиры. Ногайцы и до этого часто выступали союзниками Москвы, даже в войнах между Москвой и татарскими царствами.

Ногайская орда не была организационно низложена, она и далее автономно существовала в составе Московской Руси вплоть до 1606 года. И кончилось такое существование потому, что пресеклась промосковская династия князя Исмаила. Среди ногайцев вспыхнула гражданская война, победили про-турецкие настроения, и ногайцы отступили в Прикубанье, в тогдашнюю сферу влияния Турции.

В 1555 году в Москву прибыли послы от сибирского царя Едигера и обратились к Государю Иоанну IV Грозному с поклоном и добровольным признанием своего вассалитета: «возьми, Царь, всю Сибирь под свою руку».

На это царь, разумеется, согласие дал и отправил в Сибирь своего посла и сборщика дани Дмитрия Курова. Таким образом и сибирские народы (не только сибирские татары, но и ханты, манси и другие народности Севера) также добровольно вошли в состав русского государства.

Правда, там властвовали и антирусски настроенные местные князьки, среди которых — некий хан Кучум. Только о нем единственном сегодня и вспоминают школьные учебники, когда говорят о приходе русских в Сибирь.

Но Кучум — отнюдь не воплощение духа сибирских народов. Он вообще никакой не сибиряк.

Хан Кучум — царевич из рода среднеазиатских ханов, «ставленник» узбеков и казахов. В 1563 году Кучум убил законного царя, потомка исконно сибирской династии местных правителей, Едигера (того самого, который признал себя вассалом Москвы). После этого Кучум разорвал

отношения с Москвой и стал совершать набеги на русские земли (Пермский край). Только после этого против Кучума и поднялись русские казаки.

Борьба с Кучумом — это не борьба Москвы с Сибирским царством. Это борьба центрального правительства уже возникшего единого русско-татарского государства против узурпатора трона одной из провинций, входящих в это государство.

Борьба метрополии с сепаратистом.

При этом антирусской политикой Кучума в самой Сибири многие были недовольны. Так, Кучум преследовал народы ханты и манси за их лояльность Москве. В русском войске, разгромившем Кучума, были также и татары. Треть населения государства Кучума были русские. Часть из них поддерживала Кучума, часть — законных ханов и вместе с ними — Москву.

Многие исследователи уверены: когда с отрядом из 500 казаков Ермак в 1582–1585 годах совершил поход против Кучума, операция эта была инициирована в самой Сибири сторонниками объединения с Московским царством. Вполне нормальное объяснение той взаимной приязни, которую испытывали друг к другу «завоеватели» и местные жители. Становятся понятны и те почести, с которыми коренные обитатели Сибири похоронили погибшего Ермака, и мифологизация его личности, сопоставимая с Ильей Муромцем.

И с завоеванием Астраханского ханства также все обстояло сложнее, чем изображают сторонники исконной «национальной независимости» Астраханского татарского государства.

В 1554 году астраханский царь Дервиш-Али подписал договор о мирном и добровольном вхождении Астрахани в состав русского государства. Астраханцы сохраняли свою автономию и были, по сути, вассалами Москвы. Типичная для Средневековья система власти.

Астраханцы обязывались выплачивать дань Москве, разрешили русским рыбную ловлю в устье Волги и соглашались на размещение в Астрахани «ограниченного контингента» московских стрельцов. Но вскоре хан Дервиш Али неожиданно перешел на сторону турок и призвал турецкие войска (ок. 1000 чел.). Только тогда, в 1556 году, Иван Грозный отправил на Астрахань русское войско, причем в этом войске опять же было немало «служилых татар». После победы московитов Астрахань в наказание за нарушение вассальной верности была присоединена к Московскому царству безо всякой автономии и мирного договора.

Самое любопытное заключается в том, что и у Казанского царства была реальная возможность добровольно войти в состав Московского

царства, потому что среди казанских татар было немало сторонников Москвы. О наличии мощной прорусской партии в Казани не упоминают ни зарубежные историки, ни современные татарские шовинисты. Даже в России, похоже, далеко не все историки знают об этом.

А история любопытная. За несколько лет до завоевания Казани был разработан проект мирного присоединения Казани к Москве. По этому проекту сохранялась полная свобода вероисповедания, сохранение местной мусульманской администрации, приравнивание татарского дворянства к русскому с подтверждением всех прав его состояния. Этот проект был чрезвычайно близок к осуществлению.

Он даже формально осуществился: в 1551 году в Казани состоялся курултай, ^[117] где большинство во главе с Кул Шерифом и Худай Кулом высказалось за договор с Москвой. Казань обязалась освободить всех христиан, обращенных в рабство, было создано казанское правительство во главе с огланом Худай Кулом. Это правительство приняло присягу верности русскому наместнику Микулинскому и фактически объявило о мирном вхождении казанских татар в состав русского государства.

Однако в последний момент, когда Микулинский должен был торжественно въехать в Казань, там произошёл новый переворот, на этот раз антирусский. Возглавлял его некий протурецки настроенный князь. Заговорщики обманом восстановили казанцев против русских, заявив, что стрельцы, войдя в город, собираются устроить резню. На самом деле к Казани двигалась мирная делегация, с участием московских «дипломатических представителей» непосредственно с главой правительства Худай Кулом.

В результате 180 русских стрельцов, которые уже находились в городе, были самым вероломным образом, в лучших традициях проходящей «параллельно в Европе» французской Варфоломеевской ночи, зверски убиты. Это и стало впоследствии причиной жестокостей московского стрелецкого войска при взятии Казани.

Такое предательство поставило крест на возможности мирного развития событий. Более того, это сослужило плохую службу самим казанцам, поскольку заставило промосковски настроенных татарских аристократов открыто примкнуть к московскому войску, в котором и без того уже были и касимовские татары, и чуваша, и марийцы. Некоторые татары, хотя и не вступали в армию Грозного открыто, но проигнорировали призыв Казани к антирусской борьбе, поскольку считали занявшего казанский престол хана Ядигера не законным владыкой Казани, попросту — «турецким наймитом».

Все это говорит об одном: наивно и неисторично видеть во взятии Казани и завоевании Казанского ханства войну двух народов: татар и русских. Это глубоко неверный, более того — с учетом современных русско-татарских отношений и многовековых братских связей — глупый, вредительский^[118] подход.

Кто же брал штурмом Казань в составе войска московского царя Ивана Грозного? Московиты? Казаки? Ничуть не бывало! Это было совершенно многонациональное войско, по составу — практически Красная Армия в 1941 году. Итак, сухая статистика.

В штурме Казани в 1552 году участвовали русские формирования (до 50 тыс.), касимовские татары (30 тыс.), астраханские татары (20 тыс.), московские, нижегородские и казанские татары (10 тыс.), 3 тысячи ногайцев, 5 тысяч мещеряков, 4 тысячи чувашей, от 7 до 10 тысяч мордвинов, 10 тысяч черкесов, 10 тысяч черемисов и вотяков.

Получается — нерусские формирования в войске Ивана Грозного составляли 60 % от общего числа. Кроме того, было немало и европейских офицеров и «воен-спецов», наемников-немцев, поляков, голландцев и англичан. Татар в войсках Ивана было вообще больше, чем собственно русских.

Казанский Кремль

Со стороны казанцев же была следующая картина: от 30 до 35 тысяч казанских татар, около 3 тысяч ногайцев, 10 тысяч астраханцев, от 10 до 15 тысяч черемисов и вотяков, 1 тысяча турок, 1 тысяча русских. То есть против 40–45 тысяч татар из разных царств, оборонявших Казань, было

более 50 тысяч татар на стороне московского войска.

Как пишет один из современных историков, «Казанское ханство в период 1467–1560 гг. переживало гражданскую войну, вызванную необходимостью переосмысления своего места в мире и выбора ориентации. Причем, большинство татар в итоге с оружием в руках встали на сторону Москвы. Про-турецкая позиция части элиты не встретила почти никакой поддержки у населения... и была обречена на провал...»^[119]

И далее: «... вхождение татар в состав России было добровольным и осознанным выбором, путь к которому в силу тогдашних геополитических реалий и противоборств был труден и кровав. Уже одно то, что во время русской смуты татары поддержали Русское государство, а не ляхов, говорит об этом».^[120]

Любимые рассказы западных «русоведов» и наших доморожденных врагов собственного государства и народа о «феноменальной жестокости» русских в ходе штурма также не выдерживают критики. Конечно, при взятии Казани имели место малоприятные инциденты.

Но это — по современным меркам. Тут три соображения: во-первых, нельзя забывать об историзме морали. Есть вещи, которые вызывают отвращение и ужас у человека XXI века, но для предков были чем-то естественным.

Во-вторых, в средние века нарушение клятвы верности между вассалом и сюзереном считалось тягчайшим преступлением, граничащим с бесчестием и достойным самого жестокого наказания. Формально Казань изменила присяге Москве.

В-третьих, в Казанском ханстве было не менее 100 тысяч русских рабов. Это при общей численности населения ханства не более 1 млн человек. Московиты имели много самых серьезных причин считать казанцев не только узурпаторами и клятвопреступниками, но и работорговцами. А работорговцев у нас, как мы уже отмечали выше, всегда не очень любили.

Империя ли это?

Удивляет легкость, с которой расширялось Московское государство, еще в XIV веке бывшее небольшим княжеством. Разве сопротивление Казани, Астрахани и отрядов Кучума можно сравнить с теми военными конфликтами, которые англичане вели в Ирландии, в Северной Африке, даже в Америке?

И какова судьба Казани после ее поражения? Ничего похожего на колониальную политику Запада. После войны в Казанский край была назначена русская администрация. Земли протурецких мурз (князей) розданы русским поселенцам, но сами мурзы не были вырезаны, а со своими семьями и дружинами пленены и увезены в Московию, где и ассимилировались.

Я не в силах представить себе индусскую знать или, еще ярче, — вождей племен гуронов, апачей и могижан в Америке, которых, лишив наследственных земель, вывозят в Британию, чтобы они мирно смешались там с англичанами.

А судьба тех мурз, которые сознательно поддерживали русскую линию, была намного благоприятнее. Фактически эти татарские мурзы были приравнены к русским аристократам. Их вероисповедные права также были сохранены.

Разрушения мечетей и массовое насильственное обращение в христианство пленников во время казанской кампании были печальными, но объяснимы эксцессами войны, а не сознательной и долговременной политикой. Вскоре в Казани снова стали появляться мечети, религиозные школы, а мусульманское духовенство постепенно по правам стало приближаться к статусу православного священства.

Первоначально татарам-мусульманам в городе жить не разрешалось. Но разрешалось в слободах под городом. К концу XVIII в. слободы казанских татар слились с городом. Их жители стали центральным ядром возникающей татарской народности и нации.

Казань сделалась центром огромной территории, столицей восточной части России. Под приказом Казанского дворца, учрежденного в Москве после завоевания, находился весь обширный край, начиная с северного Кавказа и кончая Пермью и Башкирией.

Итак, что доказывают факты?

Бессмысленно рассматривать ядро будущей Российской империи как национальное государство. Многонациональный характер был у Руси изначален.

Россия расширяла свои земли совершенно не так, как возникали западные колониальные империи. У нее совершенно иные задачи и цели, другое поведение. Это было объединение, происходившее иногда с применением военной силы, но включающее народы, давно и тесно связанные общей исторической судьбой, торговыми, культурными отношениями и даже династическими браками.

Все противники Московии — тоже многонациональные государства.

Говорить, что «русские завоевали татар», просто бессмыслица.

При ближайшем рассмотрении приходится сдать в архив все сказки о «зверствах русских» и о «неимоверной» жестокости их завоеваний.

При расширении Московского царства на восток тамошние народы, как правило, добровольно входили в состав России. Иногда (Казань, Сибирь, Астрахань) это добровольное вхождение срывалось происками враждебных к Руси держав — либо Османской Турции, либо среднеазиатских ханств.

Часто государства эти первоначально находились в дружественных отношениях с Москвой или даже были ее вассалами (как Казань и Астрахань). Насильственное присоединение этих земель к Московскому царству, уничтожение автономии и установление русской администрации было не государственной колониальной политикой, а следствием нарушения тамошними правителями своей вассальной клятвы верности.

Потом эта автономия, как правило, восстанавливалась.

Самое главное. Завоеванные Россией земли вовсе не становятся колониями в западном смысле. Статус новых земель Государства Российского больше всего был похож на статус провинций Римской империи.

В сущности, уже Московия заложила первые основы для политики самоуправления. Более того, самоуправление завоеванных земель и народов для нее самое обычное и естественное дело.

Ничего общего с империями британцев, французов, голландцев! Их империи создавались для того, чтобы обогащать «своих» за счет «чужих».

Экономическая политика всех этих государств вплоть до XX века строилась исключительно на вывозе из колоний ресурсов и богатств в метрополию, т. е. изъятие материальных ценностей у завоеванных стран. Ярчайший пример — чудовищное разграбление британцами завоеванной Индии, испанцами — Южной и Центральной Америки. И это было для них и для того времени естественным: а зачем же еще их завоевывать? Ведь война стоила больших денег. А инвестиции надо возвращать. С процентами... Эта экономическая политика подпиралась господствовавшим расистским учением о превосходстве «белого человека».

Классические колониальные империи Запада никогда не стремились к равноправным договоренностям с иноземными элитами, а строили свою политику на лжи, подкупе и терроре.

Много ли было английских королей или даже просто аристократов эпохи владычества Британии над морями, которые женились бы на

индийской или африканской принцессе? Много ли было индийских раджей, которые пользовались бы в Британии теми же правами, что и природные английские аристократы, избирались бы в парламент, заседали бы в палате лордов, становились бы членами правительства?

Много ли в английском языке слов, заимствованных из хинди или китайского? Сама постановка этих вопросов раскрывает бесконечную пропасть между западными колонизаторскими империями и российской государственностью, которую мы просто не знаем, какими словами назвать. Нет подходящего термина.

Из этого всего краткий вывод следующий.

«Завоевание» Казани или Астрахани, «покорение» Сибири и т. д. Москвой — это действия того же ряда, что и «завоевание» французским королем Бургундии и Анжу. Или завоевание Англией Уэльса. Мадридом — Малаги и Севильи.

Но это никак не покорение англичанами Индии, французами — Индокитая, а испанцами — государств майя и ацтеков.

Российская империя — империя ли?

Еще в большей степени все вышесказанное касается Российской империи XVIII-XIX веков. Шло все то же самое расширение России в открытом во все стороны пространстве Восточной Европы.

При присоединении Причерноморья, Кавказа и Средней Азии привилегированный слой завоеванных народов обычно быстро получал все права русского дворянства. Простонародье? Армянские, татарские, узбекские и монгольские купцы получали те же права, что и русские. Горожане Украины, Прибалтики, Кавказа, Сибири начинали входить в гильдию мещан...

Крестьяне завоеванных народов также становились равноправны с русскими, причем ни на какую «новую» область никогда не распространялось крепостное право. Наоборот! В нерусских областях все формы личной зависимости искоренялись даже последовательнее, чем в Великороссии.

Российская империя никогда не рассматривала себя как государство русских, владychествующих над нерусскими. Империя скорее росла и усиливалась за счет новых земель и народов, но она считала эти земли и народы равноправными участниками громадного русского оркестра.

Получалось нечто достаточно парадоксальное: завоеванные народы

даже как бы неожиданно получали возможности реализовать свои старые планы и проекты, хотя и в совершенно новой форме внутри Империи.

Немцы стремятся на восток? Дранг нах Остен! Натиск на восток привел к рождению восточной Пруссии и Курляндии. Но немцы в составе Ливонского ордена дошли только до Нарвы. Как подданные Пскова, Новгорода и Швеции, они проникали и дальше на восток, до Невы. [\[121\]](#)

Став подданными Российской империи, «трофейные немцы» Прибалтики в составе русской армии дошли до государств Средней Азии и Дальнего Востока. [\[122\]](#)

Получается: в роли подданных Российской империи немцы могут продолжать «дранг нах остен», причем в невиданных еще масштабах.

Татары и башкиры рвутся на запад? Они могут осуществить свои желания тоже в составе русской армии. В армии Бату-Хана, Батыя русских летописей, они могли дойти только до Адриатического моря и до современной Венгрии и Польши.

А при Иване Грозном татары, черемисы и башкиры вторгаются в области Ливонского ордена. Русские офицеры татарского происхождения берут Берлин в годы Семилетней войны и Париж в 1814 году.

Получается: лишь в роли подданных Российской империи эти народы могут осуществить мечту Чингисхана и его приближенных.

Мусульмане хотят проповедовать свою веру христианам? У них есть право проповеди. При Екатерине II мусульмане смогли свободно торговать по всей стране и за ее пределами. Они могут строить мечети, исповедовать и пропагандировать свою веру где угодно, хоть в Петербурге.

В начале 1880-х годов мусульмане, жившие в Петербурге, развернули широкую богословско-публицистическую деятельность. В 1881 году была издана брошюра Девлет-Кильдеева «Магомет как пророк». В 1883 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» была напечатана серия статей под заглавием «Ислам и мусульманство», в которых автор отстаивал мусульманское мировоззрение и ставил ислам в некоторых вопросах выше принципов европейской культуры.

Видным представителем мусульманских кругов того времени был Ахунд Атоулла Баязитов (1844–1911 гг.), который стремился гармонично сочетать учение Корана с европейской культурой. Он поддерживал знакомства со многими русскими писателями и философами. Близким другом Ахунда Баязитова был религиозный философ Владимир Соловьев. В сочинении Соловьева «Магомет и его жизнь» многое написано при участии и под влиянием А. Баязитова.

В августе 1905 года в Нижнем Новгороде был проведен 1-й Всероссийский съезд мусульман; два последующих Всероссийских съезда мусульман состоялись в январе и в августе 1906 года в Петербурге и Нижнем Новгороде.

В 1904 году был поднят вопрос о постройке мечети в Петербурге. Бухарский эмир пожертвовал 312 тысяч рублей для покупки земли.

Закладка мечети состоялась весной 1910 года. Строительством мечети руководил архитектор С. С. Кричинский и его помощники Н. В. Васильев и А. И. Гоген. В качестве образца для постройки служила мечеть Тамерлана (Тимура) — Гур-Эмир в Самарканде. 21 февраля 1913 года в новой мечети было совершено первое торжественное богослужение.

Многие москвичи знают старую мечеть, построенную еще в начале XIX века, при Александре I, в районе татарских улиц в самом центре столицы, в Замоскворечье. Земля для строительства этой мечети была дарована императором мусульманской общине «в знак уважения и признательности» сынам татарского и башкирского народов за храбрость в войне с Наполеоном. Император сам сделал первый взнос на строительство мечети. Она открыта для богослужений по сей день.

Поляки хотят владеть землями в русских пределах? Они и владеют землей и домами в городах, вплоть до Сибири. Известный польский тост звучит так: «Хай живе Великопольска от Канады до Тобольска!» Она и «жила», причем не только до Тобольска, но и до Харбина и Владивостока.

Грузины хотят быть частью христианского мира, опасаются истребления со стороны мусульман? Грузины живут во всех городах Российской империи, и громадная Империя становится гарантом их существования.

Армяне стремятся расселиться по миру, получить образование и заняться международной торговлей и ремеслом? В Ростове, Одессе, Москве, Нижнем Новгороде появляются армянские колонии, а многие армяне делают карьеру в администрации и армии Российской империи.

Присоединяя к себе земли и включая в себя народы, Россия становилась гарантом процветания земель и исторической судьбы народов. Потому Россия вовсе не испытывала такого уж громадного энтузиазма от своего расширения и часто колебалась при решении того, расширяться ей дальше или нет, так как, включив в себя новую область, она тут же брала на себя ответственность за ее дальнейшую судьбу.

Взяв на себя ответственность за судьбу христиан Закавказья, Россия заплатила за это растратой огромных ресурсов, жизнями тысяч своих солдат в нескольких войнах. Повседневное управление Грузией вместе с

содержанием Отдельного Кавказского корпуса стоило казне больших денег. Издержки — миллионные, прибыли — никакой.

Интересный факт: как-то один крупный русский дипломат (откроем карты — это был не кто иной, как сам Александр Грибоедов) предложил Императору проект создания Российской Большой Закавказской компании по возделыванию тропических фруктов. В качестве образца предлагалось ориентироваться на практику работы знаменитой британской Ост-Индийской компании. Этот малоизвестный сегодня бизнес-проект обещал сделать Грузию наконец-то прибыльной для российского бюджета, но...

Николай I отклонил его, и, как было заявлено, по одной-единственной причине — как превращающий Грузию в банальную стопроцентную колонию.

С точки зрения здоровой общепринятой в мире «имперской» логики — совершеннейшая бессмыслица!

Но такая вот «ненормальная» империя была эта Россия... Империя, которая не желала (по крайней мере на уровне официальной внешней политики) иметь колоний...

«Российская империя не была империей русского народа, она была империей русского пространства, — пишет публицист Феликс Разумовский. — В этом пространстве империи не могло быть ни чужих, ни изгоев, там все люди — свои, все — братья». Звучит, конечно, излишне патетически, но факты остаются фактами...

Остается только вернуть читателя к названию этой главы.

Известно, что и Грибоедов погиб во многом из-за поведения своих армянских сотрудников: армяне и грузины, сотрудники российского посольства в Тегеране 1832 года, вели себя крайне вызывающе. Они смеялись над гаремами и евнухами, обижали самых высокопоставленных чиновников Шаха и даже пытались увезти с собой, дать политическое убежище оскотенным армянам — собственным евнухам гарема Шаха и его ближайших приближенных. Естественно, это было совершенно неприемлемо для персов — отъезд высокопоставленных евнухов означал утечку информации самого интимного свойства.

Грузин и армян можно было понять. Давно ли им угрожал геноцид? Давно ли их земли были полем охоты на рабов, а персидская армия ходила в их страны, как к себе домой? Ведь эти евнухи — это их искалеченные соотечественники армян. И сейчас они как мальчишки из-за спины сильного старшего брата, показывали язык дворовому хулигану, который еще вчера их тиранил.

Легко понять христиан, крутящих у виска при виде гаремов и евнухов;

и армян, злобно торжествующих в столице поверженного (и чуть ранее не истребившего их самих) врага. А вот дипломат Грибоедов был обязан сдерживать своих сотрудников, пусть даже и относясь в душе ко всему примерно так же, как и они сами. И заплатил жизнью за их несдержанность.

Во всех западных империях обычным делом в колониях был голод. В том числе в невероятно богатой Индии, где до британцев голода не было никогда. Несмотря на то, что раджи также, как и британцы взымали немалые налоги. Вот только размер налогов был разный. Если британцы в буквальном смысле обирали народ, то раджи устанавливали размер налога в зависимости от урожая: если урожай богатый, то и налог побольше. В любом случае, раджи оставляли народу какую-то часть, хотя бы для того, чтобы можно было протянуть до следующего урожая.

Британцы теоретически не хотели брать больше, чем прежние владыки Индии, что вы!

Они просто были по-европейски более «педантичны»: собирали каждый год такой налог, который полагалось раньше брать только в самые урожайные годы, примерно раз в 15 лет. В результате голод стал обычнейшим явлением. Каждый год британского владычества, с 1850 до 1947 год в Индии умирало от голода около миллиона человек. Голод распространился по Индокитаю, богатейшему острову Ява, по Африке, Мадагаскару и двум Америкам.

А вот Российская империя такого постоянного голода не знала никогда. Иногда неурожай в Великороссии заставлял ввозить хлеб из других областей. Не потому, что русские имеют какое-то особое право на урожай в нерусских провинциях, а потому, что именно сейчас они нуждаются в помощи.

Намного чаще было иначе: хлеб из Великороссии вывозился в Поволжье, Среднюю Азию, Северный Кавказ или Закавказье.

Нет ни одной области Российской империи, в которой вспыхнул бы голод после включения ее в состав России.

Это доказывает только одно: в Российской империи деление на метрополию и колонии очень условно. «В России же из-за ее сухопутного характера было сложнее провести разграничение между национальным ядром и периферией», — признает современный британский историк Доминик Дивен. Метрополии европейских колониальных империй жирели от своих колоний. А русская метрополия делится с ними и часто оказывается не в лучшем, а в худшем положении. Премьеру Петру Столыпину после революции 1905 года даже пришлось продавливать

поправки в закон о выборах в Госдуму, которые несколько... увеличивали представительство русских от национальных окраин». А то на демократической волне самоуничтожения совсем уж «русские империалисты» сами себя затюкали.

Проблема самоуправления

Завоеванные Российской империей народы не переживали национального унижения. И знать, и простонародье могло жить по своим древним традициям, никто их нравы не «исправлял».

Каждая земля и каждый народ в империи продолжали жить своей традиционной жизнью.

Сейчас в России местное самоуправление смехотворно,^[123] а представительная власть зачастую вообще бездействует. Современному россиянину трудно и вообразить, какое важное место в жизни России занимали они всего столетие назад.

С самого начала, еще с московского периода, традиции местного самоуправления являлись государственной нормой. Правила постоянно уточнялись, конкретизировались, совершенствовались. Это вело не к унификации права, потому что империя вовсе не стремилась сделать всех одинаковыми. Для нее важна была лояльность подданных и их готовность выполнять свои обязанности. Этого империя требовала, и за отсутствие этой готовности наказывала. Но для империи было совершенно обычно, что на местном уровне существует свое право и свои традиции.

Общими в империи были армия, верхушка администрации и суд.

В армию до 1860-х годов брали рекрутов. У некоторых народов рекрутов не было вообще. Дворяне, духовенство и представители всех образованных слоев не подвергались набору. Вся местная знать приравнивалась к дворянству и не подлежала рекрутчине. Как и священники всех входивших в империю народов. Если сын бурята, казаха или алеута оканчивал гимназию, он тоже не подлежал включению в рекрутские списки.

Когда ввели призывную систему, представители некоторых народов также по-прежнему не призывались. Если система призыва распространялась на народ империи, то не служили в армии первые сыновья и единственные сыновья, а призванные приносили присягу по законам своей веры.

«Дикая дивизия».

«Дикая дивизия» была полностью сформирована из добровольцев. На наградах, которые вручались подданным-мусульманам, изображения православных святых заменяли двуглавым орлом. Однако горцы потребовали вернуть на орден Георгия Победоносца, которого уважительно называли «джигитом».

Где-то читал историю о том, как принимали в те годы присягу трое аборигенов из Забайкалья. Специально для них приехал шаман из бурятского аила Он устроил натуральное камлание — пляску с бубном и вызыванием духов. Причем армейское начальство не смеялось, все было совершенно серьезно. Потом шаман совершил какие-то странные манипуляции над краяхами хлеба, причем привлек к этому действию самого полковника, командира того полка, где предстояло служить сибирским инородцам. Ибо по «языческим» понятиям, видимо, полковник и становился с того самого момента для новобранцев не только «военным начальником», но также отцом, шаманом и прямым воплощением их бурятского божества на земле, по крайней мере на ближайшие 25 лет службы. Этим и объясняется серьезность отношения к подобным обрядам русского армейского командования. Светская военная присяга, наложенная

на языческий ритуал и тысячелетнюю религиозно-боевую традицию, и обеспечивала беспрекословную дисциплину «нацменов» в русской армии.

Собственно, это и было одной из причин того искреннего фанатизма, с коим шли эти дурно говорящие на ломанном русском, порой странно выглядящие татары, башкиры, калмыки, адыги, буряты и т. д. в лобовую, на картечь, на французские батареи. Шли умирать за никогда не виданного ими Государя-императора Всея Руси.

Вспомните, какой полусуеверный ужас внушали в 1812–1815 годах лощеным европейцам российские национальные части: калмыцкая и башкирская конница, не говоря уже о казаках.

Но вернемся к присяге.

Тогда, по указанию шамана полковник накалывал кусок хлеба на саблю. Принимавшие присягу зубами, без помощи рук, снимали эти куски хлеба с конца сабли, съедали их и, подняв правую руку, на своем языке клялись в верности Российской империи. Так выглядел обряд присяги именно для этих призывников.

Мусульманин приносил присягу на Коране и с участием муллы. Буддист при участии священника из дацана и соответствующих атрибутов.

Не могло быть и речи о том, чтобы солдата заставили хоть в чем-то поступиться принципами своей веры. Сама мысль, что мусульманина могут накормить кашей со свиным салом, была бы для солдата Российской империи совершенно дикой.

Показательно будет сравнить два таких похожих исторических случая.

Как я уже писал, когда пропагандисты рассказали сипаям, что англичане используют в ружейной и патронной смазке коровий и свиной жир, это послужило искрой для самого страшного в истории британской империи народного восстания.

В 1917 году агитаторы-большевики (видимо, начитавшись написанных «историками-интеллигентами» инструкций по пропаганде в армии) рассказали солдатам Дикой дивизии, что патроны заливают свиным салом, горцы-мусульмане «накостыляли» агитаторам по шеям, приговаривая, что врать тоже надо уметь. [\[124\]](#)

Каждая земля хранила свои обычаи и свои законы местного самоуправления. Различия между землями империи были куда более значительными, чем между землями ФРГ или штатами США. Это касается даже не только вошедших в Империю стран, а разных областей Великодержавы.

Земельное право в Сибири, на Полтавщине, в Семиречье, в Виленском краю, в Олонецкой губернии на севере и на Кубани у русских существенно

различалось. Например, на русском севере существовали пай, которые можно было дробить, накапливать, покупать и продавать: как акции предприятия. Каждый крестьянин был фактически частным собственником и умел оперировать этой собственностью. При уходе из общины этот пай можно было продавать. А на юге современного Казахстана, в Семиречье при уходе из общины крестьянин еще и платил за то, чтобы его выпустили и «выправили» ему документы: ведь он лишал в своем лице общину работника и защитника.

В Сибири леса были «божьи», и крестьяне считали страшным святотатством брать их в собственность и препятствовать кому угодно заготавливать в них дрова. В Виленском крае леса находились в частной собственности крестьян. Пахотную землю регулярно перераспределяли, а леса — нет. За пользование лесом мир платил частнику.

Пока земля принадлежала общинам, крестьянская община — мир решала вопросы распределения и перераспределения и пахотной земли, и выгонов, и сенокосов, и лесов, и пастбищ. Можно было перераспределять землю каждый год, а можно было и каждые 5, 10, 15 лет. В 1900 году существовали общины, в которых с 1861 года перераспределения земли не производили НИ РАЗУ. Фактически — частная собственность.

Вопросы собственности на землю вообще касались только общины, и никакие государственные чиновники никогда не смогли бы вмешаться в общинные дела.

Кроме власти общины было волостное самоуправление: в каждой волости выбирали представителей, решавших многие вопросы в пределах нескольких принадлежавших ей деревень. Волостное право существовало и там, где не было земельных общин: в Прибалтике, в Средней Азии, в Финляндии, Польше. По мере того, как ослабевала община, значение волостного самоуправления только росло. Волость и губерния сами собирали местные налоги и сами решали, как и на что их будут тратить. В эти дела власть тоже никогда не вмешивалась: не имела права.

Тем более различным было земельное и волостное право в Грузии, на Украине, в Средней Азии и Прибалтике. Не всякий адвокат мог бы разобраться в сложнейших переплетениях прав на землю и воду в Фергане и в правах местного духовенства на первых барашков в Абхазии.

Если сталкивались интересы русских и инородцев, местные чиновники чаще всего принимали сторону инородцев по очень простой причине: чем древнее был закон, тем серьезнее к нему относились. В Хакасии был случай: русские крестьяне загородили один из водопоев. Пользовались этим водопоем редко, раз в три, пять лет — когда пересыхали

остальные. Но хакасы подали в суд и легко выиграли дело. Крестьянам так и объяснили: тут пасли стада, когда вас и близко в Сибири не было.

Разумеется, хитрые люди всегда могли обойти закон. Скажем, Гарин-Михайловский описывает случай, когда русские крестьяне так ловко арендовали землю у башкир, что почти ничего за нее не платили.^[125] Ведь башкиры толком не знали ни цены земли, ни законов. Так продолжалось ровно до тех пор, пока башкиры не скинулись на адвоката. В целом власть всегда стремилась стоять на стороне древнего местного закона: ну зачем порождать проблемы на пустом месте?

Многообразие форм самоуправления касается и городов. Города Российской империи управлялись с помощью 1820 различных вариантов Уставов. Города имели свои гербы, свои права и привилегии, порой довольно значительные. Скажем, жители эстонского города Раквере имели право без пошлины торговать с Финляндией и Швецией. И если русский купец хотел заниматься такой торговлей, выход был один — приписываться к городу Раквере или, по крайней мере, поселить там доверенного приказчика.

Точно так же мещане Казани, Белебея и некоторых других городов Приуралья имели право беспошлинно торговать с Туркестаном. Часть Туркестана вошла в Российскую империю, а часть оставалась в Китае. И получалось, что некоторые города Российской империи имеют право торговать с заграницей, конкретно с Китаем, не уплачивая никаких пошлин. А все остальные, соответственно, не имеют такого права. Русский, польский или немецкий купец или ремесленник мог поселиться в городе и получить ту же привилегию. Сама привилегия восходила к временам Казанского ханства и была подтверждена еще Московскими царями при присоединении Казанского ханства к Москве.

Все это касалось низового самоуправления — муниципального. Благодаря этому уровню в самоуправление вовлекались буквально десятки миллионов людей, проходя элементарную школу демократии. И благодаря этой системе Российская империя управлялась невероятно разнообразно.

Для нашей же темы особенно важно, что фактически соблюдалось и поддерживалось законом множество местных традиций. Это было конечно, может и не очень удобно, на первый взгляд, с точки зрения примитивной унификации законодательства. Но это точно было не во вред, а в дополнение друг другу. И жители разных городов и сел, входя в Российскую империю, во многом продолжали жить так, как привыкли — на бытовом уровне.

Включая новую территорию в Империю, россияне далеко не всегда

торопились отменить ее законы. Как правило, Россия старалась эти законы сохранять. Если территория бунтовала, приходилось урезать ее права, но даже и тогда многое оставалось.

В Польше действовала странная закономерность: всякий раз, как Россия давала ей конституцию, тут же начиналось восстание. В результате у поляков не стало ни своих денег, ни особого сейма. Но и в этих случаях Виленский и Привисленский края управлялись с учетом местных традиций.

А вот Финляндия ни разу не поднялась против России, и к 1917 году в ней были свой парламент, действовали свои законы, серьезно отличавшиеся от российских, и даже ходили свои деньги. Официально можно было покупать и продавать как за рубли, а так и за местные марки. В университете Гельсингфорса лекционные курсы читались и на русском, и на немецком, и на финском языках.

Курляндию присоединили к России еще в годы Семилетней войны. Но до 1917 года в университете города Юрьева-Тарту-Дерпта лекции читались чаще всего на немецком языке. Чиновники в Прибалтике приносили присягу на лютеранском Евангелии, по-немецки, делопроизводство тоже велось равным образом как на русском, так и немецком языках. При этом русский чиновник, присланный из России для службы в Ревель или в Дерпт, присягал в присутствии православного священника на русском языке, а поляк — на латинском и в присутствии ксендза.

Речь Посполитую разделили в 1795 году. Но литовские статуты, законы еще Великого княжества Литовского и Русского, действовали в Белоруссии до 1841 года.

В Киеве Магдебургское право введено в XV веке. Одна из уставных грамот великого князя литовского Александра в 1499 году подтверждала действие норм городского права, по которому административную власть над мещанами осуществляли члены выборных органов самоуправления и суда. Магдебургское право Киева сохранялось до 23 декабря 1834 года.

На большей части истории России как великой империи всегда существовали элементы национальной автономии вошедших в нее народов.

Свое самоуправление имели казахи и киргизы. Уже упоминавшийся Чокан Валиханов в 1862 году был выбран на должность старшего султана ^[126] Атбасарского округа. В последние годы жизни занимался административной деятельностью — летом 1863 года работал в комиссии по судебной реформе.

В Бурятии возникла ситуация, когда русские крестьяне начали самовольно захватывать землю местных жителей по Селенге и в степной

зоне. 23 ноября 1888 года последовал указ Александра III на земли, полученные взамен «уступленных» русским, и выдана жалованная грамота агинским бурятам. В указе подробно перечисляются границы земель, все эти земли утверждаются «на всегдашнее владение» агинским бурятам и их потомкам и всем повелевается ограждать спокойное владение бурят.

По случаю пожалования грамоты император Александр III, в присутствии депутатов Агинского и Хоринского ведомств, сказал: «Я подписал грамоту на ваши земли, передайте поклон вашим сородичам, успокойте их, что грамота охранит их собственность».

По некоторым данным, император Александр III даже говорил бурятам, что если местные чиновники будут нарушать их права, они могут обращаться непосредственно к нему — к Александру.

Остров Ольхон на Байкале и по сей день считается священной землей. Каждый год в июле на острове проводится шаманский бурятский праздник. При советской власти на Ольхоне строили и лагеря для заключенных, и рыбоконсервные заводы, но до 1917 года правительство Российской империи гарантировало бурятам неприкосновенность Ольхона. На острове никто не жил, только раз в году съезжались буряты для совершения своих национальных обрядов.

Точно так же правительство Российской империи гарантировало неприкосновенность священных рощ марийцев и черемисов. Было «высочайше запрещено» не только рубить лес в этих рощах, но русским и вообще всем нетитульным народам воспрещалось даже проезжать через эти рощи без разрешения местных властей.

После восстания в Кокандском ханстве и начала басмаческого движения это ханство было упразднено, но многие местные обычаи сохранялись. А Бухарское и Хивинское ханства до начала 1920-х годов оставались вассалами Российской империи. Они не имели права на самостоятельные международные отношения, но вся внутренняя политика велась по-прежнему согласно местным законам и традициям.

Кстати, во всех мусульманских областях сохранялось шариатское право (!) при том, что местные судьи-кадии получали жалование из «федерального бюджета», т. е. казны Российской империи. Мусульманин не только молился в мечети и учил сына на арабском языке в медресе, но женился по законам шариата, мог иметь положенных в исламе нескольких жен. Он заключал сделки по законам Хивинского ханства и вел деловую переписку на узбекском или арабском языках. Он платил налоги своему хану и мог служить в ханском войске. Законы Российской империи давали ему на то полнейшее право.

И казанский, и сибирский, и крымский татарин имели точно такие же права и тоже поддерживались в этих правах всем сводом законов Российской империи.

Свои права на самоуправление имели армяне и грузины, вплоть до сохранения особых воинских частей, которые находились в оперативном управлении Генерального штаба, но набирались в Грузии, приносили присягу на грузинском языке и шли в бой, повинуюсь приказам на том же грузинском языке, под собственными знаменами. Причем в Грузии, например, разные области имели весьма различные традиции и обычаи, а города Грузии управлялись по разным уставам.

Понтийские греки и армяне имели право на самоуправление во всех городах, где были хотя бы небольшие диаспоры. Вплоть до обучения и ведения документов на родном языке и наличия собственной полиции.

Когда интеллигенция из Петербурга приезжала на курорты Крыма, она сталкивалась с греками, армянами и татарами, которые самоуправлялись в своих городах, волостях или кварталах, и местные правила довольно сильно могли отличаться от петербургских.

Каждое казачье войско, а их было 11, имело свой Устав, свои традиции и свою систему самоуправления. В 1918 году, когда распалась Российская империя, области казачьих войск легко вышли из состава России: в них давно существовали органы самоуправления, без труда взявшие на себя все функции региональных правительств.

Вывод простой: народы Российской империи и вошедшие в Российскую империю страны и многочисленные области во многом продолжали жизнь, сложившуюся задолго до включения в состав России. Им не было нужды ни восставать, чтобы получить права самоуправления, ни освобождаться из-под власти Москвы и Петербурга, чтобы достигнуть национального самоопределения.

Какая уж тут «тюрьма народов»...

Парадоксальная аналогия

Как ни удивительно, опыт России имеет четкую аналогию в жизни Европы. Только не в жизни громадных колониальных империй, а в жизни тех государств, которые у нас (и в самой Европе) наивно называются «национальными».

Фактически все европейские державы по своей структуре очень напоминают государство, которое мы называем Российской империей.

Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии даже в названии — никак не национальное государство. Англия — только часть территории государства, ее ядро. Британия — это Англия и Уэльс вместе взятые. Великобритания — это территория Англии, Шотландии и Уэльса. А Соединенное королевство — все четыре исторические области вместе.

Для нас эти названия сливаются и путаются. Но сами-то британцы отлично знают и различают страны, из которых состоит Соединенное королевство. Еще в XVI-XVII веках было очень много различий между Англией и покоренными Уэльсом, Шотландией и Ирландией. В каждой из них свое, отличное законодательство и особое семейное, наследственное и административное право.

Объединяя Британские острова, англичане поступали почти как римляне: оставляли в исторических областях страны право вести делопроизводство на местном языке. И часть законов страны — ту, которая не мешала управлению и объединению.

В результате и сегодня в Шотландии вы купите участок земли на основании других документов, чем в Англии или в Уэльсе, и будете нести иную ответственность за сохранение на нем почвенного слоя, чем в Северной Ирландии.

Развод в Шотландии вы получите довольно легко, на тех же основаниях, что и везде в мире. В Англии вам придется доказывать, что ваша жена сумасшедшая или что один из вас изменяет другому. Это долгий процесс, и вы заплатите за развод кучу денег. А в Ирландии вам и разводиться не придется, если вы не венчались в католической церкви. Причем большая часть населения Ирландии давно уже протестанты, но по традиции брак не в католическом храме «не считается».

Франция — такой же плод завоевания. Еще в XVI веке французы жили в основном в Иль-де-Франсе, что и означает «остров французов». А Лангедок, Бургундия, Прованс, Бретань, Корсика — все это исторические области, населенные вовсе не французами.

Д'Артаньян — гасконец, совершающий своего рода акт национальной измены: он едет служить королю Франции (в точности как татарин в те же времена мог поехать служить царям Московии). Не сохрани французы в Гаскони местного делопроизводства и обычаев, еще неизвестно, как бы он себя вел.

Уже в 1970-е годы юристы выяснили, что в разных областях Франции одни и те же статьи Кодекса Наполеона трактуются совершенно по-разному. Причем в каждой исторической области уверены — так же поступают и в других областях Франции. И вообще иначе, чем делают в

Оверни (Лангедоке, Шампани, Бретани... и т. п.), поступать совершенно невозможно.

Что это доказывает? Только то, что Россия — это никакая не империя. Это государство, продолжающее тот же путь развития, по которому шла вся Европа. Только Европа в силу ли своей ментальности, в силу ли географических причин, на каком-то этапе кроме строительства многонационального государства начала строить еще и заморские империи.

А Россия не стала строить Империи. Она продолжала развивать опыт многонационального государства.

При советской власти

В 1913 году русский флаг развевался над колоссальной территорией, от Камчатки и Северного Китая до Польши и Причерноморья, от Арктики до Центральной Азии. По переписи 1897 года ее население составляло 128,2 миллиона человек, из них 93,4 — в Европейской России, 9,5 — в Царстве Польском, 2,6 миллиона — в Великом княжестве Финляндском, 9,3 миллиона — в Кавказском крае, 5,8 миллиона — в Сибири, 7,7 миллиона — в Среднеазиатских областях.

Русские составляли всего 44 % населения Империи, но именно русский язык был официальным языком делопроизводства, культуры, администрации и науки.

Захватив власть в этой стране, большевики могли сохранить ее только одним способом: договорившись со всеми народами бывшей Российской империи.

Наверное, меня не все захотят понять правильно, но в советское время власть достигала самых лучших результатов именно тогда, когда максимально полно продолжала и развивала политику Российской империи.

Советская власть всегда проигрывала, когда пыталась унифицировать все правила и законы жизни в СССР, без учета местной специфики, местной истории и местных законов.

Признавая в теории право наций на самоопределение вплоть до выхода из СССР, большевики приняли решение развивать областную автономию всех живших в России народов.

Еще в январе 1913 г. Сталин охарактеризовал областную автономию как «единственно верное решение для наций, которые по тем или иным причинам предпочитают оставаться в рамках целого». Четыре года спустя

Сталин считал создание автономных национальных областей России единственным, радикальным и окончательным решением национального вопроса.

Процесс национально-государственного строительства в СССР описывали так: «III Всероссийский съезд Советов отнес область, естественно сочетающую в себе особенности быта, своеобразие национального состава населения и некую минимальную целостность экономической территории, к субъекту федерации».

Возрожденный в послеоктябрьский период принцип федеративного устройства как формы взаимодействия советских республик на время переходного периода стал необходимым связующим звеном на пути от декларативно независимых областей к унитарному социалистическому государству «добровольно объединившихся трудящихся».

Создаваемая как федерация советских национальных республик на основе «свободного союза свободных наций» Советская республика нуждалась в обеспечении прочного союза между центром и окраинами России.

Право наций на самоопределение окончательно оформили резолюция III Всероссийского съезда Советов в январе 1918 г., понимавшая его «в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России» и новая программа РКП(б) в марте 1919 г., разъяснившая с историко-классовой точки зрения, кто являлся носителем воли нации к самоопределению.

Право на самоопределение предусматривало две основные формы своей реализации: политическую автономию для областей, представлявших целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с делопроизводством и преподаванием на своем языке; отделение для наций, которые не могли и не хотели оставаться в границах целого государства». [\[127\]](#)

Страна рабочих и крестьян никак не могла быть империей. В действительности равные народы все равно оказались выстроены в некую иерархию, — куда же от этого денешься? Но изначально над бывшей Российской империей как флаг реяла идея справедливого национального устройства всех народов.

Тем более, в революции и Гражданской войне 1917–1922 годов роль национально-освободительных движений оказалась ничуть не менее важной, чем пресловутая «классовая борьба». Потом это обстоятельство старались изо всех сил скрывать, но современники-то знали правду.

Коммунисты долго спорили только о формах этой автономии. Границы отдельных полугосударств изменялись, их отменяли или сливали.

Отменили автономную область Поволжских немцев. Упразднили АО Крымских татар, а сам Крым передали из РСФСР Украинской ССР. Упразднили, потом снова ввели Чечено-Ингушскую АО. Создали Закавказскую ССР, потом разбили ее на Грузию, Армению и Азербайджан. Долго не знали, что делать с национальным размежеванием в Средней Азии. Абхазия подписывала Союзный договор как равноправная республика, как Украина или Белоруссия, однако потом была включена в состав Грузии как автономия. Появилась ненадолго и исчезла с карты Карельская республика со столицей в Петрозаводске.

Но методом проб и ошибок возникла стройная система автономий разного масштаба. Для того времени и для тех обстоятельств она была совершенной, логичной и очень согласовалась с остальными положениями советской власти. В ней было очень четко прописано, какой народ имеет право на автономию какого именно масштаба и каковы права такой автономии.

К 1956 году Советский Союз состоял из 15 Советских Социалистических республик. Каждая из таких республик должна была иметь население не менее 1 миллиона человек и выход к государственной границе СССР. Таким образом, она теоретически могла выйти из состава СССР. ССР имели свои Академии наук, свои министерства, кроме нескольких важнейших «союзных», издательства и периодику на национальном языке, высшее образование на национальном языке.

Фактически союзные республики были не во всем равноправны. Скажем, в ООН имели места Украинская ССР и РСФСР, но ведь не Латвия и не Туркменистан.

Вторым рангом национальных автономий были Автономные советские социалистические республики — АССР.

В РСФСР входило 14 АССР, Кара-Калпакская АССР входила в состав Узбекской ССР, Нахичеванская АССР — в состав Азербайджана, Абхазская и Аджарская АССР — в состав Грузии.

АССР не могла выйти из состава СССР, но имела свою символику, свои научные и культурные учреждения, прессу и среднее образование на национальном языке.

Автономные области и национальные округа входили в состав административных образований — областей. Область с таким образованием «внутри» называлась краем.

В РСФСР было 7 АО и 10 НО. Юго-Осетинская АО находилась в составе Грузинской ССР, Горно-Карабахская АО — в составе Азербайджана и Горно-Бадахшанская АО — в составе Таджикистана.

Автономные области имели свои научно-исследовательские институты языка, истории и культуры, прессу и издательства на национальных языках. В некоторых школах преподавали на национальном языке.

Теоретически, НО мог стать АО, АО превратиться в АССР, а АССР — в ССР. В 1980-е годы много говорили о превращении Якутской АССР в полноценную Якутскую ССР, шестнадцатую по счету. Население Якутии возрастало, и к 1984 году превысило 850 тысяч человек, до миллиона недалеко. Выход к государственной границе есть...

Такая строгая иерархия имела свой смысл.

В конце концов, роль украинцев или татар отличалась от роли эвенков и нганасан. Может быть, это очень неpolitкорректно, но природа и Господь Бог вообще не очень-то демократичны. Так же недемократично было избрание в Верховный Совет. В его низшую палату, Совет Союза, избирали 1 человека от 3000 тысяч избирателей, какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали. А в высшую палату Верховного Совета, Совет Национальностей выбирали 25 депутатов от каждой ССР, 11 от АССР, 5 от АО, и 1 от НО.

Но главное, эта логичная система давала каждому народу некое место в системе. И одновременно шанс на сохранение своего национально-культурного наследия: истории, культуры, языка.

Жестко, логично, создано с учетом численности и значимости каждого народа. Всем сестрам по законным серьгам.

Конечно, на практике большевики и в мыслях не позволяли выйти из состава СССР ни одной республике.

Карикатура «Израильская военщина глушит рыбу пленными шахидами».

Долгое время в СССР само понятие «национального конфликта» ассоциировалось главным образом с бесконечной войной арабов и израильтян.

Восстание за независимую Грузию в августе 1924 года большевики подавили беспощадно. Убито было до 5 тысяч человек, десятки тысяч сосланы. После XII Съезда КПСС Сталин, по его собственным словам, «приступил к перепашке Грузии от меньшевистско-уклонистского сорняка».

Иосиф Виссарионович счел нужным предупредить: «То, что произошло с Грузией, может повториться по всей России».

Некоторые полагают, что Максим Горький именно по этому поводу произнес в первый раз свою знаменитую фразу: «Если враг не сдается, его уничтожают».^[128] По мнению многих историков, именно «грузинский опыт» показал, что союз есть категорический императив».^[129]

Но с другой стороны, в СССР сохраняли право народов на язык и культуру. В 1978 году в Грузии прошли серьезные волнения в связи с расширением программ на изучение русского языка.

14 марта 1978 года молодежь демонстрацией шла к Дому правительства. Пришло 10 тысяч человек. Девушки из медицинского института порвали халаты и на них губной помадой написали требования в защиту языка.

Тогда перед толпой выступил будущий Президент Грузии Э. Шеварднадзе и заявил, что текст статьи 75 Конституции остался без изменения: «Государственным языком Грузинской ССР является грузинский язык».

Пожалуй, это уникальный пример удачных народных волнений и демонстраций в СССР.

В годы «перестройки» много говорилось о деградации местных языков, исчезновении национальных школ и прочих ужасах. Но процесс это был естественный и постепенный. Государство его не форсировало и не поддерживало.

Скорее напротив, в СССР искусственно стимулировали поддержание и развитие национальных культур внутри автономий. Как немного живший в эту эпоху, свидетельствую: дефицитную литературу всегда было легче купить на национальных языках, чем на русском.

Все это говорит о том, что даже СССР — государство гораздо более унифицированное и жесткое, намного менее гибкое, чем Российская империя, вовсе не был «тюрьмой народов».

Конечно, в отличие от Российской империи, в СССР, увы, не ехали массово переселенцы из самых «передовых» стран мира. СССР самому приходилось изо всех сил сдерживать своих граждан, рвавшихся за границу. Но это был вопрос не национального унижения, а идеологической зашоренности, цензуры и неэффективной экономики.

Но и в СССР были наработки, которые не худо было бы освоить нашим зарубежным друзьям.

СССР — это одна из вершин, достигнутых в мире в области национального строительства. Вторая вершина — Индия, система национальных отношений в которой имеет прямое отношение к советскому интернациональному опыту.

Индия

Еще в 1920 году на сессии партии Индийский национальный конгресс (ИНК) в городе Нагпуре был выдвинут лозунг создания национальных провинций. Их называли еще «Конгрессовские провинции».

Англичане разделили территорию Индии на административные единицы — округа, не беря во внимание места компактного проживания этнических групп. 40 % колониальной территории приходилось на княжества, где язык и культура были вторичными факторами разделения.

ИНК пришел к власти в 1947 году над частью исторической Индии. Непал, Бирма и Пакистан сделались отдельными государствами.

ИНК не сразу, но к 1960 году отменил все «внутренние» княжества (в один штат Бомбей вошло 174 княжества). Территория Индии на этот раз была поделена на 27 языковых штатов. 8 из них управлялись князьями, 9 — выборными губернаторами, 10 — комиссарами верховного правительства.

Парламент состоял из нижней Народной палаты и верхней Палаты штатов, избираемой Законодательными собраниями штатов.

В общем, калька с государственного устройства СССР. Штаты в свою очередь делились на округа, время от времени создавались «языковые округа», на территории которых проживало племя или малый народ. Каждый такой округ чем-то отличается от других по своему статусу. Впрочем, такая система в Индии существует и сейчас: ни сикхские, ни тамильские террористы так и не смогли раскачать государственность. [\[130\]](#)

Глава 4

Империя наоборот, или Российская национальная политика

Побег в «тюрьму народов»

Можно ли представить себе побег из свободы в тюрьму? Если принимать всерьез тезис о России как «тюрьме народов», то именно такой побег совершили многие европейцы в XVII-XIX веках.

В середине XVII века только в Москве на слободе Кукуй жило 20 тысяч европейцев — в основном немцев, но также и голландцев, шотландцев, французов, швейцарцев, итальянцев, датчан, ирландцев.

Правительство Московии стремится привлечь на службу больше иноземцев, и эти «служилые иноземцы» составляют даже особый род войск.

В 1651 году состав вооруженных сил Московии был таким: дворянская конница — 37 596; московские стрельцы — 8122; казаки — 21 124; татары и народы Поволжья — 9113; иноземцы — 7707; рейтары — 1457; драгуны — 8462.

Итак, иностранцы составляют значительную долю русской армии.

Правительство посылает специальных эмиссаров для вербовки людей. И они всегда возвращаются с волонтерами, желающими служить Москве.

Поток шотландцев хлынул в свою «тюрьму» после походов армии Кромвеля. Тогда сторонники английского парламента, естественно, англичане, не просто завоевали и оккупировали Шотландию. Они изводили, как только могли, шотландских дворян — сторонников короля и, попросту говоря, конкурентов.

Десятки, сотни ни в чем не повинных людей гибли на плахе, прятались в горах или уезжали в другие страны. Один из них — Вильям Брюс, прибывший в Московию в 1647 году. Сохранилась легенда, что ехать в Московию Вильяму посоветовал старый друг его отца, генерал Дэлзелл: он побывал в Московии в Смутное время, прослужил там восемь лет и знал страну не понаслышке.

Что заставило Вильяма Брюса приехать из Шотландии в «тюрьму народов»? Ведь Брюсы состояли в дальнем родстве с национальным героем Шотландии, самим Робертом Брюсом, тем самым, который в 1314 году

разгромил английские войска при Баннокберне и стал шотландским королем.^[131] В 1328 году он заставил Англию подписать мирный договор, признающий независимость Шотландии. Брюсы, кстати, состояли в родстве и с Байроном. Род Брюсовых в России известен также и благодаря русскому поэту и писателю Валерию Брюсову.

В Шотландии их дальние родственники многочисленны и невероятно активны.

Это знаменитый шотландский клан, известный уже восемь столетий.

Захотел переехать в Россию (при Алексее Михайловиче) и шотландец Бест, предок знаменитого канцлера Елизаветы и Екатерины, Алексея Петровича Бестужева. Причины? Англичане «судили» и резали шотландскую знать по малейшему поводу, а в России шотландец мог сделать блестящую карьеру.

Патрик Гордон, которого авторитетный источник называет «одним из первых иностранных учителей — вдохновителей Петра на создание регулярной армии»,^[132] также, как вы понимаете, не славянин!

Михаил Юрьевич Лермонтов — потомок иностранца-шотландца Лермона, участника Смоленской войны, приехавшего в Московию при Алексее Михайловиче. В семье Лермонтовых бытовала привезенная Лермоном легенда о происхождении их от знаменитого поэта и барда XIV столетия Томаса Лермона. Томас Лермон — личность очень широко известная в Великобритании, ему посвящена одна из баллад Редъярда Киплинга — «Последняя песня старого Томаса». Соответствует ли легенда действительности, сегодня трудно сказать.

В общей же сложности одних шотландцев в Россию приехало несколько тысяч человек. Станные люди! И что они забыли в «этой стране», где нет ни демократии, ни рыночной экономики? В «тюрьме народов»?

К 1700 году в Московии жило до 50 тысяч европейцев. В ходе Северной войны пленено до 20 тысяч шведских солдат и офицеров. После 1721 года они все могли уехать домой, но 5 тысяч из них не захотели возвращаться в Швецию. Что это за метаморфозы произошли с ними в России?!

Финны и немцы, подданные шведов, после Северной войны тоже остались на завоеванных русскими землях, никто не бежал от «русских захватчиков» в Берлин или Стокгольм.

Если Швеция такая цивилизованная, а Российская империя — «тюрьма народов», то чего же они оставались-то?!

И позже, в XVIII-XIX вв. происходило то же самое: в Россию все время тек ручеек переселенцев из Европы. То совсем тоненький, то превращавшийся в «полноводную реку».

После присоединения Курляндии «трофейные немцы» — до 300 тысяч человек вполне могли уехать в Германию. Но не уехали, навсегда остались в России и по большей части полностью ассимилировались. ^[133]

При Екатерине в Россию въехало еще до 40 тысяч немцев, французов, швейцарцев. Одного из них, барона де Рибаса (в его честь названа Дерибасовская улица в Одессе), давно ставшая русской, урожденная немка Екатерина II как-то спросила: а стал ли и он уже полностью русским?

— Несомненно, Ваше Величество! — браво ответил де Рибас.

Весь XIX век шло переселение поляков, украинцев, белорусов, эстонцев, финнов, латышей, литовцев на восточные территории: в Семиречье, Сибирь, Дальний Восток, в Маньчжурию.

Эти люди тоже выбирали своим местом жительства «тюрьму народов».

Поразительная цифра: 100 тысяч пленных солдат Великой армии Наполеона, имея все возможности вернуться в Европу, остались в России на «постоянное место жительства». До сих пор в России встречаются фамилии Машеров, Машанов, Шевалёв.

Замечу — это ехали в Россию жители цивилизованной, богатой, просвещенной, отчасти республиканской Европы. Ехали в «немытую Россию». Из демократии — в «Страну рабов, страну господ».

100 тысяч извращенцев? Не думаю. Видимо, было в России что-то привлекательное...

А процесс продолжался. Между 1828 и 1915 годами, по статистике, обобщенной Владимиром Кабузаном, ^[134] в Россию иммигрировало 4,2 миллиона иностранцев. В основном, из Германии (1,5 млн) и Австро-Венгрии (0,8 млн). К началу Первой мировой войны наша страна была вторым после США центром иммиграции в мире — впереди Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии.

Но статистика знает не все. Скажем, неучтенными оказались понтийские греки, въехавшие «самосевом». Они вовсе не потомки участников экспедиции Язона за Золотым руном. Большинство переселились к нам относительно недавно — в XIX веке — из турецкой Анатолии и из собственно Греции. Минуя при этом всякий учет и контроль. И так далее и тому, как говорится, подобное...

Притом отметим: одно дело — англо- или франкоязычному

протестанту или католику из Европы перебраться в Соединенные Штаты Америки. Конечно, нелегко бывало, «Титаник» все смотрели,^[135] но по крайней мере человек оставался в привычной ему языковой и религиозной среде.

Что для эмигранта — в сто, в тысячу, в миллион раз легче, комфортнее, чем переезжать на Восток, в неведомую иноязычную православную страну.

Но ехали же, всю историю нашей Родины, от «исхода русских литовцев» в Московию и до 1914 года — поток иммигрантов в Россию не ослабевал!

Отсюда вывод. Опровергающий самой ПРАКТИКОЙ ЖИЗНИ все басни про «жестокое национальное угнетение» в царской России.

Какая Россия — «тюрьма»? Смешно.

Иммигрантов, тем паче иноверцев и иноязыких в «тюрьму народов» никаким калачом не заманишь.

Пришедшие в Империю

Братья-буряты

Можно привести много примеров того, как в Россию переселялись не отдельные беженцы, а буквально целые народы. По сведениям Льва Гумилева, бурятский народ возник именно как часть монголов, которые захотели стать русскими подданными.

В XVII веке Монголию разрывали междоусобицы. Часть исторической Монголии завоевали новые владыки Китая — маньчжуры. Эта Монголия лежала ВНУТРИ территории Китая, ее стали называть Внутренняя Монголия. Князья Внутренней Монголии — вассалы Китая вторгались во Внешнюю Монголию, старались покорить ее огнем и железом.

В 1688 году князья Внешней Монголии собрались на свой съезд-курултай. Они совершенно не хотели идти под власть Китая, но понимали, что отстоять самостоятельно независимость не смогут. Князья были правы в своих худших опасениях: Монголия с этих пор все больше зависела от Китая, ее независимость все больше оставалась на бумаге. Но не самой северной части Монголии!

Уже на курултае некоторые князья решили обратиться к Московии за помощью. Князья севера Монголии сразу же написали письмо с просьбой

дать им русское подданство и стали приносить клятву верности русскому царю. Часть подданных этих северных князей жить с русскими не захотела и откочевала на юг. С юга тянулся поток других переселенцев — монголы бежали в русские пределы от набегов маньчжур.

С тех пор часть Монголии отошла к России. Монголов, которые хотели жить в русских пределах, стали называть «братскими монгольскими людишками», а если короче, то братами, бурятами. И их земли — Братией, или Бурятией.^[136]

Калмыки- ойраты

Маньчжуры стремились завоевать и западных монголов — ойратов.

В начале XVII века часть ойратских тайшей (правителей улусов), будучи не в состоянии сдерживать натиск маньчжур, решила переселиться на запад, на территорию современного Казахстана и Сибири. Для них это было способом сохраниться чисто физически. Но и на новых землях они оказались никому не нужными пришельцами. С ними вели войны казахи и Ногайское ханство. Тогда переселенцы обратились к русскому правительству с просьбой о защите и покровительстве.

Русское правительство выделило ойратам места для кочевания и обещало защиту от набегов ногаев и казахов. Переселившиеся в Россию ойраты получили новое название — калмыков.^[137]

Калмыки заслуживали доверия властей: они честно и храбро служили Государству Российскому. Петр I, уезжая за границу в 1697 году, официально возложил на «Аюку-хана кал-мацкого» охрану южных рубежей Российского государства.

Во время русско-шведской войны был эпизод, когда шведский королевский полк, возглавляемый Карлом XII, был окружен калмыцкой конницей и почти уничтожен, сам король едва не попал в плен.

В войне 1812 года калмыцкие полки в составе корпуса атамана Платова громили конницу Наполеона под Бородино, участвовали в «битве народов» под Лейпцигом, в авангарде русских войск вошли в Париж.

Хакасы — данники кыргызов

На Енисее русские появились в начале XVII века. Там они застали

несколько примитивных государств, созданных кыргызами. Кыргызы были кочевники и воины, а их данники-киштымы — оседлыми или полуоседлыми земледельцами, скотоводами, охотниками и рыболовами.

Кыргызы почитали себя «белой костью», собирали дань со «своих» киштымов и делали с ними, что хотели.

Русские облагали данью пушниной, ясаком и тех и других — и киштымов кыргызов, и самих кыргызов.

Кыргызы ожесточенно воевали с русской властью. Два раза они чуть не взяли Красноярск. Но что характерно: подданные кыргызских ханов не хотели вести войну с русскими. Многие из них принимали русское подданство, хотя прекрасно понимали: кыргызы им такого не простят. Киштымы погибали во время кыргызских набегов, их пытали и превращали в рабов... Но они тянулись именно к пришельцам-русским, а не к своим «привычным» владыкам-кыргызам.

В 1703 году кыргызы, наконец, отчаялись выбить с Енисея русских и решили уйти, перекочевать в Джунгарское (западно-монгольское) ханство. Они попытались увести с собой в Джунгарию и свою ценнейшую собственность, киштымов... Однако киштымы не пошли. Даже уведенные всеми силами старались вернуться. А остальные подали прошение о возможности стать гражданами России. Из бывших подданных кыргызов сложился народ, который стал называться минусинскими татарами или хакасами. Сегодня их больше 70 тысяч человек. Живут на юге Красноярского края и в Хакасии.

Уйгуры: из Китая — в Россию

Тюркоязычные уйгуры известны с раннего Средневековья как коренные жители Центральной Азии от Тибета до Алтая. В свое время земли уйгуров были завоеваны Китаем.^{[\[138\]](#)}

Уйгуры много раз поднимали восстания против китайцев: не могли терпеть национального угнетения и насильственной китаизации. Каждый раз терпели поражение и после каждого поражения просили принять их в состав Российской империи.

Поток беженцев из Восточного Туркестана прекратился только на короткий срок: в середине XIX века появилась надежда, что Восточный Туркестан будет контролировать Российская империя. Уйгуры перестали переселяться в русские земли потому, что надеялись стать русскими подданными, не уезжая с родины. Но Англия (наверное, заботясь о свободе

народов и об их праве на самоопределение?) вынудила Россию отвести свои войска из Восточного Туркестана. Как только стало ясно, что земли уйгуров не отойдут России, как опять потянулась вереница беженцев-уйгуров в Россию.

После победы народной революции в Китае во второй половине XX века был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район. Однако и при власти маоистов национальное угнетение уйгуров продолжалось. Уже в середине XX века около ста тысяч уйгуров бежало из Китая в СССР. Точное число беженцев неизвестно, они старались не раскрывать себя, чтобы китайцы не отомстили их родственникам, оставшимся на родине.

Армяне — в Турции и в России

Армяне — потомки населения древнего царства Урарту. После его падения армянские земли оказывались в составе то Персидской, то Римской империй. Армяне привыкли жить в составе «чужих» империй. Часть территории исторической Армении ненадолго стала ядром полуассального Армянского царства... С XIII века вся территория исторической Армении разделена между Турцией и Персией.

Армянское нагорье неплодородное, почвы бедные. Это заставляло армян с очень давнего времени расселяться в другие страны, где оседали в основном в городах.

На территории России в разные исторические периоды было создано множество армянских поселений, особенно в Крыму, на Кубани, на Дону. Большая часть этих колоний постоянно пополнялись соотечественниками из Армении. Отметим, что в Российской империи православный и армянин мог занимать сколько угодно высокое положение в обществе, а в Персии и в Турции христиан официально считали «гяурами» — «неверными собаками».

Поток беженцев в Россию стал меньше, когда в начале XIX века, после Русско-турецкой войны 1811–1813 годов и Русско-персидской войны 1828–1829 годов. Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Теперь армяне из мусульманских стран бежали не в Россию, а в саму Армению: в ту ее часть, которая находилась в составе Российской империи. Называют разное число этих армянских переселенцев — до 90 000 человек.

[\[139\]](#)

Заметим: бежали армяне не в Европу, не в Соединенные Штаты, уезжали не в Австралию и в Южную Америку. Они перебирались в

Россию, в «тюрьму народов».

Но и эти десятки тысяч переселенцев кажутся каплей в море по сравнению с многотысячным потоком беженцев, хлынувших в Россию в XX веке. Именно в Россию побежали армяне, когда в Турции над ними нависла угроза поголовного истребления.

Дело в том, что в Турецкой империи турки были в основном земледельцами и воинами. Торгово-ремесленные города формировались в основном христианами — греками и армянами. Процветающие горожане-армяне вызывали раздражение турецких националистов. Пришедшая с Запада идея национального государства заставляла турок задумываться: а что делают в «их» стране эти юркие инородцы? Если Турция — страна турок, то она — для турок!

Эту логику хорошо понимали западные державы: идея национального государства и суверенитета нации была им симпатична. Турецкая империя распадалась, и встал вопрос о создании национального армянского государства. Разница в том, что Россия не только вела беседы об армянском государстве и о защите армян. Она действовала!

После поражения Турции в Русско-турецкой войне, по Сан-Стефанскому миру 1878 года русские войска должны были оккупировать Армению на срок, необходимый для создания национального армянского государства. Если бы эти планы были реализованы, то никакой резни армян вообще никогда бы не случилось.

Но Британия, а вслед за ней остальные европейские державы боялись усиления России. Ведь получалось: Россия будет защитником христиан в распадающейся Турции! Ее авторитет и могущество неизмеримо возрастут! Не допустим!

Спасительное для армян постановление о создании их национального государства было отменено Берлинским трактатом 1878 года в результате угрожающего нажима Британии. В самой Англии этот нажим и его результаты прославлялись как величайший дипломатический триумф Англии, принесший «почетный мир».

Что считать «почетным миром», пусть решают сами англичане. Мы же видим: Армения была принесена в жертву на алтарь Британской политики сдерживания России любой ценой. Русские вынуждены были уйти, и теперь турецкое правительство могло делать с армянами, что хотело.

Таким образом, именно демократическая Британия стала главной виновницей возвращения Армении под владычество турок. Именно политика британского правительства привела к нескольким армянским бойням в конце XIX века, в 1909 году, и к страшной резне 1915–1922

годов. И после каждой такой бойни армяне бежали в Россию.

Турецкие солдаты сгоняют армян в тюрьму. 1915 г.

Еще в 1909 году в восточной провинции Турции, в Киликии, губернский совет принял решение о массовом уничтожении армян. Власти раздали мусульманам большое количество оружия и боеприпасов, освободили из тюрем около 500 преступников турецкой национальности.

Жертвами погромов стали около 30 000 человек. Десятки армянских населенных пунктов были разрушены и сожжены. Спаслись только жители сел и городов, которые организовали эффективную самооборону. Опять многие тысячи армян бежали в Россию.

Но это было только начало.

Вступление Турции в Первую мировую войну в августе 1914 года дало, по мнению младотурков,^[140] «уникальный шанс» для окончательного решения «армянского вопроса», то есть полного истребления армян. По словам одного из организаторов геноцида, даже само слово «армянин» должно было навсегда кануть в Лету.^[141]

Турецкое правительство ввело военное положение. Все правильно, шла мировая война. Но, пользуясь этим, правительство опять выпустило из тюрем уголовников и бандитов: с понятным условием, что те примут

участие в резне в благодарность за освобождение. Одновременно началась депортация армянского населения восточных турецких провинций в глубь страны через сирийскую пустыню. Армяне-военнослужащие были отчислены из армии.

Днем геноцида армянского населения принято считать день 24 апреля 1915 года, когда младотурецкие правители приказали собрать всю армянскую интеллигенцию в Стамбуле и депортировать. Многие были в этот же день убиты. Но речь шла не о дне или неделе... Резня армянского населения продолжалась семь лет, до 1922 года. В течение этих страшных лет погибло свыше 1,5 млн армян, остальные бежали или были выселены турками в Месопотамию и Сирию через пустыни, где большинство из них погибло от голода и болезней. Свыше одного миллиона армянских беженцев было рассеяно по всему миру.

Мировые державы опять протестовали... На бумаге. Все они принимали резолюции, гневно осуждавшие геноцид армян. ^[142]

Однако от одних слов армии не останавливаются и от газетных статей банды погромщиков не расходятся по домам.

Позиция Запада, конечно, благородна, и все сказанное характеризует его с самой лучшей стороны. Но вот ведь какое различие... Россия, эта «тюрьма народов» не только подписывала декларации, но и оказывала армянам самую реальную помощь, пока «светочи демократии», в основном, болтали.

В 1915 году Франция, Великобритания и Россия выступили с совместной декларацией, осуждающей уничтожение армян. Из этих трех держав только Россия не болтала — она действительно спасала армян.

В 1915 году Император Николай II не мог полностью предотвратить бойню, устроенную турками (Россия, между прочим, была тогда в разгаре боев с Германией и ее союзниками), но оказал огромную помощь армянам. По личному приказу Государя Императора Николая II, русские войска предприняли ряд мер для спасения армян. В результате действий русской армии (оплаченных жизнями русских солдат) из 1 650 000 человек армянского населения Турции было спасено более 400 000, то есть почти четверть. ^[143]

Свыше 400 тысяч из уцелевших армян нашли убежище в России, в том числе в Восточной Армении — части исторической Армении, вошедшей в Российскую империю.

По поводу численности армян в России есть неплохой армянский анекдот:

«Встречаются президенты России и Армении.
— Сколько живет в твоей стране армян? — спрашивает русский президент.
— Миллиона полтора, — отвечает армянский.
— А у меня их живет три миллиона. Так кто из нас президент Армении?!»
Не настаиваю на цифрах... Тут важна идея, а анекдот мне рассказали сами армяне.

Русские корейцы

Стоило России утвердиться на Дальнем Востоке, и в Империю потоком стали переселяться корейцы. К 1920 году их жило в России до 300 тысяч человек. Фамилии Цой, Хон, Дзю давно уже наши, «русские».

Русские китайцы

В те же времена, в конце XIX — начале XX веков, в Россию въехало до 300 тысяч китайцев. Потомки их живут в России до сих пор.

Ушедшие из Империи

Будет не справедливо не упомянуть о народах, которые не захотели жить в Российской империи, и не попытаться понять — почему они сделали такой выбор.

После поражения Турции и присоединения Крыма к России, из нее в Турцию выехало до 140 тысяч крымских татар. Две трети калмыков в 1771 году ушли в Джунгарию (из этих ушедших до 60–70 % погибли).

Уже упоминались енисейские кыргызы, ушедшие в 1793 году в Джунгарию. Русская власть очень мешала им грабить своих данников.

Но самые болезненные события связаны с исходом из России народов Северного Кавказа. О них надо рассказывать особо.

Адыгейцы

Адыгейцы жили там, где сегодня мы видим только русское население: в бассейне реки Кубань, на побережье Черного моря, по обоим берегам Терека. В ходе Кавказской войны 1817–1864 годов именно адыгские племена последними из народов Северного Кавказа (на 5 лет позже сдачи имама Чечни и Дагестана Шамиля) капитулировали перед Российской империей. После завершения Кавказской войны началась массовая эмиграция адыгов в Османскую империю: мусульмане-адыги уезжали в единоверную Турцию.^[144]

В начале 1990-х годов в Адыгее раздавались громкие призывы «пересмотреть «имперскую политику» России». 28–29 июня 1991 года Областной совет Адыгеи принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Республика была провозглашена как образование, созданное «на основе осуществления адыгской нацией неотъемлемого права на самоопределение». Многие лидеры национального адыгейского движения трактовали это событие как искупление Россией своей исторической вины перед адыгами. В начале октября 1991 года по инициативе лидеров «Адыгэ хасэ» был созван Первый съезд адыгейского народа, который заявил о необходимости самоопределения адыгейцев «через обретение политического и экономического суверенитета в составе России».

В 1997 году Парламент Адыгеи принял Закон «О репатриантах» в надежде на массовое возвращение соплеменников из Турции и стран Ближнего Востока. Однако надежды на адыгскую солидарность не оправдались. В 1998 году в Адыгею вернулось 35 семей адыгов из Косово. Для этой партии было выделено 150 га земли близ Майкопа. Однако не все семьи смогли адаптироваться к кавказским условиям и опять эмигрировали в Косово, несмотря на серьезнейший межэтнический кризис в бывшей югославской автономии.

По различным источникам, численность репатриантов в Адыгее, получивших гражданство РФ, составляет 350–500 человек и получивших вид на жительство — более 1 тысячи человек. Данные цифры показывают, что массовой репатриации адыгов на историческую родину не произошло.

Чеченцы

После окончания Кавказской войны Россия и Турция договорились о переселении части чеченцев в Турцию. Всего набралось 22 500 человек, желающих переселиться, что составляло 20 % от всего населения.

Переселенцам было разрешено забрать с собой все свое имущество, скот и продовольствие, для чего им были даже выделены подводы. По пути следования в российских пределах было дано распоряжение выделять мигрантам бесплатно (!) дрова, пастбища и сено.

Но оказалось, что Турция принять беженцев совершенно не готова. В Турции, в непосредственной близости от границ с Россией, все эти партии переселенцев скопились, образовав огромный стан. Оставшись в открытом поле на целых два месяца, переселенцы стали страдать от наступивших холодов. У многих из них заканчивались запасы провианта, заботливо выданные русским правительством.

После длительного бездействия турецкие власти решили отправить переселенцев в заранее оговоренные места в одной своей пустынной провинции. Однако переселенцы отказались следовать по месту назначения до осмотра этих земель их старшинами. Старшины вернулись и объявили, что земля плохая и малопригодная для земледелия. Тогда переселенцы отказались покинуть свои «лагеря» и, доведенные до отчаяния холодом и голодом, бросились разорять окрестные армянские селения.

В октябре на российскую границу в районе Арапачая прибыло 200 человек переселенцев с просьбой пустить их обратно в Россию на любых условиях. Число обратных беженцев, скопившихся на границе достигло 2600 человек. Русское начальство отказалось принять обратно переселенцев и усилило пограничный надзор.

По-своему решили эту проблему и турецкие власти. Они двинули к границе войска и пушечным огнем заставили переселенцев покинуть пограничный район и под конвоем турецких войск отправиться к Карсу. Одновременно было принято решение о разоружении переселенцев. В одних пунктах оружие было сдано без сопротивления; но обезоруживание в Муше произошло только после небольшого сражения, в котором были жертвы с обеих сторон.

Вкусив досыта турецкого гостеприимства, чеченцы поняли, что стали жертвой чудовищной провокации. Многие из чеченских семейств решают вернуться на Кавказ любыми путями. Большие партии переселенцев стали появляться на российской границе и добиваться своего возвращения на родину. Обращаясь к русскому начальству, они заявили, что раскаялись и согласны поселиться где угодно, даже во внутренних областях России. Хоть в Сибири и на Урале, только бы уехать из Турции. В общем, рвались обратно, в «тюрьму народов», из «свободного мира».

Однако на этот раз, несмотря на бедственное положение просителей, русские власти проявили редкую жесткость и категорически отказали всем.

Евреи

В национальной политике России были и свои темные стороны. При всей ее толерантности и демократичном отношении к живущим в ней народам, было одно почти единственное исключение: евреи. Точнее, верующие иудеи.

Евреи массово вошли в состав Российской империи после разделов Польши в конце XVIII века. Евреям было запрещено выезжать за пределы западных губерний Империи — это и называлось «чертой оседлости». Число евреев, которые могли учиться в государственных гимназиях и Высших учебных заведениях, ограничивалось — действовала так называемая процентная норма.

Еврей-иудей не мог делать карьеру чиновника, евреев не производили в офицеры. Только Временное правительство весной 1917 года полностью сняло все ограничения.

Правда, подчеркну еще раз: ограничивали в правах не евреев как народ, — все ограничения распространялись только на лиц, открыто исповедующих иудаизм. Формально никто не мешал евреям выкрещиваться в православие.^[145] Выкрест мог жить где угодно и заниматься чем угодно. Служить в армии и на госслужбе. Например, один из «туркестанских генералов», герой присоединения к России Средней Азии, «крещенный» еврей по фамилии Кауфман. Предки русских поэтов Фета, Ходасевича и Блока, Ульянова-Ленина по женской линии (а она, как вы знаете, у евреев главная) — вообще раввины.

Но естественно, все равно ограничения вызывали протест. По разным данным, от 1 800 000 до 2 500 000 евреев выехали из Российской империи, в основном в США.

В Белоруссии до сих пор живут близкие родственники недавно умершего американского писателя-фантаста Айзека (Исаака) Азимова. Патологический враг России Ричард Пайпс (Пипер) тоже, кстати, происходит из выехавших из Русской Польши евреев.^[146]

Поляки

После поражение поляков во время восстания Тадеуша Костюшко в конце XVIII века до 100 тысяч поляков выехали из Российской империи в Европу. Правда, половина из них потом вернулась... После поражения

восстаний 1830–1831 и 1863 годов из России выехало еще около 150 тысяч человек. Часть из них были участниками восстаний и опасались репрессий, часть считали себя «цивилизованным европейским народом», который не должен жить в «дикой» «азиатской» России. Однако и из этих уехавших тоже многие возвращались.

Отмечу, что многие поляки тем не менее уезжали не только на Запад, но и на восток, в основном на близкую и понятную им Украину. По одной из семейных легенд, мои предки по отцовской линии как раз пошли от такого поляка-переселенца, некоего «козачка» из свиты польского вельможи, переехавшего в XIX веке из Польши в киевскую область.

Реалии истории и пропаганда

Настаивая на том, что Россия — «тюрьма народов», западные пропагандисты порой упоминают сам факт выезда из Российской империи крымских татар или народов Северного Кавказа. Но они старательно избегают любых конкретизаций. Слишком уж очевидно, что явление это локальное и в общей канве событий далеко не основное. И слишком уж неприглядной выглядит роль Турции — провокатора переселения чеченцев и организатора армянской резни.

Только для адыгейцев Исход стал важной вехой в судьбе народа. Но и для них уход из России обернулся не новым национальным подъемом и не новыми достижениями, а трагедиями и провалами.

Тем более не упоминают наши оппоненты о тех, кто выбирал Россию. Ведь очевидно, что каждый из этих выборов как раз вел к решению важных для народа вопросов и проблем.

В заключение этой части я хотел бы показать тот уровень полемики, на котором Россию обвиняют в рецидивах «имперского сознания» и стараются превратить в международное пугало. Я полностью приведу статью Роберта Пайпса, известного историка, почетного профессора истории России в Гарвардском университете.

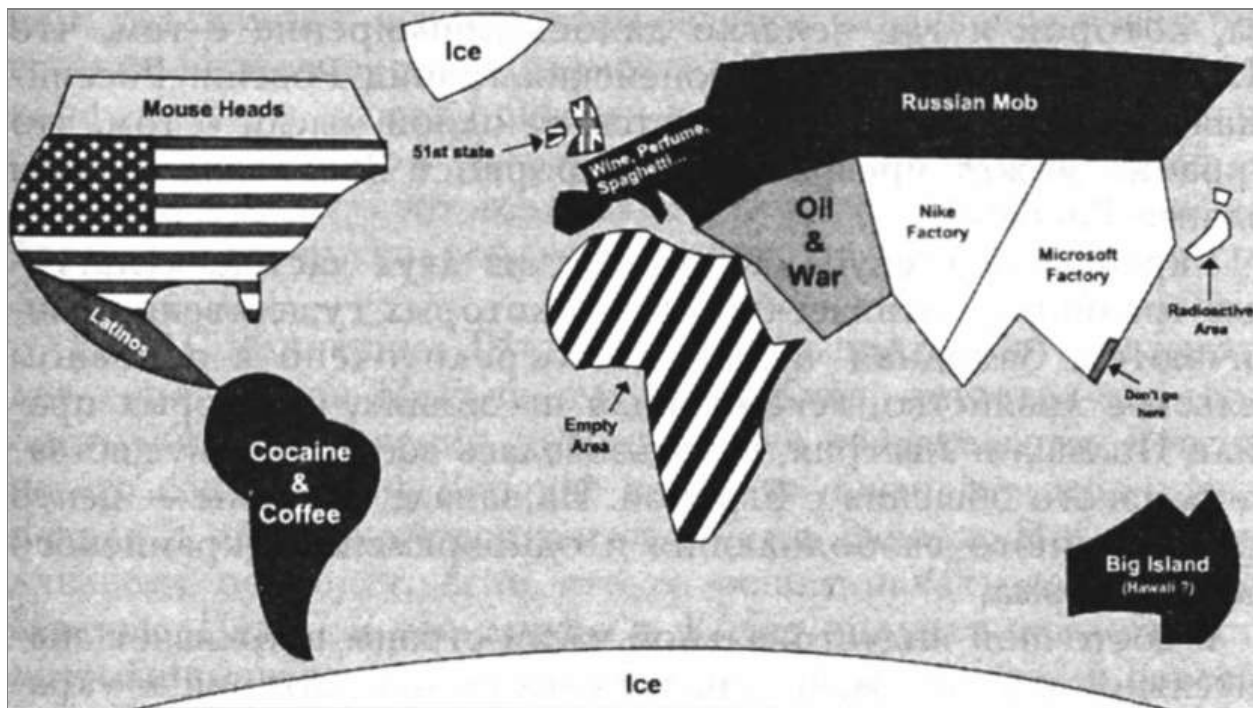
Статья называется ««Большой Брат» и «малые русские»». Напечатана она в «Newsweek», США, 29 ноября 2004 года:

«Российская правящая элита содрогается от одной мысли о том, что Украина может превратиться в форпост Запада на южном фланге России.

Понять, в чем сущность драматических событий, разворачивающихся на Украине с того момента, как там прошли президентские выборы, можно, только принимая во внимание имперские амбиции России и разделение

общества на самой Украине. Русские всегда чрезмерно гордились размерами своей страны. Еще в XVII веке они хвастались перед приезжавшими к ним иностранцами, что Россия даже больше, чем видимая поверхность Луны. В русском языке слово «великий» означает как «большой», так и «могущественный». Такой вот лингвистический трюк и привел их к мысли о том, что они имеют право называть свою страну великой державой.

Коллапс коммунизма и развал советской империи сильнейшим образом ударили по психике русских. Они просто никак не могут привыкнуть к тому, что от них отрезали такую большую территорию и отобрали так много власти. По данным опросов общественного мнения, три четверти русских сожалеют о том, что Советского Союза больше нет, и эта ностальгия по большей части происходит от осознания того факта, что распад советской империи превратил Россию во второстепенную страну, не вызывающую в других народах ни уважения, ни страха. Чтобы как-то с этим справиться, правительство Владимира Путина медленно, но верно добивалось и добивается восстановления влияния России на независимые государства, бывшие когда-то советскими республиками.

The American World

Юмористическая карта «Мир глазами американца». В каждой шутке, как говорят, есть доля шутки.

Для этого применяются самые разные способы, вплоть до экономического давления и отказа выводить российские войска из таких мест, как, например, украинский город Севастополь, в котором сейчас базируется российский Черноморский флот. Такие методы вызвали в некоторых сопредельных государствах резко отрицательную реакцию — например, в Грузии, в дела которой Москва неприкрыто вмешивается, и не вспоминая о том, что у этой страны есть свои суверенные права. Но ни одну потерю русские не переживают с такой болью, как потерю Украины.

Украина — это не только самая богатая и самая густонаселенная из бывших подчиненных территорий. Украина, это колыбель российской государственности. Именно здесь, в Киеве, и сформировалась тысячу лет назад первая российская власть. «Малые русские», как традиционно называют украинцев в России, считаются здесь братьями, и на то, что они отделились и создали свое государство, смотрят как на предательство. Однако это не единственная линия разделения между теми, кто стоит по обе стороны нынешнего конфликта.

Популярный кандидат на президентский пост Виктор Ющенко, который, по заявлению властей, проиграл выборы, занимает явно прозападную платформу, и кое-кто из его сторонников опрометчиво предсказал, что, если он станет президентом, Украина может начать добиваться вступления в НАТО. Эта перспектива совершенно неприемлема для Москвы, которой и так нелегко далось примирение с тем, что НАТО расширилась до европейских границ России. Российская правящая элита содрогается от одной мысли о том, что Украина может превратиться в форпост Запада на южном фланге России.

Украинская республика состоит из двух частей, культурные традиции и этнический состав которых существенно различаются. Западная часть, где сосредоточено в основном сельское хозяйство, веками жила на землях, в которых правили Польша и Австрия, и пользовалась всеми преимуществами близкого общения с Европой. На западе Украины — центр традиционного свободолюбия и одновременно украинского национализма.

В восточной индустриальной части страны проживает значительное русское меньшинство, отношение которой к украинской государственности трудно назвать восторженным. Путин, стремясь поставить Украину под еще более эффективный контроль со стороны России, опирается как раз на

российскую общину и на бюрократический аппарат, пережиток советских времен, который пропитан инстинктивной враждебностью демократии — и по происхождению, и в угоду своекорыстным интересам. На последних президентских выборах премьер-министра Виктора Януковича поддерживала как Москва, так и украинская бюрократия, русское меньшинство и промышленные магнаты, сделавшие состояния на сотрудничестве с московским истеблишментом, в то время как его соперник Ющенко представляет демократические и проевропейские устремления украинского большинства.

На выборах бюрократия, силясь остаться у власти, прибегла к неприкрытым подтасовкам в пользу Януковича, да и Путин, когда не таясь поздравил Януковича с победой еще даже до того, как были оглашены официальные результаты, немного отошел от своей всегдашней осторожности. Это как нельзя лучше показывает, насколько важно для него не дать Украине уйти на Запад.

Массовые нарушения демократических процедур вызвали народные акции протеста такого масштаба, каких не было еще ни в одной из бывших советских республик и о каких и подумать нельзя в России, где население более смирное и готово смириться со всем, что бы ни придумали правители страны. Сейчас возможны два сценария развития событий: если реализуется первый, разгневанное украинское население встанет против русских элементов во власти и вне ее, и эта конфронтация может привести к полномасштабной гражданской войне. Вторым сценарий, гораздо более разумный — компромисс, пересчет голосов и даже, возможно, новые выборы. Каким путем пойдет Украина, во многом зависит от Запада.

Если Соединенные Штаты и Европа продолжают оказывать давление как на Москву, так и на Киев, остается возможность мирного решения, потому что ни правительство России, ни его союзники на Украине не могут позволить себе поспорить с демократическими странами Запада. Но если это давление ослабнет, если кто-то решит начать задабривать Москву, Путин и его друзья в Киеве получат возможность достойно завершить затеянный ими государственный переворот. В результате Украину может ждать распад, и вместе с украинским государством падет и важный барьер на пути дальнейших имперских амбиций России».

Часть VI. Миф о царской России — «тюрьме народов» Выводы

На примере статьи Пайпса хорошо видно, каким именно образом

пытаются представить нас западные «аналитики». Так, они «доказывают», что Россия — «тюрьма народов». Думаю, образованный читатель сам в состоянии дать оценку этому глубоко несправедливому и нечестному тексту со множеством подтасовок и передергиваний.

Если же обратиться к фактам, то мы не найдем примеров «тюремного содержания» ни одного из народов Московии и Российской империи. Таких случаев попросту нет.

Если даже народы из-за застарелой вражды и религиозного фанатизма и пытались уйти из России, это не приносило им решительно ничего хорошего. Исход адыгейцев поставил под сомнение само существование этого небольшого народа. Исход чеченцев превратился для них в грандиозную трагедию.

А на один случай исхода приходится много случаев «прихода». И никогда, ни разу ни один народ не имел оснований пожалеть о том, что выбрал своим местом проживания Россию.

Судьба уйгуров, армян, корейцев, бурятов в России благоприятнее судьбы их сородичей за пределами нашей страны. Это касается и переселявшихся в Россию европейцев. В «цилизированной» Британии шотландцев резали, а в России они становились предпринимателями и генералами. В «прекрасной Франции» ветераны Наполеона скитались нищими, а в России они жили в достатке и уважении и уж по крайней мере не голодали.

Завоевательная же политика России не имеет ничего общего с политикой европейских держав. Завоевывала окрестные земли не «Россия русских», а многонациональное государство. Завоевывала не национальные государства, а разноплеменные империи. Не было в России ни геноцида, ни работорговли, ни истребления завоеванных народов голодом и холодом. Включая в себя другие страны и народы, Россия давала им те же права, что и русским и всем прежним жителям нашей страны. Потому и бежали в нее, потому и становились вчерашние враги строителями общего государства.

Таковы факты. Их можно игнорировать, их можно перевернуть или извращать. Но факты — очень упрямая вещь. Факты доказывают: мрачный миф о «тюрьме народов» создан врагами России и не имеет ничего общего с историческими реалиями.

Часть VII

Миф о русской угрозе

У России нет союзников... Все боятся нашей громадности.

Император Александр III Александрович

«Как известно», Россия угрожает «всему цивилизованному миру».

«Угрожает» экономически и политически. Дикая «Тартария» — Московия — угроза мирным соседям. Ощетинившаяся, донельзя милитаризованная, с перекошенным от злобы дергающимся петровским ртом Российская империя, где каждый дворянин — офицер, а каждый мужик — рекрут, — это угроза мирной и стабильной жизни всех нормальных независимых государств, куда могут дойти по суше бесчисленные имперские полчища. Утыканные ядерными боеголовками, одурманенные идеями мирового идеологического господства Советы — это угроза всей земной цивилизации, это «темная сторона» Луны, «the Empire of Evil».

Возрождающаяся «путинская» Россия еще слаба, ее элита расколота и слишком уж жаждет роскоши и комфорта, слишком хочет образом жизни быть «с Европой». Поэтому рано, казалось бы, говорить о ее «имперских амбициях». Но и «новую Россию» уже пробивает иногда показать нефтегазовые чугунные зубы, хочется ей цапнуть этими зубами, да оторвать кусок пожирнее от мирового пирога. Тем более, что мир привык видеть в русских потенциальных агрессоров, его не надо убеждать, что и вентиль от газовой трубы, и автомат Калашникова сделаны у нас одинаково добротно. Вопрос — в чьих они в данный момент руках.

Россия, общеизвестно, всегда стремилась к мировому господству, и только благодаря сплоченности защитников истинной (католическо-протестантской) веры, западной свободы, демократии и парламентаризма не завоевала его.

Жертвами этой битвы русско-московского монстра против свободы и общества равных возможностей в разные годы пали: «вильна» Украина и гордая Польша, трудолюбивые Прибалтика с Финляндией и свободолюбивые народы Кавказа. В XX веке советская русская чума

захлестнула полмира: от Юго-Восточной Азии до Карибского бассейна. Но в неравной битве добра и «империи зла» русский Дарт Вейдер не выдержал напряжения сил и самоликвидировался.

Но и сейчас его преемник — Россия все еще грозно нависает над малыми странами, расположенными вокруг нее, и как только представится возможность, тут же их завоюет, присоединит, уничтожит. Благородная миссия Запада — помочь этим маленьким бедным странам отбиться от страшного соседа. Во имя справедливости, ради демократии, да и просто из чувства самосохранения Запад должен выполнить эту миссию! Потому что как только Россия проглотит Грузию и Эстонию, настанет очередь следующих.

В это верят. Этим руководствуются. Любая провокация или непроверенный инцидент воспринимаются как «очередное доказательство». Вспомним грузинские события августа 2007 года, связанные с «российским вторжением» в воздушное пространство Грузии.

Эти события происходили на территории Абхазии и Южной Осетии. На Западе эти страны считаются «спорными» между Россией и Грузией. Многие ли на Западе знают, что сами эти страны вовсе не хотят быть в составе Грузии? Что Абхазия, например, имеет не менее древнюю историю своей государственности, чем Грузия? По крайней мере, равноправная подпись представителя Абхазии стоит под Союзным договором 1924 года о создании СССР? Что лишь позже, по требованию грузина Джугашвили она была «включена» в состав Грузинской ССР? Что собственно конфликт между Грузией, с одной стороны, и Абхазией и Южной Осетией, с другой, возник потому, что каждая из них по отдельности хочет быть в составе России? По крайней мере, я говорю не об элитах, а о простых гражданах помянутых Абхазии и Южной Осетии.

Как правило, утверждается прямо противоположное: Россия пытается завоевать эти части бывшего Советского Союза, присоединить к своей «империи». Народы Кавказа отбиваются, и Грузия помогает им, как Старший Брат в сообществе обиженных Россией.

Я пишу эти строки летом 2007 года. Конфликт, который раздувается между Россией и Грузией, — это последний по времени, но далеко не первый случай обвинений в агрессии против соседей в адрес России. Миф о «русской угрозе» очень давний и устойчивый. Без него, пожалуй, и остальные мифы не имеют особого смысла. Подумаешь, нечистоплотные, вечно пьяные русские с их плохими дорогами! Кого напугаешь дикарями? Вот если эти дикари имеют современное вооружение, готовы в любой момент напасть на соседей, тогда это уже очень опасные дикари.

Почему Россия всегда готова и желает воевать? Почему от нее исходит угроза? А потому, что она недемократическая, отсталая и нищая. В недемократичности заложена первопричина агрессии по отношению к окружающим, к тому же мучается русский медведь от комплекса неполноценности, что также пытается компенсировать агрессивностью.^[147]

Попробуем рассмотреть именно этот набор мифов. Для нас очень важно понять, откуда они появились и кому и для чего они нужны.

Глава 1

Древняя Русь — жертва нашествий?

*...И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?*

А. С. Пушкин «Клеветникам России»

Древняя Русь — полное отсутствие мифа

Поразительно, но никто не обвинял в агрессивности Русь в то время, когда она действительно была очень агрессивной, захватнической державой — в VI-XII веках.

Сегодня мы называем Русью всю территорию, на которой обитали племена восточных славян. Это справедливо, но не для любой эпохи.

Во времена Олега до 911 года только шесть известных на этой территории племенных союзов из двенадцати входили в Русь.

Границы древнерусского государства возникли благодаря завоеваниям и добровольным присоединениям Рюриковичами славянских племенных союзов. В 860 году Рюрик прекратил разорять берега Фландрии и Британии. Видимо, именно с этого времени он воцарился в Ладоге. В 862 году он с дружиной захватил Новгород. Завоевание, узурпация власти, разбой — все в духе раннего Средневековья. Это даже вызвало восстание новгородцев (восстание Вадима Храброго).

В 882 году Олег из рода Рюриковичей захватил Киев и перенес в него столицу. Но тогда только одно племя южнее волоков платило дань Олегу. Это были поляне.

Известно и время, когда последнее восточнославянское племя — вятичи, начали платить дань Киеву. Это 964 год. С этих пор уже все восточнославянские племена подчинялись киевскому князю и входили в Древнерусское государство.

Древняя Русь постоянно организовывала грабительские походы на богатых соседей, особенно страдала культурная Византия: в 907, 911, 941,

944 годах.

Но ни в самой Византии, ни в Европе никто никогда не обвинял восточных славян и древних руссов в повышенной агрессивности: слишком очевидно, что их поведение ничем не выделяется из поведения других народов. Русские казались византийским хронистам даже менее агрессивными, чем, например, многие германские племена. По крайней мере, с вождями руссов всегда удавалось «договориться». Так что никакой направленной против руссов пропаганды, относящейся к этому времени, вы не найдете ни в одном источнике, ни в одном историческом и летописном сочинении того времени.

Русь — вечная жертва нашествий

Скажу больше: если разобраться, то вполне объективно можно показать и обратное — вовсе не Русь покоряет соседей. Она сама постоянно становится объектом набегов и грабежей. Строго говоря, это подтверждает и само появление на Руси династии варяжского князя Рюрика.

Судите сами: дружина Рюрика приходит на Русь скорее всего из Скандинавии. Рюрик успел покняжить во Фрисландии, некоторое время он «похулиганил» в Англии. Когда же привел свою дружину на Русь, вид некоторых воинов был «зело удивителен»: ходили они без штанов, в мужских юбках-килтах. Но причины ношения такой одежды вовсе не удивительны для историка: Рюрик привел с собой людей из гордой Британии, а в те времена там не только на севере, в земле Скотов, но и на юге многие ходили без штанов. Штаны были одеждой варваров, штанов не знали ни кельты, ни римляне.

Скандинавское имя носил не один Рюрик, все первые русские князья имеют такие имена. Олег — Хельг, Ольга — Хельга, Игорь — Ингвар. Даже по поводу вроде бы чисто русского имени Владимир, некоторые историки сомневаются: думают, что вообще-то он был Вольдемар, нославяне произносили его по-своему.^[148]

Дружина Олега состояла в основном из людей с именами Фарлаф, Свенельд или Ротволд. Ратибор и Всеволод, правда, тоже упоминаются. Но славян явно не большинство.

Прусы убивают епископа Адальберта.

Фрагмент гнезненских дверей. Прусы-русы, может, и стали бы нашими предками, если бы немцы их всех не перебили. Впрочем, на картинке они сами достаточно успешно расправляются с немецким епископом.

Некоторым ученым историкам давно не нравилась мысль, что первые князья и первая знать всей Руси были варяжского происхождения. Еще Михайло Ломоносов предполагал, что варяги могли быть прибалтами-прусами и пришли с территории современной Калининградской области. [\[149\]](#) Слово «прусы» затем начали произносить как «русы», Рюрик был почти что соплеменником славян, прусским князем.

У большинства ученых-профессионалов много сомнений в этой версии, но у нее и по сей день есть сторонники. А главное, даже если «ломоносовцы» и правы, то ведь и прусы — точно такие же пришельцы на Русь, на бескрайние равнины Восточной Европы, как и варяги.

Поклонники «исторической фантастики», [\[150\]](#) столь обильно издаваемой в наши дни, хорошо знают еще одну любопытную версию происхождения варягов. Мол, варяги — это некий особый военный «орден», некое профессиональное «боевое братство» типа запорожских казаков, интернациональное по составу, но состоящее в основном из самих славян. Служили варяги, как предполагается, по найму на тех, кто больше

заплатит.^[151] Занимались с утра до вечера исключительно «боевой и физической подготовкой» и даже имели специальные внешние отличия а-ля Тарас Бульба: бритый череп со специально оставленным, выкрашенным в синий цвет^[152] длинным чубом. В общем, варяги, пришельцы они или славяне по крови, в любом случае были не единственной «внешней» силой на Руси.

Много их было, пришельцев, и это совершенно не удивительно. Восточная Европа — громадная равнина, открытая всем ветрам, почти без естественных рубежей. Вторгаться на нее можно с любой стороны, кроме, разве что Северного Ледовитого океана. Впрочем, около 800 года и оттуда, обогнув Скандинавию, приплыл завоеватель, некий скандинавский князь Отар.^[153] В сагах очень красочно описано, как варяги пытались завоевать устье Северной Двины, но это у них не получилось: жившие здесь финно-угорские народы завоевателей не любили. Непрошенных «гостей» встречали отравленными стрелами. Варяги уплыли обратно, а современные историки до сих пор пытаются понять, как именно местные горячие финские парни отравляли свои стрелы. Большинство склоняются к тому, что финны травили стрелы разложившейся красной рыбой: яд и в самом деле страшный, и вполне доступный народам, основным промыслом которых была рыбная ловля.^[154]

Впрочем, что мы все о варягах да о варягах? Восточную Европу примерно в III тысячелетии до н. э. сначала вообще, считают историки, завоевали финно-угорские племена. Потом лишь заняли славяне, — и воевали порой они между собой не менее жестоко, чем с финнами.

Был ли Рюрик варягом или пруссом — это не важно, это вторично. Великая заслуга его династии в том, что его потомки объединили эти племена в едином государстве, заложили начало Руси. Рюрик — завоеватель? Да, чертовски полезный завоеватель.

С юга Русь также все время подвергалась набегам степных соседей. Еще до того, как появилось государство потомков Рюрика, скифы регулярно грабили своих северных и северо-западных соседей — земледельцев, живших в лесостепи и на юге лесной полосы. Великий греческий историк Геродот называл их «скифы-пахари». По его мнению, скифы-кочевники были главными, а земледельцы им подчинялись, платили дань, и их племена считались частью примитивного государства завоевателей.

Ф. Шаляпин в роли Варяжского гостя в опере Н. Римского-Корсакова «Садко».

О варягах мы знаем не очень много. В основном лишь то, о чем рассказывается в песнях Варяжского гостя.

Некоторые историки считают, что «скифы-пахари» и есть не кто иные, как прапредки славян. [\[155\]](#)

В III веке до н. э. скифов истребили сарматы, славяне же, напротив, укрепились и сарматам уже дань не платили.

Но новые завоеватели по-прежнему вторгались в Восточную Европу с востока и юга, расселялись на ее просторах и покоряли местные народы. Причина проста: завоевателей манило богатство Восточной Европы, обилие малонаселенных лесов и степей, богатство почв и животного мира. Захватив на территории Восточной Европы кусок земли, гунны, венгры или тюркоязычное племя болгар обеспечивали себе сравнительно безбедное существование. Даже если трудиться самим — трудиться стоило, были для

этого подходящие, как говорится, природные условия. А если завоевать и заставить на себя работать местных жителей, то и совсем благодать.

Еще в I веке до н. э. германское племя готов-готовнов обитало на острове Готланд и на северном побережье Балтики. Там, на их прародине соседями были скандинавские племена.

Во II веке н. э. готы поселились на южном берегу Балтики, в низовьях Вислы. Название польского города Гданьск восходит к более раннему Gutisk-andja — готский берег. Современное немецкое название этого города — Данциг — гораздо дальше от первоначального готского, чем польское Гданьск.

Затем готы двинулись на юго-восток, пересекли всю лесную и лесостепную полосу Восточной Европы. Не такой уж короткий срок, порядка 150 лет (время жизни 6 поколений!) властвовали готы над своими славянскими подданными на территории современных Украины и Белоруссии. Позже то ли сами ушли, то ли их все же заставили уйти славянские племена.

Между 200 и 250 годами н. э. готы захватывают теплое Причерноморье, грабят греческие города-колонии, поселяются в Крыму. Опустошительные набеги их на Римскую империю заставили римлян уступить им частично и на время провинцию Дакия (современная Румыния).

С этого времени в Северном Причерноморье складывается мощный союз племен во главе с королем Германарихом (или Эрманарихом). В этом союзе готы играли главную роль — роль завоевателей и покорителей. Подчинялись им племена сарматов и славян.

В 375 году готский союз племен разгромили гунны, и готы ушли из Причерноморья. Западные готы (вестготы) в 418 году на территории Римской империи создали первое в истории «варварское королевство», то есть примитивное государство первобытного племени. Вестготы отторгли у Рима земли в Южной Галлии и заставили жителей своего государства платить налоги своим королям. Столицей их стал город Тулуза.

К VI веку вестготы завоевали большую часть Иберии-Испании, а племя франков завоевало их собственное государство в Галлии. В 507 году франки взяли Тулузу, и после чего новой столицей вестготов стал Толедо.

В 711–718 годах Испанию завоевали мусульмане, и на этом история государства вестготов закончилась навсегда.

Восточные готы, остготы, после 375 года пошли в двух направлениях. Большая часть их отправилась на запад, в Италию. К 493 году они завоевывают всю Италию. Однако в 535 году им пришлось отражать натиск

огромного войска византийского полководца Велизария. Он сумел нанести ряд поражений остготам, но увяз в бесконечной партизанской войне. Это были страшные, голодные годы: по всей стране ходили армии, засеять земли не имело смысла — или вытопчут посевы, или отнимут урожай. По разным оценкам Италия потеряла до половины населения. Опустевшие города были заброшены, поля начали зарастать кустарником. Византия победила.

Оставшиеся в живых остготы не сдались в плен, — они навсегда ушли из Италии. Часть ушла к франкам и бургундам, но большая часть — обратно в Паннонию, на Дунай, в земли южных славян. Об этих событиях и об участии в них наших предков написал блестящий роман Валентин Иванов. [\[156\]](#)

Как видно, готы завоевывали всех и жили за счет всех, — не только славян. И не только одни готы так поступали.

Племя аваров не имеет ничего общего с готами. Аварский каганат в VI-IX веках занимал земли южных славян и угрожал землям славян восточных. Летописец отмечает, что «из всех людей обры [авары] всех жесточе». Приучая юношей относиться к завоеванным народам как к рабочему скоту, они запрягали в телеги славянских женщин, и молодежь ездила на них — чтобы и мысли не было о скрещивании.

В X веке венгры разбили аваров, и они быстро исчезли, не оставив после себя никакого следа. Это так удивляло современников, что появилась поговорка: «исчезоуху аки обре» — исчезли, как авары.

Готы прошли через славянские земли, но шли они узкой полосой, большая часть Руси не знала завоевателей.

Гунны, венгры, авары и болгары прошли по степной зоне, не углубляясь в леса. Перечисленные народы оказали большое влияние на историю южных славян, а не восточных.

Прочно завоевать славянские земли стремились южные соседи, сумевшие создать устойчивые многолюдные государства.

Хазарский каганат возник на руинах державы гуннов. Лев Николаевич Гумилев считал хазар потомками «гуннов и сарматских женщин». [\[157\]](#)

В VII–VIII вв. хазары покорили несколько славянских племен и заставили их платить дань. Князь Олег (который «Вещий»), как все мы знаем из известного стихотворения, воевал не с только с Византией. Его постоянными противниками были и «неразумные» хазары. «Мстил» им Олег успешно: поляне перестали платить дань хазарам и стали платить ее Олегу.

В 967 году Хазарский каганат окончательно пал под ударами Святослава... И оказалось, что стало еще хуже, так как каганат сдерживал движение хищных орд в Южнорусские степи. Не стало хазар, и в эти степи потоком хлынули печенеги. Печенеги начали с того, что «отблагодарили» Святослава, открывшего им путь на Южную Русь, в степи: в 968 году они осадили Киев. Войско Святослава стояло далеко, в Болгарии. Киев защищала лишь малая дружина да ополчение горожан.

Киевляне послали Святославу письмо такого содержания: «Ты, князь, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою покинул, и нас чуть было не взяли печенеги». Письмо отправил парень, знавший язык печенегов: в предутреннем тумане юный герой спустился с крепостной стены и прошел через их лагерь, спрашивая, не видал ли кто его коня? Конь потерялся...

Святослав вернулся и наголову разбил осаждавших.

Спустя три года Святослав сам погиб от руки печенег. В 971 году Византийский царь велел сообщить печенегам: мол, возвращается Святослав из Болгарии с малой дружиной, фактически только с личной охраной. Те подстерегли князя на порогах Днепра и убили.

Если верить легенде, печенежский князь Куря сделал из черепа Святослава чашу для пиров. По языческой вере князя Кури, испив из этой чаши, он сам мог приобрести качества знаменитого воина Святослава. Об этой чаше рассказывают разное: по одной из множества версий, и по сей день хранится эта чаша в запасниках одного южнорусского музея. По другой версии, чашу подарили одному из сыновей Ярослава Мудрого Мстиславу Удалому и князь предал череп предка огненному погребению.

Раз за разом, в 992, 996, 997 годах печенеги совершали набеги на Русь. В летописях отмечены самые сокрушительные набеги, от которых страдал не один город, не одно княжество.

В Европе печенегов представляли людьми огромного роста и невероятно сильными воинами. Такими предстают они в эпосе французского средневековья — «Песне о Роланде», а также в других литературных памятниках.

На Руси хорошо знали печенегов и никогда бы не представили их такими уж неимоверно грозными: русские часто их били, а за набег устраивали ответные набеги. В 1036 году Ярослав Мудрый окончательно разбил печенегов, их племенной союз распался.

И тут выяснилось: печенеги (также как до них хазары) были заслоном для других степняков — для половцев. В 1068 году половцы одолели остатки разгромленных печенегов и хлынули из-за Волги. Они поступили с печенегами так же просто, как те сами поступали со своими

предшественниками: вырезали до последнего человека и завладели их землями и скотом.

Половцы также совершали набеги на Русь. «Створи бо ся плач велик у земли нашей, и опустели города наши, быхом бегаючи перед враги наши», — записи, подобные этой, появляются в летописях за 1089, 1091, 1097, 1109, 1112 годы.

Половецкие ханы Боняк и Тугоркан даже вошли в русский фольклор. На Западной Украине помнили «Буняку Шелудивого», а Тугарин или Тугарин Змеевич известен любому школьнику.^[158]

Русские не были невинными жертвами грабежа, близкими к святости защитниками своей земли. Не раз и не два русские князья устраивали ответные набеги: такие же жестокие, такие же грабительские, с угоном скота, массовыми изнасилованиями и грабежами.

В XII веке Владимир Мономах обрушивается на половцев. Русская рать врывается на зимние пастбища недрогов. Уйти с этих пастбищ половцы не могут — в других местах трава еще не выросла. Принимать бой им было почти невозможно — лошади отощали, ослабли за зиму. В битве погибли больше 20 ханов, а русские защитники родной земли «взяша бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды, и вежи [поселения] с добытком и челядью».

В том же XII веке русские берут половецкие поселения на Дону, а покоренные половцами народы — ясы-аланы (потомки сарматов) и болгары встречают русских вином и рыбой, — прямой аналог русского «хлебом-солью». Видимо, натерпелись от половцев.

Знаменитое «Слово о полку Игореве» посвящено как раз подобному походу 1185 года. В тот раз половцам удалось истребить русское войско, пленить князя Игоря, а потом ответить на разграбление своей земли удачным набегом на Русь.

Печенеги тревожили своими набегами лишь 5 % территории Руси. Половцы знали разные формы хозяйства: земледелие, скотоводство. Их государственность была прочнее. Теперь уже 10 % территории Древней Руси охватывали их набеги. Армии, по сути, свободно ходили по открытой всем ветрам Русской равнине. Только сила могла остановить другую силу.

Самые «любимые» соседи с юга

В начале XIII века года Русь столкнулась с более страшным врагом: монголами. Их государство было несравнимо больше и сильнее, они могли

предпринимать куда более опустошительные походы. Теперь уже почти половина Руси подверглась постоянным набегам. Последствия этих набегов — запустение самой богатой, цивилизованной и культурной территории — Южной Руси. После взятия Батыем Киева в 1240 году город был выжжен и разрушен. Понадобилось время и недюжинные силы, чтобы восстановить его. Та же участь постигла и Рязань, которую позже отстроили в 12 км от прежнего города. Уже никто точно не помнил, где находился уничтоженный дикарями город.

В эту страшную пору и рождаются легенды о граде Китеже, о блаженной княгине Евпраксии.

«Любимые» соседи с запада

Государственность Руси ослабела в эпоху раздробленности. В «Слове о полку Игореве» слышится страстный призыв к объединению: для автора очевидно, что половцы сильны потому, что слаба Русь, разобщены ее силы. И монголы ведь смогли покорить часть Руси, нанести страшный урон только потому, что князья воевали с ними каждый сам по себе.

Воспользовавшись слабостью Руси, страшным монгольским разгромом, рыцарские ордена двинулись на восток. Они захватили основанный Ярославом Мудрым город Юрьев. Этот город эстонцы называют Тарту, немцы — Дерпт. Но основал его русский князь Ярослав, и назван он по крестильному, христианскому имени князя. Другой же основанный князем русский город — Ярославль назван так по его старинному имени, по языческому...

Только в 1242 году Александр Невский остановил агрессию рыцарских орденов и шведских феодалов.

Однако постепенно большие земли все же отошли к литовцам: русские обычно сами шли «под Литву», чтобы оборониться от татар.

После смерти Галицкого князя Даниила в 1264 году начались «крамолы и междоусобия» бояр в Галиче. В результате его государство распалось.

Польское влияние в западных землях Руси было таким сильным, что некоторые территории перестали быть частями Руси: Польша их ассимилировала. Польский город Пшемысль — не что иное, как город Перемышль русских летописей. Только русских в нем больше нет.

Стоит ли удивляться, что ни полякам, ни римским папам, ни исполнителям их воли — немецким рыцарям XIII–XIV веков не приходило

в голову обвинять русских в агрессивности. Обвиняли в «неправильном» исповедании христианства, в «дурацких и нелепых обычаях» и только. Слишком очевидно, что в XIII веке сама Русь стала жертвой агрессии: с востока и юга от монголов, а с запада — от рыцарских орденов.

Важная закономерность русской истории

Грустный базовый закон свободной рыночной экономики гласит: если у кого-то есть богатство, его обязательно попытаются отнять. Восточная Европа сказочно богата своими природными ресурсами. Поэтому соблазн завоевать эту территорию возникал у соседей много раз. В то же время любой народ, заселивший эту громадную равнину, открытую со всех сторон, в любой момент сам может стать объектом завоевания. Обязательно найдется кто-нибудь, кто захочет отнять эту богатую землю и покорить населяющий ее народ. Единственный способ противостоять «любимым» соседям — стать сильными. Создать государство, которое сможет противостоять агрессии.

Еще более важная закономерность истории

Море отделяет от материковой Европы Британию. Горный узел Альп ограничивает с севера Италию.

В Европе даже самые большие страны имеют подобные границы. Испания, как и Скандинавия, с трех сторон ограничена морем, а с северо-востока отделена от Франции еще и хребтом Пиренеев. Францию ограничивают моря, Пиренейские горы, Альпы, Арденны. Германия лежит к северу от Альп, ограниченная с севера морями. А там, где естественная граница между Францией и Германией слаба, и простираются как раз вечно спорные провинции: Эльзас и Лотарингия.

У Руси естественных рубежей нет. Государство Российское неизбежно будет считаться агрессивным, если станет отвечать ударом на удар. Но в отличие от армий большинства других государств, русская армия далеко не всегда сможет точно сказать, идет она по своей или по чужой земле. Расширяясь, государство Российское никогда не сможет сказать, где ему следует остановиться.

Все рубежи Руси хорошо проходимы. Где бы русская армия ни встала — ни долина тихой речки, ни заметный холм не уподобятся ни морю, ни могучему горному хребту.

Обширность и «доступность» Русской земли для внешних врагов имели и обратную сторону.

Благодаря своему особому территориальному положению Россия сложилась и развивалась как совершенно особая цивилизация.

Особая, поскольку развитие шло практически без ресурсных ограничений: сырьевых и пространственных... В сочетании с православием это формировало совершенно особую культуру — открытую, дружелюбную, любознательную, экспансионистскую, но лишенную этнической заносчивости, в некотором роде даже альтруистичную.

Правда, подобное отсутствие ограничений значительно расслабило и народ, и элиту. Стимулировало скорее пространственную экспансию, «занятие все новых и новых земель, нежели их интенсивное хозяйственное освоение и сосредоточенное, методичное усовершенствование техники».

Но, конечно, это объективные законы истории. А не законы того, как эту историю пишут люди. А есть и закономерности историографии.

Закономерность историографии

Но все же, почему никто не обвинял Русь в агрессивной политике в X, XII, XV веках? Почему, наконец, сейчас никто не говорит об агрессивности Древней Руси?

Начнем с предков. Для людей и X, и XIV веков агрессия государства, войны народов и племен были чем-то совершенно естественным. Наоборот, отказ от агрессии влек за собой обвинение в слабости, а сомнение в силе наоборот только провоцировало агрессивность соседей.

Потомки наших соседей следуют традиции: предки не обвиняли в агрессивности Русь, так и они не обвиняют. К тому же осознают, что Русь долгое время не мешала странам Европы.

Для европейских историков агрессия понимается только как агрессия против Европы. Агрессия против народов Азии? Она важна только в том случае, если затрагивает интересы европейских государств и народов. Например, их колониальных империй.

Потому и расширение пределов Московии на восток в XV–XVII веках никогда не трактовалось как агрессия. Это расширение нимало не интересовало европейцев (!). В те века им и в голову не приходило «защищать» другие народы, обвинять кого-то в политической некорректности или в империализме. Сами европейские страны осваивали мореплавание, готовились строить свои колониальные империи, торговали

негритянскими рабами, чтобы обеспечить рабочей силой свои плантации в Америке... У них самих хватало грехов против народов неевропейского мира, и на фоне их «подвигов» движение границ Московии на восток выглядело еще чем-то очень невинным, в любом случае — малоинтересным.

До XVI столетия интересы Европы и Руси никак не пересекались. Порой Европа прирастала Русью: Польша и немецкие ордена отхватывали куски русской территории. Русь не вторгалась в Польшу, Скандинавию и Германию, не сталкивалась с европейскими державами из-за колоний.

Миф об агрессивной, жестокой, авторитарной и нищей стране возник сразу же, как только появилось столкновение интересов. Миф рождался не сразу, а в несколько «приемов».

Глава 2 Рождение мифа

«Оршанская пропаганда»

Первые политические мифы об агрессивности и злобности русских были созданы в ходе и сразу после Русско-литовской войны 1512–1522 годов. Во время этой войны Московия и Великое княжество Литовское и Русское пытались захватить друг у друга Смоленск и присоединить к своим территориям Смоленскую землю.

8 сентября 1514 года король и великий князь Сигизмунд наголову разбил московитское войско под Оршей. Поражение московитов — это факт. Но, во-первых, результаты оршанской победы поляков и литовцев довольно скромные: по договору 1522 года Смоленск и Смоленская земля остались за Москвой.

Во-вторых, масштабы этой победы и ее значимость сразу же были стократ преувеличены пропагандой.

Современные историки обычно называют 1–2 тысячи убитых с польско-литовской стороны и 5–10 тысяч — с нашей.

Сигизмунд же писал о 30 тысячах убитых московитов, о пленении 8 верховных воевод и 1,5 тысячи дворян.

Ф. Геффельс «Битва при Вене».

Поляки почему-то сравнивали свою локальную победу над русскими в битве под Оршей со знаменитой Венской битвой, остановившей нашествие турок на Европу. Не правда ли, это... перебор.

А главное, основываясь на факте победы, поляки начали создавать негативный образ москвитов. В Польше есть даже такой специальный термин: «Оршанская пропаганда». Москвиты очень дикие и жестокие, утверждали поляки и литовцы. Москвиты хотят завоевать все окрестные земли. Если они захватят их, то разграбят и сожгут, как города Смоленской земли. Ведь москвиты — не рыцари, они не умеют вести войну благородно, как жители Европы. Во всей Европе они хотели бы завести такие же страшные и дикие порядки, как в Московии. Европейцам очень повезло, что поляки и литовцы своей грудью остановили москвитов и не пустили их в Европу.

Если Европа не хочет нашествия москвитов, она должна поддерживать Речь Посполитую. Речь Посполитая может остановить москвитов, потому что ее солдаты — смелые рыцари, защитники Европы.

Результаты этой пропаганды были совершенно несоразмерны военной победе. Ведь, если выгодно, то почему пропаганде и не поверить? Германский император и Ливонский орден опасались возвышения Москвы. Наслушавшись «оршанской пропаганды», император Максимилиан далее разорвал уже созданный было союз с Василием III. Ливонский орден тоже стал признавать главенство Великого княжества Литовского и разорвал торговый союз с Москвой.

Повторюсь, эти стратегические изменения совершенно не соответствовали значению военной победы. За ними стояла не победа оружия, а победа PR.

«Оршанскую пропаганду» и сегодня активно используют некоторые политические деятели Белоруссии, Литвы и Польши. При этом ряд белорусских историков и политиков называют воинов Великого княжества Литовского «белорусами», отождествляя Великое княжество Литовское с современной Белоруссией. Или даже полностью отрицают участие поляков в сражении. Мол, все сделали сами «белорусы».

Создаются и другие политические и исторические мифы: якобы в этой битве погибло не менее 40 тысяч москвитов, якобы Оршанская битва

остановила продвижение московитов на запад, как битва под Веной остановила впоследствии турок-османов, мол, после этой битвы были отбиты у Москвы Гомель, Чернигов и Брянск.^[159]

Впрочем, «оршанская пропаганда» никогда не имела значения для всей Европы, — так, всего лишь набор локальных мифов, действующих только в Восточной Европе, и то не везде.

Ливонская война

Откровенно говоря, Ливонская война 1558–1583 годов была агрессивной абсолютно для всех ее участников. Начала эту войну Московия нападением на Ливонский орден, который, правда, до того много раз сам нападал на русские земли. Ливонский орден мгновенно развалился, и Швеция, Польша, Великое княжество Литовское и Дания одинаково попытались урвать в Прибалтике как можно больше земель. У России даже было больше «исторических» оснований для таких захватов: она искала выходы к морю, старалась присоединить земли Древнего Новгорода.

Но Ливонская война стала источником новой порции черных мифов о России. Московитов обвиняли в страшной жестокости, в несоблюдении законов войны (при том, что невероятную жестокость, по понятиям XXI в., в ходе войны проявляли абсолютно все).

И, конечно же, московитов обвиняли в нападении на Ливонский орден, а потом на Великое княжество Литовское.

Есть большая разница в пропаганде двух стран, сделавших на Руси самые большие территориальные приобретения: Речи Посполитой и Швеции.

Поляки в этой войне придавали огромное значение политической пропаганде. В конце концов, объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в 1569 году означало, что в состав польского государства вошла значительная часть Руси. Были присвоены исконные русские земли. Кто же тут агрессор?! Однако Польша хотела хорошо выглядеть в глазах всей остальной Европы. Польская пропаганда работала на нескольких языках и по нескольким направлениям на всю Европу. И, надо отметить, работала эффективно.

«Стефан Баторий». Гравюра со старинного портрета.

В 1579 г. в его войсках появилась походная типография. Благодаря чуду техники XVI в. весь мир должен был узнать об агрессивности русских (при том, что агрессором тогда была сама Польша).

В 1579 году в войсках Стефана Батория появляется первая в польской истории походная типография. Руководитель этой типографии с простонародной фамилией Лапка получил впоследствии шляхетское достоинство и дворянскую фамилию Лапчинский.^[160]

Придворные литераторы Стефана Батория и его походная канцелярия продолжали традицию «оршанской пропаганды». Пропаганда Батория была нужна для оправдания агрессии самой Речи Посполитой, а в Московии никаких «антиевропейских» планов не было.

Это в Европе, в конце Ливонской войны и в ходе Смутного времени

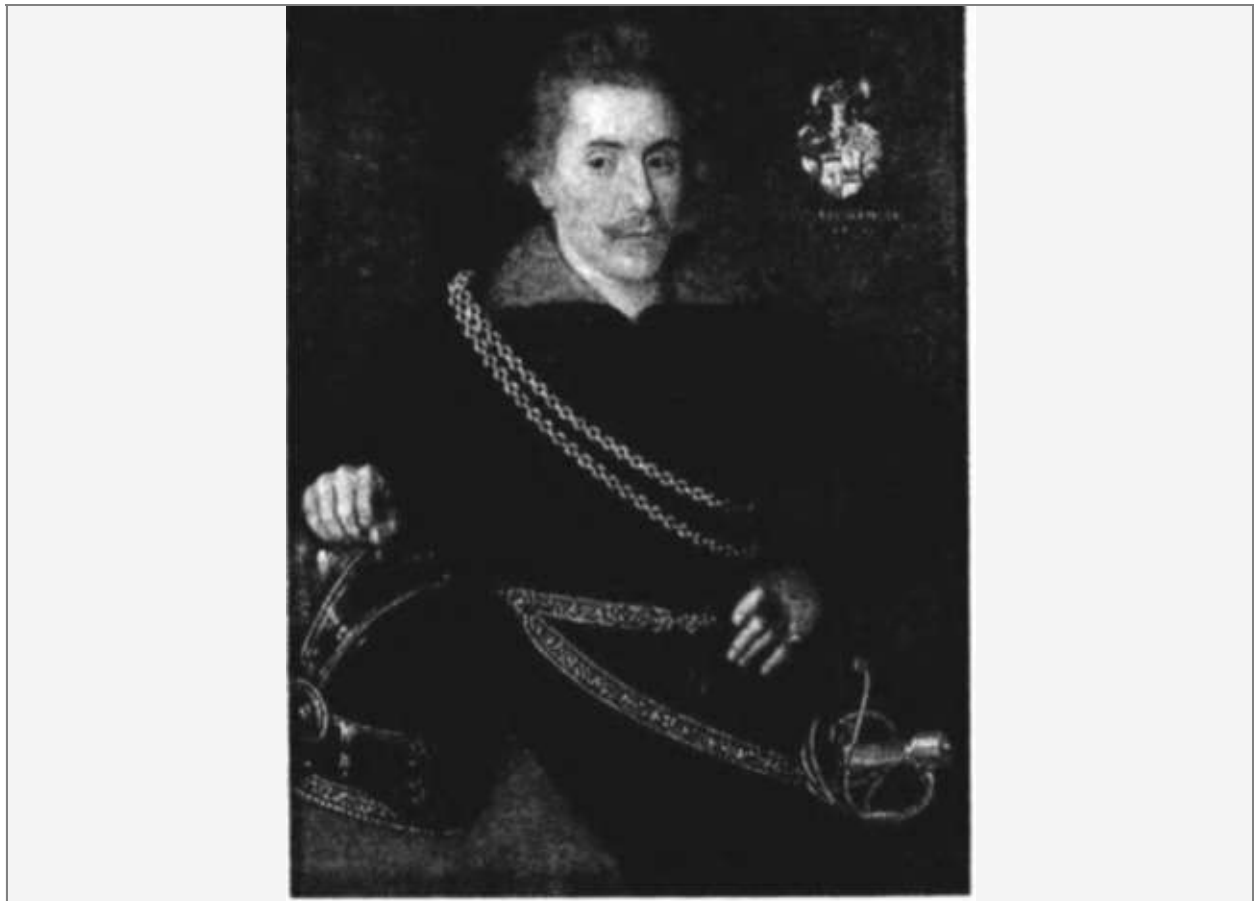
появились первые планы завоевания и расчленения России.

В первой книге «Мифов о России» мы уже писали о планах немецкого авантюриста Штадена. Этот план он предлагал владетельным князьям Германии. План предусматривал завоевание России, пленение и вывоз в Европу Ивана Грозного, установление во всей стране оккупационного режима. Все это представлялось в качестве необходимого «превентивного» удара против агрессивных москвитов.

Шведская пропаганда была намного сдержанней. В ней русских объявляли не агрессорами, а жертвами своей непросвещенности и дикости.

Шведский аристократ Якоб Делагарди прибыл на Русь в 1609 году во главе вспомогательного отряда, который Швеция направила по договору с правительством царя В. И. Шуйского для войны с Польшей. С поляками Делагарди воевал и тогда, и потом. В 20-е годы XVII века он возглавил шведские войска в польско-шведской войне за уже оторванную от России Восточную Прибалтику.

Но и с Россией он вел войну: у Делагарди возник план воссоздать Новгородское княжество под протекторатом Швеции.

«Якоб Делагарди». Неизвестный художник XVII в.

Прибыл на Русь со шведским отрядом, чтобы помочь русским в войне с поляками. В неразберихе вместо этого решил «урвать» для Швеции порядочный кусок русской территории.

К «чести» Делагарди, к русским он относился вполне «вежливо», и свое намерение разделить Русь объяснял не борьбой против русской агрессии, а «историческим стремлением» Северо-Западной Руси к Швеции. Мол, ребята, «у вас тут такой бардак, извините, смута, так что ничего личного, просто бизнес». Он и Рюрика вспомнил, этот образованный аристократ Делагарди, но вот про вечное стремление России кого-то завоевать — ни слова. Да и как бы он доказывал агрессивность Руси, будучи со своим отрядом в Новгороде?

И кто бы ему поверил в Смутное время, когда Русь стала землей обетованной для всяческих европейских авантюристов?

В общем, кричал о русской агрессии громче всех тот, кто больше всех сам наследил на Руси. И тот, кто больше всех Руси боялся.

Московия Романовых — вместе с остальной Европой

В XVI-XVII веках миф о русской агрессии оставался локальным польско-литовским мифом. Польша навязывала его Европе, но получалось не особо хорошо.

В первой половине XVII века Московия воевала с Речью Посполитой, и воевала успешно, присоединив Смоленскую землю. Но во всей остальной Европе это трактовалось, как война двух государств за спорную территорию. «Оршанская пропаганда» так и не настроила Европу против Москвы: Европе было глубоко наплевать и на Смоленск, и на всю «Тартарию» к востоку от него.

В Речи Посполитой, союзном государстве Польши и Великого княжества Литовского, южные русские земли, будущая Украина, оказались в составе Королевства Польского. Православное население Руси жестоко притеснялось поляками-католиками, которые называли православное крестьянство коротко и ясно — быдло, то есть попросту говоря, — скот, скотина. С 1600 по 1640 год на Украине вспыхнуло до ста восстаний со стороны православного населения. С 1648 года отдельные очаги восстания сливаются в единый пожар под руководством Богдана Хмельницкого.

Не будем изображать этого сложного человека как народного заступника и сторонника единого русского государства. С Польшей он начал войну в основном из-за денег и личных обид: худородных Хмельницких затирали богатые магнаты, князья Вишневецкие. Доходило до частной войны: до нападений вооруженных отрядов на имения враждовавших семей. Во время одного из таких нападений враги не только сожгли и разграбили имение Богдана Хмельницкого, но и заporоли насмерть его 10-летнего сына.

История дичайшая, конечно, и ничего кроме жалости к несчастному ребенку испытывать невозможно. Но история очень в духе тех времен. И в духе нравов феодальной вольницы, воевавшей друг с другом отчаянно и жестоко.

По-мужски совершенно понятно стремление Хмельницкого отомстить и расправиться с врагами. Вот, кстати, кто уж отомстил за поруганную честь семьи, так отомстил!

Богдан воспользовался тем, что польская корона не всех желавших казаков включала в так называемые «реестры». Реестровые казаки считались служащими «польской короны» и получали от государства вооружение и жалование. Не включенные в списки, естественно, хотели туда непременно попасть... Война казаков с Польшей первоначально вспыхнула именно для того, чтобы включить в реестр как можно больше казаков. По современным понятиям складывалась довольно забавная ситуация: военнослужащие, не поставленные на воинский учет и лишенные «пенсии», объявляют войну государству, при этом их главное требование — возьмите нас на службу в армию!

Еще появились на волне военных успехов и личные амбиции Богдана: он захотел основать свое государство — то ли Княжество Русское в составе Речи Посполитой, то ли независимое от всех Герцогство Чигиринское. Но начиналась эта война именно с личкой одержимости Хмельницкого, его личных обид на правящих в Польше магнатов, особенно на клан Вишневецких. Не могу не удержаться от констатации очевидного факта.

В общем, и к народу Богдан относился с таким же отвращением, как польская шляхта: после сражения под Берестечком (1651 г.) могилы казаков вырыли отдельно от могил крестьян-ополченцев, ведь казаки считали себя более высокородными, не быдлом и не хотели лежать вместе со «скотиной».

Не в силах один воевать с Польшей, Богдан Хмельницкий заключил союз с Крымским ханом. Разумеется, из всякой междоусобной войны славян друг с другом крымчаки и так извлекали бы свою пользу: набегами,

похищениями людей, грабежами, угоном скота. Но тут было другое: повстанец, русский православный человек, вступил с «поганым» Крымским ханом в СОЮЗ. И с тех пор все сражения, которые выиграл Богдан Хмельницкий, он выигрывал только и исключительно с помощью своих союзников-татар. Стоило этим сомнительным «союзничкам» в очередной раз изменить, и Богдан тут же проигрывал сражение польским войскам.

Наконец, Хмельницкий понял, что победить Польшу не сможет. Он обратился к Москве... Изъявил желание «привести Украину под державную руку Царя Московского». Наши долго сомневались, тянули, топтались, но все же втянулись в войну. Сразу определим, что в те времена никто понятия не имел о таком народе — украинцы. По представлениям и Европы, и Руси, в Московии, и в Речи Посполитой, и в австрийских владениях Габсбургов, в Карпатах, жили русские — люди одного народа.

В октябре 1653 года Земской собор после длительного обсуждения и колебаний согласился считать русских-русинов Речи Посполитой подданными Москвы и выступить на их защиту вооруженной рукой. В январе 1654 года в Переяславле совет- рада провозгласил «вечный союз» между Украиной и Великороссией.

Новыми подданными царя стали 700 тысяч человек. Это число обладает редкой в истории достоверностью. Присяга была принесена «всем русским народом Малой Руси», 127 тысячами мужчин. С домочадцами — как раз 700 тысяч. Между прочим, участники Земского собора понимали, что теперь неизбежно будет война с Польшей, а воевать и оплачивать военные расходы придется им самим (в Москве были собраны и представители купечества). Так и получилось.

Богдан Хмельницкий.

Неоднократно обращался от имени Малороссии (Украины) к Алексею Романову с просьбой «принять ее в состав Российского государства». За что современными украинскими историками считается «предателем национальных интересов».

Украинская война 1654–1667 годов велась между Москвией и Речью Посполитой за территорию Украины. В ходе этой войны Богдан Хмельницкий много раз обманывал своих московских союзников, наводил на них татар, разрывал союз, а уж врал постоянно. Русские войска при том упорно воевали с крымскими татарами, не в силах считать их «своими» даже на время.

В итоге татары обратились к своим стародавним союзникам — к Турции. Турки готовы были защищать татар-мусульман, а к тому же кровавая круговерть на Украине вызывала и у турков соблазн отхватить себе что-нибудь, например, всю Украину.

На войну Московии с Речью Посполитой Европе было глубоко наплевать. Так, захудалая война на краю цивилизованного мира. А вот Турция — это враг всей христианской цивилизации. Турция угрожала не

одной Речи Посполитой и Московии, но и немецким землям по Дунаю и в Богемии. Мгновенно возникла коалиция Московии с Австрией, Пруссией и Речью Посполитой против «общего врага» — Турции.

До 1676 года «оршанская пропаганда» мало кого волновала, потому что никому не было дела до славянских разборок из-за какого-то Смоленска. В конце XVII века Московия понадобилась Европе еще и как ценный союзник.

Турецкая (Оттоманская) империя угрожает Европе. В планы турок входит захватить Польшу, Германию, земли Австрийской империи, в том числе Чехию, Словакию и Венгрию, а также Россию.

Часть этой турецкой агрессии — жестокая, кровопролитная война России с Оттоманской империей в 1676–1681 годах. В ней наша армия оказывается вполне в состоянии бить турецкую.

В конце июля 1677 года сотысячная армия Ибрагим-паши выступила к Чигирину, — город этот оказался политическим и военно-стратегическим центром всей Южной Украины. 3 августа к его стенам подошли турки и союзная армия татар, которая составляла 40 тысяч остро отточенных сабель.

Чигирин отбил несколько штурмов, его защитники даже устраивали диверсионные вылазки в турецкий лагерь. А подошедшая русско-украинская армия под командованием генерала Григория Григорьевича Ромодановского^[161] и гетмана Са-гайдачного в генеральном сражении наголову разбила турок. Поражение Ибрагим-паши было без преувеличения позорным, катастрофическим, потеря армии — полнейшей. Татарам было проще — они унеслись в степь, легко оторвавшись от преследования.

Но вскоре турецкая армия визиря султана Кара-Мустафы опять стояла под Чигирином и приступила к осадным работам.

В итоге разыгралась грандиозная битва, в которой армии то сходились друг с другом, то отдалялись. Был момент, когда Ромодановский, по мнению других воевод, упустил время (буквально несколько часов) для полного окружения турецкой армии. В конце концов, русская армия покинула дымящиеся развалины Чигирина и отступила. Но у турецкой армии уже не было сил воспользоваться возможной победой. Турки какое-то время шли следом, но, что характерно, даже не пытались атаковать. Ведь армия Московии вовсе не бежит, она не разгромлена!

Наши отходят, поле боя осталось за османами. Но русские отходят в полном порядке, с барабанным боем и под знаменами, при появлении неприятеля тут же разворачивают пушки.

И турки не только не нападают больше на армию Г. Г. Ромодановского. После Чигирина они вообще ни разу не напали на Московию! Если даже Чигирин — это поражение, то поражение не в большей степени, чем Бородино. Из-под Бородина русские войска тоже ушли, открыв Наполеону путь к Москве.

На этом турецкая агрессия не закончилась: в 1683 году турецкое нашествие затопило Центральную Европу — Венгрию, земли Австрийской империи Габсбургов.

Получается, Оттоманская империя еще не истощила своих сил, еще готова была воевать, но вот с Московией воевать уже не хотела и повернула на Запад, двинулась на Европу, на Австрийскую империю и Польшу.

Поляки до сих пор гордятся, и справедливо, тем, что Ян Собесский в 1683 году под Веной разгромил турецкие армии, остановил грандиозное по масштабу, грозившее неисчислимыми бедствиями мусульманское нашествие.

Но интересное дело! И «Чигиринские походы» 1677 — 1678 годов в Европе помнят лучше, чем в России. Подозреваю, что проблема в том, что москвиты формально проиграли. Чигиринские походы — важный эпизод войн, которые вели с Оттоманской империей все державы Европы: Речь Посполитая, Австрийская империя, княжества Германии. Христианский мир спланивался против общего и грозного врага. Россия вместе со всей Европой.

И поэтому никто опять не считает Россию агрессором и никто ее не обвиняет в стремлении разгромить Турцию, захватить Крым и отвоевать Причерноморье. С точки зрения Европы, это были глубоко разумные и в высшей степени закономерные желания. Ведь Турция была цивилизационным врагом, форпостом мусульманского мира, и борьба с ней любых христианских государств только одобрялась.

Крым совершенно очевидно стал оплотом работорговцев. До сих пор неизвестно, сколько людей, гонимых шайками людокрадов, прошло через Перекопский перешеек. Историки говорят и о 500 тысячах, и о 5 миллионах человек. Точную цифру уже никто никогда не назовет.

Причерноморье пустовало, потому что никто не мог населить его из-за постоянных набегов крымских татар.

Московия была ничуть не агрессивнее других держав Европы и сама являлась как бы жертвой турецко-татарской агрессии. Это видели и признавали все, включая тех европейцев, которым казались смешны обычаи и традиции Московии.

Новые шаги нового мифа

Новое обвинение москвитов в агрессивности, на этот раз уже подхваченное всей Европой, возникло во время Северной войны Петра Первого 1700–1721 годов. Суть его очень наглядно констатирована Игнатием Гвариентом, бывшим послом Австрии в России, опубликовавшим «Записки секретаря посольства Иоганна Георга Корба». [162] Опубликовал так ловко, что долгое время думали: это собственная книга посла. Ведь называлась она «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом». То есть действительным автором книги был секретарь Корб, но мнимое соавторство самого посла видимо повышало степень доверия к этому произведению.

Корб первым из иностранных авторов подробно описал Россию при Петре I. В бытность свою при московском дворе, Корб не раз встречался с приближенными Софьи и Петра: Л. К. Нарышкиным, Б. А. Голицыным, Е. И. Украинцевым, А. Д. Меншиковым и другими, не раз он видел царя и пировал с ним за одним столом. В числе информаторов Корба был и знаменитый генерал П. И. Гордон.

Наблюдения очевидца, отразившие личность молодого царя, быт и нравы московского двора, ход реформ и их восприятие в русском обществе, имеют большое значение. Ему довелось быть свидетелем одного из самых драматических событий петровского царствования — стрелецкого восстания 1698 г. Исключительно ценно для историков описание Корбом страшного «стрелецкого розыска»; оно находит детальное подтверждение в русских источниках.

Вместе с тем, запискам Корба свойственны те же черты, которые отличают большинство иностранных сочинений о России. В его сочинение вкрались многочисленные ошибки из-за незнания им языка и истории России, а также в связи с тем, что в качестве источников он пользовался исключительно устными сообщениями.

К тому же Корбу изначально было свойственно довольно пренебрежительное отношение к русским. Самим Петром Корб восхищается; его привлекает стремление российского государя к западноевропейской культуре. Но он слабо верит в успех преобразовательной политики царя, чьи подданные — сущие варвары.

Например, почему Петр начал Северную войну? Потому что он — жадный до завоеваний варвар, как и все русские. Дай им волю, они всю Европу захватят.

Книга Корба быстро приобрела большую известность. Ее перевели на английский, французский и немецкий языки. Российские власти отреагировали на ее выход крайне негативно. Резидент в Вене князь П. А. Голицын, считая автором книги самого посла И. Х. Гвариента, не хотел пускать его в Россию. Голицын писал главе Посольского приказа Ф. А. Головину (август 1701 г.): «Цесарь хочет послать в Москву посольство, чего добивается Гвариент, бывший пред тем посланником в Москве; он выдал книгу о состоянии и порядках Московского государства. Не изволишь ли, чтобы его к нам не присылали: истинно, как я слышал, такова поганца и ругателя на Московское государство не бывало; с приезде его сюда, нас учинили барбарами и не ставят ни во что...»

Гвариент пытался оправдаться и писал Ф. А. Головину (24.12.1701): «Молю не винить меня в чужом деле. Я ни словом, ни делом в том не участвовал. Это сочинение секретаря моего, которому нельзя было возбранить... что-либо напечатать, потому что он не здешней стороны, а из другой области...»^[163]

Тем не менее петровские дипломаты настояли на отстранении Гвариента от назначения послом в Россию. К тому же они добились запрещения книги и уничтожения нераспроданной части тиража, что сделало ее библиографической редкостью. И, естественно, сразу повысило интерес к ней в Европе.

Столь болезненная реакция российской дипломатии была вызвана тем, что появление книги Корба совпало с разгромом русских войск Карлом XII под Нарвой. Это поражение само по себе существенно подорвало международный престиж России. А тут еще и обвинение в агрессии. Отметим: никакой связи книга Корба с «оршанской пропагандой» не имела. Обвинение в агрессивности и стремлении присвоить чужие земли вспыхнуло и погасло без следа. Никакого непосредственного продолжения книга Корба не получила.

Такого рода обвинения не вызвало и присоединение к Российской империи Северной Персии в 1722–1723 годах в ходе Персидского похода Петра I.

Миф об агрессивности России не использовался даже во время и после Семилетней войны 1756–1763 годов. А ведь какая была возможность...

Семилетняя война

Вроде, в Семилетней войне можно было легко обвинить Россию в стремлении к территориальным захватам: она воевала не на своей территории и вполне реально могла сделать большие территориальные приобретения. Могла легко «отхватить» и половину Пруссии, вместе с Берлином.

Семилетняя война «выросла» из войн Англии и Франции за колонии. Предтечей этой войны стали вооруженные столкновения французов и англичан в Канаде в 1754–1756 годах. Военные действия в самой Европе для англичан и французов были важны в основном для того, чтобы обезопасить свой тыл. А то ведь главные воюющие страны очень уж близки друг к другу. Кто мешает Франции высадить в Англии десант? Или наоборот?

После «славной революции» 1688 года в Британию призвали на трон герцога Ганновера. Ганновер стал землей на континенте, очень важной для Британии. «Пришлось» ей вступить в союз с Пруссией, чтобы Пруссия стерегла драгоценный Ганновер, прародину британских королей.

Франция хотела захватить Ганновер, Австрия — вернуть захваченную Пруссией Силезию. Естественно, они стали союзниками. Швеция хотела занять Померанию — это еще один союзник Франции и Австрии.

Планам Пруссии позавидовал бы и Наполеон. Опираясь на союз с Англией, Пруссия хотела завоевать Саксонию, а саксонскому королю отдать Богемию (Чехию), которую тоже предстояло еще завоевать. Кроме того, Пруссия хотела присоединить к себе герцогство Курляндское, округлить свою территорию за счет польского Поморья, а всю остальную Польшу сделать своим вассалом.

Российская империя хотела сама присоединить герцогство Курляндское и сделать своим вассалом Польшу. Я столь подробно останавливаюсь на этих малозначительных и полузабытых фактах, чтобы еще раз подчеркнуть: это была, в общем, типичная общеевропейская свара, где сталкиваются агрессивнейшие амбиции... по существу всех участников.

Не нужно быть великим дипломатом, чтобы понять, что Фридрих II — очень слабый политик. Он неправильно оценивал потенциал многих государств, в том числе и России, ошибался в выборе союзников, преувеличивал собственные возможности.

В апреле 1757 года Фридрих оставил 30-тысячный корпус генерала

Левальда в Восточной Пруссии как заслон от русских, а сам с основными силами пошел воевать в Богемии с австрийцами, стремясь разбить их до подхода союзников. Но не успел, и союзники — французы, австрийцы и шведы — напали на него несколькими армиями, принудили отступить.

На фоне этих событий 70-тысячная русская армия вторгается в Восточную Пруссию. Наши берут Мемель, затем громят пруссаков при Гросс-Егерсдорфе.

В сущности, Пруссия уже проиграла войну, Герцогство Курляндия и Восточная Пруссия остаются за Россией. Капитуляция и расчленение Пруссии на несколько частей не состоялось только в силу особенностей русской политики.

Не состоялись потому, что Российская империя внезапно... вышла из войны. Удивительная фортуна для немцев: при выходе из церкви падает без сознания Елизавета Петровна. Она так и лежит около двух часов — ее боятся трогать, потому что медицина того времени запрещает трогать людей, когда у них «удар».

После смерти Елизаветы Петровны престол должен перейти к ее племяннику, Карлу Петеру Ульриху, крещенному в православие как Петр Федорович. Петр Федорович, будущий Петр III, — фанатичнейший поклонник Фридриха Прусского. Все знают, что едва он взойдет на престол, тут же будет союз с Пруссией.

Елизавета лежит на земле... Надо заметить, что в XVIII веке с коммуникациями было несколько сложнее, чем сегодня: ни мобильного телефона, ни банального телеграфа для связи с войсками. Поэтому в действующую армию немедленно скачет гонец и везет весть о возможной смерти Елизаветы. Едва получив это известие, главнокомандующий армией, действующей в Восточной Пруссии, Степан Федорович Апраксин, тут же поворачивает назад, к Петербургу.

Историки до сих пор гадают, кто был Апраксин: изменник? Придворный трус, боявшийся немилости императора больше, чем проиграть войну? Или он участник большого заговора против Петра III?

Ф. Рокотов. Портрет Петра III.

Екатерина была вынуждена максимально дискредитировать своего мужа в глазах потомков. Как иначе она могла объяснить свое появление на троне?

Некоторые историки считают, что заговор был во главе с самим канцлером Бестужевым. В случае смерти императрицы заговорщики не хотят отдавать престол Петру Федоровичу, в их планах — провозгласить императором малолетнего Павла Петровича (он родился в 1754 г.). Екатерина — регентша, канцлер Бестужев — фактически диктатор. Апраксин ведет войска в Петербург, где в случае гражданской войны они окажутся необходимы. Так это было бы или не так, установить трудно, потому что царица Елизавета с земли вскоре встала.

Елизавета оправилась. Апраксин умер во время допросов «с пристрастием», устроенных ему Тайной канцелярией. Канцлер Бестужев по

свидетельству нескольких человек, долгий вечер сжигал в камине какие-то документы (можно догадываться, какие).^[164]

Но история уже изменилась. Не будь этого внезапного прекращения войны, Семилетняя война сделалась бы двухлетней и окончилась бы уже весной 1758 года. А у России оставалась бы как минимум вся Восточная Пруссия.

Однако война продолжилась, армия нового главнокомандующего Виллима Виллимовича Фермора 11 января 1758 года вошла в Кёнигсберг. Пруссак во всей Восточной Пруссии присягнули на верность императрице Елизавете. До окончания Семилетней войны, вернее, до нелепейшего выхода из нее Российской империи в 1762 году Восточная Пруссия четыре года входила в состав Российской империи. Пруссак платили налоги, вели себя совершенно лояльно к «кайзерин Елизавет» и Российской империи. Они совершенно не собирались выходить из ее состава, как только окончится война.

Вообще же война затягивалась. Только летом 1759 года новый русский главнокомандующий П. С. Салтыков начал наступление на Одер, разбил корпус генерала К. Н. Веделя при Пальциге и занял Франкфурт-на-Одере, угрожая непосредственно Берлину.

Наконец, 11 августа Фридрих потерпел еще одно и совершенно полное поражение при Кунерсдорфе. Русская армия отбила все атаки немецкой конницы, а потом перешла в контратаку и нанесла пруссакам сокрушительное поражение. 48 тысяч человек привел на поле Кунерсдорфа Фридрих; 19 тысяч из них так и остались навсегда на этом поле. Множество солдат, как всегда бывало при поражениях прусской армии, разбежалось. Союзники захватили 172 из 248 орудий, привезенных прусской армией под Кунерсдорф. Всего 3 тысячи солдат осталось в бегущей прусской армии, и путь на Берлин был открыт...

Детали этой удивительной битвы, выигранной не столько благодаря таланту или активности русского командования, сколько на энтузиазме, самостоятельности и отважном напоре русского офицерства, по сути взявшего на себя инициативу и вне общего плана сражения обратившего дотол «непобедимого» Фридриха в паническое бегство, — все это ярко живописуется в замечательном фильме «Виват, гардемарины!»

Собственно, по фильму, именно четверка гардемаринов, несмотря на вялое и бестолковое руководство войсками Салтыковым, и выиграла для России эту решающую битву, организовав феерическую конную атаку на командный пункт прусской армии.

Но на этот раз завершить войну решительным ударом помешали

союзники австрийцы: Австрия боялась «чрезмерного» усиления Российской империи. Не только ее армия прекратила наступление, но и ее генералы сделали все, что в их силах, чтобы задержать движение русских войск.

Отметим, что мощи России всерьез испугались не враги, а союзники. Война опять затягивалась, на этот раз вовсе не по вине России.

В этом окончательном периоде войны России принадлежит исключительный успех: в конце сентября 1761 года русские войска взяли Берлин. Оккупация длилась всего две недели, но это ведь была оккупация не чего-нибудь, а столицы вражеского государства!^[165]

Причем немцы и там встречали русскую армию настороженно, но не как страшных врагов. В Пруссии было много сторонников того, чтобы уйти под Российскую империю, — Фридрих с его культом армии и вечными войнами всем изрядно надоел, а тут появилась возможность оказаться в большой и стабильной империи, зажить спокойнее и приятнее.

К концу 1761 года у обескровленной Пруссии уже не было сил продолжать войну. Спорить можно было только о том, каковы будут условия капитуляции и останется ли вообще на карте такое государство — Пруссия?

Но тут опять сказались внутренние события в России: 25 декабря 1761 года все-таки умерла Елизавета Петровна. Давно сослан канцлер Бестужев и прочие заговорщики рангом поменьше. Увы, ничто и никто не мешает германофилу Петру Федоровичу взять власть. Первое, что делает новый император, — прекращает военные действия, и более того — возвращает Фридриху все захваченные прусские территории (включая Восточную Пруссию).

Далее совсем грустно — он придает армии Фридриха корпус генерала З. Г. Чернышова. Мало того, что купленная русской кровью победа не дала никаких результатов, так еще генерал, бравший Берлин, теперь помогал пруссакам «очищать» Силезию и Саксонию от вчерашних союзников-австрийцев.

24 апреля 1762 года Петр III даже официально заключил с Фридрихом союзный договор, окончательно спасая уже погубленную Пруссию.

Пройдет чуть больше месяца, Екатерина II свергнет Петра III и сама сядет на престол. Одним из первых ее поступков будет разрыв союзного договора с Фридрихом. Но дело даже не в этом жалком договоре, — ему исходно была суждена убогая судьба. Дело в том, что российский император Петр III фактически спас Пруссию от полного разгрома. Петр III — «агент влияния», как бы сказали сегодня профессионалы из

контрразведки. Добровольный диверсант, шпион на общественных началах.

В который раз события во всей Европе зависели от внутренней российской политики.

Одно это могло бы породить поток обвинений по отношению к России и русским... в чем угодно.

Россия, воюя в самом центре Европы, показала свою способность громить сильнейшие европейские армии и перекраивать карту Европы.

Всем очевидно, что Россия сыграла главную роль в разгроме Фридриха. Ее уже боятся. Ее уже пытаются остановить. Жители Восточной Пруссии (этнические немцы на 90 %) присягнули на верность Елизавете Петровне — то есть Восточная Пруссия согласилась войти в состав Российской империи. Продли Господь еще на пару лет дни Елизаветы Петровны, и не только Восточная Пруссия, но и Западная, с Берлином, могла бы войти в состав Российской империи. Или стать ее вассальным государством.

И тем более странно, что никаких воплей о «русской угрозе» пока нет. Наверное потому, что в войне участвовали все, и попытки приобрести новые земли тоже делали все.

В общем, объявить Россию большим агрессором, чем другие государства, было сложно. И не угрожала она никому, кроме общего врага. Ну, вот, пока и не объявили.

Полузабытая слава

Увы, еще раз вынужден подчеркнуть: не умеем мы помнить своей славы. Семилетняя война почти забыта, даже профессиональные историки плохо помнят, что это за событие. Если бы не упомянутый выше фильм «Виват, гардемарины!», большинство россиян и вообще не имели бы о ней никакого представления. Так, несколько фраз в учебниках по истории за 9-й класс и только.

А ведь это война очень славная для России.

Во-первых, в этой войне Россия впервые участвовала в европейской политике на равных, как одна из великих держав. Некоторые историки даже считают, что именно в ходе этой войны мы впервые стали субъектом большой европейской политики. Политика велась агрессивными, жестокими средствами. Но это, увы, в духе того времени. Россия ничем не была хуже других, даже выигрывала в чем-то: не зря же немцы в Восточной Пруссии хотели войти в состав Российской империи. А вот

жители Померании входить в состав Швеции никак не просились, и жители Ганновера были в ужасе от французской оккупации.

Во-вторых, европейские державы в этой войне были большими агрессорами, чем мы. И вели они себя намного эгоистичнее. В ходе Семилетней войны у русских сложилось довольно пренебрежительное отношение к европейцам, в том числе и к союзникам. Французов стали называть «лягушатниками» не во время нашествия Наполеона на Россию, а как раз в эту эпоху.

Что же до союзников Пруссии — британцев, то именно тогда появилась одна солдатская песня. Она грубая, но привести ее стоит. Речь в ней идет о герцоге Мальборо, предке Уинстона Черчилля, одном из командующих британской армией.

Мальбрух в поход собрался,
Нажравшись кислых щей.
В походе обосрался
И помер в тот же день.
Четыре генерала
Портки его несли,
А двадцать два капрала
Говно из них трясли.
Его похоронили,
Где рядом был сортир,
А сверху положили
Обосранный мундир.
Жена его сидела
На траурном горшке
И жалобно пердела
С бумажкой в руке.

Дальше следуют еще 5 куплетов, для печати совершенно непригодных. В общем, на русских произвели сильное впечатление трусливость британских войск и непоследовательность их командования.

В-третьих, русские войска в ходе Семилетней войны не раз покрыли себя неувядаемой славой. Ведь именно мы наголову разбили «непобедимого» Фридриха Прусского.

Действительно ли русские наступали вопреки приказам робкого начальства, как это показано в фильме «Виват, гардемарины!», — не

уверен... История о таком эпизоде умалчивает.

Но история много чего сообщает не менее важного.

При Гросс-Егерсдорфе один из немецких военачальников писал, что даже смертельно раненные русские оставались в строю, и в свой последний час целовали стволы своих ружей: прощались с жизнью и с оружием. Солдаты Фридриха вели себя иначе... Именно тогда потрясенный стойкостью русской пехоты Фридрих Великий (а он-то уж знал толк в военном деле!) произнес фразу, которую мы, к сожалению, не помним, а ведь ее ^[166] бы надо на красном кумаче написать и в каждую воинскую часть России: «Русского солдата мало убить. Его надо еще и повалить!»

Ну и в целом, результаты военных действий: Фридриха разбили — это факт! Завоевали часть вражеской территории — факт! Сыграли в общеевропейской войне самую решающую роль — тоже факт!

Сколько оснований горделиво расправить плечи, осознать себя наследниками великих воинов и славных побед! Немцы поставили Фридриху Прусскому памятник и запомнили его как великого полководца (постоянно битого русскими войсками!). А мы как будто и не гордимся Куненсдорфом и Гросс-Егерсдорфом... Да и слова самого Фридриха о русском солдате — величайшую оценку соперника, врага, воина-профессионала — тоже не помним. Стыдно!

Разделы Польши

Даже разделы Польши не стали временем рождения мифа.

Итак, Московия была одной из маловажных стран на окраине цивилизованного мира. Российская империя самостоятельно стала одной из европейских империй. Она совершила то, на что Московия вообще была не способна: победила своего извечного соперника — Речь Посполитую.

Российская империя в 1770-е годы оказывается настолько сильнее Речи Посполитой, что начала делить ее вместе с двумя самыми сильными государствами германского мира — Австрийской империей и Пруссией.

Сначала Россия вообще-то пыталась отвергнуть планы Пруссии о разделе Польши, хотя и не из благородных побуждений. Она хотела бы держать ее в своей и только своей сфере влияния, ни с кем не делиться.

Для того Екатерина II в 1764 году и посадила на престол Речи Посполитой своего любовника, т. е. простите, «фаворита», как принято говорить о коронованных особах, Станислава Понятовского. Был такой расчет — постепенно создать зависимое от Российской империи польское

государство во главе со «своим» королем, но идущее «в фарватере» русской политики.

Шла очередная Русско-турецкая война 1768–1774 годов. Она оказалась затяжной и оттягивала на себя большие русские военные силы. Пруссия активно предлагала разделить «бесперспективное» государство — Речь Посполитую. Притом существовала реальная угроза военного союза Пруссии с Австрией против России, если Российская империя откажется открывать второй фронт. Война с Австрией и Пруссией была уж очень не нужна в тот момент России, поэтому желание срочно улучшить отношения с двумя немецкими государствами и заставило Российскую империю пойти на «мирное соглашение» с ними... За счет Польши. То есть, подчеркну, по российскому плану Польша должна была оставаться единым, крупным европейским государством. При этом в перспективе речь могла идти о некой «унии» с Российской империей, правда, в роли, конечно, «младшего брата и союзника». Но, как говорится, международная обстановка этим планам не способствовала. Для плана «мягкого кооптирования» Речи Посполитой в союз с Россией нужны были мир и стабильность. Стабильности тогда в Европе, как обычно, не хватало.

В 1772 году в Петербурге три державы заключили конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой, и войска каждой из них заняли «свои» территории. Свои зоны оккупации, если называть вещи своими именами. В 1773 году польский сейм легитимно признал частичный раздел страны (а интересно, куда бы он делся?).

С перепугу поляки, наконец, стали укреплять уже почти совсем загубленное ими государство. Конституция 1781 года отменяла положения «шляхетской» Радомской конституции, которой присягнул король. Казалось, Польша вскоре изменится до неузнаваемости. Но не тут-то было!

Напомним, согласно Радомской конституции 1505 года, шляхтич имеет право на конфедерацию, то есть на объединение с другими шляхтичами, на создание своего рода частного государства. Шляхтич имеет право на рокош — официальный бунт против короля и правительства! Европейская история нового времени не знает более прецедентов столь нелепой, доведенной до полного абсурда дворянской «самостоятельности». Яркий пример того, как интересы одной личности, доведенные до абсурда,^{[\[167\]](#)} противопоставленные интересам общего, целого, ведут к развалу страны и трагедии ее народа. При том, отмечу, в действительности, речь, конечно, не шла об интересах и свободах мелкого и среднего дворянства. Шла перманентная борьба за «власть и бюджет» между крутыми магнатами, которые и использовали положения Радомской конституции, чтобы не

допустить усиления какого-либо одного клана, «дорвавшегося» временно до управления страной. Именно им не нужна была сильная королевская власть. Именно магнаты и выступали наиболее яркими защитниками своих «природных прав и свобод». Так они и порешили, что по-прежнему никто не смеет покуситься на эти священные права!

Трое польских магнатов собрались в местечке Тарговцы, под Уманью, и провозгласили Акт конфедерации. Их имена прекрасно известны в современной Польше и вызывают скрежет зубов у поляков. Это — К. Брпаницкий, С. Жевуский, Ф. Щенсный-Потоцкий. Три изменника. Говорят, в общем, этот Акт собственноручно редактировала Екатерина II, а в 1792 году, прямо в день провозглашения Акта Тарговицкой конфедерации, войска Российской империи пересекли границу Речи Посполитой. Вскоре и Пруссия начала «встречную» интервенцию.

Фактически в Польше шла гражданская война, и страны-оккупанты поддерживали одну из сторон.

Речь Посполитая была быстро оккупирована и вскоре Австрия, Пруссия и Российская империя в Петербурге подписали Конвенцию о втором разделе Речи Посполитой.

Зимой 1793–1794 годов было спокойно. А в марте грянуло знаменитое Польское восстание 1794 года под руководством легендарного Тадеуша Костюшко.

Польское восстание началось под лозунгами национальной единой Польши, воссоединения земель, отторгнутых Российской империей, Австрией и Пруссией, заодно, правда, хотели «назад» все земли Украины и Белоруссии.

24 марта 1794 года в Кракове Тадеуш Костюшко провозгласил Акт восстания и произнес текст присяги как диктатор. Он был объявлен главнокомандующим национальными вооруженными силами.

Опомнившись от первых локальных поражений, Пруссия и Россия бросили в бой свои регулярные силы. Суворовские чудо-богатыри делали переходы по бездорожью по 40–60 верст в день. С полной выкладкой и амуницией, весившей до полутора пудов на человека, то есть до 24 килограммов. Шли с пением бравых песен в блестящие лобовые атаки на супостатов, ослушавшихся матушку-царицу. Артиллерия, даже конница часто отставали от пехоты. Против такой армии были бессильны повстанцы Костюшко.

К сентябрю, как писал в рапортах Суворов, «очищены от бунтовщиков» вся Литва и вся Галиция. Полыхают западно- украинские и белорусские земли. 10 октября, спустя полгода после начала восстания,

тяжело ранен и взят в плен Тадеуш Костюшко.

10 ноября столица Польши Варшава капитулировала и бунт на этом закончился.

Памятник Костюшко в Кракове.

В результате восстания поляков под руководством национального героя Польши Тадеуша Костюшко к России дополнительно отошли: Западная Белоруссия и Западная Украина, Литва, Курляндия, латышские земли. Это, правда, не совсем входило в первоначальные планы польского диктатора.

По условиям Третьего раздела Польши 1795 года, к Российской империи отошли все земли, населенные русскими, то есть те, которые называются сегодня Западной Белоруссией и Западной Украиной. Отошла Литва с Вильно, Тракаем и Шауляем. Отошла Курляндия, латышские земли.

Австрия получила Волынско-Галицкие земли с Львовом и Галичем,

великопольские земли с Краковом, историческим сердцем страны, которыми и владела до 1918 года, до развала Австро-Венгерской империи.

Пруссия взяла себе весь запад и север этнической Польши. 26 января 1797 года Екатерина II утвердила раздел Польши и ликвидацию польской государственности, упразднение польского гражданства, упоминания Польши в дворянских титулах.

Вроде бы, вот она — полная возможность обвинить Россию во всех мыслимых и немыслимых грехах. Но нет, не получится. Слишком уж замараны все. Поведение Австрии и Пруссии — поведение точно таких же захватчиков. Если Россия — агрессор, то они кто?

Плакат за чистоту українського мови.

А может, не стоило уступать бесконечным просьбам пана Хмельницкого?

В немецких газетах, правда, писалось, что русские — жестокие варвары, но с определенным акцентом, мол, что полякам в их владениях «намного хуже, чем в немецких». Историй о том, что русские спят и видят, как бы захватить всю Европу, еще не было.

Глава 3

Мифология Наполеона Бонапарта

Карл XII, Гитлер и Наполеон смотрят парад на Красной площади.

— Мне бы такие ракеты, — говорит Гитлер, — я бы дал русским под Сталинградом!

— Мне бы такие танки, — говорит Карл, — я бы показал Петру под Полтавой!

— А мне бы газету «Правда», — говорит Наполеон, — никто бы в Европе и не узнал, что я бежал из России.

Анекдот 1960-х гг.

Политическая демагогия Наполеона

Сомнительная честь выпестовать, сформировать и выплеснуть на страницы книг и газет миф о русской агрессивности принадлежит Наполеону Бонапарту. Как ни пытался этот человек стоять выше всех и поступать исключительно с позиции силы, и он нуждался хоть в каком-то оправдании своих действий. Воевать с самыми обычными государствами, побеждать их и присоединять к своей империи — это одно. Останавливать агрессора и восстанавливать справедливость, согласитесь, — нечто совершенно иное. Значительно приятнее, и, главное, благородно в глазах потомков.

Похоже, действовал и глубоко скрытый комплекс неполноценности: провозгласив себя императором, короновавшись из рук Папы Римского и даже женившись на дочери Австрийского императора, Наполеон Бонапарт прекрасно знал, что по праву рождения (т. е. «по праву» вообще) никак не принадлежит к числу венценосных особ. Другие короли, цари и императоры — царственного происхождения и сидят на тронах легитимно. А он — худородный дворянин с провинциальной Корсики, и его власти требуются объяснения и оправдания, в которых власть других властных особ априори не нуждается.

Бонапарту изначально повезло с «пиаром»: его завоевательные действия прямо продолжали революционные войны 1792–1796 годов. В

представлении большинства французов Бонапарт по-прежнему нес народам Европы освобождение и более справедливый общественный строй. А что сами народы Европы могли думать иначе, во внимание не принималось.

Не зря же в обозе Наполеона по России до самой Москвы везли два изваяния: белокаменные скульптуры Наполеона в тоге и в лавровом венке. Наполеон изображался со свитком законов в руке, властителем строгим, но справедливым. Этаким цезарем? Августом XIX века. Хотя отменить крепостное вправо и ввести в России Кодекс Наполеона Бонапарт так и не рискнул. Но идея не просто войны, а войны за «справедливость» просматривается.

Естественно, сопротивляться введению справедливости могут только очень порочные люди, агрессоры, которые тоже хотят завоевать Европу, но совсем с другой целью: принести в нее свою авторитарность, жестокость и нищету.

А. Гро «Наполеон во время боя на Аркольском мосту (1796 г.)».

Не только величайший правитель, но и величайший мифотворец во французской истории. Этот стройный высокий длинноволосый юноша — тоже, кстати, миф.

Бонапарт гораздо раньше и в гораздо большей степени, чем многие титулованные монархи постиг значение агитации и пропаганды. Лишь только он принял командование Армией Италии, он сразу издал знаменитую прокламацию от 26 марта 1796 года. В частности в ней говорилось:

«Солдаты! У вас нет ни сапог, ни мундиров, ни рубашек. Вам не хватает хлеба, а наши склады пусты. Тем временем у врага все имеется в изобилии. От вас лишь зависит, чтобы всё добыть. Вы хотите и можете это сделать. Итак, вперед!»

Пока Наполеон еще не Император, а скромный генерал Директории. В этой роли он регулярно посылал членам Директории бюллетени — краткие справки о боях и походах.

7 октября 1796 года вышел первый бюллетень в виде печатной листовки: уже не для членов правительства, а для народа. Бюллетень был украшен профилем Бонапарта, увенчанного лавровым венком и императорским орлом, держащим в когтях гром и пучок дикторских розог. Весь бюллетень состоял всего лишь из одиннадцати строк. Он вкратце описывал переправу через Рейн, окружение австрийских войск, названия взятых городов. Простая форма и короткий текст с картинками помогали понять солдатам, в каких славных исторических событиях они только что участвовали. А обыватели видели, какие великие дела совершает армия под командованием Наполеона.

И эту, и все последующие прокламации, разумеется, широко распространяли среди солдат. Бонапарт быстро понял, насколько важна поддержка всего французского народа. Поэтому он предпринял все усилия для того, чтобы прокламации распространялись и среди гражданского населения. Он добивался этого посредством публикаций газет, плакатов и листовок, передаваемых из рук в руки.

Первоначально Наполеон хотел издавать бюллетени регулярно, каждые восемь дней. Вскоре он решил, что лучше делать это реже, но зато уделять больше внимания великим битвам и взятым городам. Быстро сформировалась целая серия бюллетеней Великой Армии. В последующих походах в обзоре армии шли целые походные типографии. Бюллетени

уходили во Францию прямо с поля боя.

Опыт оказался бесценным. Бюллетени выпускали и в кампаниях, которые вел уже Наполеон-Император: в 1805, 1806–1807, 1809, 1812 и даже 1813 годах.

Наполеон, как правило, сам диктовал тексты бюллетеней, а редактировали их секретарь или начальник штаба. Первые экземпляры печатались в полевых типографиях или типографиях ближайших к месту постоя городов. Зачастую у бюллетеней бывало несколько редакций, их печатали разными шрифтами. Затем бюллетени распространялись в войсках, причем младшие офицеры или сержанты читали их вслух перед строем рот. Раздавать бюллетени в виде листовок «на руки» не было принято из-за относительно небольшого их количества.

Затем наиболее удачные бюллетени переиздавали в виде плакатов, которые расклеивали на стенах по городам, прибивали к деревьям в деревнях. С самого начала Наполеон издал указ о перепечатывании бюллетеней государственными типографиями и официальными газетами. И не только в Париже или во всей Франции, но и во всех покоренных или зависимых странах.

В 1811 году Наполеон приказал Александру Бертье собрать все бюллетени предыдущих походов и издать их в виде книги. Тут уже речь шла не об информировании французов о победах Великой Армии, а об укреплении легенды о победах и культе личности Наполеона Бонапарта.

Бюллетени трактовали исторические события так своеобразно, что в войсках скоро появилась поговорка: «Врет, как бюллетень». Но быть упомянутым в нем считалось великой честью даже для генерала или маршала. А солдаты гордились, если бюллетень упоминал их дивизию или корпус.

Под конец Итальянского похода, 20 июля 1797 года, Наполеон основал даже «корпоративную» газету *Le Courrier de l'Arme d'Italie* («Курьер Итальянской армии»). С тех пор в армиях под командованием Наполеона, а затем и во всей французской армии, полевые типографии печатали не только императорские прокламации и бюллетени, но и постоянную военную прессу.

Можно спорить, планировал ли Наполеон уже тогда, в Италии, свержение Директории и приход к власти? Подумывал ли он о том, чтобы сделаться новым императором? Скорее всего, первые мысли о свержении Директории у него возникли под конец Итальянского похода, после ряда блистательных побед. Сам он об этом не рассказывал, а больше спросить не у кого.

В любом случае, у него в руках оказался мощнейший аппарат пропаганды. Аппарат, который он сам придумал и создал и который делал из него живую легенду. И из него лично, и из тех солдат и офицеров, которые были верны Бонапарту и шли за ним. Пропаганда укрепляла связь Главнокомандующего и армии и делала всех участников событий участниками одной пропагандистской легенды.

Пропаганда периода Революции сосредоточивалась на идеалах самой Революции, на борьбе идеологического характера.

Пропаганда периода Консульства и Первой Империи служила интересам лишь одного человека — Наполеона Бонапарта и созданного им государства. Творить такую легенду было не только выгодно, но и жизненно необходимо.

Как мы выше уже отмечали, Наполеон прекрасно понимал, что в отличие от старых европейских династий, сидящих на тронах «божьей милостью» веками, он — не легитимен. В июне 1813 года он заметил в разговоре с Клеменсом Меттернихом: «Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывающим восхищение».^[168]

Узаконить его власть могли только военные победы и поддержка всего французского народа, а она в огромной степени зависела от этих побед.

Наполеон и церковь

Примечательно, что вторгшаяся в Россию «великая» армада, которую составляли люди, называвшие себя христианами, или хотя бы являлись людьми христианской традиции, была абсолютно не религиозна.

При объявлении войны не было во французском войске никакой молитвы о счастливом ведении столь громадной кампании. Наполеон, видимо, был так уверен в своем военном счастье и в силе своих войск, что обращаться к Богу считал совершенно излишним. В громадной армии, где 90 % солдат хотя бы формально считались добрыми католиками, не было ни одного штатного священника. Только гвардейский уланский полк, полностью состоявший из поляков, постоянно держал за свой собственный счет полкового священника.

Христианская церковь, и Римско-католическая, и Православная видели

в Наполеоне злейшего врага. Папа Пий VII, который надеялся, что своим участием в коронации Наполеона он сможет повлиять на режим Бонапарта, вскоре понял, что заблуждался.

Не успев вступить на престол, Наполеон начал запрещать только что им восстановленные католические ордена, обязал все религиозные общества получать разрешения на свою деятельность от государства, сам назначал епископов. Наполеон совершенно не считался с главой католического Рима, а 17 мая 1809 года своим декретом лишил Папу светской власти, присоединил Рим и Папскую область к Французской империи, а самого Папу арестовал и вывез во Францию.

В ответ на это Пий VII отлучил Наполеона от церкви. После этого руки Бонапарта в отношении католической церкви были окончательно развязаны. Церковь должна была превратиться в послушное орудие деспота и освящать его преступную власть. Личность Господа Иисуса Христа должна была быть вытеснена личностью Наполеона. «Мое имя должно жить столько же, сколько Имя Бога», — изрекал Бонапарт. Все, кто был не согласен с таким подходом, подвергались гонениям. Первой против богоборца восстала католическая Испания, оккупированная французами. Во главе испанской «герильи» стояли простые священники, которые вели испанских крестьян на бой с захватчиками с крестом в руках.

Русская Православная церковь осудила Наполеона еще за три года до римского первосвященника. В 1806 году Святейший Синод обличил личность и деяния Наполеона в самых решительных выражениях. В синодальном указе говорилось, что «неистовый враг мира и тишины, Наполеон Бонапарте... отложился от христианской веры», самовластно присвоил себе королевскую власть Франции, явил себя завоевателем и тираном в Европе, подверг гонениям Церковь, восстановил иудейский синедрион, «который некогда дерзнул осудить на распятие Господа Иисуса Христа». В указе сказано определенно, что Наполеон, «отринув мысли о правосудии Божиим...мечтает в буйстве своем, с помощью ненавистников имени христианского... похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя Мессии...»

Пропаганда в действии

Шельмованию своих врагов Наполеон уделял столь же пристальное внимание, как и пропаганде своего величия, могущества своей армии, справедливости ведущихся войн. Французская пресса изображала всех его

противников и внутри страны, и за ее пределами личностями совершенно ничтожными, жалкими, недостойными.

Наполеон постоянно следил за тем, чтобы все французские газеты перепечатывали передовицы и все статьи о войне, о внешней и внутренней политике из главной парижской газеты «Монитор». Газет он оставил всего несколько: «Журналь де Пари», «Газетт де Франс», «Журналь де Л'Амбир», «Монитор», «Меркюр Галан», «Меркюр де Франс».

На всех оккупированных территориях все газеты должны были поступать точно так же. При малейшей попытке вести собственную линию они немедленно закрывались.

Это была первая в мире система управляемой прессы.

Принципы пропаганды Наполеона были просты:

- постоянно «опускать» врагов;
- запаздывать с сообщением плохой новости или не сообщать ее вовсе;
- давать строго дозированную информацию.

До какой степени была выдрессирована им французская пресса, говорит хотя бы такой известный факт. 26 февраля 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба и вскоре с отрядом в 1000 человек высадился во Франции. По мере его триумфального шествия по Парижу резко изменялся тон газет и отзывы о нем. Линия была примерно такая. В начале: «Корсиканское чудовище высадилось в залив Антиб». Через два дня: «Генерал Бонапарт подошел к Лиону». Еще через два дня: «Вчера Его Величество Император прибыл в свой дворец в Тюильри».

Наполеон не ограничивался печатной пропагандой. Был разработан целый церемониал парадов и смотров. Каждое воскресенье во дворце Тюильри в Париже давался смотр гвардейским отрядам, с участием самого Наполеона и многотысячной толпы зрителей — жителей французской столицы, посетителей со всей Франции и из-за границы.

В иных смотрах или парадах участвовало по несколько десятков тысяч солдат. Так было по случаю награждения первыми крестами Почетного Легиона в Булонском лагере, при вручении новых — уже императорских — знамен, императорской коронации в соборе Нотр-Дам в Париже, рождения Короля Рима и пр.

Начиная с 1806 года 2-го декабря ежегодно праздновались годовщины Аустерлицкого сражения; эта дата к тому же совпала с днем императорской коронации. Военные церемонии, хотя и рангом поменьше, давались в дни рождения маршалов и генералов. Наполеон всячески поддерживал подобные традиции.

По его личному приказу лучшие художники Франции и Европы писали портреты самого Наполеона и его маршалов и генералов. Портреты многих выдающихся полководцев впоследствии украшали императорские резиденции Тюильри, Сен-Клу, Мальмезон или государственные учреждения: Государственный Совет, Сенат, Казначейство, министерства и пр.

По его же заказу писали батальные полотна, прославляющие эпизоды из наполеоновских кампаний. Так возникла впечатляющая картина Антуана-Жана Гро «Битва при Эйлау» с центральной сценой ухода хирургов Великой Армии за ранеными — французскими и русскими. Сразу видно, какие они гуманные, эти французские врачи — оказывают помощь и врагам.

А. Гро «Наполеон в госпитале чумных в Яффе». 1804 г.

Беседы с больными чумой солдатами требовало от Наполеона не меньшей храбрости, чем личное участие в боях в

Северной Италии. Если оно, конечно, было.

Кисти того же художника принадлежит и знаменитая картина «Наполеон в госпитале чумных в Яффе». На этом полотне изображен штабной офицер, который с отвращением, не в силах вынести омерзительную вонь, отворачивает голову, прикрывая рот и нос платком. А Бонапарт, изображенный в центре, бесстрашно протягивает свою руку одному из больных. Эта картина заняла особое место в истории военной пропаганды, так как она должна была разоблачить английские обвинения в том, что Наполеон приказал расстрелять всех больных при отступлении из Яффы. На самом деле больных действительно расстреляли, но ведь зрители этого не знали.

Подобные картины в обязательном порядке выставлялись на Парижских салонах, посетителями которых опять же было, в основном, гражданское население.

Роль в деле пропаганды играли и знаменитые миниатюры из Эпиналя. В то время работало много артелей, которые выпускали лубочные гравюры на дереве, сюжетами которых стали Наполеон и его армия. Кроме наивных миниатюр, представляющих в весьма фантастической обстановке битвы у Пирамид или Аустерлица, они выпускали и гравюры-иллюстрации к ставшим уже знаменитыми сериям «Наполеон и его солдаты», представляющим императора и его армию во всевозможных ситуациях. Эти гравюры поступали в широкую продажу, особенно во время ярмарок, раздавались детям в награды за школьные успехи или мелким служащим за прилежную работу. Простолюдины охотно покупали миниатюры и украшали ими свои жилища, а это, в свою очередь способствовало распространению легенды о Наполеоне и Великой Армии.

Бонапарт знал толк и в «монументальной» пропаганде. При нем Париж серьезно перестроили. В круговерти кривых средневековых улочек прорубали новые широкие авеню, построили два моста и канал Сен-Мартен для подачи воды в городские фонтаны. Но, главное, в городе появился целый ряд пышных монументов, прославляющих боевые победы армии Наполеона. Бонапарт стремился превратить Париж в эдакий «второй Рим», столицу еще одной «вечной» империи. Приемы античного зодчества использованы в архитектуре Триумфальной арки, здании Биржи, фонтанов и мостов.

Идеологическая пропаганда Наполеона внушала французам идею особой миссии Франции и непобедимости армии, ведомой императором. Так, поражения маршала Массена в Испании в прессе выдавались за

победы. Поражение в битве при Лейпциге трактовалось так, что становилось неясно, кто же все-таки победил.

Уже во время битвы при Ватерлоо, 18 июля 1815 года, явно проигрывая сражение, Наполеон все же в 3 часа дня отправил в Париж сообщение о полном разгроме английских войск. Опубликовать его не успели, потому что спустя два часа гвардия Наполеона побежала, поражение стало катастрофическим.

О том, как сильно воздействовала пропаганда на людей и какие фантастические представления о мире она сеяла, говорит хотя бы такой факт: уже после захвата Франции союзниками англичане были крайне удивлены. Оказалось, что французы даже не слышали о битве при Трафальгаре, в которой адмирал Нельсон разгромил французский флот. Им об этой битве решительно ничего не сообщили...

В свете политики Наполеона особая роль в создании политических мифов отводилась России. Ведь русские и французы скрестили оружие задолго до 1812 года.

На равных

Российская армия еще до 1812 года нанесла французам несколько тяжелых поражений. С ней волей-неволей, а приходилось считаться.

В начале 1799 года Франция оккупировала Северную Италию. Официальным предлогом была «необходимость» воевать с австрийской армией на ее территории. Реально Франция насаждала везде свои порядки, а заодно грабила все, что только мыслимо разграбить. До сих пор во многих французских музеях есть сокровища, вывезенные из разгромленной Италии.

«Верный союзническому долгу» Павел I Петрович послал сначала 22 тысячи, потом еще 11 тысяч солдат в помощь австрийцам. По настоянию союзников, Павел I вызвал из ссылки Суворова и назначил его главнокомандующим русским экспедиционным корпусом.

В Северной Италии Суворов действовал ничуть не хуже, чем ранее против турок или поляков. Когда французский генерал Макдональд наивно вообразил себя в безопасности, Суворов за 36 часов прошел 85 километров^[169] и так ударил по армии Макдональда, что французы беспорядочно отступили к Реджо, потеряв половину армии.

Стоило французскому гарнизону города Нови только увидеть русских солдат (16 июля 1799 года), как они тут же оставили город и отошли на юг,

спрятавшись в безлюдных горах.

Действуя против французов, Суворов и русская армия проявляли свои лучшие качества — умение делать дальние броски, сосредотачивать главные силы в нужное время и в нужном месте, решительность, невероятную энергию.

*Й. Крейцингер. Портрет Александра Васильевича Суворова.
1799 г.*

Общеизвестно, что энергичный Суворов обычно вставал в 4 утра. Малоизвестно: ложился спать в 8 вечера.

Осенью 1799 года Суворов полностью очистил Северную Италию от французов. По его мнению, пора было идти во Францию, на Париж. Пора закончить войну, и закончить победоносно!

Но повторилась история времен Семилетней войны: усиления России испугались наши собственные союзники. С точки зрения союзников-

австрийцев Суворову было больше нечего делать в Европе. Он, мол, сделал свое дело, разбил французов... Теперь может уйти, а во Францию австрийцы вполне могут двинуться и сами. Чтобы Суворову легче было принять нужное им решение, австрийцы фактически предали русских: вывели свои войска из Швейцарии. Корпус А. М. Римского-Корсакова (26–27 тыс. чел.) остался один на один с превышавшим в два раза корпусом наполеоновского генерала Массены.

Суворов решает двинуться на соединение с Римским-Корсаковым. Австрийцы обещали предоставить полторы тысячи вьючных мулов. Обеспечить русскую армию продовольствием... Ни одного из своих обещаний они не выполнили. В сердце вражеской земли он остался без баз, без продовольствия, без лошадей. Кроме того, союзники ввали, будто от Альтгарфа до Швица есть хорошая дорога. А там вообще не было дороги. Перед русской армией вставали почти непроходимые горы. Австрийцы писали, что у Суворова нет другого выхода, кроме плена.

А Суворов сделал ход, который никто не ожидал: ни французы, ни союзники. Он принял решение перейти через Альпы — перевести всю армию с артиллерией, конницей и остатками обоза по горным тропкам, где и местные жители порой боялись ходить.

Швейцарский поход покрыл имя Суворова неувядаемой славой. Сен-Готард, Унзерн-Лох, Чертов мост — эти названия звучат как музыка для военного историка. Блестящие победы русского оружия, взлет воинской славы, проявления лучших качеств русского солдата! У Чертова моста солдаты Багратиона вскарабкались по почти отвесной скале. Так и лезли на высоту порядка 400 метров, на холоде и страшном ветру. Вскарabкались, на чудовищной крутизне зашли в тыл, ударили по французам, погнали штыками неприятеля. Если верить легенде, то сам Наполеон, узнав о сражении из донесений, воскликнул: «Этого не может быть!»

А оно очень даже могло... В исполнении русских солдат.

Победы — да еще какие! Около Швица сам знаменитый главнокомандующий Массена едва ушел от русских солдат: русский солдатик даже схватил уже было Массену... Да тот вырвался, убежал, и остался в руках у солдата «всего только» эполет от мундира. [\[170\]](#)

Итальянский и Швейцарский походы — слава России, ее достойнейшее прошлое. За эти походы Суворов стал генералиссимусом совершенно справедливо, и русские оставили по себе самую лучшую память.

В Сен-Готарде, с которого начался Швейцарский поход, до сих пор есть домик-музей, в котором жил Суворов. А в день начала Швейцарского

похода, 21 сентября, проводится районный местный праздник: современные швейцарцы отмечают этот, уже очень давний, день. Русских помнят очень хорошо, и не только как славных воинов. Русские никого не обижали, интенданты Суворова за все скрупулезно платили, не то, что австрийцы и французы.

В окрестностях Сен-Готарда много русоволосых, рослых людей с такими... не южными чертами лица. Сами швейцарские барышни это объясняют без особого смущения: нашим прабабушкам нравились русские солдаты!

Это веселый праздник, и приятно, что наших соотечественников помнят так долго, и такими хорошими словами. Только вот почему мы сами так беспамятны?! Почему в России так плохо помнят о Швейцарском походе Суворова, почему не празднуют годовщин сражения у Чертова моста? Что, совсем не гордимся победами наших предков?

Мне довелось как-то гостить в Берне у посла России в Швейцарии, бывшего ректора МГИМО МИД СССР, умницы и большого патриота Андрея Степанова. Он много и с любовью рассказывал, как искренне чтят Суворова швейцарцы, особенно в южной «итальянской» части конфедерации. Хранят реликвии того времени. До сих пор показывают туристам: вот кровать, где ночевал великий полководец, вот за этим столом потчевал, а вот горный ручей, где 70-летний полководец с утра обливался ледяной водой. Только удивительно, говорил посол, что наше государство делает меньше для сохранения этих памятников, чем Швейцарская Конфедерация. А наши туристы, особенно последних, российских времен, уже явно хуже и хуже помнят великие дни, когда русские офицеры, даром, что дворяне, связав своими шелковыми шарфами десяток бревен, под кинжальным «огнем» перебирались по импровизированному «мосту» через пропасть, дабы показать личным примером солдатам: не страшитесь, чудобогатыри, вперед, в штыки! И с ходу атаковали засевших на казавшихся неприступных горных хребтах французов.

Я рассказываю об этих событиях не только потому, что приятно вспоминать наши славные подвиги. Героизм русских солдат, самоотверженность офицеров, гений Суворова имеют самое прямое отношение к политической пропаганде. Франция убедилась, что имеет дело с равным противником. С таким, которого приходится бояться, с которым приходится считаться. Никак не получалось сохранять к русским пренебрежение времен Корба и служилых иноземцев времен Петра.

К тому же корректное поведение русской армии располагало к ней людей, что само по себе делалось пропагандой. А вдруг Россия захочет

присоединить какие-то земли в Европе?! А вдруг местные жители будут вовсе и не против?!

Как и во время Семилетней войны, ТАКУЮ Россию испугались и союзники-австрийцы.

Опасный и грозный враг заставлял Наполеона сосредоточить особое внимание на пропаганде против России.

Как Бонапарт породил миф о русской угрозе

Наполеон установил режим личной диктатуры в 1799 году и провозгласил себя императором в 1804 году. Он последовательно разгромил четыре антифранцузские коалиции.

В круговерти европейской политики Российская империя стала важнейшим участником целой серии антифранцузских коалиций. Именно что важнейшим! Наполеон постоянно и жестоко бил австрийские и прусские армии. Из всех союзников по 2-й коалиции (Британия, Австрия, Турция, Российская империя, Неаполитанское королевство) только две европейские державы наносили ему поражения: Британия и Российская империя.

Британия уничтожила, рассеяла и сожгла французский флот, предназначенный для высадки десанта в Англии. После сражения на мысе Трафальгар (1806 г.) Наполеону пришлось отказаться от быстрого захвата Британских островов.

Русская армия по-прежнему была самым важным фактором, сдерживавшим Наполеона: и Русско-прусско-французской войны 1804–1807 годов, и во время Русско-австрийско-французской войны 1805 года. НИ РАЗУ прусская или австрийская армия сами по себе не добились поражения французской. А русская армия и после побед Суворова билась на равных. Сражение при Прёйсиш-Эйлау (ныне — Багратионовск Калининградской области) в 1806 году окончилось вничью и с примерно одинаковыми потерями.^[171]

Четко видны три этапа русско-французских войн.

Первый этап: Итальянский поход. Он завершился, казалось бы, вничью для российско-австрийской коалиции. Но все столкновения французов непосредственно с корпусом А. В. Суворова неизбежно заканчивались для них плачевно.

Второй этап: Аустерлиц, войны России вместе с союзниками. Этот этап выиграли французы. Но, отметим: русская армия буквально «придана»

австрийцам. Мнение Кутузова, до последнего момента не желавшего начинать битву при Аустерлице по австрийскому плану, полностью проигнорировано, и фактически он отстранен от командования. Поэтому правильнее говорить не о поражении коалиции, а о поражении прусской и австрийской армий, несмотря на «придачу» им в подкрепление русской армии. Точно также мы говорим в 1812 году о поражении французов и лично Наполеона в России, хотя армия его говорила на «двунадесяти языках» и, по сути, была объединенной союзной армией десятка европейских государств. Видимо, не впрок нам были союзники.

Третий этап: Прейсиш-Эйлау — Фридланд, опять ничья.

Это при том, что войны велись на территории Европы! Война шла далеко от дома. Но разбить русских никак не удастся, Россия проводит независимую политику, сближается с Англией, угрожает Франции Наполеона.

Россия была ОПАСНА. Настолько опасна, что Наполеон начал постоянно обвинять ее в агрессии.

«Видите? — говорили его журналисты и литераторы. — Видите, русские опять побеждают. Так они скоро и вообще всю Европу завоюют».

Логика Наполеона принципиально ничем не отличалась от логики поляков времен Московитско-Польских войн за Смоленскую землю.

«Оршанская пропаганда» была обращена против сильного и опасного противника, который к тому же на глазах становился все сильнее и сильнее.

Так же и пропаганда Наполеона была направлена против врага опасного и сильного. Оставайся Российская империя такой, какой была Московия в XVII веке, никому бы она не была интересна.

А тут из «нафталина» было заботливо извлечено «Завещание Петра Великого». Еще в 1797 году о «Завещании» и о враждебности России к Европе писал польский эмигрант М. Сокольников. Тогда на его брошюру мало кто обратил внимание. Но в 1807–1811 годах, готовясь вторгнуться в Россию, Наполеон начал готовить общественное мнение Европы к этому походу. И опубликовал брошюру Сокольниковского большим для тех времен тиражом.

А потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

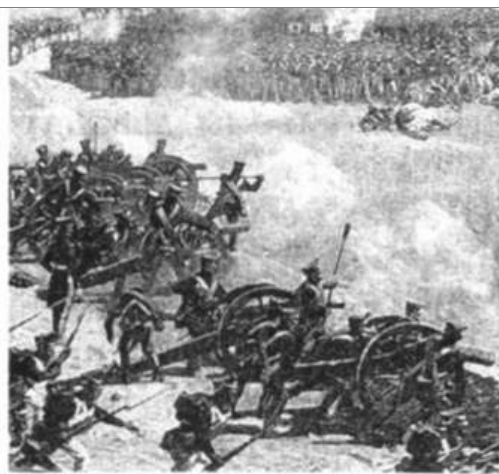
В книге, помимо прочего, было сказано: «Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя».

При этом текст «Завещания» Лезюр не опубликовал, он опирался на сплетни, слухи, домыслы, анекдоты. Главная цель — убедить европейскую публику в наличии агрессивных устремлений российской внешней политики, ее готовности и желания завоевать всю Европу.

Мифы и реальность войны 1812 года

24 июня 1812 года Россию постигло величайшее несчастье: наполеоновское нашествие. Наполеон собрал для русского похода со всей Европы огромные силы — так называемую Великую Армию. По пыльным дорогам Европы, а затем России двигались французские, итальянские, прусские, баварские, австрийские, испанские, швейцарские, голландские, датские, фламандские, польские, венгерские, хорватские воинские части. Поистине, говоря словами Пушкина «не вся ль Европа здесь была?»

Ф. Рубо. Фрагменты Бородинской панорамы

С Федоров «Сражение при Бородине 26 августа 1812 г.». 1858.

Жесточайшая мясорубка войны 1812 г. по-русски называется «Битва под Бородино». Рассматривается как боевая ничья и моральная победа Кутузова. По-французски значит как «Битва под Москвой». Рассматривается как сокрушительное поражение русских войск.

Действительно, в Великую Армию Наполеона вошли полки и батальоны двадцати стран. Французы составляли только четверть Великой Армии, ее основой были немцы и поляки, а также итальянцы, испанцы, португальцы, хорваты, датчане, мамелюки.

Великая Армия насчитывала более 600 000 человек при 1420 орудий. По экономическим, военным и людским ресурсам эта империя Запада превосходила Россию в несколько раз. Вел ее, как считалось, лучший полководец мира.

При всей своей походной актерской вспыльчивости, Наполеон никогда не принимал не продуманных заранее решений.

Он, по меньшей мере, два года готовился к русскому походу. И готовился серьезно, не только отливая новые орудия. Готовилось общественное мнение. Интенсивно работала дипломатия.

К лету 1812 года Наполеон заставил все европейские страны, за исключением Англии и Швеции,^[172] принять участие в предстоящей кампании. Бонапарт добился вступления США в войну против союзника Российской Империи — Англии. 18 мая 1812 года, то есть почти за месяц до нападения на Россию, Соединенные Штаты Америки объявили войну Великобритании. Факт, который, кстати, имел большое значение для сковывания английских сил на море.

К моменту нападения Наполеона на Россию та вела еще и войны с Османской империей. Только благодаря военному и дипломатическому таланту М. И. Кутузова удалось заключить мир с Турцией в самый канун наполеоновского нашествия. Об этом я подробно писал в первой книге, но даже несмотря на этот мир, русскому командованию пришлось держать на южном направлении большие силы. До 30 тысяч человек не удалось использовать против Наполеона.

Из-за медлительности тогдашних средств передвижения Дунайская армия смогла поспеть к театру боевых действий лишь к осени 1812 года, когда главное уже произошло, Наполеон уже ушел из Москвы. По всем фронтам — блестящий успех дипломатии Наполеона. Отличнейший расчет. И только Михаил Илларионович оказался в состоянии почти лишить Наполеона преимущества затащить Россию «в войну на 2 фронта».

Что же до пропаганды...

У нас до сих пор принято считать войну 1812 года эдакой рыцарской, красивой, благородной. Противники в красивых мундирах сходились на обширных полях. Шли друг на друга в рост. Не бежали, а именно маршировали. Плотные белые клубы дыма вылетали из дул орудий, стрелявших, правда, черным порохом, и постепенно образовывали над полем боя живописные облака.

Пока армии сближались, огонь пушек и ружей выводил из строя не так уж много людей. У Льва Толстого прекрасно описаны реалии того времени: стоит только появиться раненым, и тут же слышен крик: «Носилки»! И раненых действительно уносят, огонь редко мешает санитарам. И не так много раненых, чтобы их не успеть выносить.

Стреляя друг в друга чуть ли не в упор, сойдясь в штыковом бою, враги обычно в самом сильном остервенении не добивали раненых противников, не мешали выполнять свой долг врачам и санитарам. Если поле боя оставалось за победителем, а побежденные быстро отступали, победители хоронили погибших врагов в братских могилах, а раненым оказывали помощь наравне со своими собственными ранеными.

Все это так. Разумеется, всегда бывали нарушения рыцарских законов ведения войны, но было их не так много. Есть норма, а есть исключения. Пропаганда всячески подчеркивала заботу военачальников о солдатах своих и чужих, гуманизм и «отеческое участие». По традициям рыцарской войны, военные действия обставлялись как грандиозное шоу и одновременно как спортивное состязание. Отмечать мужество врагов, их силу и преданность воинскому долгу считалось хорошим тоном. Лев Толстой даже посмеивается над церемонией вручения французских орденов «самоу храброму русскому солдату», а русских наград — «самоу храброму» французу.

Но ведь лучше такое забавное шоу, чем реалии Вердена и Сталинграда. После ужасов войн XX века кампания 1812 года порой кажется нашему современнику какой-то идиллией.

Все так! Все было, было, было... Были раненые, оставленные на попечение французов после сражения при Смоленске. Был русский генерал Милорадович, кричащий атакующим гренадерам Даву:

— Молодцы французы!

И обернувшись к своим:

— Как идут, шельмы, а?! Молодцы!

И опять повернувшись к противнику, опять по-французски:

— Молодцы, французы! Слава! Виват!

Гренадеры с длинными закрученными усами, в ярко-синих с золотом мундирах молча шли под барабанный бой. Полыхали столбы пламени из жерл орудий, мерный грохот давил на уши. А что? Яркие мундиры, яркие краски средне-русской осени, плотный белый дым, алая кровь на зеленой травке. Красиво, ярко, и всегда находятся любители таких зрелищ. Недаром сюжеты войны 1812 года — любимая тема для наших и французских исторических клубов, специалистов по «игровым» историческим реконструкциям.

Не так уж сильно грохотало, голос Милорадовича, возможно, и был слышен. И крик боевого генерала, высоко оценивающего, чуть ли не вдохновляющего своим криком атаку противника был воспитывающим явлением, формирующим отношение к тому, как «должно быть».

Все так. Но только, повторяю, вторглись в Россию, во-первых, вовсе не одни французы. Русская пропаганда совершенно справедливо говорила о «нашествии двенадцати языков». Во всей 600-тысячной Великой Армии было их от силы тысяч 150. Многонациональное сборище общалось на странном армейском жаргоне, на основе французского, но с включениями слов из разных немецких диалектов, польского, испанского, итальянского языков.

При бегстве Наполеона из России многие офицеры этой армии отбились и остались в России. Прибывались они и к помещичьим имениям, дворянским гнездам. Настоящий французский офицер... Это же прекрасный гувернер, он научит Петеньку и Коленьку французскому языку и хорошим манерам, французскому изяществу и высокой культуре. А очень часто пленный или беглый ветеран Великой Армии был фламандцем или немцем из Гамбурга, который за годы жизни в казарме и свой родной язык подзабыл, и французского толком не выучил, говорил на кошмарном грубом жаргоне, сморкался в два пальца, жрал руками, зато ругался на пяти европейских языках.

Тоже идиллия по-своему: наполеоновский ветеран отдыхал и отъедался, реализовывал свой отцовский инстинкт в общении с барчуками, честно учил, чему умеет... И совершенно не был виноват, что французский язык Коленьки и Петеньки сильно отличался от языка Дидро и Рабле. Помните эту иронию Грибоедова про «смесь французского с нижегородским»? В общем-то, и сам французский, вспомним, был в России «великой смесью», этакий текс-мекс из европейских языков.

Ну и, во-вторых, солдаты Великой Армии подвергались массовой пропаганде. У них был довольно своеобразный взгляд и на Россию, и на то, что они в ней делают.

Антирусская пропаганда Наполеона

Готовясь к нападению на Россию, Наполеон не просто вел очередную военную кампанию. Речь шла о последнем завершающем этапе создания «универсальной империи», то есть полного владычества Франции в Европе, фактически — мирового владычества.

В преддверии 1812 года Наполеон произнес: «Через три года я буду властелином мира, остается Россия, но я раздавлю ее». Эти слова были прекрасно знакомы солдатам его армии. Они шли в последнюю независимую страну континентальной Европы. Впереди еще Британия, но ее давить будут другие: флот. Россия — последняя непокорная страна, в которую необходимо идти походом. Раздавим ее, воцарится Наполеон Бонапарт в Кремле, как новый русский царь, сделает Российскую империю вассалом Франции, и можно будет отдохнуть от почти беспрерывных войн и походов, продолжавшихся с 1792 года.

Ядро армии Наполеона — французы-офицеры. Это были тридцатипятилетние, сорокалетние мужчины, которые провоевали всю свою жизнь. Двадцать лет под ружьем. Как им хотелось отдохнуть!

Солдаты Великой Армии твердо знали, что пришли в варварскую полудикую страну и что они несут в нее свет самой лучшей в мире культуры — французской. Что их ведет величайший полководец всех времен, сопротивляться которому — дикость, нелепость, вред, отступничество от цивилизации и чуть ли не преступление.

«Для победы необходимо, чтобы простой солдат не только ненавидел своих противников, но и презирал их», — так говаривал Наполеон. Так вслед за Наполеоном рассуждали его генералы.

Простой солдат презирал и Россию, и русских. Он был воспитан в этом презрении. Он знал, что русские — опасные полудикари, рабы своего начальства, враждебные Европе, всегда угрожавшие Европе. Победы они, и тут же принесут всюду страшные нравы русского мужлана.

Есть очень интересные исследования, показывающие: пропаганда Наполеона считала ислам более совершенной, более «цивилизованной» религией, чем русское православие.^[173]

Результаты пропаганды в действии

С самого начала вторгшиеся завоеватели вели себя с местным населением как новые хозяева с рабами. Как банда грабителей, имеющих

полное право брать все, на что упадет их глаз. Конечно, похоже они вели себя и в Германии, и в Испании, и в Италии. Но в России поведение завоевателей было еще помножено на учение о примитивности русских, их грубости и невежестве и на страхе перед русской агрессией.

Уже в Литве итальянская и баварская солдатня вырубала садовые деревья, растаптывала огороды. Никакой военной необходимости в этом не было, солдаты демонстрировали свою власть и стремились причинить местным жителям как можно больше неприятностей.

В городе Урдомине они разграбили все, что попадало под руки, разогнали учеников лицея — мальчиков лет 12–14, а в католическом соборе поместили солдат.

В 20 верстах от Урдомина отряд баварских немцев ограбил местечко Сомно, причем из тамошнего костела взял 4500 рублей, собранных на ремонт церкви.

Это — еще в католических областях, только еще войдя на Русь. В смоленском селе Одинцово исчезла треть населения: кто бежал в леса, кого закололи штыками при попытках защищать свое достояние, кого увели с собой в качестве рабов.

Мародерство Великой Армии оказало самую дурную услугу Наполеону, оно толкало множество русских людей в партизаны. Кто и не пошел бы из патриотических чувств, тот пошел, чтобы сопротивляться насилию и грабежу. Как писал историк Е. В. Тарле: «Разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародерами и просто разбойничавшими французскими дезертирами было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем».^[174]

У нас до сих пор считается, что армия Наполеона, в отличие от немцев в 1941 году, была все-таки цивилизованная, культурная. Это потом, после пожара Москвы, она превратилась в сборище мародеров и дезертиров.

Но это не совсем так. Армия Наполеона с самого начала была готова грабить все, что только возможно. Только на первом этапе войны грабеж шел более организованный.

У нас до сих пор в описании войны упор делают все же на благородном характере сражений и обращения с пленным и раненым врагом. Такова война даже в изображении великого реалиста Льва Толстого. Такова она и в блестящем фильме С. Ф. Бондарчука.

Это было. Но за красивым фасадом скрывается другой — темный и безобразный. О нем почти не говорят, почти не пишут, хотя это ведь тоже имело место быть.

Не буду голословным, приведу факты.

3 сентября 1812 года, на следующий день после входа Великой Армии в Москву, солдаты получили официальное разрешение грабить. Творившиеся варварство, жестокость и насилие не были случайными действиями мародеров, которых наказывали официальные власти. Это была политика Франции и самого Наполеона.

Великий московский пожар французы рассматривали, как попытку местных жителей сжечь свое имущество, но не отдать неприятелю. Примеры такого поведения они уже видели по пути к Москве.

Потому они и расстреливали «поджигателей» — по большей части, совершенно случайных людей. Как тех, кто отнимал у французов то, что принадлежало им «по праву».

Приказами командования французской армии московские монастыри использовались под жилища для солдат, причем престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати.

Наполеон лично посетил Новодевичий и Донской монастыри. Он не осматривал их с любопытством туриста, не собирался молиться. Монастыри интересовали его только как укрепленные точки. По его приказу в Новодевичьем французы разместили батарею, а стены монастыря укрепили окопами. Чтобы было удобнее обороняться, они взорвали стоявшую рядом с монастырем церковь Иоанна Предтечи.

Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни.

В Высокопетровском монастыре оккупанты устроили скотобойню, а соборный храм превратили в мясную лавку. Весь монастырский погост был покрыт спекшейся кровью, а в соборе на паникадилах и на вколотенных в иконостас гвоздях висели куски мяса и внутренности животных.

Мародеры дочиста ограбили все монастыри. Их интересовали прежде всего драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампы, кресты. В поисках спрятанных сокровищ грабители нередко взламывали в храмах полы, простукивали стены.

Из многонациональной армии Наполеона только греческие части не участвовали в разграблении монастырей: видели в русских монахах своих единоверцев. Иногда и среди католиков, французов и поляков, тоже находились люди, которые относились к православным святыням с уважением.

Монахини Новодевичьего монастыря считали, что начальник живших в их монастыре солдат по фамилии Задэра «греха боялся». Он посоветовал

спрятать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, говоря на ломаном русском языке: «Французска солдата вора».

В Даниловом монастыре квартировавшие французы узнали, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, предупредили: «Это люди нечестивые», — и предложили спрятать все ценное. Они даже помогли зарыть в землю церковные вещи. Артиллеристы ободрали раку князя Даниила и сорвали одежды с престолов, но ничего больше не нашли.

5. Часто оккупанты не столько грабили, сколько оскверняли и уродовали святыни. В Андрониевском, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы.

В Чудовом монастыре французы, надев на себя и на своих лошадей митры и облачение духовенства, ездили так и очень смеялись. Все иконы были найдены поруганными. Храмы были осквернены.

В Можайском Лужецком монастыре хранящаяся здесь икона святого Иоанна Предтечи имеет следы от ножа, — французы использовали ее как разделочную доску, рубили на ней мясо.

Громили и портили не только предметы культа — все, связанное с русской историей. В конце концов, святыни — это ведь не только иконы.

Саввино-Сторожевский монастырь почти не пострадал, но от интерьеров находившихся на его территории дворца царя Алексея Михайловича и Царициных палат почти ничего не осталось. Кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи сломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены.

В этом монастыре останавливался 3-й кавалерийский корпус генерала Груши.

И в этих действиях, и в каком-то убежденном, систематическом грабеже трудно не видеть следствие активной антирусской и антирелигиозной пропаганды. Так сказать, созревший плод. Лично Бонапарт был, конечно, очень образованным, хорошо начитанным человеком. Поэтому, не думаю, что он сам поощрял кощунства, творимые солдатами над русской церковью. Хотя, возможно, он недооценивал опасности такого поведения своей армии в глубоко религиозной России. Будучи такой же «духовной жертвой» вольтерьянцев и якобинцев, как и большинство его генералов, офицеров и солдат, Бонапарт, видимо, полагал, что и русские считают Бога и церковь такой же мишурой, как и французы — «выкормыши» квазирелигиозного бреда времен Великой Французской Революции. Но на Руси, несмотря на всю недалекость петровской и

постпетровской государственной политики по отношению к церкви, все-таки не было ни культа Высшего Разума, ни бесовства 1793 года, а Бог по-прежнему занимал свое самое сокровенное место в душе русского крестьянина (хрестьянина) и русского солдата.

Несложно догадаться, какую волну негодования вызвало в этой душе поведение «франко-немецко-голландца» в русской церкви. В общем, иных доказательств, что «Буанапарте — сам антихрист», предъявлять не требовалось.

6. Французы грабили и монахов, и священников, и мирных жителей. При малейшем сопротивлении избивали и даже убивали.

Иеромонах Знаменского монастыря Павел и священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев были убиты.

Священника церкви Сорока святых Петра Вельмянинова били прикладами, кололи штыками и саблями за то, что не отдал им ключи от храма. Всю ночь он пролежал на улице, истекая кровью, а утром проходивший мимо французский офицер пристрелил отца Петра. Монахи Новоспасского монастыря похоронили священника, но французы потом три раза раскапывали его могилу: увидев свежую землю они думали, наверное, что в этом месте зарыли клад.

В самом Новоспасском монастыре старенького, за 70 лет, наместника иеромонаха Никодима избивали на глазах братии, приставляли к его груди и голове ружья и пистолеты: требовали показать, где хранятся сокровища.

В Симоновом монастыре французы вырубили ворота, избili архимандрита Герасима и наместника Иосифа, но не могли ничего добиться. Обитель разграбили.

В Донском монастыре французы избili наместника Вассиана, а ризничего, монаха Иринея, искололи, изранили саблей.

В Богоявленском монастыре казначея монастыря Аарона французы таскали за волосы, выдергивали бороду и затем возили на нем грузы, запрягая в телегу.

Как ни грабили французы в Италии, Голландии и Германии, а таким истязаниям они людей нигде не подвергали. К русским у них отношение все-таки было особенное.

Перед уходом из Москвы французы грабили уже не драгоценности. Они отбирали у людей сапоги, теплую одежду, рубашки.

Известна попытка Наполеона взорвать Кремль. 10–11 октября 1812 года под башни, стены и здания символа русской государственности заложили пороховые мины. Великая Армия, превращавшаяся на глазах в беспорядочно бегущее сборище, выходила из города, а саперы маршала

Мортье поджигали фитили.

Если бы мины разом грохнули, восстановить Кремль было бы уже невозможно. Пришлось бы строить новый комплекс сооружений на его месте, примерно как в Варшаве после Второй мировой войны восстанавливали город по планам, рисункам и воспоминаниям жителей.

Так и было бы, выстави маршал Мортье боевое охранение вокруг Кремля. Если бы французы стояли на всех подходах, пока чудовищные взрывы не подняли бы на воздух и не обрушили бы святыню. Но, видимо, французы чувствовали себя так неуютно в Москве, что сделали дело половинчато, ненадежно: запалив фитили, они ушли. Побежали догонять своих. В эту ночь шел сильный проливной дождь, он погасил часть фитилей, а другие горели медленнее обычного.

Жители Москвы стали собираться к оставленному Кремлю... Они заметили тлевшие фитили и кинулись их тушить. Опасное это было занятие! Никто ведь не знал, сколько именно этих фитилей, когда огонь дойдет до пороха и сработают главные заряды. Но основную часть зарядов все же удалось обезвредить.

Тем не менее, ряд взрывов прогремел. Самым сильным из пяти был первый, которым вышибло не только все стекла, но и оконные рамы в кремлевских и близлежащих зданиях. До основания была снесена Водовзводная башня, наполовину разрушена Никольская. Частично разрушен Арсенал, повреждены Грановитая палата, Филаретова пристройка, Комендантский дом. Стены дворца и здания музея Оружейной палаты почернели от огня. Значительный ущерб был нанесен кремлевским соборам. Во время пожара Кремля пострадало также и здание Сената, а его бронзовый Георгий Победоносец, украшавший купол Круглого зала, бесследно исчез. По одной версии, он расплавился. По другой, вместе с еще двумя предметами, составлявшими гордость Кремля, — орлом с Никольских ворот и крестом с колокольни Ивана Великого — был вывезен в обозе французской армии в качестве трофея. Во всяком случае, эти исторические реликвии не были найдены. То ли погибли в пожаре, то ли украдены «цивилизованными» оккупантами.

Доживавший свои последние дни в Рязани 72-летний архитектор М. Ф. Казаков, посвятивший всю жизнь Кремлю и Москве, узнав о начавшемся в Москве пожаре, пришел в отчаяние. «Весть сия, — писал его сын, — нанесла ему смертельное поражение. Посвятив всю свою жизнь творчеству, украшая престольный град великолепными зданиями, он не мог без содрогания вообразить, что многолетние его труды превратились в пепел и исчезли вместе с дымом пожарным...»^[175]

Сохранилось свидетельство очевидца, которому удалось проникнуть в Кремль сразу после изгнания неприятеля: «...Он (Иван Великий — В.М.) не потерпел повреждения, но находившаяся подле него часть колокольни была взорвана... Разрушенная часть колокольни представлялась в виде огромной кучи раздробленных камней, на ней лежали три большие колокола (от тысячи до трех тысяч пудов), как легкие деревянные сосуды, перевернутые кверху дном силою взрыва».^[176]

Менее известно, что, уходя из Москвы, французы пытались взорвать еще и Новодевичий, Рождественский, Алексеевский монастыри. Монахам удалось вовремя потушить огонь и тем самым спасти свои обители.

Возвращаясь на пепелище, москвичи не только отстраивали свои сгоревшие жилища. Они находили памятники своей истории, храмы и памятные места поруганными, обгаженными, сознательно разоренными. Церкви были загажены навозом, престолы и алтари разрушены, святые иконы расколоты или пущены на дрова, картины похищены или изрезаны, старинная мебель сожжена и изломана, церковные книги использованы для растопки.

Интересно, что несмотря ни на что, к больным и раненым врагам россияне относились сочувственно. В Новодевичьем монастыре лечили заболевших французских солдат, а в Рождественском делились с голодными оккупантами своей пищей. Рассказывая об этом, одна из монахинь пояснила: «Опять же жаль их сердечных, не умирать же им голодную смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле».

Но поведение французов в Москве стало широко известно. Это еще более послужило делу сплочения народа и подъему патриотических настроений.

Удивительно, что, несмотря на весь свой прославленный гений, Наполеон не смог понять: таким поведением можно только озлобить народ. Может быть, Наполеон сам сделался жертвой собственной пропаганды? Сам поверил в рабскую сущность русского народа? Хотя...

Он так и не решился опубликовать Манифест об отмене крепостного права. Он так и не поставил в Кремле собственные статуи в тоге законодателя. Видимо, начал понимать, что в России такая пропаганда не сработает. А какая сработает, видимо, не понимал, и времени понять у него не было.

Получилось, что Бонапарт хотел начать войну с могучим государством, а начал воевать с народом громадной и великой страны, не зная толком его истории, не понимая и не уважая его традиций и ценностей. Не в силах понять законов игры, мог только пакостить и разрушать. А делая это,

закономерно провоцировал «дубину народной войны», о которой так хорошо писал Лев Толстой.

И самое удивительное и, пожалуй, не имеющее никакого логичного объяснения по сей день — это то, что, идя на Москву, Наполеон СОВЕРШЕННО не учел климатического фактора. Опять же подчеркну — мы не имеем никакого права говорить о «безалаберности» Бонапарта, — всегда и везде, любой «экспромт» в политике и тем более в войне он просчитывал заранее. А здесь — самоубийственная ошибка! Нет теплой одежды, рукавиц, нет запасов угля, не хватает спирта, жира от обмороживаний, армия буквально вымерзла в дороге. Да что говорить, даже конница подкована на «европейский» манер, без зимних шипов, а, значит, конь не сможет держаться на промерзшем грунте!

И самое потрясающее — Бонапарт уже один раз так же ошибся. Во время Египетской кампании его армия оказалась совершенно не готова к 40-градусной жаре, песчаными бурями и отсутствию обеззараженной воды. История повторилась! Фатум...

Были ли русские бонапартистами?

А ведь Наполеон рассчитывал, что его пропаганда подействует и на русских! Особенно на дворян и образованных чиновников, воспитанных как французские эмигранты и часто знавших французский язык лучше русского.

Многие исследователи полагают, что за пропагандой Наполеона скрывается пропаганда мировоззрения, ценностей, политики Запада.

Самый информированный человек тогдашней Европы, министр полиции Франции Ж. Фуше в своих мемуарах, изданных в 1824 году, писал, что в 1812 году Наполеон всерьез рассчитывал на поддержку «французской партии в Петербурге». В Петербурге и в Москве зрели заговоры и строились планы государственного переворота в пользу Наполеона, убийства Императора Александра I. Сильную опору имел якобы Наполеон среди русских раскольников, объявивших царя «антихристом», а Наполеона — «истинным царем».

Но и на этот слой пропаганда Наполеона не подействовала. Вроде бы, идеи бонапартизма, восхищение вставшим над историей, попиравшим целые народы Наполеоном Бонапартом пустили в России глубокие корни. Но в России элиты все же рассудили иначе. И в большинстве своем видели в Бонапарте если и гения, то злого.

Пушкин свое стихотворение, посвященное Наполеону, начинает вроде с очень лояльных к нему со строк:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек...

Но это величие не гиганта мысли, не устроителя общества. Это «величие» стихийного бедствия, громадность Бича Божьего. Так можно отзываться о Соловье-Разбойнике или об огнедышащем Горыныче. Тоже своего рода великих.

Победить громадное несчастье, обрушившееся на мир, избавить от него Россию и Европу — великая заслуга и великая честь.

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

В русской литературе, как и в политике, не принято было глумиться над поверженным врагом. Отрицать величие Наполеона, его историческую роль и его значимость в истории не думали наши поэты и писатели. Действительно, если враг был слабый и трусливый, нам-то какая честь его побеждать?

И в конце стихотворения Пушкин снова восхваляет Наполеона:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

Но тут же поясняет, в чем величие умершего императора:

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Получается какой-то странный бонапартизм: Наполеон завещал вечную свободу вовсе не сам по себе, не своими победами или своими манифестами. Он спровоцировал Россию, дав ей высокий жребий победить себя, «опрокинуть кумир». Жребий князя Владимира, обрушивающего в Днепр кумир Перуна.

Впрочем, еще чаще о Наполеоне и о культе Наполеона отзывались с явной иронией:

Все мы глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.^[177]

И у Грибоедова позже появляется уже ранее нами цитировавшийся «французик из Бордо», где откровенная ирония звучит совершенно неприкрыто.

Как и у Льва Толстого: в «Войне и мире» Наполеон предстает маленьким нелепым человечком, вообразившим себя великим и славным. Самовлюбленный недомерок, он «убивал много людей», потому что был очень гениальный.^[178]

Рассказывая о бонапартистских настроениях в обществе, Лев Толстой показывает, что интерес к личности Наполеона нимало не мешал русским бороться с ним и останавливать его. У графа Толстого нет и следа восхищенного интереса к Бонапарту, и «его» Наполеон вообще малосимпатичный персонаж, никак не вызывающий ни восхищения, ни сочувствия.^[179]

Император Николай Павлович в Зимнем дворце держал огромную красочную картину «Парад Старой Гвардии в Тюильри». Это было типичное произведение наполеоновской политической и военной пропаганды. На картине был изображен Наполеон, в окружении маршалов принимающий парад своих «усачей-гренадеров».

Но Николай I Павлович вовсе не поклонялся Наполеону и его «военному гению». Он порой очень конкретно объяснял, зачем ему нужна эта картина: «Хочу каждый день видеть этого сильного и опасного врага, которого благодаренье Богу, мы сокрушили».

Так Сталин мог бы повесить у себя в кабинете картину «Гитлер принимает парад эсэсовцев».

Упущенные возможности

В Германии период войн с Наполеоном носит романтическое название *die Befreiungskriege* — освободительные войны.^[180] Это официальное название целого периода немецкой истории, с 1792 по 1814 годы. Французы оккупировали, покорили почти всю Германию. Французы могли вполне искренне считать, что принесли Германии свободу, но далеко не все немцы так думали.

Befreiungskriege — это множество восстаний патриотов Германии. Это студенческие тайные общества, выдвинувшие лозунг: «*Retten von Turanneenketten!*» — «Разбить оковы тиранов!»

Многие немецкие дворяне не приносили присягу Наполеону и целыми дружинами сидели в лесах и горах. Выкурить их оттуда у французов не хватало сил — шла война, не до повстанцев в тылах. Они сами нападали на оккупантов, как правило, малыми силами шли против регулярной армии, неся тяжелые потери.

Время от времени самые разные люди восставали против оккупантов, вплоть до мирных людей, крестьян или городских мещан, извозчиков и лавочников.

Восстания выдвинули вождей, имена которых в Германии не забывали очень долго.

На протяжении полутора столетий не только профессиональный историк, но и всякий образованный немец сказал бы вам, кто такой командир добровольцев из Вестфалии Фердинанд фон Шилль, погибший в ходе восстания против французов в 1809 году. И кто такой Андреас Хофер, глава восставших тирольских горнорабочих.

Весь XIX век и первую половину XX века об этих людях писали статьи и книги, ставили им памятники. Написано много картин, изображающих эпизоды *Befreiungskriege*. Здесь и восстание горнорабочих в Тироле: люди с дубинами и камнями идут против вооруженных французских шеренг. И расстрел немецких патриотов в Весселе: скованные цепями люди в штатском, грозящие кулаками врагу в свой последний час.

Германия помнила своих героев и хотела называть их поименно.

Befreiungskriege — это национальный подъем, романтический национализм, морально подготовивший объединение Германии Бисмарком.

По крайней мере, до Второй мировой войны все, связанное с этими освободительными войнами, воспринималось в высшей степени романтически. Нацисты широко использовали для пропаганды своих

взглядов реалии эпохи Befreiungskriege. Это дискредитировало эпоху, многое стало восприниматься иначе.

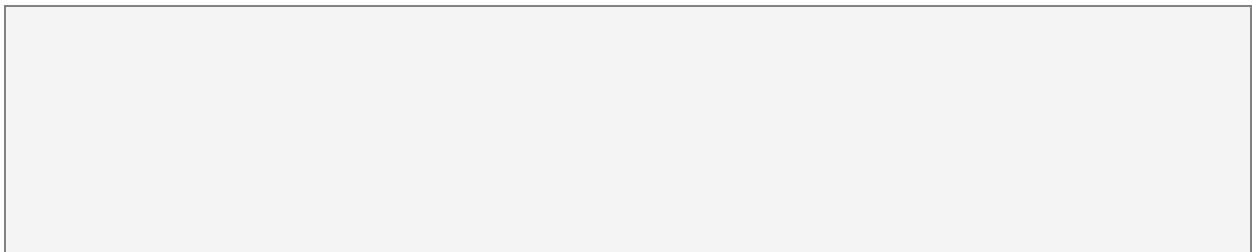
Но у нас-то нет оснований пересматривать результаты «дубины народной войны». Подвиги наших героев никогда не использовались для утверждения неправого дела унижения других народов. Только мы свою «дубину народной войны» знаем намного хуже немцев. Мы не помним, кто именно из москвичей тушил фитили от заложенных под Кремлем мин. Нет не только памятника патриотам. Далее мемориальной доски на стенах Кремля не было и нет.

Партизан и повстанцев 1812 года тоже знаем не всех. Разве что старостиха Василиса Кожина вошла в историю так, что ее портрет есть в учебниках. Да и то, видимо, не забыли ее советские историки исключительно благодаря «правильному» социальному происхождению. Слава Богу, была Василиса не купчихой и не дворянкой. Остальные проходят под короткой строчкой «и другие». А ведь только руководителей крупных партизанских отрядов было несколько десятков человек.

1812 год и в России породил романтический подъем идей национального сплочения. Мы не хотели становиться колонией Франции, цивилизованная она или нет. Нам не нужен был император Наполеон, какой бы он ни был гениальный. Мы дрались с сильными, хорошо подготовленными захватчиками, и победили их. Но просто поразительно, как мало и плохо мы использовали массовый подвиг народа для утверждения своих народных ценностей, для укрепления своей государственности. Я уверен, нам необходимы положительные мифы о войне 1812 года. Нужны памятники, картины, романы, статьи, передачи. Да и просто сухое перечисление фактов способно многое изменить в сознании людей.

А у нас что? Если реально — почти ничего. Смутная память о прошлом, почти не актуальная для тех, кому сегодня меньше 35.

И еще не то что черный... Прямо розовый какой-то миф о величии и гениальности Наполеона. Миф, напрочь лишенный отношения к Наполеону, как к стихийному бедствию, как к испытанию на прочность.

Английские карикатуры XIX.

Русский медведь в исполнении западных карикатуристов полтора века назад представлял очень по-разному. От вполне отвратительной твари до достаточно симпатичного персонажа. Все зависело от политической обстановки. Но ни один не дотянул до обаятельного талисмана Олимпиады-80.

В начале января 2008 года слышал чудовищную передачу на уважаемой мной радиостанции «Эхо Москвы». Некий политолог при сочувственной подпевке радиоведущего возмущался Указом президента Путина о праздновании 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года. Мол, что за ерунда, не на что больше деньги государственные тратить... Нравственное ничтожество и беспамятство таких горе-комментаторов сразу заставляет вспомнить бессмертные строки Пушкина, которые мне так хотелось поставить эпиграфом ко всей серии «Мифов о России»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека
Залог величия его...]

Согласитесь: никто никогда пока не смог сказать лучше...

Русская армия в самом сердце Европы

Россия сыграла главную и исключительную роль в итоговом разгроме Наполеона. Но ни это обстоятельство, ни Зарубежные походы русской армии 1813–1814 годов не сделали Российскую империю в большей степени популярной в Европе. Очень уж она большая и страшная. Как и в 1799 году, русская армия действует в сердце Европы. Но тогда Суворов только собирался идти на Париж и не смог из-за предательства австрийцев. А теперь русская армия без всяких австрийцев вступает в Париж. [\[181\]](#)

На Венском конгрессе 1814–1815 годов, определявшем политическое устройство Европы, Российская империя — важнейший участник и гарант

выполнения принятых решений.

До 1818 года во Франции стоял русский оккупационный корпус в 30 тысяч человек.

По решениям Венского конгресса Российская империя присоединяла Варшавское герцогство — территорию с населением в 3 миллиона человек.

Вот этого ей никак не простили! При Екатерине Польшу делили три хищника, и ни один из них не мог обойтись без двух других. А теперь Россия присоединяет к себе огромный кусок коренной национальной Польши, не спрашивая ни у кого. Она обгоняет союзников, оказывается первой среди равных и сильнейшей среди победителей. Вроде бы, антирусскую пропаганду начал общий враг Наполеон. Но эта пропаганда пришлась по вкусу уже и вчерашним союзникам. Слишком сильной оказалась Россия в 1815 году.

Вот ведь парадокс. Не успели свергнуть Наполеона, как один из его любимейших мифов, про агрессивную и опасную Россию, продолжает свою жизнь уже без него. И Европа, вслед за Наполеоном, разыгрывает ту же самую политическую карту: польскую.

Глава 4

Польская карта, или Русофобская кампания в 1830-е гг

Кое-что о «польской карте»

Первым эту карту разыграл еще Наполеон. Идею восстановления польской государственности он держал перед носом наивных польских патриотов, как морковку перед носом осла.

Парадокс, но именно внутри Российской империи, которая разделила Польшу, Польша и получила много больше прав и свобод, чем от «освободителя», прогрессивного Наполеона.

Судите сами: после поражения Пруссии в 1806 году, по всей Польше вспыхнуло восстание. Оно быстро перекинулось и на польские земли, отошедшие к Австрии. В 1809 году Наполеон разбил Австрию. На польских землях, захваченных Пруссией и Австрией, он создал Герцогство Варшавское. Одной рукой Наполеон распространил на него действие своих законов: равенство граждан перед судом, отмену пережитков феодализма, личной зависимости крестьян.

Другой рукой наложил на Герцогство Варшавское обязательство осуществлять огромные поставки продовольствия и сырья. Плюс рекрутский набор «военного времени». Герцогство Варшавское союзное с Францией? Союзное. Наполеон освободил Польшу? Освободил. Так пусть поляки в возрасте от 16 до 55 лет воюют с Россией, и нечего отлынивать! А после войны еще посмотрим, что делать с Польшей и ее государственностью...

До 1809 года в армии Наполеона тоже действовали «польские легионы» — отряды добровольцев, верившие, что Наполеон поможет польским патриотам. Всякий поляк должен был воевать в составе Великой армии. Всякий. И шляхтич, мечтающий отбить у москалей земли Белоруссии и Украины, и человек, готовый видеть в русских своих братьев. Подошел по возрасту? Бери оружие. Слава императору! Вперед!

Река Березина, в которой в ноябре 1812 года утонули остатки Великой армии Наполеона, находится в современной Белоруссии. На западный берег Березины переправились буквально несколько тысяч человек. Весной 1813 года война перекинулась на коренные польские земли. К лету 1813

года русская армия заняла всю Польшу.

Хочу специально отметить: не существует НИ ОДНОГО свидетельства жестокостей русских войск в Польше. Ни одной попытки отомстить за «польские легионы», за массовое участие поляков в Великой армии и в походе на Москву летом 1812 года. Это великодушные Российской Империи^[182] — вообще типичная черта и Государства Российского, и ее армии, и русского народа в целом. Империя воевала, громила армии. Когда пушки стреляют по городу, когда атакуют и движут военные части, происходит много чего, и война — никак не школа гуманизма.

Но русский человек, точнее, надевший мундир и взявший ружье русский мужик, не сводил счетов с побежденными, далее когда очень было за что. Российская империя не мстила. Сейчас почти забыто, что личный враг Пушкина, мелкий враль и доносчик Фаддей Венедиктович Булгарин, был не только бездарный петербургский литератор, «стучавший» на коллег по литературному цеху. Сын мелкого польского шляхтича, он был офицером Великой армии Наполеона. Это не помешало ему после войны поступить на русскую службу, поселиться в столице, издавать газеты и журналы. Никто не поминал ему прошлого.

Пушкин издевался над выпревшим морализаторством Булгарина, над его казенным патриотизмом, пустил по рукам множество эпиграмм, где выводил Булгарина под забавным именем Видок Фиглярин.

Особенно, когда она побеждает.

Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! Пожалуй, будь себе татарин, — И тут не вижу я стыда; Будь жид — и это не беда; Беда, что ты Видок Фиглярин.

«Беду» Пушкин видел в бездарности и личном ничтожестве «оппонента», а не в его происхождении и не в его участии в наполеоновском нашествии.

Польша было притихла под русской армией... но быстро поняла — мести не будет.

На Венском конгрессе 1815 года Австрия и Пруссия очень хотели оторвать от Герцогства Варшавского кусок как можно больше. Северо-западная часть Польши отошла к Пруссии под названием Познаньского великого княжества. Отошел и «вольный город» Данциг — польский Гданьск. Австрия получила район Велички, а Краков с прилегающими землями превратили в Краковскую республику под совместным управлением России, Австрии и Пруссии. В этих землях шла политика насильственной германизации, никаких органов самоуправления выше городских магистратов не было.

Остальную часть Герцогства Варшавского Россия превратила в Королевство Польское. Вроде «свое» у поляков Королевство, только российский император одновременно был и польским королем. Королевство Польское управлялось собственным «польским» правительством, но во главе с царским наместником. Первым наместником сделался член царской семьи, родной брат Александра I и Николая I Константин.

27 ноября 1815 года Александр I подписал Польскую конституцию. Конституция провозглашала равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и имущества, свободу печати и вероисповедания. Поляки получили свой парламент-сейм из двух палат. В верхней палате сейма, Сенате, заседали аристократия. В палату депутатов могли быть избраны все граждане Королевства Польского. Более 30 % населения имели право голоса. Во Франции 1820 года — не более 18 %, в Британии — порядка 15 %. Крепостного права в Польше не было и в помине.

Внешняя политика Королевства Польского была в ведении правительства Российской империи, но Королевство имело свою армию.

С 1816 года открылся Варшавский университет с преподаванием на русском, немецком, польском и латинском языках. Работали гимназии с преподаванием на польском языке.

В общем, за исключением «наместника Константина», были выполнены все, даже самые отдаленные пожелания польской прогрессивной общественности. Ничего далее отдаленно похожего Наполеон Польше не дал.

В самой России с ее крепостным правом и отсутствием конституции тоже не было ничего похожего.

Под управлением России польское народное хозяйство сделало громадный рывок, с 1815 по 1830 год шло стремительное развитие промышленности.

Казалось бы, перед Польшей открывается широкое поле сотрудничества с Россией и роста экономики и культуры. Столько свобод, по сути, полное невмешательство метрополии в дела «колонии», ^[183] зато какая экономия: армия, по сути, не нужна, часть государственного аппарата — это тоже расходы Санкт-Петербурга, сырье из России без таможенных налогов, уникальное территориальное положение: Польша — товарный коридор из Европы в Россию. Живи себе «на доходы от транзита» и радуйся! Не тут-то было! Вопреки всему, в Польше почти сразу стали готовиться к выходу из состава Российской империи. «Патриотическое

общество» в Варшаве установило связи с заговорщиками из среды русского дворянства, так называемыми декабристами. «Патриоты» выбросили лозунг: «За вашу и нашу свободу!» Что означало поддержку всем силам, которые попытаются свергнуть законное правительство Российской империи. Ведь царизм реакционный и отсталый, при нем Россия остается дикой и азиатской. Нужно свергнуть царизм, и на его развалинах утвердить более справедливое общество. Демократическая Россия даст Польше желанную свободу...

Нет никакого сомнения, что последующая жесткая внутренняя политика императора Николая I была вызвана именно польским опытом. Действительно, если Конституция, либерализм и гуманное отношение не делают людей друзьями престола, что остается? Только начальственная строгость.

С 1828 года в Польше действует тайная организация по образцу тайных обществ декабристов — «Военный союз» во главе с П. Высоцким. Общество готовит вооруженное восстание против России.

Восстание или война?

29 ноября 1830 года началось тщательно подготовленное восстание. Тайное военное общество в школе подхорунжих в Варшаве мгновенно было поддержано тысячами ремесленников и рабочих Варшавы, овладевших арсеналом. 30 ноября повстанцы овладели всей Варшавой. В начале декабря войска Российской империи покинули территорию не только Варшавы, но всего Королевства Польского.

В январе 1831 года Национальное правительство во главе с князем А. Чарторыйским объявило о низложении Николая I с польского престола, провело демонстрацию в память декабристов, уже открыто выдвинуло лозунг, много раз воспроизводившийся потом самыми разными силами: «За вашу и нашу свободу!» Был еще один замечательный лозунг, который современные поляки вспоминать стыдливо не любят: «Верните Речь Посполитую!» То есть верните нам нашу империю, верните Белоруссию и Украину.

Весной 1831 года волнение перекинулось в Литву, в Западную Белоруссию и Западную Украину. В июле 1831 года Национальное правительство Польши обратилось к правительствам Пруссии и Франции с призывом о помощи, предлагая их монархам «свободную» польскую корону.

В Палате депутатов Франции идут дебаты: надо ли помогать полякам? Депутаты Лафайет, Моген и другие прямо призывали «протянуть Польше руку помощи», вмешаться в русско-польский конфликт вооруженной рукой. [\[184\]](#)

Польское восстание 1830–1831 годов в самой Польше называют «Русско-польской войной». По мнению поляков, не подданные России восстали против законной власти, а национальное государство воевало за свою независимость. Франция свои войска не послала, но во Франции и Британии поляков рассматривали как воюющую сторону. То есть как оккупированную страну, которая ведет войну с завоевателем. То, что в России называлось «мятежом», там назвалось «войной».

Так возникла совершенно реальная опасность крупной международной войны.

1 июня 1831 года А. С. Пушкин пишет частное письмо к П. А. Вяземскому: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря: мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств... избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа». [\[185\]](#)

16 августа 1831 года, то есть еще до взятия Варшавы, Пушкин пишет свое знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Напечатано оно в сентябре 1830, в брошюре «На взятие Варшавы», куда вошли три стихотворения Пушкина и Жуковского. У меня нет оснований не привести целиком этой брошюры.

Александр Пушкин, Василий Жуковский

НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ

Александр Пушкин

(русскому либералу)

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды [чистый] лик увидел,

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.
Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом [] опьянела,
И смертная борьба [] началась,
При клике «Польша не згинела!» —
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда [полки] бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.
Варшавы бунт []
[] в дыме.
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

(не завершено)

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;

Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..

Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долгод будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под лаком северных полей!
Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..»
Сбылось — ив день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.
В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.
Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?..

Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?
Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?
Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?
Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покори́л вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;

Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

Василий Жуковский

РУССКАЯ ПЕСНЬ

Раздавайся гром победы!
Пойте песню старины:
Бились храбро наши деды;
Бьются храбро их сыны.
Пробуждай, вражда, измену!
Подымай знамена, бунт!
Не прорвать вам нашу стену,
Наш железный русский фронт!
Мы под теми же орлами;
Те же с нами знамена;
Лях, бунтующий пред нами,
Помнит русских имена.
Где вы? где вы?
Строем станьте!
Просит боя русский крик.
В стену слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штык на штык.
Нет врага... но здесь Варшава!
Развернися, русский стан!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьет на приступ барабан.
С Богом! Час ударил рока,
Час ожидаемый давно.

Сбор гремит — а издалека
Русь кричит: Бородино!
Чу! Как пламенные тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.
Что нам ваши палисады!
Здесь не нужно лестниц нам!
Мы штыки вонзим в ограды
И взберемся по штыкам!
Спи во гробе, Забалканский!
Честь тебе!
Стамбул дрожал!
Путь твой кончил Эриванский
И на грудь Варшавы стал.
«Эриванский! Князь Варшавы!»
Клик один во всех устах.
О, как много русской славы
В сих волшебных именах!
За Араксом наши грани;
Аракс чуждый плен,
И орлы средь Эривани,
И разгром варшавских стен.
Спор решен! Дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава русская жива!
Соберитесь под знамена,
Братья, долг свой сотворя!
Возгласите славу трона
И поздравьте с ней Царя.
На него надежна вера:
В мирный час — он в душу льет
Пламень чистого примера;
В час беды — он сам вперед!
Славу, взятую отцами,
Сбережет он царски нам,
И с своими сыновьями
Нашим даст ее сынам!

26 августа по «старому стилю», 6 сентября по новому, императорская армия взяла Варшаву. В ночь с 7 на 8 сентября 1831 года подписана капитуляция. Последние отряды польских повстанцев бежали из Российской империи в Австрию и Пруссию, тайно переходя границы.

В прессе всей Европы, особенно Франции и Баварии, печатались статьи, жестко осуждавшие Российскую империю. В них приводились совершенно фантастические сведения о «зверствах русских войск над мирным населением» и всячески подчеркивали: поляки есть передовой отряд Европы, героические борцы с русским варварством.

Русское правительство тоже вроде как печатало какие-то свои статьи во Франции, даже переводило брошюру Пушкина и Жуковского на французский язык. Вроде, вело контрпропаганду. Но это, как всегда, была очень слабая контрпропаганда: правительство только оправдывалось. Увы! Всегда, если оправдываешься, в сознании людей утверждается — значит, все-таки виноват!

Русская официальная пропаганда не использовала самых сильных аргументов: ничего не писала, например, о том, что под феодальным гнетом русских царей избирательным правом в Польше пользовалось больше людей, чем в тот момент в передовой Франции. Тем более, не поминали французам заминированного Кремля, превращенных в бойни и в конюшни храмов Москвы. А зря... Лучший способ обороны — нападение. Основания для нападения были, аргументы могли бы быть совершенно убийственные. Такие, на которые и депутатам французской Палаты депутатов было бы трудно возразить.

Ведь Россия Александра действительно дала Польше намного больше, чем Франция Наполеона.

Но, видимо, и на русское правительство действовала логика: европейцы имеют право указывать нам, как надо жить. Оправдываться еще можно, но не отвечать же на критику французов такой же жесткой критикой порядков в самой Франции.

Но право, что же происходит?! Весь XVI и XVII века европейцы последовательно считали войны Московии и Речи Посполитой внутренним делом славян! Совсем недавно, уже в XVIII веке, европейские державы вместе с Россией увлеченно делили Польшу и вовсе не признавали за ней права воюющей стороны?! Всего 15 лет назад они согласились с присоединением к Российской империи Герцогства Варшавского?! Они признали корону Королевства Польского на голове русского Императора?!

Логика проста... Россия стала после 1812–1815 годов сильным государством. Не одним из сильнейших, а сильнейшим. Не поделщиком, не «младшим братом», а грозным конкурентом, тем, кого позднее не с издевкой, а со страхом назовут «жандармом Европы». И европейские державы круто поменяли логику своего поведения. Провозглашение России агрессором, задушившим суверенную Польшу, нужно было только для одного — для ведения пропагандистской войны. Нежная любовь к Польше? Бог с вами! Великие державы Европы ничем не помогли полякам, не погубили ни единого своего солдата и не потратили ни одного патрона. В сущности, к судьбе Польши они оставались совершенно равнодушны... Можно привести немало примеров того, как Польша делалась для европейцев разменной монетой в политике. Одна из ценностей этой монеты — быть вечным доказательством агрессивности и жестокости русской внешней политики.

Глава 5

Особенности Российской империи

К началу XIX века Российская империя — это централизованное государство, которое территориально достигло своего максимума и сформировало свои государственные границы.

С этого времени особенно истово европейцы начинают «доказывать» агрессивность русских. Не мудрствуя лукаво, выбирается доказательный аргумент российской агрессивности. Он прост — сам факт существования Российской империи. Попробуем понять, с чем же так яростно спорила Европа, что доказывала.

Россия не создавала колониальной империи, как страны «старой» Европы. Она не завоевывала чужих земель, чтобы жить за их счет. Русские не превращали в рабов жителей других стран, не ввозили их из одной части своей империи в другие. Не истребляли на рудниках население покоренных стран. Не изгоняли со своей земли целые племена и народы.

Российская империя абсолютно не похожа на колониальные империи европейцев. Российское государство росло во многом потому, что русские оказались жизнеспособным и активным народом. Природа оказалась к нам одновременно и суровой, и щедрой: Русь всегда была окружена поясом малонаселенных, почти не освоенных земель. Земли эти, на первый взгляд, холодные, неплодородные, удаленные от центров тогдашней цивилизации.

Такова была Средняя полоса России. Это сейчас она освоенная территория, на которой шумят миллионные города. В X-XIII веках это был край беспредельных «муромских», «мещерских» и прочих лесов, без дорог и городов, без своего производства хлеба. Хлеб в междуречье Оки и Волги ввозили с территории современной Украины или из Великого Булгара — с Волги.

А потом русские создали систему навозного удобрения, и прежде бесплодные, никому не нужные земли стали давать богатые урожаи. Русские переселенцы после татарского нашествия потоком хлынули в междуречье Оки и Волги.

Таковыми же холодными, глухими землями были и Поволжье, и Предуралье, и Урал, и Сибирь, и Приамурье. Причерноморье трудно назвать землей холодной, но место это было также глухое и дикое. Чтобы освоить его, надо было начинать буквально с нуля.

Так что делать вывод об изначальной, древней «агрессивности»

русских преждевременно. Логичнее сделать вывод о нашей жизнеспособности, активности и трудолюбии.

Население колонизируемых земель не проигрывало от появления русских. Доказательства? Очень простые... К 1913 году численность всех народов бывшей Российской империи была больше, чем до завоевания. Вот численность индейцев на территории США упала с 1–1,3 миллиона человек в 1700 году до 200 тысяч в 1900 году. Выводы напрашиваются.

Московия, потом Российская империя воевала? Да. Но воевала, как правило, не с будущими подданными, а с их владыками. Народы земель, «колонизируемых» Русью, также платили дань властям. И те, кто собирал эту дань, вовсе не собирались от нее отказываться в пользу Санкт-Петербурга. Русь выступала как опаснейший конкурент, разрушающий местные царства, ханства, каганаты.

Продвижение Руси, колонизация ею новых земель, решало старые цивилизационные споры, порой доставшиеся ей еще от Золотой Орды. Ведь и сама Русь долго платила дань татарским ханам, а потом освобождала от уплаты этой дани другие народы.

В этом продвижении, росте, колонизации сказывались географические особенности России. Продвинувшись на какое-то расстояние, русская армия утверждала новые рубежи, но эти рубежи были такими же проницаемыми, условными, как и старые.

Города Юлсной России изначально основывались как крепости, форпосты против постоянно набегавших степняков. На протяжении всего XVII века Белгород и Курск, Орел и Воронеж были в первую очередь крепостями. Московия не могла справиться с работниками из Крыма, прекратить постоянные набеги татар-людокрадов. Южно-русские города окончательно перестали быть крепостями в XVIII веке, после присоединения Крыма, чему предшествовали восемь русско-турецких войн.

Такое количество военных конфликтов между Россией и Турцией объясняется двумя причинами. О первой уже сказано — русские люди, как и абсолютно все другие народы, не любят, когда их захватывают в рабство.

Вторая причина: борьба за исконные славянские земли. После монгольского нашествия Русь потеряла степные, южные земли. В XI веке брат Ярослава Мудрого, Мстислав Удалой правил в Тьмутараканском княжестве — в Причерноморской Руси. После монгольского нашествия славянское население «забилось» из степей в леса. Под ударами степняков русские уходили на север, край более холодный, лесной, но и несравненно более безопасный. Степи запустели, стали зоной ведения кочевого

скотоводческого хозяйства. Русские земли, некогда плодородные, превратились в Дикое поле. Одно название, кстати, чего стоит!

Присоединение этих земель имело стратегическое и идеологическое значение. Важно было не только положить конец «крымскому кошмару». Причерноморские степи русские всегда считали своей национальной территорией. И имели все основания объявлять эти земли в нравственном смысле «своими», несправедливо отторгнутыми от России.

Этот народный энтузиазм хорошо передает К. Симонов устами «своего» Суворова. Для того чтобы объяснить солдатам смысл перехода через Альпы, Суворов вспоминает те времена, когда русские воевали с турками в Причерноморье...

Бывало, скажешь им — за степи!
За Черноморье! За Азов!
Вослед войскам тянулись цепи
Переселенческих возов.

В 1771 году русская армия вошла в Крым, и на этот раз крымские ханы не могли выбить ее обратно. Могучий сюзерен крымских татар, Турецкая империя, уже была не в силах победить Россию. По Кючук-Кайнарджийскому договору Крымское ханство перестало быть вассалом Турции, было признано независимым.

Силой оружия Россия вынудила Турцию оставить Крым на произвол судьбы, прекратить поддержку оружием, хлебом и международным покровительством, а также положила конец «крымской» набеговой системе и краже людей.

Но и это не решило проблему. В ставшем независимом Крыму было неспокойно. Многим татарам было совершенно непонятно, как теперь жить — без набегов и грабежей. В 1783 году последний крымский хан Шахи-Гирей отрекся от престола в пользу России. Кроме военного давления, Россия руками Григория Потемкина предложила Шахи-Гирею огромную сумму отступного — миллион рублей золотом. Своего рода взятка формально независимому владыке.

Судьба Шахи-Гирея печальна: знатные татары не простили ему предательства. Его поймали в степи и влили в горло хану расплавленное золото.

— Ты любишь золото, хан? Получай!

Но теперь Крым перестал быть очагом турецко-татарской агрессии,

источником вечного беспокойства. Конец войнам? И да, и нет. Но конец татарским набегам. Поток переселенцев хлынул на юг, осваивая бескрайние степи. Уже к началу XIX века Новороссия стала житницей России... и не одной России. Вывоз южнорусского хлеба из Одессы кормил и Европу.

На юге, на теплом Черном море зашумели большие города: Херсон, Мариуполь, Николаев, Одесса, в Крыму выросли Севастополь и Симферополь. Окраина цивилизации, глухой степной край трудами и усилиями русских превращалась в часть территории цивилизованного мира.

Однако успокоиться русским не было дано. Весь XIX век на русском юге приходилось держать порох сухим. Потому что Крым-то победили и освоили, но за теплым Черным морем, по которому свободно плавают все, лежала не «замыренная», не сложившая оружия Турция. Мусульманская страна, желавшая реванша за вынужденное оставление Крыма, не смирявшаяся с выходом России к Черному морю.

Могучая империя, во много раз превосходившая по силе Крымское ханство, прекрасно помнила — до русских побед конца XVIII века Черное море были своего рода «Турецким озером». Турция грозила войной новой части России, Новороссии.

Русский юг оставался форпостом христианской цивилизации. Приходилось держать Черноморский флот, южные города оставались могучими крепостями.

В 1787 году Турецкая империя, так и не смирившись с утратой Крыма, снова объявила войну Российской империи. После штурма Измаила (1790 г.), поражения турок при Мачине (1791 г.), разгрома турецкого флота при Тендрах (1790 г.) и Калиакри (1791 г.) Турецкая империя вроде формально признала присоединение территории Крымского ханства к Российской империи. Но лишь в 1812 году, после очередного поражения в очередной войне, Турция повторно и окончательно подтвердила окончательное право Российской империи на земли Крыма.

Русская агрессия? А как могла Россия уйти из Причерноморья? Ведь стоило уйти, и тут же вернулся бы прежний кошмар татарских набегов, хищное давление Турции. Сохранять все как есть? Значит держать вооруженные силы на юге России в постоянной боевой готовности. И никуда от этой «агрессии» не денешься.

Русские заселяют Причерноморье, движутся на теплую Кубань, распаивают богатейшие черноземы на Северном Кавказе. Теперь, сокрушив Крым, они могут себе это позволить.

Рождение Новой России

XVIII век стал для Российской империи веком Причерноморья и всех земель, которые получили выразительное имя — Новороссия.

И действительно, не случайно новым территориям дали название Новой России. Не случайно это официальное название — Новороссия — было принято и в народе. Народ с огромным энтузиазмом поддерживал идею «возвращения» юга. И потому, что считал Причерноморье своим, и потому, что земледельцы буквально видеть не могли Дикого поля — колоссального пространства неосвоенной дикой степи, недоступного из-за набегов татар.

Русские действительно считали эти земли Новой Россией, естественным продолжением «старой» и дополнением к ней.

В наше время название Новороссия, если и употребляется, то по отношению к территориям на кавказском побережье Черного моря, в основном, благодаря городу Новороссийску.

А до 1917 года слово «Новороссия» применялось ко всем территориям, приобретенным в конце XVIII века. В XIX веке университет в Одессе так и называли — Новороссийский.

Кстати, это название хоть и созвучно Новой Англии в Северной Америке или Новому Южному Уэльсу в Австралии, но имеет совсем другой смысл. Правильнее всего было бы назвать эти места Сновароссией. Но как-то неблагозвучно.

Единство Новороссии было нарушено большевиками. В марте 1918 года они подписали Брест-Литовский договор с Германской империей, согласно которому немцы имели право войти на территорию Украины.

Но что такое Украина? Центральная Рада в Киеве, тогдашняя украинская власть, считала Причерноморье «своим». Сточки зрения украинских националистов и Херсонщина, и Крым, и Донбасс — это украинские земли. А раз они украинские, то украинское правительство имеет полное право подписать договор, отдавая эти земли в протекторат союзникам.

Немцы и австро-венгры вскоре свергли Раду и поставили у власти прогермански настроенного гетмана Скоропадского.

Лестница в Одессе

Кадр из фильма «Броненосец «Потемкин»». Одесса стала форпостом европейской цивилизации на Черном море. Потом эту фактуру гениально использовал Эйзенштейн.

Гетман подписал с немцами еще один договор, согласно которому они могли ввести свои войска и в Причерноморье, и в Крым, и на Донбасс. Ведь все это, по его мнению, — украинская земля.

После окончания Первой мировой войны немцы ушли. Но большевики по странному совпадению почему-то продолжали считать западную часть Новороссии до Крыма, а также Донбасс украинской территорией. А после Второй мировой войны Н. С. Хрущев и вовсе формально присоединил Крым к Украине. Украинским стал и город русской славы — Севастополь.

Проблема Северного Кавказа

До 1917 года никому и в голову не могло прийти, что Одесса и Харьков — украинские города.

В XVIII и XIX веках русские «переселенческие возы» не только и не столько тянулись в Крым. Русские скорее охотно заселяли Причерноморье — как ту его часть, которая сегодня считается украинской, так и «великорусскую». Так же активно заселялась и Кубань.

Северный Кавказ, так же как и некогда Крым, был совершенно

открытой и незащищенной территорией. Река Кубань разделяла территорию Крымского ханства и земли адыгов и группы родственных к ним племен.

Эти племена имели свои языки, свою территорию и не считали себя подданными ни турецкого султана, ни крымского хана. Крымские ханы грабили адыгов, угоняли у них скот и людей, отнимали имущество.

Известно, что еще к Ивану Грозному являлось посольство от адыгов, кабардинцев и черкесов с просьбой «оборонить» мирных людей от набегов «крымского царя».

Иван Грозный удовлетворил просьбу о защите. Стремясь сблизиться с адыгами и помочь им, царь даже послал на юг отряд стрельцов. Судьба ратных людей печальна — ни один из них не вернулся домой. Русские воины погибли не столько от стрел крымчаков, сколько от непривычного климата и болезней.

Для мировой политики никаких серьезных последствий это событие не имело, но некоторые историки склонны считать, что история отношений народов Кавказа и России началась именно после этого.

На мой взгляд, отношения эти сложились много позже, в XVIII веке, и стали прямым продолжением русско-турецких войн и борьбы за Крым.

Тогда русские крепости строились там и как опорные пункты для освоения огромного, богатого края, почти пустого с точки зрения цивилизованного человека. Предкавказье, с его субтропическим климатом — это не горные области, а почти 200 тысяч квадратных километров степей и лесов, богатых животным миром: кабанами и оленями, фазанами и утками.

Это роскошные черноземы, о которых говорят: «посади оглоблю — вырастет телега». На побережье Черного моря земля похуже, местами мало пресной воды, но зато курортный климат. В наше время это край сплошных здравниц.

В 1761 году здесь основывают крепость, названную в честь митрополита Дмитрия Ростовского. Позже вокруг крепости вырос город Ростов-на-Дону. Напомню: полуторамиллионный, огромный город совсем молод, моложе большинства городов Сибири.

Ростов-на-Дону — это ведь не город, основанный донскими казаками. Это город, заложенный как торговый пункт и как крепость Российской Империи.

По договору заключенному в Кючук-Кайнардже, Предкавказье тоже отходило к России. После этого на Северный Кавказ хлынул поток переселенцев.

В 1793 году черноморские казаки основали военный лагерь на реке Кубани. Вскоре лагерь разросся и превратился в станицу Екатеринодарскую. Затем — в город Екатеринодар. С 1920 года этот город называется Краснодаром.

Расселение русских простиралось и на юго-восток, в сторону Каспийского моря. В 1818 году основывается крепость Грозная, которая через 50 лет становится городом Грозным. При советской власти город стал столицей Чечено-Ингушской АССР.

Общее же число русских поселенцев на Северном Кавказе уже в 1800 году превысило 100 тысяч человек; таким образом, русских переселенцев стало больше, чем местных жителей.

В 1838 году на месте турецкой крепости основан город Новороссийск. Он быстро стал важным опорным пунктом для освоения края русскими.

Жизнь русских колонистов в Адыгее, я хотел сказать в Новороссии, к югу от Кубани, отличалась таким же своеобразием, как и жизнь на границах Дикого поля в XVII веке.

Возле любой деревни, близ любой дороги могли засесть в засаду черкесы, которые нападали на людей, крали детей и девушек, чтобы продать их на невольничьих рынках. Пышные блондинки в Турции были ходким товаром еще со времен татарских набегов. За девицу можно было выменять ружье, а, если повезет, то и боевого коня. В результате русским поселенцам ходить по одному не рекомендовалось, детей за околицу села не отпускали, а умение стрелять и рубить саблей оставалось таким же обязательным навыком селянина, как умение косить или запрягать лошадь.

У американцев был Дикий Запад... У русских — Дикий Юг примерно с такими же нравами. Нравы быстро изменились? Но ведь и в США Дикий Запад не был неизменным местом. Постепенно, в среднем за полвека, и долина Миссури, и Великие Равнины приобретали более приличный вид. Прерии становились полями, военные лагеря — городами, а еще не истребленные индейцы оседали на земле или уходили прочь, на запад. Туда же уходили и европейцы — любители специфического образа жизни.

Опять скажу: не умеем мы использовать реалии нашей истории для пропаганды. Не догнать нам в этом «цивилизованные» народы Запада, умеющие сделать из любого подходящего материала конфетку! Американский супермиф о Диком Западе, войнах с индейцами и ковбоях... Это целый пласт американской культуры, а теперь и пласт культуры всего Запада.

Вестерн как жанр в литературе, голливудские вестерны как киножанр подняли на недостижимую высоту образы наивных, но честных

переселенцев, гордых индейцев, благородных американских военных в щегольских синих мундирах и желтых нашейных платках.

Они превратили кровь и грязь завоевания чужой земли, историю истребления целых племен, жестокости и расизма в красивую сказку о храбрых и сильных людях, которые не всегда понимали друг друга, но были честны, храбры и трудолюбивы.

Полудикие пастухи, пренебрежительно прозванные «коровыми парнями», ковбоями, стали не подонками своего общества, вечно пьяными и драчливыми, как подростки (но с настоящими пистолетами). В книжках и фильмах они превратились в романтических личностей, свободолюбивых и гордых.

Отвратительные исторические реалии захвата, истребления и грабежа показаны как увлекательные приключения. Преступления, совершенные американцами, уходят в тень...

Где, в каком вестерне — книжке или фильме идет речь об истреблении бизонов, как планомерной политике правительства США? А ведь громадные дикие быки уничтожались специально, чтобы лишить индейцев привычной пищи...

Где и кто описал или хотя бы даже упомянул, как близ индейских стойбищ для распространения заразы разбрасывались одеяла, снятые с умерших от оспы? Как американцы официально платили за скальпы индейцев, в том числе за скальпы детей? Нигде... Страшное, кровавое, мерзкое ушло из мифа...

У нас можно было бы создать миф несравненно более красочный и увлекательный: супермиф о казаках, о вольных русских людях, осваивающих наш Дикий Юг.

Морально мы правы. Мы не запятнали себя преступлениями. Мы не были расистами, и в ряды казаков легко входили представители местных народов Кавказа. Мы вели не разбойничьи набеги с угоном скота, а настоящие тяжелые войны для защиты России от грозных соседей — вовсе не первобытных племен.

В общем, казаки мало похожи на ковбоев, и эта непохожесть явно в пользу казаков. Но где в нашей литературе жанр «южного романа» о реалиях завоевания Новороссии и Северного Кавказа? Где фильмы, в которых сильные и гордые люди отбивают набеги татар и адыгейцев? Где образы мудрых и спокойных казачьих старейшин, сторонников и противников отхода казачьих земель под руку Москвы? Образы храбрых парней и могучих глав семей, умных разведчиков, знающих по несколько местных языков и основателей новых станиц?

Наконец: в каких фильмах восславлено основание русских сел и городов по Кубани, Тереку, на берегах Каспия и в предгорьях Кавказа? У нас чуть ли не комплексуют от того, что предки воевали на окраинах Руси, расширяя ее пределы...

А вот американцы гордятся предками, проникавшими за Миссури... За реку Канзас... В предгорья Скалистых гор... В Калифорнию... Предками, которые через прерии правили фургонами под лозунгом «GO WEST!».

А у нас люди, сделавшие стократ больше, не восславлены. Далее вообще не отмечены. Мы их не знаем, как и не было...

Но вернемся к реалиям Кавказской войны.

Кавказская война для большинства современных русских — это война в теснинах гор, на фоне снеговых вершин. Но задолго до штурма горских аулов русским здесь приходилось штурмовать турецкие крепости.

Сочи.

Достижимая мечта советского человека. Город, где жил бы, если бы знал прикуп. Попастъ в олимпийский Сочи скоро станет мечтой во всем мире.

Вот одно географическое название, наверняка знакомое читателям, — Анапа.

«Анапа, эта оружейница горских разбойников, этот базар, на котором проливались слезы и пот, и кровь христианских невольников, этот племянник мятежей для Кавказа, Анапа, говорю, в 1828 году обложена была с моря и с угорья». ^[186]

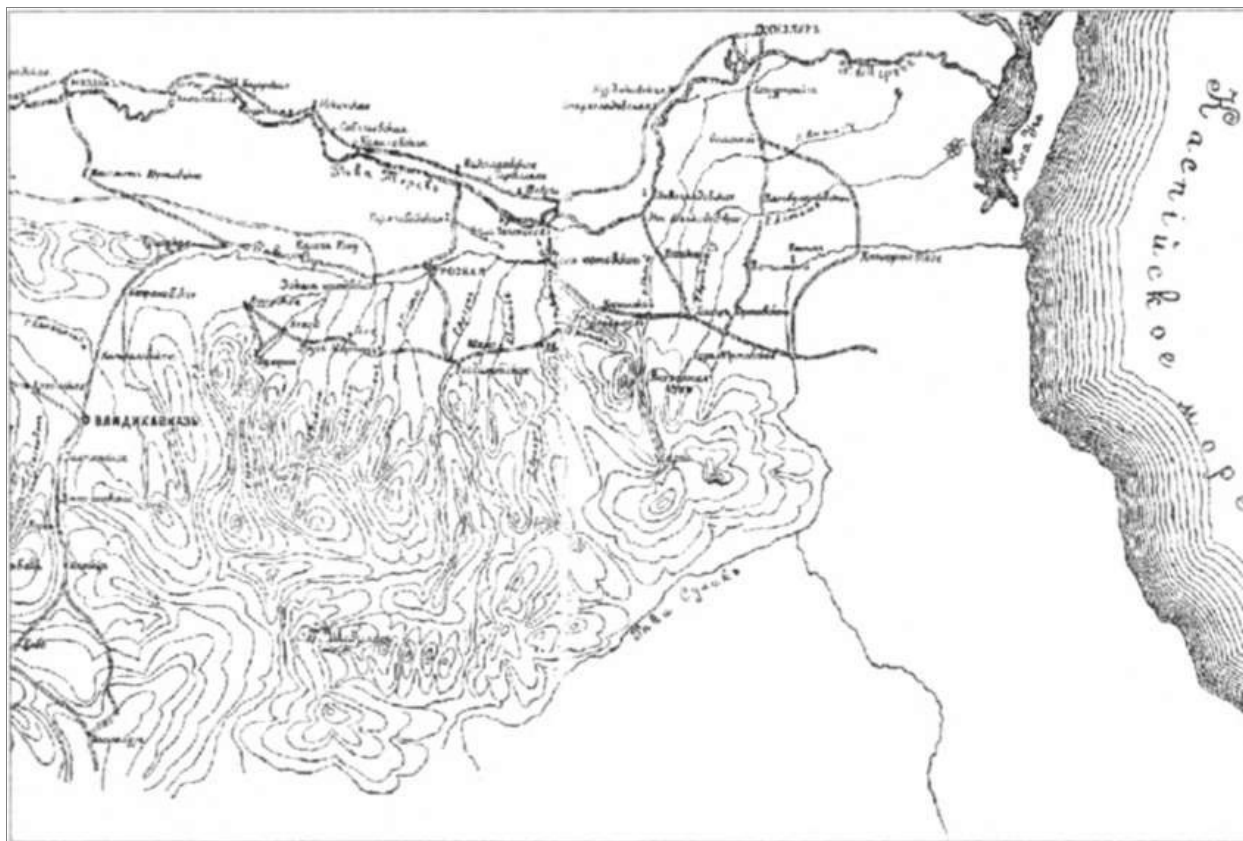
О завершении судьбы автора этих слов, Александра Бестужева, писавшего под псевдонимом Марлинский, говорят то приподнято-романтически: «...Теперь дело шло о героической смерти. В тот же день он добился своего», ^[187] то протокольно-сухо: «Убит в стычке с горцами». ^[188]

Но в любом случае речь может идти только об одном событии — о сражении 7 июня 1837 года при мысе Адлер. Мыс Адлер находится сегодня на территории Большого Сочи, и с него только в хорошую погоду виден большой Кавказский хребет. Да и то нечетко.

И еще, кстати: Бестужев-Марлинский вовсе не погиб. Никто и никогда не видел его мертвого. Александр Бестужев пропал без вести, без малейшего следа; как полагается говорить, «никто никогда его больше не видел».

Пока же отметим: и на Северном Кавказе, и на Кубани, и в Восточном Причерноморье Россия не могла ни остановиться, ни вывести оттуда войска, ни уйти обратно в великорусские леса.

А роскошные черноземы Кубани именно русские превратили в распаханые, окультуренные земли.

Карта кавказских «линий».

Кавказские линии — точно годовые кольца. Они показывают, как Кавказ двигался к цивилизации

Начало Кавказской войны

Кавказская война стала предлогом для множества обвинений в жестокости и агрессивности в адрес Российской империи. Но, простите, а как она началась? С чего? Большинство современных русских искренне полагают, что с наступления русских войск на Кавказе. Это не так.

По мнению современников, коим те события казались несравненно ближе, чем нам, «кавказская война выросла из набеговой системы». ^[189]

Трудно сказать, когда сформировалась набеговая система, по крайней мере не позднее XVI-XVII веков. Русские офицеры и генералы даже в условиях войны готовы были относиться к горцам сочувственно. Они совершенно справедливо считали набеговую систему «дитятей бедности»,

но одновременно (и тоже справедливо) и проявлением дикости и некультурности горцев. Долгое время русские офицеры и государственные деятели искренно полагали, что надо только «устроить» жизнь горцев, сделать ее «обеспеченной от лишений», стабильной, и набеги окончатся сами собой.

В какой-то степени они были правы, эти благожелательные русские люди. Тогда рост населения происходил даже в бедных долинах Северного Кавказа. Рост населения рано или поздно приводил к тому, что продуктов питания начинало не хватать. Теоретически можно было перейти к каким-то более интенсивным технологиям ведения хозяйства... Насколько эта теория могла претвориться в реальность — второй вопрос.

Реально горцы могли бы расселиться на другие территории (желательно с похожим климатом и условиями жизни); но на равнинах уже были русские. Земли у горцев стало даже меньше, потому что они уходили из зон русского расселения, «тянулись» в горы. Людей становилось все больше, земли все меньше.

Раньше можно было бы завоевать уже населенные земли, чтобы эксплуатировать своих данников или подданных. Но этому тоже препятствовали русские.

Еще, конечно, горцы могли сделать так, чтобы окружающего населения стало поменьше... Вот эту задачу набеги не в полной мере, но решали. Далее при русских. Прекрасной иллюстрацией является как-то попавшая мне на глаза в альбоме репродукция старой картины одного художника, кажется, под названием «Товар черкесов». На этой картине, написанной во второй половине XVIII века, черкесы предлагают богатым арабам свой товар — краденых славянских девушек.

А поскольку в набегах всегда погибала какая-то часть молодых мужчин, набеговая система помогала и регулировать численность населения; все-таки население росло не так быстро, а в какие-то периоды могло и сокращаться, и оставшимся даже хватало продуктов...

Набеговая система складывалась веками как реакция на проблемы горского общества. Но, сложившись, она сформировала совершенно определенный тип общества и определенный человеческий характер.

Необходимость участвовать в вечной войне всех против всех сформировала тип людей невероятно агрессивных, крайне жестоких, равнодушных и к собственным страданиям, и к страданиям других людей. На протяжении веков и поколений готовность к военным действиям, к бою в любой момент поощрялась. Воинственность на уровне личности против истинного или надуманного «обидчика», на уровне семьи против других

семей, в составе отряда своего рода или племени против других родов и племен — вот тип поведения, который сформировал характер горских народов.

Набег был не только доходным экономическим мероприятием, но и важным общественным институтом, формой подготовки к жизни и проверки нового поколения. Только приняв участие в набеге, юноша и в собственных глазах, и среди соплеменников из мальчика превращался в члена сообщества взрослых мужчин, хозяина в доме.

Во все века и у всех народов обязанностью взрослого мужчины было кормить семью. В набеговой же системе умение воевать, совершать набеги на чужую землю и возвращаться, грабить поверженного врага, похищать и продавать рабов было ценнейшими качествами хозяина, ничуть не меньшими, чем в обществе земледельцев было умение быть сельским хозяином, а в современном обществе — умение выполнять квалифицированную работу.

Так набег оказывался важнейшим не только с экономической и социальной, но и морально-нравственной точки зрения. Он был краеугольным камнем для любых морально-этических оценок. Как у русских — земледельческие работы, строительство или «государственная служба».

В 1804 году чеченцы впервые совершили набег на русских переселенцев на Кубани. Русские отстрелялись. Они построились в каре, старики, женщины и дети внутри, и ушли из деревни. Ворвавшись в деревню, чеченцы нашли в печах или на столах чугушки и корчаги с только что сваренными щами. И первое, что они сделали, — съели эти щи. Горы. Голод.

Повторюсь, русские офицеры долгое время были искренне убеждены: горцев можно убедить не совершать набеги! Ведь преимущества мирной жизни очевидны. Только, наверное, горцы просто еще об этом не знали. И Николай I, и очень многие образованные русские люди были убеждены: стоит рассказать диким людям о цивилизации, и они встанут на сторону цивилизаторов.

Цивилизаторский пафос привел в горы образованнейшего человека, главу Черноморской линии генерала Анрепа, искренне намеревавшегося замирить горцев «силою своего красноречия».

«С ним был переводчик и человек десять мирных горцев, конвойных. Они проехали в неприятельском крае десятка два верст. Один пеший лезгин за плетнем выстрелил в Анрепа почти в упор. Пуля пробила сюртук, панталоны и белье, но не сделала даже контузии. Конвойные схватили

лезгина, который, конечно, ожидал смерти; но Анреп, заставив его убедиться в том, что он невредим, приказал его отпустить. Весть об этом разнеслась по окрестности. Какой-то старик, вероятно, важный между туземцами человек, подъехал к нему и вступил в разговор, чтобы узнать, чего он хочет? «Хочу сделать вас людьми, чтобы вы веровали в Бога и не жили подобно волкам!» — «Что же, ты хочешь сделать нас христианами?» — «Нет, оставайтесь магомедовой веры, но только не по имени, а исполняйте учение вашей веры». После довольно продолжительной беседы, горец встал с бурки и сказал очень спокойно: «Ну, генерал, ты сумасшедший, с тобою бесполезно говорить».

Я догадываюсь, что это-то убеждение и спасло Анрепа и всех его спутников от верной гибели: горцы, как и все дикари, имеют религиозное уважение к сумасшедшим. Они возвратились благополучно, хотя конечно без всякого успеха». [\[190\]](#)

Попытка красноречиво убедить горцев не набегать, в общем, говорит об одном: у русских просто не было никакого другого выхода, кроме войны.

Не ответить на набеги горцев российская армия не могла, потому что никогда и ни одно государство не могло и не может допустить, чтобы его подданных на собственной территории безнадежно грабили и превращали в рабов.

Завоевать земли горцев, занять теснины Кавказа своими войсками Россия не могла, прочно победить их тоже не могла. Реально русская армия могла только стараться перехватывать во время набега «злого чечена, ползущего на берег» или отвечать набегом на набег, уничтожая жилища и посеvy горцев, обрекая их на голод.

Так и началась Кавказская война, одна из самых кровопролитных, долгих и тяжелых войн, какие только вела Россия за всю свою многострадальную историю. За время этой войны погибнет 70 тысяч русских солдат, примерно столько же грузинских ополченцев и несколько сотен тысяч горцев разных племен. Будут затрачены колоссальные материальные ресурсы и невообразимые усилия с обеих сторон.

На западе и севере

Точно так же, как Причерноморье, русские не без исторических оснований считали своей землей и Прибалтику. Не будем даже и говорить о землях Древнего Новгорода, захваченных Швецией после Смутного времени. В представлении и местного населения, и правительства

Московии, а потом Российской империи, Ижорская Земля всегда была частью исторической Руси.

Это, кстати, касается и очень значительной части земли, которая сейчас входит в состав Эстонской республики.

Иногда приходится слышать, что Тарту хотя и был «в X и XI вв. известен как поселение древних эстов — Тарпату», но «впервые упоминается в летописях под 1030 годом как город Юрьев, построенный Ярославом Мудрым (по христианскому имени Ярослава — Юрий)». [\[191\]](#)

Летописное сообщение об этих неоднозначных событиях краткое: «Иде Ярослав на чюдъ, и победи я, и постави градъ Юрьевъ». Эпически конкретно и коротко.

Русские имели все основания считать, что Московия не завоевывает земли Ливонского ордена, а скорее возвращается на свои исторические территории. Точно так же, как Потемкин не столько завоевал, сколько вернул Руси Причерноморье.

Впервые Русь попыталась вернуть свои земли и пробиться к Балтийскому морю при Иване Грозном, в ходе Ливонской войны. Не получилось, и попытку пришлось повторить при Петре I — начать Северную войну 1700–1721 годов. Это была тяжелая война, с сильным и жестким противником. Ведь шведы вовсе не собирались отдать России то, что ей принадлежало по праву. Пришлось двинуть армию, потерпеть тяжелое и позорное поражение под Нарвой, снова собирать и двигать новые армии, штурмовать Ниеншанц, Мариенбург и Нотебург, Ригу, Ревель и Выборг, строить флот и закладывать Петербург — первоначально тоже как крепость.

Россия Петра была очень «агрессивная»: она не только заняла Восточную Прибалтику, но и три раза высаживала десант в саму Швецию. В 1720 году русский десант воевал близ самого Стокгольма, что и заставило шведов окончательно признать свое поражение и начать мирные переговоры.

Петербург, признанное «окно в Европу», был основан именно как Петропавловская крепость и вырос первоначально вокруг этой крепости. В точности как Курск и Воронеж постепенно оказались в глубине России и утратили значение крепости, так и Петербург постепенно становился не укреплением, а экономическим и политическим центром.

Как Турция не мирилась с Русским Причерноморьем, так и Швеция не смирилась с появлением Русской Прибалтики. Как Турция вела войны с Россией уже после присоединения Крыма и основания Одессы, так и Швеция воевала с Россией уже после основания Петербурга.

В русско-шведской войне 1741–1743 годов шведы пытались вернуть земли на юге Балтийского моря и захватить Петербург.

В 1788 году шведы снова воспользовались тем, что Российская империя завязла в очередной войне с Турцией. Внезапным ударом, без объявления войны, они попытались завладеть русскими крепостями, в том числе и опять Петербургом. После ряда морских сражений Швеции пришлось заключить мирный договор на условиях сохранения прежних границ.

И только после четвертой (за 100 лет) русско-шведской войны 1808–1809 годов Швеция перестала угрожать непосредственно столице России. После того как разбив шведскую армию, Россия полностью присоединила Финляндию, превратив Финский залив во внутреннее русское морское пространство. Именно тогда Россия образовала Великое княжество Финляндское со своей конституцией, но в составе Российской империи.

Но даже и после этого Петербург сохранял значение военного форпоста. Во время Крымской войны 1853–1855 годов возникла реальная опасность английского десанта под Петербургом, что даже обусловило спешное формирование городского ополчения на случай боев в городе или в его окрестностях.

Даже печально известная финская война 1940 года была в большей степени, чем это может нам показаться, оборонительной. Ставшая независимой Финляндия, заключив союзный договор с Германией Гитлера, всерьез угрожала Русской Прибалтике, в том числе и Петербургу.

Финны тогда пели озорную песню (на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец») с припевом:

Гоним Иванов,
гоним Иванов за Териоки,
За Ингерманландию!

А что такое эти Териоки? Это вообще-то пригород Петербурга, современный Зеленогорск.

В финской войне Советская Россия, СССР, вынуждена была продолжать политику Российской империи. А что еще она могла поделать? Уйти из Прибалтики? Отдать Ленинград- Петербург? В таком случае, все, чего мы бы добились, — это возвращение к ситуации «до Петра». Только вместо Швеции на Западе — гитлеровская Германия в союзе с Финляндией.

Ну а соседний Русский Север — места когда-то дикие, нелюдимые —

вообще изначально мирно и медленно осваивали только наши православные монахи. Поначалу центральная власть не имела никакого отношения к деятельности подвижников. Ученики Сергия Радонежского создавали монастыри в самых глухих местах — можно сказать, что Сергий создал сетевую систему распространения монастырей. Всего за сто лет после него появилось 150 новых обителей. Ярчайший пример — Соловки времен игуменства будущего митрополита Московского Филиппа Колычева. При Филиппе в середине XVI века все Беломорье действовало как единый монахо-хозяйственный комплекс с центральным «министерством» на Соловках.

Монахи, кстати говоря, очень успешно хозяйствовали в те времена под руководством Филиппа Колычева. Мы, светские люди, сегодня совсем не помним эту легендарную, достойную всенародного поклонения фигуру. Увы, это «беспамятство» — очередное доказательство того, как пренебрегаем мы собственной историей, собственными великими людьми, могущими дать не меньший духовный образец для подражания и восхищения, чем целый пантеон древнеримских героев дает современным наследникам Рима.

Короче — о Колычеве.

Для нас, пытающихся во имя дня сегодняшнего, избавиться от мифического, наносного, того, что замусорило восприятие нами собственной истории, просто упомянуть его монументальную фигуру все было бы непростительно.

Боярский сын, ушедший в 30 лет в дальний северный монастырь в монахи. Рядовой монах, благодаря праведности, администраторским талантам и харизме, ставший настоятелем крупнейшего монастыря. Настоятель, превративший монастырь, как бы сказали сегодня, в процветающее предприятие, центр культурной и хозяйственной жизни всего Русского Севера.

Став по приглашению Ивана Грозного Митрополитом [\[192\]](#) Московским, Колычев не просто спорил с царем, пытался остановить опричный террор, заступался за невинно осужденных. ОН постоянно ПУБЛИЧНО осуждал Государя за опричнину, за нехристианские его деяния.

В итоге был лишен сана по приказу Грозного и схвачен опричниками прямо в Кремле, в УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ВО ВРЕМЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ. Год провел в заточении, не отрекся от своих взглядов, демонстративно отказался благословить Новгородский поход Грозного.

Чудовищный финал — задушен лично Малютой Скуратовым прямо в

своей монашеской келье.

Смею сказать: такие люди как святой Филипп (Федор) Колычев — сама суть, соль земли нашей. Недостижимый образец таланта, величия духа, стойкости и истинной святости.

Но почему нет памятника ему в центре Москвы? Почему отдельным уроком не проходят его судьбу в школе, на уроках истории?

Его судьба удивительным образом повторяет судьбу другого святого Римско-католической церкви — жившего несколько ранее, Архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета. Та же незаурядная личность. Та же вера, что церковь как власть нравственная — неподсудна светской власти монарха и не должна от нее зависеть. Те же сложные отношения со «своим оппонентом» — королем Англии.^[193] И даже страшная смерть его, от рук королевских рыцарей, прямо на ступенях Собора созвучна истории ареста и гибели Филиппа.

Но почему-то сдается мне, в наших учебниках об английском архиепископе Томасе Беккете написано поболее, чем о русском священнике Филиппе Колычеве.

На востоке

Взятие Казани, Астрахани при Иване Грозном, в XVI веке, дало возможность русским заселять Заволжье. С точки зрения русских, Заволжье до XVI века было пустым. Предуралье уж тем более — дальний конец русской земли. Пермские владения купцов Строгановых, ставшие в XVI веке базой для продвижения русских в Сибирь, воспринимались почти как владения Ост-Индской компании в Индии.

Впрочем, уже в конце XVI века Московии платили дань угры, живущие по азиатским склонам Урала. В том же XVI веке московские служилые люди дошли до Енисея. Вассалом Москвы признало себя Тюменское ханство, а позже и Сибирское ханство.

В истории завоевания Сибири самым известным стал эпизод совершенно незначительный, не сыгравший, в общем, никакой серьезной роли: поход нанятого Строгановыми казачьего отряда под начальством Ермака Тимофеевича. Историки не знают точную дату этого похода, называют то ли 1579 год, то ли 1581 год.

Так и осталось неясным, нанес ли отряд Ермака поражение татарам или хан Кучум попросту отступил перед казаками, потому что не имело смысла воевать с ними, бредущими через колоссальную, почти безлюдную

равнину. Казаки разграбили несколько городков, в том числе и столицу Кучума — Кашлык.

Татары и другие народы Сибирского ханства — примитивного феодального государства признали власть московитов, и дело тут не в походе Ермака. Просто русские строили города: в 1582 году — Тюмень, в 1587 году — Тобольск, в 1593 году — Березов,^[194] в 1596 году — Обдорск.^[195]

В Сибири, так же как на юге и на севере, основанные города были в первую очередь крепостями. А брать крепости сибирские татары не умели.

Из городов в любой момент могли выйти закованные в панцири казаки с ружьями. Забавная деталь: казаки кормили лошадей ячменем и потому могли ездить на них даже в морозы. На сибирских татар это производило огромное впечатление, ведь их лошади жили весь год на подножном корму, и ко второй половине зимы превращались в живые скелеты.

Российская империя обретала мощь, и московиты шли дальше, в глубь Сибири, основывая острог за острогом: в 1604 году — Томск, в 1619 году — Енисейск, в 1628 году — Красный Яр.^[196] В 1630 году основан Илимский острог^[197] — на Ангаре, в Восточной Сибири, в 1631 году — Братский,^[198] а в 1661 — Иркутск.

В 1632 году построен Якутск, в 1654 году — Нерчинск, в 1706 году — город Чита.

В 1639 году русские служилые люди и группа казаков вышли к Охотскому морю.

В 1648 году Семен Дежнев, отправляясь из устья Колымы, огибает Чукотский полуостров. Он открывает пролив, который сегодня называется Беринговым, — в 1737 году Беринг повторит поход Семена Дежнева и документировано докажет, что Америка не соединяется с Азией.

Сокрушение Казанского и Сибирского ханств, освоение Сибири откроют колоссальный фонд новых земель.

К началу XVIII века Волга становится уже окончательно и бесповоротно со всех сторон русской рекой. Как и Урал — частью государства Российского. Правда, еще Петр I говорил промышленнику Демидову: «Где там твои заводы?! Урал — это же на краю света».

В Сибири в конце XVII века живет до 300 тысяч русских людей, примерно 2 % всего населения Московии.

Конечно, распределены русские крайне неравномерно. На севере и северо-востоке, где невозможно земледелие, их никогда не было много. В 1643 году на реке Оленеке было 156 русских, в низовьях Лены — 461. В

1647 году открылась ярмарка на Колыме, в которой участвовали 396 промышленников. Сознательно даю точные цифры, чтобы психологически читатель понял: тогда число наших поселенцев в Сибири действительно исчислялось не десятками тысяч, а просто десятками...

В середине XIX века от устья Лены до Чукотки (2 тысячи километров) было около 30 населенных пунктов, в которых жило порядка 600 крестьян и мещан.

Но уже к 1690 году в Якутии проживало порядка 2–3 тысяч русских, а к 1850 году — около 10 тысяч человек, из них 5 тысяч — крестьяне. С учетом общей низкой плотности населения русские составляли около 15–20 % от всей его численности.

Сибирские города-крепости были призваны защищать население от набегов, ведь со всех сторон — открытое пространство.

Кыргызы два раза пытались взять Красноярск. В 1667 и в 1679 году джунгары и енисейские кыргызы осадили город и несколько раз ходили на штурм. Красноярыцы отбились с трудом, потери составили 194 человека — это половина всего гарнизона.

В Красноярске отбывали наказание украинские казаки, взятые в плен во время Украинской войны. Их ссылали подальше, и они продолжали нести службу уже в Сибири. В 1679 году выпустили из тюрьмы В. Многогрешнова, брата гетмана левобережной Украины.

Вообще-то Многогрешное должен был «сидеть в порубе навечно», но очень уж нужна была каждая сабля. Он так хорошо организовывал отражение штурма, так лихо бился с кыргызами, что был прощен, сделался «сыном боярским». Известно, что в 1692 году отряд в 750 сабель под командой Многогрешнова нанес поражение тубинским кыргызам и тоже привел их «под руку» Московского царя.

Красноярск как крепость перестал функционировать только после 1703 года: в этом году кыргызы ушли в Джунгарию и прекратили набеги на русские земли. С этого времени Красноярск — мирный сибирский город.

Последняя память о Красноярске-крепости — знаменитая часовня, поставленная на Часовенной горе, нависающей над Красноярском. Построили ее на том самом месте, где раньше стоял сторожевой пост. Заметив врага, сторожевые казаки поджигали кучу хвороста, подавая сигнал жителям города. Эта часовня хорошо знакома читателю, так как именно она изображена на современной 10-рублевой купюре.

В Восточной Сибири так же как и в Западной русским приходилось отражать набеги кочевых племен: три раза миролюбивые нынче буряты пытались взять Братск и Иркутск.

В 1650-е годы русские доходят до Амура, основывают крепость Албазин.^[199]

Московия официально присоединяет районы вдоль Амура к своей территории как административные единицы.

И тогда маньчжуры двинули против поселенцев регулярную армию, она вошла на территорию русского Забайкалья и осадила Нерчинск. Под стенами Нерчинска прошли переговоры между российским посольством и маньчжурами. 27 августа 1689 года маньчжурский полководец и посол подписали Нерчинский договор. До середины XIX века этот договор оставался основным документом для решения российско-китайских пограничных вопросов...

Долина Амура по договору оставалась за Китаем, Московия оставляла за собой все, что ограничено хребтами, запирающими долину Амура с севера. Но беда в том, что названия рек и гор, по которым шло размежевание, были разными в русском, маньчжурском, и во всех местных языках. Если далее удавалось договориться, о какой горе или реке идет речь, не было никакой уверенности, что это название не применяется ни к каким другим горам и рекам.

Так и в текстах русского и маньчжурского договора названия были не идентичны. Спорить можно только о том, какие именно статьи договора и с какой вероятностью должны были бы привести к войне.

Даже на дальних, почти неизвестных цивилизованному миру окраинах нужно было держать армию, или погибнуть.

Империя против империй

Особенность ситуации заключалась в том, что Российская империя, как правило, воевала не с национальными государствами, а с другими «завоевателями».

Правящая элита этих государств, по сути, сидела на «чужой» территории. Слово «империя» звучит, конечно, непривычно слуху в отличие от Казанского, либо Кыргызского ханств, но, по сути, это были держащиеся только на военной силе, пришедшие «извне» режимы.

Империями были все татарские ханства — Казанское, Тюменское, Сибирское и Астраханское. В них татары господствовали над завоеванными ими племенами и, следовательно, эксплуатировали их нещадно. Покоренные данники, должны были по требованию татарских ханов, воевать на стороне ханских армий. Читатель может увидеть, как

выглядело это многонациональное ханское войско на картине В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Империями были и крымское ханство, и Турция, и Речь Посполитая, и Австрия, и Швеция.

Империями были государство маньчжуров, все государства монголов. Империей был Кыргызский каганат, остатки которого разрушили русские на Енисее.

Первобытные имперские народы были ничем не лучше, а наоборот, много хуже европейских колонизаторов: более жестокими, злобными, свирепыми. Они сильнее презирали завоеванных, страшнее угнетали их и более жестоко подавляли.

Именно поэтому жители Крыма и формальные подданные Турции на Северном Кавказе ничего не имели против русских.

Точно так же и покоренные татарами и кыргызами племена Сибири обычно считали, что русские даже лучше их прежних владык.

Даже христианские государства Грузии и Армении — не национальные государства. Картлийско-Кахетинское царство — типичная империя, в него входили и армянские земли, и аджарские, и абхазские. Армянское государство Багратидов также — типичная империя, которая, однако, не выстояла в войне с мусульманами. Эдакая империя-неудачник.

Получается, что все, кого включила в свой состав Российская империя, сами пытались строить завоевательные империи разного масштаба.

Глава 6 Самая плохая империя

Эпоха колониализма

Миф об агрессивности России, ставший частью европейской политики при Наполеоне, использовался весь XIX и XX века. И это обвинение активнее всех бросали страны, построившие свое благополучие на самой жестокой эксплуатации всего человечества.

Действительно, XIX век — век колониальных империй. Франция завоевывала Африку, Индокитай, присоединяла острова в Тихом и Индийском океанах. Британия делила почти пополам Африку с французами, осваивала Индию, воевала с Афганистаном, завоевывала Бирму, осваивала Австралию и Новую Зеландию. Даже маленькая Бельгия умудрилась занять в Африке огромные территории по реке Конго, а северная Швеция — захватить несколько островов в Карибском море.

Это эпоха строительства колониальных империй всех европейских держав. Строительство империй заморских, сопровождавшееся невероятными жестокостями и проводившееся исключительно с целью «приобретения» материальных ценностей, то есть, попросту говоря, грабежа.

Но вот, что интересно: в Центральной Европе и в Скандинавии не возникло никаких негативных эмоций по отношению к этим империям. Приключения офицеров колониальных армий преподносились как романтические и увлекательные. Колониальные мифы — интересные и яркие истории, а вовсе не трагедии.

Один из таких мифов описан Генрихом Сенкевичем. Его книга «В пустыне и пуще» посвящена судьбе двух польских ребятишек, оказавшихся в Судане во время восстания местного мусульманского «пророка» Махди. В этой повести описано противостояние «очень плохих» суданцев и «очень хороших» европейцев. На «хороших» жителей юга Судана нападают мусульмане. Хорошо, что в Судане есть англичане с пулеметами, они остановят плохих черных мусульман.

Эта книга настолько колонизаторская по духу, что в СССР ее даже запретили печатать. И в собрание сочинений классика польской литературы Генриха Сенкевича в середине 1980-х ее не включили.

Но вот, что интересно: и для Сенкевича Московия — совершенно чудовищное государство. В его знаменитой трилогии о польско-русско-

украинских войнах XVII века, особенно в «Огнем и мечом», и православные малороссы, и их русские единоверцы — жестокие негодяи.

А вот Британская империя рисуется вполне симпатичной. Как модно говорить сейчас: политика двойных стандартов очевидна.

С 1812 года стало совершенно привычным осуждать Россию за любые территориальные приобретения, любые «округления» территории Российской империи. Это при том, что росла она совершенно по-иному, чем европейские.

Европейские империи возникали потому, что хотели жить за счет других народов. Приятно это слышать или нет, является ли мое высказывание «политически корректным» или не является, но это так.

Испанское завоевание Америки, конкистадоры, Писсаро и разрушение великих цивилизаций инков и ацтеков — все это было только первым актом мировой трагедии неевропейских народов. Самые передовые, промышленно развитые европейские державы начинали с того, что вели работорговлю в Африке и Азии. Постепенно европейцы укреплялись на территории других стран, заводили там свои армии, и уже не торговали с борта кораблей, а претендовали на политическую власть на далеких тропических берегах. Но и тогда главным для них было извлечение прибыли.

Жизнь в непривычном тяжелом климате, среди невиданных зверей и ядовитых рептилий и насекомых, среди враждебных (порой — поневоле враждебных) племен была опасной. Возвращались не все, даже если и не принимали участия в военных действиях. Но жизнь и служба в колониях могла сделать богатым даже самого бедного солдата колониальной армии или служащего торговой фирмы.

Испанцы возвращались из Америки с полными торбами золота. Тот, кто сделал карьеру в очередном отряде конкистадоров, получал землю, много земли, и притом с крепостными индейцами. Вчера еще нищий дворянин с прокаленных солнцем плоскогорий Кастилии или даже обитатель городского дна за считанные годы становился богатым помещиком.

История колониальных империй полна потрясающими случаями внезапного обогащения. Как сказал Валентин Пикуль, «удачи неожиданной и ослепительной, как ночной выстрел в лицо».^[200]

В 1799 году, в Индии во время штурма Серингапатама некий солдат 74-го мадрасского батальона сорвал с трупа султана алмазные браслеты. В тот же день он продал их полковому врачу за 1500 рупий, а врач продал их за сумму, дававшую годовой доход в 2 тысячи фунтов стерлингов. Оба

обогатились, хотя и в разной степени, из чего мораль: некоторых покойников обобрать бывает очень выгодно.

Впрочем, были и другие способы, надежнее. Когда там еще повезет наткнуться на труп султана. Вот, полковник Вуд во время англо-мадрасской войны не отдавал своим солдатам выделенное продовольствие, а продавал его противнику. (А вы говорите, Чечня, интенданты воруют...)

Многие офицеры Ост-Индской компании не выключали убитых из списков, годами получая их жалованье. Половина добычи в войнах, которые велись компанией, официально полагалась офицерам, и лишь вторая половина — компании. Но служащие присваивали часть добычи, вымогали взятки у купцов. Очень многие британские джентльмены в Индии мало отличались от «джентльменов удачи», в том числе потому, что добивались там главным образом частного успеха «частными» методами, только для себя лично.

Показательна, как иллюстрация, живая легенда Британской Индии — Роберт Клайв. Будучи мелким клерком Ост-индской компании в Мадрасе, он в 19 лет (в 1744 году) пошел добровольцем в частную армию этой компании, сделал блестящую карьеру и нагрбил приличное состояние. Такое большое, что сумел путем серии подкупов получить титул лорда. Уже немало!

В 1765–1767 годах Роберт Клайв — губернатор Бенгалии, где он вводит знаменитую монополию Ост-Индской компании на соль и опиум. Отстраняя от власти местных раджей, компания начинает собирать подати с местного населения. Состояние губернатора растет. Методы, применяемые Клайвом, были таковы, что в Англии его даже не принимали в престижные клубы, а несколько дам, на которых он хотел жениться, отказали ему «по моральным соображениям». Что ж, надо отметить, что в респектабельной Англии не всегда подавали руку тем, кто возвращался из колоний с дурной репутацией.

В 1773 году видного строителя Империи, знаменитого полководца Роберта Клайва вызвали на парламентскую комиссию в Палату общин.^[201] Обвиняли его в обмане Ост-Индской компании, в ограблении собственных солдат, присвоении огромных сумм.

Но комиссия оправдала Клайва, отметив: хотя он иногда и злоупотреблял властью, но «оказал великие и достойные услуги Англии». На сим основании он и был оправдан.

Что характерно: ни один российский генерал-губернатор или «туркестанский генерал» в XIX веке не побывал под судом за такие же обвинения.

Торговля в колониях давала невероятные возможности обогащения.

Можно как угодно относиться к капитализму, но поведение более патриархальных, не буржуазных русских колонизаторов как-то симпатичнее. В том числе и потому, что грабили они, конечно, тоже, но как-то поприличнее, что ли... «Успех» для русского офицера означал в первую очередь возможность заработать очки на службе, а затем получить от своего официального руководства какие-то материальные блага — пенсию, землю, крепостные «души». И уже в последнюю очередь «преуспеть» означает награть что-то для себя.

К тому же каша колонизация вовсе не была реализацией агрессивно-параноидальных царских замыслов подневольными русскими, как это любят представлять некоторые историки. На восток, на юг и на север продвигались, в основном, свободные «элементы» — казаки, купцы и крестьяне, ищущие воли, да лучшей доли, да собственной выгоды. Нужно быть совсем уж упертым, чтобы в русских первопроходцах и предпринимателях конца XVIII — начала XIX века, осваивавших, скажем, Аляску, видеть подневольных людей, которые руководствуются депешами из Санкт-Петербурга.

Впрочем, таких упертых по сей день хватает.

Англия, Россия, пропаганда и колониализм

По мнению европейцев, агрессивность Российской империи проявлялась в том, что она постоянно вела агрессивные войны. Помилуйте, но разве их вела одна Россия?!

Вся история Британии с XVI по XX век — сплошная череда колониальных войн за новые территории. Войн между европейскими державами за уже захваченные или за право завоевывать «туземные» государства. Например, многочисленные англо-испанские войны и англо-голландские войны XVII-XVIII веков.

Весь XVIII и весь XIX век Британия ведет серию войн для завоевания Индии. Взять хотя бы три англо-майсурские войны 1767–1799 годов.

Две первые англо-майсурские войны окончились тем, что противники заключали мир, возвращая «по очереди» друг другу все захваченные территории и пленных. Казалось бы ничья, но окончательную точку в этих войнах поставил штурм столицы Майсура, Серингапатама 4 мая 1799 года. Город был захвачен и разграблен. Название этого города может быть знакомо читателю: именно в Серингапатаме проклятый полковник Джон

Геркастль похитил в храме индийской богини знаменитый Лунный камень, огромный бесценный алмаз. Тотальные грабежи в столице раджи сделали убедительным завязку захватывающего детектива Уилки Коллинза.^[202]

Потом были три англо-маратхские войны (1775–1818 гг.) и англо-пенджабские войны, англо-непальская война 1816–1818 годов и восстание сипаев в 1857–1859 годах.

В XIX–XX веках войны за Индию «логически» продолжили англо-афганские, англо-бирманские и англо-тибетскую войны.

В результате по всей Индии вспыхивали восстания протеста против колонизаторов. Восстания сингалов, например, вспыхивали с завидной регулярностью — в 1798, 1818, 1848 годах.

Англо-китайскую войну 1839–1842 годов еще называют Опиумной войной. Итогом ее стало восстановление права англичан без ограничений ввозить в Китай опиум, выращенный в Британской Бенгалии. Действительно, зачем воевать, когда можно попытаться и экономически, и физически поработить китайцев, просто «посадив их на иглу». Тогда же Британия отщипнула от Южного Китая маленький скалистый остров, ничем не примечательный кроме того, что он был великолепно расположен географически, представляя собой как бы «ключ» ко всей юго-восточной Азии и Южному Китаю, а кроме того имел лучшую в этом регионе естественную бухту. Этот маленький островок, ставший одним из самых доходных «камешков» в Короне Британской империи, назывался Гонконг.

Вскоре вспыхнула новая англо-франко-китайская война 1856–1860 годов.

В Америке Британия воевала с Францией за Канаду в 1754–1756 годах. Затем, воевала, по сути, со своим же народом за «независимость» Соединенных Штатов — так называемая англо-американская война 1777–1783 годов. Позже была еще одна совсем малоизвестная англо-американская война 1812–1814 годов.

Захватив Канаду, Англия масштабно воевала с племенами ирокезов и могауков.

В 1852 году британский флот бомбардировал Лагос — столицу народа йорубе. Англия захватила побережье Нигерии. В XIX веке Англия колонизирует Абиссинию, Бечуаналенд, основывает Северную и Южную Родезию, оккупирует Кению и Уганду, Египет и Восточный Судан.

В 1806 году Англия захватила Капскую колонию на юге Африки. К тому времени там возник небольшой народ буров — потомков переселенцев из Голландии, Германии, Франции. Буры, честно говоря, были ничуть не меньшими колонизаторами, чем британцы. Они основали

свои республики Трансвааль и Оранжевую, где завели самые жестокие колонизаторские рабовладельческие порядки.

В ходе следующей войны 1899–1902 годов Англия ликвидирует независимые республики буров и основывает свой протекторат — Южно-Африканский союз.

Назвать все военные конфликты попросту невозможно, поэтому я перечисляю только крупные, значительные войны.

Добавлю еще только захват Австралии в 1788–1815 годах, сопровождавшийся истреблением местных племен. В 1840–1872 годах Англия воевала в Новой Зеландии с племенами маори. И — до кучи — захватила несколько остров в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах.

Вы спросите: к чему это скучное сухое перечисление? Мы ведь не чувствуем за этими словами ничего — ни горя целых уничтоженных народов, ни плача младенцев, лишившихся родителей и надежды на будущее, ни звона цепей, сковывающих рабов, ни уничтоженных великих культурных ценностей. Для нас это статистика, не более. Сухая, далекая история. Но я все равно привожу эти сухие имена и факты, ибо уже это только перечисление показывает: демократическая Британия, родина парламентаризма и оплот прав и свобод личности, вела захватнические войны практически непрерывно, порой по несколько одновременно. Если это не агрессивная политика, и если захват колоний — не есть акт агрессии, то интересно, что же это тогда такое?!

Британия, конечно, крупнейшая из колониальных держав. Но и Франция воевала ничуть не меньше, воевала за Канаду, вела войны с Англией за колонии в Индии, в 1826–1849 годах почти непрерывно находилась в состоянии войны с племенами серер и волоф в Западной Африке, захватила Габон. В 1857 году Франция завершила покорение территории Сенегала, уничтожив государственность народа фульбе.

В том же XIX веке Франция оккупирует Алжир, с чудовищной жестокостью подавляя восстания берберских племен, захватывает почти все острова Океании, оккупирует Сомали и Мадагаскар. В ходе последней войны население острова сокращается на треть. Затем Франция захватывает Тунис, в Центральной Африке соперничает с Бельгией за овладение бассейном реки Конго.

В Юго-Восточной Азии Франция воюет без остановки весь XIX век. Что заставляет ее вести войны с такой интенсивностью? Какие такие «гуманитарные» цели преследуют и Британия, и Франция на совершенно чужом для этих стран континенте? Видимо, «не поняли этих целей» аборигены, и с упорством и мужеством, присущим всякому

освободительному движению, на Африканском континенте вспыхивают крупные восстания.

В Азии в это время развязана франко-китайская война 1884–1885 годов, по сути — война за контроль над Индокитаем.

Почему же в агрессивности обвиняют именно Российскую империю? Грубо говоря, а чем она хуже?

Причина — соперничество

Одна, но очень веская прозаическая причина многое объясняет. Именно в 1830-е годы Российская империя активизировала свою колониальную политику на Востоке. Эта политика вызывалась не только одним желанием захватить, покорить и ограбить. Российская империя продолжала естественно расширяться в силу тех же причин, по которым росла Московия в XV–XVII веках и Российская империя в XVIII веке.

Ситуация усложнилась потому, что у империи появились новые подданные.

Кавказ

К началу XIX века хорошо известных нам сегодня государств Грузии и Армении не существовало. Вместо Грузии были независимые Имеретинское, Кахетинское, Мингрельское царства. Все они зависели от Персии и, особенно, от Турции.

Под угрозой набегов и нашествий платили дань, «советовались» в международной политике.

Больше всего сблизилась с Россией Кахетия во время правления царя Вахтанга VI. В 1773 году, опасаясь этого сближения, турки пошли на прямую оккупацию Кахетии и Картли, продолжавшуюся 10 лет. Вахтанг VI с большой свитой уехал из Грузии, эмигрировав в Россию. С тех пор в Москве существует большая грузинская диаспора.

Позже царь Ираклий II объединил Картли и Кахети, основав Восточно-Грузинское царство. Он остановил набеги лезгин, нанес несколько поражений туркам и не раз просил Россию помочь единой стране.

Россия вовсе не рвалась взять под свое покровительство Грузию. Если бы она стремилась только к территориальным захватам, кто мешал еще Елизавете ввести в Грузию русские войска? Реально Россия удовлетворила только 12-ю (!) просьбу Грузинского государства о протекторате. Ведь это

Запад захватывал богатые страны и качал из них продовольствие, полезные ископаемые, накопленные исторические сокровища. В России же знали: с бедной Грузии взять особенно нечего, а если войдем в Закавказье, придется опять воевать с Турцией. В действительности так и получилось.

Грузинские владыки хотели объединения страны и русского покровительства, спасаясь от угрозы мусульманского геноцида. Договор 1790 года между грузинскими царями Ираклием II, Соломоном I и князьями Григором Дадияни и Симоном Гурелия был как раз о политическом объединении и совместной просьбе к России о подданстве.

Ответом на этот договор стало вторжение в 1795 году персидского шаха на территорию Грузии. Персы сожгли Тбилиси, проводя также планомерную политику физического истребления грузин. За отказ переходить в ислам убивали и отказавшегося, и всю его семью. Иногда щадили детей, отдавая их на воспитание мусульманам, и молоденьких девушек, продавая их в гаремы.

Последний царь Восточно-грузинского царства Георгий XII (1798–1800) вновь повторил просьбу взять Грузию под свой протекторат, спасти грузин. Александр I издал Манифест о протекторате 12 сентября 1801 года. Повторим: он удовлетворил 12-ю просьбу такого рода.

Одновременно Александр I подписал «Положение об управлении Грузией», В этой стране вводилась такая же система, как в России.

В 1803 году в Грузию прибыл с армией главнокомандующий генерал Д. П. Цицианов. С собой он привез директиву Александра I присоединить к России Имеретию, Мингрелию и Гурию.

4 декабря 1803 года присягу русскому царю принес мингрельский князь Дадияни, 25 апреля 1804 года царь Мингрелии Соломон II также подписал текст присяги. Позже присоединилась Гурия, в 1809 году — Абхазия.

Разумеется, войны с Персией в 1804–1813 годах и с Турцией в 1806–1812 годах были вызваны присоединением Грузии к России.

В обеих этих войнах принимали участие и отряды армянских добровольцев. Армения также сама (!) добивалась присоединения к России.

После 2-й Русско-персидской войны 1826–1828 годов по туркманчайскому договору Эриванское и Нахичеванское ханства присоединялись к России. На присоединившиеся к России армянские территории переехало из областей, оставшихся под персами, до 40 тысяч армян.

Отметим, Британия последовательно считала, что русское присутствие в Закавказье угрожает ее интересам. И к Персии чересчур близко, и Кавказ

ей тоже нужен, слишком он важен стратегически.

Средняя Азия

Продвижение России в Среднюю Азию вызвано было теми же причинами, что и стремление захватить Крым. Весь XVIII век русские только отбивались от набегов работорговцев из среднеазиатских ханств и от вторжений кочевых племен.

Городки и крепости Оренбургской линии, блестяще описанные Пушкиным в «Капитанской дочке», — типичные крепости на рубежах России. Башкиры и казахи совершают набеги на русские поселения с теми же целями, что и крымские татары: крадут или захватывают людей, продают их в государства Средней Азии. Государств этих три: Кокандское ханство в Фергане и Бухарское и Хивинское ханства. Численность оседлых жителей Кокандского ханства не превышает 4 млн человек. В Бухаре проживает не более 3 млн человек, в Хиве — не более полутора миллионов. Абсолютное большинство из них — до 95 % — крестьяне. Почти все они прозябают в чудовищной нищете. Остальные — ремесленники и купцы, сосредоточенные в столицах ханств.

Все три ханства — неограниченные монархии, словно сошедшие со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Невероятная, показная пышность одежд ханов и их приближенных, гаремы, верблюды, глинобитные и каменные крепости, минареты, пение муэдзинов, барханы, джейраны, караваны. Экзотика!

Темная сторона этой «экзотики» — дикий произвол правителей, устрашающая жестокость. Обыденная часть повседневной политики — бесправие и рабство населения. Великий таджикский писатель Садриддин Айни описал свое детство, проведенное в Бухаре.^[203] Со страниц его воспоминания ярко предстает восточный город с высокими стенами домов, образующих кривые улочки, с горами нечистот, устрашающей антисанитарией и совершенно обыденной работорговлей. Все знают, на каких именно рынках и в какое время продают рабов, сколько стоит раб и куда каких рабов следует вывозить, чтобы заработать на этом занятии. Точно так же, как знают, когда собирать урожай винограда и алычи, и как надо делать саман. Прочитать советую, станет понятнее многое. Но сначала запаситесь валидолом.

И даже эти ханства — еще самая цивилизованная, культурная часть Средней Азии. Казахи, киргизы и туркмены живут родовым строем, у них

только зарождается государство. Кочевники то мирно торгуют с оседлыми, то нападают на них, когда скот гибнет от бескормицы, есть нечего и торговать тоже нечем. Они же охотно торгуют рабами: теми, кого привезли из русских земель, и пойманными в государствах-оазисах.

Садриддин Айни в романе «Рабы» очень хорошо описал, как шайки людокрадов ловили крестьян и горожан прямо в загородных садах, заковывали в цепи и увозили в другие области Средней Азии или в Персию. [\[204\]](#)

Самый большой из кочевых народов — казахи делились на три жуза, то есть орды. Старший жуз — на юго-востоке, в Семиречье, Средний — в центральном Казахстане и Младший — на западе страны. В 1731 году хан младшего жуза Абулхаир принял русское подданство. В 1740 году стали принимать русское подданство ханы и султаны Среднего жуза. Причины две. Первая: Россия стала основным потребителем скота и продуктов скотоводства. В России можно было получить хлеб, которого в степях всегда не хватало.

Вторая причина в том, что над казахами нависла угроза завоевания со стороны Джунгарского ханства. Во время походов начала 1720-х годов джунгары завоевали земли Старшего жуза и часть земель Среднего. Джунгары грабили, отбирали скот, угоняли казахов в рабство. Некоторые аулы совсем запустели, потому что при малейшем сопротивлении джунгары истребляли казахов поголовно. Традиция степной войны — истребление врага. Врагом же считался даже младенец в люльке, чтобы не вырос из него мститель.

Восстания казахов, их победы на реке Сарысу в 1726 году и к югу от озера Балхаш в 1729 году вытеснили джунгар из Казахстана. Но угроза нашествия оставалась. В 1741 году джунгары снова вторглись в Казахстан, но, продолжая движение на запад, столкнулись с военными постами: русские ввели войска на территорию новых подданных. Джунгары не приняли боя с регулярной европейской армией и тут же ушли к себе.

Русские запрещали торговлю рабами, не позволяли творить произвол при сборе налогов, ограничивали права султанов и родовых вождей. В 1822 году они ликвидировали власть ханов Среднего жуза, в 1824 году — ханов Младшего жуза. Ханам это совершенно не понравилось.

В Среднем жузе восстание против нововведений возглавил султан Касым и его сыновья, Саржан и Кенесары. Кенесары Касимов воевал с русскими до 1847 года, стараясь опереться на Хиву и Бухару. Ханы оседлых государств послали хлеб и оружие, но своих армий не двинули.

Поражение восстаний было совершенно неизбежно, и не только из-за

превосходства русских в вооружении и организации. Но и потому, что абсолютное большинство казахов не поддерживало повстанцев: они оставались кучкой феодалов, отстаивавших свои средневековые права.

В 1830 году Старший жуз пошел было под державную руку Коканда, но затем рассудил, что под покровительством русского царя находиться выгоднее. В 1846 году Старший жуз, самый богатый и сильный, присягнул России. В его землях в 1854 году построили типичный укрепленный форпост «Верное». Позже укрепление стало городом Верный (ныне Алматы, в русском варианте — Алма-Ата, то есть «отец яблок»).

«Замирение» казахов позволило задуматься и о том, чтобы завоевать ханства Средней Азии. Экономической необходимости в этом не было ни малейшей. Наоборот, война заставляла нести новые расходы. Однако надо было обезопасить свои новые рубежи. Казахская степь проходима во все стороны точно так же как Русская равнина и как равнины Сибири. Поэтому были поставлены укрепленные пункты в Казахстане. Оренбург и другие города Предуралья оказались в глубоком тылу. Но ведь и новая граница нуждается в надежной защите...

Другая причина красочно описана в книге К. Е. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару». В 1834 году он добрался до Хивы и Бухары, лежащих в оазисах и отделенных от других стран поясом страшных пустынь.

В этих государствах было немало русских рабов. Впрочем, почему только русских? После взятия генералом Михаилом Дмитриевичем Скобелевым Хивы среди русских рабов оказались люди с именами Фарид и Юсуф, пойманные детьми «где-то на Волге». «От 500 до 600 русских томятся в рабстве: они были проданы киргизами или туркменами, захватывающими потерпевших кораблекрушение рыбаков на восточном берегу Каспийского моря, или хивинцами».^[205]

Офицер русской службы Егор Казимирович Мейендорф пишет, что «участь рабов в Бухаре внушает ужас. Почти все русские жаловались на то, что они... измучены побоями. Я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил их кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ.

Большая часть русских невольников... содержались в заключении и работали с кандалами на ногах в продолжение нескольких недель нашего пребывания в этом городе. Лишь один из них сумел присоединиться к нам верстах в ста от Бухары после 18-дневного скитания по пустыне. В течение этого времени он поддерживал себя только водой и мукой...Я не могу

описать бурного восторга десятка русских невольников, которых мы выкупили в Бухаре и во время пути».^[206]

Далее Егор Казимирович рекомендует русскому правительству «задержать по всей империи хивинцев и бухарцев с их товарами», чтобы «вернуть на родину, в круг родных, к своей вере тысячи людей, исторгнутых из пределов России».

Этой рекомендации, рекомендации одного из своих генералов, Российская империя не приняла: хивинских и бухарских купцов не задержали. Но почему Российская империя стремилась завоевать гнезда работорговли, уже ясно.

Первый хивинский поход 1839–1840 годов Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского оказался крайне неудачен. 14 ноября 1839 года на войну вышел отряд из 5 тысяч человек и 20 орудий. Для похода выбрали зиму, чтобы избежать убийственной для европейцев жары. Но континентальный холод убивал ничуть не меньше: во время перехода половина отряда погибла от холода, и большая часть верблюдов — от изнурения.

В 1860 году Кокандское ханство объявило газават по отношению к Российской империи. Это вызвало движение русской армии на Фергану. Картины Верещагина «Нападают врасплох» и «У крепостной стены» как раз о реалиях этой войны.

В 1865 году, после взятия Ташкента, ханство стало вассалом Российской империи. И тогда вспыхнуло восстание мусульман, которые собирались продолжить «газават» до победного конца, независимо от капитуляции государства. Уже после разгрома войска хана часть его подданных продолжала воевать.

Именно в это время (а не в Гражданскую войну, как мы полагаем) появились «басмачи»: от слова «басмак» — атаковать, нападать. Сами себя басмачи называли «армией ислама».

В 1868 году Бухара подписала с Российской империей договор, по одному из пунктов которого Бухарское ханство возвращает в Россию всех русских рабов, которые не приняли ислама.

Как же реагировала Европа? Европа осталась совершенно равнодушна и к судьбе русских, а также татарских, армянских и грузинских рабов, и к операциям по их освобождению. Вспомним, у Генриха Сенкевича судьба европейских детей, захваченных в рабство, вызывает величайшее сочувствие. Освободить их — доблесть и заслуга. Европа «увидела» только одно: российская империя реально угрожает «интересам» Британской империи.

Действительно, в интересы Британской империи уже входило полмира! К Средней Азии с юга, из Индии, двигались отряды британцев. До среднеазиатских походов у Британии не было конкурентов и ничто не угрожало их планам. Можно было даже не торопиться: спокойно и последовательно «разобраться» сначала с Афганистаном, потом двинуться в Фергану и в другие ханства...

А тут появилась Россия! В представлении британцев, это выглядело как вырывание куска, на который уже разинул пасть британский лев. Монополия нарушена. Британия вынуждена была признать русские завоевания в Средней Азии. С Россией приходится договариваться, черт возьми!

В 1873 году между Российской и Британской империями достигнуто соглашение «о буферном поясе в Средней Азии», которое «устанавливало северную границу Афганского эмирата». Перевожу на современный газетный язык: две европейские империи попросту решали, где должны проходить границы других государств, например, Афганистана.

В. Верещагин «Апофеоз войны». 1871.

Подобные чудовищные пирамиды по приказу среднеазиатских завоевателей воздвигались не только в древние эпохи, но и во времена, близкие Верещагину. Сравнительно небольшие груды черепов художник видел и собственными глазами!

В 1880–1881 годах Скобелев присоединил Туркмению. После этого в 1885 году Российская и Британская империи едва не начинают военные

действия — русские и афганские войска столкнулись около Кушки.^[207] Британцы считали Афганистан своей «зоной влияния».

22 июня 1887 года был подписан Англо-русский протокол об установлении Афганской границы. В 1907 году Российская империя официально признала Афганистан «лежащим за пределами сферы ее интересов».

В том же году Российская и Британская империи разделили Персию на три зоны.

В южной зоне господствовала Британия, в северной — Россия. Средняя зона была признана «областью столкновения интересов». Сформулировано просто. Но со вкусом.

Столкновения в Центральной Азии

В середине XIX века Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888) провел четыре центральноазиатские экспедиции. Одной из целей Пржевальского было проникнуть в Тибет, изучить его, и, если не присоединить к Российской империи, то выяснить, как лучше это можно было сделать?

Пробиться в столицу Тибета Лхасу силой не удавалось пока никому. Далеко, высоко, неизучено, страшно. Правда, британцы с юга уже засылали своих агентов-буддистов, работавших на британскую секретную службу. Они, не спеша, готовили захват британцами Тибета.

Тогда с севера, из Бурятии, в Тибет проник удивительный человек — бурят по этническому происхождению и европейский ученый по своему месту в жизни, Гомочжаб Цэбэкович Цибилов (мы уже не один раз вспоминали об этом удивительном человеке). Цибилов, будучи и ученым, и разведчиком, под видом буддиста-монаха собирал стратегическую информацию.

Парадокс, но для Российской империи оказалось очень выгодным иметь хорошие отношения со своими подданными всех вер и народов. Выгодно обучать их и делать частью своего государства. Секретные агенты британцев не учились в Кембридже, не имели военных чинов Британской империи, не владели инструментами и способами измерять расстояния в милях и километрах. Результат их деятельности был куда бледнее результатов Цибилова... А почему? Британцы, право, сами виноваты.

В 1904 году британские войска захватили юг Тибета, но Российская империя, сложно интригуя, «подсовывая» англичанам

взаимоисключающую информацию по официальным дипломатическим и разведывательным каналам, спекулируя своим давлением в Средней Азии и т. д., в общем, не без труда, но смогла убедить Британию, что на самом деле Тибет ей совершенно не нужен, пусть он и дальше остается частью Китая.

По Соглашению 1907 года о территориальной неприкосновенности Тибета британцы вывели войска, вошедшие в Тибет в 1904 году, а буряты-ламаисты, русские подданные, получили право паломничества.

А ведь Тибет нависает над «жемчужиной в короне» Британской империи — Индией. Тот, кто владеет Тибетом, легко может двинуть войска и в Непал, и во всю Северную Индию... Не случайно британцы все же так нервно относятся к проникновению русских в Тибет. Опять эти русские!

Ведь русские могут и в Индию послать своих разведчиков! Таких же активных, обученных, а главное — не отделяющих своей судьбы от судьбы всей Российской империи.

Страх перед русскими очень хорошо виден в «программном» произведении Р.Киплинга «Ким»: дискредитация русских в этом романе — чуть ли не самый славный подвиг, совершенный главным героем. [\[208\]](#)

Но что характерно: главный герой романа — все же европеец по отцу... Англо-индус... То-то он так отважен и так предан Британской империи!

...А вот Гомочжаб Цэбекович этническим русским не был. Чтобы быть русским патриотом, ему не потребовался русский папа. А вдруг и в Индии такие же появятся?!

Ну, как же тут не кричать о «русской угрозе»?!

Крымская война

Предлогом, частично даже причиной выступления Российской империи против Турции стали очередные гонения турок на христиан Переднего Востока и Балкан. Россия традиционно играет роль их заступника. Это безумно раздражает могущественные колониальные державы. Никак нельзя позволить, чтобы Россия усиливалась. А она обязательно усилится, если дряхлеющая Турецкая империя признает ее права, ее силу.

Но, если Турция рискнет воевать, а Российская империя ее победит?! А она, скорее всего, победит. Российская империя вполне может разгромить Турцию, владеющую колониями по всей Западной Азии и Северной Африке и... отнять у нее эти территории.

К тому же, победив Турцию, Российская империя выйдет к проливам Дарданеллы и Босфор, и тогда ее военный флот сможет легко выходить в Средиземное море! Это слишком усилит Россию.

Как же могли Британия и вся Европа остаться в стороне от Крымской войны 1853–1855 годов!? Всю первую половину XIX века Россия становилась все «агрессивнее» и «агрессивнее»: все в большей степени мешала жить спокойно западному миру.

Нет-нет, Запад никак не мог остаться в стороне от русско-турецкого конфликта.

Трудно обвинять в излишней наивности императоров и прочих владык, но Николай I вел себя очень наивно. Все-таки был он офицером, и по образованию, и по взглядам на политику. Византийства, чем так отличался его старший брат, Николаю Павловичу совершенно не доставало. Он договаривался о нейтралитете европейских держав так, как могла бы его бабка Екатерина Великая договариваться с Пруссией и Австрией о разделе Польши.

Но о разделах Польши договаривались державы примерно одного калибра, хорошо понимающие поведение друг друга и не особенно боящиеся одна другую. За эти семьдесят лет мир изменился до неузнаваемости. С тех пор Россия победила Наполеона, русские войска маршировали по Парижу, большая часть Польши вошла в Российскую Империю. Было присоединено Закавказье, в нескольких войнах разбиты Турция и Персия. Русские корабли огибали земной шар, русские моряки первыми увидели Антарктиду.

Короче говоря, с тех пор Россия усилилась настолько, что она уже была не просто «одна из европейских держав». Она «слишком» большая и страшная.

Николай I искренне верит, что может договориться о своего рода «Первом разделе Турции». Пусть Британия присоединяет Египет и столь необходимый ей под военно-морскую базу Кипр. Пусть Франция усилится в Северной Африке. А Россия получит то, что ей нужнее всего — выход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. И пусть западные державы не мешают ей опекать православных христиан — подданных Турецкой империи.

По сути речь шла о реализации голубой мечты всех русских и славянских патриотов со времен Вещего Олега и зарождения московитской концепции «Москва — Третий Рим». Русский щит — на вратах Цареграда. Россия — в Константинополе, втором Вечном городе, символе православия. Мы объединяем под своим протекторатом (а может, и в своих

границах) всех славян и православных: от Адриатического и Средиземного морей, до Черного и Балтики.

Был и еще один «моральный» аргумент, который, как наивно полагал Николай I, поможет ему «контролировать» потенциальных союзников.

Разве не Россия помогла Австрийской империи пережить страшную революцию 1848 года? Империя могла развалиться, венгры вполне реально выходили из ее состава. Спас Австрию посланный Николаем I 100-тысячный корпус под командованием Паскевича. Провожая верного слугу, Николай вместо инструкций произнес только три исторических слова: «Не щади каналов!». Паскевич и не щадил. Венгерские повстанцы были разбиты в пух и прах. Австрийская империя была спасена.

Теперь Николай I ждет от императора Франца-Иосифа ответной услуги, или, по крайней мере, проявления благодарности.

Какая невероятная наивность, недопустимая для политика мирового масштаба!

Но Николай как будто забыл евангельский принцип: не жди благодарности.

Он полагал, что если Австрия (с 1848 г. — Австро-Венгрия) нас поддержит, Россия сможет выиграть любую европейскую войну. И тогда она окончательно утвердится на Балканах. Однако Австрия боится, что Россия и так слишком привлекает славянских подданных Австро-Венгрии. И Франц-Иосиф пожимает плечами: «В политике решают интересы, а не благодарности».

В феврале 1853 года Николай I послал в Константинополь чрезвычайную миссию во главе с князем А. С. Меншиковым (потомком того самого Алексашки Меншикова) требовать от султана признания за Россией прав на покровительство православных Турецкой империи. В этот же месяц Франция и Англия заключают секретный договор о том, что, если Российская империя начнет войну с Турцией, эти страны совместно будут действовать на стороне Турции.

Николай I и Меншиков еще хлопочут, еще думают, как лучше, однако все уже предрешено. Английский посланник Стратфорд уже наметнул турецкому султану, а его советникам говорил прямым текстом: Англия готова понять желание Турции вернуть Крым. Не добившись ничего, в мае 1853 года Меншиков покидает Стамбул. А эскадры Англии и Франции уже приведены в боевую готовность.

В июне 1853 года Николай I приказал своим войскам войти в «дунайские княжества» — Молдавию и Валахию (современную Румынию). Султан чувствует поддержку Англии и Франции и отвечает объявлением

войны.

Первые же действия России подтверждают худшие опасения Европы: очень уж она сильна. Адмирал Н. С. Нахимов в Синопском бою фактически «на раз» уничтожает весь (!) турецкий флот. В декабре 1853 года отряд генерала В. О. Бебутова у Башкадыкляра (Армения) громит турецкую армию, вторгшуюся в Закавказье. На Дунае, отразив турок, угрожавших было Бухаресту, русская армия вступает в Болгарию и в марте 1854 года осаждает Силистрию. Болгары радостно приветствуют русские войска, а в Греции вспыхивает восстание христиан.

И вот тут-то маски спадают!

В ноябре 1853 года премьер-министр Англии лорд Эбердин сделал заявление о готовности Англии вступить за «независимость Турции», остановить агрессию «русского медведя». Примерно в таком же духе высказался и французский император Наполеон III.

У военного министра Британии лорда Г. Дж. Палмерстона доктрина войны уже готова. Она предусматривает введение небольшого контингента войск на юг Российской империи, в Одессу или в Крым, нападение флота с севера на Петербург, отторжение от России Дальнего Востока, Аляски и Камчатки. Предполагалось, что после войны у Российской империи следует отторгнуть Бессарабию, Финляндию, Польшу, Кавказ, Крым, Прибалтику. В общем, загнать Российскую империю в границы Великого княжества Московского XV века.

Скажу откровенно, меня не удивляет, что политики вынашивали такого рода планы. Политика — вообще дело циничное и эгоистичное, особенно, международная.

Меня просто поражает способность некоторых британских (Гендерсон, Темперли, Малькольм-Смит) и американских (Бейли) историков толковать об «агрессивной политике России» и говорить о «миротворческой миссии» лорда Палмерстона. Если всерьез принимать написанное ими, то получается, что Крымская война вызвана исключительно захватническими стремлениями России, Турция — невинная жертва русской агрессии, а западные державы только пытались прекратить кровопролитие. Эх, мало мы ловим их на вранье!

Ход событий

Ну что же, восстановим ход событий подробно. В ночь на 4 января 1854 года английская и французская эскадры прошли через Босфор в

Черное море. Затем Англия и Франция потребовали от России вывести войска из Дунайских княжеств.

Предательница Австро-Венгрия тоже требует от России «оставить в покое» Балканы и 2 декабря 1853 года заключает союз с Англией и Францией. Российская империя обращается за поддержкой к Пруссии. Пруссия не соглашается быть посредником в переговорах. В июне 1854 года Российская империя вынуждена отступить за Прут. Австрия тут же оккупирует Валахию и Молдавию. Все сторонники России немедленно подвергнуты репрессиям.

Казалось бы, «миротворческая миссия» выполнена. Балканы спасены от ужасов хищного «русского медведя». Но тут как раз Англия и Франция демонстрируют свое хваленое миролюбие по полной программе.

27 марта Англия, а на следующий день Франция объявили России войну. 22 апреля англо-французская эскадра подвергла Одессу обстрелу из 350 орудий. Но попытка высадиться возле города не удалась.

Удалось высадиться в Крыму. Десанты англичан и французов быстро растут — с 12 тысяч до 50, потом до 60 и, наконец, достигают 120 тысяч человек. 8 сентября 1854 года союзники разбили русские войска у реки Альма. 14 сентября выбросили новые десанты уже не на Южном берегу, а у Евпатории.

Русские войска в Крыму оказались блокированы в Севастополе. 17 октября началась знаменитая осада Севастополя, длившаяся практически год — 349 дней. Гарнизон насчитывал всего 30 тысяч солдат и матросов. Гордость России — Черноморский флот пришлось затопить у входа в бухту, чтобы и враги не могли войти на рейды Севастополя.

Раз за разом шли на приступ англичане, французы, турки, шотландцы. Пять массированных бомбардировок выдержал город, а на знаменитом Малаховом кургане не осталось ни одного кустика: все смела артиллерия. Город не сдавался. Русские стояли насмерть.

Российская империя не раз пыталась отвлечь вражеские армии от Севастополя, чтобы союзники начали перебрасывать войска на другие театры военных действий. Не удалось — очень уж Англия с Францией хотели взять именно Севастополь, символ русского присутствия на Черном море.

27 августа 1855 года французские войска захватили южную часть Севастополя и господствующую над городом высоту — Малахов курган. После этого русским войскам пришлось оставить город. Севастополь вошел в историю не как место поражения, а как город русской славы: оборона была воистину героической.

Причины поражения

Уже в 1860-е годы было принято считать причиной поражения России ее техническую отсталость: не было хороших дорог, и в Крым не было подхода для свежих войск и подвоза боеприпасов. XIX век, слабая инфраструктура: полуостров Крым был, можно сказать, островом на границе империи. Русский флот был целиком парусным, а на Западе уже пыхтели пароходы.

Англо-французские войска имели нарезные штуцера, которые позволяли рассыпному строю егерей открывать огонь по русским войскам с 200–300 метров: до того, как те приближались на расстояние, достаточное для стрельбы из гладкоствольных ружей. Сомкнутый строй русской армии, рассчитанный преимущественно на один групповой залп и штыковую атаку, при таком различии в вооружениях становился удобной мишенью.

К тому же интенданты невероятно воровали, вся государственная машина была неповоротливой и коррумпированной.

Да, Россия отставала в технике и военном деле потому, что сохранялся крепостнический строй, с ограничивающей промышленное развитие несвободой работника. Как потенциальные наемные рабочие, так и потенциальные предприниматели России находились в крепостной зависимости. Европа была более передовой в плане развития техники благодаря произошедшим там социальным переменам, способствовавшим созданию рынка капиталов и рабочей силы.

Крайне слабым было стратегическое командование русскими войсками. По сути защитники Севастополя, например, были брошены на произвол судьбы, и сам факт столь длительной его обороны — пример потрясающего героизма русских солдат, матросов, оперативного таланта наших знаменитых адмиралов.

Все эти причины поражения действительно объективны. Но осмелюсь утверждать: все это второстепенные причины. Главной и основной причиной поражения России в Крымской войне стало объединение против нее основных западных держав (Англии и Франции) в союзе с Австро-Венгрией и благожелательном для агрессии западных держав нейтралитете остальных стран Европы. [\[209\]](#)

А в Крымской войне в самом концентрированном виде проявилась консолидация Запада против чуждой ему Русской цивилизации. Проявился коллективный страх Европы перед Россией.

Наполеон начал идеологическую кампанию, крича о «русской

агрессии» и «русской угрозе». После разгрома Наполеона в 1814 году во всей Европе началась точно такая же антироссийская идеологическая кампания. Она усиливалась с каждым достижением России, в чем бы ни состояло это достижение.

Теперь, в 1853 году, Европа перешла от теории к практическим действиям. То есть проявила крайнюю агрессию, напала на Российскую империю. Одновременно она кричала об агрессивности русских... Что очень напоминает действия карманного воришки: когда его ловят за руку, он громче всех кричит «держи вора» и вцепляется в того, кто его поймал.

Последствия

Война закончилась подписанием 18 марта 1856 года в Париже мирного договора, по которому Черное море объявлялось нейтральным, русский флот сокращался до минимума, крепости уничтожались. Кроме того, Россия лишалась устья Дуная, южной части Бессарабии, захваченной в этой войне крепости Каре и права покровительства Сербии, Молдавии и Валахии.

Внутри России следствием войны стали правовые и социально-экономические преобразования в стране в 1860-е годы. После военного поражения правительство Александра II стремительно форсировало реформы, но эта торопливость привела к определенным перекосам в социальной структуре России. А на эти перекосы накладывались разрушительные идейные влияния, пришедшие с Запада.

Провал «плана Палмерстона»

Но, что приятно, план Палмерстона так и не удался. Как ни тяжелы были последствия поражения для России, это была ничтожно малая часть того, что хотела сделать Британия. Почему же не удался план?

Объяснение у меня одно: англичане не умели и не готовы были воевать. В Крыму англичане несли колоссальные потери. Главнокомандующий британских войск, говорил, практически цитируя древнегреческого царя Пирра: «Еще одна такая победа, и мы лишимся всего войска».

Что же касается английского и французского флота, то это — армады для ведения колониальной войны. Эти флоты годились для того, чтобы

пугать туземцев бортовыми залпами по берегу и для перевозки небольших контингентов колониальных войск. Против же серьезного, равного по силе противника, тем более для участия в преимущественно континентальной войне они были малоэффективны.

Прибалтика и Север

Палмерстон предполагал высадку десантов в Белом море, взятие Петербурга, отторжение Прибалтики и Финляндии. В Балтийском море британско-французская эскадра, 30 вымпелов с 12-тысячным десантом на борту не решилась даже подойти к Петербургу.

Британцы обстреляли остров Котлин, на котором находился Кронштадт, и русский островок в Финляндии. На то, чтобы захватить Аланские острова, которые защищали лишь полторы тысячи солдат, у союзников ушел целый месяц. После этого они настолько выдохлись, что уже не могли вести активных действий.

Летом 1855 года они еще обстреляли Свеаборг и разгромили «ополчение», набранное из финских и эстонских рыбаков, повторяя свои «подвиги» в Африке и Южной Азии. Но высаживаться больше не решились нигде.

Также ничего не получилось и на Тихом океане... Кстати, эта история весьма показательная и, к сожалению, почти забытая. Надо рассказать ее подробнее.

Столкновения на Тихом океане

В середине XIX века усиливается борьба за влияние на Тихом океане. В конце XVIII века, когда Россия выходила к Аляске, это никого не интересовало, как не интересовало то, что в начале XIX века Россия строила Форт Росс и другие крепости-поселения в Калифорнии и по всему тихоокеанскому побережью будущих США.

Но с тех пор многое изменилось. Британия старалась «прибрать к рукам» Китай. Франция захватила большую часть островов Океании. Соединенные Штаты вышли к Тихому океану, отторгли от Испанской империи Калифорнию. В 1853 году американцы заставили Японию отказаться от политики изоляции, открыв порты для торговли с США. ^[210]

Во время Крымской войны, когда «великие державы» Европы не только вступились за Турцию, не дав Российской империи нанести ей

окончательное поражение, и высадились в Крыму, Соединенные Штаты заняли условно пассивную позицию.

Американские суда крейсировали вдоль побережья Тихого океана, но в боевых действиях участия не принимали. Генерал Мак-Клеллан, будущий командующий армией США, находился тогда в ставке Британии в Крыму — перенимал передовой опыт.

Но вот в августе 1854 года объединенная англо-французская эскадра под командованием контр-адмиралов Прайса и Феврие де Пуанта подошла к главному опорному пункту России на Тихом океане — Петропавловску.

Гарнизон Петропавловска насчитывал 920 человек (41 офицер, 825 солдат и матросов, 18 русских добровольцев и 36 добровольцев-камчадалов). У русских было 40 орудий на 6 береговых батареях и 27 на кораблях: фрегате «Аврора» и на транспорте «Двина». Боезапас составлял в среднем 30–40 выстрелов на орудие.

Ничтожная воинская часть, никак не сравнить с могучими армиями, скрестившими оружие в Крыму. Но этот ничтожный гарнизон защищал, а небольшая эскадра союзников пыталась захватить громадную почти ненаселенную территорию, площадью порядка 3 млн квадратных километров, таящую колоссальные природные богатства. «Миротлюбивые» британо-французские войска, «спасавшие несчастную» Турцию от русского нашествия, оказались в тысячах километров от Турции и Крыма, пытаясь наложить лапу на несметные русские богатства.

Казалось, силы далеко не равны...

В августе 1854 года, обстреляв порт и подавив огонь двух береговых батарей, англо-французы высадили десант (600 чел.) с целью захватить Петропавловск. Русский отряд числом 230 человек, поддержанный огнем «Авроры» и «Двины», контратакой сбросил его в море.

Второй десант (970 чел.) 24 августа тоже был отбит русскими матросами и солдатами (360 чел.). Союзники потеряли около 450 человек убитыми и ранеными, включая британского главнокомандующего Прайса. Русские потери составили около 100 человек.

Пушки Петропавловска.

Эти пушки Петропавловска предотвратили высадку английского десанта и оккупацию Камчатки в 1854 г.

Союзники вынуждены были уйти в Ванкувер и Сан-Франциско. Благодаря героизму и стойкости всего лишь нескольких сотен русских солдат, ополченцев и матросов, которые не только отбивали атаки противника, но и сами контратаковали (гораздо меньшими силами против более многочисленного врага), план оторвать от России колоссальные территории — Камчатку и Дальний Восток — не удался. [\[211\]](#)

Случись подобное с любой крепостью Британии или Франции, европейцы до сих пор гордились бы, рассказывали о своем героизме, называли бы корабли и небоскребы именами отличившихся кораблей и участников обороны, ставили бы памятники. А мы?..

Русско-турецкая война 1877–1878 годов

Во многих отношениях русско-турецкая война 1877 — 1878 годов — «второе издание» Крымской войны. Россия стремилась поддержать своих братьев по крови, южных славян, и братьев по вере, православных, в стремлении к независимости от Турецкой империи. Эта война была очень популярна в самых широких слоях русского общества. На фронты сербо-черногорско-турецкой войны 1876 года ехали тысячи добровольцев из России.

Россия стремилась решить вопрос о проливах: о свободном выходе через проливы Дарданеллы и Босфор. Стремилась укрепить свое влияние

на Балканах и восстановить подорванный Крымской войной международный авторитет.

И на этот раз западная дипломатия подстрекала Турцию к войне, но самим вступить в войну западным державам было страшно. Вероятно, и опыт Крымской войны сказывался. Крым-то отторгнуть от России не удалось. Так он и остался в составе России с могилками британских солдат.

Об этой славной войне можно рассказывать много. Читателю она наверняка известна и из учебников, и по роману Б. Акунина «Турецкий гамбит». Но сейчас я пишу книгу о мифах истории, а не просто о славе русского оружия. Поэтому опишу только один красочный эпизод этой войны.

В декабре 1877 — январе 1878 года русская армия была близка к победоносному завершению войны. Она совершила беспрецедентный зимний переход через Балканские горы, окружила и пленила группировку турецких войск Вессель-паши. Преследуя бегущего противника, русские войска 8 января овладели Софией, затем Адрианополем, выйдя на ближние подступы к Константинополю (Стамбулу). Боеспособных войск у Турции не оставалось.

Казалось, вот оно, еще немного, и русские войска войдут в бывшую столицу Византийской империи. Популярнейший лозунг того времени — «Водрузим крест на купол Святой Софии!». Весь православный мир, все славянские народы готовы были приветствовать занятие Константинополя русскими войсками.

И тут британская эскадра входит в Мраморное море. Британская дипломатия настоятельно «не советует» Александру II занимать Константинополь. Царю дают понять, что Британия готова немедленно объявить нам полномасштабную войну, если Российская империя не прислушается к их совету.

Царь колеблется... Память крымской войны очень свежа... Как у Пушкина: «Того гляди навалится на нас вся Европа...»

И следует приказ: остановиться. Не идти на турецкую столицу. Начинаются переговоры, заключено перемирие...

Был ли прав Александр II в своем решении? Возможно и не был. Но история, увы, именно такова: штурм Стамбула, переименование его в Константинополь и превращение мечети Айя-София в православный храм не состоялось. Спасибо британцам, доблестным защитникам демократии и спасителям бедной, страдавшей от России Турции.

Позже, после Первой мировой войны, Турецкую империю европейцы лихо и без всяких либеральничаний и угрызений совести разделят между

победителями... но уже без участия России. Они добились своей цели.

Глава 7

Миф о «русской агрессии» и политические реалии

Выводы

Как мы видим, стоит обратиться от идеологических штампов к историческим фактам, и камня на камне не остается от тезиса о России, стремящейся к завоеваниям. Россия сама всегда была желанным полем для завоеваний: слишком большая и богатая. Уже Древняя Русь была ареной агрессии кочевников-степняков, варягов и католических орденов крестоносцев.

Московия и Российская империя не раз должны были отстаивать свою национальную независимость и отбиваться от западных держав, стремившихся «отгрызть» от нее те или иные территории. Реализуйся план Штадена — и России бы не стало. Стань реальностью план Палмерстона — и Россия лишилась бы огромной части своей земли.

Победа поляков, шведов, французов времен Наполеона означала бы конец национального и государственного бытия России и русских.

Притом победы России над Польшей, Швецией и империей Наполеона вовсе не означали гибели государственности побежденных. Россия вовсе не стремилась к уничтожению и порабощению других народов, захвату и расчленению других стран, даже когда имела для этого бесспорные возможности.

Миф о вечной угрозе миру со стороны России последовательно создавался западными державами: причем как раз теми, кто в «текущий исторический момент» имел основания бояться российского могущества.

Весь XVI и XVII века европейцы последовательно считали войны Московии и Речи Посполитой внутренним делом славян.

«Оршанская пропаганда» оставалась во многом внутренним делом Речи Посполитой и никак не воспринималась могущественными народами и государствами Запада.

В XVIII веке европейские державы вместе с Россией увлеченно делили Польшу. Они вовсе не признавали за Польшей прав воюющей стороны. Они согласились с присоединением к Российской империи Герцогства Варшавского и признали корону Королевства Польского на гербе Российской империи.

Русофобскую пропаганду вел Наполеон — именно потому, что воевал с Россией. Информационная война «большими типографиями и тиражами» была важной составной частью его настоящей войны — с помощью «больших гвардейских батальонов».

Но и тогда западные державы относились без особого увлечения к «завещанию Петра Великого» и прочим фальшивкам о «русской угрозе миру».

Все изменилось как раз после войн с Наполеоном.

Логика проста. После 1812–1815 годов Россия стала сильнейшим государством Европы. Не одним из сильнейших, а сильнейшим. Не поделником, не «младшим партнером», а «большим старшим братом» и грозным конкурентом. Тем, кого позднее со страхом назовут «жандармом Европы». Поэтому европейские державы круто поменяли логику своего поведения.

Провозглашение России агрессором, задушившим суверенную Польшу, в середине XIX века нужно было только для одного — для ведения пропагандистской войны. Нежная любовь к Польше? Бог с вами! Великие державы Европы ради нее не послали войска, не погубили ни единого своего солдата и не потратили ни одного патрона.

В сущности, к судьбе Польши и поляков они оставались совершенно равнодушны. Можно привести много примеров того, как Польша делалась для европейцев разменной монетой в политике. Одна из функций этой монеты — доказывать агрессивность и жестокость русской внешней политики.

С 1830-х годов Запад буквально захлебывается от воплей про агрессивную политику русских. Британия и Франция делят мир, стремятся не пустить Россию к Средиземному морю, поддерживают мусульманскую Турцию против христианской России, пытаются оторвать от России то Крым, то Камчатку, то Северный Кавказ. Английские и французские пушки грохочут на территории России, возникает реальная угроза столице, Петербургу... А Запад упорно вопит о русской агрессии и об опасности России для мира.

В XIX веке Англия больше всех шумела о «русской угрозе», потому что от Русской политики больше всех теряла.

Действительно, над Британской империей никогда не заходит солнце, и «где соленая вода — там и Англия». А тут какие-то противные русские мешают то сделать Тихий океан внутренним морем англосаксов, то оттяпать Среднюю Азию и Тибет. Как тут не возмутиться их захватнической политикой?!

В дальнейшем миф об агрессивности России и «русской угрозе» больше всех поднимался той страной Запада, которая в данный момент соперничала с Россией.

Так же точно, как Британия, будут поступать немцы во время обеих мировых войн XX века. В годы Первой и Второй мировых войн о «русской угрозе» охотно разглаговольствовала германская пропаганда.

«Помогайте нам, а то русские скоро всю землю завоюют», — всерьез говорил своим спонсорам Степан Бандера.

После Второй мировой войны о «русской угрозе» и агрессии СССР больше всех писали американцы. Вот только американцам ли об этом рассуждать... Даже старую и многократно битую польскую карту американцы ухитрились разыграть. В американской прессе и даже в книгах по истории мне довелось читать потрясающее утверждение: что 20–30 миллионов погибших во Второй мировой войне — это миф, сочиненный в СССР. А сочинен он для того, чтобы... оправдать оккупацию Польши. Почему именно Польши?! Только потому, что о «бедной Польше, столетиями стонущей под игом России» писалось давно и много. Западному читателю эта тема близка, он легко готов поверить и в такое.

Иногда кажется, что наши враги ухитряются поверить в собственные измышления и запугать сами себя. Как та маленькая Мура у Корнея Чуковского, которая нарисовала страшную Бяку-Закаляку с десятью рогами, десятью ногами.

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»
«Я ее боюсь!»

В период маккартизма в США знаменитый ястреб генерал Макартур призывал к «профилактическим» ядерным бомбардировкам Китая (многие в Америке путают, приписывая это сенатору Маккарти, ведь фамилии и правда похожи). И это под вопли о «русской агрессии во всем мире!».

Самого же Джозефа Маккарти называли «бесноватым из Висконсина». Дергаясь, как в падучей, злобно обвиняя в происках против Америки весь мир, он уверял: в самих США очень многие — сознательно или нет — «работают» на внешнего врага. Возглавленная им «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» получила права своего рода политической инквизиции: проверять, не связан ли с врагами Америки тот или иной профессор, сенатор или предприниматель.

Маккарти всерьез уверял, что если не принять самых неотложных мер, скоро русские покорят Америку и присоединят ее к Советскому Союзу.

Годы маккартизма вспоминают в Америке с содроганием. В эти же годы «прославился» генерал Джеймс Форрестол. Он так стал бояться русских, что страшно запил. Видимо, неумеренное потребление виски как-то помогало отважному генералу бороться с призраками русских.

Так вот, борьба с русской угрозой закончилась для него печально — в пылу ее храбрый генерал выпал из окна. Подробности этой истории передают по-разному, одни говорят, что из окна Форрестол прыгнул в приступе белой горячки. Другие, что прыгнул уже после окончания принудительного лечения. По одним данным, прыгал он с 17 этажа своей квартиры. По другим — с 7 этажа психиатрической клиники. Даже последний отчаянный крик генерала передают по-разному. Кто говорит, что он кричал «Русские идут!» Кто — «Танки! Русские танки!» Во всяком случае, точно лишь известно, что бедный генерал сиганул из окна с последней мыслью — о русской угрозе. На чем и закончился его боевой и жизненный путь.

Во время «перестройки» и в эпоху правления Ельцина Россия вдруг сделалась «хорошей». О ее вечной враждебности цивилизованному миру и о ее природной агрессивности перестали кричать на всех углах. Эти клише возникали в речах Бжезинского, в книгах Пайпса (выходцев, как ни «удивительно», из Польши), но официальная пропаганда и пресса ими почти не пользовались. О том, что Россия невероятно агрессивна, враждебна цивилизации, что это рабская и авторитарная страна, «вспомнили» уже при Путине.

Тому, кто внимательно читал книгу, это не покажется странным. Хорошо видно, каким закономерностям подчиняется распространение мифа. Пока Россия слаба и никому не угрожает, миф не используется, его «кладут на полку».

Окидывая взглядом нашу историю, историю роста державы, мы видим, что действительно, территориальная экспансия доминировала в русском взгляде на освоение мира.

Но это отнюдь не повод посыпать голову пеплом.

Великое государство, которое построили наши предки, ничуть не меньший повод для гордости, чем швейцарские часы, французская кухня или итальянское искусство Ренессанса.

И точно так же, как подобные достижения других народов сегодня составляют не только предмет их гордости, но и источник дохода, российские пространства с их несметными богатствами и стратегическим

положением сегодня окупаются для нас сторицей.

Мы можем лишь гордиться тем, что наша «колонизация» (в кавычках!), история нашего расширения и роста государства больше свидетельствует все-таки об историческом умении наших предков пристраивать отношения, ладить с соседями.

А воевать — только если нет иного выхода.

Хорошо, что этот по-современному прагматичный взгляд получает сегодня распространение.

Прагматичность и патриотизм — чем не национальная идея?

Я знаю, правда, кому эта идея точно не понравится.

После Второй мировой самые большие колонизаторы в мире — США. Именно эта страна претендует на гегемонию в масштабах Земного шара. Естественно, что именно для них мы и есть самые отпетые колонизаторы, захватчики, насильники. Дай нам волю, тут же весь мир завоюем, Америке ничего не оставим.

А знаете что, сограждане? По-моему, этот миф о русской угрозе — очень большой комплимент. Раз американцы кричат о «русской агрессии», значит, мы ни себя в обиду не даем, ни наших союзников. Вот, когда Америка будет считать нас «хорошими» (как начала считать при Ельцине), значит наше дело плохо, значит что-то не так в нашем королевстве.

Часть VIII
Миф о русском рабстве
(точнее об исторической
нерасположенности России к
демократическому способу правления)

Сверху донизу — все рабы.

Н. Чернышевский

Глава 1

Что же такое демократия?

Все знают, что демократия — это хорошо, а ее отсутствие — это плохо. Еще все знают, что в России демократии всегда не хватало, а вот в Британии и в США ее, наоборот, всегда было много. Просто завались.

У нас, если вам разбили машину или за любимым сортом колбасы выстроилась длинная очередь, если вас обобрал гаишник или нахамили в ЖЭКе, то народ разводит руками: ну что поделаешь?!. Рассея-матушка... Это вам не Европа, понимаешь. Тут вам никто 300 лет каждый день газон у дома не стрижет.

Вот в Англии «Билль о правах» когда приняли? Когда в русских лесах братья-поляне-древляне еще на деревьях сидели? То-то!

А Конституцию США Франклин, Вашингтон и какой-нибудь Линкольн, какой-то Абрам Абрамыч в каком году написали? Ту самую Конституцию, со всеми поправками и гарантиями свобод, по которой и сейчас живет Америка — уже более двух веков?

Не в том ли самом году, когда русская Салтычиха своим крепостным девкам собственноручно кости ломала да еще зубы передние выдергивала щипцами, дабы своими белоснежными улыбками ее, Салтычихину красу не оттеняли...

Что скажете?

А здесь нашей Конституции и 15 лет не исполнилось, так ее уже менять хотят: то двух сроков для Президента как-то слишком мало, то субъектов Федерации как-то слишком много.

Вот потому и жизнь у нас такая.

В ЭТОЙ стране. Ни колбасы, ни дорог, ни свободы. Пробки, вонь, грязь. Улицы солью посыпают, вот опять — подошва у ботинок отвалилась. Рассея-мать ее... Откуда здесь быть свободе и демократии?

Это вам не Рио-де-Жанейро.

...Вот только понять бы еще для начала, что же за «зверь» эта самая демократия?

Сегодня исключительно модно обличать современную Россию за полное отсутствие демократии. Делают это не только наши и не наши политики (им это по работе положено), но и бизнесмены, такие как Великий борец за финансовое благополучие всех народов мира Джордж Сорос, и политологи, такие как Збигнев Бжезинский, и историки, и ученые.

С учеными особенно интересно. Например, крупнейший и, главное, известнейший специалист по России Ричард Пайпс пошел дальше всех: он «уличил» Россию в том, что в ней никогда вообще демократии не было. Такая уж страна оказалась неподходящая для базовых ценностей демократии и свобод. В ней, цитирую, «царское правительство в ответ на соответствующие нападки разработало административные методы, явно предвосхитившие методы современного полицейского государства».^[212] Для России характерна не демократия, а «бюрократическо-полицейский режим, который по сути дела пребывает у власти и поныне».

Пайпс четко объясняет, что именно по этой причине «в отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я ищу их в российских институтах».^[213]

Россия — не только, в общем, родина слонов, как учили нас наши партийные агитаторы и пропагандисты, но и Родина, по Пайпсу, Гитлера, Муссолини, Пол Пота и того африканского царька,^[214] который в конце XX века закусывал свежей человечинной.

Только вот беда! Гарвардский профессор и глава Центра исследований России, любимый советник нескольких американских президентов, Ричард Пайпс ничего не говорит о самом главном: о том, что же такое демократия?

То есть обвинения есть. А вот нормального определения — в чем собственно состав преступления — нет.

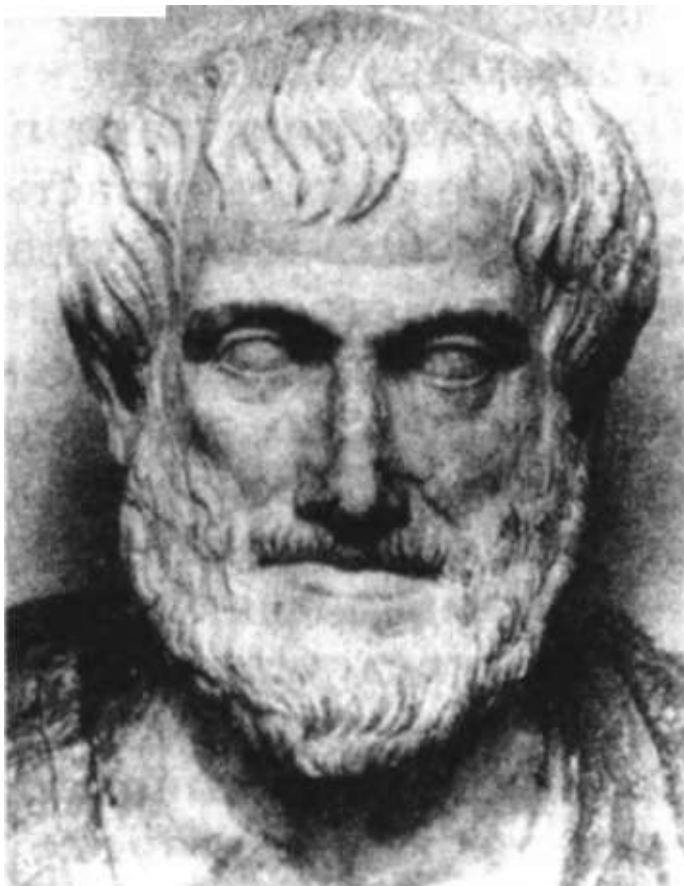
И Карл Поппер,^[215] непримиримый борец за «открытое» общество, ничего не говорит о том, что же это за общество такое. В его двухтомной книге про «открытое общество» сделан суровый вывод: в России общество плохое, «закрытое». Но никакого определения демократии и открытости — нет.^[216]

И Джордж Сорос ничего о демократии не говорит! Хотя Сорос даже основал в России Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса): для борьбы за демократию.^[217]

В своей книге о деятельности этого фонда он пишет: «Я представляю себе открытое общество как общество, открытое улучшениям. Мы начинаем с признания нашей собственной погрешимости, которая распространяется не только на наши умственные построения, но и на наши институты. Нечто несовершенное может быть улучшено путем проб и ошибок. Открытое общество не только допускает такой процесс, но реально его поощряет, отстаивая свободу выражения и охраняя инакомыслие. Открытое общество предлагает путь неограниченного прогресса».^[218]

Смелый человек этот Сорос! В самих США находит изъяны, ругает Буша за империалистическую политику! Говорит о «сворачивании демократии» в США!^[219] Но и он не дает определения ни открытого общества, ни демократии.

Так что же конкретно все-таки у нас не хватает?!

Аристотель.

Автор замечательных рассуждений о демократии, аристократии и охлократии. Очень современно звучит

Из тьмы веков

Определение демократии, конечно же, существует. И существует этих определений великое множество. Первое из наиболее известных дал еще Аристотель (384–322 гг. до н. э.), и обычно его используют до сих пор.

Аристотель говорил о шести способах правления. Три способа одинаково хорошие. Это монархия, аристократия и демократия. Три способа одинаково плохие: тирания, олигархия и охлократия.

Три первые способа хороши потому, что они законные. Монарха или выбрал народ, или он родился старшим сыном монарха, когда-то выбранного народом. Его лично уже никто не избирал, но в начале всех начал, пусть много поколений назад, его власть предполагалась. И для монарха вовсе не зазорно посему обратиться к народу в каком-то очень важном случае. Сходится народное собрание и вместе с монархом решает общую проблему.

Аристократия — власть богатых и умных, образованных. Они правят с согласия всего народа. Народ поручает им править и чаще всего уже не сходится на площадь для народных собраний. По крайней мере, по пустякам. Он согласен с правлением лучших.

А вот при демократии все граждане регулярно сходятся на площади для народного собрания. И дискутируют. Они коллективно принимают решения и выбирают должностных лиц в государстве для управления от имени народного собрания.

Три плохих способа правления плохи потому, что они, по рассуждению Аристотеля, незаконные, нарушают нравственные законы.

При тирании тиран захватывает власть силой и правит, опираясь на силу.

При олигархии власть захватывают немногие — опять же силой, не имея на власть никакого морального права. Самый худший вид олигархии — плутократия, то есть власть денег. Плутократы подкупают народ, тем самым развращая его.

При охлократии власть принадлежит не достойным людям, а сброду. Охлос — это неорганизованная, дикая толпа. Демократию строят люди, имеющие собственность и работу. Социально и экономически состоятельные. Стоит допустить до политических процессов несостоятельных и безответственных, тут и демократии конец, все сметает волна безответственных решений, принимаемых безответственными людьми.

Как видно, для Аристотеля нравственность и законность — основа представлений о государственном устройстве. «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, — совершеннейшее из живых существ и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех, ибо

несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие — умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону».^[220]

Аристотель вовсе не считал демократию лучшей и совершеннейшей формой правления. Сам он, по нашим представлениям, — придворный: происходил из семьи врачей при дворе македонских царей. В 37 лет Аристотель оставил Афины. По его мнению, демократия в Афинах на глазах вырождалась в охлократию. К участию в народном собрании были допущены самые нищие и безответственные люди. Колоссальным влиянием на собрания пользовались демагоги — те, кто умел «водить народ».^[221]

Греки в целом, кстати, тоже не считали демократию самым лучшим способом управлять... Только одним из приемлемых, не более.

Античная демократия — своего рода строй-предшественник для современных убежденных демократов. Но это мнение скорее идеологическое, чем научное. Античная демократия была НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ. Гражданин приходил на площадь народного собрания и выбирал должностных лиц. Греки жили маленькими общинами — полисами. Правила жизни в полисе назывались политией, откуда и пошло слово «политика». Численность граждан полиса колебалась от 1,5 до 8 тысяч человек. Греческий город — это, конечно, звучит гордо. Красиво. Но по нашим представлениям, это село. Такой большой аул. Граждане лично знали друг друга и как соседи, и как участники общих дел. Они понимали, кого имеет смысл выбирать.

Правда, в Афинах в пору их расцвета число граждан достигло 40 тысяч... И система тут же перестала работать, мнения стали формировать профессиональные болтуны-демагоги.

Еще хуже получилось в Риме. Сами римляне считали, что демократия установилась у них в 510 году до н. э. Тогда вся римская территория (ager Romanus) занимала всего около 870 кв. км — не больше той площади, которую контролировал средний греческий полис. Несколько сотен, затем — тысяч граждан сходились на форум, выбирали консулов, цензора, казначея, других должностных лиц. Если было нужно сосредоточить власть в одних руках, выбирали диктатора и на время отменяли свою демократию.

Она «работала», потому что Рим был маленьким и поначалу при всем желании не мог завоевать своих соседей. Подробно описывать дальнейшую историю экспансии Великого Рима нет смысла: придется писать многотомное сочинение, которое будет посвящено только этому. Но если в

двух словах, то в отличие от городов-государств Греции Рим сумел распространить свою власть сначала на ближайших соседей, а потом и на тех, кто жил подальше. Те, кто попадал под его власть, постепенно становились гражданами Римского государства.

Чем больше завоевываний, тем большие богатства стекались в столицу, тем больше Рим мог дать своим гражданам. Тем выше делались постройки, пышнее празднества, красивее одежды.

Но чем больше было завоеваний, тем больше становилось и граждан.
[\[222\]](#)

И тут наступил конец демократии.

Во-первых, стало непонятно — а на каком форуме должны собираться полчища «старых» и «новых» римлян? Механизма заочных выборов, территориальных избирательных участков и электронных урн для голосования еще не существовало.

Во-вторых, думающие граждане задавались вопросом: как они, совершенно не зная друг друга, могут осмысленно выбирать должностных лиц своего государства?

Если бы миллион римских граждан и нашел «площадку» таких размеров, республика-однодневка мгновенно бы пала жертвой демагогов, личных амбиций и разборок враждующих кланов.

В результате вся власть была в руках примерно 2 тысяч богатых семейств. Фактически Римская республика превратилась в олигархию. Жаль, нет до сих пор ни одного государства с таким официальным названием. Его предшественником мог бы считаться сам Древний Рим! Он первым стал достоин того, чтобы называться Олигархией (по крайней мере, среди тех государств, чью историю мы хорошо знаем), притом с большим оттенком плутократии. Римляне уже тогда научились активно торговать выборными должностями и местами в сенате. Часть сенаторов была почтенными главами старинных родов, образованными и патриотически настроенными людьми. Часть же — нуворишами, которых не интересовало вообще ничего, кроме дальнейшего обогащения и самодовольной демонстрации своего «сенаторства».

Сенат боролся за власть с народным собранием — форумом. На форуме же все больше появлялось пролетариев — тех, у кого не было вообще никакой собственности. У многих пролетариев, забросивших землю крестьян, не было и работы. Во-первых, они ничего не знали и не умели. Во-вторых, ничего и не хотели знать, уметь и делать. Но ведь они — благородные граждане Великого Рима! Им полагается! Именно эта публика требовала «Хлеба и зрелищ», то есть бесплатной раздачи продуктов и

устроения всяческих увеселений: гонок колесниц, цирковых представлений, гладиаторских боев.

Сенат разлагали плутократы. Форум — охлократы.

Гладиаторы. Римская мозаика на полу 250 г. н. э.

Футбол в Древнем Риме еще не изобрели, поэтому охлос требовал гладиаторских боев. А помимо зрелищ — бесплатного хлеба и каши.

Фактически между плутократией и охлократией велась борьба. Если на законодательную власть еще как-то пыталась влиять толпа, то исполнительная сосредотачивалась в руках богатых родов. Демократия принимала все более жалкий вид.

Период между 100 годом до н. э. и 14 годом н. э. сами римляне называли «Эпохой гражданских войн».^[223] Влиятельные и богатые воевали друг с другом, опираясь на свои финансы и на верные им легионы. Всякий захвативший власть считал своим долгом демонстрировать свою приверженность идеям «первородной римской республики», делать вид, что он лишь защищает ее идеалы от узурпаторов. Но и Марий, и Сулла, и Юлий Цезарь, манипулируя^[224] сенатом и опираясь на квазиреспубликанскую фразеологию, фактически были абсолютными диктаторами.

Выражение «перейти Рубикон» стало устойчивым. Это значит решиться на что-либо важное, сделать бесповоротный шаг. Совершил этот

поступок Юлий Цезарь, когда 10 января 49 года до н. э. злейшим образом нарушил древние римские законы и все принципы римской демократии. Речушка Рубикон отделяла Цизальпинскую Галлию от тогдашней Италии. Считалось, что всякий военачальник должен на этой речке оставить свою армию, и идти далее по родной итальянской земле только как частное лицо.

Юлий Цезарь со словами: «Жребий брошен!», ставшими еще одним афоризмом, форсировал Рубикон со своими ветеранами, закаленными в огне Галльской войны. Вошел с ними в Рим... И стал диктатором.

Впрочем, неплохим. Юлий Цезарь, как правитель умный, прекрасно понимал всю опасность охватившей охлократичный Вечный город эпидемии тунеядства. Среди прочих дел Цезарь уменьшил число получавших бесплатный хлеб до «всего» 150 тысяч человек. 100 тысяч римских граждан он лишил положения почетных дармоедов, а 80 тысяч выселил из Вечного Города в колонии, чтобы посадить на землю. Половина этих люмпен-пролетариев вскоре, правда, забросила бесплатно полученную землю и вернулась в Рим...

Август, внучатый племянник Юлия Цезаря, окончательно оформил новую политическую систему: принципат. Формально сохранялась республика, фактически главой государства стал «первый гражданин» — принцепс.^[225] Потом в европейских монархиях наследники короля станут называться принцами или принцессами. Так королевские отпрыски стали носить республиканский титул.

Впрочем, это была еще та республика. Народное собрание — форум окончательно утратило всякую роль.

А вот число граждан все росло. В 212 году император Каракалла сделал гражданами всех свободных подданных Римского государства, плативших налоги и соблюдавших римские законы. Непосредственная демократия окончательно сделалась бессмыслицей. Где и как миллионы новых римских граждан выбирали бы для себя принцепса?!

Император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) еще раз реформировал систему управления Римского государства. При этом сыне вольноотпущенника, начинавшего службу рядовым легионером, окончательно упразднили остатки демократии, фактически ее внешнюю видимость. Форум перестал собираться даже формально. В эпоху Домината,^[226] или поздней античности, император стал в полном смысле единовластным властителем, он опирался на армию и бюрократический аппарат.

Доминат существовал до падения Рима в 476 году н. э. Даже

формально никакой демократии уже не было. Но на местном уровне Римская империя всю свою историю сохраняла систему самоуправления, оставшуюся от времен, когда Рим был маленьким полисом, городом-государством площадью 870 квадратных километров. Гремели гражданские войны, Цезарь переходил Рубикон, Антоний женился на Клеопатре, Октавиан Август устанавливал свой принципат... А в бесчисленных избирательных округах Римского государства собирались на форумы граждане и выбирали чиновников местного самоуправления — муниципалов. Муниципалитеты собирали местные налоги, распределяли их, вели строительство, вершили суд.

Местное самоуправление позволяло принцепсам иметь по сегодняшним меркам очень маленький бюрократический аппарат: чиновники были попросту не нужны. Всеми местными делами все равно ведали муниципалитеты.

Римская империя вошла в историю как сочетание центральной олигархии, а потом и монархии с демократией на местах. Современные же демократы продолжают считать, что демократия очень эффективна при управлении всем государством...

Или все-таки монархия? (Современное отступление)

Не так давно священник Михаил Ардов вернул в оборот старую мысль о том, что монархия предпочтительнее республики, потому что на троне просто по теории вероятности может оказаться порядочный человек. Православный публицист пишет: «Монархия не избавляет подданных от напастей, она дает надежду. Есть такой известный афоризм, который я, возможно, не полностью разделяю, но который мне очень симпатичен: «Я за монархию против республики, потому что при монархии на престоле случайно может оказаться добрый и порядочный человек. А при выборах это абсолютно невозможно. Туда он никогда не долезет»».

Кто сказал? Ильин? Солоневич? А, может, кто-то из британцев, демонстрирующих чисто английское остроумие?

Поиски приводят к фигуре поистине удивительной — Александру Введенскому. Да-да, тому самому замечательному ленинградскому поэту-модернисту и другу Хармса. Точного высказывания не сохранилось, но Введенский щеголял в сталинские годы (!) своим монархизмом и любил повторять, что при наследственной власти у ее кормила случайно может оказаться и порядочный человек.

Шутка дорого ему стоила. Когда Сергей Михалков добился реабилитации поэта, в справке, выданной КГБ, значилось: «Будучи монархистом по убеждению и являясь членом руководящего ядра антисоветской группы литераторов, сочинял и протаскивал в детскую литературу политически враждебные идеи и установки, культивировал и распространял поэтическую форму «зауми» как способ зашифровки антисоветской агитации, сочинял и нелегально распространял антисоветские литературные произведения».

Вот такая встреча у монархии получилась с тиранией. И охлократией, конечно.

Непосредственная демократия в городах

В Средние века в Италии, Испании, на Юге Франции существовало городское самоуправление. На селе господствовали феодалы, власть владельцев земли стала и политической властью. А города оставались свободными.

В них не было личной зависимости людей и действовал принцип: «Городской воздух делает человека свободным». Даже беглый раб или крепостной становились свободными. Для того чтобы стать вольными людьми, они должны были прожить в городе год и один день... И все, этого достаточно. Прожил в городе год и один день — иди на главную площадь, где собирается городское народное собрание. Там висит колокол, созывающий граждан. Смело дергай за веревку, зови людей...

И народное собрание сделает тебя гражданином города, свободным человеком.

Позже такой новый горожанин просто подавал документ чиновникам муниципалитета. Неграмотный? За небольшую плату тебе напишут заявление по установленной форме. Его рассмотрят и, если ты прав, сделают тебя гражданином, включают в списки горожан. В определенные дни года, обычно под Рождество, новым горожанам торжественно вручался документ об их правах.

Города, кстати, были маленькие... В них хорошо действовали принципы непосредственной демократии, где все знают всех.

Магдебургское городское право

Магдебургское городское право — это свод основных законов, по

которым может управляться торгово-промышленный город. Сложился кодекс в Магдебурге в XIII веке из разных источников. Из привилегий, данных городскому патрициату архиепископом Вихманом в 1188 году. Из постановлений суда шеффенов Магдебурга. Шеффены — это судебные заседатели, определявшие наказание вместе с судьей, то есть своеобразные предшественники суда присяжных.

Важным источником Магдебургского права стало «Саксонское зеркало», сборник, составленный в 1221–1225 годах шеффеном Эйке фон Репковым.^[227] Это было первое универсальное законодательство, применимое в любом городе и исходящее из его права на самоуправление. Город был сувереном и законодателем, и все пункты исходили именно из этого.

Магдебургское право применялось во многих городах — уж очень оно было удобным. Идеи демократического самоуправления катились по Европе, до Скандинавии и славянских земель. На востоке Европы Магдебургское право часто называли «немецким».

Во всех странах горожане имели особые черты характера, малопонятные (порой — малоприятные) для аграрных классов общества: и для дворян, и для крестьян. Жители городов были индивидуалистами. Горожанин очень хорошо отделял сам себя от общества и свой интерес от интересов общества, короля или города. Горожанин плохо понимал, почему он должен скрывать свое желание нажиться и почему о его добрых делах никто не должен знать. В его поведении проявлялись то откровенное своекорыстие, то показная, широкая благотворительность. Города жили гласно, шумно, открыто... Демократически.

Сословно-представительная демократия

Королям было труднее... Многие из них были бы и не против каких-то элементов демократии, но как ее реально осуществить? Подданных очень уж много.

Во Франции короли проводили расширенные собрания королевского совета, на которые звали представителей от городов. По одному от города. В провинциях проводились «ассамблеи сословий», на них собирались священники, дворяне и горожане.

А в 1302 году произошло нечто новое...

Несколькими годами ранее Филипп IV Красивый, которого называли еще Железным королем,^[228] поссорился с Папой Римским. Причина ссоры

была проста: король хотел наложить лапу на церковную десятину. Она собирается в его владениях и с его подданных. С какой стати отдавать деньги в Рим?! Эти 10 % королю и самому пригодятся.

Окружение монарха составляли не только дворяне, но и горожане — большие законники, воспитанные на традициях римского права. Министр Гийом Ногарэ утверждал, что все подданные короля, не исключая и священников, должны помогать своей стране. В том числе и деньгами.

Папа Бонифаций VIII пришел в ярость. Осенью 1296 года он издал буллу «Clericis laicos», категорически запрещающую духовенству платить подати мирянам, а мирянам — требовать таких платежей у духовенства без специального соизволения римской курии.

В ответ Филипп Красивый воспретил вывоз из Франции золота и серебра: фактически запретил вывозить церковную десятину.

Кроме того, придворные законники во главе с Ногарэ советовали королю изъять из ведения церкви целые категории уголовных дел и подчинить себе епископов.

Тут папа рассердился еще сильнее. В 1300 году он отправил в Париж своего посланника — легата, епископа Бернара Сессети. Происходил епископ из Лангедока... А эта страна была совсем недавно завоевана Францией.^[229] Само по себе присоединение Лангедока к Франции — очень интересная страница истории. Она хорошо иллюстрирует, какое же государство является империей.^[230] Для этой же главы важно, что последние восстания в Лангедоке были подавлены совсем недавно.

Для Бернара Сессети Франция была государством колонизаторов, и он повел себя соответственно. После целого ряда полученных от него прямых оскорблений король Филипп возбудил против Сессети судебный процесс, обвиняя епископа в «оскорблении короны», измене и в других преступлениях. Кому изменял епископ? Королю Франции! Ведь он — подданный короля... Но папа сообщил Филиппу, что духовные лица не подлежат его суду. В свою очередь, король потребовал от папы лишить Сессети духовного сана.

В декабре 1301 года Бонифаций ответил Филиппу обвинением его самого в посягательстве на духовную власть и потребовал привлечь его к своему суду. Он отправил королю буллу,^[231] в которой подчеркивал всю полноту папской власти и преимущество ее над всякой (без исключений) светской властью.

Ситуация возникла патовая... Король — суверен, но ведь и папа — тоже суверен... Король, правда, не имел права судить духовное лицо.

В общем всю эту забытую историю я излагаю лишь для того, чтобы объяснить следующий шаг короля Франции.

Именно тогда Филипп Красивый по совету своих верных министров принимает решение, имевшее впоследствии огромное значение. Он собирает так называемые Генеральные штаты. «Генеральные» — значит не «главные», а «общие». Штаты — то есть страны.^[232] Общий совет всех стран, входящих в Королевство Франция. Со всех графств и герцогств, из всех городов прибыли ко двору представители. Гийом Ногарэ лично выступил перед собравшимися, сообщив новую идею: оказывается, нация тоже суверенна! Нация — новая для тех времен категория. Ногарэ имел в виду совокупность подданных одного государства. Нация имеет права суверена: может издавать законы, править сама собой.

Нацию и в наше время определяют так же. В международном праве под нацией понимается совокупность граждан государства. Только определение дается более развернутое: «Социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, сложившаяся в результате становления государства и выработки надэтнической культурной и политической традиции. Может рассматриваться как форма этнической жизни индустриальной эпохи».^[233]

Король начал свое выступление с яркого шага: демонстративно сжег папскую буллу... По другим данным, он сжег ее еще до созыва Генеральных штатов, но позаботился, чтобы делегаты об этом узнали. Он задал вопрос: может ли король собирать налоги с представителей нации? «Конечно!» — ответила «нация». Но только сначала она должна утвердить эти налоги... и пусть потом король их собирает.

Немного поперхнувшись от такой перспективы, Филипп попросил нацию решить его конфликт с папой... Конечно, король имеет право собирать налоги с нации, а папа нет! — так ответили Генеральные штаты. Конечно, священники подлежат суду короля, а не папы!

Генеральные штаты позволили королю завершить его борьбу с папами. Ни Бонифаций, ни его преемники не могли ничего поделать с французским королем, ведь теперь он опирался не только на феодалов, но и на «нацию»!

В 1309 году новый папа Климент V, француз по происхождению, перенес свою резиденцию из Рима в Авиньон...

Этот город в Южной Франции находился под непосредственным влиянием французского правительства. Папа на время по сути покорился королю.

Так французский король стал сильнее наместника Бога на земле, а

помогли ему в этом Генеральные штаты и идея суверенитета нации.

Генеральные штаты

Обоим «изобретениям» Ногарэ — и нации, и Генеральным штатам — суждена была долгая жизнь. Чуть не сказал «долгая счастливая жизнь». Но этот штамп не имеет отношения к реальности.

Филипп Красивый, Железный король, еще не раз собирал Генеральные штаты, чтобы пополнить вечно пустую казну. Они позволяли вводить новые налоги, продавать и отдавать в аренду различные должности, производить насильственные займы у городов. С помощью Генеральных штатов король облагал высокими налогами и товары, и имущества. С их же помощью он успешно централизовал свою власть. Запретил, например, чеканить монету всем властителям своего государства, кроме самого себя.

Он также собрал Генеральные штаты, чтобы разгромить Орден тамплиеров и наложить лапу на его богатства. К слову, он был должен этому Ордену уж очень большие деньги...

В 1307 году Ногарэ велел арестовать тамплиеров и начал против них процесс. Его вели, кроме светских властей, еще и папские инквизиторы: папа Климент V тоже хотел добраться до богатств тамплиеров. Под ужасающими пытками почти все они сознались во всех фантастических преступлениях, какие только приходили в голову их палачам. Они «оказались» злейшими врагами христианства, эти ужасные, слишком богатые тамплиеры.

Процесс длился несколько лет. Климент V то пробовал защищать несчастных, то порывался отстранить от процесса светских судей и заменить их только инквизиторами, которые подчинялись бы лично папе. Но против был не только король Франции, но и Генеральные штаты.

Печать рыцарского Ордена тамплиеров.

Тамплиеров обвинили во всех смертных грехах, включая педерастию и развращение малолетних. Не без участия демократического органа — Генеральных штатов.

Король предал тамплиеров светскому суду, суд объявил рыцарей виновными во всех преступлениях, которые им вменялись, — от педерастии до поклонения сатане.

И постановил сжечь руководителей ордена. Папа подчинился... В 1312 году он объявил орден уничтоженным, и Филипп завладел почти всем его имуществом.

Были ли виновны тамплиеры хоть в чем-то, кроме гордости, переходящей в заносчивость, и рачительности, переходящей в алчность, крайне маловероятно. По крайней мере, в Испании и в Португалии к ним отнеслись лояльнее и после упразднения ордена позволили влиться в другие ордена.

Есть мрачная легенда о том, как Великий Магистр Ордена тамплиеров Жак Моле, приговоренный к сожжению на костре, проклял Филиппа и его потомство, а также министра Ногаре и папу Климента V. «Не минет и года, как вы последуете за мной!», — воскликнул Жак Моле, обращаясь к

«судебной тройке», когда первые языки пламени коснулись его пят.

Железный Король скоропостижно умер 29 ноября 1314 года... Судя по всему, от инсульта. В течение года при таинственных обстоятельствах ушли из жизни и Ногаре, и сам папа римский. Проклятие тамплиера действовало эффективно, если верить легенде.

Считается, что вообще вся династия Филиппа угасла именно от этого проклятия.

Но Генеральные штаты остались! Они еще много раз созывались по инициативе королевской власти в сложные моменты истории. На них опиралась власть во время бесконечной Столетней войны 1337–1453 годов, [\[234\]](#) в период народных восстаний XIV века. Порой активных участников заседаний королевская власть брала в свою администрацию. [\[235\]](#)

5 мая 1789 года в условиях острого политического кризиса накануне Великой французской революции король вспомнил о демократии и созвал Генеральные штаты. Каждое сословие заседало в Генеральных штатах отдельно. В июне 1789 года депутаты третьего сословия «отделились» и объявили себя Национальным собранием, органом, который должен дать Франции новые законы. С этого и началась череда страшных и кровавых событий, о которых во Франции до сих пор говорят с придыханием: Великая революция 1789–1793 годов...

В Нидерландах (Голландии) с 1463 года тоже возникло высшее сословно-представительское учреждение под названием Генеральные штаты.

Голландия хотела освободиться от власти испанских королей и создала собственный орган «суверенной нации».

В Испании с XVII века появились Генеральные кортесы — то же самое, что Генеральные штаты.

Идеи Гийома Ногарэ продолжали жить и побеждать. Это же очень важная идея для демократии! Действительно: жители государства имеют право быть коллективным сувереном. Красота! Ни король, ни церковь не нужны.

Есть здесь, правда, одна деталь: никто толком не знает, что же такое нация. Скажем, крупнейший западный теоретик понятия «суверенитет» Бенедикт Андерсон говорит о нациях как о неких надуманных общностях — «воображаемых сообществах». Это феномен в первую очередь культурный и только потом этнический и социальный. [\[236\]](#)

О смысле термина спорят и спорят. Вот мнение известного российского специалиста в сфере государственного управления Г. В.

Атаманчука относительно термина «суверенитет»: «Научное представление о его сущности, содержании и формах реализации до сих пор так и не создано. Этим термином оперируют, кому как хочется».^[237]

Но ведь оперируют, и уже давно — больше 200 лет!

Нация суверенна... Но непонятно, что такое нация: понятие это политическое, этническое или языковое?

Впервые понятие нация в его современном значении стало использоваться в ходе Французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен «подданства французской короны».

Революционеры XVIII века провозгласили: нация имеет право выступить против короля. Получилось как-то странно. Содержание термина оставалось неясным. При королях общность подданных была чисто политической. Бретонцы, гасконцы и бургундцы были подданными монарха и могли быть вполне лояльны трону... Они подчинялись французскому королю, а никакой не «французской нации».

Революционеры говорили от имени всех, но лихо включали во «французскую нацию» народы, которые себя французами вовсе не считали. Стремление бретонцев и жителей Юга Франции обрести независимость от Парижа они «почему-то» считали не стремлением нации к самоопределению, а государственной изменой. В результате в Бретани было убито больше 100 тысяч крестьян и священников, которые полагали: они должны или подчиняться общему с французами королю, или быть независимыми. Подчиняться французам они не хотели, частью французской нации себя не считали.

Вандейские войны вспыхнули в 1793 году и повторялись несколько раз до 1815 года, до вступления союзников во Францию. До сих пор считается, что это были восстания упертых роялистов, поощряемых Англией, что революционная армия входила в Бретань, якобы как в гнездо контрреволюционеров. До сих пор во Франции не хотят замечать национальной подоплеку «восстаний в Вандее».

С легкой руки французов идеи национального самоопределения и национального суверенитета покатались по Европе... и по всему миру.^[238]

Идеология национализма проста: нужно обособить и вычленить отдельную нацию из общего числа народностей, проживавших до ее возникновения на определенной территории. Стоит обособиться, и национализм начинает работать на становление, защиту и укрепление своей нации. Своей — но вовсе не всех остальных!

В Австрии во время революции 1848 года венгры требовали освобождения от власти немцев и их императоров. Освободились. На месте Австрии возникла Австро-Венгрия, состоявшая как бы из двух государств. Но уже в ходе революции венгры подавляли восстания румын и славянских народов. И подавляли более жестоко, чем австрийцы: сносили артиллерийским огнем деревни с лица земли, убивали пленных, сгоняли с земли людей по национальному признаку...

С их точки зрения это было логично: венгры боролись за демократию... Но за какую? За венгерскую. Для венгров, а вовсе не для словаков или румын.

Так повторялось потом много раз, когда необходимо было обосновать государственность колоний, поставить под сомнение власть Австро-Венгерской, Британской, Германской, Российской империй. И каждый раз была востребована идея национального суверенитета.

При распаде Российской империи в 1918 году в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 года говорилось: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций», то есть как федерация советских национальных республик.

Фактически эти республики выйти из СССР не могли, но прелести национального суверенитета россияне познали не только в 1918, но и в 1991 году. Когда Грузия вышла из состава СССР и тут же ввела войска в Абхазию и Южную Осетию. Когда Армения и Азербайджан стали суверенными и тут же начали войну за Нагорный Карабах.

Сейчас понятия государственного и национального суверенитетов закреплены в Уставе ООН в виде положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение.

Но если идея суверенитета нации неотделима от идеи демократии, тут еще подумаешь, становится ли демократом...

Правда, есть и другая модель демократии, в которой суверенитет нации никак не предусмотрен. Придумали его англосаксы.

Парламент

*Лучший аргумент против демократии —
пятиминутная беседа с избирателем.*

Черчилль

Английское слово «парламент» (parliament) происходит от французского parlement. Parler, парлэ — говорить. То есть, попросту, по-русски — говорильня, место, где говорят.

Парламент — особый инструмент демократии. Его выбирает все население государства, независимо от национальной принадлежности и от сословия. В Генеральные Штаты депутатов выбирали по сословиям. В английском парламенте уже в XIII веке депутаты разных сословий сидели вместе.

В самой Британии считается, что парламент ведет свое начало от народных собраний, которые собирались несколько раз в год. Со временем часть своих членов народные собрания стали содержать весь год — чтобы они могли постоянно совещаться и издавать законы, по которым живет страна. Греки избирали должностных лиц, римляне — сенаторов, некоторые германские народы также стали избирать законодателей.^[239]

В 1066 году норманн Вильгельм Завоеватель в точном соответствии со своим прозвищем^[240] захватил англосаксонские королевства Британии. Он был весьма неглупым человеком и не собирался резко менять систему управления. Кучка франкоязычной знати, потомки галлов и норманнов, терялась в море местных жителей. Раздражать их «по мелочам» было слишком опасно. При Вильгельме Завоевателе и при его потомках действовал совет, в который все местные дворяне избирали своих представителей.

В совет при короле входила и нормандская аристократия. Она говорила по-французски, не отождествляла себя с завоеванными и в совете держалась отдельно. К аристократам примыкали священники.

В 1215 году бароны выступили против своего короля: по их мнению, он собирал слишком много налогов. А в Англии налоги платили все, в том числе и дворяне. К высшей знати присоединились мелкие рыцари и горожане. И тогда король Иоанн Безземельный подписал так называемую «Великую хартию вольностей». С нее британцы и ведут начало современной демократии.

Согласно Хартии, король не мог назначать новых налогов без согласия королевского совета, не мог отнять чьей-либо собственности, кроме как по решению суда, не мог никого арестовать по своему произволу. Если король нарушал Хартию, 100 самых богатых и знатных баронов имели право объявить ему войну.

В 1265 году собрали первый парламент. Избирать в него могли все, независимо от сословий. Правда, только те, кто владел землей,

приносившей ежегодную ренту в 40 шиллингов. На эту сумму тогда можно было купить дом.

К XV веку складывается представление о статусе депутата. Он включал ряд юридических привилегий, прежде всего депутатскую неприкосновенность. Последняя подразумевала охрану жизни и имущества депутатов, а также свободу от ареста (правда, и то и другое — только на время сессии^[241]).

Сегодня парламент считается одним из высших органов государства, представляющим волю всего населения: ведь он формируется путем всеобщих выборов. В современных государствах парламенты, как правило, наделены властью принимать законы, в той или иной мере формировать и контролировать исполнительную власть. Например, выносить вотум недоверия правительству и осуществлять процедуру импичмента президенту.

Демократия или плутократия?

Демократия? Все могут избирать и быть выбранными? Формально — да...

Но с самого начала в парламенте огромное значение имели деньги. Мало того, что существовал имущественный ценз: право избирать имели не все, а уж тем более не все могли избираться. Так еще и шел подкуп избирателей. Увы, это не изобретение современных политтехнологов. Поэтому сознательно дам небольшой экскурс в историю родины парламента — Британии.

Итак, голос избирателя уже в XV веке был капиталом, который нетрудно было превратить в наличные, фунты и шиллинги.

В XVIII веке в Британии говорили, что цена голоса избирателя установлена с такой же точностью, как на хлеб или на землю. В среднем место в парламенте в первой половине XVIII века можно было купить за 1–1,5 тысяч фунтов стерлингов. Это была огромная сумма по тем временам.

Однако, инфляция. И во второй половине XVIII века цена на депутатство возросла до 5 тысяч фунтов. Во времена промышленной революции стало больше тех, кто обладал значительными капиталами. Они не пользовались политическим влиянием, а покрасоваться в парламенте хотели. Все логично! Спрос определяет предложение.^[242]

Но это мы — про простую продажу своего голоса за деньги. Обычайшая сделка, не более. Один английский избиратель XIX века

описывал, что он, как и каждый голосующий, опускал бюллетень в одно отверстие в стене, а через другое получал соответствующую сумму. Удобно.

Иногда удавалось купить избирателя и дешевле — за «халявную» выпивку и еду. Уже в конце XIX века лорд Рассел уверял, что спаивание избирателей — это типичная сторона английской демократии, которая резче всего бросается в глаза чужестранцам.

Поначалу, в XV-XVII веках, покупку голосов еще как-то маскировали. Например, кандидаты в депутаты парламента или их агенты покупали у избирателей ничего не стоящие поддержанные вещи за несоразмерно большие деньги.

Бывало, платили избирателям немалые суммы за... проезд на место выборов. Избиратели в Седбери, не жившие в городе, подкупались как бы оплатой их проезда. За милю дороги от Лондона до Седбери они получали по 1 шиллингу и при том во время пути их еще поили и кормили! В общем, ничего нового современные пиарщики не придумали. Как известно, новое — это хорошо забытое старое.

Но зачем покупать в розницу, скажет опытный технолог, если можно сделать это оптом? Любой бизнесмен вам скажет, насколько это выгоднее. Тем более, проще не возиться с рядовыми избирателями, а сразу договориться с местными муниципальными властями. Так и делали. Например, во время выборов в городке Пуле явилось трое кандидатов; один обещал городской думе за своё избрание 1000 фунтов, другой — 1500 тысячи и третий — 750 фунтов. Думаю, не надо объяснять, кто из них победил.

Городские власти тоже делали свой маленький бизнес на избрании в парламент. «Отцы города» обещали, что данное лицо пройдет в парламент, а в возмещение требовали уплаты долгов города. В 1768 году Оксфордская городская дума, обремененная долгами, написала своим двум депутатам в парламенте, что они будут избраны вновь лишь при уплате суммы в 6–7 тысяч фунтов стерлингов. Зря они оставляли письменные улики, эти «оборзевшие» члены городской думы. Все-таки формально требовать денег за избрание депутатов они права не имели, даже по тем британским законам. Посему они быстро оказались в тюрьме, а когда освободились (за взятки, естественно), оказалось, их заместители уже провели сделку без их участия.

В 1711 году некто полковник Гледхил купил себе место в парламенте, записавшись в... гильдию сапожников (I)^[243] и сделав ей заказ на сапоги для всего своего полка.

В Токсбери избиратели прямо заявили, что в парламент изберут только тех лиц, которые обяжутся пожертвовать на сооружение дорог 1500 фунтов стерлингов. Сделка была заключена. Кандидаты въехали в город во главе торжественной процессии. За ними шли рабочие с заступами и лопатами в знак того, что они готовы приступить к работам. Тут же несли знамя, на одной стороне которого были написаны имена кандидатов, а на другой — избирательный лозунг: «Хорошие дороги».

В общем, это все мало отличается от современных выборов, хотя, правды ради, признаемся, все было несколько откровеннее. Люди раньше были проще, прямее...

Для торговли голосами появились даже специальные агенты, которые продавали иногда по 15–20 мест за одни выборы. Они получали значительные комиссионные. Некоторые из них, правда, в результате попадали в знаменитую Ньюгейтскую тюрьму.

Поскольку прямая уплата денег все же запрещалась, а как-то договариваться было надо, в городе Шорхэме для продажи голосов был организован «Христианский клуб». При вступлении в него избиратели давали друг другу торжественную клятву не обманывать друг друга, не утаивать полученных денег и по-христиански делить полученные суммы. Дав клятву, члены клуба решали, кому и за сколько нужно продать свой голос.

Торговля голосами была так хорошо налажена, что если кандидат не имел нужных средств в момент избрания, то мог выплачивать деньги в течение ряда последующих лет. В рассрочку. Например, в Стаффорде выплаты за голоса производились в течение 12 месяцев после выборов. Парламентская неприкосновенность в кредит.^[244]

Во время избирательных кампаний на видных местах вывешивались плакаты, призывавшие избирателей отдать свой голос за кандидата... И тут же, на плакате, иногда называлась сумма, которую можно получить.

Цена голоса колебалась в зависимости от того, насколько ожесточенной была предвыборная борьба.

В 1695 году, например, один кандидат на выборах в Вестминстере за несколько часов истратил 2 тысячи фунтов. Позднее общая стоимость избрания увеличилась. В конце XVIII века Фокс, один из лидеров вигов, истратил на выборы 18 тысяч фунтов. Тогда считалось, что купец, накопивший 50 тысяч фунтов, может отойти от дел: столько стоило поместье, дававшее в год 2500 фунтов дохода. Можно было жить помещиком-лендлордом, не рискуя деньгами в сложных торговых операциях. Фокс потратил почти половину такого имения...

Абсолютное большинство британцев ничего не имели против. По их мнению, все было справедливо. Система продажи мест в Парламенте их не раздражала и не возмущала. Люди, обладавшие богатством, могли иметь соответствующую богатству власть. Люди, богатством не располагавшие, получали от кандидатов деньги или какие-то важные для них услуги.

Британцы, не имевшие избирательных прав, боролись за то, чтобы их получить... На то было много причин, но одна из них очевидна: гражданские права были делом выгодным. Правда, увы, чем большему числу людей давали право голоса, тем меньше стоил этот самый голос.

Девальвация «честного голоса избирателя» шла постоянно, как бы сейчас сказали, значительно опережая темпы инфляции.

Если еще в XVIII веке, торгуя им, можно было выучить в колледже детей, то к концу века XIX избирателям максимум ставили бесплатную выпивку и кормили их рыбой с картошкой. И то правда... Не устрицами же кормить рабочих и фермеров?

В заключение — важное замечание.

Все вышесказанное излагается отнюдь не для того, чтобы доказывать, дорогой Читатель, как, мол, гнусно и продажно обстоит дело с парламентаризмом на «загнивающем Западе» и как несравненно лучше было (или есть сейчас) с этим делом у нас.

Примеры «продажной демократии» с одинаковым успехом можно приводить практически из любого исторического периода любой страны, где те или иные формы выборности имели место. Думаю, бывший руководитель Центризбиркома Вешняков привел бы нам сотни ГОРАЗДО более ярких, живописных примеров надругательств над базовыми демократическими принципами и институтами, причем исключительно используя фактуру новейшей отечественной истории. Нам в этом отношении за три моря ходить за примерами точно не нужно.

Смысл нашего краткого экскурса в историю родины парламента в другом. В том, чтобы показать: если даже «образцово-классическая» избирательная система Британии была столь извращена и «монетизирована» с самого своего начала, то не надо питать никаких иллюзий относительно и вчерашнего, и позавчерашнего, и тем паче сегодняшнего дня иных «демократий» парламентского типа.

Британский паб.

Вот он — интерьер коррупции. Британские пабы не меняются веками. Будьте уверены, и 300 лет назад избирателей спаивали точно в такой обстановке.

Все недостатки парламентаризма, такие как оторванность избирателя от избираемого и определяющая роль «финансового» и «административного» ресурсов на результат выборов, заложены в парламентскую модель изначально. И принимая эту модель сегодня (не из-за ее безупречности, а за неимением пока достойных альтернатив), мы должны понимать ее глубокое ИЗНАЧАЛЬНОЕ несовершенство. Так же как глубоко несовершенна, более того — глубоко НЕСПРАВЕДЛИВА система демократических выборов и демократических институтов управления обществом в целом.

Светоч демократии Уинстон Черчилль, который с таким снобизмом отзывался о своих избирателях, как-то сказал: «Демократия — самая худшая форма правления, за исключением всех других форм, что пробуют время от времени». [\[245\]](#)

Демократия — один из самых НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ПУТЕЙ НАДЕЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ ВЛАСТЬЮ. Почему? Об этом мы подробно поговорим далее. А пока посмотрим, может, в отличие от «старого парламентаризма» старой доброй Англии, на берегах Нового Света все же удалось создать более совершенную модель управления обществом? Модель, где все иначе... Где лишь высокие нравственные и деловые

качества кандидатов с самого начала определяют, что одним надлежит заседать на Капитолийском холме в то время как другим — трясти у подножья этого холма пластиковым стаканчиком, распугивая туристов выкриками: «CHANGE, CHANGE, GIMME SOME CHANGE, PLEASE!»^[246]

Светоч Великой демократии

*Если человек украл кошелек, он садится в тюрьму.
А если он украл железную дорогу — становится сенатором.*

Старая американская пословица

Увы, в Соединенных Штатах Америки с самого начала было то же самое. Только еще хуже.

В США не было идеи суверенитета нации, потому что не было наций. Было истребление индейцев, ввоз негров-рабов на плантации, расизм и временами — антисемитизм. Но не было нации, которая завоевывала бы другие народы, и не было наций, которые стремились бы освободиться.

В США, как считается, достиг своего абсолюта развития принцип либерализма. Слово это происходит от латинского *liber* — свободный. Согласно этой замечательной идее, личность важнее всех государств и сословий. Все, что мешает свободе личности, свободной конкуренции и изъявлению свободной воли — долой! Вредны все национальные различия, любые законодательные ограничения. Чем власть слабее, тем лучше. Чем меньше правительство управляет, тем свободнее человек.

В США пытались воплотить в жизнь эту идею.

По Конституции США, принятой в 1787 году и вступившей в силу в 1789 году, в стране правят Парламент и Президент. Страна разбита на штаты, то есть государства. Первоначально штатов было 13, к XX веку их стало 48. Отвоевали у индейцев и у Мексики новые территории. На них образовались новые штаты.

В каждом штате действуют свои Законодательные собрания и выбираются губернаторы. Законы штатов могут существенно отличаться друг от друга. В одних штатах губернатор имеет полномочия почти диктаторские, в других он, напротив, почти не имеет реальной власти.

Местное самоуправление определяется конституциями штатов. Штаты делятся на графства, во главе каждого из которых стоит выборный совет.

В небольших населенных пунктах собирается сход граждан, они избирают мэра, должностных лиц, судью и главу полиции — шерифа. В больших населенных пунктах избирают мэра и свое Законодательное собрание. Полномочия мэра и собрания определяют законы данного города. Иногда мэр главнее собрания. Иногда — наоборот. Иногда обходятся без мэра: собрание нанимает управляющего — менеджера.

Система местного самоуправления США просто потрясает, настолько там все продуманно и демократично. Власть чиновников жестко ограничена, и правительство почти не может влиять на принятие решений на местном уровне.

Непосредственная демократия в США привлекала множество людей, хлынувших за океан из Европы в XIX веке. К 1900 году 40 % населения США родились за пределами этой страны.

Непосредственная демократия осуществляется теми, кто неплохо знает друг друга — если не лично, то через одного человека. Эта система прекрасно работала в Старом Свете, не хуже заработала и в Новом. Свободные люди, объединенные механизмами местного самоуправления, и построили эту колоссальную, великую и трагичную страну, к середине XIX века достигшую Тихого океана. Самостоятельный свободный работник и предприниматель стали главными героями этой страны.

Это они отправляли фургоны на Запад, через прерии, строили города в глухих лесах, распахивали не тронутые плугом земли, вели пароходы по Миссисипи и Миссури, вгрызались лопатами и кирками в рудные жилы, строили лесопилки и дороги, изобретали машины и новые транспортные средства. Платили местные налоги и выбирали мэров и шерифов. Еще они пели гимн не только Соединенных Штатов, но и своего штата, иногда даже графства, размахивали флагом своего города, гордились своей страной, своей демократией и своим правом избирать собственное начальство...

Торжество либерализма? Да... Пока кучка людей превращала целый материк в часть цивилизованного мира. Пока ресурсов хватало на всех и был дефицит не земли и не чистой воды, а рабочих рук. Пока свободный работник был востребован.

Но уже тогда в делах управления страной в целом все обстояло вовсе не так лучезарно. Согласно Конституции США их парламент состоит из двух палат: Конгресса и Сената. В Конгресс избирают все граждане, достигшие 21 года (с 1920 года — и женщины): 1 кандидат от определенного числа жителей. В Сенат каждый штат выбирает 2 представителей. Избирают их лица, достигшие 25 лет, и сенатор не может быть моложе 30 лет.

В наше время 1 конгрессмена избирают примерно 300 тысяч американцев. Как могут они договориться, как могут пообщаться с кандидатом, определить его личные и деловые качества? Никак.

Американцы уже в XIX веке были не в восторге от своих законодателей. То есть сама по себе демократия священна, покуситься на нее никак нельзя. Но почему-то, каким-то скверным колдовством, в Конгрессе и особенно в Сенате постоянно оказывались личности, которым место не в правительстве, а на каторге. А чему удивляться, если в середине XIX века избрание в Сенат, как писали американские памфлетисты, обходилось в 20 тысяч долларов, а в середине XX — в 500 тысяч долларов? Сегодня оно обходится в 2–3 миллиона как минимум. Инфляция...

Много горьких и жестких слов сказал в свое время Марк Твен о представителях штатов в Сенате. Описывая двух отпетых жуликов, Марк Твен подробно рассказывает, как их защищает Законодательное собрание: «Ведь это было все равно, что просить детей отречься от родного отца». Отдать негодяев под суд? Их судили присяжные заседатели — «девять пациентов ближайшего сумасшедшего дома и три ученых джентльмена, прошедших полный курс наук в тюрьме Синг-Синг».^[247]

Президента США избирают по сложной мажоритарной системе. Теоретически избирает его население США... Практика несколько сложнее. Разобраться в ней не проще, чем в правилах таких малопонятных неамериканцу видов спорта, как бейсбол и американский футбол.

Раз в четыре года в начале ноября, в первый вторник после первого понедельника, граждане Соединенных Штатов избирают президента. Но президентские выборы в США не прямые. В день голосования избирают только выборщиков. Причем в бюллетенях имена выборщиков не указывают. Всего их 538 — каждый штат имеет столько выборщиков, сколько избирает сенаторов и представителей в Конгресс, т. е. не менее трех. Еще троих выборщиков избирает столичный округ Колумбия.

В декабре выборщики (выбранные анонимно, по партийным спискам) должны собраться в столицах штатов и проголосовать, вписав в бюллетень имена кандидатов в президенты и вице-президенты. Затем эти бюллетени печатаются и отсылаются в Вашингтон. 3 января собирается на сессию Конгресс. К этому времени Сенат должен подсчитать голоса. Когда будет установлено, что победитель набрал более половины голосов от общего числа выборщиков, он официально становится избранным президентом и вступает в должность.

Это происходит в полдень 20 января, очень торжественно.

Некоторые полагают, что отцы-основатели американской конституции

считали, что рядовые граждане непредсказуемы, эмоциональны, подвержены влияниям. Нельзя доверять им такое важное дело, как выбор президента. Пусть выбор осуществляет узкая коллегия, состоящая из почтенных и уважаемых граждан.

Думаю, это не так.

Можно, напротив, предположить, что само появление системы выборщиков — результат искреннего стремления сделать в конце XVIII века действительно честную демократическую систему. Представьте США времен Вашингтона и Франклина: огромные расстояния, мало городов, разбросанное население, полное отсутствие современных средств коммуникации.

Система выборщиков стала тем механизмом, который обеспечивал более-менее приемлемый учет мнения избирателей в условиях, когда обеспечить голосование по привычным нам стандартам: десятки тысяч избирательных участков, участковые и территориальные комиссии, электронные урны для голосования, система ГАС-выборы и прочая и прочая, — было совершенно невозможно.

При этом отцам-основателям было важно учесть интересы элит каждого из штатов, на тот момент — практически независимых государств, объединяющихся в конфедерацию (state [англ.], кто забыл, — и сегодня «государство»).

Это было важнее для единства страны, чем учет мнения простых избирателей.

Было важно, что бы каждый ШТАТ-ГОСУДАРСТВО в итоге поддерживал ОДНОГО кандидата в президенты ОБЪЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. Логика простая: кого поддерживает большинство штатов, тот и Президент, а то, что штаты очень разные, тогда казалось не столь важно.

Другое дело — сохранение этой системы в законсервированном виде сегодня, конечно, выглядит странным анахронизмом. И притом совершенно непонятно, чего здесь больше: стремления молодой американской нации к сохранению традиций или сознательного злого умысла.

Не хочется делать плохих предположений в отношении правящих американских элит, но согласитесь, довольно странная и безумно сложная схема элементарных выборов.

Сложность эта в том, что многоэтапная система может довольно серьезно исказить волеизъявление народа. Настолько, что вообще становится непонятно, чего же именно хотело большинство.

Если кандидат получил в каком-нибудь штате перевес хотя бы в один

голос, он автоматически получает голоса всех выборщиков. Получается, что весь штат голосовал за него... А ведь сегодня численность населения разных штатов колеблется очень значительно: от 30 до полутора миллионов.

Число выборщиков президента тоже колеблется. Если сенаторов от всех штатов всегда 2, то представительство в Конгрессе зависит от численности населения...

Достаточно выполнить несложные арифметические подсчеты, чтобы убедиться, что самые маленькие по населению штаты имеют выборщиков больше, чем «заслуживают», а большие — меньше. При этом стоит победить соперника хоть на 1 голос в любом штате, и все голоса штата — твои.^[248]

В результате президентом США не раз становились кандидаты, опередившие соперника буквально на 1 % или на 0,2 % голосов.^[249]

Или вообще президентом становится тот, за кого проголосовало меньшинство американцев!

Знает ли уважаемый Читатель, но многие американские исследователи убеждены, что ГЛАВНОЙ причиной Гражданской войны в США XIX века, той самой, которую сегодня представляют всем и всегда как войну за освобождение негров, была именно избирательная коллизия! Знаменитый Авраам Линкольн получил физически меньше голосов, чем его соперник — южанин, притом в южных штатах вообще проиграл с треском! Естественно, южные штаты не признали «недоизбранного» президента и, в результате долгих прений, объявили о своем выходе из состава США и создании отдельной Конфедерации. Я несколько упрощаю сложную историю, но суть ее именно такова. Освобождение негров было лишь приемом, позволившим Линкольну привлечь волонтеров в свою армию, а также «насолить» южным плантаторам, но отнюдь не изначальной сутью конфликта Севера и Юга.

Притом каждый исследователь подтвердит вам, что в армии Юга-Конфедерации тех же негров воевало ничуть не меньше, чем на стороне северян, и победы южане, на что они имели все шансы, история этой войны была бы написана в учебниках совсем иначе.

Впрочем, это относится ко всем войнам и всем учебникам истории.

Вернемся же к выборам президентов США. В XX веке меньшинством были избраны демократы Вудро Вильсон (1912 и 1916 гг.), Гарри Трумэн (1948 г.), Джон Кеннеди (1960 г.), Билл Клинтон (1992 и 1996 гг.), республиканец Ричард Никсон (1968 г.).

Изъяны мажоритарной системы очень наглядно проявились во время выборов 1992 года, когда Клинтон получил 43 % голосов и 370 выборщиков. А Джордж Буш (старший) — 38 % голосов и 168 выборщиков. Третий кандидат в президенты, Росс Перо, набрал в целом по стране 19 % голосов, но не получил ни одного выборщика, так как не победил ни в одном штате.

«Флорида»

В 2000 году разразился скандал, который называют «Флорида». Это слово стало нарицательным, как и «Панама» — грандиозная финансовая махинация, сопровождающаяся скандалом. «Флорида» — скандал политический.

В день выборов 7 ноября 2000 года за Белый Дом боролись действующий вице-президент США Эл Гор (демократ) и губернатор штата Техас Джордж Буш-младший (республиканец). Избиратели США отдали за Гора на 540 тысяч голосов больше, чем за Буша. Голоса выборщиков поступили от всех штатов, кроме Флориды.

Гор почти победил, хотя за него голосовали только 19 штатов и столица. Победа во Флориде гарантировала победу на выборах. С Флоридой Гор получил бы 285 голосов выборщиков при необходимых 270. Буш, победив во Флориде, получал бы 271.

Сперва было объявлено, что большинство голосов во Флориде у Гора. Но позже сообщили о преимуществе Буша. Оказалось, причиной противоречивых сведений стала... изношенность механических устройств для голосования, которые пробивали дырки в бланках избирательных бюллетеней! На протяжении многих десятков лет металлические штыри, пробивающие дыры, никто не очищал от остатков избирательных бюллетеней. В результате результаты голосования на многих избирательных бюллетенях были зафиксированы неточно. Из-за технического сбоя бюллетени пришлось пересчитывать вручную.

А тут нашлись еще два ящика бюллетеней, которые... попросту забыли подсчитать. Появились судебные иски избирателей-демократов, объявивших, что их ввела в заблуждение странная форма флоридского бюллетеня. Они заявили, что из-за непонятных им бюллетеней «случайно» проголосовали за кандидата Партии реформ ультраконсерватора Пэта Бьюкенена. Вообще-то в целом по стране Бьюкенен набрал совсем немного голосов, но в ряде округов Флориды, и именно в тех, где очень сильны

демократы, неожиданно выступил очень успешно. Этих «ошибившихся» выявилося 19 тысяч! До сих пор американцы выясняют, подтасовка ли это или кто-то и, правда, «ошибся».

Негритянские организации заявили, что на некоторые избирательные участки чернокожих избирателей не пустили. А они ведь были за Гора!

Ситуация мгновенно вышла за рамки выявления каких-то технических неточностей. Назревал уже не политический, а общественный и этнический кризис. За республиканцев и Буша-младшего голосовали, в основном, белые среднего и старшего возраста в небольших неурбанизированных штатах. Та Америка, которую Ильф и Петров в 1930-е годы называли «Одноэтажной Америкой». Есть у этой Америки и еще более приземленное название: «кукурузный пояс». То есть области, где живут «тупые фермеры» и выращивают кукурузу, так как больше они ни на что якобы не способны.

Демократов и Гора поддержала весьма пестрая коалиция из тех, кто по разным причинам не сумел или не захотел осознать себя «солью земли американской». Люди с достатком ниже среднего, живущие в крупных городах, женщины и всевозможные меньшинства — от этнических до сексуальных.

Намечалось столкновение американцев с разными системами ценностей...

Через три дня после проведения голосования было объявлено, что во Флориде Буш опередил Гора на 327 голосов, что дало ему преимущество в Коллегии выборщиков.

Эти результаты были оспорены демократами, которые потребовали заново и вручную пересчитать голоса.

Джордж Буш обратился в Верховный Суд США с просьбой прекратить пересчет голосов. 12 декабря Верховный Суд большинством в один голос постановил прекратить пересчет голосов. 13 декабря Гор сложил оружие и поздравил соперника с победой. Буш победил с окончательным преимуществом в 537 голосов — менее одной сотой доли процента. При мажоритарной системе это позволило ему опередить Гора на 25 голосов выборщиков.

Таким образом, Джордж Буш стал очередным президентом страны, который набрал меньше голосов избирателей, но выиграл выборы.

Больше месяца продолжалась «Флорида», угрожая взорвать единство американского общества и поставить США на грань гражданской войны.

Демократия... за 300 миллионов

Первый президент США, Джордж Вашингтон, потратил на свою избирательную кампанию 100 долларов. Тогда это были приличные деньги. Пара волов стоила 3 доллара, а хороший конь — 10. Бедняку такая избирательная кампания была явно не по карману. Хотя, по нынешним меркам — смешно.

Избирательная кампания Тафта в начале XX века обошлась уже в миллион долларов. Джон Кеннеди всячески скрывал богатство своей семьи, но в 1960 году в Белый дом вошел президент, чье личное состояние составляло не менее 400 миллионов долларов. А капиталы его семьи намного превышали миллиард.

— Как Вам удалось воспитать такого прекрасного сына?! — захлебывались репортеры, приставая к отцу Джона, Джозефу Кеннеди.

— Как?! — заорал старый Джозеф. — Да за такие деньги я мог бы избрать в президенты и бегемота из зоопарка!^[250]

В наше время президент США избирается ценой то в 300, то в 500 миллионов долларов. Это только прямые расходы на его избирательную кампанию. Демократия? Но тогда что же такое плутократия?

В Президенты США может, конечно, попасть интеллектualan Кеннеди, а может и Джонсон, о котором говорили, что во время пожара его библиотека сгорела дотла, и обе книги погибли. Президентом может стать мудрый Рузвельт, а может и беспринципный Трумэн. Вопрос только в одном: какие деньги они могут привлечь на свою избирательную кампанию.

В этих условиях Штаты спасает только разум и ответственность аристократов или олигархов. Капитаны экономики выдвигаются сами или выдвигают своих ставленников в Конгресс и Сенат, чтобы рулить государством, которое все меньше слушается руля. Еще в 1947 году экономист Ландсбергис пришел к выводу, что демократия — счастливый вчерашний день Америки. Он дал термин «сверхбогачи» — для обозначения мультимиллионеров и миллиардеров, реально управляющих страной. Он же ввел понятие «60 правящих семей Америки».^[251]

Реальность демократии очень напоминает реалии Римской империи времен Принципата. Внизу — действенная демократия. А в верхах, в вопросах управления всем государством, — метания между аристократией, олигархией и плутократией.

Увы, плутократия — это диагноз заболевания, неотделимого от демократии, как только она осуществляется в масштабах большого государства.

Так что же такое демократия?!

Итак, мы видим, что в европейских странах нигде и никогда не было «чистой» демократии древнегреческого полиса. Во всяком большом государстве причудливо сочетались чуть ли не все шесть способов правления, выделенные Аристотелем. Франция была монархией до 1791 года, а весь XIX век в ней периоды Республики сменялись периодами монархии. [\[252\]](#)

Британия до сих пор монархия.

Во Франции был период, когда правил самозванный император Наполеон. В Британии было время, когда правил такой же самозванный Лорд-Канцлер-Протектор Кромвель. Тирания.

Во Франции до конца XVIII века дворянство имело множество привилегий — аристократия. В Британии до сих пор людям за заслуги дают титулы и право заседать в Палате лордов.

Вырождаясь, французское дворянство «подарило» миру садистов Жилья де Ре, который признался в убийстве 140 детей, и маркиза де Сада. В конце XVIII века британские придворные служили «черные мессы», поклоняясь дьяволу или превращались в смешных напыщенных щеголей-снобов. Олигархия.

Во Франции до XIX века существовала непосредственная демократия на местах, при избрании местных органов власти. Ее было не много, и местная демократия была только для свободных и хоть немного обеспеченных.

Эта непосредственная демократия все Средневековье и по крайней мере до XIX века соседствовала с жестким феодальным строем. Аристотель назвал бы общество, которое управляется дворянством, аристократией. С XIII-XIV веков непосредственная демократия соседствует еще и с королевской бюрократией. С XIV века — с корпоративной представительской демократией Генеральных штатов и провинциальных Собраний.

В Британии непосредственной демократии было побольше, но и она соседствовала с жестким феодализмом, а позже — с цепкой бюрократической системой. В Британии родилась представительная демократия. Родилась — и мгновенно утонула в пучине плутократии.

Плутократия — обычный способ организации общества в Европе, особенно в Британии и в США. Оказывается, он превосходно сочетается с демократией.

Аристотель жил в крохотном государстве-полисе. Но уже его великий ученик Александр Македонский вынужден был управлять своей империей через чиновников. Вся Европа знала этот способ правления, неизвестный Аристотелю: бюрократию.

Во всех европейских странах и в США этот способ правления так же распространен, как и представительская демократия, тоже неведомая Аристотелю.

Так что же такое демократия?

Она, как мы видим, бывает очень и очень разная. Что же нам до такой степени не хватает в России?! Местного самоуправления, то есть непосредственной демократии? Сословно-представительской демократии? Либеральной представительской, неотъемлемой от олигархии и плутократии?

Попробуем разобраться, как управлялось общество в России в разные периоды ее жизни.

Может тогда мы постепенно и подойдем к грустному вопросу: а является ли вообще демократия оптимальной формой управления?

Глава 2

Была ли демократия в Древней Руси?

Изначальное положение дел

Древние славяне не имели никакого представления о мажоритарной системе, и совершенно неизвестно, понравилась бы им она или нет. Они бы вряд ли также осознали все преимущества пропорциональных партийных выборов и неземного разума системы ГАС-выборы.

Возможно Чуров, займись он просветительством на эту тему, и стал бы у них каким-нибудь верховным волхвом, благо, внешность подходящая.

Но сути суверенной демократии все равно бы объяснить древним славянам, боюсь, не смог.

Но вот то, что управлялись они и без всяких современных умничаний — народными собраниями, — это факт.

Прокопий Кесарийский в своих книгах «Войны» и «Тайная история» уделял большое место славянам. «Славяне живут народоправством», — уверял Прокопий и невольно видел в этом некий укор для эллинов. Современники Прокопия, императоры Юстин и Юстиниан уничтожали последние остатки демократии в Византийской империи. А славяне правят, собираясь на сходы всех взрослых мужчин, как греки в древние, легендарные времена. [\[253\]](#)

Прокопий описывал войну Византийской империи с готами. Епископ Иордан, по происхождению гот, хорошо знал славян. Он не удивлялся их демократии, потому что готы тоже жили демократическим строем. Но то, что славяне выбирают своих вождей, ему было хорошо известно. [\[254\]](#)

Об избрании вождей у славян знали и арабские хронисты. [\[255\]](#) Выборным был и воевода большого походного войска. По крайней мере, до VIII-IX веков вообще вся власть у славян была выборной. [\[256\]](#)

У германцев намного раньше появилась наследственная власть. Еще вожди англов и саксов, завоевавшие Британию, были избраны на народном собрании. [\[257\]](#) Но уже в VII-VIII веках на престолах варварских королевств сидели наследственные короли.

Говорит ли это об «отставании» славян? Или все же о том, что демократический строй у них оказался прочнее, держался дольше?

Нет доказательств того, что до династии Рюрика на Руси вообще были

наследственные князья.

Но вспомним: и династия Рюрика была поставлена у власти народным собранием. Ведь его в Старую Ладогу призвал союз славянских и финских племен. Согласно «Повести временных лет», «Имаху дань варяги из заморья на чюди, и на словенех, и на мери, и на всех кривичех... Изгнаша варяги за море». Изгнали варягов, но получилось плохо.

«Вста род на род», без центральной власти междоусобия подкашивали совместную жизнь. И тогда те же самые племена «идоша за море к варягом».^[258]

Вот так. Сначала собрались племена и выгнали викингов. Затем — сами переругались, собрались еще раз, поразмыслили и позвали назад.

В 862 году Рюрик, сидевший сначала на Ладоге, захватил Новгород. Та часть горожан, которая не хотела его пускать, восстала. Восстание не победило, и почему-то с этой даты — 862 год — считается начало «исторической» Руси.

Рюрик пришел в Новгород, который до него управлялся народным вече. Варяг его отменять не стал или не смог. И вообще во всех (!) русских землях были веча: и в деревнях, и в городах. Обычный и нормальный способ управления обществом. Все общины на Руси управлялись тогда демократически.

Вече. Палех.

Вече формально правило не только в Новгороде и Пскове, но и в десятках других крупных городов. Имело особые права даже в Киеве.

Кстати, города у нас не были обособленными, изолированными поселениями. На Руси они воспринимались как центры той или другой земли. Если город был большой, как Новгород, в нем могло быть свое вече в каждом из его районов — концов. Их так и называли — кончанские вече. Такая сходка жителей района решала какие-то местные вопросы. А общее городское вече возглавляло не город, оно возглавляло всю землю.

То есть, поясню, новгородское вече — это не большая городская дума. Это, скорее, законодательное собрание Новгородской области. С двумя оговорками. Первая — в собрании принимали участие не выборные депутаты, а все граждане, кто мог и хотел. Вторая: Новгородская область — это не сегодняшний небольшой субъект Федерации, а огромное государство, величиной больше современной Франции.

Этот стиль управления очень далек от европейского городского права, но похож на греческую политику времен Аристотеля. В Греции полис состоял из города — собственно полиса, и из территории — хоры. Часть населения полиса жила в хоре. Полисы маленькие, и для того чтобы попасть на народное собрание, надо было пройти самое большее километров 20 или 30, а чаще всего — намного меньше. Решения народного собрания принимались и для всей хоры тоже.

Так было и на Руси, только у нас «хора» могла занимать тысячи и десятки тысяч квадратных километров, и никто не смог бы регулярно ходить или ездить на собрания городского вече за десятки и сотни километров. На Руси «младшие города», подчиненные главному городу земли, называли пригородами. Бывало, что жители отдаленных пригородов посылали на вече своих ходоков. Не для того, чтобы послушать, а для полноценного участия в нем. Гражданином, субъектом права у нас считался не тот, кто внесен в списки жителей города, а кто живет на территории земли.

Наследственная власть князя не нарушала вечевого строя, а дополняла его. Если князь хотел жить спокойно, ему следовало договориться с народным собранием. У нас часто пишут, что новгородское вече не раз прогоняло князей. Но так же поступало вече и в Пскове, и в Пинске, и в Смоленске, и во Львове, и в Галиче. И даже в Киеве вече не раз отказывало князю — великому князю! — в доверии.

Князь правил, но не был самодержцем, который бесконтрольно

распоряжается достоянием земли. Правил он по договору с землей и с ее согласия.

Широчайшее самоуправление, пронизывавшее буквально все стороны жизни, народоправство, делали ненужным большой чиновничий аппарат. Действительно, а зачем чиновники? Управлять? Но местные веча сами управятся: назначат ответственных за все общественные дела, разобьют общинников на команды, разделят труд. И добьются большего успеха, чем целая бюрократическая армия.

Самоуправляющиеся общины не допустят преступлений на своей территории, проложат дороги, устроят путников и купцов, отведут места для торговли, наймут охрану для грузов, построят пристани на реке, не допустят браконьерства на бобровых ловах... Словом, сделают сами все то, чем без местного самоуправления стали бы заниматься чиновники. Причем бюрократы сделают то же самое и хуже, и намного дороже.

Остается поражаться, какой маленький аппарат управления нужен был громадной стране. На Руси времен Ярослава Мудрого живет не менее миллиона человек. А весь центральный аппарат управления, включающий всех должностных лиц княжеской власти, не составляет и ста человек!

Есть еще должностные лица в крупных городах, на волоках, где идет торговля, на границах — но их тоже немного, считанные десятки, от силы — сотни.

Во владениях Железного Короля Филиппа IV во Франции число подданных превышало 7 миллионов человек. А только королевских чиновников было свыше 20 тысяч. Число должностных лиц в графствах, в богатых городах, на таможнях и на промыслах — в четыре раза больше. Соотнесем 100 тысяч чиновников на 7 миллионов человек и менее 1 тысячи — на 1 миллион. Получается, во Франции на одно и то же число жителей приходится в 14 (!) раз больше чиновников. [\[259\]](#)

Такова плата государства за подавление местного самоуправления.

Княжеская власть и дружина

Наивно видеть в князьях Древней Руси неограниченных владык — вроде императоров Римской империи, французских королей или восточных ханов и раджей. Князь правил не сам по себе.

Особую роль при правителе играла «его» дружина. Слово «его» я не случайно поставил в кавычки, ивы сейчас поймете, почему.

Без дружины князь был попросту никто и ничто. Дружина же делилась

на «старшую» и «молодшую». Давно прошли времена, когда в ней действительно служили люди разного возраста. При исторических князьях под «старшей дружиной» понимают бояр. Они служат, но у каждого из них есть свои вотчины, они не зависимы от князя. Каждый из них, не задумываясь, оспорит княжеский приказ на военном совете, в боярской думе.

«Молодшая дружина» — это служилые люди, во всем зависимые от князя. Самые удачливые из них сами получают вотчины и станут боярами. Большая часть прослужит всю жизнь, завещав детям доброе имя и статус княжеского дружинника.

Успешно править и воевать князь мог, имея согласие с дружиной. А она могла и подвести. Если верить летописи, в восстании древлян и в смерти князя Игоря в 945 году виновата была дружина. Воины сказали князю: «Отроки Свенельда изоделися оружием и одеждой, а мы наги...» Дружина Свенельда пограбила уличей, а людям Игоря завидно. Правда, всего год назад, в 944 году, он получил огромную дань в Византии — какая уж там нагота.

Игорь послушался соратников — то ли самого обуяла жадность, то ли слишком был зависим от дружины. В результате он с дружиной крепко пособирал дань в земле древлян. Причем два раза подряд. Но тут у древлян лопнуло терпение и они решили так: «Если повадится волк по овцы, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот, если не убьем его, всех нас погубит». Древляне наклонили два дерева, привязали каждую ногу князя Игоря к деревьям и отпустили. Князя разорвало надвое.

Виноват князь Игорь? Виноват. Но виновата и дружина, подбивавшая князя нарушить обычай. А князь виновен еще и в том, что поддался влиянию своих людей.

Из этой истории хорошо видно, что князь зависим от дружины и должен не просто приказывать, а находить с ней общий язык.

Князь должен был находить язык и со всем народом. Олег и Игорь приводили к стенам Константинополя армии по несколько десятков тысяч человек. И русские летописи, и византийские источники называют непомерную цифру в 100 тысяч воинов. Преувеличение явное, в два или даже в три раза, но в любом случае, воинов было во много раз больше, чем в самой большой дружине. Требовался очень высокий авторитет, чтобы повести за собой такое множество народа. Ни воинской повинности, ни системы призыва не было, и на зов князя приходил тот, кто хотел. Власть князя в очень большой степени — власть авторитета.

Не первый наследник, а род!

В западных странах и в большинстве стран востока наследовал престол старший сын. Уж что только ни делали порой с этим старшим! И похищали, и убивали, и ослепляли, и кастрировали... Лишь бы не мог стать наследником.

Придет время, и на Руси, как в Византийской империи, Шемяка выколлет глаза двоюродному брату — Василию II. Что характерно, в Византии слепой не мог наследовать престол и не мог сидеть на престоле. На Руси же Василий II Темный остался великим князем. А его мучитель Шемяка вошел в народную память как омерзительный тип, основатель неправого «шемякиного суда».

Придет время, и племянница последнего византийского императора Софья Палеолог выйдет замуж за Ивана III, принеся на Русь нравы Византийского дворца. И станет у нас все как у людей, «как во всех цивилизованных странах». Она отравит старшего сына Ивана III от первой жены, Ивана Молодого, чтобы посадить на престол своего сына Василия.

В. Ключевский.

По признанию В. В. Путина, в машине по пути на работу он слушает аудиокнигу «Лекции об истории» Ключевского. Если это действительно так, что ж — не худший выбор.

Но до монгольского нашествия Русью правила не княжеская семья, не старший наследник, а сразу весь род потомков Рюрика. По словам Ключевского, Русь была собственностью семьи Рюриковичей. Именно семьи, а не ее отдельных представителей. До 1017 года права на княжения, разные по значимости и по богатству, определяла «лествица» (она же — лестница). То есть список князей по старшинству. Старший в роду должен сидеть в Киеве, матери городов русских. Этому старшего все остальные должны были почитать «в отца место». Остальными городами и землями

правили остальные князья... По старшинству.

Старший из братьев занимал киевский стол, который переходил по старшинству его братьям, а не детям. Так же точно перемещались князья по другим «столам». Так постепенно и «восходит» каждый Рюрикович на киевский престол: перебирается из менее богатой и почетной земли в другую, побогаче и познаменитее.

Ярослав Мудрый считается последним единым князем Древней Руси. Он разделил земли между своими сыновьями.^[260] Вскоре вспыхнули междоусобицы. Князья не хотели послушно переходить в те земли, которые им полагались по «лестнице». Тот, кто считал себя заслуживавшим лучшего княжения, брал власть силой. Начались непрерывные войны за верховный киевский престол. Одновременно с ними происходили и местные междоусобицы.^[261]

Замечу, с точки зрения Западной Европы, Франции или Британии, ничего тут не было необычайного. Но там и не было демократии в среде феодалов. На каждом престоле сидел старший сын прежнего короля или герцога и удерживал этот престол так, как у него получалось. Междоусобица с взаимными убийствами, включая убийства малолетних наследников, ослепления и прочие увечья, продажа в рабство и подмена документов, похищения и заточения — все это обычной, рутинная практика дворов феодальных владык. Стоит почитать хотя бы серию «Проклятые короли» Мориса Дрюона: про Железного короля и его потомков, проклятых на костре Великим магистром ордена тамплиеров.

Можно вспомнить и более популярных классиков. Возьмите Шекспира: у него кроме истории о Ромео, Джульетте и Шейлоке, все остальные — о захватах престола. Вариации лишь в масштабах подлостей и зверств, которые проявляют претенденты и преемники в отношении своих родителей, единокровных братьев, сестер и более дальних родственников.

При этом, как правило, степень родства никак не связана со степенью жестокости и коварства героев: зачастую с собственным отцом герои великого драматурга (герои-то выдуманы, но истории — реальные!) поступают подлее, чем с десятиюродным племянником.

А на Руси тем временем сохранялась даже некая своеобразная демократия внутри рода князей. У нас разборки между своими воспринимались как чудовищное «нестроение».

Формула Любечского съезда

Мудрый Владимир Мономах в 1097 году предложил всем князьям Руси собраться на съезд в город Аюбеч и договориться по-хорошему.

На съезде все князья дружно сокрушались, что воюют между собой, а земля от этого оскудевает, раздорами же пользуются для своих набегов половцы. Было договорено: «Есть всего один способ блюсти землю Русскую. Кождо да держать Отчину свою».^[262]

Тут надо сразу отметить: эту формулу упоминают далеко не во всех учебных пособиях и популярных книгах по истории. И даже если она упоминается, то не полностью. «Кождо да держать Отчину свою» Первая половина фразы удивительным образом исчезает.^[263]

Почему? Ведь это — важнейшая деталь. Князья не просто делили землю, а заботились все вместе о защите и процветании всей русской земли.

Верно было замечено, что в таком отношении русской элиты к своему исключительному положению выражалось не что иное как свобода. И так продолжалось в дальнейшем веками на протяжении поколений и поколений.

Для польского шляхтича свобода выражалась в праве не подчиняться. Для английского лорда — в праве контролировать, на какие цели идут уплаченные им налоги. А для русского дворянина, прямого наследника (во всяком случае духовного) тех первых князей, свобода выражалась в возможности принимать участие в великом строительстве империи. И у кого, скажите, в результате было больше этой самой свободы? У поляка, чье неподчинение, чей гонор ни на что в общем-то не влияли, или у русского, чья готовность служить делала его сотворцом мировой истории?

Но мы сильно забежали вперед. А тогда, в конце XI века, князья порешили, что каждый должен оставаться в своем уделе... Во всяком случае так предполагалось.

Суша теория, мой друг. На практике, как всегда, действовали сразу все демократические механизмы. В многовекторной древнерусской политике они зачастую противоречили друг другу. Всего через 16 лет тот самый Владимир Мономах, что собирал съезд, стал Великим князем киевским. В обход старшинства, вопреки решениям княжеского съезда — и по воле народа.

В 1113 году умер киевский князь Святополк Изяславич. Киевляне его не любили за жадность. Князь опирался на ростовщиков, в долгах у которых ходил весь город. После смерти Святополка киевляне восстали, начался погром.

По одной версии, киевляне ударили в вечевые колокола и позвали на княжение уважаемого ими Владимира Мономаха. По другой, Владимира пригласили «лучшие мужи». То есть бояре — те, кто обладал наиболее весомым голосом и во время народных собраний, и при решении текущих дел. По третьей версии, наименее вероятной, Мономах узнал о восстании и пришел сам, чтобы остановить беспредел.

Что здесь правда, до конца уже никому не разобраться, но факт: без согласия Киева Владимир Мономах там бы не утвердился, не усидел.

Власть князя зависела от воли земли. А в случае Мономаха она оказалась даже весомее решений общерусского княжеского съезда.

Необходимое отступление

А все-таки странно, согласитесь, что слова «блюсти землю Русскую» выпадают из учебников. И это ощущение странности не будет нас покидать, пока мы не разберемся с происхождением мифа о тотальной нерасположенности России к демократической форме правления. Мифа о том, что предрасположены мы лишь к тоталитаризму, сопровождаемому обязательным душегубством.

Этот миф имеет сравнительно позднее происхождение. Он — наследие крммунистического режима. «Мы наш, мы новый мир построим», — пелось в официальном гимне СССР. Вплоть до 1944 года им был «Интернационал». Весь «старый» мир, вся история России огульно считалась «проклятым царизмом». Несколько утрируя, но именно так. Слово «патриотизм» долгое время было почти запрещенным, его приравнивали к «шовинизму». Ну, а к демократии у большевиков вообще было своеобразное отношение. Мягко говоря.

Вот нечто «прекрасное» от тов. Зиновьева, произнесенное с трибуны XII съезда РКП(б): «Мы — марксисты, и поэтому мы слышим, как трава растет. Мы видим на два аршина под землей». Сейчас же, если спросить, что у нас растет и что происходит на два аршина под землей, то, как правильно подчеркнул т. Ленин, мы должны сказать: растет великодержавный русский шовинизм... Где бы он ни рос, этот чертополох, он остается чертополохом. Мало того, у нас есть шовинизм великорусский с самым опасным значением, имеющий за собой 300 лет монархии и империалистическую политику, царскую политику, то есть всю ту иностранную политику царизма, о которой еще Энгельс в 1890 году писал, что «всякий, кто в этом отношении сделает хоть малейшую уступку

шовинизму, неизбежно подаст руку и царизму».^[264]

Это цитировалось в 1923 году. Ну что было ждать при таком отношении к отечественной истории? К нашему наследию, включая наследие политическое? Только самоубийца мог тут начать расписывать, какие мощные демократические механизмы работали на Руси все время существования нашего государства. Любой позитив, относящийся к эпохе «до 17-го года» в 20-х годах XX века тщательно отфильтровывался. Демократия исчезла из учебников истории.

А вот 1925 год. Стихотворение пролетарского поэта Василия Александровского «Русь и СССР». Опубликовано в «Правде» 13 августа.

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон.
Эх, старуха! Слепая и глупая!
Разорил твою хижину внук
Злые гады над дальним болотом
Пусть шипят ему: «Сгинь, извер!»
Скрепляемый кровью и потом,
Не дрогнет СССР.^[265]

Изверы сгинули несколько позже. Окончательно — только через 60 лет. И все это время культивировалось пренебрежительное отношение к русской истории. Порой, когда это требовалось, на щит поднимались отдельные исторические фигуры — то Иван Грозный, то Петр I. Но в целом тысячелетняя отечественная история рисовалась как века косности и бесперспективности.

А демократия на Руси как бы и вовсе не существовала. Точнее, приводились примеры ее экстремальных форм — в виде народных восстаний. Ну, и были еще официально дозволенные образцы — вроде новгородского вече. Причем оно, это народное вече в Новгороде, противопоставлялось всей политической системе Руси.

Остальное замалчивалось. Видимо, не готовы были большевики, а

потом — коммунисты, а потом — партократы позднего советского образца ответить на законно возникавшие вопросы: «А где это все? Куда подевалась исконная русская традиция самовластия?»

В результате этих десятилетий замалчивания у читателя сегодня возникает другой, но столь же недоуменный вопрос: «Неужели это все было на самом деле?»

Было.

Грамоты Ярослава

Креститель Руси Владимир Святой до Киева княжил в Новгороде. Став великим князем, он отправил в Новгород одного из своих сыновей — Ярослава, будущего Мудрого. После смерти отца Ярослав хотел занять великокняжеский киевский стол, попросив новгородцев о помощи.

Вече согласилось, но за свою помощь попросило плату. Это было не золото и не земли. Новгород просил вольности. Платой городу стала СВОБОДА.

Ярослав дал жалованные грамоты вольности новгородской.^[266] Согласно этим документам, князь становится не господином Новгорода, а его служилым человеком. Новгород заключает с ним договор-ряд, в котором прописаны условия службы князя и обязанности города. Если князь нарушает договор, ему можно указать дорогу вон из Новгорода.

Несколько веков князя, которых звал Господин Великий Новгород, клялись не нарушать данных Ярославом вольностей и приносили присягу Новгороду, положив руку на эти грамоты.^[267]

Даже в бреду невозможно представить себе, чтобы король или герцог в Европе просил бы помощи у Венецианской или Флорентийской республики. Чтобы он получил эту помощь, с помощью республики стал королем, а в благодарность за помощь провозгласил бы право республики приглашать себе служилого герцога...

Но ведь Великий Новгород — не какая-то торговая республика. Это огромное государство, историческая область Руси, по своему значению равная Бургундии или Нормандии. Пожалуй, что и вместе взятым. Ничего подобного в Европе не было отродясь.

Новгород активен, энергичен. Новгород волен и хочет еще больше воли. За свою службу город требует не богатства — свободы. Деньги сами заработаем, говорят новгородцы. Дайте только волю. Нам бы только волю во широком поле... — это вообще лейтмотив всего развития русской

истории и русского народа. Нет воли — уйду на Дон, в Сечь, за Урал, в Сибирь, на Байкал. Чёрта два достанете.

Ярослав Мудрый

По-русски такие места называются широким понятием «отдушина». Отдушинами служили и Камчатка, и Аляска — русские «украины». Наши необозримые просторы делали затруднительным социальный взрыв. А вот, например, для англичан, доведенных до крайности огораживаниями и «кровавыми законами» Елизаветы, «отдушина» приоткрылась лишь в XVII веке, с началом заселения колоний.

Вероятно, такое бегство — одна из основных черт национального характера. Русскому проще уйти куда глаза глядят, чем просить и договариваться. Особенно с начальством.

Впрочем, если власть обладает политической мудростью, то и рывок на волю совпадает с начальственными указаниями. Вспомним Потемкина.

Вопреки мифу о «потемкинских деревнях» в период, когда он фактически управлял всем югом страны, началось активное освоение огромных благодатных территорий с помощью крестьян-переселенцев из других районов империи.

Так люди, жаждавшие свободы, осваивали и создавали самую необъятную в истории человечества державу.

Но об этом отдельный разговор.

Пока же подчеркнем: тогда во всех областях Руси политический строй был «сочетанием двух начал: монархического в лице князя и демократического в лице вече».^[268] В XI веке в Новгороде, как и во всех остальных землях Руси, князь получал власть по наследству или по завещанию. Разница в том, что в Новгороде каждый новый князь мог приступить к исполнению своих обязанностей только после того, как поклялся на грамотах Ярослава не нарушать вольностей Новгорода, вечевой строй которого был защищен законами и обычаями. А в Средневековье обычай, как правило, был даже сильнее закона.

Более 450 лет грамоты Ярослава служили гарантией новгородской вольности. Вплоть до создания централизованного русского государства. Объединяя страну, Иван III не только уничтожил сами грамоты, но и «вымарал» из московских и новгородских летописей всякое упоминание о них. Слава Богу, до летописей и хроник, которые велись в Великом княжестве Литовском, Польше и Скандинавии, ему было не добраться.

Переворот в пользу вече

«Если у сына твоего две головы, то пошли его в Новгород». Так говорили свободные новгородцы самому великому князю. Слова их воспринимались всерьез. В 1102 году новгородцы не хотели принимать на княжение сына Святополка.

Новгород, возглавляемый вече, восставал многократно, начиная еще с 862 года, когда изгонял варягов. А в 1136 году здесь фактически произошла революция, которая окончательно утвердила вечевой строй. Жители города восстали, арестовали тогдашнего своего князя Всеволода и «всадиша в епископлъ двор с женою и с детьми и с тещею и стражи стережаху день и ноц с оружием, 30 мужь на день».^[269] Два месяца томили Всеволода под арестом. Он отрекся от княжения, и его выпустили со всей семьей, включая тещу.

Так, с 1136 года правление Новгородом полностью перешло вече.

Князь, конечно, был необходим — как глава войска. Но его роль в государстве была, как уже упоминалось, служебная, а условия службы оговаривались жестко и строго. Столько-то покосов для лошадей его дружины, такое-то количество хлеба и мяса для самих дружинников. Столько-то князь должен платить оружейникам за починку кольчуги или за новый меч.

Так же жестко оговаривалось, что он не должен вторгаться в дела управления. Князь не мог ставить своих людей в администрации, раздавать земли, судить граждан Новгорода: «а самосуда не замышляти». Договор требовал, чтобы князь не препятствовал торговле Новгорода с другими государствами, не нарушал границ и не создавал проблем с соседями... Чтобы не объявлял войны, не начинал походов и не заключал мира. «А коли будет Новугороду размирье с немцы, или с Литвою, или иной землею, пособляти ти, княже, по Новегороде без хитрости: а без новгородского ти слова, княже, войны не замышляти». В 1266 году князь Ярослав хотел идти войной на Псков. «Новгородцы же возбраниша ему», и князь «отослал полки назад».^[270]

Новгородцы принимали меры, чтобы военные не стали слишком уж влиятельной силой новгородского общества. Князь должен был жить за чертой города, в Городище. Он не имел права принимать к себе новгородцев в дружинники или в зависимые люди, приобретать любую собственность. «А тебе, княже, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держати, ни купити, ни даром принимати по всей волости Новгородской».

Если князь нарушал договор-ряд или просто переставал нравиться новгородцам, они открывали городские ворота и сообщали, что «перед князем путь чист».^[271]

Бывало, что князь отказывался от предложения новгородцев или сам уходил с престола.

Но куда чаще Новгород отказывал князю.

Всего же с 1095 по 1304 год князей сменили 58 раз. Удивительно, но в среднем получается примерно по два 4-летних срока. Вот такие аналогии с современностью...

Многие князья сидели на новгородском столе дважды, а рекорд побил Александр Невский: перед ним ворота открывали три раза. Всего же княжили в Новгороде за эти годы 40 человек.

Последние полтора века

С начала XIV века Новгород признает верховенство Московских князей, которые обычно сами не жили в Новгороде, а присылали своих наместников. Эти наместники тоже обитали на Городище, вне городских стен. Они тоже клялись на грамотах Ярослава и целовали крест на том, чтобы «держати Новгород по старине, по пошине, без обиды» и соблюдать все установленные древние обычаи.

Если Новгород ссорился с великим князем, то наместник съезжал с Городища. Фактически в последние полтора века новгородской вольности здесь не было ни князя, ни княжеской дружины.

Сами справлялись. Вече выбирало посадника, и он вел управление и суд. Выбирало тысяцкого, который возглавлял ополчение в случае войны и выполнял полицейские функции в дни мира. В принципе, Новгород вполне мог существовать и без князей.

Основой гражданственности новгородцев с XI века становится преданность не феодалу, не отвлеченной идее, а городской общине — Господину Великому Новгороду. Общество было важнее государства. В новгородских летописях экономические или общественные события отмечались наряду с решениями князей, с войнами и международными договорами. Скажем, в летописях писали об изменениях цен на соль и на пеньку. Или о том, как спорили на вече о статьях законов.

Господин Великий Новгород

Уцелело очень немного средневековых новгородских документов. Береста и пергамент — материал ненадежный.

А вот печатей того времени известно более 700! Эти свинцовые печати, которые прикреплялись к документам, до сих пор находят после разливов Волхова. Иногда их вымывает из земли сильными дождями.

Новгородские свинцовые печати.

Архив Великого Новгорода погиб, а вот свинцовые печати с документов земля сохранила. По ним видно, как постепенно, век за веком, власть переходила от князя к выборным лицам.

До XVI века на Ярославовом городище, в княжеской резиденции, хранился огромный архив Новгорода Великого. Независимости у Новгорода уже не было, но архив имел шансы сохраниться. Одни историки считают, что его спрятали, закопали в землю сами новгородские бояре. По мнению других, когда в 1570 году Иван Грозный устроил разгром Новгорода, документы выбросили прямо на улицу, в снег. Так или иначе, архив погиб. Но остались печати, которые дают пищу для совершенно определенных выводов.

Казалось бы, о чем может рассказать свинцовая печать без документа? Но она свидетельствует о том, кому принадлежали властные полномочия, кто имел право прикладывать ее к документу.

В XII–XIII веках большая часть новгородских печатей принадлежит князю. Значит, именно князь получал деньги-пошлину за привешенную к документу печать.

С конца XIII века наряду с княжескими появляются печати посадников, наместников архиепископа, тысяцких, купеческих старост. Значит, именно в это время значительная часть полномочий перешла от князя к выборным, так сказать, демократическим органам власти.

С XV столетия княжеская печать почти не встречается. На смену ей приходят многочисленные печати «Великого Новгорода», которыми

распоряжались тысяцкие и посадники.

О демократии в Новгороде

Обычно вече представляют так, будто все мужское население Новгорода сходилось на площадь. Мол, в одном месте собирались 10 тысяч человек и решали все вопросы демократически.

Не было десяти тысяч. Все население Новгорода составляло от 10 до 20 тысяч человек. Это включая женщин, детей и рабов. Численность дееспособных мужчин обычно определяют в 15–20 % от всего населения. Получается — от полутора до четырех тысяч.

Для сравнения: число граждан Афин составляло в разные периоды от 10 до 40 тысяч человек. В большинстве республик-полисов Древней Греции население было поменьше — от 5 до 8 тысяч взрослых мужчин. То есть крупные полисы Древней Греции были многочисленнее Древнего Новгорода. Афинские граждане выбирали своих должностных лиц на площади. В точности как новгородцы — посадника и тысяцкого. Типичная непосредственная демократия, когда все по-соседски знают не только тех, кого выбирают, но и друг Друга.

Политический строй европейских торговых и ремесленных городов типа Венеции, Флоренции или Генуи чаще всего называют демократией. Но эта демократия отличалась от афинской. Правящая верхушка города была довольно малочисленной — буквально несколько сотен взрослых мужчин. В руках у них сосредотачивались основные богатства города, и именно эта верхушка, собираясь в ратуше или на ратушной площади, принимала основные решения по управлению городом, выбирала должностных лиц.

Примерно такой же была структура выборного процесса и в Новгороде. В летописи говорится, что вече собиралось у Никольского собора, где на вечевой площади умещалось не более 400–500 человек — очевидно, преимущественно крупных домо- и землевладельцев.^[272] Новгородское вече было вовсе не буйной десятитысячной толпой, а узкословным органом, демократией для избранных.

Впрочем, это относится только к главному городскому народному собранию. А были и кончанские вече — в каждом районе свое. «Концы», «сотни» и «улицы» выбирали своих представителей для участия в народных собраниях более высокого уровня. На кончанском вече присутствовали представители от «сотенных». На главном вече у Никольского собора — от кончанских.

Древний Новгород был более демократическим государством, чем Флоренция и Генуя. В этих итальянских республиках участие «низших» в управлении вообще не предусматривалось. А, главное, новгородцы сделали важный шаг для развития демократии в целом. Многие века главным препятствием здесь было именно обилие людей. Где, на какой площади, могут сойтись десятки тысяч людей? Как такой массе принимать какие-то рациональные решения? Значит, непосредственная демократия развиваться уже не может. До изобретения института представителей демократия и не развивалась.

Вот когда во Франции XIV века появилась идея представительской демократии, тогда начал рождаться парламентаризм, стали возникать новые нормы управления государством.

Представительство низших веч на собрании высших, конечно, еще не представительская демократия. Но уже шаг именно в эту сторону!

Получается, что именно русские, новгородцы, первыми начали движение к представительской демократии. За двести лет до остальных европейцев.

Повседневное управление

Новгородское вече было высшим государственным органом Господина Великого Новгорода. Как вы помните, оно приглашало, контролировало и выгоняло князя. Назначало, сменяло и судило посадника и тысяцкого. Решало вопросы войны и мира.

Вече строило церкви и отдавало государственные земли навсегда или «в кормление». Выбирало архиепископа. Судило любого новгородского гражданина за все тяжкие преступления, за которые осужденный мог быть казнен, мог лишиться имущества или быть изгнан из Новгорода.

У вече была своя вечевая изба (канцелярия) с «вечным дьяком», который записывал решения и скреплял их печатями Господина Великого Новгорода.

Но созывалось вече не регулярно. И посадник, и вообще — теоретически — любой горожанин мог ударить в вечевой колокол. Была бы необходимость. А вот между созывами вече правил Совет господ: правительство Господина Великого Новгорода. В него входили тысяцкий, посадник, «старые», то есть прежние посадник и тысяцкий, кончанские и сотские старосты.

Тысяцкий «управлял разные торговые дела» и вершил «торговый суд»

вместе с коллегией из трех старост от «житых людей» (землевладельцев) и двух старост от купцов. Для исполнения решений администрации было до сотни приставов, подвойских, позовников, изветников, бирючей... Все это различные должности.

При всей важности князя и его дружины, Новгород вполне мог воевать и сам, без князей. Победы Александра Невского в 1240 и 1242 годах часто трактуют как дело отборной княжеской дружины. Мол, князь защитил и спас Новгород... Это, конечно, далеко не вся правда.

Дружина Александра (2–3 тыс. конных) была лишь небольшой частью новгородской армии (15–17 тыс. человек). Своя конница была и у Новгорода — тоже 2–3 тысячи всадников. Главную же ударную силу новгородского войска составляло ополчение — закованные в латы пехотинцы (как раз в эту эпоху на арену истории выходит пехота), вооруженные длинными копьями и топорами. Отмечу, что тяжелый топор в то время был оружием грозным, чуть ли не страшнее меча. К тому же владение мечом — это искусство, в руках непрофессионала меч неэффективен. А топор — другое дело, тут главное силушку в удар вложить. Он запросто проламывал щит, разрубал латы.

В Ледовом побоище 5 апреля 1242 года решающую роль сыграли пешие полки. Классическое описание событий: войско Тевтонского ордена прошло через лед в самом узком месте, в проливе между Псковским и Чудским озером. Александр Невский предвидел, где пойдет противник, и расставил новгородское войско так: впереди, на льду, лучники, за ними — тяжеловооруженное пешее войско, а с боков — отборные отряды. Свою же дружину он вообще поставил в резерв.

Тевтонцы шли через озеро, построились клином («свиньей») и ударили по русскому центру, который им удалось прорвать. Однако с флангов по «свинье» ударили отряды Александра, а с тыла — резерв. Да, наш центр немцы смяли, но так и было задумано, чтобы окружить тевтонское войско. И этот самый «центр» не выпустил тевтонцев со льда Чудского озера! Так тоже было задумано — не выпускать!

А кто «ударил с флангов»? «Отборные дружины Александра»? Нет, отборные дружины Новгорода и Ладоги! Городское ополчение, тяжелая броненосная пехота остановила удар тевтонской конницы, не выпустила ее с опасного весеннего льда. Такая же броненосная пехота нанесла удар с флангов и не дала врагу развернуть грозную рыцарскую «свинью». Пехота горожан погнала рыцарей прочь от надежного берега.

Свою же дружину Александр Невский придерживал до конца. Противник отступает, бежит, дело сделано — и он наносит удар дружиной

в тыл уже поверженного, но не добитого врага. Добивает — гонит, истребляет, топит в озере. Пешим ведь не догнать конного, тут профессиональная дружина особенно эффективна. Поздравим князя со светлым подвигом, но все же отметим: битву на Чудском озере 5 апреля 1242 года выиграли у рыцарей горожане. Под мудрым руководством, конечно, Невского.

Вывод простой: Новгород входил в число тех средневековых обществ, которые могли противопоставить феодальной коннице силу пеших горожан. Князь важен как организатор и как знамя. Порой само имя вождя — уже половина победы. Но все же и Господин Великий Новгород много что мог — и без князя.

Кстати, отметим одну замечательную деталь тех событий, начисто заштрихованную и сознательно забытую сталинскими пропагандистами. Конфликт Новгорода с рыцарским орденом рассматривался всегда так: смертоносные орды закованных в броню непобедимых рыцарей неотвратимой лавой набрасываются на русские земли, сжигая и уничтожая все на своем пути. Нет от них спасения, нет защиты. Но на неравный бой поднимаются мирные новгородцы, чуть ли не с кольями и дубинами, ведет их на этот последний и решительный бой молодой князь Александр, в подмоге у него — небольшая княжеская дружина. И только беспримерный героизм новгородцев и воинское искусство Александра спасли Новгород и всю русскую землю от неминуемой гибели.

Так представлялись те давние события. Тевтоны — агрессоры с подавляющим преимуществом. Новгородцы — несчастная жертва, они мирные и почти беззащитные.

В преддверии 1941 года эта трактовка исторических событий была оправданной.

В действительности, полагаю, все было не совсем так.

Тевтонский орден, далее с союзниками, не представлял собой такой уж грозной военной силы. Рыцарской спеси и самоуверенности было явно больше, чем здравого расчета и оценки сил противников. Крестоносцы как всегда понадеялись на Бога и авось, и в алчном стремлении завладеть новгородскими богатствами полезли в войну без всякого расчета. Эти свои «выдающиеся воинские качества» они до этого уже неоднократно демонстрировали и у стен Константинополя, и на Святой земле.

Богатый и по-настоящему сильный Новгород обладал внушительными военными ресурсами и оказался им совершенно не по зубам. Александр просто смел их со льда Чудского озера, совершив быстрый и АБСОЛЮТНЫЙ разгром крестоносцев. Отправил противника в глубокий

нокаут уже в первом раунде.

Эта вам не традиционная европейская рыцарская война: без явного перевеса сил, туда-сюда лет на 10. А то и на 116.

Тогда же, после триумфа на Чудском озере, ни о какой серьезной затяжной войне уже и речи идти не могло. Слишком не равны были силы. Слишком силен свободный Новгород.

Псков — особый пригород Новгорода

До середины XIV века Псков формально был пригородом Новгорода, [\[273\]](#) однако имел особые автономные права. Например, мог строить собственные пригороды. Самый известный из них — Изборск, но вообще-то таких своих городов у Пскова к XIV веку было 12.

Псков имел собственного князя, собственную армию и постоянно вел собственные войны. [\[274\]](#)

Он был особым городом русской истории. Сам Псков впервые упоминается в летописях сравнительно поздно, в 903 году. По летописной легенде о призвании варягов Трувор «седе во Изьборску, а то ныне пригородок псковский, а тогда был в кривичех болший город». [\[275\]](#) А ведь Изборск, пригород Пскова, — один из городов псковской земли, с которой связана и легендарная княгиня Ольга — жена Игоря, мать Святослава, бабка Владимира, прабабка Ярослава Мудрого. [\[276\]](#) Естественно, это возвышало Псковскую землю и ее столицу. Псков сделался особым пригородом с момента возникновения Новгородского государства.

Во главе здесь тоже стояли крупные землевладельцы — бояре. Но размеры их богатств никогда не достигали новгородских сказочных масштабов. Они не могли открыто противопоставить себя остальному обществу и возглавить враждующие кланы.

В Пскове общество разбивалось на те же общественные группы, что и в Новгороде, с теми же названиями. Ниже бояр стояли «житьи люди» — землевладельцы поменьше и купцы. «Черные» или «меньшие» люди в городах делились на ремесленников-мастеров и «наймитов», не имевших собственности.

Псковский Кремль. Общий вид.

Господин Великий Псков не имел сказочных богатств Новгорода. Но его масштабы все равно потрясали западноевропейцев.

Среди крестьян псковской земли было много «земцев» или «своеземцев» — владельцев собственной земли. На государственных землях сидели смерды — они платили дань Господину Пскову. На землях частных владельцев трудились «изорники» — слово происходило от слова «орать», то есть пахать. Пахари-изорники отдавали часть урожая владельцу земли.

Только не надо считать этих крестьян лично несвободными. Даже если боярин давал изорнику ссуду-купу, это не делало крестьянина-закупа лично зависимым. Закуп мог уйтить другому боярину, изорник мог отдать купу, мог переселиться в город и сделаться ремесленником.

А если землевладелец не согласится? Псковская судная грамота регулировала отношения феодалов, посадских людей, изорников, смердов. Если у боярина возникали споры с изорником-закупом, он обращался в суд и должен был представить в доказательство своих притязаний письменный документ или несколько свидетелей. Права изорника и боярина в суде были равными.

Для сравнения: в большинстве земель Германии и в Польше крестьяне были намного более зависимы. В Великом княжестве Литовском и Русском тоже было крепостное право. Крестьяне Господина Пскова больше напоминают свободных бондов Скандинавии и лично свободных крестьян Англии — йоменов.

Полурабы-холопы в Пскове тоже были. Но они никогда не играли заметной роли в хозяйстве в силу своей малочисленности.

Таким образом, общественный строй Пскова оказывается еще более демократичным, чем в Новгороде. Сравнительная бедность Пскова оборачивалась некоторыми положительными сторонами: имущественное расслоение общества было незначительным. Меньше очень богатых, но меньше и холопов. И никаких традиций произвола богатых и знатных, отделенной от народа власти бюрократов или аристократов. Для своего времени — весьма демократический общественный строй.

Господин Великий Псков

Как и Новгород, Псков был «Господином» и даже «Великим». Господином Великим Псковом тоже правило вече...

Как и Новгород, Псков разделялся на районы — концы. В каждом было тоже свое кончанское вече.

Общегородское вече держало в руках всю высшую административную, законодательную, судебную, даже военную власть. Вече выбирало посадников и сотских, приглашало князя, объявляло войну и заключало мир, проводило мобилизацию и принимало решение вести военные операции. И делало это с максимальной оперативностью. Узнав о нападении Ливонского ордена, «посадники псковские вече созвонили нощию дважды», и «тою же нощью посадники и псковичи мужи» поехали навстречу неприятелю. ^[277]

Вече назначало посадников в псковские пригороды. Псковская земля была меньше, компактнее новгородской, опасность внешнего завоевания при этом всегда сохранялась. Пригороды Пскова вели себя лояльно к Господину Пскову. Во всяком случае куда лояльнее, чем пригороды Новгорода к Господину Великому Новгороду. Не известно ни одного случая, чтобы пригород пытался освободиться, а Псков посылал туда войска.

Псковское вече собиралось на площади у Троицкого собора, который играл ту же роль, что и Святая София в Новгороде. Только в Новгороде вече, княжеское подворье и собор находились в разных местах. Источники власти как бы разделялись в пространстве. А в Пскове резиденция князя, место сбора веча и Собор — в одном месте. Опять же — все меньше, уютнее, патриархальнее.

В перерывах между сборами вече правил Совет бояр — господа.

Собирался этот совет «на сенях», то есть на галерее Троицкого собора. Уже из этого видно, как мало людей входило в него. Тут же, в Троицком соборе, находились архив и канцелярия вече, хранились важные государственные и частные документы.

Князя приглашало вече. Он начинал службу городу с того, что клялся и целовал крест на всех старинных грамотах, обещал соблюдать традиции Пскова. Знакомо. Но разница в том, что в Новгороде князя чуть ли не демонстративно отстраняли от власти, от дел города. В Пскове он и в мирное время был как бы при делах: правил и судил вместе с посадником.

В XV веке псковичи стали выбирать сразу двух посадников. Видимо, они очень не хотели сосредоточивать слишком много власти в одних руках. Так поступали и римляне, выбирая сразу двух консулов, чтобы не оказалось слишком много власти у любого, пусть даже самого замечательного человека.

Господство закона

Псковская судная грамота состоит из 120 статей, и половина из них посвящена гражданскому праву. Грамота различает весьма тонкие юридические понятия. Недвижимое имущество (отчина) четко отделяется от движимого (живот); указываются законные способы приобретения собственности обоих видов. Различается наследование по завещанию и по решению суда.^[278]

Псковские законы очень подробно регулировали область права, которую современные юристы называют «обязательственной»: отношения людей в области продажи, покупки, мены, залога, дарения, займа, ссуды, найма на работу или пользования имуществом. Словом, все случаи, когда люди несут друг перед другом какие-то обязательства.

По псковским законам, женщины могли владеть имуществом, наследовали после отца и мужа.

Уголовное право Пскова трудно назвать свирепым, особенно по меркам «темного» Средневековья. За большую часть вин можно было откупиться, заплатив денежный штраф (продажу). Смертная казнь полагалась лишь за несколько тяжких преступлений: за «перевет», то есть государственную измену, кражу из Псковского кремля, за поджог и за кражу, совершенную в третий раз.

В английских законах XV века смертная казнь предусматривалась более чем 80 статьями. В сравнении с этими кодексами Псковская судебная

грамота — прямо песнь торжествующего гуманизма.

В общем, да здравствует псковский суд, — вполне мог выкрикнуть герой советской кинокомедии, — самый гуманный суд в мире!

По уголовным делам доказательством считались предъявление письменных документов, взятие с поличным, представление свидетелей, собственное признание, судебный поединок (как же без этого!), извещение о преступлении, сделанное в публичном месте, — «заклич».

«Заклич» относился к доказательствам, потому что человек в те времена очень уж зависел от соседей и сограждан. Неуверенный в совершенном преступлении не стал бы публично сообщать о нем: оклеветав кого-то, человек оказывался в слишком неприятном положении.

Судебный поединок и «заклич» трудно считать совершенными формами доказательств. Но судебных поединков со временем становилось все меньше; люди как-то все менее полагались на божественное Провидение, а как-то больше на самих себя и на доказательную базу.

А вот испытания огнем и водой в Пскове не было. Судя по «Русской правде», в Средневековье существовала такая судебная норма: обвиняемый брал в руки раскаленное в костре железо. По характеру ожогов судьи потом проверяли: виновен ли? Считалось, что у невинного ожоги не такие глубокие, не до кости. Возможно, глубокая убежденность невинного в своей правоте как-то ему и помогала, но сколько людей (виновных и безвинных) лишилось рук — это было бы интересно узнать, да вряд ли когда-нибудь узнаем.

Испытание водой проводилось так: связанного человека бросают в реку. Виновный, полагалось, не тонет. Логика мне лично совершенно непонятна. Разве что можно соотнести ее с древним выражением, что «оно» не тонет... А невинный, соответственно, тонет. И задача в том, чтобы и убедиться в его невиновности и успеть выловить. А то придется признавать невиновным уже покойника.

Этих удивительных нам средневековых норм судебного следствия, к счастью для псковичей, в их городе не было.

Судебную власть имело вече, господа, назначенные вече судьи, наместники князя и посадники пригородов, псковский наместник новгородского архиепископа и, что самое интересное, — «братчина», то есть гражданское сообщество соседей. Средневековые псковичи умели судиться без помощи администрации, своим гражданским сообществом.

В общем, Псковская судебная грамота для той эпохи и продумана, и сложна, довольно гуманна и демократична. По крайней мере, кажется, псковичи жили по каким-то более совершенным и добрым, что ли, законам,

чем жители большинства государств тогдашней Европы.

Грамота — массовая и демократичная

Демократия — это не только право избирать или быть избранным. Это и возможность для человека изменить к лучшему свое положение в обществе: право и фактическая возможность получить образование, вести предпринимательскую деятельность, владеть собственностью, делать карьеру чиновника, общественного, политического деятеля.

Демократия — это неотъемлемые права личности, которые никакая власть не может ни отменить, ни попортить.

Аристотель писал о том, что во всех «хороших» полисах граждан имеет эти права. И Новгород, и Псков, и десятки других русских городов были хорошими «полисами». На Руси гражданские права имели практически все, что подтверждается законодательством.

А вот возможность для самореализации, без которой, повторимся, не может быть демократии, иллюстрирует широчайшее распространение грамоты.

Долгое время мы судили о Руси по Европе. По мнению ученых XIX века, везде был один и тот же строй — феодализм. На Руси он какой-то особенный, но принципиально такой же.

А вот оказывается — далеко не все у нас было таким же или очень похожим.

Например, Русь была грамотной.

В Европе и дворянство-то было, чаще всего, неграмотным или малограмотным. Даже ВЫСШАЯ ЗНАТЬ. Горожане учились писать и читать по необходимости, но и в городах Европы грамотность распространена не была. Часто и богатым купцам документы вели и письма писали особые наемные писцы. А вот на Руси...

Князья строили школы для детей разных сословий, строили во всех городах. ^[279] А в Пскове, Новгороде, Ростове и других городах с вечевым строем школы заводил сам город. Огромную просветительную работу вела церковь. Не только для того чтобы прихожане читали Священное писание, но и потому, что считали просвещение делом полезным и богоугодным.

На Руси грамота была так широко распространена, что пришлось для частной переписки использовать самый распространенный материал — бересту. Писали на ней, процарапывая буквы специальным стержнем — таким «паркером» XII столетия.

Раньше ученые делали вывод, что до массового производства бумаги народ и не мог быть грамотным. Для Европы это справедливо, ведь там писали только на папирусе, а потом на пергамене — выделанных овечьих кожах. Папирус со временем становился ломким, и к концу Раннего Средневековья от него отказались. А пергамен был дорог. Кожу приходится выделывать до тех пор, пока она не станет тонкой — почти как бумага. Работа крайне кропотливая: ведь стоит порвать шкурку хоть в одном месте — лист пропал. На первую печатную Библию Гутенберга ушло 300 овец. Это как минимум: мы не знаем, сколько кож мастера запороли.

А до Гутенберга каждая книга, каждый экземпляр — это еще и много недель или месяцев кропотливого труда переписчика. Стоимость квалифицированного труда была сравнима со стоимостью материала.

Только верхушка дворянства и самые богатые купцы могли позволить себе иметь небольшую библиотеку. Книг этак 5–10.

Книга зачастую стоила как хороший боевой конь. В переводе на наши измерительно-финансовые понятия — как иномарка бизнес-класса.^[280]

В Европе учились писать на черепках или на дощечках, покрытых воском, чтобы не тратить дорогого материала. Купцы писали на обрывках папирусов, на деревянных дощечках, на полях ставших ненужными, выброшенных документов.

Но вот какое удивительное дело: европейцы «просмотрели» очень удобный и дешевый материал для письма — бересту. Березка, хоть и считается символом России,^[281] растет вовсе не только у нас. Березовые рощи шумят по всему северу Европы, до Северной Франции, Ирландии и Британии. Кто мешал использовать бересту как материал для письма?^[282]

Ведь книги на бересте известны давно... Большая часть из них — на Руси, но не только. В юридических документах Руси XIV-XV веков даже есть такая формула: договор, мол, «на луб положили» — то есть записали. Не как-нибудь и не где-нибудь, а на лубе — коре. Значит, запись на бересте, в том числе и самых важных, юридических документов, была массовым, типичным явлением.

Известный писатель и церковный деятель XVI века Иосиф Волоцкий, рассказывая о скромной монашеской жизни основателя Троице-Сергиевского монастыря Сергия Радонежского, писал: «К такой нищете и нестяжанию стремился, что даже книги в нем писались не на пергамене, а на бересте».

В стариннейших русских библиотечных каталогах — описях книг Троице-Сергиевского монастыря, составленных в XVII веке, упомянуты и

«свертки на деревце чудотворца Сергия». То есть свитки, принадлежавшие основателю лавры Сергию Радонежскому.^[283]

Но вот что самое интересное: несмотря на исторические свидетельства, русские ученые долгое время «в упор не видели» берестяной письменности на Руси. Мы слишком внимательно всматривались в дела Европы, все, повторяю, судили по ней и пытались оценить себя по Европе, как по универсальному эталону. Раз там не было массовой грамотности, значит, и у нас не должно было быть. Раз там грамота оставалась уделом очень богатых людей, значит, так же было и у нас. Если европейцы не знали бересты как материала для письма, у нас-то откуда?!

Даже ученым не приходило в голову, что Русь может в чем-то превосходить Европу. До середины XX века найденные при раскопках берестяные грамоты считались... поплавками. Они и правда похожи на поплавки — свернутые трубочкой полоски бересты.

Находка

В историю мировой науки вошла находка, которую сделала 26 июля 1951 года Нина Федоровна Акулова. Простая рабочая, участница раскопок в Великом Новгороде нашла на настиле мостовой XIV века скомканный свиток бересты. Такие трубочки находили и раньше, но, повторюсь, во всех описях археологических находок фиксировали их как берестяные поплавки. Под этим названием они даже выставлялись в витринах музеев. Только вот на этом «поплавке» Акулова различила буквы...

Она передала свою находку начальнице раскопа. Та позвала главу всей Новгородской экспедиции Артемия Владимировича Арциховского.^[284]

Так было совершено, пожалуй, самое революционное открытие во всей археологии Новгорода, а то и всей Древней Руси.^[285]

Очень скоро выяснилось: берестяные грамоты находили и раньше, но буквы на этих грамотах были менее заметны.

Новгородцы вовсе не стремились сохранить для нас важный источник. Прочитав берестяное письмо, они его выбрасывали. У бересты такая особенность: если держать ее на воздухе, она начинает быстро сохнуть, берестяной свиток скручивается, трескается по прожилкам, а потом начинает разваливаться на части. Вполне экологично.

Бересту, как писчий материал, можно сохранять очень долго, но для этого она должна лежать под прессом: берестяным страницам нельзя

позволять скручиваться. Если берестяной лист сохраняет плоскую форму (как лист бумаги), он почти вечен (как все та же бумага). Так сохранились берестяные книги XVIII века, так сохранялись книги Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде, — прессами для них служили тяжелые переплеты из дерева, еще и утяжеленные металлическими заставками и оковкой. Вероятно, так же хранились и берестяные книги в архиве Новгорода Великого.

Но в его культурном слое находят лишь мелкие записки. Причем чаще всего не полные тексты, а лишь обрывки берестяных грамот. Остатки былого великолепия. Масштаб находок в других городах — в Смоленске, Старой Руссе, Пскове, Витебске, Твери, Москве, к сожалению, не сравним с археологическим изобилием в Новгороде: условия для сохранности бересты там оказались хуже. [\[286\]](#)

О чем писали новгородцы?

Первая берестяная грамота, найденная Ниной Акуловой, — это пространная запись о налогах, которые должны были уплачивать жители разных сел некому Фома. Кто был этот Фома, мы не знаем до сих пор. Высказывались предположения о том, что это боярин или духовное лицо. Очевидно лишь, что Фома владел несколькими селами и получал от их обитателей «позем» и «дар» — два вида налогов-повинностей. Позем уплачивался за право крестьянина жить на его земле. То есть по-нашему это «арендный платеж». Дар платили во время посещений феодалом своих владений. Назовем это «региональным единым вмененным налогом». В общем, все как сегодня.

Вторая берестяная грамота, найденная уже на следующий день, тоже содержала записи о даре. Упоминались даже имена крестьян, вносивших налог. Судя по именам, были они по национальности карелы.

Третья берестяная грамота — это уже не обрывок хозяйственного документа, а письмо. Целое послание некого Грикши (то есть Григория) к Есипу (Иосифу). «Поклон от Грикши к Есипу. Прислав Онанья, молви... Яз ему отвечал не рекл ми Есиф варити перевары ни от кого. Он прислал к Федось: вари ты пиво, сидишь на безотыцине, не варишь жито». [\[287\]](#)

Вот ведь дела — не могут разобраться, кому варить пиво. Кто этот Онанья? Скорее всего, управляющий владениями феодала — а иначе чего он распоряжается? А Григорий, похоже, — сельский староста. Значит, сделали вывод ученые, и деревенские жители были грамотны... Хотя бы

некоторые.

До конца сезона 1951 года нашли еще 10 грамот, от XII до XV века. Среди них — хозяйственные документы, распоряжения, жалобы... Обнаружилась даже загадка. «Есть град между небом и землею, а к нему еде посол без пути, везе грамоту неписану». На современном русском языке: «Между небом и землей есть город, а к нему едет посол без пути, везет ненаписанную грамоту».

Такие загадки загадывали еще в начале XX века. Если вы сразу не догадались, то вот разгадка: город между небом и землей — это ковчег, в котором Ной спасается от потопа, везет в нем всю будущую фауну Земли. Немой посол — это голубь, которого праотец Ной отправил искать, не спали ли воды Всемирного потопа, не выступила ли где-то Земля. Грамота неписанная — это масличная ветвь, которую голубь принес в клюве после своего третьего полета. Увидев ветвь, Ной понял: где-то уже есть земля, свободная от воды. Это оказалась гора Арарат, и именно к ней пристал в конце концов ковчег. Многие, как известно, даже пытались искать Ковчег Завета на склонах горы Арарат... Вроде бы, фотографии останков корабля есть. [\[288\]](#)

Но вернемся с Арарата в Новгород. Грамот отказалось столько, что сразу же стал понятным один пассаж из давно известного источника — записи беседы новгородских священников XII века. Один спрашивал другого: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам ногами, если кто, изрезав, бросит их, а слова будут известны?»

До берестяных находок сама постановка вопроса казалась странной: кто же это будет ходить по грамотам? Ведь пергамен дорог, книги очень ценны. А теперь все понятно: ведь берестяные грамоты бросали, как только они отслужили свой срок. Писать на бересте второй и третий раз было невозможно.

Люди топтали берёсто, не зная, какие слова там написаны... А что, если это слова священные? Скажем, «Бог», «ангел», «Богородица»? Получается — ходят люди как бы по обрывкам священных текстов. Вот священника и волновало — не грех ли? В Новгороде этот вопрос приобретал самый непосредственный бытовой смысл.

Новгородцы действительно буквально ходили по грамотам. Если это и грех, то какой полезный для познания прошлого!

Массовая грамотность

Невозможно найти группу населения Новгорода, не владевшую грамотой. Прихожане пишут священникам и наоборот... Ростовщики переписывают своих должников. Одни бояре пишут другим. Ремесленники переписываются с заказчиками.

Регулярно писали друг другу люди самого простого состояния, в том числе супруги, родители и дети. Обыкновенная семейная переписка.

Вот грамота XIV века: «Поклон от Марине к сыну моему к Григорью. Купи ми зендянцу добру. А куны яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издей при себе да привези семо».

Зендянец — это хлопчатобумажная среднеазиатская ткань, привозили ее из города Зендяны. Куны — это деньги, и мама Григорья, Марина, посылает ему деньги с оказией. Явно люди они небогатые, если у сына может не оказаться под рукой денег на покупку ткани.

Заказчик пишет мастерице: «Озцинку выткала и ты ко мне пришли, а не угодице с ким прислать, и ты у себе избели». Заказчик узнал, что холсты («озцинка») сотканы, и просит прислать. Если не с кем — пусть их выбелят на месте.

Или вот запись и расчет заказа какого-то вышивальщика: «Мыла на белку бургалского, а на другую белкую...» Белка — опять же, небольшая денежная единица. Бургалское мыло? Это от немецкого слова «бург» — городское мыло, говоря попросту.

Огромное число грамот написано крестьянами владельцам своих сел в Новгород. Такова, кстати, и самая первая, найденная Акуловой. Новгород оживленно переписывался со своими сельскими владениями. Владельцы земель дают поручения управляющим, ключникам. Ключники отписывают господам, а поверх голов ключников крестьяне пишут своим господам... А те напрямую отвечают крестьянам!

Вот грамота XV века: «Цолобитье от Кощея и от половников. У кого кони, а те худи, а у иных нет. Как, осподине, жалуешь крестьяны? А рож, осподине, велишь мне молотить, как укажешь».

Авторы письма — ключники и крестьяне, обрабатывающие господскую землю за половину урожая (откуда и название — половники). Они, эти бедные крестьяне, жалуются на отсутствие коней. Интересно было бы рассказать этим людям о теориях ученых XVIII-XIX веков про поголовно неграмотную Русь.

Найдены и длинные стержни-писала, которыми прочерчивали буквы на бересте. Писало в Древнем Новгороде было таким же бытовым предметом, как нож, или как роговой гребень. Наверное, многие новгородцы так и ходили везде с писалом, подвешенным к поясу, как с

ножом или с гребнем.

Грамоту знали и женщины. Известно несколько писем от мужей к женам и от жен к мужьям.

Или вот записка, втопанная в грязь мостовой на рубеже XII и XIII веков: «Я посылала к тебе трижды. Какое зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил?»

Грамотка, от которой романтичному читателю становится немного грустно, найдена возле забора усадьбы. Так и видится девушка, которую «накрыли» строгие родители при попытке передать письмо.

Но выпала записка из руки романтической девушки или из рук бабушки, посылающей письмо загулявшему внуку, или же стоит за ней какая-то темная любовная связь замужней женщины, — в любом случае получается: женщины тоже уверенно владели грамотой.

Книжное учение

В житиях некоторых новгородских святых, написанных еще в средние века, рассказывается среди прочего, что они учились в школе. Сообщается об этом как о вещи совершенно обычной. И не в одном Новгороде, а по всей Руси. В документах знаменитого Стоглавого собора 1551 года сказано, что «...прежде сего училища бывали в Российском царствии на Москве и в Великом Новгороде по иным градам».

Сенсацией стала находка берестяных «тетрадок» мальчика Онфима. На одном листе бересты Онфим сделал эдакий героизированный автопортрет в виде воина.

Благодаря этому рисунку неведомый и никак иначе не прославленный в веках Онфим угодил даже в школьные учебники. Но интереснее всего, что возле изображения себя самого в качестве отважного всадника, Онфим продолжил изучение букв, написав на свободном клочке бересты «абвгдежзиік», то есть тогдашнюю азбуку.

Обрывки азбук находили еще много раз. В 1970 году обнаружили даже целую азбуку XIII века — самую древнюю из найденных до сих пор.

А в одном случае в качестве азбуки использовали... берестяное лукошко. Оно прохудилось, и его отдали ребенку для учения. На овальном доньшке лукошка, на перекрещивающихся широких полосах бересты старательно выписана вся азбука, потом склады: ба, ва, га, да... И так до ща. На обороте — продолжение складов: би, ви, ги... До си. Дальше просто не хватило места.

Такое «слоговое учение» было типично вплоть до начала XX века, ведь все буквы выучивались по их названиям: «аз», «буки», «веди», «глаголь»... Даже если ребенок уже твердо выучил, что буква «аз» читается как «а», а «буки» как «б», ему очень трудно было понять, как из их сочетания получается слог «ба». Приходилось выучивать буквы, потом составлять из них слоги, вызубривать их, как буквы, а, уже выучив слоги, формировать из них слова.

Археологи находили и специальные дощечки для учения письму и счету. Поверхность дощечек покрывали воском и разлиновывали так, что малышу было удобно писать еще непривычные буквы.

Такие дощечки для письма делались парными, и в каждой из них проделывалось по три отверстия. Дощечки складывались наощенными сторонами внутрь, орнаментом наружу, и связывались через эти отверстия. Ребенок носил такие дощечки в школу. Там его учили писать на воске, — в точности как это делалось в Греции, Риме, а потом и в Европе.

На воске писали не острым концом писала, а лопаточкой на другом его конце. Обучение писать на бересте было другим этапом книжного учения, когда маленький человек уже знал буквы и слоги. Дело в том, что для выдавливания букв на бересте требовался довольно сильный нажим. Воск — мягкий, усилий не требует. А на бересте чертить и выдавливать буквы приходилось острым концом писала, и было это не самым простым занятием. Не случайно писали новгородцы буквами, которые очень похожи на печатные. Это и чтобы легче было прочитать, и потому, что так писать физически легче.

Всевозможные изыски письма — делать в написании буквы одну линию тонкой, другую более толстой, выписывать красиво, изящно, — появились в эпоху массового распространения бумаги. На бересте невозможно писать мелкими буквами, сливая одну с другой. Берестяное письмо, повторимся, требует четких прямых линий и значительных усилий при написании букв.

Возможно, физические трудности берестяного письма сформировали стиль печатных букв в русском языке: еще в XVI веке писцы писали буквами, которые мы называли бы печатными. Даже на пергамене и бумаге. То есть на других носителях продолжали писать так, как привыкли на бересте.

В XVI веке, создавая первые печатные тексты, Иван Федоров в Москве и Франциск Скорина в Великом княжестве Литовском и Русском брали за образцы рукописные почерки.

Возможно, физические трудности берестяного письма сформировали

даже новгородский литературный стиль. Для него характерно умение скупыми, но всегда выразительными словами передать суть мысли, главное в событии. Меньше слов — более емкое содержание. Ведь каждое лишнее слово — это лишнее физическое усилие. В этом отношении новгородский «письменный стиль» в чем-то сродни спартанскому — «лаконичному», как мы сейчас привыкли говорить. ^[289]

Кстати и египетских писцов тоже учили писать как можно более сочно и емко — папирус дорог. А уж если речь шла о том, чтобы высечь текст на стене храма, — здесь каждое слово, каждый иероглиф становился принципиально важен. Писать надо было кратко, лаконично, и в то же время емко, информативно.

Косвенным подтверждением распространения книжного учения служат надписи — граффити, процарапанные на каменных стенах Софийского собора, церквей Спаса-Нередицы, Федора Стратилата, Николы на Липне... Почти всех известных церквей. В алтаре церквей Спаса-Нередицы и Николы на Липне (в алтарной части могут находиться только священники) для памяти на стенах прочерчены дни, в которые нужно было поминать в молитвах разных умерших новгородцев. Но большинство граффити сделаны там, где молились рядовые прихожане.

Среди граффити есть надпись: «На Лукин день взяла проскурница пшеницю». Ясно, что, писала, вернее, процарапывала надпись женщина. Это также к вопросу о женской грамотности.

А многие граффити сделаны на таком уровне от пола, что сразу видно: их авторы — дети. Тут и рисунки, и отдельные буквы алфавита, и целые фрагменты азбуки. Видимо, маленькие новгородцы частенько слушали службу не очень внимательно. Трудно было малышу вникать во все действия и слова священника, вот он и совмещал необходимое с приятным, прорисовывал на стенах и на колоннах то, чему учился.

До открытия берестяных грамот считалось, что граффити делались гвоздями, ножами или шильями. Но процарапывать граффити острым бронзовым писалом даже удобнее — оно же для слов и предназначено. ^[290]

Образование и демократия

Почему так важно знание о грамоте в Древней Руси? Да потому, что по распространению грамоты сразу становится видно, в какой степени демократично общество. На Руси, по крайней мере того периода, видели общество не как данную от Бога и потому неподлежащую изменениям и

обсуждениям власти «высших» над «низшими», а как общее «поле», в котором человек и имел право, и реально мог изменять свое общественное и частное положение.

Наказанный самодержец

За всю историю Древней Руси нам известен только один случай, когда была сознательно нарушена политическая — демократическая — традиция. Лишь один яркий пример того, как князь попытался править **ВООБЩЕ** без вече и бояр. Результатом смелого эксперимента стал дворцовый переворот и жестокое убийство.

В 1157 году Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, сделался князем в Ростове — столице Ростово-Суздальского княжества. И тут же перенес столицу своей земли в молодой город Владимир, — просто потому, что там не было вече. Государство князя Андрея стало называться Владимиро-Суздальским княжеством.

Боголюбский не полагался на бояр и старшую дружину. Он выслал за пределы княжества старших бояр, служивших его отцу, и стал править, опираясь только на «молодшую дружину», на «отроков». То есть на людей, не имевших своих вотчин, во всем зависивших от него и поневоле преданных ему лично. Первым на всей Руси Андрей Боголюбский последовательно опирался не на землевладельцев-бояр, которые от него мало зависели, а на тех, кто зависел от данной им земли, от пожертвований и «кормлений». По словам летописца, он хотел быть «самовластцем» Суздальской земли...

Но даже окружив себя «отроками», князь не остался и во Владимире. Словно предчувствуя свою судьбу, он построил укрепленный княжеский городок Боголюбово и поселился в нем. Боголюбский вообще много строил, в частности, знаменитую церковь Покрова на Нерли. И сейчас белокаменное чудо среди русских лугов производит сильнейшее впечатление. А тогда свежий тесаный камень сахаристо сверкал на солнце. И церковь, поставленная на насыпи, среди заливного Богородичного луга, при слиянии рек, была видна за много верст. Храм был первым, что бросалось в глаза купцам, послам, боярам и дворянам, приезжавшим в Боголюбово.

Для его сооружения в неудобном, но важном для общего замысла месте пришлось насыпать и укрепить искусственный пятиметровый холм посреди заливных лугов. Задача в техническом плане непростая,

требующая тонкого расчета и немалых усилий. Зачем князь повелел в 1165 году поставить эту прекрасную церковь именно здесь? Ответ дают современные исследователи и публицисты, в частности Феликс Разумовский. Ответ такой: ради красоты.

Владимир был украшен белокаменным зодчеством. На берегу Клязьмы встали собор Успения Богоматери и монументальные Золотые ворота. Но Боголюбскому надо было освятить не только город, но и всю землю. Вдоль водного пути по Клязьме он создал великолепный художественный ансамбль. Его столица стала частью этого ансамбля. В него вошли также два подгородних монастыря и княжеская резиденция.

Зачем все это? Во имя чего столько трудов? Ответ прежний — ради красоты. Для того, чтобы одухотворить пространство, придать самому приближению к князю Андрею особый торжественный лад...

Но нас интересуют не заслуги Боголюбского перед древнерусским зодчеством. Интересна попытка ввести самодержавие в одной отдельно взятой русской земле. Летописец называл Андрея Боголюбского «жестковейшим», то есть не гнувшим ни перед кем шеи, не склонявшим головы. Князь всегда держал ее немного откинутой, глядя подчеркнуто гордо, непреклонно.

Православная церковь канонизировала князя Андрея. В XX веке его мощи, находившиеся в роскошной гробнице в Успенском соборе во Владимире, исследовали антропологи.

По словам советского историка, «революционный народ не почитает мощей, и многие мощи, служившие раньше для обмана верующих, были публично вскрыты и ликвидированы. При этом нередко выяснялось, что в гробнице «святого» лежали вовсе не человеческие кости, а кости животных».^[291]

Но в этой гробнице-раке был все-таки, слава Богу, именно князь Андрей Боголюбский. У его скелета оказались сросшимися несколько шейных позвонков. Человек, похороненный в Успенском соборе, при всем желании не мог бы держать голову и шею иначе. Так что летописец в своем определении — «жестковейший», назвал князя Андрея очень точно. Шея у него и впрямь была «жесткая», негнувшаяся.

В 1174 Боголюбский был убит заговорщиками — собственными слугами и приближенными. Не будем пересказывать детали этого отвратительного преступления, по своей жестокости и нелепости напоминающего другое знаменитое убийство — Григория Распутина.

Но где была в ночь убийства «молодшая дружина» — сотни профессиональных воинов, каждый из которых всем был обязан Андрею

Боголюбскому?! Они не пришли на помощь, когда князь со стонами, пятная собственный дворец кровью, пытался спрятаться под сени. А потом спокойно дали убийцам удалиться.

В Никоновской летописи сообщается, что сразу после смерти князя «граждане же боголюбстїи^[292] и дворяне его (Андрея — В. М.) разграбиша домъ его». Во Владимире несколько дней горожане убивали княжеских управителей и слуг, грабили лавки и имущество князя. Никто даже не пытался отомстить убийцам или хотя бы усювестить их. Более того, труп Андрея Боголюбского вышвырнули на огород.

Только старый слуга Андрея Боголюбского нашел тело князя, несмотря на угрозы горожан и дружины, и закатал его в ковер. Вместе с мальчиком-служкой перенес тело в церковь. Но даже в церкви ему велели положить труп князя Андрея в приделе, около входа, а не в средней части храма. Двое суток пролежал здесь Андрей Боголюбский. Заговорщики и бывшие слуги входили в храм, пинали тело, плевали на него.

Только на третий день пришел игумен дальнего монастыря, собрал нескольких людей, и они омыли тело, положили его в гроб, отпели. На шестой день труп в гробу отнесли во Владимир.

Как только брат Андрея, суздальский князь Всеволод Большое Гнездо вошел с дружиной в Боголюбово, он тут же восстановил порядок и отомстил за брата. Со всей средневековой изобретательностью. Семерым убийцам подрезали поджилки, чтобы они не могли двигаться, положили в просмоленные гробы и утопили в озере.

Но все, же — как странно ведет себя и дружина, и горожане. Объяснить это можно только одним — «гордец» и «самодержец» вызывал у привычных к средневековой демократии русских негативные чувства. Сосредоточение власти в одних руках и упразднение вече им не понравились.

Смириться с единовластным правлением пришлось позже — после монгольского нашествия, когда поднялась династия московских князей. Эти князья правили без вече, и их власть стала гарантией освобождения Руси от ига Орды.

Когда кончился вечевой строй?

На северо-востоке Руси последний раз вечевые колокола били в 1262 году. В этот год по всей Руси вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани, точнее, мусульманских купцов-бесерменов, которые

выкупили у Орды этот выгодный бизнес. Полыхнуло в Суздале, Ярославле, Владимире... Как писал летописец, «бысть вече на бесермены по всем градом русским, и побита татар везде, не терпяще насилие от них». Бусурман перебили.

После восстания Александр Невский снял вечевые колокола и не велел больше собираться вече. Это было слишком опасно: монголы могли вырезать эту часть Руси до последнего человека.

Но в XIII веке вечевой строй был отменен только для тех 15 % русских людей, которые жили на северо-востоке. В Новгороде и Пскове вечевые колокола никуда не делись.

На русских землях, отошедших под Великое княжество Литовское, вечевой строй сохранялся и в XIV, и в XV веках. Он был в Киеве, Львове, Минске, Турове... Везде.

Но и после XV века вечевой строй не исчез. Просто постепенно русские города получали право управляться по Магдебургскому (или же немецкому) праву. От взаимного проникновения двух традиций демократии сложилась совсем не такая строгая, не такая формализованная система, как на романо-германском Западе.

Глава 3

Была ли демократия на Московской Руси?

Пространства огромной страны

Московия XVI-XVII веков — страна, из которой родилась вся Российская империя. Это государство занимало северо-восток Руси с его суровым климатом, бедными почвами, громадными расстояниями. Олицетворение вечной судьбы русских — осваивать самые неблагоприятные для жизни места.

По огромным пространствам раскидано редкое население. Людей мало, чрезвычайно мало!^[293]

В этих условиях Москва, столица, начинает закономерно играть исключительную роль. Поднимающейся стране необходим единый центр.

Есть доля истины в старом высказывании Ивана Ильина, что лучший способ ввести в России демократию — это превратить ее из огромной континентальной страны в маленький океанический остров, похожий на Британский. Реалии Московии делают ее политическую традицию поневоле автократической, жесткой. Они выдвигают на передний план решения царя, за которым стоит группа высших чиновников и аристократов.

Но этих царей с сановниками те же российские реалии, сама природа Московии заставляют быть демократами. От любой власти не так уж трудно бежать на Восток, в Заволжье и в Сибирь, на Вольный Дон, на Север. От жестокой или морально неприемлемой власти люди просто уйдут. Нет необходимости ее даже свергать, поднимая восстания.

На уровне управления государством Московии необходима монархия или аристократия. На уровне местного самоуправления — демократия.

Про первую составляющую мы вроде слышаны. Про вторую не знаем ничего.

Демократия на местах. Община и большаки

Жить одному среди бескрайних лесов опасно — слишком многое могло случиться с человеком, слишком подвержен он случайностям. В Московии жили семьями, в которых братья вели общее хозяйство.

Несколько десятков человек составляли один хозяйственный организм во главе с патриархом — большаком. Он командовал коллективом из десятков детей и внуков, распоряжался и временем, и всеми ресурсами рода. Большак взаимодействовал с властями и представлял перед ними всю семью. Его власть была непререкаемой и для семьи, и для властей. Такой маленький крестьянский царь.

То, с какой легкостью утверждались на сельских просторах нашей страны большевики, не было ли причиной своеобразной рудиментарной памяти народа? Даже простое сходство слов могло сыграть свою роль. Вспомните строки из поэмы Маяковского «Хорошо!»:

До самой
мужичьей
земляной башки докатывалась слава, —
лилась
и слыла,
что есть
за мужиков
какие-то
«большаки»
— у-у-у!
Сила!

Ну, правда, потом эти земляные бошки наплакались.

Пока же земля принадлежала не колхозу, а общине, и судьба отдельного человека тоже принадлежала общине. Община решала, где и какая семья будет пахать и сеять, «раскладывала» налоги и повинности, устанавливая, кто будет мостить дороги, а кто — подвозить государственных чиновников. Она присутствовала при всех событиях в жизни человека, от рождения и до смерти. Она также бдительно следила, чтобы никем и никогда не нарушались обычаи, идущие от прадедов.

Правительство не вмешивалось в дела общины, а сотрудничало с ней как с коллективным собственником и управленцем.

Демократия на местах. Губные целовальники

Страна делилась на уезды, очень разные по размеру и населению, а уезды — на волости. Волости еще назывались губами. После Губной

реформы 1550–1555 годов они обрели формально зафиксированные демократические права самоуправления.

Справедливости ради стоит отметить, что и раньше сыск и суд по уголовным делам в губе передавался «выборным головам», то есть губным старостам из числа дворянства и детей боярских. В помощь им из «лучших» крестьян выбирались «губные целовальники».^[294] После реформы в ведении губных учреждений оказались почти все уголовные дела, составление кабальных книг, надзор за общественным порядком, полицейские функции.

Кто совершил этот демократический прорыв? Не поверите, власть у наместников забрал и передал ее самим жителям не кто иной, как кровавый тиран Иван Грозный.

Тогда Иван — еще вполне молодой, здоровый и как бы сейчас сказали «адекватный» государь. Его советники, так называемая Избранная Рада — если выразаться современными терминами, «прогрессивно мыслящие» и деятельные монах Сильвестр, князь Курбский, Алексей Адашев. Эта «команда» и стояла, опираясь на царскую власть и волю, у истоков многих замечательных преобразований на Руси до тех пор, пока в 1560 году неожиданно не умерла любимая жена государя. Примерно с этого года начинается отход Грозного от здравых реформ, постепенный поворот к полному самовластию, разгону Рады, безумию опричнины и террору. Многие историки всерьез полагают, что Грозный на почве семейного горя и тяжелой болезни просто сошел с ума.

Может и так. В любом случае его жизнь, как бы подтверждение известного высказывания о том, что любая власть развращает, но **АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ** — развращает **АБСОЛЮТНО**.

Итак, в 1555 году Иван IV уже взял Казань, за что и удостоился своего почетного прозвища, но еще не разворачивал террор опричнины. Грозный царь находился где-то посередине своего пути по укреплению центральной власти. И, как выясняется, — демократии на местах.

Да, Иван IV подминал под себя бояр в Москве. Подминал так, что кости трещали. Но при том щедро делился властью на местах.

Его окружная уставная грамота — это такой общерусский циркуляр. «Чтобы крестьянству убытков и продаж не было, а нам бы челобитья и доуки не было, а посады и волости от того не пустели, — писал царь, — велели есми во сех городах и волостех учинити старост излюбленных, кому меж крестьян управа чинити, которых крестьяне меж собой излюбят и выберут всюю землею».

«Учинити старост излюбленных, которых крестьяне меж собой

излюбят и выберут всю землю» — это на наш язык переводится, как «избирать и быть избранным». Столичный тиран был большим деревенским демократом.

Преследовал при этом он, естественно, свою собственную выгоду. Нужны были выборные, «от которых им продаж и убытков и обиды не было, и рассудити бы их умели вправду беспосульно и безволокитно, и бы доход оброк собрати умели и к нашей бы казне на срок привозили без недобору».

То, о чем я говорил выше. В Москве — авторитаризм, на местах — демократия. Результат — своеобразная модель эффективной власти.

Губное самоуправление оставалось успешным проектом целых сто лет. Эта система утратила свое значение только к середине XVII века, когда во все крупные города стали ставить воевод. Но и сами волости к тому времени потеряли свой вес. Городские воеводы сосредотачивали в своих руках всю полноту власти, у них был свой аппарат и свои воинские отряды для поддержания того, что они считали порядком. «Московское государство (XVI века В. М.) может быть названо самодержавно-земским. С середины XVII века оно становится самодержавно-бюрократическим», — писал М.М.Богословский в своей замечательной давно не переиздававшейся книге. [\[295\]](#)

Однако и тогда сам институт самоуправления не исчез. Он просто трансформировался. После бюрократической реформы XVII века воеводы с их отрядами были на местах реальной силой, но губные старосты оставались их помощниками. И бюрократии приходилось сотрудничать с местной демократией. У нее просто не было другого выхода.

Мир отвечал за сбор «государевых податей», а главную обязанность выборных крестьянских властей — «крестьянские власти» неплохо звучит, правда? — составляла своевременность этого сбора. Правительство назначало для каждого округа только общую сумму подлежавшего уплате оброка. Затем посадские и крестьяне должны были сами «верстатися» и «разводить» оброк сообразно имуществу каждого хозяина: «по животам, и по промыслам, и по пашням, и по угодьям». Воеводы наказывали тех выборных крестьян, которые «оплошкой и нерадением» допускали недоборы и опоздания в платежах. Но, главное, старались ставить на выборные должности людей деловитых, тех, кому можно доверять. В результате самые активные и наиболее уважаемые крестьяне становились прямыми помощниками царской администрации.

Это уже не жизнь самодостаточной общины, существующей в себе и для себя. Это сотрудничество с государством.

Земский принцип управления оказался в России универсальным. У нас он легко встраивался в меняющуюся политическую реальность, в любую модель. Иногда земство играло менее заметную роль, иногда — огромную, но существовало оно всегда. Вплоть до того момента, как было разгромлено большевиками.

Никита Михалков как-то ярко сказал, что Россия — это крест: вертикаль власти и горизонталь православия. Думаю, в словах нашего замечательного режиссера было слишком много политической конъюнктуры. Уж очень разные понятия он собирает в одну фигуру. Но направление Михалков задает правильное. Та крестовина, на которой устойчиво стоит Россия, — это крепкая центральная «вертикаль власти» и поперечина — широчайшее местное самоуправление.

«Земская реформа завершила перестройку на сословно-представительских началах местного управления и усилила централизацию государственного управления», — справедливо отмечала еще Большая Советская энциклопедия.

Но мы как-то не очень внимательно прислушивались к ней.

Свободные крестьяне Московии

Сверху донизу — все рабы.

Николай Чернышевский

«Страна рабов», — любят у нас бездумно повторять за Лермонтовым. Поэт, говоря «Страна рабов, страна господ», явно имел близкий и понятный ему высший свет и царившие там нравы. Но наследие советского образования услужливо подсказывает: тут надо вспомнить о русских крепостных. О помещичьих рабах. Вот откуда наша рабская психология! Вот где корни личной несвободы! Вот почему Россия — по-прежнему страна рабов...

Но все это ерунда. Набор этих мифологем не имеет отношения к реальности.

Хотя реальность, если по-честному, неоднозначна. С крестьянами вообще все было непросто. Во-первых, почему-то на «черных землях» жили государственные крестьяне, а на «белых землях» — подданные феодалов. При этом «черносошные» вольные крестьяне были прикреплены к земле, а крепостных барских землепашцев защищал закон. То есть все совсем не так, как нам представляется.

Надо разобраться.

Итак, на государственных «черных землях» сидели крестьяне-домохозяева. Они входили в тяглые «общества» и записаны были в податные списки. «Тяглые и письменные люди» прикреплялись к обществам и не могли покидать свои дворы и земельные участки, не найдя заместителей.

Ограничения свободы — налицо. Но вот Ключевский полагал, что «такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом». И с ним надо согласиться.

«Закрепощался» на государственных землях только сам тяглец-домохозяин. Каждый крестьянский двор представлял собой что-то вроде артели, состав которой был разнообразным и сложным. Кроме хозяина, как я уже говорил, там жила огромная семья — очень часто вплоть до внуков и правнуков. А также родственники или работники — «захребетники», «суседи», «подсуседники»... Положение «закрепощенного» большака представлялось для них крайне престижным. Если бы хозяин захотел, он без малейшего труда поставил бы вместо себя кого угодно из этой «меньшой братии», а сам стал бы «свободным» человеком. Только вот он этого почему-то не хотел.

Что же до самой братии, жившей в хозяйстве, то она была вольна как ветер. Никому и в голову не пришло бы удерживать любого из них, вздумай уйти хоть все, хоть по одному «суседи» да «подсуседники». Разве что сам глава этой патриархальной крестьянской артели, большак, огорчился бы временному отсутствию рабочей силы.

Среди черносошных крестьян встречались и весьма богатые. Занимались они не только земледелием, но и торговлей и разными промыслами. Михайло Васильевич Ломоносов происходил как раз из черносошных крестьян и подростком ходил с отцом на собственных судах охотиться на морского зверя за сотни километров. Туда, где были принадлежавшие им охотничьи угодья. Естественно, богатые «рабы» — а ведь мы продолжаем считать такими крестьян, правда? — обычно пользовались наемным трудом. Рабы-капиталисты. Были среди госкрестьян и «среднезажиточные», и совсем «маломочные».

Кроме собственно крестьян-тяглов в черносошных общинах жили еще так называемые «бобыли». Это не непутевые холостяки, а ремесленники или наемные работники, то есть не тяглое сельское население. Частные индивидуальные предприниматели.

Имелись и «пашенные бобыли», владельцы участков земли. Само их существование доказывает: землю можно было купить и продать. Иначе

откуда бы она взялась у «пашенных бобылей»?

М. М. Богословский давно и совершенно определенно писал: «Владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части».

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый владел своей долей и мог распоряжаться ею как хотел — продавать, сдавать в аренду, покупать доли других совладельцев, а мог и требовать выделения своей собственной из общего владения. Получались такие закрытые акционерные общества, ЗАО. Других аналогий как-то не придумывается. Да и зачем что-то придумывать, если все очевидно?

М.М. Богословский писал: «В севернорусской волости XVII века имеются начала индивидуального, общего и общинного владения землей. В индивидуальном владении находятся деревни и доли деревень, принадлежащие отдельным лицам: на них владельцы смотрят как на свою собственность: они осуществляют на них права распоряжения без всякого контроля со стороны общины».

Добавлю от себя: к тому же на Севере в губах продолжает распоряжаться волостной сход, который сам ставит должностных лиц (хотя и здесь сход все больше подчиняется надзору воеводы).^[296]

«В общем владении состоят и земли, и угодья, которыми совладеют складничества — товарищества с определенными долями каждого члена, — продолжает Богословский. — Эти доли — идеальные, но они составляют собственность тех лиц, которым принадлежат, и могут быть реализованы путем раздела имущества или частичного выдела по требованию владельцев долей. Наконец, общинное владение простирается на земли и угодья, которыми пользуются, как целое, как субъект... Река с волостным рыболовным угодьем или волостное пастбище принадлежит всей волости, как цельной нераздельной совокупности, а не как сумме совладельцев».

Констатирую факт: в Московии XVII века все более укрепляется именно такая «низовая» демократия; общины все активнее принимают на себя функции низовых органов управления.

Напомню, что эти все процессы идут не в городах, в среде высокообразованных интеллектуалов и богатых людей, а как раз в основной массе тогдашних москвитов, в крестьянстве.

И этих крестьян очень много — более 50 тысяч дворов, то есть артелей, патриархальных предприятий. Всего никак не меньше полутора

миллионов человек. И они умеют охранять свои права, в том числе и силой оружия.^[297]

На Севере, правда, черносошных несравненно больше. Есть даже такое понятие, как «черносошные волости» — то есть обширные области, где владельческих крестьян вообще нет, все исключительно вольные.

В центре страны черносошные и владельческие крестьяне живут чересполосно. Но, во-первых, вольные «государевы хрестьяне» там тоже есть. А во-вторых, положение владельческих крестьян не так уж сильно отличается от положения черносошных.

Крепостные крестьяне Московии

То есть отличается, конечно, — и в худшую сторону. Государственные подати владельческих крестьян значительно меньше, чем у черносошных, но суммарно они все-таки платят больше.

Собственно, к этому незначительному отличию в области персональных финансов и относится основная разница между вольными и «рабами». «Государство и после Уложения (1649 г. — В. М.)^[298] не отказывается видеть во владельческих крестьянах своих подданных:^[299] они платят государевы подати, они не лишены личных прав; помещикам запрещается «пустошить» свои поместья; правительство не отказывалось от своего права наказывать злоупотребления помещичьей властью».^[300]

Владельческие крестьяне были кем угодно, но не рабами, и их «крепость земле» вовсе не означала одновременной «крепости владельцу».

Да, помещики и владельцы вотчин нарушали их права — продавали без земли, меняли на холопов, разбивали семьи. Историки справедливо отмечают, что таких случаев становится больше к концу XVII столетия. Но помещик, разлучавший супругов, чтобы повернее добраться до понравившейся ему молодки, и вотчинник, менявший крестьянина на холопа, очень хорошо знали, что они теперь — преступники. И что если они не поберегутся, их действия будут иметь для них же самих весьма плачевные последствия.

Зверюга Салтычиха, упоминавшаяся в начале этой главы, была приговорена к смертной казни.^[301]

Правительство за такие антикрестьянские преступления и ссылало, и секло кнутом, и уж во всяком случае, отнимало поместья. А с их исчезновением у помещика пропадали и средства к существованию, и общественное положение. Закон владельческого — крепостного

крестьянина в определенной степени ЗАЩИЩАЛ.

Но по большей части защищать никого и не приходилось. Наши представления о крепостном праве весьма далеки от действительности. Уже сейчас некоторыми исследователями высказывается мнение, что крепостное хозяйство было крестьянско-помещичьим кондоминиумом, что крестьяне и помещики, встречаясь в одной церкви, не могли всерьез быть антагонистами, по крайней мере такими, как их представляла марксистская историческая наука.

Возможно, в будущем такое представление станет общепринятым. «Патриархальное крепостное право, будучи мягким по своим формам, амортизировало социальный протест.^[302] Поместье не город, где можно вызвать полицию, а место относительно глухое. Помещичья жизнь едва ли была бы возможна, если бы господа не придерживались неписаных, но для всех очевидных нравственных законов», — считает Александр Горянин. В 1846 году помещик Малоярославецкого уезда Калужской губернии Хитрово был убит своими крестьянками, причем следствие установило, что женщины сделали это в ответ на его домогательства. Но вот что важно, цитирую: «Уездный предводитель дворянства за недонесение о дурном поведении упомянутого помещика предан суду».

Во владениях монастырей и крупных феодалов было крестьянское самоуправление. В уставной грамоте Соловецкого монастыря, данной крестьянам села Пузырево Бежецкого Верха, сказано: «Судити приказчику, а с ним быти в суде священнику да крестьянам пятмя или шестмя добрым и середним».

Спрошу только одно: а чем же эти пять или шесть «добрых крестьян» — не присяжные заседатели?! Разве что тем, что число людей другое. А почему присяжных должно быть именно 12 человек? Потому что в Европе так повелось? или потому что в хорошем фильме их именно 12?

В наказе по управлению вотчиной, которую дал боярин Б.И.Морозов в 1651 году приказчику села Сергач Нижегородского уезда, читаем: «И ведать ему крестьян моих и бобылей и судить с старостою, и с целовальниками, и с выборными крестьянами. А велеть крестьянам всею вотчиною к моим ко всяким делам выбрать 10 человек, крестьян добрых и разумных и правдивых, которым с ним, с приказчиком моим, у дела моего быти... А судить ему крестьян и бобылей вправду, правого виноватым не чинити, а виноватого правым. А где доведетца иттить на землю у крестьян или на меру, и ему ходить со старостою и с целовальником и с выборными крестьяны и розводить вправду».

Очевидно, и тут в общине появляется какой-то новый элемент

демократического самоуправления: выборные люди, которых контролирует «общество», и которые несут на себе судебные и административные функции.

Но это было в каждой отдельно взятой деревне. А на уровне всей страны существовал нигде не записанный, никем не утвержденный, но от того не менее действенный общественный договор. Все служат государству. Дворянин — своей шпагой и кровью. Крестьянин — трудом своим. От работы всей крестьянской общины зависело, что за сабля, что за конь будут у защитника Отечества. Сегодня он может и бездельничает, разгуливает по парку. А завтра он собрался-подпоясался — и на войну. Ворочается через несколько месяцев, а то и лет — весь израненный, а то и калечный, как старый комендант крепости из пушкинской «Капитанской дочки». Или вообще останется гнить в чужой земле.

Каждый делает свое дело, у каждого своя ответственность и свои обязанности перед страной. И все это понимают.

Крестьяне у него — как бы «временно» в управлении, чтобы опять же Государю было легче армию содержать. И землю («двор») государь своему служилому человеку тоже «временно» дает, пока тот служит. Если сыновья пошли служить, оставит «поместье» за ним и дале.

Нет сыновей, так выделит вдове с дочерьми десятую долю мужева имения на прокорм, остальную землю вместе с крестьянами отберет в казну.

Притом от века велось так: чем больше у дворянина земли, тем больше он и вооруженных ратников должен на войну отправить. Больше доходов — больше расходов. Справедливость.

И сам помещик непременно должен воевать, а в мирное время — служить. И сыновья также. Особо строго при Петре стало: коли донесут, что уклоняется дворянин от государственной службы, али сына скрывает, не хочет отроком на учебу в столицу отправлять, — все, конец ему. «Уклониста» — в кандалы, имущество — пополам: в казну и доносчику.

Получалось, что жизнь у дворян сытая, да опасная. А свободы — не сильно больше, чем у крестьянина на земле.

Потому, когда 18 февраля 1762 года был объявлен Манифест о вольности дворянства, крестьяне этого не поняли. Точнее, сочли странным то, что теперь дворяне превращаются в узаконенных бездельников, не обязанных служить. Им, значица, воля вышла, а нам что? Впрочем, обида пришла позже, а поначалу были ожидания — вполне логичные. «Многие крестьяне посчитали, что с этого момента крепостное право стало незаконным, и стали ждать следующего указа — о вольности

крестьянства, — отмечает исследователь Александр Горянин. — Ждать им пришлось 99 лет и один день».

Хотя, конечно, не у всех хватило передаваемого из поколения в поколение терпения. Через десять с небольшим лет огромные территории — Оренбуржье, Урал, Западную Сибирь, Среднее и Нижнее Поволжье — охватило восстание Пугачева. Крестьяне не простили нарушения неписаного общественного договора.

Посадские люди

В Московии в сравнении с крестьянами очень мало горожан — посадских людей. Среди них встречаются богатые купцы, ворочающие десятками тысяч рублей — сказочные деньги для времен, когда за рубль покупали корову, за два или три рубля — избу. По мнению Василия Котошихина, число таких купчин «близко 30 человек».

В их числе и новгородский купец Иван Посошков, автор интересной книги, лютей враг преобразований Петра.^[303] Это и псковский купец Сергей Поганкин, построивший для себя огромный трехэтажный дом. Сейчас в Поганкиных палатах (таково официальное название этого старинного здания) находится Псковский исторический музей.

Таких купцов правительство вводит в курс государственных дел, советуется с ними, относится к ним очень уважительно. Котошихин пишет: «А бывают они гостиним именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиных казны, и в таможенных, и на кружечных дворах». Но их всего три десятка.

Остальные, менее богатые, объединены в «суконной сотне» и в «гостиной сотне», а всего их порядка 200–250 человек. Эта цифра, конечно, показывает число глав больших семей, «большаков» купеческого звания. За каждым стоят десятки членов его семьи. Вся мужская часть этой семьи-общины помогает главе управляться, участвует в делах.

«Меньших» же посадских людей в Москве и в провинциальных городах, мелких купчиков и ремесленников с достатком и без достатка нет и 300 тысяч.

В общем, горожан мало. А дел у них много.

Московское государство использует посадских людей не только для уплаты государевых податей. Это государство имеет обширнейшее хозяйство со множеством натуральных и денежных сборов и системой казенной торговли. Кто мешал под это хозяйство завести целую армию

специальных чиновников?! Не мешал-то совершенно никто, но ведь чиновникам надо платить... А тяглые посадские общества были обязаны поставлять правительству кадры бесплатных и притом достаточно квалифицированных, умеющих писать и считать работников.

Масса помощников государства на общественных началах занималась такими важными делами, как сбор таможенных и проездных пошлин на мостах и перевозах, разных натуральных платежей. Множество их заведовало казенными промыслами — винными, хлебными, соляными, рыбными и так далее. Царские «общественники» торговали казенным товаром. А до того собирали его, сортировали, везли и распределяли...

Для правительства это был хороший способ получить даровые услуги со стороны посадских. Но для самого городского населения повинность оборачивалась своего рода кооперацией с правительством, — такой же, какая была свойственна для уездного населения. Получается, что и с горожанами правительство делилось властью. Целовальник — это ведь общественное лицо, а не чиновник. И при этом блюдет он государственный интерес.

Таким образом, государство делилось со своими подданными не только административными функциями, но и — скажу красиво — ответственностью перед страной.

Привычка к этой ответственности проявилась на Земском соборе 1649 года. До Соборного уложения и монастыри, и отдельные феодалы могли владеть своими слободами. Жители «белых», частновладельческих слобод занимались теми же ремеслами и торговлей, что и жители «черных», тянувших тягло государеву. Но при этом не платили податей государству. «Белые» оказывались в очень выигрышном положении. «Черным» посадам конкурировать с ними было трудно.

И вот на Соборе 1649 года посадские просят уравнивать в правах «белых» и «черных». Они же просят правительство, чтобы все посадские «тянули тягло» и не имели права самовольно выходить из посадов, не могли бы продавать своих домов и лавок нетяглым людям.

Иностранные ученые, такие как Биллингтон и Пайпс, видят в этом проявление рабской сущности русских: получается, горожане сами просят себя закрепостить!

В действительности же посадские люди действуют и в собственных интересах, и одновременно в интересах своего государства! Они заботятся о своевременной уплате податей и несении повинностей и о справедливом разделении тягот внутри общин. Всем придется платить поровну, а значит, никто не будет обижен. Решение принято на Земском соборе, в том числе и

голосами самих посадских. Очень демократичное решение.

Нетяглое население

Московию принято считать «тяглым» государством, в котором не было никакой личной свободы. Так описывал его В.О.Ключевский, и современный «любитель» нашей истории Р. Пайпс охотно ссылается на него: русский историк «сам сознается!».

Но легко увидеть: как только ослабевает внешняя опасность, исчезает вероятность новых татарских набегов, так в русской жизни набирает силу демократическая струя.

«Судебник» Ивана III 1497 года знает только две группы населения. Тяглые люди, которые платят подати и тянут тягло, и служилые люди, которые правят государеву службу.

А вот «Соборное уложение» 1649 года знает три основные класса общества: служилые люди, уездные люди и посадские люди.

А есть еще и духовенство, около 200 тысяч человек, имеющее совершенно особые права и обязанности.

Внутри трех основных сословий выделяется множество более мелких групп, порой очень различных. Они тоже не все тянут тягло (те же бобыли вовсе не тянут, а занимаются индивидуальным предпринимательством). А между этих групп, по выражению В. О. Ключевского, «оставались промежуточные, межеумочные слои», которые «не входили плотно в их состав и стояли вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу».^[304]

Это холопы, которые тоже очень не одинаковы. Кто-то из них напоминает слугу двух господ Труффальдино из Бергамо. Кто-то — Герасима, который идет топить Му-му.

Это безместные попы, архиерейские и монастырские слуги и служки.

Это вольно-гулящие люди, или «вольница». Те, кто не находился в зависимости от частных лиц и в то же время не был вписан в государевы тяглые волостные или посадские общины.

Если произвести простые расчеты, то получится интереснейшая цифра: в XVII веке в Московской Руси живет не меньше пятисот тысяч **НЕТЯГЛЫХ** и **НЕСЛУЖИЛЫХ** людей!

Добавим к этому числу еще и полтора миллиона свободных сельских обывателей — черносошных крестьян. Итого — в Московии живут два миллиона свободных людей.

Отметим и пестроту общественного состава.

Сосуществуют множество групп, которые различаются по своим правам и обязанностям, по степени своей свободы и по богатству.

А чем больше внутреннее разнообразие общества, тем шире основа для демократии.

Бюрократия

Московия знает богатейшие традиции местного самоуправления, избрания должностных лиц и сотрудничества демократически избранных органов власти с бюрократией. Причем бюрократия очень слаба.

Централизованные бюрократические учреждения сложились на Руси очень поздно — в XVI веке, при Василии III. Это система приказов. Раньше приказом называли канцелярию, которую заводил боярин для выполнения царского поручения.

Теперь приказы стали особыми учреждениями, и перестали зависеть от какого-то отдельного лица.^[305]

Их система подчинялась непосредственно Боярской Думе и лично царю. Самыми важными приказами командовали думные бояре и окольничие, а приказами менее важными — думные бояре и дьяки.

Поскольку эти учреждения возникли не по одному плану, а появлялись постепенно, по мере надобности, с усложнением административных задач, то распределение правительственных дел между ними представляется чрезвычайно неправильным и запутанным.

В деятельности приказов смешивались судебные и административные функции, а ведомственный принцип самым причудливым образом смешивался с территориальным. Система приказов вовсе не образовывала стройного единства, и функции между ними разграничивались крайне плохо.

Существовал Разбойный приказ — для ведения уголовных дел. А одновременно с ним существовал Сибирский приказ. И какой из них должен был вершить суд над разбойником, промышлявшим с кистенем под Тобольском или под Томском?

К середине XVII века насчитывалось до 80 приказов, а в каждом из них был свой штат — от 3 до 400 человек. Всего в Москве в 1640 году было 837 приказных людей.

В 1660-е годы во всем государстве было порядка 100 дьяков и 1000 подъячих. К концу XVII века число приказных в Москве возросло до 3

тысяч человек. Но и этот «распухший аппарат» представлял собой совершенно ничтожное число чиновников для управления таким большим государством!

Во Франции с ее 20 миллионами населения в конце XVI века только на службе короля было не менее 30 тысяч чиновников. А еще примерно такое же число профессиональных юристов считались «людьми свободных профессий», то есть кормились в режиме свободного рынка, но тоже были очень важным элементом системы управления страной. Получается, в Московии на душу населения приходилось в десять, даже в пятнадцать раз меньше чиновников, чем во Франции!

Удивления достойно это чиновное малолюдство. Страна с населением в 10–12 миллионов человек управляется тысячей чиновников! От силы 3 тысячами...

Это стало возможным только потому, что государство опиралось на местное самоуправление. Но самое удивительное, что иностранные критики порядков Московии совершенно упустили из виду это важнейшее обстоятельство! Впрочем, этому-то как раз не стоит удивляться.

Наши предки, «привыкши» управлять самостоятельно, общественный статус чиновника считали за «тьфу». В Европе быть чиновником было необычайно престижно. В том числе в Британии, гордящейся без меры своими демократическими традициями. Не будем и говорить о высочайшем положении чиновничества в странах Востока. Даже в Японии, самой демократичной из восточных стран, чиновники находились в особо большом почете. Стать чиновником в Китае было счастьем для всякого, управление страной велось исключительно бюрократическими средствами. Извините, но за возможность сыну попасть в элитный круг чиновников «императорской администрации» китайские родители нередко САМИ отдавали свое дитя на кастрацию. Ведь у евнуха шансы занять почетный и, главное, доходный государственный пост были несравненно выше, чем у нормального здорового мужчины.

И в Индии, в мусульманском мире чиновник был важнейшим человеком для государства и очень уважаемым членом общества. Но не в России.

Общее мнение о «приказных крючках» в Московии было таково, что публика это нечестная, вороватая, ведет себя «не по правилам», и вообще люди в приказах сидят нехорошие. Приказных обвиняли во множестве грехов. В покупке должностей. В небескорыстном отправлении суда и предвзятом трактовании закона. В том, что они делились неправыми доходами с высшими, и высшие покрывали их. Взятничество и рвачество

«приказных» возмущало людей чрезвычайно. В фольклоре образ дьяка — один из самых непривлекательных.

Что же говорить о подьячем?

«Я не подьячий породы собачьей, не стану бросаться да лаяться», — такую поговорку записали русские фольклористы еще в XIX веке, когда про эту чиновную должность уже никто и слыхом не слыхивал.

«Подьячего бойся и лежачего», — из той же оперы.

Аристократический принцип

Служилые люди Московии, ее армия, намного больше уважаемы в народе. Но и служилых мало: около 300 тысяч на всю страну. Из них помещиков — порядка 30 тысяч, и еще столько же имеют такие же права, но не имеют земли.

Во Франции дворян порядка 1 миллиона: 5 % всего населения. В Московии — 60 тысяч, то есть 0,5 %.

Верхушка аристократии — бояре, имевшие не поместья, даваемые на время, за службу, а вотчины, переходившие по наследству. Боярских родов было от 30 до 40, потому что людей постоянно возводили в бояре за заслуги. Знатнейших родов из них — 16. Общее число взрослых мужчин во всех этих родах в середине XVII века не превышает и 300.

Во Франции того же времени мы видим до 1000 семей титулованного дворянства. Активного мужского населения в них до 12 тысяч человек.

Получается, аристократов «на душу населения» во Франции в 25 раз больше, чем в России!

Согласно исследованиям А. Буровского, во Франции того времени вообще редко возводили в дворяне, — дворянами в основном рождались. В Британии эсквайром считался всякий, у кого доход был больше 40 фунтов стерлингов в год. Но и в Британии лордами рождались и почти никогда не становились.

А в России это было возможно!

Аристократия заседала в совещательном органе при царе: в Боярской Думе. И была Боярская Дума сравнительно... демократична по составу.

При Алексее Михайловиче из 60 членов Думы было 5 бояр, не принадлежащих к знатным родам, 5 думных дворян и 4 думных дьяка. Итого, из 60 человек 14 имели вовсе не аристократическое, а «демократическое» происхождение.

При сыне Алексея Михайловича, Федоре Алексеевиче, в 1688 году,

уже 35 из 57 членов Думы были выдвиженцами, которые сами сделали карьеру.

В британскую Палату лордов попадал всякий, кто наследовал потомственный титул пэра.^[306] Конечно, какой-то процент лордов король вводил в нее «за особые заслуги», пожизненно. Но таких пэров в Англии было гораздо меньше, чем думных дьяков в составе Боярской Думы.

Земские соборы — наши Генеральные штаты

Инструментом учреждения власти и связи власти с народом выступают Земские соборы. Почему-то считается, что они полностью зависели от царя, и что их полномочия были совершенно декоративные, значительно меньше, чем у британского парламента, Генеральных штатов во Франции или кортесов в Испании.

Мнение иностранцев для нас не столь уж важно, но все-таки любопытно, что они, бывая в Москве в XVI–XVII веках, сразу понимали, что такое Земский собор. Для польского подданного Филона Кмиты Собор 1580 года — сейм, англичанин Джером Горсей называет собор 1584 года парламентом, ливонский дворянин Георг Брюнно признает собор 1613 года риксдагом.

Немец Иоганн-Готгильф Фоккеродт приходит к выводу, что это был «род сената».

Русский посланник в Англии в 1646 году Герасим Дохтуров описывает английский парламент со сходной симметрией: «Сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей». Бояре — по-английски лорды.

400 лет назад понимание было, а потом — раз, и исчезло...

С. Иванов «Земский собор».

Земский собор — прообраз Съезда народных депутатов Всей Руси.

Пайпс в своей книге даже утверждает, что Земские соборы не издавали законов, и потому вообще не могут быть сравнены с парламентами Европы. Это уже полное вранье, потому что многие Соборы только законодательству и были посвящены. Собор 1648 года созван для такого важнейшего дела, как выработка Соборного уложения 1649 года, — самого полного свода законов Московии.

Именно на Соборах были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI-XVII веков: Судебник 1550 года, «Приговор» собора первого ополчения 1611 года, Соборное уложение 1649 года, «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 года.

Полномочия Земских соборов были не меньше, а БОЛЬШЕ, чем

Генеральных штатов во Франции. Они МЕНЬШЕ зависели от монарха, нежели английский парламент.

Действительно: только в начале XVII столетия, через пять веков после своего появления, британский парламент де-факто стал основным элементом в системе управления страной. Только в XVII веке законодательная власть бросила вызов власти короля и попыталась непосредственно контролировать исполнительную власть.

В Московии же уже первый Земский собор, который Иван Грозный созвал в 1549 году, намечал ход судебных и финансовых реформ, «приговаривал» налоги, то есть участвовал в управлении государством.

Стоглавый собор 1551 года провел важнейшие церковные и административные реформы.

Земской собор 1566 года «приговорил» Ливонскую войну: даже такой диктатор как Иван Грозный не начинал военных действий без формального согласия Собора.

Так как теперь предполагались новые большие расходы, пятую часть «депутатского корпуса»^[307] составляло купечество. В стране разворачивался кровавый террор опричнины, и при этом, как ни парадоксально, развивалась представительская демократия. Как все у нас неоднозначно! Причем тогда некоторые депутаты выступили против ведения войны и при этом, что характерно, не подверглись никаким репрессиям.

На соборах шло активное и свободное обсуждение важнейших государственных вопросов. Не замечать это можно только в одном случае... Юристы называют такой случай «презумпция виновности». Ведь Пайпс, как и многие другие предвзятые исследователи русской истории, заведомо «знает», что Земские соборы хуже парламента, и что демократия русским не свойственна. И не обращает внимания ни на что, идущее вразрез с его «презумпцией». Если факты противоречат умозрительной гипотезе, тем хуже для фактов!

Британский парламент в ожесточенной борьбе с королем отвоевывал себе право создавать все более значительные законы: шагок за шагом. Земские соборы изначально были созданы именно с такой целью: и царь, и правительство хотели опираться на мнение и волю всей Земли. Царь самолично и Боярская Дума вместе с ним принимали менее важные решения. Получается, в Московии соблюдался один из важнейших принципов демократии: никакой вопрос, касавшийся свободного человека, не решался без его участия.

К тому же получалось так, что социальная опора Земских соборов

была несравненно шире социальной базы британского парламента — не говоря о Генеральных штатах.

В состав Земских соборов входили три элемента:

«Освященный собор» из представителей высшего духовенства;

Боярская дума;

Представители служилого и посадского классов и черносошных крестьян (обычно около 300–400 чел.).

Установился обычный порядок работы собора — обсуждение проблем, которые ставит царь, по «чинам» и по группам. «...и всяких чинов служилым и жилецким людям помыслить об том накрепко и государю царю... мысль свою объявити на письме, чтоб ему государю про то все было известно». Обсудив вопрос, группа подавала свою письменную «скаску» (от слова «сказывать»). Историки очень любят работать с такими «скасками», потому что по ним очень легко судить, что же волновало разные группы посадских, служилых, черносошных людей.

Конечно, будем объективны: не выбирали своих представителей владельческие крестьяне, холопы и «вольница». Но и в Британии ведь тоже ни слуги, ни пираты не имели своих представителей в парламенте.

Но и служилые люди, и «гости», и посадские, и черносошные люди на своих, как теперь говорят, корпоративных или на волостных сходах выбирали представителей на Земские соборы.

Получается, что в Московии на Земской собор выбирали своих представителей равных по количеству примерно 15–16 % населения. Это существенно больше, чем в Британии.

Действительно, откуда взялась современная байка про то, что британский парламент представляет БОЛЬШИНСТВО населения?! Это справедливо разве что для XX века.

Только в 1929 году все существовавшие до тех пор ограничения по «имущественному цензу» отменялись. Только после этого действительно почти все взрослые британцы стали выбирать кого-то в парламент. Но вот что интересно: как раз после Первой мировой войны реальное значение парламента, как считают сами британцы, резко убывает! По сути его роль сводится к поддержке кандидатуры лидера победившей партии на пост премьер-министра.^[308]

После этого вся власть по сути оказывается у правительства. Таким образом, выходит: большинство британцев получили доступ к участию в уже потерявшем свое значение политическом институте! Легко давать то, что теряет свое значение... А вот до этого, в XVIII-XIX веках, в годы расцвета парламентаризма, лишь МЕНЬШИНСТВО нации избирало и тем

более могло быть избрано. Причем весьма значительное меньшинство.

Даже для того, чтобы быть включенным в списки избирателей, нужен был некоторый уровень благосостояния. Не только полные люмпен-пролетарии, но и большинство работавших по найму не имели доступа к избирательным урнам. Такое положение сохранялось вплоть до первых успехов чартистского движения, то есть до 1830–1840-х годов. И даже тогда не больше третьей части взрослых мужчин-британцев могли выбирать своих представителей в парламент.^[309]

В XVII же веке всего 2 % англичан имели «активное избирательное право», то есть право выбирать в парламент своих представителей. 2 % издавало законы, по которым жили все 100 %. 98 % населения подчинялось 2 %. А реальную возможность быть куда бы то ни было избранным имели значительно меньше 1 % населения страны, — такая вот «демокраси».

Александр Горянин, автор в высшей степени примечательной книги,^[310] подсчитал, что во Франции до 1849 года право голоса имели 2 % населения, в Испании эта цифра в 1854 году чуть превышала 0,2 %, а Японии, где первые выборы состоялись в 1891 году, правом голоса благодаря налоговому цензу в 15 йен обладал 1 % населения.

1648–1649 годы судьбоносны в жизни как Англии, так и Московии, но вот события происходили совсем разные.

В конце 1648 года закончилась вторая гражданская война, то есть война между королем и парламентом, и в январе 1649 года король Карл I был казнен. Произошли события невиданные и неслыханные — казнь законного монарха! Объявление Англии республикой! Попытка сделать парламент правящим органом! Завязался клубок проблем, в которых «океанический остров», по определению Ильина, будет барахтаться не одно десятилетие.

В Московии же в 1648 году созвали Земской собор для создания нового законодательства — Соборного уложения 1649 года (поэтому оно и называется «соборным»). Дело в том, что до этого тексты законов в Московии не печатали, и население их вполне могло и не знать.

«Зато» законы превосходно знали приказные «крючки»,^[311] и уж, конечно, пользовались своим знанием безбожно. Ведь «кто владеет информацией, тот владеет ситуацией», эта поговорка была действительна и триста, и четыреста лет назад.

Или проще: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»...

На совещании царя с боярами и высшим духовенством было решено законы «написать и изложить, по его государеву указу, общим советом,

чтобы Московского государства всяких чинов людем, от большего до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна».

Идею «всем равных суда и расправы во всех делах» требовали чартисты в Британии XIX века. И то получили далеко не все, что просили. А у нас само правительство, по крайней мере формально, хочет именно этого! И не в XIX веке, а в XVII!

Осенью 1648 года выборные от всех областей государства собрались в Москву для «вершения» важного «государева и земского дела». Привезли указы от избравших их обществ. На мой взгляд, очень важно, как считают многие исследователи, что не известно ни одного случая, когда бы такой указ не был включен в текст Уложения. А было их до 60 — этих новых статей или пунктов, внесенных «соборными людьми».

Уложение было подписано представителями высшего духовенства, начиная с патриарха, боярами и выборными людьми — всего 315 подписей, «чтобы то Уложение впредь было прочно и недвижно». Текст Соборного уложения напечатали огромным для того времени тиражом — в количестве 2400 экземпляров и разослали по всему государству.

Таким образом, 1649 год оказывается некой вершиной в работе и парламента Англии, и Земских соборов Московии. Только вот характер достижений совсем различен, и как раз для Земского собора — это вершина законодательной деятельности. Английский парламент как-то больше рубит головы.

Стоит всерьез заняться историей, и разлетаются вдребезги стереотипы, сложившиеся под влиянием политической конъюнктуры.

Историки и России, и Запада часто говорят об «ослаблении роли Земских соборов» при Алексее Михайловиче. Этим историкам кажется очень важным найти в России те же черты общественного развития, что в странах Европы. Был в Европе абсолютизм? И на Руси должен быть! Если его нет, это даже как-то обидно за Россию... Неполноценность какая-то.

А западные историки и сами думают так же, и опираются на мнения российских историков. Они не хотят замечать, что различия — скорее в пользу России. Раз уж мы ищем в истории развитие демократических институтов, то на тот момент по справедливости Московия опережает Британию.

Тезис об отмирании соборов опирается на то, что Земские соборы регулярно собирались до 1653 года. С этого времени их созыв делается нерегулярным, эпизодическим.

Но Земские соборы все-таки собираются! Последний из них состоялся в 1684 году: он «приговорил» вечный мир с Польшей. [\[312\]](#)

Всего за 135 лет (1549–1684) их было созвано 57.

Только переворот Петра I в 1689 году покончил с Земскими соборами. Хотя и самого его в 1682 году успело избрать — вместе с братом Иваном V — собрание в составе духовных и выборных. На тот момент соборы приняли такую усеченную форму.

Причина же нерегулярности в созывах после 1653 года очень проста: в 1654–1667 годах все внимание и все силы общества и правительства были поглощены войной с Польшей. Она началась после того, как Земский собор в Москве принял решение о включении Украины в состав России. Но и в этот период правительство несколько раз созывало «добрых и смысленных» представителей служилых слоев или торгово-промышленных слоев для обсуждения каких-то частных вопросов. Русская общественная жизнь вообще была очень пластична. Формат высшего учредительного и совещательного органа за почти 150 лет своего существования менялся много раз.

В условиях долгой жестокой войны созыв хоть какого-то собора свидетельствует не об «ослаблении принципа», а, скорее, о его неискоренимости. Власть настолько привыкла опираться на коллективное мнение народа^[313] при принятии любых решений, что даже во время войны стремится его узнать, а уже потом действовать!

И вот это желание знать мнение подданных, стремление опираться на мнение разных общественных групп, есть очень яркий признак демократии.

Общественная мобильность

И возвышение крестьянина, ставшего патриархом Никоном (на определенном этапе — реальном соправителе государства), и обогащение Строгановых, и карьеры многих служилых и приказных людей из народа не уникальны для России. Похожие примеры можно найти и на Западе, и в странах Востока. Везде или почти везде могли оценить интеллект, способности, деловую активность отдельного человека. И привлечь его к принятию решений или получить от него оценку того, что делает или намерена сделать власть.

Чем более развито общество, чем оно динамичнее, тем важнее для власти привлекать к себе умных людей, — в том числе и тех, которые вышли вовсе не из его верхов. В Африке или даже в Индии с ее кастовым строем для общества не так уж важно развитие. Там примеров выдвижения

людей из низов было немного.

Примечательно, но даже в наше время современные президенты и министры в странах Африки при формально демократическом строе — всегда ставленники крупных знатных родов. В демократической независимой Индии они всегда представители «высших» каст.

Правительство Индии официально давно объявило все касты «равными перед законом», но в представлении абсолютного большинства людей касты все равно вовсе и не равны друг другу. И назначение на должность талантливого «неприкасаемого» в обход может быть и не столь одаренного, но брамина, это почти фантастика. Да что говорить: посмотрите на «список» руководителей Индии после освобождения от британского владычества. Это конечно все умные и красивые люди (высшей касты, кстати), все исключительно демократически побеждают на честных выборах... Дж. Неру (отец) — Индира Ганди (дочь) — Раджив Ганди (сын) — Сони Ганди (невестка). Только вот как-то это больше похоже на династию...

Если общество более динамично, таланты людей гораздо более востребованы. Уже в средневековом Китае сложились совсем другие представления о справедливости. Там считалось почти безнравственным, если талантливый человек не становился чиновником и если его таланты не вознаграждались.^[314] Контроль за умственными способностями чиновников был высочайший, не в пример, кстати, российской традиции. Достаточно вспомнить сложную систему экзаменов и аттестаций, которые издавна должны были проходить в Китае профессиональные бюрократы.

Но и в Китае никому даже в голову не приходило, что власть должна спрашивать мнения тех, на кого направлены ее действия. Обсудить новый закон... Затем еще раз его обсудить... Привлечь к обсуждению как можно больше интеллектуалов, а потом еще раз все осмыслить... Это еще оправданные, «правильные» действия по представлениям Китая: чем власть «умнее», чем больше «совершенномудрых» принимают участие во властных делах, тем лучше. Но при чем тут суждения тех, кто призван только исполнять, исполнять и еще раз исполнять?! Пусть учатся и сами входят во власть, тогда и будут рассуждать. Бюрократия в Китае властвует абсолютно. Монархия считается с бюрократией, опирается на нее. Но не на волю народа!

Даже принимая решение, которое напрямую касалось крестьянства или городских купцов, обсуждая ставки налогов или натуральные повинности, китайскому императорскому правительству не пришло бы голову спросить: а что они сами об этом всем думают?

Ни в одной стране Востока — ни в богатом, культурном Китае, ни в древней мудрой Индии, ни на мусульманском Востоке, словом, нигде, кроме Европы, законы не вырабатывались демократическим путем. Те самые законы, по которым потом будет существовать общество. Общины умели управлять собой сами. Но в масштабах государства законы принимались демократическим путем только в Европе.

На Западе, как мы уже видели, везде соединяются непосредственная демократия низового самоуправления, аристократия, монархия и сложные демократические формы управления всем государством.

В России — такое же сочетание. Но у нас все же демократический принцип сильнее, чем в любой другой стране мира. В Московской Руси действует мощный механизм самоуправления в масштабах всего огромного государства. Подданные московского царя участвуют в выработке законов.

Земские соборы: от «Общественной палаты» к «Съезду народных денугатов», или Как избирали Романовых

Никогда британский парламент не УЧРЕЖДАЛ новую династию. Никогда не было официально признано, что парламент выбирает или приглашает на место монарха нового короля.

Однажды он, правда, распорядился престолом: позвал на правление Ганноверского курфюрста. Но это было со стороны парламента не осуществлением законных полномочий, а закулисной сделкой, к которой избиратели не имели никакого отношения.

Точно так же и Генеральные штаты никогда не выбирали нового короля, не сажали на трон представителя новой династии, далее не утверждали выбора, сделанного аристократами.

А вот Земской собор выбирал нового царя.

Некоторые соборы носили УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ характер! В 1584 и в 1598 годах Земские соборы собирались для избрания новых царей: Федора Ивановича и Бориса Годунова. В 1606 году собор избрал царем Василия Шуйского (а в 1610-м лишил его престола). В грозном 1612 году Земский собор, находясь при ополчении Пожарского, составлял правительство государства — именно собор, а не Дума.

Во время Смуты роль Соборов очень возросла: по прямой мужской линии пресеклась династия Рюриковичей. Земля заявляла свою волю в условиях ослабления монархического принципа.

Земля не хотела делаться республикой, она стремилась избрать новую

династию. В точности как в некоторых полисах избирали царей. Аристотель считал такой способ правления «хорошим»: ведь монархия становилась изъявлением воли народа!

Так же точно и Романовы возглавили престол потому, что их избрала земля — то есть народ. Однако историки никогда не обращали на этот факт должного внимания, особенно советские, разумеется, историки, в СССР.

А ведь в 1613 году в России состоялась настоящая избирательная кампания!

Существовало огромное число претендентов на престол, в общей сложности до 30 кандидатов. Многие силы на Руси хотели позвать на царствование пусть и иноземного, но «природного государя». Логика монархическая: раз уж свои собственные государи повымерли, надо позвать другого «истинного царя», а не выходца из «холопов государевых».

На трон Московского государства претендовал польский королевич Владислав. Его, кстати, во время Смуты возвели на московский престол вполне законным образом (хоть и «заочно»), и называть себя русским царем он имел совершеннейшее право. [\[315\]](#)

Другой иноземный «природный царевич» — шведский принц Карл Филипп. Боярская дума предложила ему царский венец, но с условием перейти в православие и соблюдать обычаи страны. Карл Филипп отказался.

А из своих были просто толпы кандидатов! И все имели по тем понятиям «законное» право быть царями. Все — князья, все хоть в очень отдаленном, но родстве с Рюриковичами.

Все — имеющие патриотические заслуги времен Смутного времени.

Между этими претендентами развернулась самая настоящая, вовсе не бутафорская предвыборная баталия.

Царем хотел стать Д. М. Пожарский, о котором сказано: «Воцарялся и стоило это ему в двадцать тысяч».

«Воцариться» пытались и такие известные аристократы, как князья Д. М. Черкасский, П. И. Пронский, И. В. Голицын.

Признанный казачий вождь князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой вел активнейшую избирательную кампанию. По свидетельству современника, «учреждаше столы честные и пиры многие для казаков и полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе во двор по все дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтобы ему быти на России царем, йот них казаков похвален же был».

Однако такой подкуп избирателя в английском стиле на нашей почве плодов не дал. «Казаки же честь от него принимающе, ядяще и пьюще и

хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющиеся его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачей...»

Когда казаки в феврале 1613 года вломились на Земский собор и потребовали присяги Михаилу Романову, бедный Трубецкой не в шутку заболел: «лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего».

До сих пор спорят, почему выбор пал именно на Михаила Романова. Мнений у историков столько же, сколько самих историков. Но вот что несомненно: Михаила избрали голосами более чем 600 представителей, в том числе от посадских людей и черносошных крестьян.

Вступая на престол, Михаил не заключил с подданными никакого договора. Конституции, к сожалению, не возникло. Правда, некоторые источники упоминают некий документ. Якобы при вступлении на престол Михаил Федорович дал какую-то «запись» с определенными обещаниями. Но ни текста самой «записи» у нас нет, ни даже более подробного описания, что же именно обещал делать (или не делать) царь. Может быть, давал обязательство править, созывая Земские соборы? Можно долго гадать о том, давал ли он «запись» за одного себя или за себя и за своих потомков. Только что толку? В истории Руси появилась еще одна тайна — тайна документа, который будто бы был составлен при вступлении Романовых на престол.

Но даже если и не было никакой «записи», все равно самым фактом избрания царя землей «земщина» была поставлена выше, чем сам монархический принцип. Царь правил землей, а земля избирала себе царя и устанавливала династию.

Но вернусь к сравнительному тезису: ни во Франции, ни в Англии никогда не было УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА. Вывод очевиден: Земской собор — даже более солидный институт народного представительства, с большими правами, чем парламент.

Подведем итоги

Для Пайпса и историков «антирусской школы» Московия — это «империя зла», примерно как СССР — для Рональда Рейгана. Но при всей жестокости и грубости многих, признаемся, сторон ее жизни, трудно видеть в ней «Московию зла», вместилище жестокости и дикости.

Неравенство в Московии, конечно же, есть. И его даже очень много.

Но неравенство существовало в те времена во всем мире. Существует и сегодня, причем, тоже абсолютно везде. Вопрос только в том, какие формы принимает неравенство, и насколько оно велико.

Как бы ни была деспотична власть монарха и аристократии в Московии, она, власть, — с ограниченным диапазоном действия. Ограничивает ее не писаная конституция, а традиция. В эту народную традицию входит и положение вещей, по которому земля, народ главнее монархии. Именно народ учреждал монархию в трудные для страны времена. Власть постоянно спрашивает мнение общества по сколько-нибудь значимым вопросам.

В ряде отношений народное представительство в Московии даже прочнее и охватывает больше людей, чем в Англии — так сказать, самой передовой стране XVII столетия.

Удивительная вещь получается. Получается, что Московия — едва ли не самое демократичное, по крайней мере — одно из самых демократичных обществ XVII века.

Глава 4

Демократия в Российской империи

Страшный удар по русской демократии

Реформы Петра I вызывают очень разное отношение. Для одних они — великолепный прорыв в будущее. Для других — разрыв культурной традиции, отказ от духовной самостоятельности России.

Но ВСЕ истории сходятся в двух важных пунктах:

Петр I преобразовывал общество и систему управления под влиянием идеи «регулярного государства».

Петр I разделил русское общество на две неравные части: на дворянство и на народ.

Идею «регулярного государства» разрабатывали немецкие ученые, среди которых главным следует назвать Готфрида Вильгельма Лейбница. По словам последнего, «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы». [\[316\]](#)

XVII и XVIII века в европейской науке — это время господства механики. Из всех разделов физики господствовала именно она, навязывая свое отношение к миру и другим наукам, и всей остальной жизни. Сама Вселенная выглядела как бы исполинскими часами. Ученым казалось, что и общество, и отдельного человека можно представить в виде простых механических схем, свести их деятельность к движениям самых элементарных геометрических фигур.

Научная школа «регулярного государственного строя» считала общество и государство простейшими механизмами. Причем государство должно было подавить общество и управлять абсолютно всем, даже пением птиц и журчанием воды. Регулярное государство на поверку оборачивалось тоталитарным.

Петр боготворил ученых-механицистов, он много лет переписывался с Лейбницем, встречался с ним во время зарубежных поездок.

Б.Франк «Лейбниц».

Большой любитель «идеального» государства, где все министерства — ведомства-службы «аки колесики в швейцарских часах» друг за друга цепляются и приводят в движение. В современных российских условиях мог бы претендовать на должность советника Д. Козака по «административной реформе».

В истории известно два государства, построенные согласно теоретическим представлениям. США изначально организовано согласно идеям Джефферсона.^[317] Второе государство — это Российская империя, построенная Петром согласно идеям «регулярного государства» Лейбница.

Очень часто высказывается убеждение (нередко в обвинительной риторике), будто то ли царь сам «научился» этим вредным и опасным идеям, то ли его «намеренно» научили. Убежденные «патриоты» чуть ли не с торжеством утверждают: вот, Петр заимствовал чуждые для России западные идеи, и потому все стало так плохо и печально. В этом, мол,

причина чудовищного роста бюрократии, сокращения населения, диких вывертов в культуре и первопричина — «механически заимствованные на Западе модные идейки». ^[318]

Но в «идейках» ли дело?

Московия весь XVII век заимствовала у Европы идею и воинского устава, и регулярной армии, и много прочего, включая зеркала и театр. Ничего кроме пользы, все это не принесло.

Вопрос в том, что именно, для чего и как заимствовать. Если слепо и некритично, ничего хорошего не получается.

Фактически Петр позаимствовал не только идеи «регулярного государства», но и идею колониализма. А как еще назвать политическую систему, при которой возвращается общество времен Судебника 1497 года с его разделением общества всего на два класса да еще с новой идейной подоплекой?

Служилые люди в России Петра I объявляются европейцами, носителями идей европеизации «кондовой» и «дикой» России. Они потому и служилые, что должны загонять в Европу всех остальных. Они должны брить бороды, носить европейскую одежду и знать немецкий, голландский и французский языки. И служить с пятнадцатилетнего возраста до глубокой старости или до смерти.

Тяглые люди — это все, кроме дворян и священников. Они потому и тяглые, что дикие и отсталые, им надо просвещаться и цивилизовываться.

Произошло колоссальное упрощение структуры общества и государственного управления. Страна оказалась отброшена почти на два столетия назад.

XVII век, период между 1613 и 1689 годами, — это время нарастания свободы.

Цель Петра состояла в том, чтобы взять у Европы ее технические достижения, какие-то внешние формы и притом осуществить мечту о построении «регулярного государства».

За 36 лет его правления, с 1689 по 1725 год, будет уничтожено многое, что поднималось весь долгий XVII век — ростки рыночной экономики, начатки личной свободы человека, разработанный свод законов, проекты освобождения крепостного крестьянства.

Российская империя 1725 года станет страной, в которой несравненно меньше свободы, порядка, богатства, личной независимости, чем было в Московии до Петра.

Дума, существовавшая с X века, упразднена. Личная свобода уничтожена во всех слоях, в обоих оставшихся общественных классах.

Горянин отмечает: «Петр отдал крепостных на произвол своих помещиков уже тем, что возложил на последних ответственность за поставку рекрутов и за сбор подушной подати. Еще важнее было то, что при Петре свободу действий утратили почти все. Дворяне под страхом наказания не имели права уклоняться от государственной службы, не могли перемещаться по стране по своему усмотрению».^[319]

В разоренной стране исчезнет то ли пятая, то ли даже четвертая часть населения, множество людей побежит в Сибирь, на Дон, в Великое княжество Литовское — куда угодно, только подальше от правительства России, ее столицы, ее царя, в 1721 году ставшего императором.^[320]

Громадность изменений налицо, нет возможности спорить. Оспаривать можно только направление этих изменений и их ценность. Поражает и громадность бедствий, и масштаб творимого почти открыто зла и разрушений. Не случайно же в народе, вовсе не в одной старообрядческой среде, Петра упорно называли Антихристом.

Громадность ущерба особенно поражает, если принять изначально точку зрения противников Петра, и считать направление «реформ» выбранным неправильно, а уничтожение наработанного за весь XVII век ничем не оправданным. Получается, что 36 лет страна шла в совершеннейшее никуда, постепенно разрушаясь, теряя сотни тысяч людей и расточая накопленные раньше богатства. А все больше и больше людей на Руси соглашались с такой оценкой, и нехорошее слово «антихрист» утрачивает эмоциональность, становясь чуть ли не диагнозом.

Но даже сторонники европезации по Петру и те вынуждены признать неоспоримое: цели, пусть даже посчитать их изначально благими, достигались совершенно чудовищными средствами. Хотя «достигались» — слишком оптимистично сказано. Говоря откровенно, при жизни Петра большая часть поставленных в рамках «Плана Петра» задач решена не была.

Европой так и не стали, но дух нации — растоптали, свободу — почти потеряли.

По словам вполне прозападного и пропетровского историка-либерала В. О. Ключевского, Петр «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешаемая у нас со времени Петра два века и

до сих пор неразрешимая».

Добавлю — эта квадратура неразрешима и по сей день, через 100 лет после Ключевского.

В царстве хаоса

Петр пытался внедрить в России очередную утопию. В России XVIII века произошло то, что всегда происходит при попытке осуществить на практике какие-то умозрительные идеи. На бумаге они могут выглядеть совершенно замечательно, но вот беда: пока никому не удавалось воплотить в жизни все так же чудесно, как спланировано на бумаге. А кроме того, для осуществления утопии приходится начинать с разрушения — уничтожать реально существующее,^[321] потому что оно мешает построению утопии, сопротивляется и прилагает все усилия, чтобы измениться как можно меньше.

Для того чтобы осуществить петровскую утопию, оказывается, необходимо уничтожить любую самостоятельность людей, любое самоуправление, любую независимость от властей. Ведь люди не хотят строить утопию, и если они будут независимы, если они смогут выбирать, то строить ее ни в коем случае не будут.

Петр последовательно уничтожал, разрушал то русское общество, которое сложилось после Смутного времени, существовало и развивалось почти весь XVII век.

За долгие годы правления Петра Россия перестала двигаться по своему естественному пути. Двадцать тысяч указов обрушились на страну, парализовав ее систему управления.^[322]

Они ввергли страну в анархию, чуть ли не в смуту. Система приказов, Боярская дума, разделение страны на уезды отменены, а на смену им не пришло ничего лучшего или хотя бы даже подобного по качеству.

Добавьте к этому невероятный «заворот мозгов», когда, по сути, вся верхушка общества не очень-то понимала, куда вообще надо плыть и каких берегов держаться. Это тоже закономерный результат деятельности Петра.^[323]

В результате в 1725 году Российская империя оказалась в совершенно удивительном состоянии. И искусственного общества, выдуманного в кабинетах немецких философов, в ней не построили. И того общества, которое существовало до Петра, тоже уже не было. Весь «период

МИНИСТЕРСТВА И ВЕДОМСТВА».

Бушков, например, описывает следующие случаи. В Костроме полковник Татаринов выгнал за город всех членов городского магистрата, то есть высшего органа городскойгражданской администрации. Коломенского бургомистра некий драгунский офицер в невеликих чинах велел своим солдатам высечь, что и было исполнено. Доходило и до смертоубийства.

Во время какого-то из бюрократических экспериментов в провинцию были посланы гвардейцы с предписанием: губернаторам непрерывно докучать, чтобы они готовили ведомости. В противном случае гвардейцы должны были губернаторов, вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги и на шею намотать цепь, и по то время не освобождать, пока те не изготовят отчетность.

Такая вот армейская дисциплина.

В результате за пределами крупных городов, в стороне от больших дорог царила почти полная анархия, и были уезды, по которым вообще нельзя было проехать. Никак. Число разбойников в этих уездах, как горько шутили, превосходило число законопослушных подданных.^[324]

Иные разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи — целые волости. Эти шайки вели неплохое хозяйство, а некоторые атаманы вводили в бой сотни и тысячи людей. Известны случаи, когда разбойники брали уездные города и освобождали своих захваченных солдатами товарищей (при этом часть солдат уходила с ними). В таких случаях утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где — повстанческие армии...

Местных крестьян эти разбойники чаще всего не трогали, ограничиваясь поборами, но всех проезжих грабили неукоснительно, а дворян вообще не выпускали живыми.

Если назвать вещи своими именами, то получится — несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории, и даже те, которые, вроде бы подчинялись Петербургу, делали это очень относительно.

28 января 1725 года закрыл глаза царь Петр I, которого еще при жизни одни подданные нарекли земным богом, а другие, как уже говорилось, — Антихристом. После этой смерти Российскую империю трясло еще несколько десятилетий: буквально от самого часа смерти Петра и до того, как в 1762 году жена его внука, Петра III, убила мужа и сама заняла

престол.

Ведь и правда — период истории Российской империи с 1725 по 1762 год вполне официально назывался «периодом дворцовых переворотов». То есть долгие 37 лет власть в Российской империи была какая-то «ненастоящая», нелегитимная. Она с невероятной легкостью переходила из рук в руки. Это была какая-то игрушечная власть, потому что с одной стороны, Император был неограниченным монархом, и мог делать почти все, что угодно, а с другой, кучка придворных и гвардейцев по своему разумению решала, кто должен быть Императором.

И при всей абсурдности периода «дворцовых переворотов» на всем его протяжении весь этот бардак постепенно изживался. В 1740-е годы порядка и стабильности стало больше, чем было сразу после смерти Петра, а при Елизавете, в 1750-е годы, — больше чем в 1740-е, при Анне. Причем порядка стало больше и в головах, и в государстве.

Так что в прямом смысле Российская империя стала не более, а менее демократичным государством, чем Московия!!! Социальной стратификации меньше. Шансов на карьеру у купца или мещанина с эпохи после смерти Петра и до реформ Александра II практически нет.

И защищенность крестьянина и мещанина, и возможности самореализации простолюдина теперь МЕНЬШЕ, чем было в XVII веке. А вот чиновников во много раз больше.

А все-таки демократия!

После всего сказанного дико прозвучит утверждение: Россия и в XVIII веке оставалась относительно демократичной страной.

На уровне государства до начала XX века господствовал монархический принцип. Его дополнял принцип аристократии. Это в Московии дворянин в первую очередь СЛУЖИЛ. В Российской империи дворяне еще и ПРАВИЛИ. Чем больше дворяне освобождались от службы, тем сильнее они становились именно правящим сословием.

Дворянская гвардия сажала на престол и свергала императоров, дворяне возглавляли самые важные ведомства и управления. После Манифеста о вольности дворянской они окончательно могли не служить, но править не перестали. После Губернской реформы Екатерины дворяне властвовали не только в Петербурге, но и в большинстве российских провинций.

Власть бюрократии то ослаблялась аристократией, то опять нарастала,

но никогда не исчезала.

Но все это — на уровне государства. А в глуши российских провинций, на уровне крестьянских общин, продолжалось народное самоуправление. Никто не отменял сходок крестьянского мира, выбора его управленческого аппарата, общего решения насущных вопросов.^[325]

Во времена дворянского всевластия, между 1762 и 1861 годами, помещик ставил над крестьянами «бурмистра», но хозяину имения или его ставленнику всегда помогали выборные от мира. А церковные, экономические, дворцовые и государственные крестьяне всегда управляли сами собой. Они находились с властями почти в таких же отношениях, как черносошные крестьяне Московии. Только вот на уровне управления всей страной их слово уже решительно ничего не значило.

А реформам Столыпина, как считают многие исследователи, крестьяне сопротивлялись в основном по двум причинам: они считали, что земля — Божья. Покупать и продавать землю казалось им не только дикостью, но и кощунством. А кроме того, Столыпин давал крестьянам собственность, но отнимал самоуправление. С разрушением общины крестьяне уже не сами распоряжались на своей территории, за них все решали чиновники.

Попытка дворянской конституции

Но и в верхах общества дворяне вовсе не были сторонниками ничем не ограниченной деспотии. Они не раз пытались ограничить монархию. Наиболее показательна в этом отношении история с Кондициями, подписанными призванной на престол императрицей Анной Иоанновной.

После внезапной смерти Петра II, внука Петра и сына казненного царевича Алексея, Верховный тайный совет решил ограничить царскую власть. 8 верховников — членов совета, после смерти Петра I стали чем-то вроде членов прежней Боярской думы. Только круг их стал намного уже и менее демократичен, чем у бояр Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

Своего рода это была скорее «семи-, т. е. восьмибоярщина».

Итак, после смерти царя «верховники», просоветовавшись всю ночь, к утру решили: звать на престол царицу Анну Иоанновну — племянницу Петра I, дочь его сводного брата Ивана.

Понятно, что Анна Иоанновна имеет на престол куда меньше прав, чем дочери... Но «зато» Елизавета и Анна, дочери Петра от Екатерины, — незаконнорожденные; Анна родилась в 1707 году, Елизавета — в 1709, до

формального вступления Екатерины в брак с Петром I.^[326] Как можно возводить на престол незаконнорожденных?! Разумеется, это отговорка, но она принимается всеми.

Верховники готовы возвести на престол лицо, имеющее меньше прав... Логика проста: такое лицо более управляемо, его власть менее прочна. Оно должно быть «более благодарно» верховникам, чем прямые наследники.

И решили:

— Надобно, написав, послать к Ее Величеству пункты.

Верховники поручили написать эти пункты князю Дмитрию Ивановичу Голицыну.

Пункты, или Кондиции, составленные князем Дмитрием Голицыным, требовали «ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без онаго Верховнаго тайнаго совета согласия:

Ни с кем войны не вчинять.

Миру не заключать.

Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать.

В знатные чины, как в статские, так и военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.

У шляхетства живота и имения, и чести без суда не отнимать.

Вотчины и деревни не жаловать.

В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить.

Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской. АННА».^[327]

Надо сказать, замечательный документ.

Простой, короткий, понятный. Не чета петровским Указам. Отметим: «птенцы гнезда Петрова» неучами и дураками не были.

Если бы все эти Кондиции были претворены в жизнь, императрица Анна имела бы власти в России меньше, чем королева Елизавета II в современной Великобритании.

Это была по сути попытка установления ультралиберальной конституционной монархии, только без парламента, — его заменял узкий круг аристократов-олигархов. Однако, уверен, круг этот неизбежно

пришлось бы расширять, дополняя Сенатом, главами коллегий, а со временем, возможно, и периодически собираемым Собором.

Но, увы, все это рассуждения в духе теорий исторической альтернативы...

Итак, в Российской империи возникла идея официально ограничить власть монарха. Родилось дело невиданное, чреватое непредсказуемыми последствиями.

Утром 19 января 1730 года собравшимся в Кремле Сенату, Синоду, генералитету и «высшим чинам» Верховный тайный совет объявил о вручении престола Анне: то есть второй раз сообщил о своем решении, уже в более широком кругу. Прибавив, что для избрания требуется согласие ВСЕГО ОТЕЧЕСТВА в лице собравшихся здесь чинов. «Все отечество» в лице собравшихся в Москве дворян не возражало.

А тем временем, и независимо от воли «всего отечества», скакали курьеры к Анне Ивановне, везли письмо верховников и в том числе пресловутые Пункты.

Смысл ограничения монархии понятен: сделать положение вельможи чем-то независимым от воли монарха. Можно, конечно, и пригласить Анну без всякой конституции. Тогда она будет обязана Голицыну, как главному виновнику своего избрания. «Но Голицын научен горьким опытом: он знает, что сначала ему будут благодарны, сначала поласкают человека, неспособного быть фаворитом, а потом какой-нибудь сын конюха, русского или курляндского, через фавор оттеснит первого вельможу на задний план. Вельможество самостоятельного значения не имеет; при самодержавном государе значение человека зависит от степени приближения к нему. Надобно покончить с этим, надобно дать вельможеству самостоятельное значение, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов».

[\[328\]](#)

А одновременно в Москве замысел верховников стал известен широкому кругу дворян. «Затейка», как быстро окрестили этот замысел, вызвала у дворян глухой ропот... Но не потому, что «верховники» хотели ограничить самодержавие, а главным образом потому, что сами они оказывались «вне игры».

«Невозможно затеянного сего дела не назвать самым злейшим преступлением, хотя бы какие кто вымышлял отговорки, а то ради следующих причин:

1. Делали сие не многие и весьма число не токмо не довольное, но малое и скудное. А если бы искалося от них добро общее, как они скажут, то бы надлежало от всех чинов призвать на совет не по малому числу

человек», — так писал неизвестный нам участник событий, анонимный автор сочинения «Изъяснение каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призыве на престол Ея императорского величества».

И насчитал в общей сложности 16 пунктов, в силу которых «невозможно затеянного сего дела не назвать самым злейшим преступлением».

По словам Феофана Прокоповича, принимавшего самое активное участие в событиях, «куда не придешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышать, только горестные нарекания на осмиличных оных затейщиков; все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие».

Феофан насчитывал до 500 «агитаторов», сплотивавших целый оппозиционный союз, в котором боролись два мнения. Сторонники «дерзкого» мнения думали напасть на «верховников» с оружием в руках и истребить их. Если учесть, что в числе оппозиционеров было немало офицеров и гвардейцев, идея покажется не такой уж неосуществимой.

Сторонники «кроткого мнения» думали пойти к «верховникам» и заявить, что не дело немногих «состав государства переделывать» и что вести такое дело тайно «неприятно-то и смрадно пахнет».

Обычно это толкуется так: дворянство не созрело, ну не могло жить без абсолютного монарха.

Сомневаюсь. Тут возможно совершенно иное толкование событий. Дворянство-то вовсе и не против ограничения самодержавия как такового. Только оно хочет и само участвовать в «затейке».

Дополнительная сложность была в том, что «верховников» не любили дружно, а вот позитивная программа была у всех разная. Шли отчаянные споры о степени и о формах ограничения монархии. Для того чтобы договориться заранее, у дворян попросту не было времени, и в результате их не объединяла какая-то общая политическая программа.^[329]

Повторюсь, дворян возмущало вовсе не ограничение монархии, а олигархический способ решать государственные вопросы. Им самим тоже хочется в олигархию...

Какое-то время верховники зачем-то вообще ввали, что Кондиции — не их изобретение, а как раз и есть «монаршая воля». По словам Феофана Прокоповича, все «vши опустили, как бедные ослики», «дряхлы и задумчивы ходили». Но как не ходи, как не опускай или не поднимай уши, а против монаршей воли не пойдешь. Что государыня соизволила подарить, то и соизволила, ничего тут не поделаешь.

Но обман быстро раскрылся. Оказалось, что будущий политический

строй России — вовсе не дело, уже решенное монархом, а нечто такое, что могут решать сами дворяне...

Но тогда у каждого, буквально каждого из них открываются огромные возможности! Раз Кондиции — продукт закулисной сделки и ничего еще не решено, то ведь тогда каждый может попытаться предложить свою версию сделки! Свой способ политического устройства! Ведь если одной «компашке» можно договариваться с императрицей, как ей править, то почему нельзя сделать того же и другим дворянским «инициативным группам»?!

В тот же день 2 февраля Верховному совету пришлось выслушать кучу устных выступлений и мнений, прочитать грудку записок о будущем устройстве государственных дел.

Смятение дошло до того, что Верховный тайный совет всерьез опасался восстания и стал пугать расходившихся дворян, что, мол, у него для мятежников есть войска, сыщики и пытки.

Но дворяне никак не унимаются. Известно 13 записок, поданных или подготовленных к подаче в Верховный тайный совет от разных кружков. Под этими проектами собрано порядка 1100 подписей, из них 600 — офицерских! Ни один из поданных проектов не ставит под вопрос ни избрание Анны, ни ограничение ее власти: все подходят к этому, как к совершившемуся факту.^[330]

Но все проекты построены на мысли, что дворянство — это и есть народ, настоящий народ в юридическом смысле слова; народ, имеющий политические и гражданские права. Остальное население Российской империи практически не упоминается в проектах... И получается так, что миллионы подданных-недворян — это своего рода живой и говорящий инвентарь, не обладающий никакими правами и политически не имеющий никакого значения.

Это обилие мнений, эта разноголосица и позволили Анне уничтожить зачатки конституции. Дворяне ведь разобщены, народ и не знает об их «затейке».

После приема разных группировок Анна велела принести текст подписанных ей Кондичий и публично порвала их, бросив на землю. 1 марта 1730 года по всем соборам и церквам шла присяга Анне Ивановне как самодержице Российской.

Конституционно-аристократическая монархия просуществовала в России всего 10 дней.

На другой день после присяги Анна Ивановна восстановила Сенат в составе 21 человека, но всех сенаторов назначила сама, никаких выборов не

было. 4 марта 1730 года царица распустила Верховный тайный совет, и больше он никогда уже не восстановился ни в какой форме.

К запискам дворянства никто никогда больше не возвращался, и никакое ограничение самодержавия даже не обсуждалось. Царица как бы «забыла» про них.

Так что, если аристократическая конституция просуществовала всего 10 дней, то шляхетская конституция в России попросту не родилась.

Повторимся: дворянство ничуть не менее, чем сами «верховники», хотело участвовать в управлении государством. Дворян в Российской империи было тогда сравнительно мало — порядка 100 тысяч взрослых людей. Офицеров в армии было всего 15 000, а два гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, насчитывали вместе 2800-3 000 человек. При таком малолюдстве 500 агитаторов, 1100 подписей под прошениями, 13 проектов, 600 офицеров-подписантов — это очень и очень много.

Подкуп дворянства

Анна Иоанновна кинула жирный кусок дворянам: ограничила срок их службы 25 годами, окончательно отменила дурной указ Петра о единонаследии, но, конечно же, никаких выборных учреждений, никакого выбора должностных лиц, никакой конституции так и не возникло...

При Елизавете гвардия играла еще большую роль, чем раньше.

После «Манифеста о вольности дворянской» Петра III дворяне продолжали править, но могли не служить.

При Екатерине дворяне получили такие права, что крепостные фактически стали их полурабами, а дворяне стали властвовать, причем во всех губерниях.

Подкупленное правительством, дворянство больше не искало способов ввести Конституцию. Массовых выступлений больше никогда не было.^[331] И тем удивительнее, что сами дворяне не раз создавали проекты освобождения крестьян.

Проект раскрепощения

Первый такой проект подал обер-прокурор Сената Анисим Александрович Маслов в 1734 году. Еще до этого он написал несколько рапортов Анне Иоанновне и ее фавориту Бирону, обличая безделье и взяточничество высших чиновников. Его обязанностью было собирать

многомиллионные недоимки, но он так рьяно обличал бедственное положение крестьян, что Маслову поручили организовать обсуждение нового закона в Сенате.

Проект Маслова 1734 года предписывал Сенату законодательно нормировать повинности крестьян. Сенат тянул, сколько можно, и дождался, пока Маслов умер. На проекте заготовленного им указа сохранилась помета секретаря императрицы «обождать». Разумеется, к этой идее не возвращались.^[332]

Не прошло и 30 лет, как появился проект Конституции, подготовленный Никитой Паниным. Панин был одним из влиятельнейших людей Российской империи, воспитателем наследника престола Павла I. Вначале Панин оказывается очень нужным Екатерине... Таким нужным, что будущая мужеубийца из кожи вон лезет, чтобы привлечь его на свою сторону... И Никита Панин, судя по всему, делает ту же ошибку, что и «верховники» поколением раньше. Он решает поучаствовать в беззаконии, дворцовом перевороте против Петра III, для благого дела: для ограничения монархии, введения конституционного правления.

По проекту Панина, переворот должен произойти не в пользу Екатерины, а в пользу Павла, законного наследника престола. Екатерина — регентша до совершеннолетия Павла. И когда Павел I восходит на трон, его власть уже исходно ограничена правящим Сенатом. Название «слизано» у Петра I, но содержание совсем другое. Часть членов Сената назначается пожизненно монархом, но большая часть избирается дворянством, и тоже пожизненно. Екатерина делала вид, что согласна, но никаких бумаг не подписала.

Гвардейцы кричали «Ура Государыне!» и «Виват Императрице!». Екатерина после переворота сделала все возможное, чтобы самой утвердиться на троне, а вовсе не возле трона как регентша.

Декабрист М. Фонвизин описывал продолжение этой истории. Со слов своего отца, родного брата автора «Недоросля», он сообщал, что «в 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь В. Н. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, многие из тогдашних вельмож вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что воцарившись, не нарушит этого

коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие». ^[333]

Причем сам конституционный проект был уже детально проработан (несравненно полнее «Кондиций»).

По словам Михаила Фонвизина, «Под ним (Сенатом — В.М.) в иерархической постепенности были бы дворянские собрания: губернские ли областные, и уездные... Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная, с правом утверждать обсужденные и принятые Сенатом законы и обнародовать их.

В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крестьян и дворовых людей. Введение или предисловие к этому акту начиналось так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют». ^[334]

О конституционном проекте и об идее нового государственного переворота узнала Екатерина II, — предал заговорщиков один из секретарей Панина. Юный Павел оробел, принес повинную, а царица, отдадим ей должное, не стала чинить расправу, а только «по-тихому» удалила от Павла заговорщиков. Впрочем, тогда Екатерине II шум, показательный процесс над «предателями» и «нарушителями присяги» был очень уж некстати. Она и правда ведь правила незаконно, и любой процесс показал бы это всей России... и всей Европе.

Корпоративная демократия дворян

Екатерина II не могла управлять совершенно одна. Она хотела было создать постоянный Императорский совет вместо почти бездействующего Сената. Правда, императрица опасалась, что, как писал Ключевский, «законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть».

Екатерина не решилась осуществлять этот проект, но с начала первой турецкой войны она стала созывать преимущественно по военным делам Совет, который вскоре превратился в постоянный. Формально такого совета не существовало, но фактически, на деле он действовал.

Официально Государственный совет открыл только Александр I по плану М.М.Сперанского 1 января 1810 года. Это был не только совещательный, но и законодательный орган.

**Неизвестный художник XVIII в. «Парадный портрет
Екатерины II».**

Безуспешно пыталась учредить «сверху» некое подобие совещательного органа — предпарламента при российском престоле.

Совет рассматривал любые новые законы по всем отраслям управления. Все проекты законов должны были утверждаться Государем и только после этого становились законами. В Государственный совет входили высшие чиновники. Получается, самодержавие ограничивалось не только удавкой, но и верхушкой бюрократии. Некое сочетание монархии, аристократии и корпоративной демократии. Аристократической корпоративной демократии.

Еще сильнее сочетание этих принципов видно в губерниях. В 1775 году Екатерина II начала Губернскую реформу. Вместо 20 обширных губерний, на которые делилась тогда Россия, теперь вся империя разделена была на 50. Губернии Екатерины — это округа в 300–400 тысяч жителей. Они подразделялись на уезды с населением в 20–30 тысяч человек.

Главным учреждением в системе администрации стало губернское правление с губернатором или наместником во главе. Это учреждение было исполнительное и полицейское. Весь личный состав назначался от короны, без всякого участия местного общества.

Но в Жалованной грамоте дворянству 21 апреля 1785 года дворянам даровались права каждые три года выбирать уездных и губернских предводителей дворянства, которые становились помощниками местной администрации. Каждые три года дворяне съезжались в губернский город и выбирали друг друга на разные должности среди увеселений и пиров, которыми их угощала «своя братия» — губернский предводитель и губернатор. Оживление, каким отличались дворянские сословные учреждения, даже вызвало преувеличенное опасение в иностранцах: «Два француза, путешествовавшие по России в начале 1790-х годов, наслушавшись этих речей, пророчили в своих записках, что «рано или поздно эти собрания непременно приведут к великой революции»». ^[335]

Ничего похожего на Великую Французскую революцию не возникло. Дворяне не вернулись даже к проектам «затейки» верховников. Может быть, потому, что незачем им это было: они и так оставались самым привилегированным сословием.

В жалованной грамоте дворянству окончательно были определены его права: дворянин пользуется недвижимым имуществом своим вместе с крестьянами на праве полной собственности, передает свое звание жене и детям, не лишается этого звания иначе как по суду за известные преступления, приговор о преступлении дворянина получает силу только с утверждения верховной власти. Дворянин свободен от личных податей, от рекрутской повинности и от телесных наказаний; дворянские собрания имеют право ходатайствовать о своих сословных нуждах перед высшим правительством.

Такой вот особый народ внутри русского народа. С совершенно особым статусом и привилегиями. Сословная матрешка. Очень быстро глубочайшее социальное, экономическое разделение усугубилось разделением нравственным и даже культурным. Я писал об этом в первой книге «Мифов...», рассказывая о «двух разных народах», живших в России к середине XIX века и просто не понимавших толком друг друга, ибо они даже в быту говорили на разных языках.

Сословия жили по очень разным законам. Единых правил почти не существовало, члены разных сословий почти никогда не собирались для совершения общих дел. У них не было единых выборных органов власти.

Но высшее сословие России уже с конца XVIII века жило в режиме самоуправления и демократии.

Самоуправление городов

В тот же день, 21 апреля 1785 года, была опубликована и Жалованная грамота городам.

По ней городское хозяйство и управление вели городские думы: общая и шестигласная. Общая состояла под председательством городского головы из гласных от всех разрядов. Она имела распорядительное значение, собираясь в известные сроки или по мере надобности. Шестигласная дума называлась так потому, что городское население разделялось на 6 состояний-разрядов по имуществу. Дума состояла из шести членов: по одному от каждого из шести живших в городе состояний. Она собиралась под председательством того же городского головы, была исполнительным учреждением и действовала постоянно, собираясь еженедельно.

Города получали право иметь свои гербы и составлять свои уставы. Устав уездного города утверждался на уровне Губернии, устав губернского — на уровне правительства Империи. Устав города определял правила

приобретения собственности и пользования собственностью в городе, устанавливал местные налоги и формы их уплаты, определял число и полномочия выборных должностных лиц. Если угодно — местную городскую политику.

В XVIII веке известно до 20 разных уставов. К началу XX века их в Российской империи уже 1820. Города Российской империи тоже жили в режиме самоуправления и корпоративной демократии.

Генеральные штаты Екатерины II

Екатерина II понимала, что России нужны новые законы: и Уложение 1649 года, и Указы Петра I невероятно устарели. Царица искренне хотела управлять, опираясь на как можно более широкие слои населения. 14 декабря 1766 года она издала Манифест о созыве депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения».

Комиссия составлялась из представителей правительственных учреждений и из депутатов от различных разрядов или классов населения. Сенат, Синод, все коллегии и главные канцелярии центрального управления послали по одному представителю. Тогда империя еще делилась на 20 губерний, которые подразделялись на провинции, а провинции — на уезды.

Система выборов в Комиссию была по-настоящему сложной. Одного депутата выбирал каждый город от домовладельцев, каждый уезд — от дворян — землевладельцев и каждая провинция — по депутату от однодворцев, от пахотных солдат, от государственных черносошных крестьян и из оседлых инородцев от каждого народа, крещеного или некрещеного. Примерно так, но с многочисленными уточнениями. [\[336\]](#)

Всех депутатов было избрано 564.

В Комиссии не были представлены крепостные крестьяне. Больше всего было представлено депутатов от городов, хотя и столица Москва, и уездный город Буй, в котором считалось всего несколько сотен обывателей, послал по одному депутату. Городские жители не составляли и 5 % всего населения империи, а в составе Комиссии городских депутатов было 39 %.

Пропорциональное отношение представительства по классам выглядит так: [\[337\]](#)

Правительственные учреждения 5 %

Дворянство 30 %

Города 39 %

Сельские обыватели 14 %

Казаки, инородцы, остальные классы 12 %

564 депутата привезли с собой больше полутора тысяч наказов.^[338]

Для историков эти указы — ценнейшие документы, потому что сразу видно, чем жили люди в том или другом уголке России. И указы, и протоколы заседаний Комиссии показывают: нужны были настолько разные вещи, что ни о какой общей выработке законов для всей Империи не могло быть и речи. Например, депутаты от самоедов заявили в Комиссии, что они вообще не нуждаются ни в каком законодательстве, лишь бы только правительство запретило русским поселенцам и начальникам притеснять их. А больше им ничего не нужно!

Екатерина относилась к работе комиссии крайне серьезно. Депутатам было назначено жалованье. Они получили больше привилегий, чем кто-либо еще в тогдашней России. Все они находились под «собственным охранением» императрицы, на всю жизнь. В «какое бы прегрешение» не впали бы депутаты, они освобождались от смертной казни, пытки и телесного наказания. Их имущество подвергалось конфискации только за долги. За преступление против депутата полагалось наказание в двойном размере, — так охранялась их личная безопасность. Кроме того, депутатам были даны для ношения особые значки. Дворянским депутатам по окончании дела дозволялось вносить в их гербы, «дабы потомки знать могли, какому великому делу они участниками были».

Но быстро выяснилось, что комиссия ничего путного сделать не может. Поняв, что в результате ее работы не получается никакого свода законов, только одни «дополнительные бюджетные расходы», Екатерина оставила мысль о «народном создании законов».

Из этого опыта можно сделать разные выводы... Самым важным из них будет, наверное, о распространении демократических принципов в России. Не только дворянство, но и свободные крестьяне и незнатные горожане превосходно умеют выбрать из своей среды гласных. Притом все представленные в Комиссии сословия очень настойчиво и единодушно заявляли, что хотят вести свои дела через выборных представителей.

Почему же не состоялась русская демократия?!

Приходится сделать второй вывод: Россия была слишком разной и слишком большой. Различия между ее жителями — национальные, территориальные, сословные — не позволяли достигнуть понимания даже в самом основном. Зная о земских соборах XVII века, Екатерина в Комиссии сделала попытку опять свести сословия для совместной деятельности.

Демократия в России вполне возможна. Более того, она и существует

внутри сел, волостей, городов, сословий. Но для управления всей колоссальной и невероятно пестрой Россией нужен некий высший арбитр, стоящий над всей этой пестротой. Нужен монарх или группа аристократов, осуществляющих верховное управление. Но мы ведь это и видим в России: сочетание монархии, аристократии, бюрократии с элементами представительной сословной демократии.

А вот низовое, местное управление в России — демократично...

В «пяти минутах» от Конституции

Новый проект конституции подал видный государственный деятель начала XIX века Михаил Михайлович Сперанский, — вот пример, как выдающиеся способности получили достойную оценку.

Сперанский родился 1 января 1772 года во Владимирской губернии в семье сельского священника. Слепой дед Сперанского научил его читать. Учение проходило так: во время службы в церкви мальчик читал церковные книги, а его слепой дед-священник поправлял его по памяти, если он делал ошибку. Сперанский рано обратил на себя внимание своими способностями и, благодаря связям влиятельного вельможи, которому принадлежало его родное село, попал в семинарию при Александро-Невском монастыре в Петербурге. Там же по окончании курса он был определен учителем математики, физики, красноречия и философии. Одновременно Сперанский стал домашним секретарем князя Куракина и поселился в его доме.

По вступлении на престол императора Павла Куракин был сделан генерал-прокурором. В 1797 году Сперанский поступил на службу в его канцелярию и продолжал служить там и после отставки князя.

При Александре I Сперанский получил звание статс-секретаря и в 1802 году перешел на службу в министерство внутренних дел. Как составитель разных докладов и отчетов по министерству, обратил на себя внимание государя, который в следующем году через министра князя Кочубея поручил ему составить план устройства судебных и правительственных мест в империи.

В. Тропинин. Портрет М. М. Сперанского. 1839 г.

Выдающийся либерал и реформатор правительства Александра I с возрастом в демократии разочаровался и стал весьма консервативен. Был отправлен на 20 лет в Сибирь генерал-губернатором. Закончил службу (и жизнь) председателем департамента законов Госсвета.

Александр лично познакомился со Сперанским в 1806 году, когда Кочубей во время своих частых болезней начал посылать его с докладами вместо себя. Государь оценил выдающиеся способности Сперанского. В 1808 году Сперанский находился в свите государя во время его эрфуртского свидания с Наполеоном. Прекрасно зная французский, Сперанский общался с французскими генералами и политиками.^[339]

Осенью того же года император вручил ему прежние проекты государственных преобразований. Нередко царь проводил с ним целые вечера в беседах и чтении сочинений, относящихся к этому предмету. Они

готовились к широким демократическим преобразованиям.

Полностью предложения Сперанского не известны: сохранилось явно не все, многие документы известны в нескольких редакциях. Насколько мы знаем, главные черты преобразования должны были состоять в следующем:

Законодательное собрание не будет иметь власти санкционировать свои собственные постановления, но его мнения, совершенно свободные, должны быть точным выражением народных желаний.

Члены судебного сословия будут свободно выбираться народом, но надзор за соблюдением судебных форм и охранение общественной безопасности будут лежать на правительстве.

Исполнительная власть должна принадлежать правительству, но, чтобы оно не могло исказить или уничтожить закон, необходимо сделать правительство ответственным перед законодательным собранием.

Эти общие принципы были развиты и обоснованы во «Введении к уложению государственных законов», составленном Сперанским к осени 1809 года. По его проекту, политические права принадлежат, при условии владения собственностью, дворянству и среднему состоянию. К последнему принадлежат купцы, мещане, однодворцы и все крестьяне, владеющие недвижимостью. Низшее состояние, в котором числятся помещичьи крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги, должны иметь общие гражданские права, но не иметь прав политических.

Переход из низшего класса в средний открыт всем, кто приобрел недвижимую собственность.

Будь проект реализован, и Россия оказалась бы самым демократическим государством Европы и всего мира — ведь недвижимую собственность имели 90 % крестьян и очень многие горожане. В Британии парламент тогда избирался по-прежнему 2 % жителей. В России опорой Государственной Думе стало бы абсолютное большинство населения.

Выборы в Государственную Думу предполагалось вести так: депутаты волостной думы выбирают депутатов в окружную (губерния делится на 2–5 округов). Окружная Дума, кроме выборов членов окружного совета и окружного суда, выбирает депутатов в губернскую думу. Губернская Дума, кроме членов губернского совета и губернского суда, выбирает депутатов в Государственную Думу из обоих состояний, имеющих политические права.

Государственная Дума собирается ежегодно без всякого созыва. Только монарх может предлагать и утверждать законы, но ни один закон не может иметь силы без рассмотрения в Государственной Думе.

Александр I предполагал осуществить этот план через совершение нескольких шагов: 1 января 1810 года открыть Государственный Совет; 1

мая манифестом назначить выбор депутатов в Государственную Думу и открыть ее 1 сентября. Начать ее деятельность с рассмотрения нового гражданского уложения, испытать и подготовить депутатов. Если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, предложить им государственное уложение, признание которого и утвердить общей присягой.

Из этого плана был реализован только проект Государственного Совета. Члены этого совета, высшие сановники империи, считали, что всякое правление по выбору противоречит духу самодержавия. Хотя проект избрания сенаторов и был проведен через совет и утвержден лично государем, но осуществлен не был. И все остальные планы не осуществились.

Большинство дворян были категорически против народного представительства: их власть мгновенно пошатнулась бы. Идеологию большинства дворянства блестяще выразил Карамзин в своей «Записке о древней и новой России».^[340] Ее он вручил государю 18 марта 1811 года. Главная мысль «Записки»: царь не имеет даже права ограничить свою власть, потому что Россия вручила его предку неограниченную монархию.

Многие обвиняли Сперанского чуть ли не в прямой измене: он широко пользовался «Кодексом Наполеона» и многое брал из тогдашних французских законов. К тому же, несмотря на состояние войны с Францией, Сперанский продолжал переписываться с французскими юристами и государственными деятелями.

В 1812 году Александр I вынужден был как-то реагировать на многочисленные обвинения в сношениях с неприятелем. Во время двухчасовой аудиенции у государя тот сказал Сперанскому, что, ввиду приближения неприятеля к пределам империи, не имеет возможности проверить все взведенные на него обвинения. 17 марта 1812 года Сперанский был отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

В письме государю из Нижнего он высказал свое глубокое убеждение, что составленный им план государственного преобразования — «первый и единственный источник всего, что случилось» с ним, и вместе с тем выражал надежду, что рано или поздно государь возвратится «к тем же основным идеям». Громадное большинство дворянского общества встретило падение Сперанского с ликованием.

Но судьба реформатора сложилась вовсе не трагически. Он становится губернатором в Пензе, с 1819 года назначен сибирским генерал-губернатором. Александр I в собственноручном письме писал, что этим назначением желает доказать, насколько несправедливо враги оклеветали

Сперанского. С 1821 года он — член Государственного Совета.

В царствование Николая I его главным делом было составление «Полного Собрания» и «Свода Законов» обнародованных в 1833 году. С октября 1835 по апрель 1837 года Сперанский много раз вел беседы о законах и правлении государством с наследником престола, будущим Александром II.

Возведенный 1 января 1839 года в графское достоинство, Сперанский скончался 2 февраля того же года.

Напомню, прожил жизнь крупного чиновника и царедворца, видного сановника Российской империи и получил титул графа сын сельского священника. Судьбы и Сперанского, и Маслова, и многих других исторических лиц Российской империи свидетельствуют: в ней было вполне возможно выдвижение людей из низов. В Британии гордились: сын сельского батрака стал знаменитым мореплавателем Джеймсом Куком! Демократия! Каждый батрак может стать адмиралом! У нас таких карьер можно насчитать тысячи...

Мы крайне далеки от идеализирования царской России, особенно после всего того, что «ненароком» сотворил со страной Петр I. Но не стоит и огульно преувеличивать косность и жестокость строя империи. Если с 1700 по 1900 год население выросло в 6 раз, то дворянство и слои, имевшие права личного дворянства, — в 40 раз. Новые дворяне имели простонародных предков, и часто совсем недавних.

У нас почему-то меньше говорят о карьере крепостного мужика Воронихина, построившего Казанский собор, великого русского флотоводца адмирала Макарова, чей отец выслужился в прапорщики из солдат, генерала Деникина, сына солдата и внука крепостного. Может быть, именно потому, что для нас такие карьеры более привычны и естественны?

Что же до отсутствия Конституции... Свод законов Российской империи открывался Сводом основных государственных законов — совокупностью основных правил устройства государства. Его первым разделом были «Основные государственные законы», вторым — «Учреждение об императорской фамилии».

Ряд актов царского правительства, принятых на разных этапах, носил характер государственных реформ и установления новых общегосударственных законов. Взять хотя бы освобождение крестьян от крепостной зависимости, судебные реформы, введение земских учреждений и многое другое. Отрицать конституционное значение подобного рода актов бессмысленно.

Считается, что официально монархическая власть была против

введения конституции как единого текста. Но и это не бесспорно, поскольку Александр I такой текст готов был ввести.

В Британии до сих пор нет единого текста конституции, а есть законодательные акты разного времени — в точности, как у нас были в Своде законов. Но ведь никто не сомневается, что монархическая Британия без конституции — глубоко демократическое государство. В Великобритании акты различного времени в совокупности представляются как неписаная Конституция этого государства.

Считать ли, что своими Основными законами Российская империя создавала конституционную основу развития России, — это во многом дело вкуса. А демократия... Она была и есть.

И еще одно... История Сперанского — очень яркий пример того, какова судьба 90 % реформаторов в России. Действительно, какой-то парадокс русской истории: со времен Ивана Грозного постоянно появляются проекты конституционного устройства... Постоянно возникают ситуации, что вот еще чуть-чуть... А чуть-чуть-то и не наступает. «Затейка» верховников... Конституция Панина... Воспитание Павла... Комиссия Екатерины... Проекты Сперанского... И все не реализовано.

Но у всех этих неудач есть причина, и совершенно не мистическая, лежащая не в глубинах «загадочной русской души» и «непостижимого российского менталитета». Все проще.

В громадной и очень разной в разных частях стране у верховной власти стоит монарх и аристократия либо олигархия.

Для этих двух сил создать эффективную демократическую систему управления всем государством — значит поступиться своей собственной властью.

Иногда монарх даже и сам уже вроде не против этого (власть ведь не только удовольствие, но и тяжкое бремя), а ведь от личности монарха зависит очень и очень многое. Но если даже Екатерина или Александр захотят конституции, против преобразований встает стена других врагов — ставленников аристократии.

Но при этом на местах, отдельных от Центра, демократия успешно развивается!

А умные и активные прорываются наверх общественной пирамиды.

Николай I «Палкин» и его «вертикаль власти»

О невеселых последствиях правления Николая I написано много.

Начиная со Льва Толстого многие историки и писатели описывали Николая I самыми мрачными красками. Получалось так, что раз он человек плохой, то и правление не удалось.

Но проблема гораздо сложнее. Судя по всему, Николай I был как раз душевно здоровым, вовсе не жестоким и не злым человеком. Есть много примеров того, как Николай стремился вознаградить самых незначительных чиновников и солдат за верную службу, стремился к справедливости (в своем понимании этого слова, конечно), искренне заботился об устройении России... Покровительствовал Гоголю, Пушкину. Нередко проявлял неплохое чувство юмора и самоиронии при рассмотрении тех или иных текущих дел. А способность к самоиронии — всегда свойство хорошего ума.^[341] Потому я и подчеркивал в первой книге «Мифов о России», что пресловутая чрезмерная жестокость, тупость и необразованность Николая Павловича — ложь и постыдный миф.

Правда в том, что он был глубоко убежден: России нужно любой ценой избежать ужасов революции и что управлять в ней можно только суровостью и строгостью.

Беда Николая в другом. Не в том, что «120 человек в Сибирь послал и пятерых повесил». Не в том, что, «верный союзническому долгу», помог Австрии подавить венгерское восстание 1848 года, заслужив прозвище «жандарма Европы». После чего наивно ждал от Австрии «ответной помощи» в Крымской войне. И не в том, что проявлял удивительную дипломатическую близорукость, не подав руки дружбы бедному лондонскому эмигранту Луи Наполеону, вскоре ставшему императором Франции Наполеоном III, когда последний так отчаянно умолял его о поддержке.^[342]

Истинная ошибка Николая — в безрассудном строительстве своей бюрократической «вертикали власти».

Вообще, для понимания, почему не удачно в целом правление Николая I, бессмысленно выяснять, был он «плохой» или «хороший».

Надо выделить главное. Николай чрезвычайно усилил принцип бюрократии в ущерб остальным формам управления Россией.

Даже самые лучшие дела в период его правления, деятельность Комиссий по крестьянскому вопросу, вершились чисто бюрократическим путем, через собрания высших чиновников.

Аристократия? Николай последовательно ограничивал дворянское самоуправление, еще последовательнее наступал на наследственные права дворян. Ему была крайне неприятна всякая независимость любых людей от

монаршей воли.

Представительная демократия? Николаю и в голову не приходило собрать даже самое незначительное собрание по типу Комиссии своей бабки Екатерины.

Бюрократия при Николае постоянно наступала и на местное самоуправление, и на корпоративное самоуправление дворян и городов. В результате получилось то, что и должно было: исчезал или не получал прав действовать класс людей самостоятельных, убежденных, активных. На смену им приходили чиновники: послушные, но равнодушные и ни за что не отвечающие.

Это касается и снабжения армии в ходе Крымской войны. Широко известно, в каких невероятных масштабах воровали интенданты и поставщики. На поставках в русскую армию в эти годы делались состояния.^[343]

А чему удивляться? Всеми вопросами организации и снабжения армии стали заведовать чиновники, то есть люди, которые считали не свои деньги, и даже не общественные, а государственные. Деньги в принципе чужие, и к тому же большие, которые великий соблазн был прикарманить под шумок артиллерийской канонады.

Это ценовальник XVII века распоряжался деньгами «общества». Это подрядчик-предприниматель вкладывал СВОИ деньги. Это дворянину грозило бесчестие и изгнание из своего сословия, если он позволял себе украсть из кассы «дворянского собрания».

Чиновники же делали то, что творили во все времена и при всех социально-экономических формациях: наживались на порученных им делах. Такая вот «вертикаль власти». Если бы история чему-нибудь учила...

Земская демократия

Александр II обрушил на общество такое изобилие реформ, что неизбежны стали перекосы общественного развития. Это и Судебная реформа, вводившая суд присяжных, и реформа армии, заменявшая рекрутов системой призыва, и городская реформа.

Но самой значительной и важной из них стала Земская реформа.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года в уездах и губерниях вводились выборные органы местного самоуправления — земства. Губернские и уездные управы действовали в 34, а к 1914 году — в 43 (из 60) губерниях.

Земская реформа. Даже само слово очень «историческое» — оно прямо восходит к представлениям о Земле, существовавшим еще в Древней Руси.

Созданные в 1864 году земские учреждения состояли из представителей всех сословий, но избирательное право обуславливалось имущественным цензом.

Члены земских собраний (гласные) избирались по трем куриям: землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. Последняя курия была многостепенной. Председателем собраний являлся предводитель дворянства. Создавались также исполнительные органы — губернские и уездные земские управы.

Управы состояли из председателя и членов, избиравшихся уездными и губернскими земскими собраниями. Гласные избирались на 3 года.

Курия землевладельцев объединяла тех, у кого было не менее 200 десятин. Городская курия — обладателей не менее 6 тысяч рублей капитала или недвижимого имущества. Сельская курия избирала гласных по трехступенчатой системе.

Земские учреждения имели собственные земские капиталы. Казной с определенным назначением отчислялись губернские продовольственные капиталы, капиталы дорожные. Из отчислений от общегосударственных доходов создавались капиталы на содержание полицейской и пожарной части.

Из местных налогов, которыми распоряжались земства, создавались страховые капиталы от огня, наводнений и других несчастий, кредитные учреждения для поддержки мелких предпринимателей и товаропроизводителей.^[344]

Вводились земства постепенно и не во всех районах империи. Министерство внутренних дел и губернаторы имели право отмены постановлений земств. Сфера деятельности и права земских собраний постоянно урезалась правительством.

И несмотря на все это, земства сыграли исключительную роль в хозяйственном подъеме России начала XX века, а также в культурном развитии народа. В ведении Земств находились просвещение, медицина, земская статистика. Статус земского врача и учителя был так высок, что память об этом дожила до нашего времени. Опыт земских школ был использован в проекте организации всеобщего обучения (1908).

В самом конце XIX века, уже при Николае II, возникло «Земское движение». Его сторонники объединялись в нелегальные организации («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»).

Они проводили «банкетные кампании»: собирались под видом празднеств, обращались с адресами к царю, созывали всероссийские съезды.

Они требовали предоставления политических прав земствам, введения самоуправления на уровне волостей, введения в России конституции, проведения демократических преобразований. [\[345\]](#)

Всероссийский союз Земств 1914 года объединился с Союзом городов: демократическая общественность умела объединяться.

Временное правительство в июне-августе 1917 года ввело Земства на всей территории России.

Манифест 5 октября

17 октября 1905 года, во время Революции 1905 года, правительство принимает «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший: дарование свободы совести, слова, собраний и союзов, привлечение к выборам широких слоев населения, обязательный порядок утверждения Государственной думой всех издаваемых законов.

В стране возникают и легализуются многочисленные политические партии, в своих программах формулирующие требования и пути политического преобразования строя: РСДРП, Социалистов-революционеров (эсеров), Радикальная партия, Партия свободомыслящих, Конституционных демократов, Умеренно-прогрессистская, Торгово-промышленный союз, Союз 17 октября, Партия правопорядка, Монархистов-конституционалистов, Союз русского народа, Союз Михаила архангела и другие.

Казалось бы, Россия стремительно движется к парламентской монархии по типу Британии, Голландии или Швеции. В действительности деятельность партий имела очень противоречивые последствия. А. И. Солженицын полагает даже, что России вообще не свойственна парламентская партийная система. По Солженицыну, для России гораздо более уместна беспартийная демократия с опорой не на программу, а на личность избираемого кандидата.

В любом случае, Манифест позволил русскому обществу широко участвовать в политической жизни. И общество оказалось на это вполне способным.

Государственная Дума

Учреждение Первой Государственной Думы было прямым следствием Революции 1905–1907 годов. Николай II под давлением либерального крыла правительства преимущественно в лице премьер-министра С. Ю. Витте решил не накалять обстановку в России, издав 6 августа 1906 года Манифест о Государственной Думе: «Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включая для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется разработка и обсуждение государственных доходов и расходов».

Таврический дворец.

Место работы первых четырех Государственных Дум России и первого и последнего Учредительного собрания. Каждому, кто побывает в зале для пленарного заседания в этом дворце, а потом — в нынешнем думском зале-коробочке без окон на Охотном Ряду в Москве, сразу станет ясно, где ощущается больше света, воздуха и духа свободы.

Уже 11 октября 1905 года, после разгрома вооруженного восстания в Москве, издается указ «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу», которым практически все мужское население страны в возрасте старше 25 лет, кроме солдат, студентов, подённых рабочих и части кочевников, получило избирательные права. Право выбора не было прямым и оставалось неравным для избирателей разных категорий

(курий).^[346]

Выборы в третью и четвертую Государственные Думы проходили на основании высочайшего манифеста от 3 июня 1907 года «О роспуске Государственной Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу», а также нового избирательного закона.

Число выборщиков было коренным образом перераспределено в пользу помещиков и крупной буржуазии.^[347] Землевладельческая курия и крупная буржуазия избирали 2/3 всех выборщиков, а на долю крестьян и рабочих приходилось около четверти выборщиков. Сильно сокращалось представительство от национальных окраин.

Совершенно лишены избирательных прав были военнослужащие на действительной службе, учащиеся в учебных заведениях, лица до 25-летнего возраста и женщины.^[348]

Современного человека может возмущать такая недемократическая система выборов. Но она была, по крайней мере, ничем не хуже избирательной системы в Британии и даже в США. По крайней мере, плутократии в России было заметно меньше. В числе депутатов постоянно оказывались люди очень небогатые.

Бюрократия, аристократия, монархия и непосредственная демократия на местах были дополнены парламентской демократией, — и опять же народ оказался к этому вполне подготовленным.

Временное правительство

В эпоху Временного правительства Россия оказывается самым демократическим государством в мире.

22 марта 1917 года принимается постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Временное правительство объявляло о том, что оно исходит из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равными перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения. Поэтому все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются.^[349]

Постановление от 14 июля 1917 года «О свободе совести» объявляет, что каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода пользования гражданскими и политическими правами, которое не зависит

от вероисповедания. Никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

12 апреля 1917 года Временное правительство принимает постановление «О собраниях и союзах». Оно объявляло, что все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам. Таким образом, отменяются ограничения на создание общественных объединений. В то же время для обладания юридическими правами и средствами их защиты устанавливается регистрация обществ и союзов судом. Также судом принимается решение о принудительном закрытии общества и союза. Это были прогрессивные решения не только для своего времени.

1 сентября 1917 года Временное правительство своим Манифестом объявляет, что «государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику».

Таким образом, именно с 1 сентября 1917 года Россия обрела республиканскую форму правления.

Постановлениями от 20 июля, 11 и 23 сентября 1917 года было утверждено Положение о выборах в Учредительное собрание. Впервые не только в российской, но и в мировой истории избирательное право было предоставлено как мужчинам, так и женщинам по достижении ими 20-летнего возраста, а также военным служащим. Права участия в выборах лишались только лица, осужденные за ряд уголовных преступлений, дезертиры, а также члены царствовавшего дома (то есть весь род Романовых).

Временное правительство провозгласило настолько широкие права личности, дало пассивные и активные избирательные права такому количеству людей, что Россия с марта по октябрь 1917 года стала самым демократическим государством мира.

Как всегда, демократия, не обеспеченная ответственностью избирателя, мгновенно обратилась охлократией. Это и стало одной из причин Октябрьского переворота.

Учредительное собрание

Считается, что нынешняя Государственная Дума — наследница той, что возникла по царскому манифесту во время общероссийского кризиса

1905 года. Но это не совсем так.

Наша Государственная Дума — скорее преемница другого представительного учреждения. А именно, Всероссийского Учредительного собрания.

Его созыв был провозглашен важнейшей задачей Временного правительства в декларации от 2 марта 1917 года. Цель — принятие Конституции.

Выборы проводились всеобщие, прямые и тайные, пропорциональные (!) по партийным спискам. Это были первые в истории всенародные выборы, масштаба которых мировая практика еще не знала.

Общий список избранных членов Учредительного собрания включал 707 человек. [\[350\]](#)

Всероссийское Учредительное собрание открылось в 16 часов 5 января 1918 года в Петрограде в Белом зале Таврического дворца. Его председателем стал эсер В. М. Чернов, поддержанный 244 депутатами.

По вопросу о государственном строе собрание приняло постановление, в котором от имени народов нашего государства говорилось: «Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной Конституцией пределах, суверенные». Собрание успело принять Декларацию в пользу всеобщего демократического мира и основные десять пунктов Закона о земле, который передал землю в народное достояние без выкупа и был близок к Декрету о земле.

Фактически Учредительное собрание просуществовало 12 часов 40 минут. Именно столько было отпущено в первый раз демократии в России. Ну, такой демократии, как мы понимаем ее сегодня. Она кончилась, когда матрос Железняк сказал бессмертную фразу, обращаясь к «заработавшимся» депутатам: «Караул устал».

Примкнувший к большевикам анархист, начальник караула Таврического дворца Анатолий Григорьевич Железняков выполнил партийное задание. 6 января Совнарком принял тезисы о роспуске Учредительного собрания, а в ночь на 7-е ВЦИК утвердил декреты. 10 января в Таврическом дворце открылся третий съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, созданный в противовес Учредительному собранию. С трибуны съезда матрос Железняк рассказал, как он с группой военных разогнал «трусливое Учредительное собрание».

Какова судьба первого 100 % демократически избранного законодательного органа России?

Практически все его депутаты были уничтожены.

Разгон Учредительного собрания начался с расстрела мирной демонстрации интеллигенции, служащих, студентов, гимназистов, солдат и рабочих в поддержку собрания в Петрограде 5 января 1918 года. Газета «Дело народа» успела сообщить: «На углу Фурштадтской процессия встретила вооруженную засаду красногвардейцев, которые, взяв ружья наперевес, предложили разойтись, угрожая расстрелом и осыпая манифестантов площадной бранью. Во главе красногвардейцев находился какой-то солдат и мальчик лет 18. Попытки солдат, шедших с манифестацией, убедить красногвардейцев в недопустимости расстрела безоружных ни к чему не привели. Без предупреждения красногвардейцы открыли частый огонь. Процессия погибла. Стрельба продолжалась по лежащим.

Первым был убит разрывной пулей, разнесшей ему весь череп, солдат, член Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов 1-го созыва и член главного земельного комитета товарищ Логвинов.

В это время началась перекрестная стрельба пачками с разных улиц. Литейный проспект от угла Фурштадтской до угла Пантелеймоновской наполнился дымом. Стреляли разрывными пулями в упор, прикладывая штыки к груди. Несколько убитых... Много раненых... Красногвардейцы накидываются на безоружных знаменосцев, отнимают знамена. Красногвардейцы занимают Литейный проспект до Пантелеймоновской улицы. Этот угол становится ареной борьбы. Со всех сторон подходящие колонны подвергаются перекрестному огню... Взад и вперед носят носилки, мелькают повозки Красного Креста. Тут же, из-за чего-то поссорившись, стреляют друг в друга красногвардейцы. Процессии рассеиваются, оставляя раненых и убитых».

В июле 1917 года стрельба в Питере уже велась. Тогда большевики вывели вооруженную демонстрацию — и тоже под лозунгами за демократию. Правда, они требовали передать всю власть Советам. Но в июле захватить власть духу у них не хватило. А Временное правительство не решилось на эффективное подавление мятежа. Немного постреляв, солдаты ушли в казармы, лидеры большевиков — в подполье, а правительство отложило выборы в Учредительное собрание на ноябрь. И тем самым подписало себе приговор.

Часть депутатов Учредительного собрания погибла во время развернувшегося в стране большевистского террора; в ту же ночь в Мариинской больнице были убиты кадеты Ф. Ф. Кокошкин и А. И.

Шингарев. Часть — во время Гражданской войны, одной из причин которой стал именно разгон высшего законодательного органа. Наконец, те 20–24 % большевиков, что вошли в состав Учредительного собрания, были уничтожены во время большого сталинского террора. Остались зарисовки большевистских вождей, участвовавших в заседании Учредительного собрания в ту историческую ночь, — В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Ф.Э.Дзержинского, М.С.Урицкого...

«6 января партия Ленина при поддержке левых эсеров разогнала Всероссийское Учредительное собрание, непосредственного предшественника Федерального собрания Российской Федерации, — писал по поводу 90-летия Учредительного собрания доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН Владимир Лавров.

Партия Ленина совершила антидемократический государственный переворот».[\[351\]](#)

Выводы

В Российской империи всегда существовало народное самоуправление. И общинное, и корпоративное.

Существовал представительный орган власти — Земской собор, для своего времени даже более демократичный и обладавший не меньшими полномочиями, чем представительные органы Англии и Франции.

Власти также несколько раз пытались «сверху» ввести более широкое народное представительство даже на уровне верховного государственного управления. Но всякий раз мешала придворная камарилья, аристократия у трона.

Тем не менее, политический строй России никогда не представлял собой абсолютного господства монархии, как изучали мы по школьным учебникам. Это было сложное сочетание демократии, бюрократии, монархии и аристократии. Значение каждого из этих принципов могло быть разным в разные эпохи, но в целом элементы самоуправления и демократии существовали всегда. Россияне всех сословий всегда предпочитали самоуправление бюрократии.

Работа земских учреждений доказала, что самоуправление на местах в Российской империи прочно. И оно способно развиваться. На уровне отдельных губерний и городов земские учреждения фактически становились местными парламентами.

Работа Государственной Думы всех четырех созывов показала, что Россия готова к парламентаризму.

Возможно, проблема России в том, что демократия в ней оказалась даже слишком развита. Выразусь точнее — демократическая форма обогнала общественное содержание, обогнала готовность общества в тот момент самоуправляться не в пределах земства и города, а во всей необъятной державе. Что и стало одной из причин постепенного сползания России в большевистское безумие после октября 1917 года.

«Политический журнал», № 1, 2008 г.

Глава 5 Демократия в СССР

Возможно ли?!

Об СССР современный российский школьник и студент чаще всего знает одно — это тоже была «империя зла»! Ужасная империя, в которой не было и не могло быть демократии и прав человека.

Старшее поколение не очень согласно с этим мнением просто потому, что еще помнит Советский Союз. В СССР действительно не сложилось демократии в западном смысле этого слова: права избираться и быть избранным в органы власти, права гласно выражать свое мнение в печати, права не соглашаться с решениями власти и не участвовать в ее политике.

Не будем впадать в ностальгический самообман — ничего этого в СССР реально НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Все права граждан, провозглашенные в конституциях, от Конституции 1924 до Конституции 1977 года, оставались на бумаге, и с бумажкой этой никто не считался. Реально правили даже не Советы разного уровня, а Коммунистическая партия, КПСС. Точнее ее руководство. С каждым из ее съездов мы удовлетворенно приходили к выводу, что «руководящая роль партии» в обществе возрастает. Крамольников негласно карал Комитет Государственной Безопасности, КГБ.

Для молодых читателей, кто не помнит, как реально осуществлялась Советская власть (т. е. власть выборных Советов) на местах, рассказываю классическую схему «народного советского самоуправления» уровня, скажем, района. Итак, заседание некоего районного Совета (например Н-ского района Н-ской области РСФСР, численность жителей условно 100 000 человек) назначается на понедельник в 14.00.

Все депутаты райсовета работают на общественных началах, но, естественно, на сессию райсовета по сложившейся традиции их отпускают с предприятий на весь день, благо сессия не часто, несколько дней в году.

Райсовет, который должен рассмотреть некие важные вопросы жизни района, обычно собирается в актовом зале здания райисполкома (избираемого Советом на несколько лет исполнительного органа районной власти, по-нашему — администрации района). В этом же скромном административном здании обычно еще находится райком партии и райком комсомола, на соседних этажах, что удобно с точки зрения взаимодействия и экономии. Поэтому, кстати, зал заседаний на все три организации —

один.

В 10.00 утра того же дня в том же зале собирается конференция районной партийной организации. В президиуме, в центре — первый секретарь райкома, его замы, председатель райисполкома (он всегда член бюро райкома партии «по должности», как председатель райсовета — так же обычно член бюро райкома). В зале — делегаты конференции.

Теперь главное. Среди делегатов конференции уже находится 2/3 участников будущего (через 4 ч) заседания районного совета. Почему? А как же: партия руководит и направляет, поэтому в любом Совете любого уровня «конституционное большинство» — за членами КПСС.

Удобно, когда заседания идут одно за другим. Предприятие отпустило ценного работника только на день: он до обеда «отработал» на партконференции, после обеда — на заседании Совета.

Начало представления. Первый секретарь райкома, достав на трибуне бумажку, информирует делегатов конференции, что «бюро райкома партии накануне рассмотрело... проработало... и руководствуясь... предлагает конференции принять следующие решения...»

Далее следуют подготовленные выступления делегатов и короткая дискуссия (если позволяет характер первого секретаря и хватает времени на обед, а также есть в наличии желающие «критически обсудить вопрос»). Делегаты конференции голосуют. Антракт.

В 14.00 — второе действие спланированного спектакля. Зал тот же. Публика немного меняется. Часть делегатов партконференции, кто не депутат, отправились по своим частным делам, но костяк сидит. К нему добавилась 1/3 новеньких — это те из районных депутатов, кто беспартийные и комсомольцы. В Президиуме те же самые лица, но первый секретарь райкома и председатель райсовета поменялись местами. На трибуну выходит председатель райсовета (или райисполкома, это вмешательство «исполнительной власти в законодательную» никого не смущает, тем более, что нередко — это вообще одно лицо) и зачитывает по бумажке тот же самый текст:

«На состоявшемся вчера... рассмотрели, обсудили, проработали»... Далее идет новелла: «Прошедшая накануне партийная конференция района также рассмотрела... и руководствуясь... решила...»

Все согласно кивают. Далее можете продолжить сами...

Предположить, что партконференция (делегаты — ну, почти рядовые члены партии, по крайней мере, не получающие напрямую материального вознаграждения) не поддержит полностью и безоговорочно предложения бюро горкома, то есть профессионального аппарата, еще теоретически

можно. Говорят, такое иногда бывало. Это всегда — ЧП областного, иногда республиканского масштаба. Но вот предположить, что Совет может не согласиться и не поддержать решение партконференции — уже невозможно даже теоретически. Точнее математически.

Не буду, дорогой читатель, проводить напрашивающихся аналогий с современной действительностью. Как пелось в популярной песенке времени «расцвета застоя»: «Думайте сами, решайте сами... иметь или не иметь». Я, конечно, имею в виду демократию.

В общем, никакой демократии, никакого «народовластия» (это я не подделываюсь под советский стиль, а просто перевожу слово «демократия» с греческого на русский) не существовало и в помине.

Все это совершенно справедливо. Но ведь была и другая сторона советской власти, о которой сейчас говорить не принято.

В конце концов, демократия — это еще и защищенность отдельного, особенно рядового, человека. Это и возможность самостоятельно изменить свое положение в обществе. А по обоим этим параметрам советский строй был, по крайней мере, не хуже западных демократий, а то и лучше.

И еще. Многие считают советский строй чем-то чужеродным для России, принесенным с Запада. Идеология марксизма действительно принесена с Запада и не имеет глубоких корней в народной русской традиции. Но Советы — как раз очень русская система власти. И уходит она корнями в Земские соборы.

Сущность советского строя

Классическая позиция сторонников демократии такова: демократия начинается с того, что собирается орган, который учреждает самые основные принципы нового политического устройства. Прямо как в США: «Мы, народ Соединенных Штатов, даем сами себе эту конституцию...»

В 1917 году пропагандировался созыв как раз такого органа: Учредительного собрания.

Теория была такая: Учредительное собрание — это как бы собрание из 60 или 70 миллионов взрослых россиян, отдельных самостоятельных личностей, которые учреждают сами себе образ правления и верховную власть. Эти люди не могут все сразу собраться в одном зале или на одном поле и поэтому они выбирают своих представителей, чтобы учредить новую власть.

На местах те же самые отдельные личности выбирают местные органы

власти. Муниципальные городские думы, волостные и губернские собрания — это та низовая власть, которая пусть себе и существует до и независимо от верховной власти, которую установит Учредительное собрание.

Россияне вполне готовы избирать и быть избранными. Они вполне могут и учреждать новые формы власти. В 1917–1918 годах прошел Церковный Собор русской православной церкви. На нем было восстановлено Патриаршество и избран патриарх Тихон. Так же, наверное, большинство проголосовало бы и за царя... если бы им дали слово. Но, конечно же, они не проголосовали бы за царя Николая II (тем более после постыдного поражения от «макак-япошек», «кровавого воскресенья», Распутина и бессмысленного четырехлетнего участия в общемировой бойне) и не стали бы утверждать на престоле «скверную полунемецкую династию», как назвал Романовых неискоренимый монархист Пуришкевич. [\[352\]](#)

А самое главное — большинство народа хотело не парламентской демократии. Она казалась им слишком формализованной и «холодной». Образом демократического правления для них был скорее сход на местах или Собор, то есть орган, в который выбирают своих представителей сословия и жители территорий. На таком Земском соборе должны быть представлены не личности, а группы людей. Цель Собора — учитывать коллективные интересы, а не частные.

Образом Собора на местах становится вовсе не выборная в городе или на территории Дума, а сход крестьян или горожан либо Совет.

Совет — это вообще поразительная система власти, удивительная помесь Земских Соборов Московии и парламентаризма. Советы родились как такие маленькие, местные Земские соборчики... Маленькие, местные, но собранные и оформленные именно как Земские соборы. [\[353\]](#)

На первый взгляд, Советы — очень примитивная форма власти, какой-то гибрид митинга с парламентом, исполнительной властью и даже с элементами суда одновременно.

Первые Советы руководили военными действиями, хозяйством, общественной жизнью, даже женили и разводили. А выборы в них велись разными партиями. И получалось — внутри советской системы был возможен и какой-то своеобразный парламентаризм, партийная борьба и т. п.

Но возможна советская власть и без партий, — они здесь не обязательны: могут быть, а могут и не быть.

Эта нерасчлененность функций совета непонятна для европейцев. В том числе и для русских европейцев — для европеизированного русского

городского слоя. Но это недостаток только с их точки зрения. Для большинства россиян вовсе не нужно расчленения власти по функциям, разделения ветвей власти.^[354]

В феврале 1917 года начали расти как грибы Советы рабочих и солдатских депутатов, а в провинции — Советы крестьянских депутатов: волостные, уездные и губернские. Долгое время Петроградский совет фактически выполнял роль Всероссийского совета, — тем более, приехать в Петроград можно было не из всех районов страны. Так в Московии Земский Собор иногда избирался меньшинством населения, голосами жителей Москвы и окрестностей, но считался именно Земским собором, то есть собором всей Земли.

При этом и всеобщие Соборы вся Земли — всероссийские съезды Советов появляются очень быстро.^[355]

4–10 июля 1918 года Пятый Всероссийский съезд Советов принял конституцию Советской России. Он официально закрепил создание нового политического строя: советской власти.

Партийной борьбы внутри советов больше не было: большевики уничтожили и запретили все партии, кроме своей собственной. Поэтому уже в 1920-е годы власть самих по себе Советов значила меньше, чем партийная власть ВКП(б), кактогда называлась КПСС. Номенклатура, то есть чиновники-коммунисты, фактически решали все вопросы, а Советы все больше становились ширмой. Не зря же этот строй называют еще «партократией». Фактически рычаги управления государством СССР находились в руках верхушки КПСС.

Но при всех своих недостатках советский строй давал возможность выражать свою позицию большим корпорациям: жителям городов и субъектов федерации, народам, профессиональным союзам. Он был сложным гибридом представительной, непосредственной и сословно-представительской демократии, во многом выраставшим из традиции Земских Соборов.

Советский человек участвовал в работе Советов разного уровня, выбирая в него депутатов, давая им наказы как часть трудового коллектива. Это создавало, по крайней мере, иллюзию того, что он становится субъектом права и обладает реальными политическими правами.

Но в этом смысле и западный человек участвовал в работе парламентов и прочих демократических учреждений, выбирая в них своих представителей. Чаще всего представителей политической элиты своей страны. В Британский парламент за всю его историю всего 5 раз входили

профессиональные рабочие. А вот в Советы они реально входили. Опять фикция?

Н. С. Хрущев.

Яркий пример выдвиженца советской эпохи. Начинал шахтером. Стал лидером сверхдержавы. Закончил почти счастливо пенсионером на огороде.

Кто он был? Двуличный партократ? Раскаявшийся убийца? Беспринципный предатель, оплевавший память своего покровителя? Или человек, сумевший сохранить в сердце человечность, способность к состраданию, искренне признавший свои ошибки? Свернувший страну в сторону с колеи тотального террора? Бог — судья...

Да — с одной стороны. Советы всех уровней реально значили все меньше, а партократия — все больше. Нет — с другой стороны. Потому что

депутаты Советов все же могли что-то решать — пусть в очень ограниченных масштабах.

Возможность управлять государством у отдельного человека при советской власти была невелика: для этого ему следовало стать чиновником в системе партийных назначенцев, ему следовало сделать партийную карьеру, войти в узкий круг тех, «кого партия знает» и «кому партия доверяет». Но ведь никто не мешал рядовому человеку вступать в КПСС и делать партийную карьеру. И есть много примеров того, как эту карьеру делали люди, начинавшие очень с немногого.

Конечно, даже став партийным функционером, чиновник мало что решал. Бюрократия всегда работает, подчиняясь импульсам сверху, а не снизу. Впрочем, в таком громадном государстве как Россия, центральное управление, как правило, всегда недемократично.

До 1917 года у трона стеной стояло дворянство — аристократия. Теперь в этой роли выступала верхушка КПСС, профессиональные партийные функционеры. Качество, конечно, другое... Аристотель назвал бы номенклатуру скорее не аристократией, а олигархией, которая сама захватила власть.

Но и там, и тут — кучка людей, присвоивших себе право распоряжаться верховным управлением страной. Кучка порой сужается до считанных единиц — тех, кто принимает даже судьбоносные решения. Скажем, ввод советских войск в Афганистан в 1978 году (т. е. по сути присоединение Афганистана к «большому СССР») с последующей войной с моджахедами — «приговорили», как считается, три человека.

Сравним: присоединение Украины с последующей войной с Польшей при САМОДЕРЖЦЕ Алексее Михайловиче «приговаривал» Земский собор.

Власть партии единомышленников в этом смысле не лучше и не хуже любой другой формы олигархии или монархии. И, судя по всему, может даже лучше американской плутократии.

Если отвлечься от личных пристрастий и взять в руки томик Аристотеля, то, видимо, советский строй правильнее всего назвать смесью олигархии и бюрократии.

Бюрократии было много, демократия оказывалась очень уж не современная. То, что прекрасно смотрелось в XVII веке, в XX оказывалось очень уж устаревшим и не соответствовавшим реалиям нового времени.

Но это дополнялось огромными социальными гарантиями и правами человека на местах и в профессиональной сфере.

Социальная защищенность

Всегда считалось: одна из самых больших потерь каждого эмигранта, который бежал из СССР в любую пору его существования, — потеря чувства социальной защищенности.

В СССР ходила шутка, что «профсоюзы защищают трудящихся даже тогда, когда они не трудятся». Так и было. Человек приходил на работу, и уволить его не было почти никакой возможности, что бы он ни выделывал. Можно было приходиться на работу пьяным и ругать начальника матом, можно было в рабочее время раскладывать пасьянсы, травить анекдоты и валять дурака множеством других способов.

Не всем эта сторона социальной защищенности была так уж нужна, но она ведь была.

Не говорю уже о неукоснительной оплате больничных листов, декретных отпусков, пособий по болезни и пенсий по старости, стипендий. Житель СССР мог трудиться не особо напрягаясь — свой минимум имели все, кроме разве что бродяг и многодетных мамаш из самых низов общества. [\[356\]](#)

Где бы ни работал подданный СССР, везде была очередь на получение жилья или на право вступить в жилищный кооператив. На богатых предприятиях предлагали подписать договор на несколько лет и призывно позванивали ключами от квартиры. На бедных — человек работал на квартиру и 10, и 15 лет. Но 15 лет — это срок получения бесплатной государственной квартиры. Получил — и кто же тебя из нее выгонит?!

Житель Запада тоже мог заработать на жилье. Но он или платил от 25 до 33 % своего бюджета за снятое жилье, или тратил примерно такую же сумму на выплату процентов по ипотечному кредиту. И платил не 10 и не 15, а, как правило, 20 или 25 лет.

А ведь многие советские люди получали жилье гораздо быстрее, чем за 10 лет, особенно в новых городах. Западный человек, если терял работу, то и платить по кредиту не мог. Болезнь вполне реально могла обернуться тем, что всей семье становится негде жить. [\[357\]](#)

Это жилье на этапе до конца 1970-х годов было ничуть не хуже западного. Как свидетельствует В. Аксенов, «советские «жилплощади» тесноваты, но они теплые и удобные», не требующие ремонта. [\[358\]](#) Да и ремонт тоже делало государство.

В свое время Марина Влади устроила в Париже выставку привезенного из СССР дамского белья. Лейтмотивом этой выставки было

примерно такое ощущение: «какой ужас!!!» Действительно, одежда советского производства была не лучшего качества и проигрывала западной. Женщины томились в очередях, чтобы «достать» колготки из ГДР или туфли из Венгрии. Француженки возводили очи горе при виде того, что надевали на себя их сверстницы в СССР. Но одежда и обувь всегда были, и всегда по доступной цене.

Советский человек в 1960–1970-е годы был даже сравнительно со средними странами Запада хорошо и без особых усилий обеспечен на уровне основных потребностей, причем пищей лучше, чем жильем, а жильем лучше, чем одеждой.

Добавьте к тому доступность транспорта и отдыха. Сегодня билет на самолет Москва-Владивосток стоит в 2,5 раза ВЫШЕ средней месячной зарплаты по России. В СССР он стоил МЕНЬШЕ одной месячной зарплаты по стране. Ездить на поездах могли люди самого скромного достатка. У жителей Москвы и Ленинграда, в том числе у студентов и младших научных сотрудников, была возможность в пятницу сесть в поезд на Таллин или Ригу, погулять по городу день, вечером опять на поезд — и домой.

Многие семьи, в том числе из Казахстана и Сибири, даже с Дальнего Востока, регулярно отдыхали на Черном море.

Путевки давал профсоюз — даром или за полцены. Проезд был дешевым.

Добавьте к этому доходящее до абсурда (с современной, но не с той, советской точки зрения) равенство в доходах.^[359] Шофер на Севере, член Академии наук, уникальный специалист, все они могли иметь максимальную зарплату в 800–1 000 рублей. При том, что минимальная зарплата составляла 90 рублей, а средняя по СССР — 140–150 рублей.

Разрыв в доходах мог достигать 10 раз. Пожалуй, это предел. Наиболее четко эта ситуация видна на примере советской армии. Лейтенант — выпускник училища получал в среднем около 220 рублей, значительно выше, кстати, средней зарплаты по стране.

Полковник, командир полка — около 400. Генерал — от 500. То есть разрыв — в 2–3 раза, не более. И это после 25–30 лет «безупречной» и тяжелой армейской службы. Никому в голову не приходило, что в одном городе могут жить люди с разницей в доходах не в 10, а в 200 или в 1000 раз. Что кто-то может ездить на машине, у которой другой сможет купить разве что покрышку колеса — если подкопит.

Уже давно, еще в 1960-е годы, на Западе стали писать, что именно опыт СССР подталкивал Запад к социализму. Ведь, если где-то существует

царство такой социальной защищенности, приходится, волей-неволей, на это царство равняться. Иначе жди неприятностей...

По крайней мере, с послевоенных времен Запад захлестывает вал социальных реформ, все новых и новых гарантий. Исходно их капитализм не знал. И современная европейская благодать, такая привлекательная для некоторых российских граждан, — прямая заслуга Советского Союза.

Социальная мобильность

В СССР социальная стратификация была заметно ниже, чем в странах Запада, уже благодаря праву — и фактической возможности — у почти любого человека приобретать какие угодно профессии. В СССР считалось, что способности и желания талантливой молодежи — нечто почти священное. Ограничивать юношей и девушек в их желаниях учиться и получать профессии, казалось совершенно безнравственным.

Доступность лучшего в мире (на 1960–1970 гг., [\[360\]](#) оговорюсь) высшего и средне-специального образования открывала перед всеми рядовыми гражданами Союза **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** равные возможности в развитии.

В этом отношении еще вопрос, где в большей степени было реализовано так называемое общество равных возможностей: у нас или в США. Сразу отмечу: я как автор по убеждениям — совершеннейший антикоммунист и считаю теорию Маркса экономически ошибочной, а практику Ленина-Сталина преступлением.

Но даже мне, честно говоря, кажется, что все-таки в Хрущевско-Брежневский период именно СССР имел куда больше прав называть себя **НАСТОЯЩИМ ОБЩЕСТВОМ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**. Никак не Америка.

То же самое касается и вертикальной стратификации, а попросту — социальной карьеры. Пропаганда обрушивала на жителя СССР каскады трескучих фраз про то, что ему открыты все дороги, что он идет по всему СССР как хозяин и что он может пройти путь от разнорабочего до министра.

В США тоже родился классический стереотип — от чистильщика обуви до миллионера. Только вот на практике никто не видел миллионера, который начинал бы с чистильщика сапог.

А в СССР не то, что представители элиты, а непосредственно руководители государства начинали именно с разнорабочих, с сельских

батраков и грузчиков. Хрущев из шахтеров. Брежнев был землеустроителем — техником-геодезистом. Путь в министры, партийные начальники был принципиально открыт.

Человек, в том числе самого скромного общественного положения действительно чувствовал себя субъектом права, и говорил, что «народ управляет государством». Субъектом права он, конечно, на самом деле, не был, управлял государством не народ, а верхушка КПСС, но тут важна психология, а не реальное положение дел. Такой человек мог попытаться и сделать карьеру... И нередко получалось. «Выдвиженцы» 1930–1950-х годов составили огромный отряд элитной технической интеллигенции в СССР, вплоть до руководства целыми заводами, промышленными округами, министерствами, отраслями экономики.

Конечно же, «выдвиженцев» тщательно проверяли: нет ли у них в роду «классово чуждых элементов», всегда ли они были лояльны к советской власти, и как там у них по части пролетарской идеологии. Но если у «выдвиженца» характер был «нордический» и стойкий, с мозгами и оргспособностями все в порядке, то продвигался он по служебной лестнице без вопросов.

А была область, где и классовое происхождение, и наличие чуждых элементов почти прощались: наука. В руководство крупного академического института сына «врага народа» могли и не пустить, но стать доктором наук, профессором, заведовать лабораторией или сектором он мог.

Положение дел изменилось, когда положение верхушки КПСС окончательно сделалось полунаследственной: в 1970–1980-е годы. Эту эпоху называют иногда временем «самозащиты советской власти от пришельцев». И это не грустная ирония, это довольно точное описание того, что происходило в стране. По сути, партия окончательно превратилась из, хотя бы плохой, шаткой, но карьерной лестницы, в монолитную стену без окон и дверей. Не свой — не пролезешь.

Олигархия бюрократов не могла развиваться: на то она и бюрократия олигархов. Вести страну стало некуда, темпы развития снижались, СССР начал тихо загнивать.

Тогда у некоторых карьерных юношей и появилась мода на своего рода мужскую проституцию: чтобы добиться легкого успеха в жизни, надо было попросту жениться на дочке какого-нибудь партийного бонзы. Поколением раньше в такого рода жертвах не было никакой необходимости: парень мог добиться «почестей и славы» и сам.

А до эпохи «самозащиты власти от пришельцев» система более-менее

развивалась.

Бессмысленно сравнивать парламентскую демократию и советский строй: это будет сравнением квадратного метра и секунды.

Констатируем факт: советская власть вовсе не была примитивно тоталитарной и не знающей никаких элементов демократии.

Население СССР жило в своей, советской социалистической демократии — пусть очень своеобразной. Можно сказать даже — извращенной. Очень во многом она, конечно, уступает парламентской, но по некоторым пунктам ее превосходит.

Выводы

Россию так долго попрекали за априорную историческую неспособность к демократии, что многие из нас всерьез в это поверили. Иногда даже люди, называющие себя патриотами, вполне искренне гордятся именно тем, что в России демократии всегда был дефицит. Эдакий знак отличия: в Европе есть, а у нас нет!

Но стоит присмотреться, и фантастические конструкции рассеиваются, как утренний туман. Россия оказывается в историческом разрезе страной ничуть не менее демократичной, чем любая из держав Европы, в том числе и Британия, признанный лидер демократии.

И с демократическими вековыми традициями у нас все нормально.

Демократические институты у нас были не такие, как в Европе, да и само государство принимало совсем иные формы. Но чем больше вглядываешься в проблему, тем больше кажется — дело-то именно в форме. Всякий раз, как Россия некритически заимствовала западный опыт — просто потому, что он западный, тем самым более «прогрессивный» и подлежит непременно заимствованию, — всякий раз это кончалось плохо. В том числе и для развития демократии.

К сожалению, традиция совершенно не критически заимствовать западный опыт сохраняется. Вот уже сегодня в Государственной Думе отказались от мажоритарной демократии. Почему? «Посмотрите, как на Западе». Действительно, не везде конечно, но во многих странах мира действует та или иная форма пропорциональной избирательной системы.

Но почему мы должны непременно на это смотреть? Почему нужно использовать непременно чужой опыт, а не свой собственный?

В XVI-XVII веках Россия была самобытным, но ничуть не отстающим от других государством Европы. Вот после петровского чужебесия Россия,

и правда, отстала, на короткий срок превратившись в примитивное государство типа Древнего Вавилона. И потребовалось почти 100 лет, чтобы постепенно вернуться к сравнимому уровню развития демократических институтов.

С 60-х годов XIX века Россия по уровню демократии, по крайней мере, не хуже других, а временами явно вырывается в лидеры.

И в XX веке, при советской власти: во многом мы безнадежно отстаем, но в другом — лидируем, заставляя Запад подтягиваться до нашего уровня.

Наверное, развитие демократии в России нуждается не в слепых заимствованиях, а в развитии нашего исторического опыта.

Прежде всего уникального опыта рационального сплава достаточно твердой верховной «центральной власти» и абсолютно свободного развития местного самоуправления на всех уровнях: от ТСЖ в доме и муниципального собрания района до города и губернии.

Тогда мы и сами демократичнее станем, и в остальном мире будем вызывать не бесконечные упреки в «попрании основ демократии», а уважение, стремление изучать нашу российскую традицию, заимствовать наш отечественный опыт.

Помнить хорошее (Вместо заключения)

У вас в руках вторая книга из серии «Мифы о России».

Первая — «О русском пьянстве, лени и жестокости» — вызвала массу читательских откликов. И восторженных, и возмущенных. Признаюсь, не ожидал столь бурной реакции. За два месяца тираж первой книги допечатывался трижды. Это доказательство того, насколько важными для всех нас оказались вопросы, поднятые в «Мифах».

Спасибо всем, кто меня поддержал. Но останавлиюсь на критических письмах, которые пришли ко мне и в издательство.

Читатели указывают на неточности, какие-то описки, оговорки. Сразу подчеркиваю: представленные аналитические записки — не узкоисторическое исследование. Историки работают с первоисточниками. «Ворошат летописцы», по выражению Ивана III, рассматривают в лупы берестяные грамоты, опрашивают участников Куликовской битвы...

Так что давайте называть вещи своими именами: исторических открытий здесь не ждите. Мои книги основаны на известных работах отечественных историков и свидетельствах иностранных наблюдателей нашей действительности. Больше скажу: активно использую публикации в прессе. И даже в интернете. «Мифы о России» — это историческая публицистика.

Я не открываю Атлантид (и даже Трой). Просто подбираю факты в определенной последовательности и преломляю их под определенным углом зрения. И здесь возникают открытия...

Вот, например, в интервью «Комсомолке» по поводу выхода книги вспомнил историю, как в 1812 году в сражении под деревней Красное (по другим сведениям — Дашковкой), когда русские солдаты — вчерашние мужики, крепостные, засели под шквалом французской картечи в окопы и головы боялись поднять, их командир — генерал Раевский взял за руки двух своих служивших (!) при штабе армии несовершеннолетних сыновей — одному было 10 лет, другому 14 — и сам пошел с ними в атаку. Один из мальчиков поднял знамя Смоленского полка — и весь полк ринулся за ними в штыковую. Известный исторический эпизод Отечественной войны. Об этом писали Пушкин, Жуковский.

После этого интервью мне пришла масса читательских писем.

Забавно, но нашлись «знатоки», которые стали уточнять, что сыновьям Раевского было, по «их информации», 11 и 15 лет, что знамя они не несли и что якобы в атаку с отцом шел вообще только один его сын... Да, есть разные свидетельства, я это знаю. Но что для нас важно?

Для нас важен не десяток версий, в которых историческая правда порой блуждает, как в темном лесу. Это-то как раз значения не имеет. Зато есть яркий пример, который должен быть в каждом учебнике для курсантов российских военных училищ. Который нужен, например, чтобы пристыдить тех современных политиков и генералов, которые прятали за широкими спинами своих сыновей от Чечни.

По моему убеждению, не имеет значения, говорил ли в действительности Александр Невский: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» или эту фразу можно оставить на совести сценаристов гениального фильма 1938 года. Не имеет значения, было ли сказано в 1941-м политруком Клочковым его ставшее знаменитым: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва». И было ли героев-панфиловцев именно 28, а не «целая» рота, как утверждают некоторые новомодные «историки Великой Отечественной».

Этих бы «исследователей», да туда, под Волоколамск, как говорится, «с одной гранатой против двух фашистских танков». Там бы и поупражнялись в арифметике. Или — под Дашковку Помочь «мифическому» отроку — сыну Раевского держать «мифическое» русское знамя, шагая навстречу шрапнели.

Ведь речь в нашей книге не об «исторических деталях».

Речь о том, как наши представления влияют на сознание людей. Как формируется то, что называют духом нации. Ну, или моральным климатом в обществе. Это кому как больше нравится. Наша тема — актуальная национальная самоидентификация. (Простите наукообразность конструкции, это «профессорское»).

Доведу этот тезис до крайности. Оставляю историю историкам. Мои книги, как я уже упомянул, — историко-публицистические. И слово «публицистические» должно было бы стоять на первом месте.

Дюма говорил, что для него история — лишь гвоздь, на который он вешает свою картину. То есть роман. Не обладая, к сожалению, столь блестящим как у Дюма литературным талантом романиста, скажу, что для меня историческая фактура — это рамка для картины. Главное действие моих книг развивается не в далеком прошлом, а сегодня, в наших собственных головах. И шире — в общественном сознании сегодняшней России.

У США, считайте, просто нет истории. По сравнению с нами, хотя бы. Всего каких-то 200 лет. Но как же американцы умело, с любовью создавали ее, мифологизировали, вытаскивая на свет Божий все мало-мальски героическое и позитивное.

У нас история есть — великая, мудрая и богатая. Есть барин-аристократ генерал Раевский, шагнувший, чтобы поднять мужиков в атаку, навстречу смерти со своими сыновьями. Есть никому до того не ведомый политрук Ключков с его 28 чудо-богатырями. Примеров множество. Есть, наконец, «сиволапые» русские крестьяне, которые своими трудами столетиями создавали нашу страну. Тот самый русский народ, который веками подвергался оболганию. И, поверьте, мотивы тех, кто плодил мифы о России, значения не имеют.

Иван Солоневич пишет в «Народной монархии» про «германскую экспертизу» — про то, как немцы оценивали своего противника, СССР, перед войной: «Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста. Обломовы и Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки... На этом общем фоне расписывала свои отдельные узоры и эмиграция: раньше довоенная революционная, потом послевоенная контрреволюционная. Врали обе. Довоенная (имеется в виду, конечно, Первая мировая война. — В.М.) болтала об азиатском деспотизме, воспитавшем рабские пороки народа, послевоенная — о народной азиатчине, разорившей дворянские гнезда, единственные очаги европейской культуры на безбрежности печенежских пустынь...» Таким образом, в представлении иностранцев о России создалась довольно стройная картина... В частности, в немецком представлении Россия была «колоссом на глиняных ногах». По Солоневичу, Гитлер сделал ту же ошибку, что и Наполеон. Тоже думал, что русские ненавидят свое государство и своих правителей, и стоит их от этой ненавистной власти попытаться освободить, как колосс Империи падет.

Сталин при всем своем тираническом и преступном складе характера оказался мудрее. Он понял, что под одним знаменем коммунистической идеи победить в Мировой войне невозможно, и поднял все: и Александра Невского, и Петра Первого, поднял и Русскую Православную церковь. Страна ощутила под ногами почву, родную землю, весь этот пласт нашей героической истории.

Ошибочность своей «Германской экспертизы» вермахт ощутил уже в первые дни войны, под Брестом. Брестская крепость вообще-то бралась штурмом дважды. Поляки в 1939 году ведь тоже не капитулировали. Они защищались и продержались в ней 2 дня. Советский гарнизон — без

комиссаров, загранотрядов, без воды и без надежды, на одном русском мужичьем упорстве против стократного превосходства немцев — 2 месяца.

Мы не имеем права думать о себе плохо. Мы не имеем права думать плохо о нашем народе. Это — основа основ. Не «говор пьяных мужиков» с их пляской, топаньем и свистом остался в истории. Осталась величайшая страна в мире, которую мы от этих русских мужиков унаследовали. Низкий им поклон.

Это надо понимать и поднимать. Нужно говорить о кулаках, о крепких хозяйственниках, о тружениках. Помнить надо хорошее и доброе. А те, кто рвет рубаху на груди: «Я люблю Россию люблю — и грязную и пьяную люблю, вот и этого пьяненького, уснувшего на паперти, люблю...» Что про них сказать? Я тут вижу только интеллигентское юродство и кокетство. И, кстати, леность мысли. Такое впечатление, что последнее, что читали эти критики, — журнал «Огонек» образца 1990 года.

«Значит, никакой критики?» — немедленно раздастся ехидный вопрос. Нет, конечно. Самокритика нужна, важна и все, что хотите. Но не надо в самокритике, как говорится, доходить до хамства. Нельзя выплескивать вместе с водой ребенка. Прошное формирует наше сознание. И этот процесс требует бережного отношения.

Я изложил свое кредо.

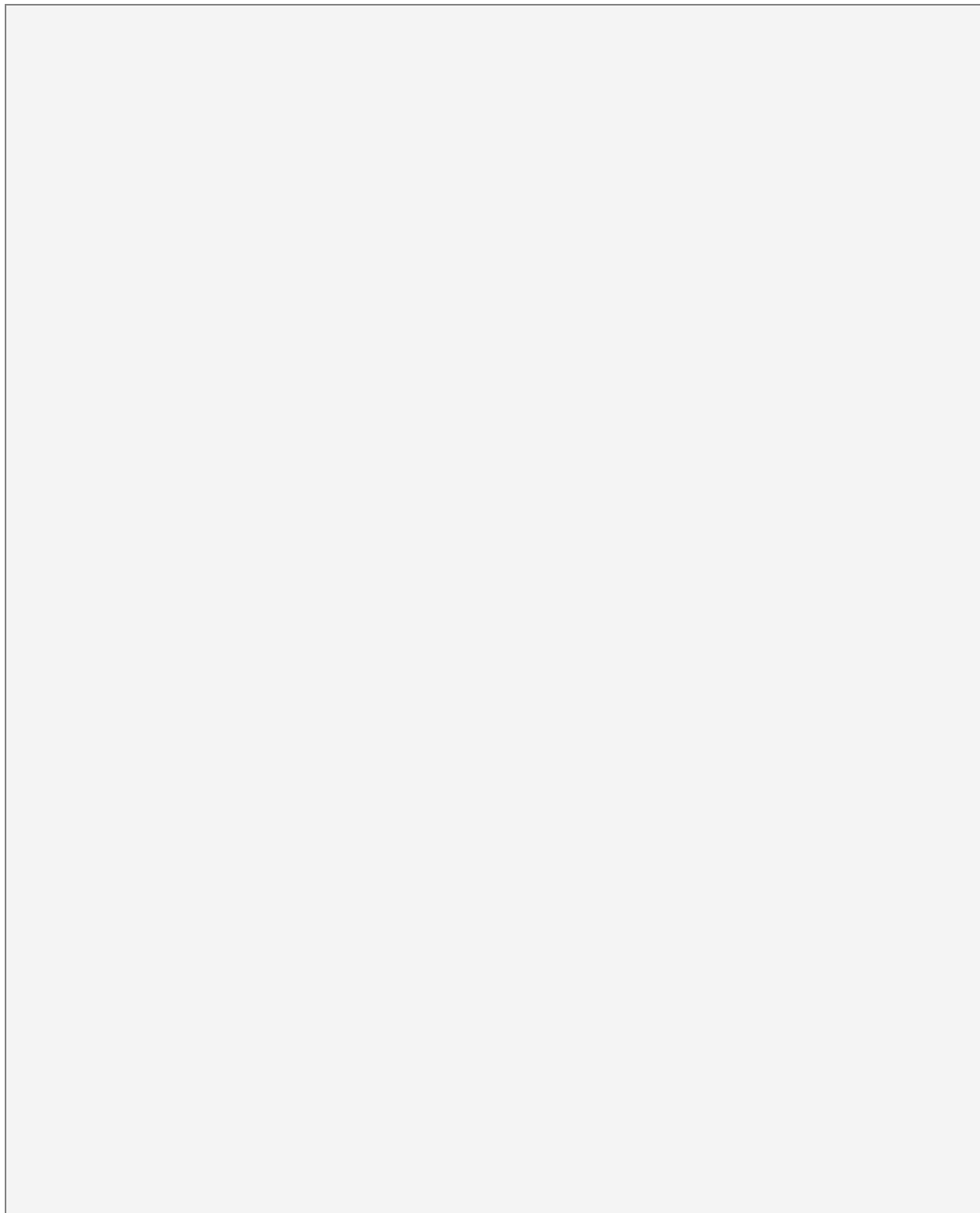
Но все выше сказанное опять-таки не означает, что историческая точность для меня как автора не имеет значения. Все исторические факты проходят скрупулезную проверку, которая требует поистине энциклопедических знаний.

Поэтому у этой книги есть замечательный научный редактор — ученый, доктор наук, профессор Андрей Михайлович Буровский. Если читатель найдет, что уточнить, пусть пишет по этому адресу: AridreyBurovsky@mail.ru. Неточности будут исправлены, как мы их уже исправляем в серьезно переработанном тексте книги «Мифы о России: о русском пьянстве, лени и жестокости». Ее второе издание выйдет в ближайшее время.

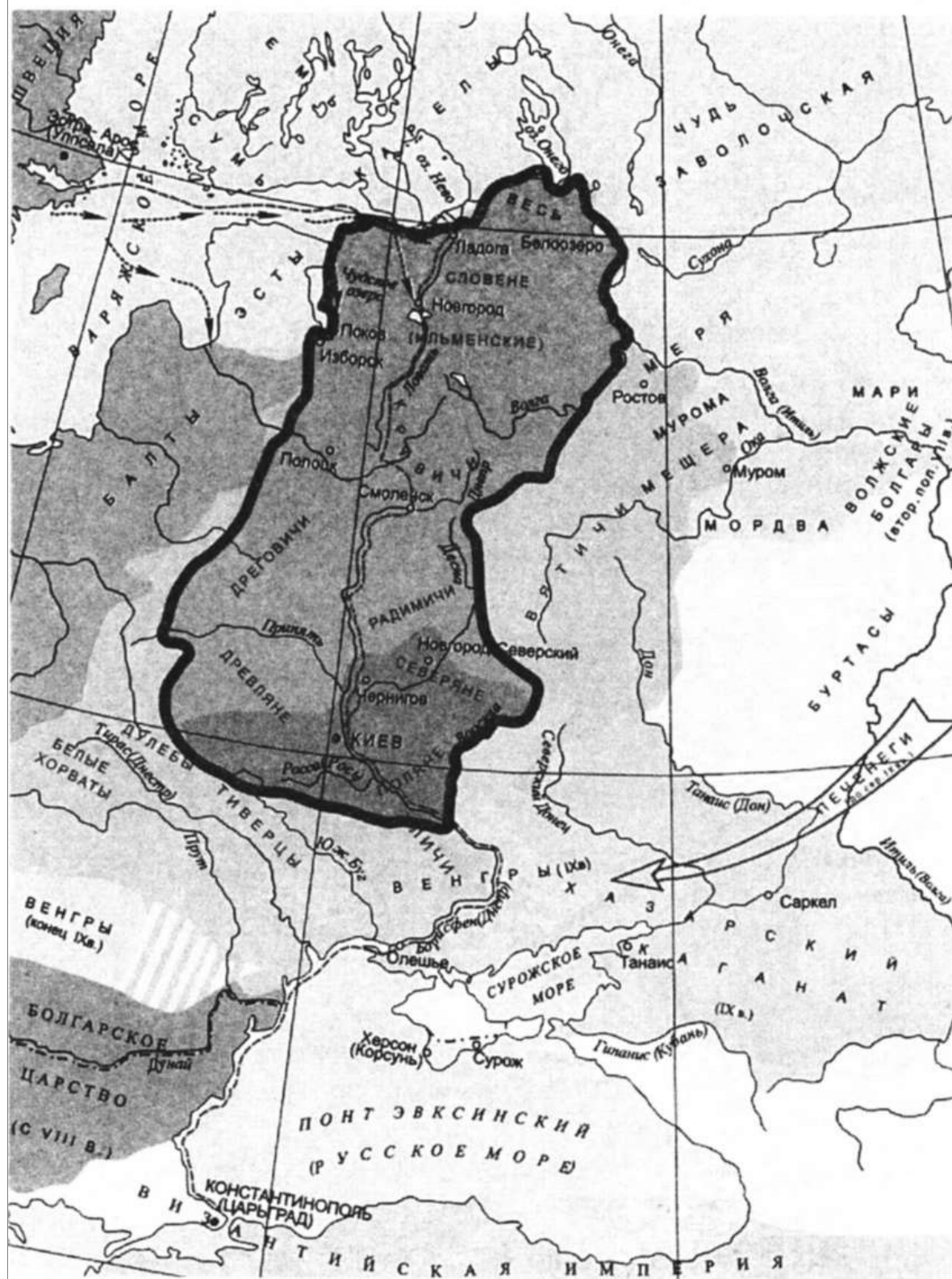
С уважением к нашим замечательным читателям,

Искренне Ваш, Владимир Мединский

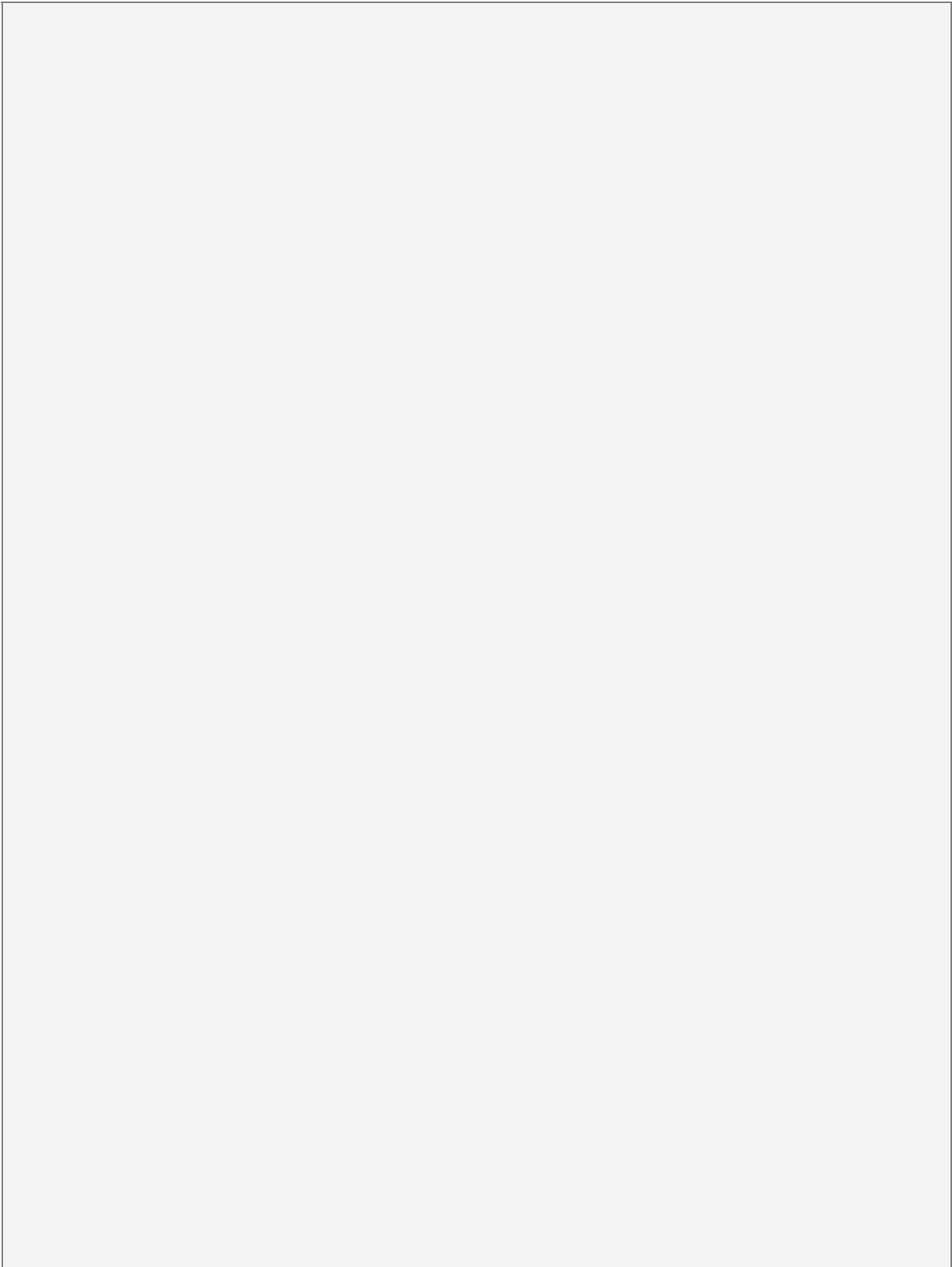
Приложения

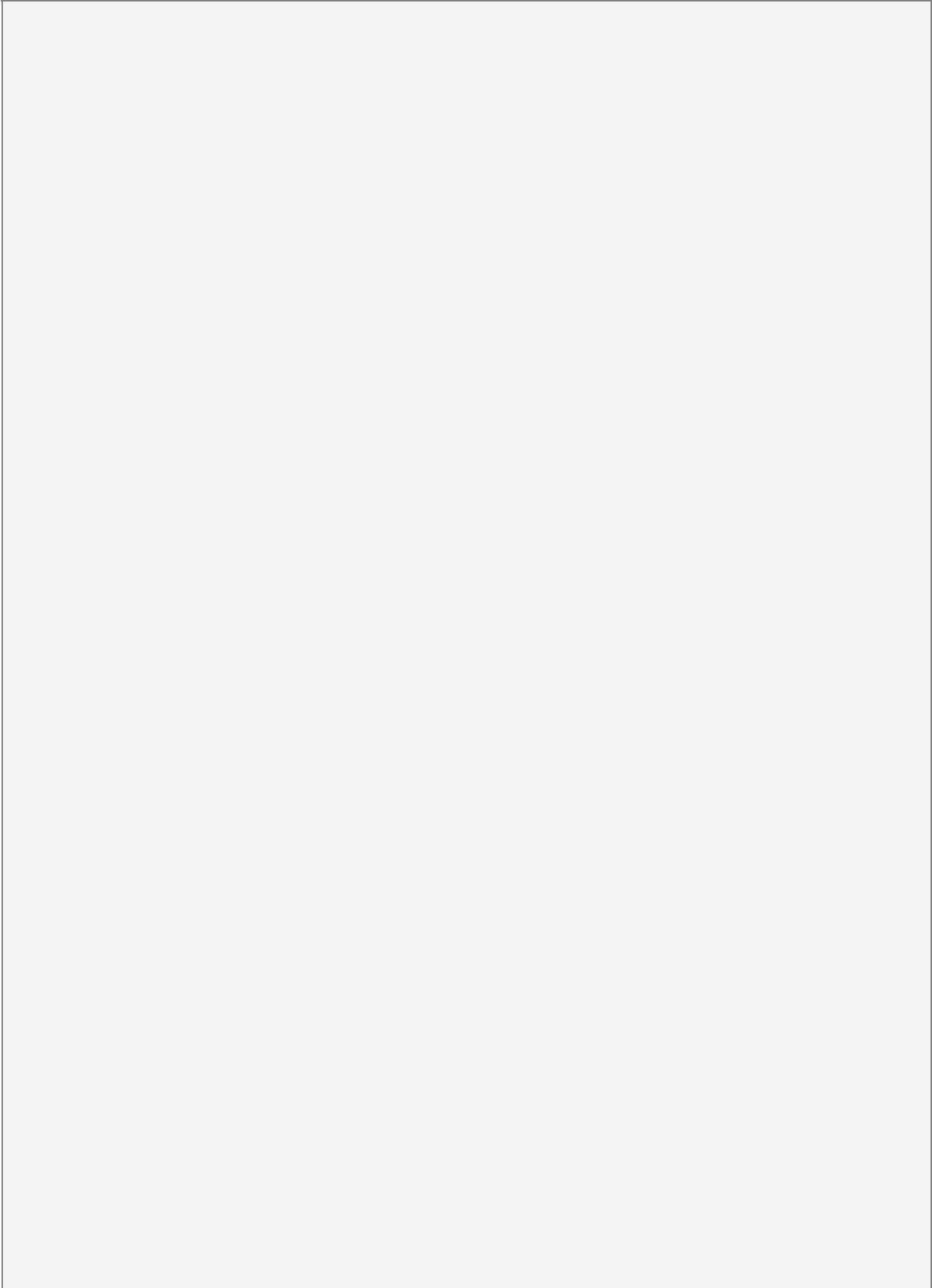
Приложения

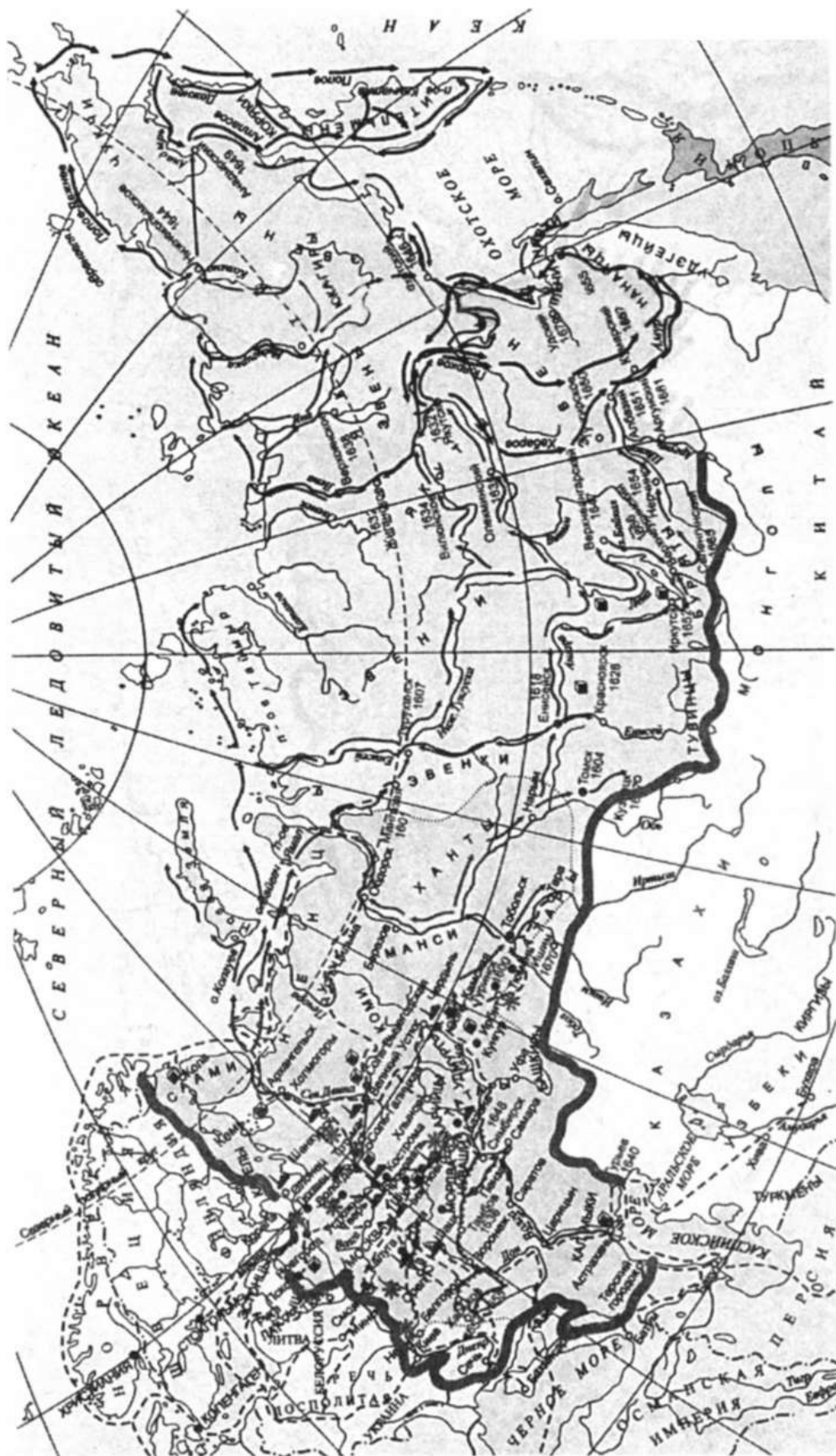
IX век

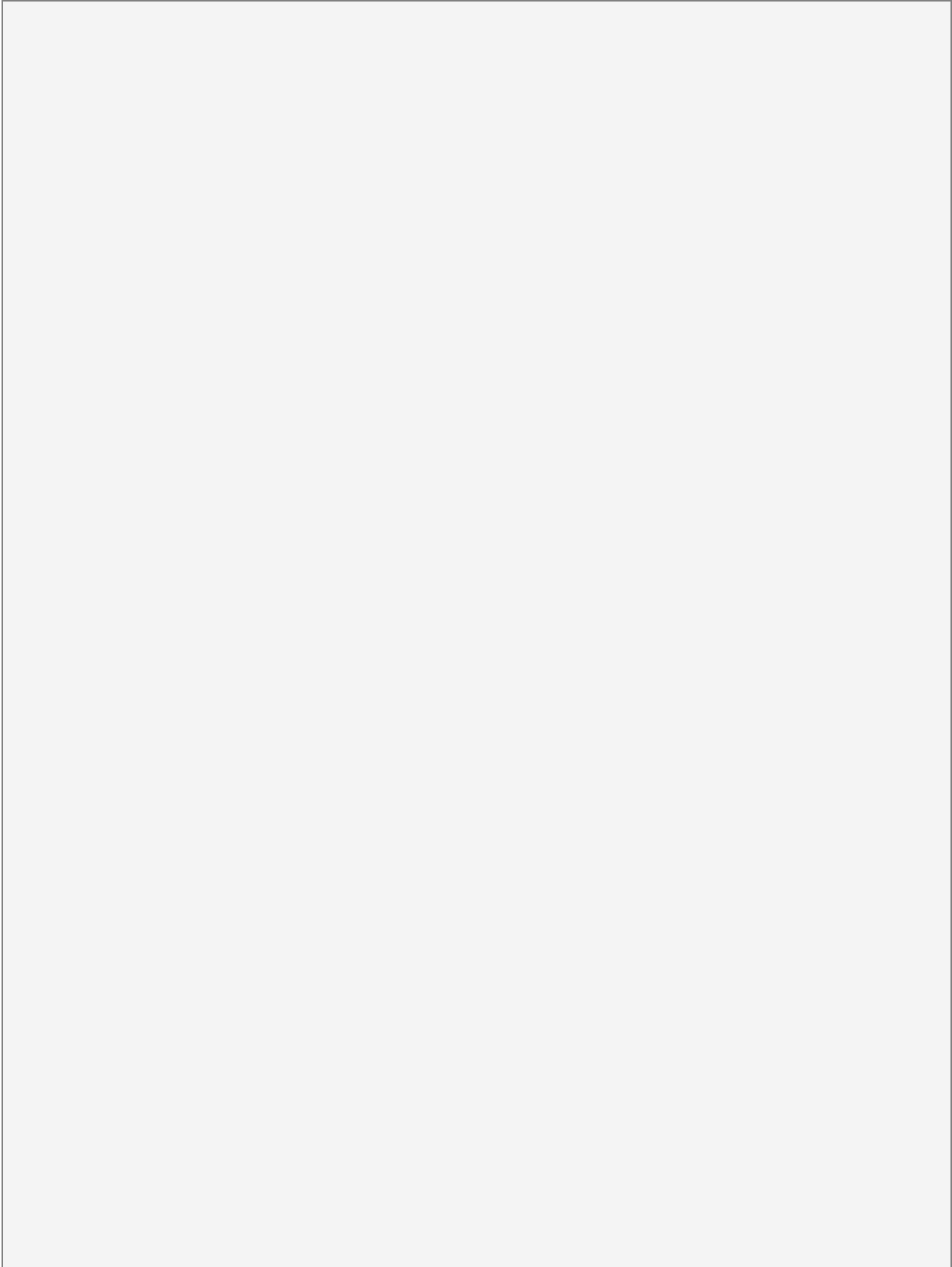

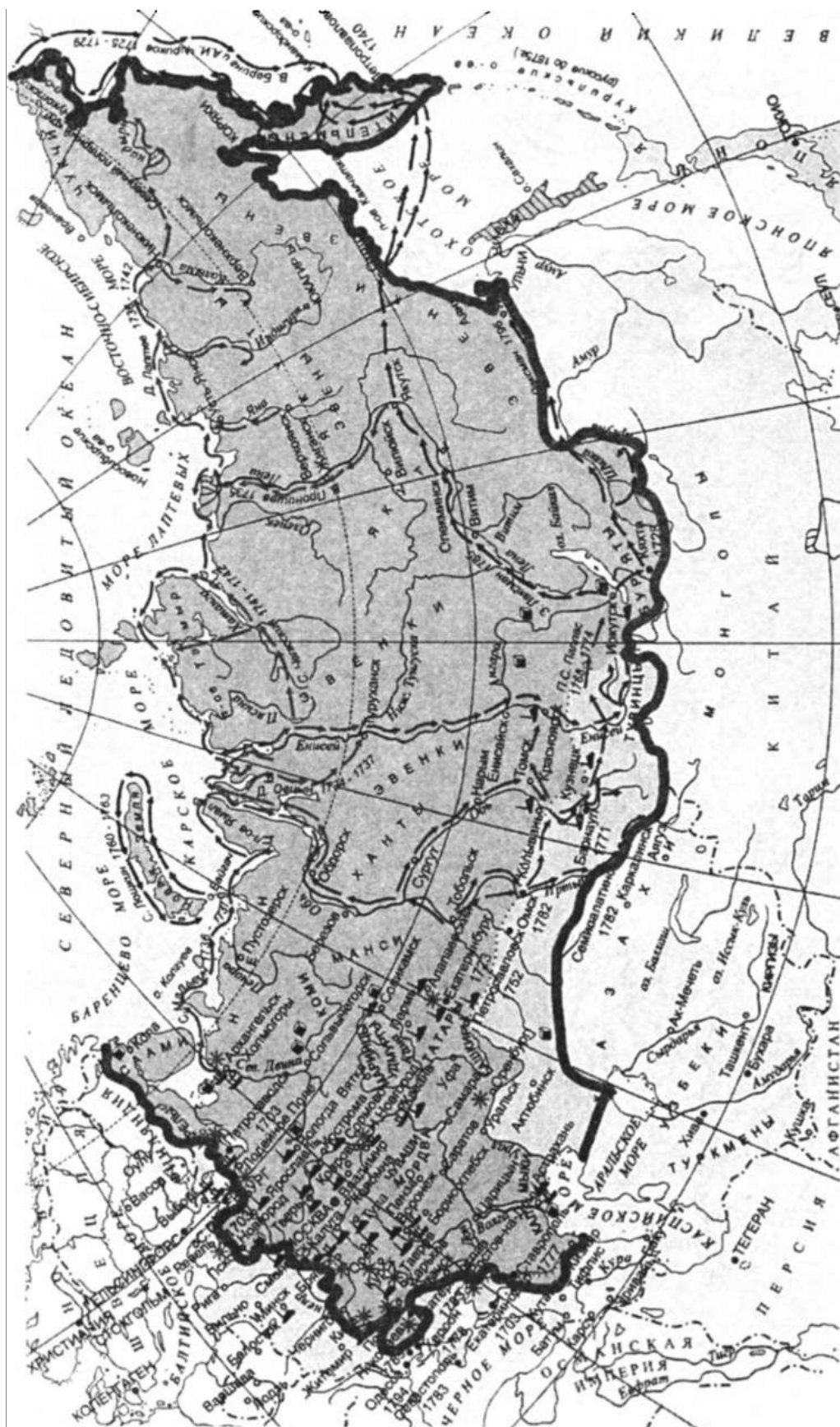

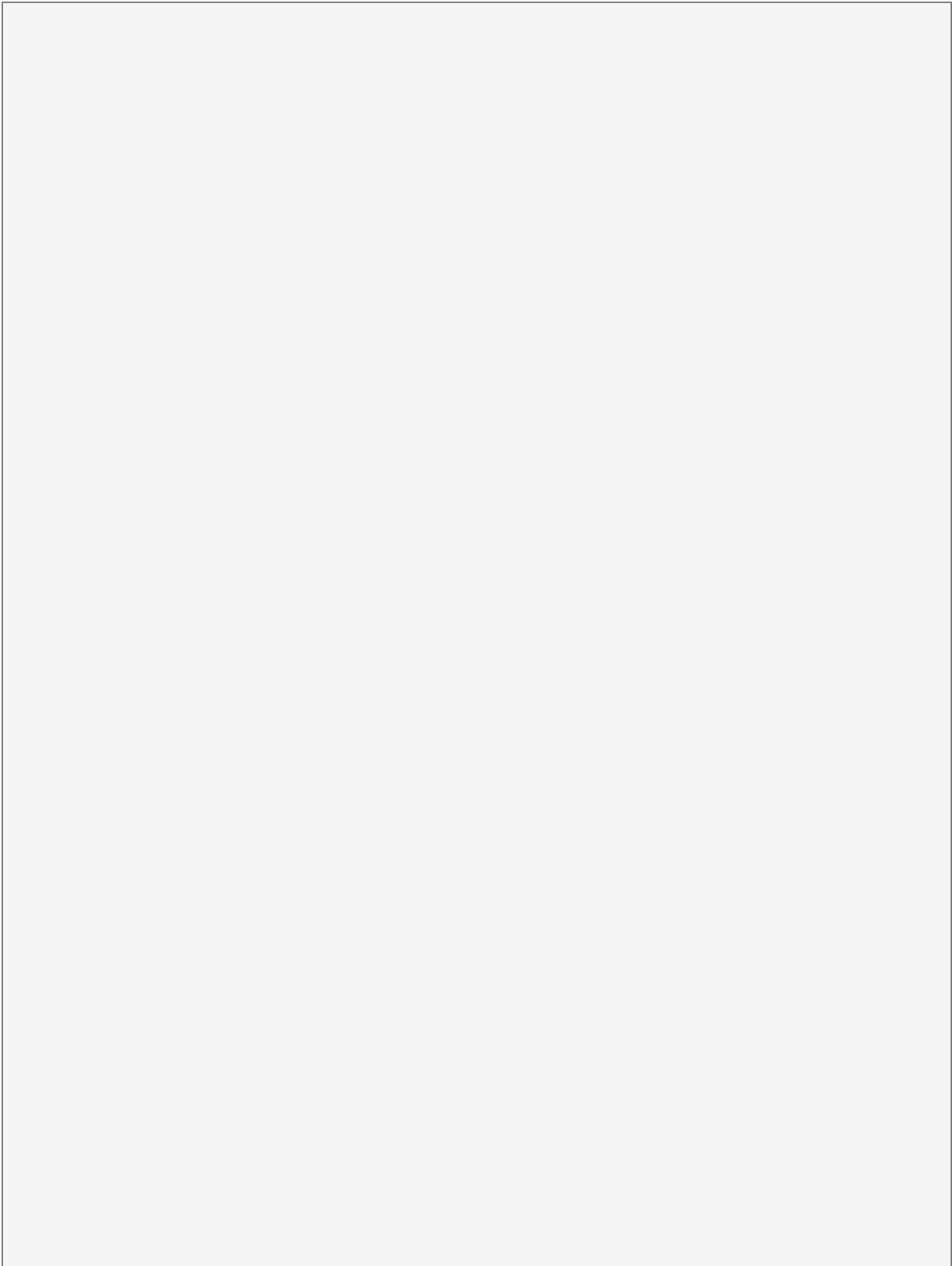

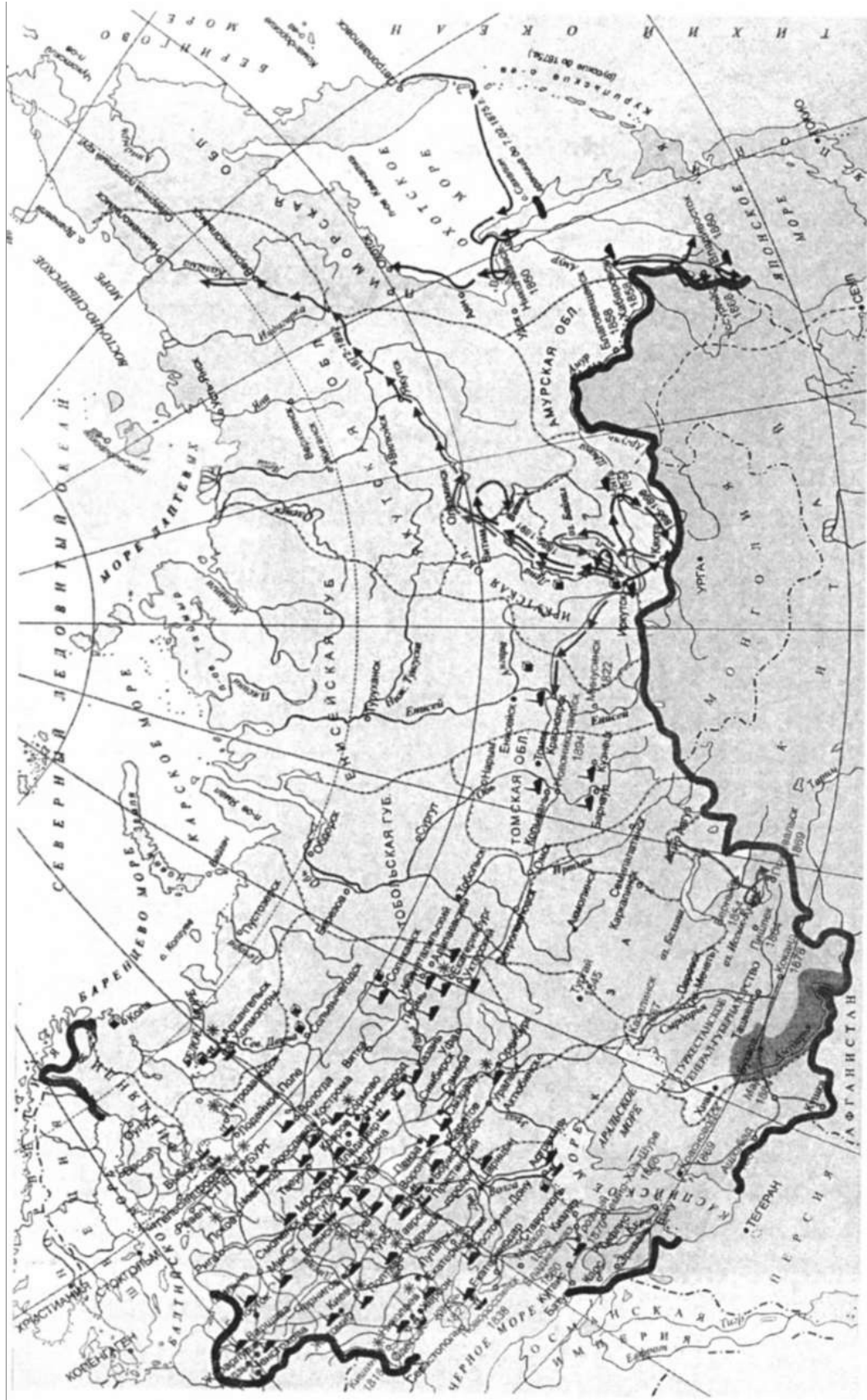

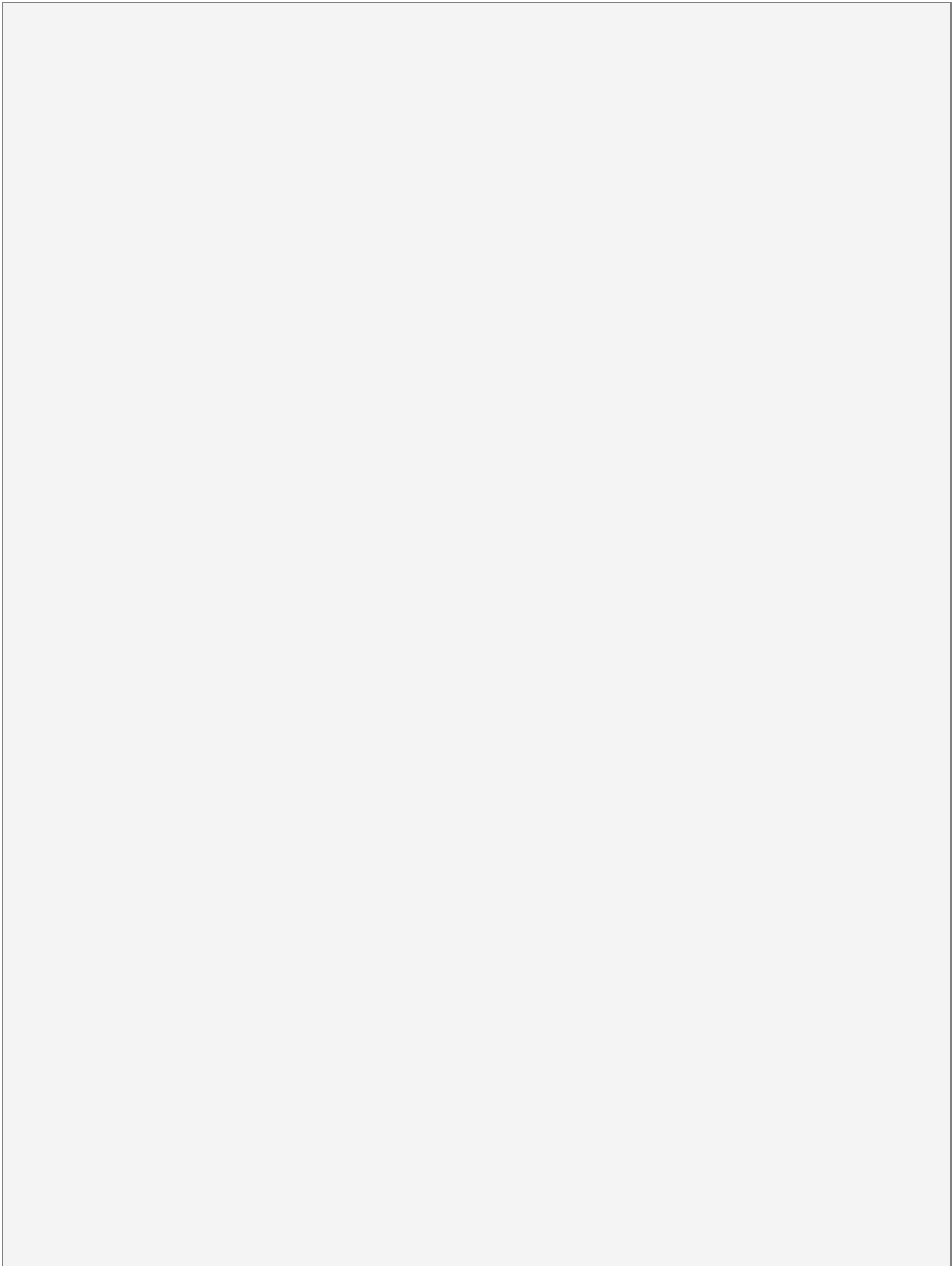

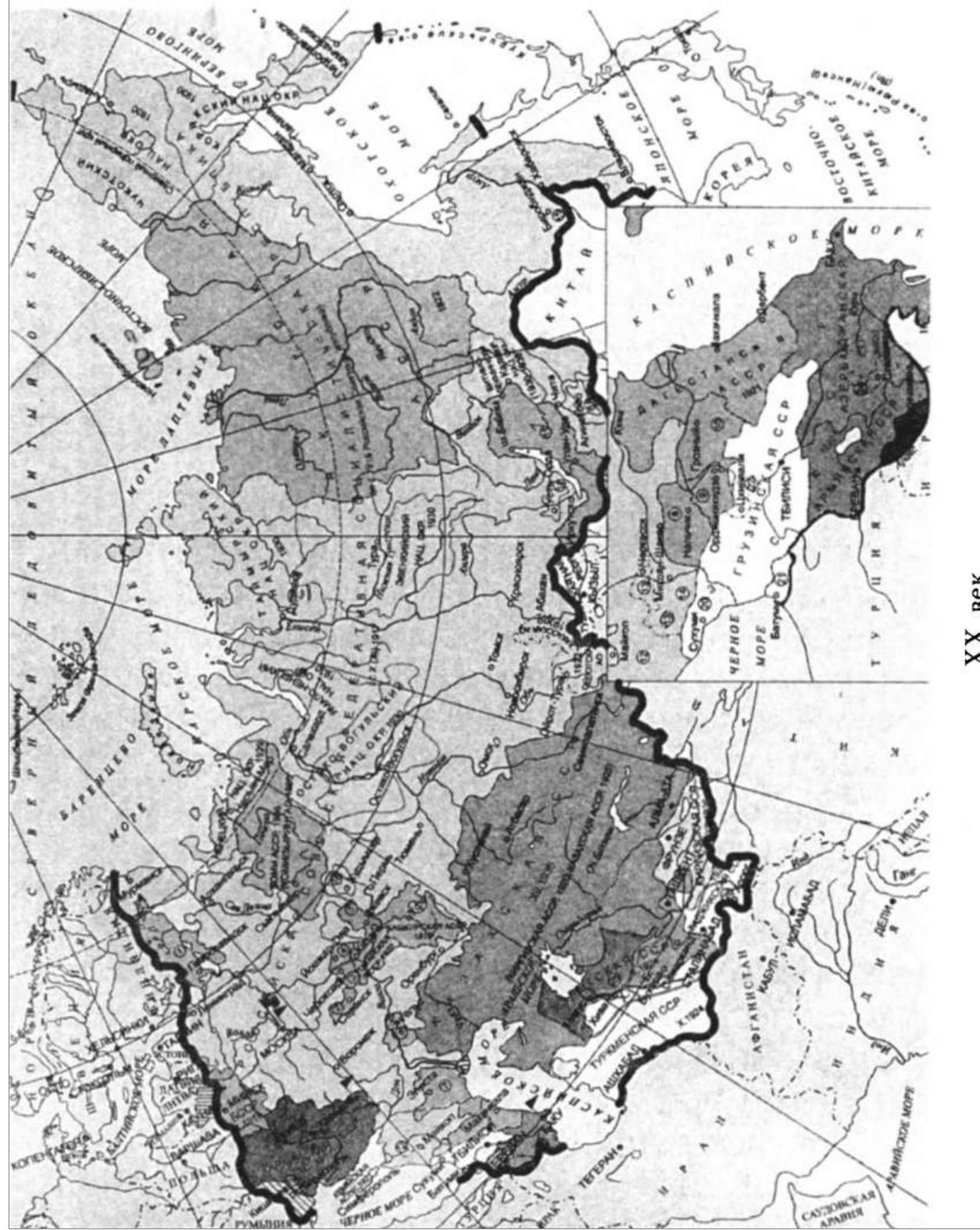

XIX век

XX век

Россия никогда не имела демократической традиции и поэтому не может существовать без «сильной руки». Вся ее история: от князя Святослава до Суворова и Жукова, от щита над воротами Царьграда, до казаков в Париже, советских танков в Вене и ракет на Кубе — это история непрерывающейся военной экспансии военно-бюрократического государства.

Сожжены и вырезаны Новгород и Казань, украден у татар Крым, разделена и обезглавлена Польша, закабалены свободолюбивые народы Кавказа, царскими колониальными войсками покорены независимые ханства Средней Азии. Везде Империя насаждала свои порядки, свою единственно верную «православную» веру свой чиновничий аппарат. Так, крошечная мононациональная Московия превратилась в гигантскую «тюрьму народов» почти в 1/5 суши.

При этом отсутствие европейской культуры быта породило в крестьянской стране ту ужасающую антисанитарию, неряшливость и вековую грязь, избавиться от которой Россия не в состоянии по сей день...

Так вот, все вышесказанное, по мнению автора, — ложь. В этой книге, второй в серии «Мифов о России», он доказывает совершенно обратное.

Читайте. Думайте. Спорьте.

Владимир МЕДИНСКИЙ

профессор МГИМО МИД РФ,
доктор политических наук,
Депутат Государственной Думы РФ

«Увлекательное чтение
... от остроумного автора»

Гидок

«Уже в первые дни книга вышла в лидеры продаж историко-публицистической литературы и сегодня занимает 1-е место по покупательскому спросу в книжных магазинах Москвы»

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

«Каковы отличительные черты России и русского народа? О дураках и дорогах все слышали. Да и о веселии, которое тесно связано с горячительными напитками, тоже. Мединский... взялся доказать, что серьезный недостаток у русских всего один, — готовность верить всему плохому о себе и своей стране»

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

У ЧИТАТЕЛЯ ЭТОЙ КНИГИ НЕПРЕМЕННО
СЛОЖИТСЯ «ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО НЕ
ТАК ВАЖНА ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА.
ГЛАВНОЕ — ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ»

**НОНСОМПОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

«Студентам и абитуриентам! У книги есть полезное качество, о котором не догадывается сам автор. Она — прекрасный помощник для подготовки к экзаменам. Масса фактического материала, который разложен по полочкам: во-первых, во-вторых, в-третьих... Настоящая лекция, что и неудивительно: автор — профессор МГИМО...»

НАШЕ ВРЕМЯ

ISBN 978-5-373-01914-9

9 785373 019149

Примечания

Только согласно 15-й поправке к Конституции США, принятой Конгрессом в 1870 г., негры получили всю полноту политических прав. (Прим. науч. ред.)

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1954.

Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1963.

Герцен А. И. Былое и думы. М., 2007.

Завадский Б. И. Пять лет за океаном. М., Советский писатель, 1960. С. 56.

Там же. С. 58.

Овчинников В. В. Сакура и дуб. М., Дрофа, 2003. С. 256.

Там же. С. 257.

Цитирую наше российское федеральное законодательство.

Пивбар по архитeктуре выстроeн в видe ракушки. (Прим. ред.)

Соленые палочки-соломка и картофельные чипсы.

Кто забыл «застойную» пивную, напомним: у нас бармен переворачивал кружку, ставя на специальную круглую площадку с дырочками. Надавливал, и она ополаскивалась изнутри струей проточной воды. Впрочем, такие «мойки» были приспособлены во всех советских автоматах с газированной водой и в уличных бочках с квасом.

Кристи А. Отель «Бертрам». Рассказы. М., 1989.

Геродот. История. В 9 кн. М., 2001.

Помните у Блока: «Да, скифы мы. Да, азиаты мы..

Благо, праздник приходится на 7 июля.*(Прим. ред.)*

Бейлис В. М. Арабские авторы IX — первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. С. 34.

Вообще, надо отметить, что средневековая европейская медицина как-то «мало дружила» не только с научно-медицинскими мировыми достижениями, доступными уже в ту эпоху жителям Востока, Индии, Китая, Японии, но и попросту со здравым смыслом. В великолепном романе Дж. Клавелла «Сёгун» о приключениях капитана британского военного флота в закрытой для иностранцев феодальной Японии, замечательно описывается, как всячески противится капитан (высокообразованный для Британии своего времени человек) тому, как лечит его японский доктор. Мучаясь от горячки, например, он старательно закупоривает в своей комнате после ухода врача все окна и щели, ибо «любому английскому лекарю известно, что нет ничего губительней, чем свежий воздух с улицы». Мыться и сменить одежду он тоже категорически отказывается, ибо знает, что горячая вода и пар уничтожат всю защиту организма, и недаром омовения делают уже лишь покойникам перед погребением, коим это «повредить уже не может». Так что в отношении католической и протестантской церквей к бане не было ничего удивительного.

Имеется в виду Париж.

Холмов было 7, как мы знаем, ровно как и спустя многие века в Москве.

Вспомните анекдотичную ситуацию с переписью 2002 г., когда численность населения Москвы несколько раз просто «исправлялась» столичными чиновниками в угоду «высшим политическим интересам», в т. ч. для получения дополнительных денег из федерального бюджета в качестве «столичных субвенций». То было 9 млн человек, то 10, то даже 11. При этом любой здравомыслящий человек, хоть изредка сворачивающий на машине с наезженной колеи Барвиха — Новый Арбат, 36 — Тверская, 13, осознает, что РЕАЛЬНАЯ численность населения города не имеет к этим абстрактным цифрам НИКАКОГО отношения.

Лондон Дж. Люди бездны // Лондон Дж. Люди бездны. Рассказы. М.: Правда, 1987.

Голон А. и С. Анжелика. В 8 т. М., 1991

Сразу отметим: если в современной Франции «исторически политкорректный» критик попрекнет Зюскинда в недостатке галло-франко-мушкетерского патриотизма, и обвинит его, негодника, в очернении светлого образа «Прекрасной Франции», Зюскинд сразу же ему ответит: «Помилуйте, мон шер ами, ведь все эти зловонные запахи Парижа в моем романе так ощущаются именно уникальным обонянием моего героя, это такое литературное вуаля-пададе, прием, так сказать. А герой мой — зловреднейший персонаж, извращенец и маньяк. Что ж вы от него хотите? Добропорядочные парижане такой вони не почувствовали бы. Болезненное, обостренное восприятие всего у моего несчастного юноши, так что увольте...»

Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб, 2006.

Фукс Э. История нравов. Т. 2. Галантный век. М., 1993.

Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Саблин, 1905.

Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1984.

Россия. В 2 т. Т. 1. СПб., 1880, С. 200–202.

Корбетский В. Деяния саксов. М.: Наука, 1975.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 89.

По данным Центра демографии и экологии человека РАН.

Россия. Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1898. С. 76.

Там же. 1914. С 74.

Напомним, в 1913 г. ВВП Российской империи — 5-й в мире. При этом Англия, Франция остаются все еще колониальными державами. Германия куда больше по территории и мощнее нынешней Германии. А есть еще безнадежно отставшие от России Япония, Китай, Италия и Бельгия (с Конго), Испания (с колониями) и Австро-Венгрия (Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, часть Польши, часть Югославии). Вот так... Сравните с нашими потугами вползти в G8 (Большую восьмерку), заявлять себя на равных с Бразилией и стремиться догнать по уровню жизни Португалию...

Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М.: Эксмо, 2006. С. 54.

Григулевин И. Р. Инквизиция. М., 1970.

Ефремов И. А. Указ. изд. С. 145.

В Рио-де-Жанейро экскурсовод НАОТРЕЗ отказался везти нас даже днем в фавелы — бедные районы Рио. За любые деньги: «Туда служебной инструкцией запрещено заезжать даже полицейским машинам, если машина одна», — шептал он. Так что скопище хижин без воды, канализации, электричества и газа, где живет пара-тройка миллионов человек, мы наблюдали со стороны.

Кто не верит, добро пожаловать вечером в Сандуны. Только лучше приезжайте не позже 7 вечера, а то в огромных сандуновских банях места вам может не достаться. И это при том, что билет туда, мягко говоря, совсем не дешев: 500 руб. на 2 ч.

В конце 1990-х гг. американские ученые, по заказу общественной организации March of Dimes, по заказу Всемирной Организации Здравоохранения при ЮНЕСКО, провели в 193 странах мира уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков. В исследованиях учитывались пороки генетической или частично генетической природы. Общие выводы специалистов March of Dimes: в целом, по миру каждый шестнадцатый новорожденный имеет серьезные генетические отклонения.

Результаты исследования показали, что генетическое здоровье нации в России до сих остается одним из лучших в мире. Число врожденных дефектов на тысячу детей, появившихся на свет в нашей стране, оказалось равным примерно 42,9 %. По этому, безусловно, невеселому показателю мы занимаем пятое место в мире. Среди постсоветских стран худшие показатели у Таджикистана (75,2 %) и Киргизии (73,5 %). Девяносто процентов детей с врожденными недугами появляются на свет в странах со средним и низким уровнем развития. Показательно, что США с их хваленной медициной и модой на здоровый образ жизни оказались лишь на 20 месте, уступив своей южной соседке Кубе. (Прим. науч. ред.)

Лично я видел только несколько таких фильмов: «Парфюмер», «Королева Марго» и сюрреалистичный фильм будущего «Тринадцатый район».

Грибоедов А. С. Горе от ума. М., Худлит, 1974. С. 36.

Термин, возрожденный в обиходе с легкой руки Владимира Владимировича Путина.

А как же — никаких аннексий и контрибуций, все по согласию. Так действовали английские и французские поселенцы в Америке. Ведь не воровали, не захватывали ничего насильно. Приглянулся им остров Манхеттен, удобная бухта для торговых судов, и КУПИЛИ у наивных вождей краснокожих. Точнее, поменяли, взяли по бартеру, так сказать. Кажется, «обменяли» остров, где сейчас находится центр Нью-Йорка, на связку стеклянных цветных бус.

О национальной гордости великороссов // Социал-демократ. № 35. 12 декабря 1914 г.

Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 2006. С. 113.

Там же. С. 54.

Там же. С. 44.

Кстати, в Европе А. де Кюстин считался известным монархистом, его семья, аристократического рода, жестоко пострадала в годы Великой французской революции. Это и послужило одной из причин, почему именно его пригласил «за бюджетный счет» сам император Николай Павлович в Россию написать книгу о нашей стране. Увы, Николай I жестоко просчитался. И Россия, и он сам — все французскому писателю очень не понравилось.

Чернышевский Н. Г. Пролог // Полн. собр. соч., том XIII, 1949. С. 197.

Зиновьев Г., Ленин В. Против течения. Сб. статей. Изд. Петр. Совета, 1918. С. 33.

«Эксперт», № 1, 2008 г.

Кто бы мог сегодня представить, глядя на мирных и, как нам почему-то кажется, слегка заторможенных финнов, что сто с небольшим лет назад в самой привилегированной «конституционной» российской провинции — Княжестве Финляндском действовали самые настоящие местные террористы. А вы говорите, горячие финские парни бывают только в анекдотах...

Матюгикин Н. В. И. Ленин о дружбе народов. М.: Знание, 1954. С. 11–12.

В помощь партучебе. № 34 за 1938 г. С. 3.

Цит. по кн: Шафаревич И. Р. Русофобия // Шафаревич И. Р. Собр. соч. в 3 т. Том 1. М., 1994.

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 140.

Ай, молодец! Что значит — профессиональный дипломат! И вроде даже изящно «защитил» «старую Россию», а все — вывод один!

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

Алексеева А. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, Khronika press, 1984.

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Франкфурт, Посев, 1988.

Субтельний О. Розпад імперії та утворення національних держав: випадок України // Сучасність. 1994. № 12. С. 65–72.

Маркс К., Фридрих Э. О колониализме. (Сборник) 7-е изд. М.: Прогресс, 1978.

Точнее, восстановления России в статусе февраля 1917 г., с перспективой Учредительного собрания и демократической республики. Но России — исключительно «единой и неделимой», т. е. в границах 1913 г. Очень «обширных» границах, к слову сказать. Россия 1913 г. — это, дорогой читатель, по территории и ресурсам 2 (две!!!) России сегодняшнего дня.

Вот что мы потеряли в результате всех этих гражданских войн, революций, бунтов «бессмысленных и беспощадных». Вот что потеряли мы, пролив реки, нет — моря и океаны крови, убивая собственных братьев и отцов, уничтожая не только сам дух, нравственность, душу русского народа, но и его природу, его генетический потенциал. Так что разрушение СССР — это не что-то новое, неожиданное, это лишь повторение на новом «качественном» уровне трагедии 1917 г., трагедии уничтожения великого государства.

Деникин А. И. Кто спас советскую власть от гибели. М.: Студия «ТРИТЭ» — Российский архив, 1991. С. 7.

Каррер Д'Анкос Э. Расколота империя. Национальный бунт в СССР. Лондон: Oversear publications interchange Ltd, 1982. С. 11.

«Эксперт», № 1, 2008 г.

Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Государственное издательство, 1921 Переиздание: Oxford, The Society for Central Asian Studies, 1985.

Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Пролетарская революция. 1924. № 3.

Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. М., 1964.

Diplomatic History of Eighteenth Century. London, 1969. P. 114.

Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни, ПГ, 1920. С. 132.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1970. С. 5.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

А вестерны — вот уж мифы, так мифы! Но об этом — отдельный разговор.

Берн Ж. Пятнадцатилетний капитан. М.: АСТ, 2003.

Станюкович К. М. Максимка // Станюкович К. М. Морские рассказы.
Минск: Юнацтва, 1981.

Поэтому отметим, когда министр обороны Сердюков доблестно отрапортовал Президенту Путину в декабре 2007 г., что российские корабли «возобновляют» военно-учебные походы в Атлантику и Средиземное море, речь не идет о чем-то из ряда вон выходящем. То же самое делал российский флот весь XIX век. Про советскую морскую доктрину даже не будем вспоминать, дабы не давить на больную мозоль национального самолюбия.

Хейердал Т. В поисках рая. М.: Мир, 1982.

Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. Москва: Наука, 1975.

Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.

Народы России. Энциклопедия. Гл. редактор В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.

Фадеев А. А. Последний из удэге. М., 1988.

Данные науч. ред.

История и культура удэгейцев. Л., 1989. С. 7.

Каждый, кто даже сегодня побывает в современной Индии, бывает потрясен видом коров, лениво возлежающих в центре Дели, Бомбея (о, простите, Мумбая), да повсюду — в любой части любого индийского города.

Коровы (самого запущенного, тощего и неприглядного вида) везде: на газонах, тротуарах, посреди проезжей части. Их аккуратно обходят пешеходы и «объезжают» все виды транспорта. Никто не вправе «прогнать», обидеть священное животное.

Британцы тщательно следили, чтобы мусульмане и индуисты служили вместе, бок о бок, полагая, что так легче будет «играть» на противоречиях между ними.

тоже не обязывает их держать слово, данное «неверным собакам». Скорее наоборот. Обмануть, «развести», унижить излишне доверчивого белолицего «врага ислама» — это знак доблести и ума для «истинного воина Аллаха!

Сразу поясню МАКСИМАЛЬНО популярно эту религиозную философию словами из шутильной песни Владимира Высоцкого:

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха, кто — в Иисуса,
Кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем.
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Далее следуют яркие «жизненные примеры», демонстрирующие преимущества индусско-буддистских философских воззрений на реинкарнацию — переселение душ.

Ну вот, кажется, и с индусской концепцией переселения душ все предельно понятно... Ну а если серьезно, то пусть позволит мне читатель сделать маленькое отступление.

Сегодня, когда я пишу эти строки, внося «последнюю авторскую правку», В.С. Высоцкому исполнилось бы 70 лет. Такое ощущение, что его нет уже целый век. Он даже не из прошлой, а из какой-то совсем поза-поза-прошлой жизни. И тем удивительнее, что многие стихи, песни и образы его по-прежнему кажутся нам, как ни банально это звучит, злободневными. Интересно, переселилась ли в кого-то душа Владимира Семеновича... Но еще интереснее другое: а что бы делал Высоцкий сегодня, если бы был жив? 70 лет — активный возраст для творческого человека. О чем бы пел? К чему призывал?

Может, решительно пошел бы в политику, как гениально снимавший его режиссер Говорухин, как воспетый им шахматный чемпион Анатолий Карпов или вскоре после смерти Высоцкого пришедший на смену Карпову молодой Гарри Каспаров?

Стал бы надломленным демократом и правдоискателем как Сахаров или Ковалев?

Написал бы гимн партии «Единая Россия» как Олег Газманов? Или ушел бы в частную жизнь, дайвинг и кулинарию как талантливейший Андрей Макаревич? А может — в буддизм и изотерику как «БоГ» Гребенщиков?

Рубил бы попросту «бабло» на корпоративах и днях рождениях

олигархов как почти все «пАпулярные исполнители»?

Или диссидентствовал бы с фигой в кармане как искренний Юрий Шевчук?

Кто знает...

Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999. С. 338.

Да-да, того самого, который написал английским детям прекрасную сказку про «Маугли», а английским взрослым не менее прекрасную балладу про «Атаку красной кавалерии», герои которой — офицеры британского экспедиционного корпуса, штурмующие русский Севастополь (Крымская война, 1854–1855 гг.).

Оруэлл Дж. 1984. М.: Правда, 1989.

Годунову «хронически» не везло. Его краткое царствие не просто проходило в «сложной» внешнеполитической обстановке, т. е. попросту он находился в состоянии перманентной войны с внешними силами на два, а то и на три фронта. Ему еще и чудовищно не повезло с...погодой. Именно в годы его царствия на Руси дважды произошли климатические катаклизмы. Например, в 1610 году Москву и окрестности замело снегом... в середине августа. Это имело два страшных последствия. Экономический: урожай погиб, цены взлетели, на страну обрушился голод. И психологический: все это воспринималось глубоко верующим населением как страшная «небесная кара», обрушившаяся на Русь после прерывания (насильственного! — шептали по углам, тыча пальцем в сторону палат, где заседал Борис Годунов) богопомазанной династии Рюриковичей. Предвещали конец света. К тому же Годунов оказался политиком хоть и умным, но излишне тщеславным. Его надменное поведение оскорбляло боярскую элиту, по-прежнему воспринимавшую «Бориску» как вчерашнюю ровню, хитростью завладевшую престолом.

Марков С. Н. Идущие к вершинам. М.: Советский писатель, 1968.

Цибиков Г. Ц. Сочинения в двух томах. Т. 1 и 2. Новосибирск, 1974.

Ульянов Н. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.
С. 10.

Там же. С. 13.

На языке современной российской дипломатии это именуется «свойственной Западу политикой двойных стандартов».

«Эксперт», № 1, 2008 г.

Народная песенка про англо-бурскую войну (1899–1902 гг.) на основе стихотворения Г.Галиной «Бур и его сыновья» (1899), положенного на музыку М. А. Губченко. Эти первые две строфы — народные, в авторской версии их не было. Песенка была очень популярна в России в первой половине XX века. (Прим. ред.)

Аивингсшон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. М., 1955.

Сат-Ок. Земля Соленых Скал. М. Детгиз, 1957.

Отметим ради справедливости, что нечеловеческая суровость британских законов XVII-XVIII-XIX веков обрекала англичан на ссылку и каторжные работы в дикой далекой Австралии за такие «преступления», какие по сегодняшним либеральным временам заслужили бы не более строгого устного замечания постового полисмена.

Маршалл Л. Мы такие же люди. М.: Географгиз, 1947.

Локбуд Дж. Я — абориген. М.: Мысль, 1974.

Это я намекаю на опыт похожих «соседских» отношений между белыми пришельцами и коренными индейскими народами Америки.

Вообще физиономически считается, что современные русские довольно сильно отличаются внешне, «лицом» от «старокиевских» славян. Сказывается примесь и татарской, половецкой, и особенно финно-угорской крови. Отсюда, от коренных народов будущей Московии совершенно нехарактерная для «классических» славян времен Владимира Красно Солнышко белесость, бледнолицесть, чуть более широкие скулы, светлые глаза.

Spitler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. Wiesbaden, 1965.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1947.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Френ, 1994.

Кизеветтер А. А. Евразийство // Философские науки. 1991. № 12. С. 34.

Исторические песни. М.: Худлитиздат, 1955. С. 7.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб, 2000. С. 170–171.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства, изд. 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань: Комбинат изд-ва и печати, 1923), М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991.

Курултай — у монголов (монг. хурул, хурал) и у тюркских народов (татар и др.) — орган народного представительства, всенародный съезд знати для решения важнейших государственных вопросов, в определённой степени — аналог европейских парламентов (напр., Палаты лордов). (Прим. ред.)

Ну никуда мне не деться от лексикона времен Вышинского. «Вредительский». Не могу подобрать более емкого и точного слова.

Снежко С. Москва-Казань: тысячелетие спустя / Правая. Ру.
Православно-аналитический сайт. 22 августа 2005 года, (www.pravaya.ru).

Там же.

В конце XVII века немало немцев жило в Ниеншанце и Фридрихсхавне, на месте будущего Петербурга. (Прим. науч. ред.)

Мейндорф как русский офицер путешествует в Хиву и Бухару. Генералы Ренненкампф и Глазенап участвуют в завоевании Коканда. Барон Врангель открывает остров, названный его именем на крайней северо-восточной части Евразийского континента. Миддендорф изучает Север Сибири и Таймыр. *(Прим. науч. ред.)*

Пожалуй, за исключением администраций только крупных городов и районов.

В СССР тоже было несколько солдатских бунтов, потому что солдат-мусульман кормили свининой. *(Прим. науч. ред.)*

Гарин-Михайловский М. Н. Путешествие по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Гарин-Михайловский М. Н. Собр. соч. в 16 т. Т. 8. Пг., 1916. С. 24.

Забавная должность для имперского чиновника, не так ли? А вы говорите — единообразие, Табель о рангах...

О национальной программе РСДРП; К вопросу о национальной политике; Национальное равноправие; К вопросу о национальностях или об «автономизации». Киев: Политиздат Украины, 1990.

Знаменитая статья М. Горького в «Правду» и «Известия» (1930) о ликвидации внутренних классовых врагов. (Прим. ред.)

Алексеева А. История инакомыслия в СССР. Новейший период.
Вермонт: Khronika press, 1984. С. 26.

Для нас опыт Индии интересен также и тем, что в разных штатах существенно различаются отношения к собственности. Особенно теперь, с введением наконец в России частной собственности на землю.

В штате Керала земельный максимум составляет 3 га земли, а в соседнем Тамилнаде — уже 40 га. В Пенджабе разрешается владеть даже 300 га земли. Но в Пенджабе велика власть местных сельских советов. А в Керале, несмотря на большое влияние коммунистов, советы не пользуются авторитетом и не имеют серьезного влияния.

В Махараштре позволительно вывозить капитал за рубеж, а в Бенгалии это запрещено. В экономике Индии многое прямо зависит от национальных обычаев: сикхи традиционно хорошие торговцы и предприниматели, у бенгали земледелие и чиновничья работа куда престижнее. В результате 60 % торговцев в Бенгалии — сикхи. Но «зато» в Бенгалии создается 60 % программного обеспечения всей Индии. Это — «интеллектуальный» Штат. (Прим. науч. ред.)

Именно это время показано в талантливом историческом кинофильме «Храброе сердце» («Braveheart»). Именно этот Брюс и ведет объединенные силы шотландцев в бой против англичан после поражения восстания Мэла Гибсона, т. е., извините, Уильяма Уоллеса.

Статья «Гордон». Большая советская энциклопедия, изд. 3. Т. 7. М., 1972. С. 79.

Из них и род баронов Врангелей, и Коцебу, и Крузенштерн, и Миддендорф, и Мейндорф и многие, многие другие. (Прим. науч. ред.)

Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998.

Ди Каприо и все ехавшие с ним 3-м классом — такие вот эмигранты.

Выбор есть выбор, никто не обязан нас любить... Но вот только численность бурятов с XVII века выросла примерно в 12 раз. А численность всех монгол — только в 5 раз. (Прим. науч. ред.)

В 1608 г. посольство тайшей было принято русским царем Василием Шуйским. Это его правительство приняло калмыков в состав русского государства. Процесс их вхождения в Россию был завершён в 1657 г. Первоначально для кочевания калмыков были выделены земли по Иртышу. Постепенно они осели в низовьях Волги на ныне занимаемой ими территории. С 1664 по 1771 г. существовало Калмыцкое ханство во главе с ханом, а позднее — наместником. По приблизительным подсчётам, численность калмыков, принявших русское подданство, составляла 270 тыс. чел. (Прим. науч. ред.)

Уйгуры создали несколько своих государств. В XV–XVIII вв. в Восточном Туркестане существовало государство уйгуров, которое к 1760 г. было захвачено маньчжурскими правителями Китая. (Прим. науч. ред.)

Называют и цифру 100, и 120 тыс. Но эти цифры менее достоверны.
(Прим. науч. ред.)

Партия младотурок взяла власть в Турецкой империи в 1908 г. Младотурки считали, что жить в Турции должны только турки, а греков, армян и славян нужно уничтожить или прогнать. (Прим. науч. ред.)

Хотя и сегодня почему-то никто не называет Турцию «тюрьмой народов»

В наше время геноцид армян официально признал и осудил Международный Гаагский трибунал, Европейский союз, Европарламент, Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Всемирный Совет церквей.

Даже США официально признали и осудили геноцид армян, более того — объявили 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армянского народа. С конца 1970-х гг. каждый год 24 апреля президенты США выступают с телевизионным обращением к армянам Америки.

Современная Турция категорически отрицает наличие исторического факта геноцида армян. Действия турецкого государства преподносятся как «депортация» с целью безопасности армян. Но признание геноцида армян является обязательным условием для вступления Турции в ЕС. (Прим. науч. ред.)

Г. Тер-Маркариан писал по этому поводу в своей книге «Как это было»: «Ради исторической справедливости и чести последнего русского царя нельзя умолчать, что в начале описываемых бедствий 1915 г., по личному приказанию царя, русско-турецкая граница была приоткрыта и громадные толпы скопившихся на ней измученных армянских беженцев были впущены на русскую землю». (Прим. науч. ред.)

По разным данным, общая численность северокавказских народов, покинувших родину, — от 500 тыс. до 1,5 млн чел. Сегодня за пределами России проживают 80 % всех адыгейцев. Российские адыгейцы называют это событие Исход и отмечают каждую его годовщину. Воспринимается это событие очень трагически. Турция «подставила» единоверцев и союзников: послала старые корабли, треть из которых утонула. Селили адыгейцев на бесплодных землях и в непривычном климате, очень многие умирали и пытались вернуться...(*Прим. науч. ред.*)

На бытовом уровне, конечно, иногда отношение к «выкрестам» «первого поколения» бывало подозрительное. «Жид крещенный, что вор прощенный», как говорит старая русская пословица. Но подчеркну, официально для иудея переход в православие означал полное получение всех прав гражданина Российской империи. Со второго же поколения об «иудейском» прошлом уже никто никогда и не вспоминал.

Много евреев вернулись в Россию после падения царского режима. Данные различные, они колеблются от 100 тыс. до 300 тыс. чел. (*Прим. науч. ред.*)

Комплекс неполноценности в русском варианте, как утверждают психологи, удивительным образом сочетается с комплексом... собственного превосходства, таким пещерным национал-шовинизмом. Причем, эти два взаимоисключающих комплекса прекрасно уживаются в одном конкретно взятом среднем русском человеке, являя собой две уникальные стороны загадочной русской души.

Хотя лично меня это возмущает. Все-таки гораздо приятнее произносить собственное имя на старославянский манер: Владимир — «владеющий миром» (тьфу, опять же! Речь конечно не о мировом господстве, слово МИР, или МІР здесь в исконном, старорусском смысле — лад, согласие). Ростислав — «рости славным, со славой», Вячеслав — «вечная слава» ну и так далее.

Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., Изд-во Российской АН, 1766.

Все сюжеты этого популярного ныне литературного жанра примерно одинаковы: наш современник в результате некоего катаклизма оказывается в прошлом. А дальше — вопрос: как человек с современными знаниями и навыками может «обустроиться», скажем, во времена Нерона в Риме или среди дружинников князя Олега в Киеве.

Вот в этой части писатели историко-фантасты безусловно правы. Так оно, видимо, и было в действительности.

Кстати, синие чубы или усы варягов не имеют никакого отношения к легендарному варяжскому князю Синеусу (по одной из версий — отцу Вещего Олега). Во-первых, Синеуса скорее всего никогда не существовало (sine use, значит «его родственники»). Неправильно поняты скандинавские источники. А почему красили в синий, а не в римский пурпур, например? Думаю, просто потому, что это был доступный краситель в их местности — что-то типа голубики. Красили и в рыжий.

Хенниг Р. Неведомые земли. Пер. с нем. Т. 2. М.: Изд-во иностр. литературы, 1961.

Внимание любителям норвежской семги, заполонившей прилавки наших магазинов! Тщательно проверяйте герметичность упаковки и дату годности продукта! Любителям модных японских суси-муси-саши-ми! Одумайтесь, пока не поздно!

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1975.

Иванов В. Д. Русь изначальная. М., 1978.

Гумилев А. Н. Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966.

Кстати, недавно посмотрел с сыном замечательный мультфильм «Алеша Попович и Тугарин Змей». Это как бы сиквел вышедшего пару лет назад мультфильма тех же авторов «Добрыня Никитич и Змей Горыныч». Отличная, скажу вам работа! Качественная мультипликация, юмор, музыка (извините, саундтрек), диалоги — всё весело, задорно, с уважением к народному фольклору и истории. Сын в детском саду теперь не расстается с бутафорскими щитом, мечом и копьем. «Сражаться со Змеем» — это теперь самая любимая детская игра.

Так и хочется воскликнуть: если бы мы всю нашу «культурно-воспитательную» линию выстраивали так же легко, остроумно, с чувством самоиронии и собственного достоинства, то не было бы никакой нужды в развенчании мифов о России... Не прижились бы они у нас.

Граля И. Мотивы «Оршанского триумфа» в Ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50.

Первая война России и Европы. Материалы круглого стола // Родина.
2004. № 12.

Генеральский чин давался в русской (московитской) армии с 1617 г.

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699) / Пер. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1906.

Устрялов Я. Г. Собр. соч. в 3 т. М., 1997. Т. I. С. 328–329.

Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. Москва, 2005.

Аналогия тут может быть только одна: пруссаки захватили Москву, жители средней полосы уже присягнули Фридриху и четыре года мирно живут в составе прусского государства, а теперь взят еще и Петербург...

А не всякую банальщину от Ленина, или как сейчас стало модно — от Путина. Удивительное лизоблюдство стало проявляться в нашей жизни в последнее время. На парадном плацу в воинской части — цитата из В. Путина. В школьном учебнике по истории — эпиграф из В. Путина. Видел недавно материалы международной конференции специалистов автомобильной индустрии, кажется, организатор — уважаемая газета «Ведомости». Вначале титульного листа материалов — опять слова В. Путина — что-то в связи с автомобилестроением. Мне кажется, что мы все-таки плохо думаем о нашем Президенте, полагая, что это ему льстит.

Напомню, было еще и право «личного вето»: любой шляхтич — член парламента Польши мог «заветировать» любой закон, любой указ короля, просто заявив на заседании, что он лично — против. Как понимаете, об эффективности государства в такой ситуации говорить не приходится.

Тарле Е. Н. Наполеон. М., 1956. С. 243.

Отметим, что «стандартный» военный переход для армий того времени не более 25 км в день. И это немало, т. к. в среднем составляет 6–7 ч самым быстрым солдатским шагом по бездорожью с полной выкладкой (в русской армии, повторяю, это обычно 1–1,5 пуда на человека), плюс 1–2 ч на «перекур», 2–3 ч на обустройство (снять-развернуть) походный лагерь, а еще подтянуть артиллерию, помочь обозу, — вот и закончен световой день. 30 км в день проходила только хорошо организованная и подготовленная пехота. Поэтому стремительные «рывки» суворовских чудо-богатырей, без обоза, напрямую, минуя окружные мощные дороги, и повергали в шок всю Европу.

С этим эполетом связана история, очень в духе Суворова: увидел генералиссимус солдата, который смотрит на этот эполет и чуть не плачет... Суворов его обнял и тут же произвел солдата за подвиг в офицеры. И сразу к Суворову явилась целая делегация офицеров: мол, им же обидно! Вонючий мужик, а в офицеры... Непорядок! И вообще, что же тут за подвиг? Солдат ведь Массену не поймал, он только эполет его принес...

Суворов слушал, не перебивал, а потом тихо спросил:

— А если бы солдат привел в плен Массену, надо было бы его произвести в офицеры?

— Тогда надо было бы! А тут — всего только эполет...

— Хочешь быть генералом? — так же тихо спросил Суворов у полковника.

Полковник щелкнул каблуками.

— А ты хочешь быть полковником? — повернулся Суворов к штабс-капитану.

То рявкнул нечто бравое, патриотичное.

— Тогда идите, — так же, не повышая голоса сказал Суворов, — идите и принесите мне второй эполет Массены. Принесете — твердо мое слово, быть вам всем с повышением.

Где они сейчас, эти заменитые исторические имена: Тильзит, Прёйсиш-Эйлау? Ладно еще Багратионовск (хоть признаемся, звучит косноязычно), но... Советск?! Это уже за гранью языка Пушкина и Толстого.

Тут вообще нельзя не упомянуть о странном подходе наших властей к именованию российских городов, улиц, площадей и даже станций метрополитена. Не хочется сильно углубляться в эту печальную тему, ибо это поистине разговор особый, достойный отдельного большого исторического и публицистического труда, но пару слов скажу.

Мы (т. е. не мы с вами, дорогие читатели, а исполнительная власть в российских губерниях) склонны с удивительной стойкостью цепляться за старые советские названия городов и весей. Если бы они еще были созданы, построены в годы советской власти, как, например, Комсомольск-на Амуре или Новокузнецк, так это еще имело бы некое логическое обоснование. В конце концов, создатель, основатель города имеет полное моральное право назвать его, как считает нужным. Но ведь на 90 % просто переименовывались старые улицы и города, вычеркивались из исторической памяти древние, исконно русские названия, либо названия, осознанно данные строителями при основании населенных пунктов. Так почему-то Екатеринодар стал Краснодаром, Вятка — Кировом, а Большая Алексеевская улица в Москве (названная так в память стоящего на улице Храма) — Большой Коммунистической. Московская улица Новоиерусалимская, ведущая (!) к Новоиерусалимскому монастырю, одной из величайших святынь Руси, превратилась в улицу 1905 года, улицу булыжников и пролетариев. Кто не знает дословного перевода с латыни понятия «пролетарий», поясню: так римляне называли бомжей и забулдыг, не имеющих НИКАКОЙ собственности, и, СООТВЕТСТВЕННО, НИКАКИХ гражданских прав и обязанностей. В том числе лишенных главной СВЯЩЕННОЙ обязанности гражданина Рима с мечом в руках защищать СВОЮ РОДИНУ. Какой, рассуждали мудрые древние, защитник из «пролетария»? У него ни дома, ни земли, ни семьи толком. Что он будет защищать? Ему дай оружие, так не дай бог он к врагу перебежит. Такого воина еще охранять надо. За- гранотряд с пулеметами — позади строя!

Так вот, вернемся к именам наших городов и улиц. Этих безумных «советских» примеров — тысячи. В общем, тема настолько серьезна, что

сноской по тексту здесь дело не обойдется. Придется писать отдельную главу. Думаю, вы найдете ее в этой серии.

«О, предатель Бернадот! Воистину ни одно доброе дело не остается безнаказанным», — мог по праву вздыхать Наполеон на острове Святой Елены. Шевелением мизинца мог воспрепятствовать Бонапарт восшествию на шведский престол своего генерала Бернадота (чьи прямые потомки, кстати, и по сей день на шведском троне). Этого яркого революционера-республиканца с замечательной татуировкой на груди: «Смерть королям!». (Вот ирония судьбы!) Но не помешал. Даже всячески помогал ему, надеясь без войны и крови заполучить Швецию в качестве будущего верного союзника Франции. Однако довольно быстро, как всегда бывает в таких ситуациях, генерал Бернадот уверовал, что это не Наполеону он обязан шведским тронном и даже не удачному постреволюционному моменту в «европейской политике», а только самому себе. Это сам господь указал шведскому народу и парламенту на него — «лучшего» из французских генералов, «единственного», способного принести мир и покой трудолюбивым шведам. В общем, никакой он не «выдвиженец» Императора, а «помазанник божий», мессия местного, скандинавского масштаба. Что еще роилось в голове Его Королевского Величества Бернадота — понять сейчас трудно, но результат налицо. Швеция выступила ПРОТИВ Франции в войне 1812–1814 гг., на стороне России и Англии.

Мешкис Э. (Литва) Наполеон и Египет // VIII Международная конференция по проблемам цивилизации. Москва, 21–23 мая 2004 года. М., 2004.

Тарле Е. Н. Наполеон. М., 1956.

Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002.

Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. VIII. М., 1949.

Толстой А. Н. Война и мир // Собр. соч. в 15 т. Т. 7. М., Худлит, 1950.

«Бонапартизм» величайших поэтов и писателей России по духу напоминает написанные гораздо позже стихи Константина Симонова, сказанные по поводу совсем другой войны — Великой Отечественной войны 1941–1945 годов:

Враг был силен.
Тем больше чести нам.

Bachmann P., Zeisler K. Der deutsche Militarismus. Berlin, Deutscher Militarverlag, 1971.

Кстати, Кутузов умолял Александра I не ходить в Европу. Но русские войска по приказу императора зачем-то «верные союзническому долгу» полезли воевать в Европу, пошли добывать Наполеона... Результатом похода на Париж и резкого ослабления Франции стали не просто безумные долги русского офицерства, но и — геополитически — объединение Германии.

На европейской сцене появился новый сильный игрок. И плюс ко всему произошло резкое усиление Британии.

Конечно, Александр расправился со своим популярным врагом, и казаки погарцевали по Парижу. Однако изменился расклад сил, и вместо слабой Франции мы получили сильную Германию. Потом, много позже пришлось заплатить миллионами жизней за победу над ней — и уж тогда петь песню «Едут, едут по Берлину наши казаки».

Да, прозорлив был старик Кутузов.

Особенно, когда она побеждает.

Даже в кавычках слово «колония» в отношении Польши представляется совершенно неуместным.

Представьте, после смерти Масхадова чеченские «повстанцы» предлагают «освободившийся» пост президента Чечни, скажем, руководителям Ливии, Ирана и Афганистана. Афганский Меджлис обсуждает, кого из лидеров пуштунских племен назначить Президентом «Свободной Ичкерии».

Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 года //Собр. соч. в 10 т. Т. X. М.—Л., 1949.

Бестужев (Марлинский) А. А. Аммалат-бек// Бестужев (Марлинский) А. А. Ночь на корабле. Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1988. С. 299–300.

Осповат А. А. Несколько слов об Александре Бестужеве // Там же. С. 392.

Большая Советская энциклопедия. Изд. 3. Т. 3. М.: «Советская энциклопедия», 1970. С. 273.

Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999. С. 16.

Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999. С. 246.

БСЭ. Изд. 2. Т. 41. М.: Советская энциклопедия, 1956. Ст. «Тарту». С. 630.

Грозный, зная авторитет Колычева, надеялся опереться в его лице на весомую поддержку Русской православной церкви.

Отметим, правда, что в отличие от нашего героя, Томас Беккет больше спорил с королем не о несправедном королевском суде, не о невинно осужденных, а о вопросах власти и распоряжения церковной собственностью и ее доходами... Европа есть Европа.

Ныне Берёзово — посёлок городского типа в России, административный центр Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа. (Прим. ред.)

До 1933 название г. Салехарда, центра Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области РСФСР. (Прим. ред.)

Изначальное название острога — Красный. После проведения Московского тракта (1735–1741) Красный Яр, позже — Красноярск, превратился в крупный торговый и административный центр Восточной Сибири; в XIX в. — центр сибирского казачества. (Прим. ред.)

Начало Илимскому острогу положило укрепленное зимовье на волоке при переходе с реки Илим на Лену, поставленное служилыми людьми под руководством атамана Ивана Галкина. Через семнадцать лет на месте зимовья вырос острог, а еще через два года он уже стал центром учрежденного правительством Илимского воеводства. Сегодня на месте бывшего острога и селения плещут волны Усть-Илимского водохранилища, а свидетели прошлой жизни Илимска — Спасская башня и Казанская церковь перевезены в «Ангарскую деревню» — музей деревянного зодчества под открытым небом, расположенный вдоль берега Ангары в сорока семи километрах от Иркутска. (Прим. ред.)

Ныне районный центр Братск Иркутской области.*(Прим. ред.)*

Просуществовала в 1651–1689 гг. Возникла на месте селения Албазино даурского князька Албазы. С 1684 г. — центр воеводства, казачья станица, основанная Е. П. Хабаровым, заселена крестьянами и превратилась в город Албазин — базу для освоения Дальнего Востока. В 1689 г. сожжен согласно Нерчинскому договору. Албазин известен геройской защитой русского отряда в 700 чел. против 8 тыс. маньчжуров (1686–1687). (Прим. ред.)

Пикуль В. С. Богатство // Пикуль В.С. Богатство. Каторга. М.: Вече, 2004.

Шапошникова В. Годы и дни Мадраса. М.: Мысль, 1968. С. 38.

Коллинз У. Лунный камень. М.: АСТ, 2004. С. 6.

Айни С. М. Бухара: Воспоминания / Пер. с таджик. С. Бородина. М.: Сов. писатель, 1957.

Айни С. М. Рабы. М.: Худлит, 1975. С. 12–17.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
С.145.

Там же. С. 145–146.

Кушка — крайне южная точка СССР. Любой советский курсант военного училища знал шуточную присказку, что может с ним случиться после окончания учебы и присвоения звания лейтенанта: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». Правда, в 1979 г. Политбюро ЦК КПСС все-таки умудрилось заслать этих «зеленых» лейтенантиков сильно южнее, дальше Кушки: в Афганистан.

Киплинг Р. Ким. М., 1994.

Примерно в том же ключе видит ситуацию и современный британский историк Доминик Ливен: «Александр II получал новости из Крыма через Париж, поскольку они шли по телеграфу. Российским полкам требовалось больше времени, чтобы добраться до Крыма пешком, чем британским войскам, чтобы десантироваться у Севастополя на современных пароходах. Военная техника противника была значительно более совершенной, чем российская».

Однако более любопытны те выводы, к которым приходит современный британский исследователь через полтора столетия после того, как его соотечественники бомбардировали русский город Севастополь: «У России не было другого пути, кроме как вести эти войны. Если посмотреть на историю XIX в., особенно с 1850 по 1914 г., это было очень жесткое время. Мир оказался в руках всего нескольких великих имперских держав. Перед Россией стоял вопрос: быть или империей, или объектом империализма. Россия не хотела повторять судьбу колониальной Индии или полуколониального Китая. Кем должна быть Россия? Европейской державой? Победителем? Или проигравшим? Это очень жесткий выбор. И войны лишь подтверждают эту реальность».

Эти события весьма романтично изображены в недавнем голливудском блокбастере «Последний самурай» с Томом Крузом в роли американского офицера, посланного в Японию в числе «ограниченного контингента» американских военных инструкторов.

Советская военная энциклопедия в 8 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1964.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. Современная публицистика. М., 2004.

Там же.

Да простит мне уважаемый читатель профессорский склероз, забыл имя, искать неохота. К тому же он явно не стоит потраченного на это времени. Речь идет, кажется, о низложенном Президенте Центрально-Африканской республики, даже посетившем как-то с официальным визитом СССР.

Карл Раймунд Поппер родился в 1902 г. под Веной. Это был очень известный на Западе теоретик «открытого общества», крупный историк, культуролог, социальный философ. Систематического философского образования не имел. В 1928 г. получил диплом преподавателя математики и физики в гимназии. По мнению философов-либералов, Поппер был последним из плеяды блестящих умов XX века, и его имя стоит вровень с именами Рассела, Витгенштейна, Дьюи, Хайдеггера, Карнапа, Сартра — своего рода философских символов XX века. С 1946 г. и до смерти в 1994 г. работал в Британии. Главная книга Поппера — «Открытое общество и его враги». Написана она еще в 1946 г., выдержала много изданий, на русском языке издана в 1994 г. (Прим. науч. ред.)

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1994.

Сайт фонда Сороса сообщает, что за 12 лет Сорос потратил более 500 млн долларов США. (Прим. науч. ред.)

Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., ИЧП «Издательство Магистр», 1997.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. 1999. С. 89.

Аристотель. Политика. Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969.

Demagogys с греч. — вождь народа, от demos — народ и agogos — ведущий. Ну так же как педагог, только тот ведет в светлое будущее не народ, а ребенка. Хотя народ — он тот же ребенок. И если уж заговорили мы об определениях... Как всегда прекрасен Даль. Создателя знаменитого словаря не интересовала политика, а вот точное значение слова было для него архиважным. Владимир Иванович дает такое определение демагогу: «Крайний демократ, добивающийся власти во имя народа; тайный возмутитель; поборник безначалия, желающий ниспровергнуть порядок управления. Демагогия — господство власти народа, черни в управлении; народовластие».

Римских граждан было больше 100 тыс. уже ко времени Пунических войн, к 264 году до н. э. Еще через сто пятьдесят лет, к эпохе Юлия Цезаря, граждан Римского государства сделалось не менее миллиона. (Прим. науч. ред.)

114 лет — вот это масштаб для гражданской войны! Поистине достойно Древнего Рима. Мы же до сих пор не до конца пережили последствия собственной Гражданской, продлившейся всего-то четыре года. Правда, по степени ожесточения сторон, по-разному понимавших значение слова «демократия», Древний Рим нам и в подметки не годится...

Слово, кстати, происходит от латинского *manipula*, — так называлась боевая единица внутри легиона, численностью в разное время от 60 до 240 чел. Искусство «манипулировать» — это искусство командира легиона постоянно по ходу боя перестраивать свои манипулы, обеспечивая максимальную эффективность каждого солдата и перманентное задействование по ходу сражения свежих резервов.

Слово «принцепс» не носило в римском праве каких-то особых привилегий или властных полномочий. Ну, примерно как известное определение «национальный лидер». Правда, Август Октавиан не довольствовался только «нравственным авторитетом». Помимо ласкающего слух титула «первого гражданина», он был также императором (т. е. по сути верховным главнокомандующим римской армии), пожизненным консулом (что-то типа премьер-министра), трибуном (этой должности трудно подобрать аналог, вроде спикера, избранного самым широким Съездом народных депутатов с правом индивидуального вето на все решения Парламента и Правительства), естественно, сенатором и, наконец, понтификом (как бы Патриархом всея Римской республики). Причем все эти должности гениальный Принцепс умудрялся занимать одновременно. В этом отношении в части бесконечных титулов он значительно превзошел Леонида Ильича Брежнева. Немаловажно и другое. Помимо всего прочего Август Цезарь Октавиан был еще официально и САМЫМ БОГАТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В РИМЕ. Не только Первым Гражданином. Но и Первым Олигархом Государства. Например, весь Египет считался не государственной, а его личной собственностью. Армия также фактически финансировалась из кармана Августа. Впрочем, я подозреваю, в то время понятия «казна Рима» и «кошелек Октавиана» уже смешались окончательно.

Принцип управления, пришедший на смену Августовскому «принципату».

Исходя из его фамилии, некоторые немецкие ученые считают, что фон Репков был славянином по происхождению. (Прим. науч. ред.)

Тот самый, который столь жестоко разобрался с Орденом тамплиеров.

Осокин П. Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками.
Казань, 1872.

Подчинение Юга шло почти весь XIII век. Только в 1299 г. Раймон VII, последний граф Тулузы, согласился стать вассалом французского короля. И даже после этого не все вассалы графа Раймона были согласны идти под французов. (Прим. науч. ред.)

Здесь: официальное папское послание, папская грамота. (Прим. ред.)

Вспомните: Соединенные ШТАТЫ Америки.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

На самом-то деле она шла целых 116 лет, ПОЛНОСТЬЮ разорила обе стороны и не привела ВООБЩЕ ни к какому результату. Изучать историю этой войны было бы полезно всем политикам, считающим возможным решать проблемы военным путем.

Некоторые же ученые считают, что нация — понятие скорее экономическое. Для них это объединение людей, живущих в одной экономической системе со своей монетной системой (как мы бы сказали — со своей валютой). (Прим. науч. ред.)

Некоторые же ученые считают, что нация — понятие скорее экономическое. Для них это объединение людей, живущих в одной экономической системе со своей монетной системой (как мы бы сказали — со своей валютой).(*Прим. науч. ред.*)

Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2004.

В 1800-е гг. возник немецкий национализм, затем последовали национализмы Греции и скандинавских стран (1810–1820-е гг.), итальянский национализм (1830-е гг.). Некоторые теоретики считают, что первыми современными нациями стали латиноамериканские: они сформировались в ходе борьбы против испанской короны. Идея суверенитета была нужна им для достижения независимости. В 1850–1900-х гг. национализм распространился на страны Восточной Европы и в Индию. В начале XX в. он ворвался в страны Азии и Африки, оставляя позади себя горы трупов и реки крови. Самыми исторически молодыми нациями стали нации вьетнамцев и камбоджийцев: они сформировались в 1930–1950-е гг. (Прим. науч. ред.)

На острове Мэн еще в 979 г. первый раз избрали такой местный парламент — Тинвальд. На острове Исландия в 930 г. возник Альтинг. Оба эти парламента действуют с тех давних времен и до сегодняшнего дня. Хотя в работе Альтинга был большой перерыв — с 1801 по 1845 г. Тогда Исландия находилась под властью Дании, а национальный суверенитет не распространялся на исландцев. Их парламент — Альтинг — попросту на время запретили... У завоевавших Британию саксов и англов был свой постоянный совет при короле — витенагемот. Избирали его подданные королей. (Прим. науч. ред.)

В общем-то, не очень справедливым, т. к. его права на английский трон были ничуть не меньше, чем у правившего тогда Англией короля.

О высоком престиже парламента свидетельствует запись в протоколе сессии 1453 г. Два депутата палаты общин, в том числе спикер (!), были обвинены в грабеже и арестованы. Нижняя палата выступила с протестом. Отстоять неприкосновенность парламентариев не удалось, но главное — власти пришлось оправдываться, доказывать правомерность своих действий. *(Прим. науч. ред.)*

Ох, что-то это нам всем напоминает... Что-то сильно напоминает!

Представьте комичность ситуации: бравый колониальный британский полковник записывается в сапожники! Ну, чего не сделаешь, чтобы пролезть в депутаты... Париж стоит бедни...

В XVIII в. подкупы избирателей совершаются в массовых масштабах и постепенно становятся всё более открытыми, да к тому же и не считаются в обществе чем-то аморальным. Считалось, что нет стыда в даче и получении взяток при выборах. Некто Кочрэйи, не стесняясь, признался палате общин, что после его избрания от города Хэнитона он послал в город глашатая передать избирателям, чтобы они шли к главному банкиру получать деньги. А что? Честный бизнес. Получил услугу и сразу же расплатился. (Прим. науч. ред.)

Цитата целиком и в оригинале: «Many forms of Government have been tried and will be tried in this world of sin and woe. No one pretends that democracy is perfect or all-wise. Indeed, it has been said that democracy is the worst form of government except all those other forms that have been tried from time to time.» (Из речи в Палате общин 11 ноября 1947 г.)

Денег, денег, дайте немного денег, пожалуйста!(англ.) (Прим. ред.)

Твен М. Позолоченный век. Собр. Соч. в 12 т. Т. 3. М., 1959.

Действует так называемый принцип «Победитель получает все». The winner takes it all, — как пела незабвенная ABBA.

Например, в 1952 г., 34 млн избирателей голосовали за кандидата республиканской партии и выбрали 422 выборщика. А 27 млн избирателей голосовали за кандидата от демократической партии и выбрали 89 выборщиков. Но бывало и так, что победителем становился кандидат, проигравший сопернику. Например, в 1888 г. президент-демократ Гровер Кливленд проиграл республиканцу Бенджамину Гаррисону по голосам выборщиков (233 против 168), хотя и получил большинство голосов избирателей (перевес в 0,7 %). (Прим. науч. ред.)

Кстати, о бегемотах: в 1966 г. был случай, когда в бразильском городе Сан-Паулу чуть не избрали губернатором... бегемота. Зарегистрировали кандидата, провели избирательную кампанию... В самый последний момент Президент Бразилии снял бегемота с избирательной дорожки. А то, может быть, и избрали бы. (Прим. науч. ред.)

Ландсбергис Г. Богачи и сверхбогачи. М., 1956.

Французы так и говорят: Первая республика (1793–1799 гг.), Первая империя (1799–1814 гг.), Период реставрации Бурбонов (1815–1830 гг.), Июльская монархия (1830–1848 гг.), Вторая республика (1848–1852 гг.), Вторая империя (1852–1870 гг.).

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960.

Древнее слово князь означало главу родовой, потом соседской общины. Князя — главу общины — выбирали. Выбирали и воеводу — главу военного отряда рода и всего племени. *(Прим. науч. ред.)*

Характерно, что славяне долгое время не применяли слова князь к верховному правителю — для режима высшей наследственной власти. В бертинских анналах — франкской монастырской летописи на латинском языке, посвященной истории государства Каролингов (741–882 гг.), рассказывается: в 839 г. Византийский император послал к королю франков «неких людей». Император просил пропустить их на родину через свои владения, «потому что путь, которым они попали в Византию, представляет большие опасности». Люди сообщили, что их народ называется «рос», столица их государства — Кыюв, а конунг народа, пославший их к византийскому императору «ради дружбы», называется «хакан». (Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Сборник документов, подготовленных к печати Г. Е. Кочиным. Л., Изд-во АН СССР, 1936). Тут оба слова, обозначающие правителя, не славянские, и конунг — слово скандинавское, и каган — слово тюркское. А ведь люди применяют к каким-то реалиям слова чужого языка в одном только случае — если у них нет собственных слов для обозначения этих реалий. Если реальность возникла совсем недавно или заимствована на чужбине. (Прим. науч. ред.)

Мы знаем даже имена этих саксонских вождей: Окта, Эоза, Хен-гист, Хорса. Это языческие имена, последние два означают «жеребец» и «кобыла». *(Прим. науч. ред.)*

Повесть временных лет. Начало русской литературы (IX — начало XII в.). М., 1978.

Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.—Л., 1949.

Действительно, раздробленность на Руси началась с того, что Ярослав Мудрый перед смертью разделил свою землю. Полоцкое княжество отошло потомкам его старшего сына Изяслава. Осиротелому племяннику Ростиславу выделили Ростовский удел. Пятеро же сыновей получили: Киев и Новгород — Изяслав (ст. сын); Черниговщину и Муромо-Рязанскую землю — Святослав; Переяславль и Суздальскую землю — Всеволод, третий сын. Четвертый сын Ярослава, Вячеслав получил Смоленск, а младший Игорь — Владимир-Волынский. Уделы сыновей, внука и племянников откровенно не равнозначны. (Прим. науч. ред.)

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. I. М., 1961.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. I. М., 1961.

См. напр.: Ненкина М. В Аейбенгруб П. С. История СССР. Учебник для 7 класса. Издание пятнадцатое. М., 1980.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968.

Не правда ли один в один Джек Алтаузен, упомянутый мной в первой книге «Мифов о России», с его эпохальным «Я предлагаю Минина расплавить»? Такие тогда культивировались идиотские воззрения.

Кстати, Ярослав не прогадал со своим даром. Новгородское ополчение наголову разбило другого претендента на великокняжеский престол, и Ярослав вошел в Киев. *(Прим. науч. ред.)*

Вам это ничего не напоминает? Разве не так в самых демократичных Соединенных Штатах, а с 1991 г. и в России приводят к присяге избираемых Президентов? Только руку кладут на Конституцию.

Пушкарев Г. С. Обзор русской истории. СПб, 1999.

Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. СПб, 1992.

Там же.

В 1212 г. новгородцы «показаша путь» князю Всеволоду, заявив: «Не хотим тебе, пойдѣ, камо хочешѣ». В 1230 г. так же поступили с князем Ростиславом: «Ты пойдѣ прочь, а мы себе кѣзя промыслим». И в 1270 г. князь Ярослав Ярославич «пошел из города поневоли». А попробовал бы он не пойти, когда было сказано: «Княже! Поеде проче, не хотим тебе, али идем весь Новгород прогонит тебе». Бывало и обратное: князь хочет уйти, его удерживают. В 1269 г. князь Ярослав остановил Тевтонский орден под Равовором-Раквере и собирался уехать из Новгорода: дело сделано. Новгородцы же кланялись ему со словами: «Княже! От нас не ездѣ; бо еще не добре... умирился с немцами». Князя Александра Невского между 1240 и 1242 гг. новгородцы выгнали, как человека «захватчивого» и «высокомерного». Потом позвали обратно, а он долго ломался, не хотел возвращаться. (Прим. науч. ред.)

Немецкий источник 1335 г. свидетельствует даже, что новгородское вече называлось «тремястами золотыми поясами». (Прим. науч. ред.)

Кто потерял это ощущение, срочно пересмотрите фильм Эйзенштейна «Александр Невский»!

После битвы под Раковором в 1268 г. Псков очень усилился, потому что в битве особую роль сыграла дружина псковского князя Довмонта. Объединенные войска Новгорода и Пскова вел этот князь, литовец Довмонт, крещенный Тимофеем. (Прим. науч. ред.)

Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Ольга, предок Рюриковичей, по легенде была дочерью перевозчика на реке. Олег присмотрел ее в жены Игорю. *(Прим. науч. ред.)*

Цит. по кн.: Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Сборник законов Псковского государства. Псковская судная грамота начала составляться еще в начале XIV в. Последняя переработка ее текстов производилась между 1462 и 1471 гг. В этот сборник вошли статьи основного кодекса Древней Руси — «Русской правды», нормы местного права, княжеские грамоты Александра Михайловича Тверского (1327–1337) и Константина Дмитриевича, княжившего в Пскове в 1407, а потом в 1414 г. (Прим. науч. ред.)

Уже княгиня Ольга «устроила» в Киеве школы, в том числе школы для девочек. Образование подданных занимались и Владимир, и Ярослав, и другие князья. Это дело казалось очень важным. В летописи под 1030 г., среди важнейших государственных дел сообщается, что Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост и от поповых детей 300 учители книгам». 300 детей — это очень много, ведь во всем Новгороде жило не больше 10 тыс. чел. (Прим. науч. ред.)

Англия времен Гражданских войн, вторая половина XII века. Стоимость боевого коня — от 20 фунтов серебром. Верхней планки просто нет. Зарплата, скажем, квалифицированного свободного мастера-каменщика около 1/3 фунта в месяц. Т. е. на одного коня самый высокооплачиваемый мастер того времени должен был работать 4–5 лет. Если, конечно, не есть и не содержать семью. Столько же могла стоить и хорошая книга. Об этом можно прочитать у Кена Фоллета в его блестящем историческом романе «Столпы земли» («The Pillars of Earth»). Рекомендую.

Шведы, между тем, считают березу символом исключительно своей страны. (Прим. ред.)

Это тем удивительнее, что само название книги в романских языках происходит от латинского *liber*, луб. То есть древние римляне использовали внутреннюю кору деревьев для письма, а потом это искусство европейцами было утрачено.

Не только на Руси писали на бересте. В Таллинне до войны хранилась берестяная рукопись 1570 г. с текстом на немецком языке. Известно о берестяных грамотах в Швеции XV-XVIII вв. В 1930 г. немцы- колхозники под Саратовом рыли силосную яму... и нашли берестяную грамоту XIV в. — грамоту из Золотой Орды, написанную на татарском языке. (Прим. науч. ред.)

По рассказам очевидцев, Артемий Владимирович несколько минут буквально произнести слова не мог, только махал руками и сипел. Наконец, хриплым голосом он прокричал что-то в духе: «Этой находки я ждал двадцать лет».

Вот отличный сайт, на котором достойно представлены новгородские грамоты: gramoty.ru.

С 1951 г. обрывки берестяных грамот найдены в слоях других древнерусских городов, а многие из них — в коллекциях, привезенных с раскопок давным-давно и хранившихся в музеях. В 2007 г. число найденных берестяных грамот превысило 1 000. В двух письмах встречено название «берёсто» — так называли берестяные грамоты в Новгороде. Трудно представить себе находку, которая могла бы сильнее перевернуть представления о жизни Древней Руси, чем эта. (Прим. науч. ред.)

Здесь и далее берестяные грамоты цитируются по: Янин В. А. «Я послал тебе бересту...» М., 1978.

Но кто же нынче доверяет фотографиям? Фотошоп творит чудеса. Посадите современного пятиклассника за компьютер: он вам сваяет за полчаса и Ноев Ковчег на склоне Арарата, и летающую тарелку на лужайке у Белого дома, и целый марш «снежных человек» на Пушкинской площади, несогласных с тем, что их все никак не найдут.

Но кто же нынче доверяет фотографиям? Фотошоп творит чудеса. Посадите современного пятиклассника за компьютер: он вам сваяет за полчаса и Ноев Ковчег на склоне Арарата, и летающую тарелку на лужайке у Белого дома, и целый марш «снежных человек» на Пушкинской площади, несогласных с тем, что их все никак не найдут.

«Лаконика» или «Лакония» — древнее название греческой Спарты. Поэтому говорить «лаконично» — это, дословно, «по-спартански». Новгородцы не были ни поголовно профессиональными, воинами, ни профессиональными бездельниками-рабовладельцами, как спартанцы. Мирный был народ. Торговый. Крестьянский. Но, исходя из стиля новгородского языка, такого краткого и емкого, вполне можно предположить у Новгорода и Спарты одно лексическо-идеологическое сходство. «Вернись со щитом или на щите», — кратко говорили древние спартанские женщины, провожая мужей на войну. «Кто на Русь с мечом придет, от меча падет», — приписывается новгородскому князю Александру.

Так что об одном можно говорить с уверенностью: писать на стенах, заборах и в лифтах — увы, действительно древняя русская традиция.

Рабинович М. Г. Судьбы вещей. М., 1973.

Из города Боголюбово

Примерно 14 млн людей жило в России к первой в ее истории

Целовальник — тот, кто «целовал крест», давая клятву выполнять какую-то работу или следовать назначенным правилам. Целовальник, даже если не давал «целовальной записи», — это лицо, давшее клятву в присутствии священника, «на том крест целовав».

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1–2. М., 1909–1912.

Александр Исаевич Солженицын восхищался швейцарской «демократией, прямо вытекающей из традиций общины», считая ее самой совершенной и, так сказать, самой «народной». В представлении современного россиянина община и демократия есть две вещи никак не совместные. Но совершенно прав Александр Исаевич — вся европейская демократия выростала из вот таких общинных форм самоуправления. Сначала были территориальные общины, умевшие выбрать для самих себя и из собственной среды «добрых и излюбленных» управителей, а потом уже и в масштабах государства появилась «палата общин» (так ведь и называется, как назло!).

Соборное уложение — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором в 1648–1649 гг. Состояло из 25 глав и 967 статей (по разделам: «Суд о крестьянах», «О посадских людях», «О поместных землях», «О суде», «О разбойных и о татинех делах» и др.). Считается, что это Уложение окончательно закрепостило крестьян. (Прим. науч. ред.)

Например, в 1669 г. «великий государь указал стольника князя

Григория Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова». (Прим. науч. ред.)

Пугикарев С. Г. Обзор русской истории. СПб., 1999.

Салтыкова Дарья Николаевна, правда, окончила жизнь не на плахе, а в тюрьме — смертная казнь вполне в духе сегодняшних гуманных времен была заменена пожизненным заключением. В тюрьме она провела 33 года. Умудрилась далее нажать ребенка от тюремщика.

Подсчитано, что к моменту отмены крепостного права доля крепостных и дворовых в общем населении России составляла менее 28 %, тогда как в конце XVIII в. (шестью с небольшим десятилетиями ранее) она равнялась 54 %. Миллионы крестьян вышли за это время на волю.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000.

Первые известные приказы: Ловчий (1509), Казенный (1512), Большого дворца (1534), Ямской (1550), Большого прихода (1554), Земский (1564), Стрелецкий (1571). Всего приказов известно больше 80, но среди них много было временных, для управления недавно вошедшими в состав Московии или отдаленных земель создавались территориальные приказы типа Малороссийского или Сибирского. *(Прим. науч. ред.)*

В Палату пэров попадали и такие, как, например, лорд Карнарвон, который во время шумных дебатов поддувал вверх перышки, чтобы они подольше держались на воздухе. Или как один из герцогов Суффолкских, который, попав в палату лордов и сев на свое место, тут же каменно засыпал. Ни разу за 30 лет не удалось его добудиться до конца заседания. (Прим. науч. ред.)

Выборы представителей на Земские соборы (количество членов не было определено и колебалось в районе 200–500 человек, а иногда и больше) проходили в уездных городах и в волостях. По их завершении составлялся протокол собрания, который заверялся всеми участвовавшими в выборах. Протокол отправляли в Москву (т. к. Центризбиркома еще не было, то — в Посольский или Разрядный приказ). А следом в Москву отправлялись сами выборные, которые брали с собой необходимый запас провианта или денег. Заседания соборов могли проходить годами, надо было запастись всем необходимым. Представляю себе ангары на Охотном ряду, в которых хранятся продукты для нынешних депутатов Государственной Думы!

Предлагает кандидатуру премьера по традиции монарх.

Если же говорить о «пассивном избирательном праве», т. е. о праве быть избранным, то избирательная кампания члена парламента в те же 1840-е гг. стоила в лучшем случае тысячу фунтов стерлингов. Это — годовой доход с крупного имения или с активной торговой фирмы, средний же торговец имел в год фунтов 300; машинист на железной дороге (очень престижная, выгодная работа) получал в месяц 6–8 фунтов.

Горянин А. Мифы о России и дух нации. М., 2001.

Сейчас говорят похоже — «крючкотворы».

Земля высказывает свое мнение и по поводу воцарения Федора Алексеевича в 1676 г. Народ высказал свое мнение и по поводу воцарения царевны Софьи и ее братьев Ивана и Петра в 1682 г. Если уж мы о демократии: сам монархический принцип на Руси, оказывается, допускает одновременное правление трех царей... И никому это «почему-то» не мешает.*(Прим. науч. ред.)*

Это в любом случае было для прагматичной самодержавной власти крайне удобно. Особенно с учетом грубого религиозного, православного характера общества. Формально Государь на то и Государь, чтобы править единолично. И ни к какому собору он мог не апеллировать. Но: во-первых — традиция. Во-вторых, в моральном плане опора на поддержку собора, т. е. ВСЕЙ ЗЕМЛИ, полностью развязывало властям руки. А как же? Царь — от Бога. Глас народа — глас Божий. Просто и ясно. Народ и партия едины.

Талантливый поэт Тао Юаньмин в IV в. не хотел становиться чиновником и вел образ жизни частного лица. Его сурово осуждали за это. (Прим. науч. ред.)

До Смоленской войны 1632–1634 гг. Польша не считала законным избрание на престол Романовых. Право на русский престол сохранялось за Владиславом вплоть до июня 1634 г., когда он официально отказался от претензий на трон Московии и признал Михаила Федоровича Романова царем и «братом» — т. е. особой равной королю. (Прим. науч. ред.)

Один из учеников Лейбница, Вульф, зашел еще дальше: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинами, а уши — музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию». (Прим. науч. ред.)

Бугиков А. А. Россия, которой не было. М., 1997.

Бугиков А. А. Россия, которой не было. М., 1997.

И может быть, самое страшное — «великие реформы» вобьют клин огромных размеров между двумя группами россиян: одним из них в приказном порядке велено европеизироваться, другим это категорически запрещено. Пройдет два-три поколения, и «народ» — т. е. 98 % населения, почти перестанет понимать остальные 2 %. Даже язык, вроде бы один и тот же русский язык, у этих слоев изменится, и говорить они начнут все больше по-разному. (Прим. науч. ред.)

В точности как потом гимном стало: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Только слово «насилия»> здесь неуместно. Полная противоположность.

Восхваляя административный гений Петра, пусть попробует уважаемый читатель прочесть хотя бы пару петровских Указов. Ей-богу, ум за разум зайдет. Длинно, путано (тогда стиль не только письма, но и разговора был подобный. На это скидку надо делать. Это называлось — велеречивость. — Прим. ред.), непонятно. Многословие и словоблудие в духе устных выступлений без бумажки первого Президента СССР. При этом требовалось непререкаемое исполнение от точки до точки. Что мог уразуметь из этих документов забитый и запуганный произволом петровский чиновник — уму непостижимо.

Даже собственные потомки Петра, мягко говоря, не были в восторге от его деятельности. А. А. Мосолов, царедворец времен Николая II, оставил такое свидетельство: «Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях великого Петра (в связи с 200-летием Петербурга). Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность Государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

— Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечение западной культурой и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но оно мне несимпатично».

Известна цифра, названная П. Н. Милюковым: мол, к 1710 г. исчезло 20 % тяглого населения Московии. При этом Павел Николаевич считал, что не все из этих 20 % погибли, по крайней мере третья часть тех, кого недосчитались, — просто беглые или ушедшие в разбойники. (Прим. науч. ред.)

Мы до сих пор изучаем историю Российской империи, написанную от имени 2 % населения и представителями этих 2 %. А ведь в стране жили не только дворяне и европеизированные чиновники-разночинцы. Образ жизни, образ мышления и культурные нормы, которыми руководствовались 98 % населения, для современной исторической науки словно бы не существуют. А стоит копнуть поглубже, и мы увидим огромное и очень демократичное общество. (Прим. науч. ред.)

Когда в 1712 г. Петр венчался с Екатериной, их дочери, Анна (впоследствии супруга герцога Голштинского) и Елизавета (будущая императрица Елизавета Петровна), бывшие тогда в возрасте 5 и 3 лет, исполняли на свадьбе обязанности фрейлин.

Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга X. М., 1963.

Прусский посол Марфельд доносил своему правительству, что все русские (он имел в виду, конечно, собравшееся в Москве дворянство) хотят ограничения абсолютизма, но не могут договориться о его степени. «Партий бесчисленное множество, и хотя все спокойно, но, пожалуй, может произойти какая-нибудь вспышка», — писал в январе из Москвы испанский посол де Лириа. «Здесь на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента», — писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян. Послы доносили, что в Москве одни стояли за конституцию, как в Голландии, другие за парламент, как в Англии, третьи за шляхетскую республику, как в Польше, четвертые за образец брали Швецию.

Записки сосредоточиваются на схеме высшего управления империей и на привилегиях дворянства. У них, в общем-то, довольно много общего.

Верховное правительство называют в проектах по-разному: и Сенатом, и Верховным советом. По проектам в нем должно быть от 11 до 30 членов и больше 2-х членов одной семьи не допускаются: видимо, сразу 4 Долгоруких из 8 членов Верховного Тайного Совета, заседавшего в ночь на 19 января, производит очень уж сильное впечатление на дворянство. Как-то хочется менее семейственной политики...

Очень большое место в проектах занимает описание, какие разряды дворянства должны выбирать членов Верховного Тайного Совета, Сената, президентов коллегий и даже губернаторов. По некоторым проектам, к выборам допускается все дворянство, по другим — только «знатное», но все дружно считают, что если даже допускать духовенство и купечество к обсуждению каких-то вопросов, то только к тем, которые их непосредственно касаются.

Во многих проектах предлагается ограничить срок службы дворянства, отменить единонаследие, позволить вступать в службу сразу офицерами и т. д.

Лишь в единичных проектах вообще упоминается крестьянство. И речь идет вовсе не об отмене крепостного права, не об ограничении поборов, а в лучшем случае, об ограничении подушной подати, т. е. того, что крестьянин платил не владельцу, а государству. «Послабляя» крестьянину его тяготу в пользу государства, господа помещики вовсе не склонны облегчать тяготу крестьян в пользу помещиков...(*Прим. науч. ред.*)

Ну если не считать «массовым» восстание декабристов.

Весь XVIII в. в Петербурге ходила легенда, будто канцлер Михаил Воронцов, автор текста знаменитого Манифеста о вольности дворянской, советовал императору издать еще и Манифест о вольности крестьянской... И будто бы император проявлял интерес и даже как бы просил подготовить текст Манифеста... Иные договаривались даже, что не случайно гвардия «убрала» Петра III, ставшего опасным для дворянства. Характерно, что такой слух по Петербургу ходил. Видимо, дворяне понимали, что если им дана вольность, то могут дать ее и крестьянам.

Число депутатов от казаков предоставлено было определить их высшим командирам. Выборы уездные и городские были прямые, по провинциям — трехстепенные. Дворяне-землевладельцы уезда под председательством выбранного на два года дворянского предводителя, а горожане-не-домохозяева под председательством тоже на два года выбранного городского головы прямо избирали депутата в Комиссию. Только самые большие города могли избирать выборщиков по городским частям.

Однодворцы и другие свободные сельские обыватели упомянутых разрядов, «дом и землю в погосте (сельском приходе) имеющие», выбирали погостных поверенных, которые избирали поверенных уездных, а из их среды выбирался провинциальный депутат. Таким образом, в Комиссии представлены были центральные правительственные учреждения, некоторые сословия, инородческие племена.

В городах в выборах участвовали все домохозяева, лица всякого звания, т. е. городские выборы были всесословными. (Прим. науч. ред.)

Фонвизин М. Политическая жизнь в России М. А. Фонвизин // Библиотека декабристов. Вып. IV. 1907.

Фонвизин Д. Л. Собр. соч. Т. I-II. М.—Л., 1974.

Ключевский В. О. Указ. соч.

Число депутатов от казаков предоставлено было определить их высшим командирам. Выборы уездные и городские были прямые, по провинциям — трехстепенные. Дворяне-землевладельцы уезда под председательством выбранного на два года дворянского предводителя, а горожане-не-домохозяева под председательством тоже на два года выбранного городского головы прямо избирали депутата в Комиссию. Только самые большие города могли избирать выборщиков по городским частям.

Однодворцы и другие свободные сельские обыватели упомянутых разрядов, «дом и землю в погосте (сельском приходе) имеющие», выбирали погостных поверенных, которые избирали поверенных уездных, а из их среды выбирался провинциальный депутат. Таким образом, в Комиссии представлены были центральные правительственные учреждения, некоторые сословия, инородческие племена.

В городах в выборах участвовали все домохозяева, лица всякого звания, т. е. городские выборы были всесословными. *(Прим. науч. ред.)*

Состав депутатов оказался невероятно пестрый. Над одним и при том над очень сложным делом — выработкой законов призваны были работать петербургские генералы и казанские черемисы, экономические крестьяне и купцы, православные священники и мусульмане. На одном из заседаний член Святейшего синода митрополит Новгородский и Великолуцкий Димитрий Сеченов сидели рядом с представителем некрещеных казанских чувашей Анюком Ишелиным, который плохо знал русский язык. (Прим. науч. ред.)

При выборах прямых, городских и дворянских избиратели, выбрав депутата, составляли комиссию, которая три дня выслушивала от избирателей заявления об их нуждах, а потом в другие три дня сводила эти заявления в наказ. Эти наказы комиссия прочитывала избирателям и вручала депутату. При трехстепенных выборах провинциальных депутатов от сельских жителей погостовые или приходские избиратели составляли «всенижайшее челобитье» о своих нуждах. Специальный поверенный передавал наказы уездному поверенному, а тот — своему провинциальному депутату.

Каждый провинциальный депутат вез с собой в Комиссию столько челобитий или наказов, сколько было погостов с обывателями его разряда в представляемой им провинции. Крестьянский депутат Архангельской провинции, например, привез 195 погостовых наказов. Впрочем, чаще из погостовых челобитий составлялся сводный уездный и даже провинциальный наказ. Первый наказ, заслушанный Комиссией, был от черносозных крестьян Каргопольского уезда Белозерской провинции Новгородской губернии.

Депутат отвечал перед обществом своих избирателей за своевременное представление их ходатайств в надлежащие учреждения. Он не мог противоречить этому наказу, и в случае личного несогласия с ним должен был сложить с себя полученные полномочия. (Прим. науч. ред.)

Если верить одному из свидетельств, Александр спросил Сперанского о его впечатлениях от Франции и от французов...

— Законы у них лучше, Государь... — ответил Сперанский. — Но у нас лучше люди.

— Вот о том и надлежит нам говорить, чтобы законы у нас тоже стали хороши, — ответил император.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1993.

Читатели «Комсомолки» поведали мне такую показательную историю. Как-то Николаю на утверждение попало дело некоего крестьянина, который в кабаке плюнул на портрет Императора. Мужику грозила каторга. Резолюция Николая:

мне тоже на него наплевать;
нечего вешать мои портреты в кабаках;
отпустить с Богом.

Может, и выдумка придворных «пиарщиков», но что-то больно их много, таких «PR-выдумок» о Николае «Палкине». А дыма без огня не бывает.

Это, кстати, отдельная, и очень увлекательная история, во многом предопределившая крах николаевской России в Крымской войне.

В России помнят имя Генриха Шлимана. Происходил он из бедняков, в детстве служил разносчиком в лавке. В лавку часто заходил совершенно спившийся тип, из лучших времен помнивший наизусть стихи Гомера, знаменитую «Илиаду». Мальчик просил его читать наизусть и даже покупал ему водку — лишь бы послушать. Генрих Шлиман с тех пор мечтал найти Трою, описанную в «Илиаде» Гомера. Целеустремленный юноша не только выучил несколько языков, в том числе и древнегреческий. Он смог накопить огромное состояние и тратил его на ведение раскопок. Генрих Шлиман сумел осуществить мечту своей юности и в конце концов нашел Трою Гомера, доказал подлинность «Илиады»...

Такова легенда. Не буду сейчас говорить о том, что ученые очень сильно сомневаются, Трою ли нашел Шлиман или принял за нее совершенно другой древний город. Что и неудивительно — специального образования у него не было, в наше время никто не позволил бы ему вести раскопки. Для этой книги интереснее другое... Свое богатство Генрих Шлиман сколотил на поставках в русскую армию времен Крымской войны. Шлиман поставлял в действующую армию сапоги с картонными подметками и тухлую солонину, но средства для раскопок у него в результате появились. Об этом источнике богатств Шлимана в наше время считается неловким упоминать. А собственно говоря, почему? (Прим. науч. ред.)

В 1865 г. Земствам разрешили даже учреждать наряду с государственной и земскую почту со своими правилами и таксами. Одновременно им предоставили право иметь и свои почтовые марки, но с тем неременным условием, чтобы марки эти по своему рисунку не имели ничего общего с марками государственной почты. *(Прим. науч. ред.)*

17 января 1895 г. император Николай II принял представителей земств и городов, чтобы выяснить их настроения. Царь и земства остались друг другом недовольны.

8 июня 1903 г. состоялся I съезд «земцев-конституционалистов» в Москве. Это движение подготовило создание партий октябристов и кадетов 23 июня 1905 г. и 18 октября 1905 г. 11 июня 1904 г. в Петербурге закрылся Земский съезд, на котором были приняты конституционные требования из 11 пунктов.*(Прим. науч. ред.)*

Выборы были многоступенчатыми, проводились по четырем неравноправным куриям: 1) землевладельческой, 2) земледельческой, 3) городской и 4) рабочей.

Норма представительства составляла: 1 выборщик на 2 тыс. населения в землевладельческой курии, на 4 тыс. — в городской, на 30 тыс. — в крестьянской, на 90 тыс. — в рабочей.

Для участия в выборах по землевладельческой курии устанавливался земельный ценз — владение от 100 до 650 десятин земли в зависимости от местности и имущественный ценз — наличие недвижимой собственности стоимостью не менее 15 тыс. руб.

Городские избиратели в столицах и 24 крупных указанных в законе городах составляли один разряд (избирательная курия), пользующийся правом двухстепенной подачи голосов, то есть избиратели выбирали выборщиков, а последние в одном собрании — членов Думы.

Избиратели в уездах и всех других городах образовывали два разряда: крупные землевладельцы и владельцы $\frac{1}{10}$ ценза и священнослужители. Первые выбирали двухстепенными выборами, а вторые — трехстепенными, т. е. на предварительных съездах избирали уполномоченных, которые на уездных съездах вместе с крупными землевладельцами избирали выборщиков для губернского избирательного собрания.

Для крестьян и рабочих предусматривалась сложная многоступенчатая система выборов.

По рабочей курии каждый завод, фабрика, предприятие горно-заводской промышленности, железнодорожная мастерская с числом рабочих мужского пола от 50 до 1000 чел. избирали 1 уполномоченного. Наиболее крупные предприятия избирали уполномоченного от каждой тысячи рабочих. Уполномоченные всей губернии собирались на губернское собрание уполномоченных от рабочих. На нем избирались выборщики для участия в губернском избирательном собрании.

Выборщики губернии от всех курий (от уездов, городских избирателей и крестьян) избирали установленное законом число членов Государственной Думы на губернском избирательном собрании. (Прим. науч. ред.)

Городская курия делилась на курии 1-го (крупная буржуазия) и 2-го разряда (мелкая буржуазия и городская интеллигенция). Теперь в курии землевладельцев 1 выборщик приходился на 230 избирателей, в 1-м разряде городской курии — на 1000 избирателей, во 2-м разряде — на 15 тыс., в крестьянской курии — на 60 тыс., в рабочей — на 125 тыс.

Число членов 1-й и 2-й Государственной думы от 50 губерний — 412, от 10 губ. Царства Польского — 36, от Кавказа — 32, от Сибири — 20, от Закаспийских областей — 19, от сибирских казаков, кочевых калмыков и киргиз и холмской православной епархии — 5, всего 524 (с 1907 г. — 442 чел.). (Прим. науч. ред.)

В постановлении уточнялось, что речь идет об ограничениях в части: водворения, жительства и передвижения; приобретения права собственности и иных вещных прав; всякого рода занятиях ремеслами, торговлей и промышленностью; участия в акционерных и иных товариществах; найма работников; поступления на гос. службу, участия в выборах, занятия должностей в правительственных и общественных установлениях; поступления в учебные заведения, занятия преподаванием и воспитанием; исполнения обязанностей опекунов, попечителей и присяжных заседателей; употребления иных языков в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных заведениях и при ведении торговых книг.

Выборы в Учредительное собрание состоялись в различных избирательных округах 12–14-го и в последующие дни ноября, а также в декабре 1917 г. и даже в начале января 1918 г. В выборах участвовала почти половина избирателей. 40–44 % (до 59 % вместе с близкими к ним украинскими и мусульманскими социалистами) голосов получили эсеры, 22–24 % — большевики, 13–17 % — несоциалистические демократические партии (примерно 5 % кадеты), 2–3 % — меньшевики и до 1 % — народные социалисты (энесы). В общем списке избранных членов Учредительного собрания было 370 эсеров, 175 большевиков, 86 представителей национальных групп, 40 левых эсеров, 17 кадетов, 16 меньшевиков, 2 энеса и 1 неизвестной партийности. В масштабах страны наибольшее число избирателей — прежде всего крестьян в деревнях — продолжало считать эсеров своей партией. Значительное большинство избирателей поддержало тех, кто осудил и признал Октябрьский переворот незаконным.

«Политический журнал», № 1, 2008 г.

Шульгин В. В. 1920. М., 1990.

Первым стал Совет уполномоченных в Иваново в мае 1905 г. Всего же за годы революции 1905–1907 гг. появились 62 Совета, в т. ч. Совет солдатских и казачьих депутатов в Чите. Советы матросских, рабочих и солдатских депутатов были в Севастополе. В Тверской губернии появились Советы крестьянских депутатов. (Прим. науч. ред.)

Заметим, ни в одной стране и ни у одного народа Европы, кому бы СССР их не навязывал, все же не привились Советы! И ничего похожего на Советы не появлялось ни в одной европейской стране независимо от СССР. В Индии во время восстания сипаев в 1856 г., в Персии во время революции 1911 г. появилось что-то похожее на Советы. И в Китае, в Корее Советская власть укрепилась. (Прим. науч. ред.)

1 июня 1917 г. собирается Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 25 октября, в канун Октябрьского переворота — Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. А ведь есть еще и крестьянские советы... 10–25 ноября проходит Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Уже 26 ноября — 10 декабря 1917 г. — Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Началось объединение Советов разных групп населения, выстраивание стройной системы Советов. 13 января 1918 г. прошло слияние двух съездов: Третьего Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. К марту 1918 г. процесс слияния Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов окончательно завершился. Тогда же (10–11 марта) Советское правительство переехало из Петербурга в Москву. Это очень символический поступок — фактически разрыв с традицией Петербургского периода нашей истории. (Прим. науч. ред.)

Помню, в 1980-е, в эпоху «перестройки», в прессе много говорилось о мамах с пятью детьми. Работает разнорабочей, получает 90 рублей, основная еда всей семьи — макароны и картошка. Но таких было единицы, и до такого состояния себя надо было еще довести. Во всех странах и при любом социально-экономическом строе есть такая же «голь перекатная». И в Российской Федерации она есть. (Прим. науч. ред.)

По данным британских профсоюзов, каждый год в Британии 10 тыс. чел. лишаются жилья, как неплатежеспособные. Для советского человека такая ситуация была чем-то вроде предутренного кошмара. (Прим. науч. ред.)

Аксенов В. В поисках грустного бэби. М., 1997.

Сейчас еще больше абсурда. Даже примеры приводить не надо. (Прим. ред.)

До сих пор наши Университеты дают глубже и качественнее образование, чем многие университеты мира! (Прим. ред.)